

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ЦИТАДЕЛЬ БОГА СМЕРТИ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ЦИТАДЕЛЬ БОГА СМЕРТИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1993

ББК 84. 7 США
Ц 74

Цитадель бога смерти: Фантастические романы /
Ц74 Пер. с англ. — Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993.-
542 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5—85513—009—6

Ц 4703040100 — 07 Без объявл.
ЛР 061507 — 93

© Молокин М. А., 1993,
составление.

ISBN 5—85513—009—6

© Заплавный А. А., 1993,
оформление.

ДЖУАНИТА КОУЛСОН

ЦИТАДЕЛЬ БОГА СМЕРТИ

Фантастический роман

Глава I

БАЗАР В КУРЕДЕ

Как только торговый корабль обогнул мыс, матросы стали быстро брать рифы и брасовать реи. Устойчивый ветер с Северного Кларического Моря превратился в хороший бриз, когда корабль вошел в Куредскую гавань. Рулевой, хорошо знакомый с этими ветрами и водами, предвосхищал все команды и провел корабль среди предательских мелей без всяких неприятностей. Будучи в безопасности между мелями и береговым прибоем, корабль направился прямо к западному берегу.

Куредская гавань была вся забита рыболовными судами и торговыми кораблями. Несколько военных кораблей, предназначенных для патрулирования вдоль побережья, защиты от пиратов и от нападения, стояли у набережной или сопровождали вновь приходящие корабли. Двигаясь с небольшой скоростью, только что прибывший корабль плыл по рейду. Тут было тесно и матросы стояли у поручней, предупреждая, когда корабль подходил слишком близко к препятствиям или маленьким лодкам.

Два человека, которые раньше помогали матросам на вантах, теперь оставили эту работу тем, кто лучше знал порт, и пошли на нос, чтобы видеть, как причалит корабль.

Столица Куреда была выстроена в устье небольшой реки. Гавань находилась в объятиях каменных утесов, которые защищали город от нападения и от разрушительных штормов. Эта крайняя северная страна омывалась теплым южным течением, которое защищало ее от холода. Куред был настоящий оазис зелени на самом краю вечных льдов и сейчас он наслаждался приходом весны и длинными светлыми днями. Деревья и виноградники обрамляли по-

бережье моря и реки, цветы украшали склоны холмов за городскими стенами.

Капитан вышел на палубу, чтобы осмотреть команду, но остановился поболтать с пассажирами, стоящими на носу.

— Ну, вот мы и на месте, парни. Я же обещал вам, что моя «Идущая по волнам» доставит нас в безопасности в Куред как раз к празднеству Гетании.

— Как раз вовремя,— вежливо согласился высокий юноша.

— Да. И не было никакой угрозы от пиратов, которых мы заметили вчера.

Капитан посмотрел в море и задумчиво поскреб свою бороду.

— Должно быть боги заставили их смотреть в другую сторону. Я не могу понять, почему они не погнались за нами и не попытались ограбить нас.

— Да?

Пассажиры лукаво улыбнулись друг другу, как будто между ними была какая-то тайна. Затем высокий юноша с красивыми волосами сказал:

— Празднество Гетании. Вы сказали, что это наиболее почитаемая богиня в Куреде?

— Она для них жизнь, так же, как и для Ирико, потому что она приносит им тепло, чтобы растаял снег.— Капитан осмотрел их и спросил: — Вы у себя на острове не поклоняетесь Гетании?

— О, мы уважаем ее, конечно, но... сыны Грос-Донака больше владеют нашими мыслями.

— Вы боитесь моря и штормов, как и мы, да? — шутливо сказал капитан.— Здесь, на севере, вы должны научиться молиться Омайтатлу, великому богу Ирико, Лорду Близзардов. Но сейчас время Гетании. Я думаю, что там, откуда вы пришли, тепло круглый год и нет необходимости просить мать Землю послать весной солнце.

Опять юноши загадочно улыбнулись, предоставляя капитану возможность думать все, что угодно.

— Когда мы причалим, мы сможем сойти на берег, капитан? Мы отработали наш проезд?

Капитан озадаченно мигнул от неожиданной перемены темы.

— А, ну конечно, парни. И в любое время, как только вам понадобится корабль, прошу плыть со мной. Вы уверены, что вы не моряки?

Как и вопросы о их родном острове, капитан задавал этот вопрос в течение всего их путешествия, причем, только частично в шутку. Капитан знал, что они не члены сою-

за матросов, но они не были и пассажирами, надоедающими всякими ритуальными действиями. К тому же они знали все, что надо делать на корабле, и делали это весьма искусно, что еще больше удивляло капитана.

— Клянусь, что вы околдовали нашего рулевого, и он прошел все волны и шквалы так ловко, как только можно. А вы, вы бегаєте по мачтам так быстро, как никто не может.

Второй юноша сел на поручни и пожал плечами.

— Это же моя профессия. Все акробаты могут так.

— А я простой фокусник, не больше,— добавил второй.— Эрейзан и я не матросы, хотя мы благодарим вас за комплименты. Мы только... актеры. Не больше.

Его взгляд устремился куда-то вдаль, руки приняли такое положение, как будто держали румпель, и юноша как будто направлением мысли управлял кораблем.

— Было время...

— Тирус,— послышалось мягкое предупреждение.

Капитан ждал, надеясь узнать побольше. Но то настроение, которое развязало язык Тируса, исчезло после дружеского напоминания.

Разочарованный капитан повернулся, чтобы идти на корму. Внезапно Тирус взял его за руку, чтобы задержать на мгновение и спросил с притворным беспокойством:

— Прошу прощения, но если публика здесь будет недовольна нами, на севере дальше есть порты?

— О, есть одна или две опасных бухты, предназначенных только для спасения кораблей от штормов или льдов. Но последнее место, где можно получить провизию, это Куред. И не думайте двигаться дальше на север, ребята. Куред — это конец мира!

Когда капитан ушел, Тирус сел на поручни напротив Эрейзана. Он смотрел на темные воды, согреваемые теплым течением и образующие небольшие водовороты, которые проносились мимо гладких бортов «Идущей по волнам». Резкие запахи соли и океана постепенно вытеснялись запахами города и гавани, ароматом цветов и молодой травы. Набережная и ряд дубовых столбов начинались от берега реки и доходили до каменных причалов близ городских стен. Доки были полны народом: торговцы, рабочие, матросы. Караван плотов из Ирико спускался по реке, освободившейся от льда, и смешивался с многочисленными баржами и кораблями в гавани. Корабли были украшены флагами близлежащих Кларических островов и городов, расположенных на южном побережье океана. Но флагов Куред со скрещенными копьями было больше всего. Веселые вымпелы полоскались на ветру с башен крепости, зна-

менуя начало празднества. Тирус и Эрейзан смотрели на открывшееся перед ними зрелище и испытывали смешанные чувства — радостное ожидание конца путешествия и мрачное предчувствие того, что они здесь обнаружат после высадки на берег.

Капитан и команда корабля знали, что они не матросы. В их речи чувствовался легкий акцент, а потрепанные плащи и туники были сшиты по моде южных островов. На Эрейзане были матросские штаны, но Тирус был одет в брюки, какие носили городские жители, но сшиты они были не по местной моде. Кроме акцента и одежды были и другие отличия. Тирус был выше, чем большинство клариканцев. С длинными руками и ногами. высокий и стройный, он был красив, и его скромный вид не мог скрыть изысканности манер. Даже среди клариканцев, в большинстве своем высоких блондинов, он привлекал внимание ростом и изяществом. Эрейзан имел самый обычный вид, крепкий, мускулистый, с жесткими рыжими волосами. Благодаря своему простецкому виду он легко сближался с людьми. Как и у всех рыжих, кожа его была очень чувствительна к солнцу. Оба друга были бородаты. Бородка Тируса была аккуратно подстрижена, а борода Эрейзана была такой же жесткой и непослушной, как и его волосы.

— Тебе не следовало говорить это,— заметил Эрейзан после некоторого молчания. Он старался говорить тихо.— Насчет того, что было. Ты собирался вспомнить время, когда ты командовал флотом.

Со вздохом Тирус согласился.

— Да. И плавал на гораздо лучшем корабле, чем «Идущая по волнам», громя пиратов. Интересно, что подумал бы капитан, узнав, что я ослепил пиратов при нашем приближении и поэтому они не стали гнаться за нами.

Эрейзан нахмурился и предостерегающе показал на несколько матросов, работающих поблизости.

— Осторожно. Они могут услышать.

— Они ничего не подозревают, друг мой. И кроме того, уличные циркачи и актеры всегда говорят загадочно и ведут себя как лорды.

— Или как принцы? — сказал ворчливо Эрейзан. Его руки крепко сжали поручни — Или как преступники. Играя в игру, для которой они не рождены, притворяясь циркачами и притворяясь, что ничего не могут помнить...

Тирус положил руку на плечо друга и легонько сжал его.

— Если они будут отомщены, то скорбь и горе покинут нас.

Опасный огонек в глазах Эрейзана исчез.

— Ты прав.— Он снова стал покорным.— Я ругаю тебя за то, что ты помнишь, а сам все время живу в прошлом... Он заметил взгляд Тируса, устремленный на город, и спросил с надеждой: — Врадуир?

Тирус внимательно рассматривал толпу на берегу, как бы в поисках кого-то. Эрейзан занялся стряхиванием грязи и водяных брызг с маленького потрепанного мешка, который был единственным багажом для них обоих. Мешок лежал на палубе. Теперь Эрейзан подал его другу. С отсутствующим видом Тирус взял его и сунул подмышку, плотно закрыв его плащом. Он был наполнен вещами более важными, чем запасная одежда или золото, там находились принадлежности искусства Тируса. Через некоторое время он встретил немигающий взгляд Эрейзана и сказал:

— Он теперь близко. Я могу потрогать паутину его колдовства.

Эрейзан сжимал и разжимал кулаки. Затем он воскликнул:

— Он должен быть в Куреде. Дальше он не мог убежать.

— Терпение. На западе есть еще Ирико. А на севере, в мире вечной тьмы, есть запретное государство Бога Смерти.— Тирусу жаль было разбивать надежды Эрейзана, тем более, что он их разделял. Но он предпочитал честно смотреть в будущее.

Голос Эрейзана перешел в сдавленный шепот:

— Я... я тоже чувствую его присутствие. О, боги, пусть это будет конец погони. Не дайте Куреду пострадать так же, как пострадал Камат.

При этом они оба смотрели на берег, ища вулкан. Однако перед ними лежала плоская равнина. На ней не было видно вулканов с языками пламени и дыма над их жерлами, не было потоков лавы, не было ничего, что предвещало бы возможную катастрофу, которая уже врезалась в их память и в их сердца. Холмы за стенами Куреда были низкими и зелеными, без всяких следов вулканической деятельности. Небо было безоблачное и ослепительно яркое. Золотой диск Иезор-Пелувы посылал на Землю свет и тепло. Но глаза Тируса были устремлены на зловещую черноту на северном крае неба. Ему казалось, что эта темно-серая завеса предвещает колдовство.

«Идущая по волнам» подплывала к берегу, маневрируя между другими судами, матросы с которых кричали всякие непристойности, но словесные перепалки не переходили в драки или вооруженные столкновения. С глу-

хим стуком корабль пристал к набережной. Матросы соскочили на пирс и привязали его. Капитан и его люди вознесли молитвы Грос-Донаку и его сыновьям, благодаря богов неба и моря за спокойную воду и попутный ветер во время всего их плавания. После благодарственных молитв матросы стали разгружать корабль, доставляя на берег экзотические товары и драгоценную посуду, изготовленную в знаменитых мастерских Серса-Орнайля. К месту выгрузки поспешили торговцы и затеяли оживленный разговор с капитаном. Такая же бурная торговля шла вдоль всей набережной. Плащи торговцев хлопали на ветру, капитаны ругались, матросы гремели при переноске грузов, все стремились заключить выгодную для себя сделку.

Тирус и Эрейзан соскочили на набережную и остановились, чтобы попрощаться со своими товарищами на корабле.

— Удачной торговли и безопасного плавания на свой остров, — пожелали они матросам.

— Побольше вам заработать, актеры. Не слишком доверяйте этим Куредцам. Многие из них принадлежат клану Разил и они не чистые клариканцы, как мы, из клана Лорит, а наполовину Ирико. И держитесь подальше от их женщин! У этих Ирико и Разиланцев по несколько жен и они ужасно ревнивы. Эй! Берите только золото, которое вы сможете тратить везде!

— Об этом они говорят все время, — сказал Эрейзан.

Он и Тирус оставили сзади все эти советы и направились к городским воротам.

— Золото и мех грира. Вот все, о чем они могли говорить во время путешествия. Получить побольше шкурок и золота...

— Когда я был маленьким, — сказал Тирус, — я всегда думал, откуда привозят этот роскошный мех. И вот я здесь. Их золото, говорят, самое чистое во всей Кларике. Маленькая богатая страна этот Курад. Нам здесь нужно многому научиться за короткое время — как они делают монеты из золота, как они измеряют расстояние. Чем лучше мы узнаем местные обычаи, тем успешнее будут наши поиски Врадуира.

Они прошли через большой склад, где в беспорядке лежали тюки, мешки, ящики, висели связки шкурок грира. Купцы, торговавшие здесь, были окружены хорошо вооруженными телохранителями и частной полицией. Все они смотрели на Тируса и Эрейзана с подозрением. Юноши распахнули свои плащи, чтобы показать, что при них нет

никакого оружия, кроме маленьких ножей на поясе, но стражники все равно следили за ними.

— Они следят за нами, как будто мы воры или грабители,— пробурчал Эрейзан.

Он посмотрел на солнце и прищурился.

— Все это говорит о том, что товары, которые они охраняют, действительно ценные,— сказал Тирус. Он вздохнул и продолжал: — Надеюсь, что раз мы без мечей, то полиция Куреда не обратит на нас внимания. Ведь это уже сослужило нам хорошую службу в других странах.

— Да, мы уже обошли много стран. И вот мы здесь.

Эрейзан расстегнул свой плащ и привязал его к поясу.

— Если мы будем вести себя как безвредные идиоты, они забудут о нас.

Тирус посмотрел на городские башни, заметил вывешенные флаги.

— Кажется, что монарх в резиденции, да и вся знать Куреда тоже здесь. Наверное, готовятся к празднеству.

— Уличные актеры должны плясать от радости при мысли о таких богатых покровителях. Я не прочь что-нибудь заработать, чтобы купить еды получше, чем та, которую мы ели на корабле.

Тирус рассеянно согласился с ним, продолжая осматривать все вокруг.

— Монарх Куреда должен быть доволен. Много кораблей, хорошая торговля, сытый и богатый народ...

— То же было и в Камате,— угрюмо сказал Эрейзан.

Кивнув, Тирус направился к воротам. Было ясно, что Куред не боится нападения, так как ворота были распахнуты, приглашая в город путешественников и моряков. Стражники стояли на постах, охраняя подходы к башням и стенам. Но вид у них был беспечный, как у людей, много лет подряд не знавших серьезных войн. У ворот стражники формально осматривали Тируса и Эрейзана и задали им несколько незначительных вопросов прежде, чем пропустить в город. Менее просто было удовлетворить людей в униформе, с ног до головы увешанных оружием. Это были не солдаты, а полицейские, настороженные, подозрительные. Долгое время двое из них сопровождали Тируса и Эрейзана, проходящих мимо стен и внутренних укреплений. Наконец, они потеряли к ним интерес и снова отправились к воротам искать кого-нибудь более подозрительного.

Два друга вели себя так, как будто они не замечали, что за ними следят. Но как только полицейские удалились, они посмотрели назад одновременно, очевидно, их мысли совпали. Рыжеголовый прошептал:

— Это должно быть, местные сыщики, охотники за во-рами.

— Тогда они нас не беспокоят. Мы же не воры.

— И тем не менее полицейские задерживали и допрашивали нас и в Бендине, и в Тор-Нали, и в Атее.

Эрейзан смотрел на уходящих полицейских и далеко отстал от Тируса. Торопливо, мелкими шажками он догнал друга, сказав:

— Сыщики обратят на нас меньше внимания, если ты не будешь вышагивать, как король или лорд.

Извинившись, Тирус изменил походку.

— Старые привычки! А что касается сыщиков, то на этот раз мы будем внимательней и постараемся не иметь с ними дела. Мы должны очень осторожно выбрать того, кого мы будем расспрашивать о богатом корабле или незнакомцах, которых видели бродящими у острова сокровищ...

— Помни, Куред находится на континенте. И матросы правы, все население — наполовину Ирико и многие из них имеют несколько жен,— сказал застенчиво Эрейзан.

Тирус был тоже смущен. Две провинции и живущие в них племена соприкоснулись и перемешались в Куреде. Он представил себе карту Кларики, которую когда-то изучал, и вспомнил, что Куред — это всего лишь маленькая точка на самом краю карты. Куред был клином, отделяющим Ирико от открытого моря и от островных провинций в том месте, где граница Ирико ближе всего подходила к берегу. Так как эти народы были так близко расположены друг с другом, то появилось много смешанных браков с поразительными результатами. Желтоволосые, смуглые, высокие клариканцы соединились с беловолосыми бледными и еще более высокими жителями Ирико. Это привело к тому, что население города состояло из людей с самыми разнообразными оттенками цвета волос и кожи. Теперь же, в преддверии праздника, это разнообразие еще более усилилось. Здесь появились темноглазые и темнокожие люди. Тирус видел мужчин и женщин явно Крантинского происхождения. И все же он не заметил никого из Сарли, но он не был удивлен, если кто-нибудь из этих маленьких курчавых людей совершил далекое путешествие из своей страны сюда на север в Курад. Это береговое королевство находилось на самом перекрестке торговых путей и его население намного увеличилось в связи с праздником весны. Толпа была разнообразна по своему составу, но большей частью приветлива. Правда, несколько неожиданных ссор возникло по поводу несогласия в ценах и на религиозной почве. Но эти шумные ссоры быстро утихли без всякого вмешательства

со стороны полиции. В общем, Куред поразил Тируса своей цивилизованностью, которую он не ожидал встретить в пограничном государстве на краю мира.

Здесь звучали сотни различных диалектов. Сначала Тирус боялся, что их акцент привлечет внимание жителей Куреда и его полиции, но теперь он забыл об этом. В таком смешении языков и наречий никто и не заметил двоих, говорящих с явными интонациями жителей одного из южных Кларических островов. Тирус вслушивался, но такой речи, как у него и Эрейзана, он не слышал ни у кого. Это означало, что их враг находится где-то в другом месте. Капитан Дрие и его команда — и их могущественный хозяин — не могли полностью забыть мягкий язык Камата за один год. Им нужно искать до тех пор, пока он и Эрейзан не услышат знакомый акцент и не увидят его обладателя.

— Иногда я думаю... как было бы просто, если бы можно было отбросить все наши предосторожности и открыто спрашивать, не видел ли кто-нибудь человека, похожего на меня, только старше, — сказал он.

— Врадуир не похож на тебя, — возразил Эрейзан, рассматривая его. — Совершенно.

Тирус оставался угрюмым и его друг уточнил сказанное.

— Когда-то вы были очень похожи. Зло изменило его облик до неузнаваемости.

— Для тебя и для меня, возможно. А для того, кто впервые встретил его, было бы очевидно, что мы одной крови, — сказал Тирус с горечью. — Я не могу отречься от того, что он дал мне жизнь.

— И попытался отобрать ее, — закончил с ухмылкой Эрейзан.

— Мы должны побыстрее найти его, мой друг. Я с ужасом думаю, что же он собирается сделать. Он потерял Камат. Но его амбиции... это ужасает меня, Эрейзан. Я знаю, какими силами он управляет, какую жажду власти...

— Мы найдем его, — сказал Эрейзан. Затем, чтобы отвлечь друга от мрачных мыслей, он продолжал: — Что за город Куред. Думаю, он мне понравится. Дворяне в мехах грира и в жемчуге, а крестьяне одеты в невыделанные шкуры. Каменные топоры и мечи! Ты видишь эти тонкие шпаги, которыми вооружена полиция?

— Это шпага Ирико, сказал Тирус. — Могу тебе сказать, что они так же смертоносны, как и самые толстые мечи Кларика и обоюдоострые мечи крантинцев.

Они подошли к торговцу шерстью, который расположился со своими тюками под аркой ворот, ведущих на

центральную городскую площадь. Там находился и шумел базар. Но Тирус и Эрейзан остановились послушать спор торговца с группой крестьян. Они остановились, притворившись, что задержаны караваном пони, нагруженных тюками с шерстью. Торговец был недоволен малым количеством товара, который привезли крестьяне. Один из возчиков сказал:

— Если тебе нужна шерсть с горных овец, то поезжай собирать ее сам. Мы больше не пойдем на север.

— Да,— продолжил другой, возбужденно кивая головой.— Демоны унесли целые кланы в страну Бога Смерти, за Ледяной лес...

— Суеверная болтовня! — выругался торговец. Его охранники переглянулись и расхохотались над страхами крестьян.— Думаю, что вы просто обленились и не желаете ходить по холмам. Но я предупреждал вас, что если шерсть не будет собрана ранней весной, она будет стоить гораздо дешевле.

— Заплати нам то, что мы заработали,— упрямо сказал крестьянин.— На север мы больше не пойдем.

Затем послышались крики, ругательства, началось размахивание рук. Но у Тируса и его спутника уже не было повода для того, чтобы задержаться. Караван ушел. К тому же разговор о том, что случилось в северных районах Куреда утонул в ругани и воплях, так что оставаться здесь смысла не было. Размышляя о том, связано ли это как-нибудь с их врагом, они прошли под арку.

Для стороннего наблюдателя Тирус и Эрейзан бродили по базару совершенно беспорядочно. Ему бы показалось, что они всего лишь смотрят представления уличных актеров. Но они искали. Гнев и боль в душе связывали их и вели.

Они смотрели жонглеров и танцоров, привлечших внимание толпы. Дрессировщики зверей демонстрировали укрощение хищников. Торговцы расхваливали качество своего товара. Игроки пытались втянуть простаков в игру, чтобы до нитки обобрать их. Несколько одетых в меха варваров из наиболее мирных северных племен Куреда ходили по базару, дружески улыбаясь жителям города. Шныряли проститутки в поисках клиентов. Одна миловидная девушка заговорила с друзьями и без стеснения продемонстрировала им свои прелести. С явным сожалением они объяснили, что еще не заработали достаточно денег, чтобы оплатить ее услуги. Вздыхнув, она удалилась подыскивать более обеспеченных клиентов. Медленно друзья бродили по рынку, шепотом обмениваясь впечатлениями, смеясь над за-

бавными сценками, свидетелями которых они оказывались, но не забывали о цели своих поисков.

Когда прошли жрецы, то на рынке все дела прекратились. Наступало время поклонения Матери Земли. Священники казались счастливыми, когда выставили для всеобщего поклонения священные реликвии Гетании Адрил-Лур. Горожане приветственно ревели и Тирус с Эрейзаном с удовольствием к ним присоединились: «Хай! Ниях! Хай-ян Гетания!» Это была молитва и клич в битве против врага, который осмелится бросить вызов главной богине Куреда. В южных странах, которые покинули Тирус и его друг, Мать Земли звалась Этания и она была менее могущественна, чем бог природы Арииоб. Здесь, во владениях Гетании, они без колебаний славили ее как высшее божество. Смертные должны чтить богов страны. Так было везде, чтобы человек не вызвал гнева богов. Они узнали много новых богов и молитв им, которые были неизвестны им до того, как Вradуир разрушил их дом. Но еще нигде во время своих странствий Тирус не чувствовал себя так легко, как здесь, на крайнем севере, среди счастливых поклонников Матери Земли.

Эрейзан был с ним согласен.

— Как они наслаждаются! — воскликнул он.

— Возможно, чтобы забыть известия о похищенных крестьянах? — спросил Тирус, снова становясь угрюмым.

— Этот торговец не поверил рассказу. Почему мы верим?

— Много есть странных вещей, — сказал Тирус. — Корабль, который плавает в штормовом море безбоязненно и укрывается с помощью магии, ворует сокровища из-под носа самых бдительных охранников и приносит их Вradуиру...

Крепко сбитый Эрейзан весь напрягся от гнева:

— Я хочу найти капитана Дрие и его команду так же сильно, как и Вradуира! Предатели.

Они замолчали и стали осторожно, постепенно изучать нравы и обычаи этого города. В других местах их расспросы и поиски вызывали подозрения. Они теперь хотели исключить возможность таких подозрений здесь, в Куреде.

Большой праздник захватил всех. Продавцы вина делали хороший бизнес, продавая огромное количество вина из бурдюков, висящих на спинах пони, и из громадных бочек, установленных в основных аллеях, отходящих от площади. Многочисленные музыканты увеличивали всеобщий шум. Торговцы лошадьми громко расхваливали достоинства своих животных и заслуживали заинтересованные взгляды со стороны Тируса и Эрейзана. Они раньше

видели и ездили только на покрытых красной шерстью лошадях, обычных для Кларики. Здесь, в Куреде, торговали лошадьми из Ирико темно-серой и белой мастей, и даже продавали несколько черных, привезенных из Крантина. Опять друзья прошли мимо заманчивого товара, проклиная свою бедность. Они прошли мимо и торговцев птицей, петухами и курицами, а также какими-то неизвестными, покрытыми шерстью, птицами, которых, как уверяли продавцы, можно обучить различным фокусам.

Пройдя мимо них, друзья подошли к торговцу драгоценностями, который криком созывал покупателей. Тирус был настолько высок, что он мог свободно рассматривать товары через головы покупателей. Он с большим любопытством слушал, как продавец расхваливает свои драгоценности.

— Жемчуг из глубин ледяного моря, изумруды, знаменитое чистейшее золото Куреда, серебро с острова Крантина и Бендина! И еще! Рожденные в пещерах Бога Огня — легендарные белые кристаллы, которые не берет ни меч, ни камень!

Многие из его клиентов были очень богаты. Среди них, одетых в роскошные одежды из дорогих материалов, Тирус и Эрейзан выглядели бродягами. Охранники этого торговца внимательно следили за юношами, сжимая свои дубинки. Тирус принял надменный вид и спросил:

— Нет ли у тебя чего-нибудь получше? Есть черная жемчужина величиной с человеческий ноготь? Или изумруды в золотом обрамлении? Или этих редких камней цвета голубого льда, которые подвешены к золотой цепи, усыпанной бриллиантами?

— Слушай, иностранец! — Веселое возбуждение торговца быстро переходило в легкий гнев. — Ты говоришь о короне Гетании? Откуда она у меня? Я не скупаю у пиратов награбленное ими.

— О, неужели святая корона украдена из Серса-Орнайля? — спросил Тирус, изобразив удивление.

— Вся Кларика знает об этом, наглый пес! Иди прочь, а то мои охранники займутся тобой. — Торговец кричал с большим возмущением, чем того требовала ситуация. — Ты и твой рыжий дружок, уходите прочь!

Эрейзан рассвирепел при слове «рыжий». Тирус потащил его прочь и не отпускал, пока они не отошли достаточно далеко.

— Я бы разогнал этих охранников. Они слишком толстые. Нет ни настоящих костей, ни мышц на них, — ругался Эрейзан.

Тирус успокоил его жестом. Он сказал спокойно:

— Они знают о краже короны Гетании. Я наблюдал за их лицами, пока ты описывал ее. Ты понимаешь, что это значит, друг мой? Корона была украдена месяц назад, когда загадочный корабль видели близ утесов Серса-Орнайля. Если люди не врут, то корабль отплыл в сторону Куреда...

Гнев Эрейзана быстро угас. Он кивнул.

— Ты думаешь, что торговец участвовал в краже? Он из людей Врадуира?

— Нет. Я проник в его мысли. Он боится колдовства и того, что его обвинят в кощунстве за похищение короны богини. Но торговец много слышал рассказов о таинственном корабле, укrywшемся в бухте, возможно к северу от города. А когда я чувствовал прикосновение Врадуира, мне показалось, что нити колдовства исходят оттуда, с севера.

Эрейзан поморщился.

— Мы так долго охотимся за Врадуиром, Тирус. Когда же мы загоним его в угол?

— Я уверен, что скоро. Пока я не могу сказать точно, где он прячется. Нам нужно узнать побольше, прежде, чем мы двинемся на север. Не пора ли дать наше представление? — внезапно сказал Тирус. — Мы будем изображать актеров, как это мы делали в других городах и портах. Когда народ смеется и веселится, он болтает более свободно.

Они пошли в самую гущу базара, проталкиваясь сквозь толпу и высматривая место, удобное для представления. Наконец, Эрейзан показал на лестницу замка, которая оказалась пустой, и сказал:

— Вот это самое подходящее место...

— Совсем не подходящее.

Это сказал Крантиец, черные волосы которого уже начали седеть. Его лицо было обезображено чумой и самые страшные места он прятал под усами и бородой. Он казался лет на десять старше Тируса и Эрейзана. Грубый акцент жителя Крантина смягчался вследствие долгого житья в других странах. Меч он носил в ножнах по обычаям крантинцев, а не на перевязи, как предпочитали народы северных провинций. Его одежда была дикой смесью различных мод: Крантинский плащ, широкая блуза Кларика, широкие штаны, какие носили жители Ирико. У него не было нескольких передних зубов, а те, что оставались, были в зазубринах и придавали ему хищный вид. Он широко улыбался, хотя его улыбка была какой-то волчьей.

— Почему не подходящее? — спросил Тирус.

— Потому что оно принадлежит свирепому Стратаю. Будет очень плохо, если он найдет вас тут. Конечно, вы не будете оскорблять его, но он очень туп и зол и напустит на вас полицию.

Шуплый незнакомец, примерно одного роста с Эрейзаном, пристально смотрел на Тируса и покручивал усы. Его черные глаза блестели.

— Стратай имеет двух свирепых охранников, с которыми вам вряд ли будет приятно встретиться. Поэтому мы лучше поищем для вас другое место для выступления. Пошли.

Удивленные, они последовали за ним, окружив его с двух сторон. Эта осторожная тактика позабавила незнакомца. Он продолжал беседовать с ними сердечным тоном.

— Актеры, да? А что вы делаете? Позвольте мне угадать. Вы — жонглеры? Нет? Не жонглеры? А, я знаю. Ты один из тех ловких дьяволов, которые гнутся, прыгают и летают — акробат! А! А ты? Я думаю, что ты что-то вроде колдуна.

— О, я только простой маг,— поспешно сказал Тирус. Он постарался создать о себе впечатление, как о простом фокуснике, а не о могущественном волшебнике.— Боюсь, ты слишком заботишься о нас,— сказал он преувеличенно театральным тоном, соответствующим его виду.

— О, конечно,— незнакомец передразнил и поклонился ему. Затем он снял свою маленькую, украшенную перьями, шляпу.— Я Роф. Скажите, чем вас заинтересовал тот болтливый торговец драгоценностями? Что вы там высматривали? Возможность ограбить его? Это было бы чересчур дерзко для вас, только что прибывших в Куред. А вы вовсе не кажетесь такими идиотами.

Друзья молча обменялись взглядами, и Тирус сказал:

— У нас вовсе не было намерения обокрасть его. Если ты хочешь сообщить о нас в полицию, то это будет несправедливо.

— Сообщить? — Роф стоял подбоченившись и хохотал во все горло.

Несколько человек обернулись на этот смех, думая, что выступают актеры. Но когда они увидели, кто смеется, они быстро ретировались, так как все знали, кто такой Роф. Он встал между Тирусом и Эрейзаном и фамильярно обнял их за плечи. Роф повел их по базару.

— Уверяю вас, что я не осведомитель.

— Ты работаешь только за деньги,— сказал Тирус, подмигнув Эрейзану.

Роф сильно хлопнул его по спине с такой непосредственностью, что юноша поперхнулся и только спустя некоторое время смог восстановить дыхание.

— Да! Я знал, что вы не простые ребята. Я это сразу увидел.

Тирус и Эрейзан были насторожены, ожидая какой-нибудь ловушки. Они легко могли бы освободиться от объятия Рофа, но они этого не делали. Темноглазый Роф обезоруживал их своим шутливым обращением и какой-то веселой сердечной бесчестностью.

— Но если вы хотите ограбить этого костлявого купца, послушайте, что я вам посоветую. Вы должны напасть на него в его доме или когда он с караваном возвращается на побережье из Улинии или Валил-Таса. Но это опасно. Он слишком труслив, чтобы путешествовать без сильной охраны. Лучше напасть на него в доме. Конечно, там есть его охранники и полудикие собаки-волки, которых он держит на длинной цепи. Нет, это слишком сложно. Выберите что-нибудь попроще, вот вам мой совет.

— Ты говоришь все это, исходя из собственного опыта, да? — сказал ехидно Эрейзан.

Роф бесстыдно улыбнулся, оскалив свои желтые зубы.

— О, очень большого опыта, акробат! Все, что ты хочешь узнать о Куреде, ты можешь узнать от меня.

Роф внезапно остановился и показал на небольшое пространство между столбами под навесом. Три грязных юнца в лохмотьях сидели там и играли в камушки. Когда Роф окликнул их, они забегали, как три крысы, застигнутые в мясной лавке. Сжавшись в комочки, они ждали его приказа и моментально исчезли прочь, когда он пренебрежительно махнул им рукой.

— Пошли вон! Я даю это место своим новым друзьям.

Он помолчал, явно ожидая, чтобы они представились. Тирус и Эрейзан назвали свои имена. Они уже долгое время путешествовали анонимно и на сей раз не решились довериться Рофу. Лицо Рофа прояснилось и он задумчиво повторял их имена, пока Тирус осматривал новое место. Никто, кроме них, не претендовал на эту площадь, которую освободили ребята по приказу Рофа, хотя место было очень хорошее и находилось вблизи пересечения главных дорог через базар.

Эрейзан почесал голову и спросил Рофа:

— Почему ты так заботишься о нас? Ты знаешь, что у нас нет денег, чтобы расплатиться с тобой.

— Пока нет,— какая-то недоговоренность чувствовалась в его вежливом приветливом тоне.— Не сомневаюсь, что

вы заработаете денег, но, возможно, не столько, чтобы заинтересовать меня. У меня большой аппетит, как вы уже поняли.

— Плата за место для нас, которое ты предоставил? — спросил Тирус. — Ты нам позволишь расплатиться попозже сегодня?

Роф сделал жест, как будто хотел отказаться от предложения, но это выглядело не убедительно.

— Ну хорошо, если вы такие честные ребята, приходите вечером в Таверну Карманников.

— Это, наверное, очень веселое место, — сказал Тирус, подмигивая ему.

— Действительно, веселое, если вы не полицейские и не сыщики — а вы ни то, ни другое. Вы сможете найти там хороший эль, жареную баранину и свинину и пару проститутток, весьма сведущих в искусстве улаживать мужчин. Неплохо, а? — И Роф ткнул пальцем под ребра Эрейзана.

Эрейзан ответил неожиданным и болезненным толчком в тощий живот Рофа. Роф вскрикнул от удивления и схватился за живот. Когда он отошел немного, он справедливо оценил удар, вернув Эрейзану его проказливую улыбку. Эрейзан расслабил мышцы и сдвинул в сторону свой плащ, свернутый на поясе.

— Подождите, — сказал Роф, — я же вам не сказал ничего о Таверне...

— Разве? — Тирус расстегнул плащ свой и положил мешок на ступени. Внутренняя сторона плаща была разрисована магическими символами и загадочными рисунками, как это обычно принято у уличных фокусников.

— Ты же сказал нам достаточно: Таверна — это притон воров и рабителей, где не жалуют людей короля.

Роф сделал гримасу.

— Ты меня разочаровал, фокусник. В Куреде нет короля. У нас королева Джателла. Она правит Куредом после смерти своего отца прошлой зимой. Такие умные парни, как вы, должны были бы это знать.

По правде говоря, они об этом знали еще тогда, когда отплывали из Серса-Орналя. Но Тирус изобразил удивление.

— Мертв? Как же он умер?

— Как? — Роф подумал, пытаясь припомнить такой незначительный факт. — У него было что-то с легкими, как мне говорили. Он долго болел, даже во время войны, которую он вел с варварами на северных границах.

— Обычная смерть, да? От болезни? Не внезапная? Не... загадочный случай? — Тирус не смог полностью

скрыть свое облегчение при этих новостях. Роф смотрел на него с холодным любопытством.— Тогда долгих лет жизни его дочери. Ты сказал, что ее имя Джателла?

Роф не хотел уклоняться от столь интересной темы. Он рассеянно полез под плащ и достал кнут, который был спрятан у него под поясом. Он достал его не для того, чтобы угрожать друзьям, а скорее для того, чтобы занять руки. Он искусно смахнул кнутом мусор со ступеней.

— Загадочные случаи? Так вас это интересует, да?

— Конечно, так как всякие странности помогают развлекать публику.

— М-м... Странности... Этого нет в Куреде. Нет сказочных летающих пони, какие, говорят, живут в Сарлосе. Нет морских драконов. Правда, говорят о злых духах, обитающих в северных районах страны, демонах, которые похищают крестьян и уносят их в Ледяной лес. Роф плюнул и стал загонять кнутом мусор в лужу.— Я был во всех северных провинциях и в Ледяном лесу и я смеюсь над этими рассказами...

— Ну, конечно, ведь Роф ничего не боится,— поддел его шутливо Эрейзан.

Гнев сверкнул в темных глазах Рофа. Затем он сам посмеялся над этим.

— Да нет, я боялся, но оказался там не из-за дурацких слухов об исчезновении каких-то крестьян.

— Но исчезновения были?

Тирус не смотрел на Рофа. Он делал какие-то движения и жесты, привлекая внимание прохожих, которые думали, что видят прелюдию к представлению.

Роф смотрел на руки Тируса, когда говорил...

— Возможно были. Эти странные события на севере... Но это не ново. Все это сплетни и рассказы. Несколько лет назад крестьяне рассказывали нечто подобное.

С пальца Тируса стекал дымок голубого и красного цвета. Этот дым перемешивался, проходя через воздух, и превращался в пурпурный туман. Затем этот дым превратился в ничто с громким треском. Люди видели это и быстро собирались вокруг, ожидая еще более удивительных штук. Тирус обворожительно улыбнулся собравшимся зрителям и тихо, чтобы слышали только Роф и Эрейзан, продолжал:

— Я всегда интересуюсь такими странными историями. Маг и фокусник всегда может использовать их в своих представлениях. Ну, скажем... история о волшебном жеребце короля-героя, или о короне Гетании, или о бесценной золотой цепи человека-рыбы из Бендина, или о музыкан-

те, который мог вызывать души людей и богов, звуки его арфы приманивали птиц с деревьев...

Пощипывая свои маленькие усики, Роф добавил:

— Если уж говорить о знаменитых кражах, то лучше всего вспомнить о гобеленах Маиту. А! Даже здесь, далеко на севере от островов Арниоба, я слышал об этой краже два года назад.

— И это тоже.

Игра уже превратилась в обман ударами и контрударами. Все трое понимали ее опасность. Роф, казалось, был доволен, что оказался втянут в войну умов. Продолжая в том же отсутствующем тоне, Тирус сказал:

— Ты знаешь что-нибудь такое?

— Возможно. Приходите в Таверну Карманников, как мы уговорились. Я вам расскажу об этом и даже больше...

— Но мы не воры,— запротестовал Эрейзан. И так как Роф не ответил, он раздраженно добавил: — И мы не можем больше терять времени, если хотим заработать себе на ужин и на крышу на ночь.

Он разбежался по направлению к колоннам, подпрыгнул почти до крыши и сделал в воздухе несколько головокружительных переворотов.

Тирус помогал ему, выпуская дым и производя треск своими пальцами. Он делал из дыма кольца и Эрейзан прыгал сквозь них, в то время, как Тирус громко кричал:

— Благородная публика! Подождите немного! Мы покажем вам представление, которое заставит вас удивляться и наслаждаться...

Пока Эрейзан делал серию красивых прыжков, Роф повелительно стукнул по плечу Тируса.

— Я настаиваю, фокусник. Приходи вечером в Таверну со своим другом. Это только для вашей пользы, и вы не пожалеете, если придете.

Тирус обернулся к Рофу и удивился странному изменению выражения лица этого бандита. Его самоуверенность внезапно сменилась страхом. Роф быстро смотал свой кнут и спрятал его. Затем он закутался в плащ, который закрыл его шпагу и другое оружие. Не говоря больше ни слова Тирусу и Эрейзану, он смешался с толпой и исчез из виду.

Эрейзан закончил свое выступление и, запыхавшись, остановился рядом с другом.

— Куда девался этот разбойник?

— Не знаю. Он побегал в толпу, как побитая собака с поджатым хвостом. Не знаю, почему.

Эрейзан, подняв руки и весело улыбаясь, приветствовал зрителей, благодаря их за аплодисменты.

Акробат тихо прошептал:

— Этот шакал, должно быть, сбежал от сыщиков.

— Не думаю.

Тирус не видел никого из тех, кого можно было бы принять за сыщиков. Правда, к маленькой толпе зрителей, собравшихся вокруг Тируса и Эрейзана, присоединились двое новых. Это были две молодые женщины, которые протискивались через толпу в первые ряды, весьма заинтересованные в том, чтобы увидеть представление.

Глава 2

ДЖАТЕЛЛА И ИЛИССА

— О, Гетания, это же фокусник! — воскликнула одна из женщин. Она говорила с каким-то сильным простонародным акцентом. Когда все вокруг нее стали насмехаться над ней, она сжала ручку кинжала, висящего на поясе, как будто предупреждала о том, что шуток и насмешек не потерпит.

Она была довольно высокая и одета по моде варваров в кожаную тунику, широкие штаны и меховой плащ. Ожерелье из волчьих клыков было единственным ее украшением. Капюшон и полумаска почти полностью скрывали ее лицо. Тем не менее ее выгоревшие на солнце волосы медового цвета выбивались из-под капюшона. По мнению Тируса, ее волосы были слишком чистыми, чтобы принадлежать женщине из племени варваров. Кожа ее была нежной, а в светло-голубых глазах чувствовались интеллект и одухотворенность. Она стояла в падающей позе с высоко поднятой головой. Кроме ее кинжала у нее на поясе висел меч. С широкой улыбкой в поклоне Тирус жестом своим разрисованным плащом по пыльной мостовой.

— Приветствую тебя, очаровательная воительница с Куредских границ. Приветствую и твою прекрасную подругу, эту милую танцоршу!

Обе они были удивлены. Одета в кожу быстро сказала:

— Но я не знаю ее. Она не моя подруга. Мы... мы только что познакомились.

— О, прости мою ошибку, воительница. Я заметил, как она цепляется за твой плащ и прячется в твоей тени, и я подумал...

Маленькая женщина прошептала какие-то извинения своей подруге. Но она не отпустила ее плащ и не выходила из-за ее спины. Вздыхнув, высокая девушка сказала:

— Мы... кузины. И ничего больше, фокусник.

Несмотря на успокаивающее «кузины», танцорша плотнее закуталась в прозрачную вуаль. Браслеты украшали ее руки и ноги, а на груди видел золотой талисман, изображающий богиню Гетанию. Складки вуали обрисовывали ее прекрасное тело. Волосы у нее были очень светлые, почти белые, как у жителей Ирико. Тирус предположил, что ее глаза такого же цвета, как и у высокой женщины. Она все время скрывалась за своей подругой, изредка выглядывая оттуда, чтобы с любопытством посмотреть на Тируса и Эрейзана.

— Она... она очень стеснительная,— сказала воительница. Она дружески положила руку на дрожащие плечи подруги.— Они тебе не сделают ничего плохого. Они актеры.

Ее иностранный акцент многое сказал Тирусу. Хотя она говорила громко и грубо, как женщина из диких горных племен, хорошо поставленный голос и отработанные интонации выдавали ее. То, что она старалась казаться не тем, что есть на самом деле, увеличило его подозрения. Интересно, танцорша тоже переодета? Действительно ли они кузины или между ними более тесное родство? И почему они переодеты и стараются быть не узнаваемыми?

Он опять поклонился, более почтительно.

— Гетания любит скромность. Мать Земли и ее приближенные должно быть восхищаются вашим искусством. А теперь мы постараемся доставить удовольствие вам своим искусством.

Эрейзан ткнул его в бок и прошептал:

— Узнай, кто они!

Акробат восхищенно смотрел на женщину, закутанную в вуаль.

— Всему свое время,— успокоил его Тирус.— Сначала надо завлечь зрителей в нашу сеть. Давай, покажи им, как ты можешь прыгать, если еще можешь.

— Смотри!

Энтузиазм Эрейзана встревожил Тируса. Костер ярких волос летал и вертелся в воздухе так высоко и стремительно, что зрители охали от изумления. Некоторые кричали предостережения, боясь, что в результате таких прыжков и переворотов Эрейзан сломает себе шею. Хотя Тирус и знал высокое искусство Эрейзана, он тоже беспокоился. Редко когда во время представления Эрейзан демонстрировал такие сложные и рискованные трюки.

Наконец, Эрейзан обхватил колонну руками и, держась за нее, вытянулся во всю длину совершенно горизонтально. Затем он изящным прыжком соскочил на землю и приблизился к другу. Тирус наклонился к нему и прошептал:

— Хватит. Если ты сломаешь себе череп, то мы никогда не узнаем имя скромной танцорши.

Эрейзан рассмеялся, как проказливый ребенок, но пообещал, что будет поосторожней и внимательней.

Весь в сомнениях Тирус отпустил его и сказал:

— Теперь я продолжу то, что мы так хорошо начали, а вы хорошо приняли.

Тирус обратился к целому пантеону таинственных духов. Все эти ужасные имена и заклинания были простой тарабарщиной, но он знал, что зрители всегда с удовольствием слушают такой таинственный и непонятный жаргон, и чем он более непонятный и пугающий, тем это больше нравится зрителям. Он говорил глубоким басом, тщательно выговаривая каждый слог. Две женщины, как и все остальные зрители, внимательно следили за ним, широко раскрыв глаза. Тирус хлопнул в ладоши и в его руках вспыхнуло золотое пламя. Зрители замерли в изумлении. Затем огонь рассыпался в пыль и зрители были еще более поражены, увидев, что на его руках сидят два голубя.

— Как это у него получилось?

— Он... наверное, это у него спрятано под плащом.

Какой-то горожанин с грубым лицом приблизился к Тирусу и стал обыскивать его плащ в поисках потайных карманов. Эрейзан хотел остановить его и тогда возникла бы ссора, но вмешался Тирус.

— Подождите, сэр. Пожалуйста, осмотрите мой плащ и скажите всем, что вы там нашли.

Тирус сбросил плащ и подал его удивленному горожанину. Тирус стоял спокойно, а Эрейзан с трудом сдерживал свое негодование, когда с неудовольствием наблюдал, как человек осматривает плащ, выворачивая рукава и карманы.

— Я... я не нашел... ничего,— наконец сдался любопытный мужчина.— Это самый обычный плащ.

Тирус рассмеялся и закатал рукава туники, показав всем, что они тоже пусты.

— Вы можете поддержать мой плащ, сэр, если хотите. Возможно это докажет вам, что он не имеет никакого отношения к моей магии.

— Я и не... сэр. Я не лорд и не дворянин.

— И не умный человек тоже,— ехидно добавил Эрейзан.

Женщина, одетая в одежду варваров, закричала:

— Покажи нам еще какие-нибудь фокусы. Что ты можешь еще? И что еще нам может показать акробат после того, что уже показал?

Опять, совершенно бессознательно, она говорила не как говорят варвары.

— О, очень многое, милая воительница. Смотри!

Тирус быстро проделал целую серию различных трюков. Он вынимал монеты из юса, ушей и волос зрителей, превратил грязный песок в огромное количество цветных шарфов и платков, извлек из корзины какой-то женщины целое семейство щенят, которые тут же превратились в мотыльков и улетели, вызвал дождь, который превратился в паутину, не успев замочить зрителей, которые с криками натянули плащи и платки.

Зрители были в экстазе, а Эрейзан ходил колесом вокруг друга.

— Это же искуснейший маг. Вы когда-нибудь видели что-либо подобное? Проник ли кто-нибудь так глубоко в тайны этого искусства?

Его акробатика не была такой исключительно бесстрашной, как в первый раз, но достаточно искусной, и с легкостью привлекла внимание зрителей. Среди публики было несколько скептиков, но и они не могли объяснить замечательную магию Тируса.

С большой ловкостью и искусством Тирус начал производить различные обычные плутовские штучки. Однако кто-то засмеялся и сказал, что это можно увидеть где угодно. Тирусу надо было комбинировать обычные фокусы с чем-то, что могло бы поразить самых упрямых и недоверчивых зрителей.

— Смотрите! Все это не в плаще. Тогда где же? В чем тайна? Где я храню все это? Как же осуществляется магия?

Он раскинул руки и крикнул:

— Свяжите меня. Милая воительница, можете ли вы связать мне руки? Докажем этим добрым людям, что все, что я делаю, я делаю без помощи рук.

Она колебалась мгновение, а потом подошла к нему. Ее маска чуть сдвинулась набок и открыла подбородок с ямочкой и привлекательный рот. Голубые глаза светились ехидством. Она поддалась на крючок, который бросил ей Тирус.

— Ну что же, фокусник, я согласна. Я свяжу тебя так, как тюк шерсти, которую везут на базар,— сказала она, доставая из-за пояса крепкий ремешок.

Она обвязала им кисти Тируса. Ремешок не врезался в кожу, но был затянут достаточно надежно и к тому же она проверила, чтобы он не смог освободиться. Она с таким

усердием завязывала его, что из-под капюшона выбились ее светлые волосы, которые локонами спадали на чистый лоб и высокие скулы. Тирус переводил глаза с нее на ее подругу, обследуя их мысли с помощью своего искусства и посмеиваясь про себя.

Эрейзан увидел возможность, которую он так долго дождался.

— А не завязать ли ему и глаза? Милая танцорша, я могу обратиться к вам за помощью? Нам нужен плотный платок, который бы мы смогли сложить несколько раз, чтобы свет совершенно не мог проникнуть сквозь него.

Он подошел к ней, но не притронулся к ее одежде и ждал ответа.

Она отошла в сторону, но не очень далеко и, казалось, она обдумывает его просьбу. Ее подруга обругала ее.

— Не бойся. Он не причинит тебе вреда. Дай ему шарф. Я хочу посмотреть, как фокусник будет делать свои чудеса с завязанными руками и глазами.

Танцорша нерешительно повиновалась. Ее ресницы сначала опустились, потом взлетели вверх и она застенчиво посмотрела на Эрейзана. Он взял шарф, который она ему предложила и постарался задержать ее пальцы в своей руке дольше, чем это было необходимо. Она не старалась освободить их. Со вздохом Эрейзан отпустил ее и вернулся к Тирусу.

— Смотрите! Я складываю его раз, потом еще, еще и еще!

Эрейзан демонстрировал каждое свое движение с большой помпой. Он пронес повязку по всей толпе, заставляя людей смотреть сквозь нее и убеждаться, что даже солнечные лучи не проникают сквозь повязку. Затем он завязал ею глаза Тируса. Тирус внимательно слушал болтовню Эрейзана.

— А теперь мы повертим его вокруг оси несколько раз. Он потеряет ориентировку и не будет знать, где он. Милая воительница, очаровательная танцорша, девушки! Идите сюда! Пусть все видят, что плутовства здесь нет! Запутайте ему мозги, если можете!

Все чувства Тируса обострились до предела. Он слышал мягкий звон ручных и ножных браслетов танцорши. Затем запахи кожи и меха, а также ароматы духов, помады, драгоценных масел, всего того, чем обычно пользуются знатные женщины. Эрейзан сильно сжимал его локоть. Тирус почувствовал, как его взяли маленькие руки и заставили его вертеться вокруг себя.

Сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее они вертели его. Женщины с удовольствием присоединились к игре, затеянной Эрейзаном. Когда они отпустили его, Тирус покачнулся, симулируя головокружение. Пара женских рук, которые были посильнее, крепко прижались к его груди для поддержки и он услышал, как высокая женщина сказала:

— О, Гетания, мы, кажется, перестарались.

Тирус подавил улыбку и забормотал:

— Что-то случилось? Куда я попал? Молю, скажите мне, это Тор-Пали? Атен? Серса-Орнаиль? Какой остров Кларики?

— О, боги моря и неба, он же свихнулся!

— Ну, больше представления не будет,— сказал другой зритель.

Тирус не стал затягивать комедию. Он сделал глубокий вдох и убедился в полном успехе своей магии по крикам удивления и восхищения, которое раздавалось вокруг него. Эрейзан комментировал то, что происходит вокруг него. Справа от него переговаривались две женщины.

— Смотри! — закричала в восторге танцорша. — Прекрасные маленькие куколки! И перья! О, Джа...

— Шшш! Не зови меня так. Помни свое обещание,— слышался голос другой девушки.

Какое имя собиралась назвать танцорша? Тирус представил себе, как женщина в мехах ущипнула свою «кузину», призывая к осторожности. Он использовал все свое искусство, не пострадавшее от наличия повязки на глазах, чтобы исследовать их настроение и внешние части мозга. Высокая девушка была также захвачена зрелищем, как и ее подруга.

— Исключительно! Он не может видеть и двигать руками и тем не менее творит такие чудеса. Я такого никогда не видела.

Забыв о предупреждении, танцорша воскликнула:

— Это настоящее волшебство, Джателла.

Тирус распространил свои чувства и обнаружил, что никто, кроме них троих, не слышал того, что эту женщину зовут Джателлой. Он сохранил эту информацию и решил заканчивать выступление. Прodelав еще серию трюков, он прошептал заклинание и повязка спала с его глаз, а веревка освободила руки. Туго затянутые узлы развязались сами таинственным образом.

Прижмурившись от яркого северного солнца, Тирус наслаждался сценой, открывшейся перед ним. Скомканная повязка и ремешок лежали у него под ногами. Целая ар-

мья кукол плясала у его ног и ног зрителей. Эти прелестные куколki весело отплясывали, приводимые в движение невидимыми нитями. Танец сопровождался музыкой, производимой невидимыми инструментами. Медные монеты, отражающие солнце, также танцевали, покачиваясь между куклами.

Он решил, что зрителям может надоесть это зрелище и необходимо его закончить, пока их восхищение не иссякло. Тирус сказал:

— Не достаточно, друзья. Теперь идите по своим делам.

Он выпустил клубы дыма, очаровательные куклы исчезли и музыка прекратилась. Некоторое время публика молчала, потеряв дар речи. Затем она разразилась восторженными криками.

— Увы! Я забыл сказать, чтобы они оставили мне эти монеты и они забрали их с собой.

Все засмеялись, поняв, что он намекает на плату за представление. Они начали кидать монеты, и Эрейзан закончил свою часть выступления, прыгая за монетами, переворачиваясь в воздухе и не давая монетам упасть на землю. Тирус поблагодарил всех изящным поклоном и сказал:

— Мы благодарим вас, добрые люди. Доброта и щедрость населения Куреда всем известна.

— Честная плата за хорошее представление,— сказал какой-то знатный дворянин. Его жена кивнула и поделилась своим восхищением с соседями.

— Дайте мне знать, когда вы опять будете давать представление. Мне бы хотелось посмотреть еще раз.

Тирус поклонился и опять повторил свои благодарности. Он прикоснулся ко лбу и сказал устало:

— Магия — это трудное ремесло. Мне необходимо отдохнуть и восстановить свои силы для будущего.

Эрейзан пересыпал монеты в ладонях.

— Он быстро восстановит свои силы благодаря вам. Здесь хватит денег, чтобы утолить наш голод и набить до отказа наши животы. Так что мы скоро будем готовы к новому представлению.

После бурных аплодисментов толпа начала расходиться прочь. Девушки, однако, не пошли со всеми. Тирус поднял ремешок и шарф и подал их «кузинам» с благодарностью за их вклад в выступление. Сделав это, он и Эрейзан стали пересчитывать деньги, как бы не обращая внимания на женщин. Их тактика сработала. Уязвленная воительница потребовала:

— Фокусник, я желаю знать, как ты делал свои последние трюки.

Тирус обернулся к ней, изобразив искреннее удивление.

— Но маг никогда не раскрывает своих тайн.

— Я видела много фокусников, но ни одного, равного тебе. Монеты из ушей, камни из-под ногтей — все это я видела много раз. А ты делал много такого, что я не могу понять, пока ты мне не объяснишь.

Пока она говорила с Тирусом, Эрейзан подошел к танцорше и стал пристально ее рассматривать. Это так же, как и притворное безразличие к ним, было тоже тактикой. Задача у Эрейзана была простой: она не могла выдержать пристального взгляда. Она все время отворачивалась и смотрела в сторону, не осмеливаясь посмотреть ему в лицо. Высокая девушка была совсем другой, и Тирус знал, что она быстро перейдет от любопытства к гневу, если он не сможет его предотвратить.

— Я простой бродячий маг и фокусник,— заговорил он.— Мы с другом бродим по всему миру, показывая свое скромное искусство и надеясь, что публика будет довольна.

Высокая девушка обошла его. Ее шаги были крупными и уверенными. Она осмотрела Тируса с головы до ног.

— Ты не выглядишь таким простым. Да и твое искусство вовсе не такое обычное. Кто вы? И откуда вы пришли?

Опять ее простонародный говор не смог скрыть повелительного тона и хорошо поставленного голоса. Тирус постарался говорить ровным и спокойным тоном:

— Ваша милость! Мы, Эрейзан и я, Тирус, прибыли из Камата.

— Камат? А где это?

Она откинула назад свои локоны. При этом она сдвинула маску, но не заметила этого, поглощенная расспросами Тируса.

Воспоминания до боли сжали его горло.

— Камат далеко на юге, за Хурибульским морем.

— Один из островов Арниоба, я думаю? — сказала она, просветлев.— Я слышала о них. Это далекое путешествие, фокусник, оттуда в Куред.

— Очень далекое.

Ее глаза сузились при следующем вопросе:

— Вы бежали от неприятностей? Поэтому вы поплыли так далеко?

— Мы законов не нарушали,— торопливо сказал Тирус.

Танцорша все еще находилась под пронизывающим взглядом Эрейзана. Как во сне она сказала:

— Может они что-нибудь ищут?

Ее подруга выругала ее.

— Не будь дурой. Ты слишком много платишь... рассказчикам всяких небылиц. Странствия ради поисков можно найти только в сказках. Они нас не обманут.

— Я... я только думала...

— Мы ищем,— сказал Тирус. Эрейзан с беспокойством посмотрел на него, но расслабился, услышав продолжение.— Мы странствуем по Кларике, чтобы увидеть то, что мы можем увидеть, и встретить то, что мы можем встретить. Иногда, однако, можно не путешествовать далеко, чтобы узнать много.

Он вытянул руку и маленькая точка света стала мерцать на концах пальцев. Обе женщины, не отрываясь, смотрели на светящуюся точку, пока Тирус внушал им:

— Путешествовать, путешествовать... далеко, далеко и еще дальше, на север. Встречать так много народа, простолюдинов и богачей, знатных дворян и их жен, королей и королев. Можете вы увидеть здесь, как мы путешествуем? Посмотрите внимательно на свет...

Четверо находились одни в небольшом уголке большого базара, потерянные в шуме и давке. Никто больше не видел волшебного света, горящего на пальцах Тируса, потому что он сделал так. Он сотворил свое заклинание для узкого круга лиц. Высокая девушка пыталась сопротивляться внушению, но маленькая танцорша была восхищена и очарована как ребенок.

— О, я вижу образы внутри шарика света. Острова и корабли в море, и дымящиеся горы, и города с флагами, и... но это же Куред! Это гавань Куреда и мы как будто входим в нее!

Тирус продолжал говорить мягким и вкрадчивым голосом:

— Видите базар и бедного фокусника и акробата? И видите двух женщин, молодых и прекрасных? Одна одета в одежду варваров, а вторая закутана в вуаль? Танцорша прячет свою красоту, потому что она так прекрасна, что каждый, кто увидит ее, будет всегда поклоняться ей и не сможет забыть никогда. Ее хорошо знают и чтобы ходить по улицам среди людей и быть неузнанной, она должна закутаться с головы до ног. А что касается воительницы, ее кузины... ее сестры...

— Стоп! — Высокая девушка прижала руки к глазам и отскочила в сторону, не желая смотреть на волшебный свет. Она схватила танцоршу и оттащила ее тоже.— Осво-

бодите ее! Приказываю вам! Освободите нас обоих! Вы нас околдовали!

Тирус сжал руку в кулак и светящийся шарик исчез в нем.

— Не тревожьтесь, леди. Я не хотел пугать вас. Все это игра воображения, иллюзии. Простите меня, леди, если я оскорбил вас.

Вернувшись назад, уже с меньшим гневом, высокая девушка сказала:

— Почему... почему ты называешь меня леди?

Она попыталась, но не слишком успешно, придать своему виду и языку побольше варварского.

— Разве этот титул не подходит вам? Несомненно, вы из благородных. Ваши мягкие руки, ваша речь, все выдает вас, леди,— сказал Тирус с открытой улыбкой.

Пока он произносил эти вежливые фразы, его мозг бешено работал, собирая воедино все крупницы информации, которые у него были. Все, что он узнал на близлежащих островах, на корабле, проходя через базар — и загадка разрешилась.

Все еще пытаясь изображать варварку, она сказала:

— Если... если ты сказал, что я из благородных...

— В вас королевская кровь,— поправил ее Тирус.— Да. Королева. Разве не так?

Она нервно хмыкнула.

— Ты хорошо споришь и убеждаешь. Но я думаю, что ты блефуешь, фокусник. Ты... ты не можешь знать этого. Если ты настоящий маг, открой... одну из моих тайн. Я не скажу тебе ни слова и она тоже.— Она указала на маленькую девушку.— Ни слова! Даже если ты вернешь свой магический свет. Королева! Какая чушь!

— Волшебный свет не нужен,— сказал Тирус. Он украдкой взглянул на нее и приложил руку ко лбу.— Я вижу сиятельных дочерей короля, последнего короля Куреда. Одна леди высокая — принцесса очень смелая и отважная. Другая — исключительно прекрасна, ее мать крови Ирико дала ей неописуемую красоту. Внутри своего дворца эти принцессы живут по тем правилам, которые установлены для лиц королевской крови. Но иногда эти правила становятся невыносимыми, как цепи узника, особенно для старшей сестры. И короткая тайная прогулка в город позволяет им облегчать свои страдания. Я вижу, как они разрабатывают план бегства, удаляют лакеев и слуг, переодеваются, чтобы их не узнали, и пускаются в увлекательное путешествие с приключениями. Боюсь, что их маскарада будет недостаточно и они будут раскрыты. Но они преуспели в своем

предприятию и даже больше. День свободы, свободы от этикета, наслаждение своей анонимностью, общение с простыми людьми.

Тирус отбросил позу ясновидца и прямо посмотрел на высокую девушку.

— Я вижу записи в анналах Куреда, я вижу имена новых правителей страны, королева Джателла и ее сестра Илисса.

Эрейзан был изумлен, как и женщины. Илисса вздохнула с облегчением.

— Он все знает, Джателла. Это конец. Я предупреждала тебя, что эта шутка не может длиться долго. О, я рада, что все кончилось до того, как случилось что-нибудь ужасное, что могло случиться.

Принцесса приподняла вуаль, закрывавшую ее лицо. Тирус припомнил все рассказы, которые они с Эрейзаном слышали. Теперь он увидел, что все они были несправедливы к Илиссе. «Прекрасная» — это слишком слабое слово. Лицо, которое открылось перед ними, было таким, что оказалось бы честь и богине.

Однако Тируса больше интересовало другое лицо. Королева Джателла нетерпеливо стащила свою маску. Она не была столь совершенна, как Илисса, но она была очень привлекательной женщиной. Как и у сестры, смесь крови Ирико с Клариканской, дала ей нежную кожу, правильные черты лица и в сочетании с медовыми волосами и высоким ростом весь ее облик производил сильное впечатление. Она приняла свое поражение с улыбкой.

— Я думала, что игра могла бы длиться дольше... Как ты раскрыл нас, фокусник? Я признаю поражение. Ты выиграл. Хотела бы я узнать, где в моем плане допущен просчет.

Тирус и Эрейзан хотели преклонить колени перед сестрами, но королева Джателла не позволила им. Она настояла на том, чтобы они оставались на ногах, и пожелала услышать, как же они были раскрыты. С притворным ужасом Тирус повторил свой протест.

— Я не могу раскрыть свои тайны, королева.

— Значит, я никогда не узнаю? Ты сказал, что мои руки? — Джателла вытянула свои длинные красивые пальцы и сделала гримасу. — А я сняла все кольца и оставила во дворце. Не помогло. В следующий раз я вся вымажусь в грязи. Тогда посмотрим, сможет ли какой-нибудь фокусник и маг распознать меня!

Илисса встревожилась при упоминании о следующем разе. Джателла погладила ее плечо, успокаивая. Затем она сказала:

— Ты умный парень, Тирус из Камата. Ты точно описал характеры. Мне очень надоедают королевские обязанности и я заработала себе по крайней мере один день без титулов, рангов и ответственности. Но как ты все это узнал?

Тирус заколебался, но, преодолев себя, он снова повторил:

— Простая магия, королева.

— На меня так много обрушилось этой зимой, после того, как наш отец ушел во владения Кета,— грустно сказала королева,— и когда засмеялась Гетания и началось празднество, я не могла сопротивляться. Я вспомнила времена, как мы с отцом ездили воевать на границы. Я была там свободна! Там женщины носят вот такие одежды,— сказала с улыбкой Джателла, показывая на кожаные штаны и тунику.

Илисса засмеялась над ней и Джателла игриво выдержала один из ее белых локонов из-под вуали.

— Как тебе не стыдно! — вскрикнула Илисса.

— Но ведь все было забавно, не так ли, малышка? Я же обещала тебе, что будет интересно. Ты была слишком долго взаперти и очень побледнела. Тебе нужен свежий воздух, чтобы не поблекла твоя красота! — сказала Джателла.

Внезапно Эрейзан отодвинул Джателлу в сторону и бросился к Илиссе. Затем и Тирус обнаружил причину: вор с ножом подкрался к ней и готовился срезать кошелек с деньгами.

— Простите, ваша милость,— прошептал Эрейзан, стараясь незаметно подобраться к вору.

Но принцесса вскрикнула, и этот крик послужил предупреждением вору. Он бросился бежать и исчез в толпе. Эрейзан кинулся за ним, но Тирус властным окликом вернул его. Однако, все это привлекло к ним внимание. Народ стал выяснять, что случилось, и тут же обнаружилось, что у некоторых пропали кошельки. Послышались крики, призывающие полицию. Другие увидели женщину в вуали и изумление появилось на их лицах. Мужчины почтительно кланялись, а женщины делали глубокие реверансы.

— Королева! Это наша королева и принцесса Илисса! Благослови их, Гетания! Они пришли на праздник!

В Джателле боролись противоположные чувства. С одной стороны, ей было приятно обожание народа и она тепло приветствовала их, а с другой стороны ей было жаль, что ее маскарад провалился и вся игра полностью закончилась. Илисса вся дрожала и крепко держалась за сестру.

Эрейзан спросил ее с участием:

— Он причинил вам вред, принцесса? Если да, то я найду его и задую.

— Я... со мной все нормально. Он ничего мне не сделал. Благодарю тебя, Эрейзан из Камата. Ты... спас меня от опасности.

Илисса улыбнулась и все зрители с облегчением вздохнули, а Эрейзана охватил благоговейный трепет.

Джателла покачала головой при виде того, как ошеломляюще действует красота ее сестры на людей. Это она наблюдала довольно часто, но никакой ревности это в ней не вызывало. Она ласково посмотрела на Илиссу и затем снова повернулась к Тирусу.

— Вы развлекли нас своим представлением, а теперь спасли от воров. Думаю, что вы показали нам лишь малую часть своих талантов.

— Джателла! — Илисса подбежала к сестре и дернула ее за плач. Улыбка ее исчезла и она выглядела как ребенок, замеченный и уличенный в чем-то неприличном, требующем наказания.

— В чем дело, малышка? — Джателла обняла свою сестру, пытаясь успокоить ее.

— Королева! Мое сокровище... Илисса! Благодарение богам, наконец-то мы вас нашли!

Хорошо вооруженные солдаты пробивались сквозь толпу людей, окружавших королеву и ее сестру. Ими командовал какой-то дворянин, выкрикивающий приказы. Солдаты образовали кордон, вытесняя людей за пределы широкого круга, внутри которого остались только Тирус с Эрейзаном и две женщины. Дворянин, который командовал всем, был роскошно одет. Он был красив почти по-женски, его лицо было гладко выбрито, волосы блестели от помады и масла. Он преклонил колени перед сестрами — королевами, опустив свои роскошные блестящие сапоги в грязь. Он горячо поцеловал руки Илиссы, как человек, которого только что покинула паника.

— Когда... когда мы обнаружили, что вы ушли из дворца одни, без охраны и без слуг, мы боялись, что случится что-нибудь ужасное. Затем, когда выяснилось, какую одежду вы взяли из гардероба...

— Вы слишком сильно беспокоитесь, Обаж.— Джателла была раздражена. Она нервно теребила завязки плаща, ручку кинжала и шпаги.— Мы совсем не рисковали. Я вооружена и знаю, как пользоваться оружием.

— Королева! Молю, выслушайте меня. У Куреда есть враги, а кроме того существуют разбойники, которые могут попытаться захватить вас ради выкупа, вас и мою невесту.

Он продолжал держать Илиссу за руки, нежно поглаживая ее пальцы.

Джателла горячо воскликнула:

— Уверяю вас, что опасности никакой не было!

Тут же Обаж согласился, не упустив момента, польстить ей:

— Ну, конечно, опасности нет. Омантл свидетель, как все любят вас. Никто не может сделать вам ничего плохого. Но... может произойти какая-нибудь случайность.

— Чепуха!

Тирус держал свое мнение при себе. Ему не нравились вид и манеры этого расфуфыренного дворянина, но, возможно, Обаж говорил правду. Маска Джателлы вовсе не была такой безопасной, как ей казалось. Тирус проник под маску с помощью своего искусства, но Роф сразу же узнал их, как только они появились. Поэтому Крантиец и исчез так быстро и незаметно. Скорее всего, он боялся, что там, где появились Королева и Принцесса, будет много переодетых солдат и полицейских. Вор, который хотел срезать у Илиссы кошелек, не знал, кто она. А если бы это был не простой вор, а какой-нибудь убийца, могло бы случиться непоправимое.

Джателла все еще спорила с Обажом. Это был односторонний спор, так как только Джателла возражала Обажу, а тот сразу же менял свое мнение, во всем соглашаясь со своей королевой. Тирус был рад, что Джателла не поддавалась на все эти комплименты и льстивые слова. Илисса же, напротив, с упоением внимала каждому слову и соглашалась со всем, что говорил Обаж.

— А что здесь делают эти? — лорд Обаж наконец нашел мишень, на которую он мог обрушиться, не боясь отпора. — Кто эти бродяги? Почему они смотрят? Они выразили же вам непочтительность, мое сокровище! Мы их высечем, чтобы научить манерам и уважению.

— Единственный, чьи манеры здесь не к месту, так это вы, — оборвала его Джателла. Ее тон заставил замолчать Обажа и задумчиво прикусить губу.

— Не сердитесь, — попросила Илисса, заступаясь за своего жениха. Он погладил ее руку и сказал:

— Обаж заботится о вашей безопасности, Джателла.

Не обращая на него внимания, Джателла ответила:

— Я ему благодарна за заботу, малышка. Но в Куреде я решаю, кто оскорбляет дом Фер-Сро и кто должен быть наказан за нанесенные оскорбления.

Ее красавица сестра всеми силами желала установления мира между Джателлой и Обажом. Увидев это, Джа-

телла пожала плечами и обратилась к Тирусу, не обращая внимания на присутствие Обажа:

— Ну вот. Игра была кончена из-за длинного языка какой-то служанки. Она была кончена еще до того, как ты разоблачил меня, Тирус из Камата.

— Ваша тайна осталась бы между нами, королева...— начал он.

Обаж громко прокашлялся и перебил Тируса:

— Позвольте сопровождать вас во дворец, королева. У нас есть лошади и повозка для вас.

— Подождите, лорд.

Илисса тихонько попросила Обажа быть потерпеливей, но тот не внял ее предупреждению.

— Но ведь совершенно незачем ходить по грязному базару, королева. Пока вас не было, поступили сообщения из Улинии и других провинций, которые требуют вашего решения. Кроме того, пришел караван из...

Ее голубые глаза превратились в лед и она резко ответила:

— Я вернусь во дворец тогда, когда сама захочу, не раньше. Я должна закончить важный разговор. Надеюсь, вы мне не будете мешать, лорд?

Сарказм не дошел до Обажа. Он пренебрежительно взглянул на Тируса и Эрейзана. Ничего не понимая, он воскликнул:

— С... с этими актерами, королева? Но что вам от них? Что у вас общего с ними?

— С вами — ничего. Я сама принимаю свои решения, как это всегда делал мой отец.

Сначала Тирус решил, что Джателла ударит Обажа за его упрямство. Но вскоре она подавила свой гнев и ласково потрепала Илиссу по щеке, погасив беспокойство в ее красивых голубых глазах. Спокойным голосом она сказала:

— Сэр Обаж, возьмите мою сестру и своих людей и отойдите подальше. Я должна поговорить с фокусником и его другом. Я вскоре присоединюсь к вам. Оставьте нас теперь.

Что-то бормоча, Обаж повиновался. Илисса подала ему руку и он повел ее в тень навеса. Солдаты расширили площадь круга, оттеснив собравшуюся толпу. Придворные перешептывались между собой, с удивлением глядя на Тируса с Эрейзаном и Джателлу.

Когда Обаж был достаточно далеко, Джателла сказала:

— Я должна признать, что он прав, во всяком случае, относительно безопасности Илиссы. Она слишком слаба в играх жизни, как я теперь поняла. Но это я исправлю вре-

менем и любовью. Возможно я подвергала ее большой опасности этой прогулкой.— Она осмотрела свою грязную одежду.

Тирус прочел ее мысли и сказал:

— Ваш костюм делал вас неузнаваемой, королева. Я не думаю, что принцесса была в опасности. Я уверен, что вы можете пользоваться оружием не хуже, чем лорд Обаж. Этому воришке повезло, что Эрейзан упустил его, так как вы бы приколотили его кинжалом.

— Ты все шутишь,— она уловила веселый блеск в его глазах. Но ей были приятны эти шуточные похвалы.— Я действительно могла бы его заколоть, веришь ли ты в это или нет. Когда-нибудь я докажу тебе это. Ты мне нравишься, Тирус из Камата. Твои комплименты умны.— Она обратилась с похвалами и к акробату: — Эрейзан, мне также понравилось твое искусство и твоя смелость. Ты так же быстр, как мои лучшие телохранители. Игра была чересчур короткой, но этот день доставил мне наслаждение. И я благодарю вас обоих.

Джателла достала кошелек с деньгами и подала его Тирусу.

— Я хочу, чтобы вы пришли сегодня вечером во дворец и выступили перед моим двором. Это плата за предстоящее выступление. После него вы получите еще денег.

Тирус по весу кошелька понял, что королева была очень щедра по отношению к ним. Захваченный врасплох ее неожиданным требованием, он подыскивал подходящий ответ.

— Мы... мы не ожидали такой... чести, королева.

К облегчению Тируса вмешался Эрейзан.

— Просим прощения, ваша милость, но мы только что прибыли в Куред. Тирус боится, что нам нечего одеть, чтобы показаться при дворе.

Джателла не приняла его отказа.

— В кошельке достаточно, чтобы вам одеться вполне прилично и по моде. А кроме того, мне от вас нужна не красивая одежда и манеры. У меня при дворе этого больше, чем достаточно. Я желаю подробнее познакомиться с вашими магией и акробатикой. Я уверена, что вы можете больше, чем показываете. Вы придете?

Тирус кивнул и сказал:

— Все будет так, как вы сказали, королева.

— Хорошо! Приходите на заходе солнца и вас проводят в мой покой.

Приказ был дан и принят. Деньги, которыми оценили таланты актеров, лежали в руках Тируса, но Джателла не

уходила. Она смотрела на мага. Он бросил ответный взгляд, пытаясь угадать причину такого пристального внимания и чуть ли не изучения. Его специальностью была магия, но у королевы Джателлы была своя магия. Это была простодушная женственность. Она не старалась кокетничать, не поворачивала голову в наиболее выгодную для себя сторону, не взмахивала неожиданно ресницами, в общем, не делала то, что делают обычно женщины, часто даже бессознательно. Ее интерес был прямым и открытым, как удар шпаги. Она смотрела на него очень долго, так что Тирус был смущен и в нем проснулось что-то, чего он раньше не испытывал. Эта загадочная улыбка действовала на него так же, как действовало его колдовство на беспомощные жертвы, неспособные сопротивляться его чарам.

Наконец, Джателла повернулась и пошла, не сказав больше ни слова. Ее кожаные одежды переливались в свете солнца, когда она шла под навес, где ее ждала Иласса. Походка ее была прямой, свободной, гордой, как у женщины из племени варваров — или уверенной в себе королевы. Солдаты и придворные собрались вокруг сестер и сэра Обажа. Отряд двинулся через базар с Джателлой во главе. Тирус и Эрейзан долго смотрели им вслед, пока женщины не скрылись из виду, потерявшись в шуме, песнях, музыке и ярких цветах празднества.

Глава 3

«СТЕКЛО ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ОБ ОПАСНОСТИ, КОРОЛЕВА»

Тени от заходящего солнца стали совсем длинными, когда Тирус и Эрейзан шли по улицам города, все время поднимаясь вверх, в его возвышенную часть. Было еще светло, так что факелы не требовались, но честные горожане уже расходились по домам, оставляя улицы тем, кто мог нанять себе защиту или мог защитить себя сам. Точно так же было и в других государствах Кларики, так что друзья не удивились, обнаружив, что этот обычай существует и здесь, в Куреде.

— Ты уверен, что эта туника хорошо сидит на мне? — бубнил Эрейзан, путаясь в своей новой тунике с пышными рукавами и без воротника. — Она не слишком яркая? Я не хочу походить на лорда Обажа. К тому же красный цвет — это цвет Крантина и может быть...

— Говорю в последний раз, туника тебе очень идет, прекрати свою болтовню.— Тирус посмотрел на темнеющее небо.— Ты выглядишь так, как должен выглядеть.

Эрейзан замер, а затем быстро догнал Тируса,

— Что ты имеешь в виду? Ты же сказал, что наши истинные цели мы еще не будем раскрывать.

Сожалея, что встревожил друга, Тирус похлопал его по плечу.

— Я имел в виду, что ты выглядишь как весьма искусный акробат. Твоя красная туника понравится королеве и принцессе, обещаю тебе.

Эрейзан осмотрел темно-коричневую блузу и штаны Тируса с пристрастием.

— Ты так думаешь? Я бы хотел носить одежду с таким царственным видом, как ты.

— Я не должен выглядеть, как король,— обеспокоенно сказал Тирус. Затем в нем проснулась гордость.— Я думаю, что нет вреда в том, что мы одеты, как полагается.

Они вышли из длинного темного прохода и в последний раз внимательно осмотрели друг друга. Удовлетворенные осмотром, они огляделись, чтобы увидеть, как далеко они удалились от главных городских кварталов. В течение этого времени, которое прошло с тех пор, как они расстались с королевой, друзья не теряли его напрасно. Они осмотрели весь город и тщательно изучили расположение тех мест, в которых может возникнуть у них нужда. Кроме того, они наняли комнаты, в которых могли провести ночлег. Комнаты были довольно чистыми и находились недалеко от базара. Тирус расплатился за них золотом Джателлы, причем, очень щедро. Также щедро он заплатил за те одежды, в которых они сейчас направлялись во дворец. Он тратил деньги с легким сердцем, как актер, который никогда не думает о завтрашнем дне.

Тирус кивнул головой в направлении конца аллеи.

— Это должно быть...

— Дорога во дворец,— сказал хриплый голос. Тон был мягкий. Роф стоял в темной нише одного из домов. С ним было несколько головорезов. В слабом свете металл оружия поблескивал зловещими вспышками. Роф махнул рукой своим товарищам и вышел первым вперед.— Не бойтесь их. Я сказал им, что вы бедны, так как уже истратили все деньги королевы. Как расточительно. Но я думаю, что для колдуна деньги имеют малую ценность.

Тирус и Эрейзан подошли ближе, чтобы рассмотреть бандитов, укрывающихся в нише. Затем Тирус посмотрел на Рофа и холодно сказал:

— Я не колдун, а просто фокусник.

— М-м... Это ты так говоришь.

Приняв это за оскорбление, Тирус высказал ему обвинение:

— Ты узнал королеву и принцессу на базаре сегодня днем. Поэтому ты покинул нас так внезапно. Ты мог бы предупредить нас.

— Черт возьми! С меня было достаточно сохранить свою шкуру. Королева Джателла весьма энергичная молодая особа, даже чересчур энергичная. И она так просто не упустила бы главаря бандитов. О, я ее сразу узнал под маской. Это мое искусство. Я могу и многое другое.

Люди Рофа непрерывно ходили по аллее взад-вперед, очевидно опасаясь, что их застанут здесь, совсем рядом с королевской резиденцией. Здесь не было полицейских, но бандиты не хотели рисковать. Роф примирительно сказал:

— Но я знаю, что у вас не произошло неприятностей при встрече с королевой, вы же умные ребята.

— Ты оставил нас, но ушел недалеко,— сказал Тирус.

Эрейзан подхватил:

— Ты спрятался поблизости и смотрел наше выступление. Иначе как бы ты узнал о кошельке, который нам подарила королева, или о том, что мы уже почти все истратили на новую одежду? Ты следил за нами.

— И таким образом ты узнал, как перехватить нас по дороге во дворец,— закончил Тирус.

Голова Рофа поворачивалась то к одному из говоривших, то к другому. Его люди раскрыли рты, будучи не в силах уследить за разговором. Наконец, Роф улыбнулся и сказал:

— Черт возьми, я был неправ. Вы люди моего сорта, не чета этим тупоголовым мясникам.

— Да? — Тирус был холоден, высокомерен, в его тоне было презрение.— Может да, а может и нет. Ты шпионил за нами. Зачем? Вы здесь для того, чтобы отомстить за того воришку, который хотел обокрасть принцессу Илессу?

— Да черт с ним. Такой же идиот, как и остальные. Было бы не жалко, если бы его прикончили. Он не из моих. Тебе надо было убить его, друг Рыжик,— сказал Роф, намекая на ярко-красную шевелюру Эрейзана.

— Я не твой друг. И для тебя не рыжик,— горячо воскликнул Эрейзан.

Роф протянул руку, как будто хотел потрогать новую тунику и оценить ее качество и рассмеялся, когда Эрейзан раздраженно оттолкнул его руку.

— О, да ты горяч, рыжик, да и силен, так что можешь постоять за себя. Мне пригодится твоя сила. И ты мне нужен, фокусник. Я хочу, чтобы вы приняли мое... приглашение. Во дворце для вас нет места. Королева может посмотреть ваше представление, но в свою свиту не возьмет, там нет таких, как вы.

— Мы намеревались...— начал Тирус.

— Да и этот осел Обаж не возьмет вас на службу. У него есть свои актеры и он их сам себе подбирает. А вы не в его вкусе. У вас слишком острые языки.— Роф ждал ответной реакции. Ничего не услышав, он продолжал: — Я найду дело для вас. Когда вы выступите во дворце, найдите меня в таверне. Она на улице...

— Мы знаем, где она находится.

— Откуда вы знаете? — спросил Роф с подозрением.— Вы же только что прибыли в город.

— Как ты уже отметил, мы умные парни,— сказал шутливо Тирус, легонько щелкнув Рофа по носу.— И ты должен знать, что мы с пользой провели время, ведь ты же следил за нами.

Не сговариваясь, Тирус и Эрейзан одновременно шагнули назад, отдалившись от Рофа и его людей. Они пошли по аллее.

— Ну, хватит, лорд бандитов. Неприлично заставлять королеву ждать.

— Таверна Карманников,— прокричал им вслед Роф, удивленный и раздосадованный таким ловким маневром.

Его друзья заворчали и Тирус услышал звон кинжалов. Но никто не двинулся за ними.

— Оставайтесь на месте,— приказал Роф. Его слова затерялись в глухих каменных стенах.

Тирус и Эрейзан пробирались среди свернувшихся калачиком бродяг, уличных жителей, которые спали в уличной грязи и недовольно ворчали, когда друзья невольно нарушали их и без того не очень комфортабельный отдых. Только, собираясь завернуть за угол в дальнем конце аллеи, Тирус и Эрейзан обернулись назад. При свете только что зажженного фонаря на втором этаже таверны можно было различить разбойников, собравшихся вокруг Рофа. Они о чем-то оживленно спорили, поглядывая в ту сторону, куда ушли актеры. Однако никто не преследовал знакомых Рофа.

Тирус и Эрейзан поднялись по круговой лестнице и вышли на площадь, мощеную булыжником. Перед ними высились чистые стены дворца и открытые ворота. Теперь они шли медленнее и потихоньку приближались к дворцу.

Дворец примыкал к крепости, а может был ее частью. Сюда непрерывно входили и выходили офицеры и чиновники. Дворец не был защищен ни решетками, ни укреплениями, ни высокими стенами, но производил внушительное впечатление. Солдаты патрулировали вдоль стен и крепостных ворот. Они, однако, не проявляли враждебных чувств к людям, которые подходили слишком близко к ним.

Эрейзан еще раз оглянулся, проверив, не следят ли за ними.

— Я не доверяю этому разукрашенному шрамами псу.

— Рофу? Я тоже.

— Я хотел проучить его, когда он назвал меня рыжим,— проворчал акробат. Затем он прикусил губу.— Может он будет нам полезен? Если он путешествовал далеко, на север Куреда в легендарный Ледяной Лес...

— Был ли он там? Может, он повторяет рассказы других людей. Его мозг очень трудно прозондировать. Он похож на грязный мутный поток. Роф искусный лжец и может ввести в заблуждение себя и меня тоже, когда я буду изучать его мысли,— добавил угрюмо Тирус.— Кроме того, он может быть одним из людей Врадуира, сам не зная об этом. Его приглашение в Таверну может быть хитрость, для того, чтобы заманить нас в смертельно опасную ловушку. И в нем что-то есть, мой друг. Какая-то... сила. Я не могу описать ее, но нам надо остерегаться этого типа.

Они подошли уже совсем близко к воротам. Тирус принял свой обычный вид уличного актера. Он обратился к солдатам:

— Добрый вечер! Мы пришли служить королеве своим искусством. Позвольте нам войти, доблестные воины.

Солдаты были молоды и неопытны в исполнении своих обязанностей. Растерянно они переглядывались между собой и с облегчением вздохнули, когда появился сержант. Солдаты с радостью переадресовали друзей сержанту и внимательно наблюдали за происходящим, искоса осматривая актеров. Сержант сказал:

— Так значит вы и есть те самые актеры, о которых меня предупреждали? Эй, солдат, сбегай за управляющим. Входите сюда, актеры! Весной рано становится холодно и сыро.

Пока подчиненный бегал за управляющим, сержант провел Тируса и Эрейзана в ворота. Площадь была освещена, но окна во дворце были темными. Слуги разносили факелы, чтобы осветить коридоры и проходы. Сержант шел, обходя слуг, встречающихся на его пути. Он бормотал:

— Актеры, мишура! Для нас ничего. Мы едим черный хлеб и рады этому. Для нас никаких развлечений, только служба. Все это напрасная трата денег королевы.

Тирус и Эрейзан молча терпели это брюзжание и только переглядывались у него за спиной.

Управляющий встретил их в дальнем конце переднего двора. Это был маленький человечек, весь раздувавшийся от сознания собственной важности. Он был одет в мантию, слишком длинную для него. Длинные рукава были подвернуты. Он презрительно фыркнул при виде актеров, а затем поманил их за собой пальцем.

— Держите себя как следует,— напутствовал их сержант, когда они пошли за управляющим темным проходом. Они заметили, что подол мантии управляющего волочится по земле. Эрейзан сделал вид, что хочет наступить на него и Тирус хмыкнул, пряча улыбку.

Дворец был построен несколько поколений назад, с учетом того, что он должен будет выдерживать нападения врагов. Тирус шел по узким проходам и крутым поворотам и понимал, что ограниченное число защитников здесь может обороняться от целой армии. Однажды Тирус у себя в Камате защищался от напавшей на город банды пиратов. Тирус был воином, моряком. Всему этому он учился с детства, кроме того, он изучал — и с большим успехом — много других искусств.

Правители Куреда тоже много воевали и их опыт выразился в архитектуре дворца: узкие переходы, крутые повороты, толстенные стены из крепкого дерева, укрепленного железом и камнем. Тирус представил Джателлу во главе войска, обороняющего дворец, и улыбнулся. Он знал, что ни один умный военачальник не рискнет нападать на королевскую резиденцию.

Далее проход разветвился и управляющий выбрал правый коридор. По другому коридору шла группа солдат во главе с офицером, пожилым сильным мужчиной. Это был верховный командующий королевской армией. При виде его управляющий низко поклонился, уступил дорогу и выказал знаки уважения и почтения. Когда они прошли, Тирус прошептал Эрейзану:

— Этот коридор для знатных господ, а мы, актеры, пойдем по коридору для слуг.

Как и предполагал Тирус, узкий коридор вел в кухню. Здесь они прошли между печами и котлами. В кухне стоял запах жареного мяса, рыбы, специй. Бегали повара и поварята, поминутно что-то помешивая, переворачивая, подсы-

тая что-то, пробуя. Пока они проходили, Эрейзан с наслаждением вдыхал кухонные ароматы и жадно смотрел на пищу. Готовая еда на подносах выносилась лакеями, а обратно возвращалась пустая посуда для мойки. Наконец, они пришли в комнату, соединенную сводчатыми дверями с королевским обеденным залом. В комнате стоял шум, производимый многочисленными лакеями и слугами. На боковых столах стояли груды грязной посуды и пустые винные бутылки. Дородная матрона наблюдала за этим беспокойным хозяйством, предотвращая столкновения, ссоры и наводя порядок.

— Подождите здесь,— сказал управляющий. Он посмотрел на остатки пищи на тарелках и, очевидно, вспомнив жадные взгляды Эрейзана, когда они шли через кухню, сказал: — Предупреждаю вас, я не потерплю воровства и обжорства.

— Предупреждение излишне,— сказал Тирус.

Управляющий ответил презрительным взглядом.

— Когда потребуются ваши услуги, я вас позову.

Он прошел под арку, подобрав мантию, чтобы не запутаться в ней ногами.

Матрона, наблюдавшая за слугами, передразнила его:

— Когда потребуются ваши услуги...— затем она пошла еще дальше: — Услуги! Ни одна настоящая женщина не потребует твоих услуг, дворняга! Пресмыкающаяся дворняга Обажа, вот ты кто!

Слуги хихикнули и предупредили ее об осторожности. Но она уже и сама потеряла интерес к управляющему и повернулась к Тирусу и Эрейзану. На ее лице появилась широкая улыбка.

— Актеры? А я Сешти — хозяйка здесь. Не обращайтесь внимания на управляющего. Хотите есть? Накладывайте себе с любого подноса, ребята.

Она не очень отличалась от них по возрасту, но ей нравилось называть их ребятами. Тирус поклонился ей и заставил ее захихикать от смущения, когда поцеловал ее руку, как будто она была знатная дама.

— Благодарю вас, хозяйка Сешти. Вы так же щедры, как и мудры.

Тирус положил себе кусок хлеба и рыбы в соус. Эрейзан выбрал себе бараньи ребра с огромным количеством мяса на них. Акробат взгромоздился на каменный шкаф рядом с входом в зал. Он сел, скрестив ноги, и увлеченно принялся за кость, не заботясь о том, что жир обильно капает на его новую туннику.

Через дверь Тирус и Эрейзан видели всю королевскую знать, которая обедала в гораздо более комфортабельных условиях. Комната для слуг была освещена только двумя дымящими факелами, а королевский зал весь сверкал, освещенный сотнями светильников. Королевские места были освещены особенно щедро. Здесь сидели три человека — Джателла с Илиссой и сэр Обаж. Обаж сидел справа от королевы, а Илисса — слева от нее. Прекрасное лицо Илиссы было открыто, ее снежные белые волосы спадали на обнаженные плечи. Она смущенно улыбнулась, когда Обаж осыпал ее и Джателлу комплиментами. Обаж соперничал с женщинами в роскоши своей одежды, драгоценные камни сверкали на его пальцах, в ушах, туника была украшена еще большим количеством драгоценностей, а мантия была отделана драгоценным мехом грира.

Взгляд Тируса остановился на третьей фигуре за столом — Джателле. Осталась ли она той же воительницей, которая допрашивала его на базаре? Исчезли кожаная одежда и волчьи зубы. Она была одета в традиционный зеленый цвет Кларики, волосы были аккуратно причесаны, золотая тиара красовалась на голове. Она держалась по-королевски и управляла своими придворными, вовлекая их в разговоры и держа нить беседы в своих руках. Ее мужеством Тирус восхищался, когда впервые встретил ее, а теперь она очаровала его своей женственностью.

Хозяйка Сешти правила гораздо меньшим и более удобным государством. Один из официантов заметил Тируса и Эрейзана и прошептал что-то матроне. Она поправила волосы и спросила:

— Это правда? Вы те самые фокусник и акробат, которые нашли переодетых сестер в городе?

Тирус и Эрейзан признали это, и Сешти в восторге хлопнула себя по ляжкам.

— Значит это правда? Хай! Какая храбрая волчица наша королева! Но бедная принцесса! Она должно быть очень боялась. Она такая нежная малышка...

Старый дворецкий спал, прислонившись к стене. Он неожиданно проснулся и сказал:

— Принцесса родилась в боевом шатре и научилась скакать на лошади раньше, чем начала ходить. Я помню это очень хорошо. Я был при короле, когда он воевал с варварами на границах, и принцесса держалась рядом с ним. Какие славные времена!

— Она теперь не принцесса, а королева, слабоумный старик, — прикрикнула на него Сешти. — Ты живешь только в своих воспоминаниях!

Он не слушал ее, продолжая вспоминать, его выцветшие глаза повлажнели.

— Все вижу снова. Я тогда был молод. Сам король в первых рядах жестоко дрался с варварами и жителями лесов, выгонял самих Раскалывателей Черепов в их дикие леса. И прекрасная маленькая принцесса, такая же храбрая, как любой парень, везде была с ним. А королева правила в городе...

— И она растила вторую маленькую принцессу,— оборвала его воспоминания Сешти. Она с сожалением посмотрела на дворецкого, а затем объяснила Тирусу и Эрейзану: — Он уже ничего не понимает. Король и королева давно уже отправились к воротам Кета. Он думает, что наша покойная королева переродилась в королеву Джателлу.

— Может быть боги на закате лет сделали его ясновидящим,— сказал Тирус благочестиво.— Действительно, может же дочь унаследовать мужество и красоту своей благородной матери!

— О, ты хорошо это сказал, фокусник!

Дворецкий ворвался в комнату и закричал на лакеев:

— Еще вина моему сэру Обажу и его леди! Быстро!

Когда он опять убежал в обеденный зал, сопровождаемый озабоченными лакеями, Сешти скорчила гримасу и сказала:

— «Мой сэра Обаж и его леди»! Как он может так фамильярно говорить о принцессе Илиссе? Она помолвлена с сэром Обажем, но еще не жена ему.

Эрейзан внезапно потерял интерес к еде, бросив наполовину обглоданную кость в тарелку.

— Ее жених,— угрюмо сказал он.— Я думал, что он хвастался, когда говорил это на базаре. А он... он из клана Разил, мужчины которого имеют по несколько жен?

Сешти кивнула, подтвердив подозрения акробата. Все это было очень неприятно слушать Эрейзану. Как и для Сешти говорить это. Она скорчила гримасу и сказала с презрением:

— Он же с самых дальних границ и все имена их рода там. А послушать управляющего, так он уже почти король. Но не верьте ему, актеры, Обажу еще далеко до этого.

— Самый младший сын,— вдруг сказал Тирус без всякого выражения. Он смотрел на Джателлу и ее приближенных, о чем-то сосредоточенно размышляя.

Матрона Сешти была изумлена этим заявлением Тируса об этом хлыще. Она понизила голос, как конспиратор:

— Если ты спросишь его старших братьев о нем, то они ответят без колебания: действительно, младший сын! А его старшие братья в своих приграничных поместьях имеют

по несколько жен и им нечего выделить младшему сыну сэра Обажа. Когда он жил у них, то тратил огромные деньги на развлечения и роскошные одежды. Думаю, что поэтому братья послали его к королевскому двору. Они хотели избавиться от него и изгнать из своих владений, а теперь нам приходится возиться с ним и его угодливыми приближенными вроде этого управляющего.

— Но управляющий — это человек королевы, разве нет? — с удивлением подняв брови, спросил Тирус. — Королева не такой человек, чтобы доверять этому болвану.

— Она и не доверяет.

— Но тогда почему? — спросил Эрейзан.

— Почему? — воскликнула Сешти. — Пусть тебя всегда согревает Йезор-Целува, красноголовик! Конечно, из-за принцессы Илиссы.

Когда Тирус и Эрейзан непонимающе посмотрели на нее, матрона продолжала:

— Принцесса обожает Обажа. Он завоевал ее сердце за десять дней во время коронации. О, Обаж не терял даром времени, будьте уверены! Он вскружил голову принцессе своими речами. Он хорошо говорит, рассказывает всякие чудесные сказки о героях и их приключениях, и рассказывает их так, что можно подумать, что он такой же храбрый и сильный, как и герои его сказок.

— А королева обожает принцессу, — сказал Тирус, не отрывая взгляда от трех человек, сидящих на королевском возвышении.

Горько усмехнувшись, Сешти сказала:

— Так же, как Илисса обожает сэра Обажа.

Она сказала это так, что стало ясно, что она высказывает мнение всего народа страны об Обаже.

— Королева не может отказать принцессе ни в чем. Ей может отказать только бездушный человек. Она ведь очень много болела в детстве, вы знаете? Мы уже не надеялись, что она выживет. Но теперь с ней все хорошо и она с каждым днем становится все прекраснее, храни ее Гетания. И королева так счастлива, что подарила бы ей целый мир, если бы могла. Но теперь Обаж своими речами околдовал принцессу и она хочет только его. Хочет стать первой женой этого провинциала...

— Быть одной из многих у этого алчного типа, — прошептал Эрейзан.

Обеспокоенный состоянием духа своего друга, Тирус быстро сказал:

— И управляющий один из людей Обажа. Это он устроил его на эту должность.

— Именно так, актер. Когда последний управляющий королевы умер, Обаж быстро выхлопотал ему эту должность,— согласилась Сешти.

— Это обычное дело при королевских дворах,— заметил Тирус.

— Если бы не Обаж и не его язык, этого бы в Куреде не случилось. Никогда,— настаивала Сешти.

Тирус и Эрейзан искусно направили разговор в другое русло. Они продолжали расспрашивать о пропавших крестьянах, о непонятных событиях на севере, о похищенных сокровищах Кларических островов. Слуги рассказали им не намного больше, чем они уже знали. Невольно все их разговоры сбивались на события более интересные для слуг — нынешние празднества, которые собрали всех знатных людей королевства в столицу из рассеянных по всей земле владений, предстоящему празднику лета, который состоится через месяц после праздника Гетании.

Слуги непрерывно вносили в обеденный зал блюда с едой и бутылки с вином. Один из них со вздохом сказал:

— Завтра у нас будет еще больше работы. Мне поручили собирать провиант и обслуживать двор, когда они поедут охотиться с соколами в поля Дрита.

Какая-то нервная дрожь охватила Тируса.

— Охотиться с соколами? Куда королева собирается на охоту?

— На север, в свои королевские поля,— сказала девушка прислуга.— Как бы я хотела поехать с ними вместо того, чтобы оставаться здесь и чистить кастрюли. Королева и принцесса будут великолепны в своих костюмах. Все дворяне будут на красивых лошадях, с соколами... ах!

Тирус надеялся, что его глубокий безотчетный страх остался незамеченным. Он спросил:

— А это не опасно для королевы ехать на север? Ведь королевские поля находятся очень далеко от города. Мы слышали в городе всякие жуткие рассказы о событиях на севере.

Сешти подошла и материнским жестом ласково потрепала его за бороду.

— Не бойся. Ты думаешь о том, что болтал этот выживший из ума старик? О варварах? О Раскалывателях Черепов? Они намного дальше. А кроме того двор будет сопровождать сильный отряд телохранителей. Это традиция, часть праздника Гетании.

Управляющий вернулся в комнату. Он в сильном волнении взмахнул руками и закричал:

— Быстрей, актеры! Пора, пошли, пошли!

Тирус и Эрейзан подтянулись и приготовились идти за ним, а один из официантов сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Весь этот шум из-за Обажа. Сэр хочет показать своих новых соколов...

— Ха,— высмеяла его Сешти и сказала: — Он хочет показать не соколов, а себя. И не для принцессы Илиссы, уверяю вас, именем Гетании могу поклясться, что он старается ради королевы, ради титула.

— Быстрой! — кричал управляющий. Он ждал в дверях, подпрыгивая от нетерпения.

Они не заставили его ждать. Прослушав последние сплетни, они прошли под арку и вошли в обеденный зал, двигаясь за несколькими, нарядно одетыми охранниками.

К этому времени королева и ее приближенные закончили обед. Они вышли из-за стола и уселись полукругом на расставленных стульях, слушая музыку. Эти северные мелодии были незнакомы Тирусу, но приятны для слуха. Мягкий перезвон колокольчиков и переливы мелодии захватили его душу, пробудив в ней память о недавнем прошлом.

Атей, зеленый и плодородный остров, жемчужина западной части Кларического моря. Осень, два года назад. Их привело туда отслеживание Вradуира и поиски очевидцев странного корабля, который плавал по Кларическому океану, выполняя дьявольские поручения Вradуира. Остров был в тревоге, когда прибыли Тирус и Эрейзан, и они должны были быть очень внимательны при выполнении своей миссии, так как солдаты и полиция дотошно следили за всеми вновь прибывшими. Безутешный народ возносил молитвы всем богам, пытаясь найти объяснение происшедшему. Знаменитый певец Атея исчез! Исчез таинственно, без всякого следа! Никто не мог себе представить, как это могло произойти. Слуги были найдены на следующий день. Все они потеряли разум. Никаких следов борьбы и насилия не было. Среди народа ходили слухи о каком-то чужом корабле и его безмолвной команде, который скрывался в бухте на побережье Атея. Певец, как и другие сокровища Кларики, исчез и, возможно, навсегда.

Но Тирус обнаружил следы, которые не могли найти солдаты и полиция, так как он шел тем путем, который недоступен большинству смертных. Среди ужаса и тревоги, охвативших Атей, он и Эрейзан преследовали своего могущественного врага и, идя по его следу, сели на корабль, направляющийся на север, в Серса-Орнаиль. Они при этом рисковали вмерзнуть во льды вместе с кораблем, так как уже наступала зима. След певца, как и многие другие сле-

ды, вел к краю неведомого. Возможно в Куред, а может и дальше.

Где певец? И куда девались гобелены Маиту? Где большой волшебный красный конь с острова Тор-Нали, гордость верховного командующего? Где зверь-оракул, живущий в святой пещере Грос-Лонака? Где бесценная серебряная сеть человека-рыбы? Где старинное наследство, которому поклонялись люди Бендина? И где корона Гетании, хранившаяся в горном замке в Серса-Орнайле? Все это было бесценным и все это пропало. Навсегда!

Музыка производила какое-то религиозное воздействие на Тируса, заставляя его углубляться в воспоминания. Затем, внезапно он почувствовал какое-то скрытое давление. Его чувства обострились. Поспешно, с помощью заклинаний он проник в будущее свое и Эрейзана и обнаружил, что они находятся в местности, заполненной неземным светом и населенной существами, сотканными из дыма и воздуха. Тирус мгновенно проник к источнику колдовства и спрятал себя и Эрейзана в тень. Они превратились таким образом из жертв в охотников. Как только Тирус совершил это, враждебное колдовство содрогнулось и исчезло. Врадуир! По мощи и силе его мантии можно было судить о том, что он по понятиям волшебника находится совсем близко. Наконец-то они напали на свежий го-рчий след!

Здесь было еще что-то, что-то новое и ужасное. Сила, которую Тирус чувствовал раньше, теперь появилась снова и усилилась. Неописуемый холод, мрак и ужас. Холод, пронизывающий все его существо. Он задрожал при ледяном прикосновении.

Эрейзан сжал его руку, призывая вернуться в мир света и живых людей. Тирусу было очень трудно избавиться от безотчетного страха, вызванного ледяным прикосновением. Что это было? Был ли это Вradуир? Чье колдовство ему удалось пересилить? Забывать об этом нельзя! Он сотворил защитное заклинание для себя и своего друга, затем ободряюще кивнул Эрейзану.

Музыканты закончили свое выступление и были награждены вежливыми аплодисментами. Затем они ушли со сцены, освещенной свечами. Управляющий вывел Тируса и Эрейзана на середину и начал говорить свое выступление, поминутно кланяясь в сторону сэра Обажа и двух сестер. Пока он болтал, Тирус воспользовался минутой, чтобы осмотреться.

Искусно сделанные украшения висели на каменных и деревянных стенах. Все блестело, везде было золото. Оно

добывалось в богатых недрах и реках Куреда. Вся мебель, которая находилась в зале, была куплена в других провинциях и государствах. Это стоило больших денег. Хотя Куред был маленьким королевством по сравнению с огромными островными королевствами или Крантином на континенте. Королева Джателла и ее предшественники жили в превосходном дворце и правили процветающим народом. Ноги Тируса ласкал толстый ковер, изготовленный прекрасными художниками и ткачами Куреда. Тирус улыбнулся, подумав, что пружинящая поверхность ковра поможет Эрейзану в выполнении самых сложных акробатических трюков.

Джателла заерзала на стуле, когда ей надоело слушать болтовню управляющего.

— Ну хватит,— сказала она, останавливая его нетерпеливым жестом.

Управляющий беспомощно разевал рот, как рыба, выброшенная на берег. Он умоляюще посмотрел на сэра Обажа, но тот перешептывался с Илиссой и не обращал на него внимания. Оставленный своим покровителем, управляющий попятился, как пятится собака, к выходу из зала.

— Господа! — сказала Джателла, и те, кто во время речи управляющего болтали друг с другом, теперь успокоились и почтительно приготовились слушать свою королеву.— Я имею удовольствие представить вам Тируса и Эрейзана из Камата, государства на островах Арниоба. Они великолепные актеры. Я уже убедилась в этом, и теперь хочу, чтобы вы насладились их искусством.

— Я уверен, что так и будет, королева,— вступил Обаж.— Нет в мире монарха такого ума и красоты, как вы, королева.

Изогнутые брови королевы презрительно поднялись и она усмехнулась. Затем она кратко рассказала об обстоятельствах встречи с актерами на городском базаре. Описывая это приключение, королева ничего не скрывала и не смущалась, когда все знатные гости ахали от изумления.

— И сейчас вы увидите, почему Илисса и я были потрясены этими актерами. Покажите нам свое искусство, Тирус и Эрейзан из Камата, как вы обещали.

Обаж расположился со своим креслом слева от Илиссы и наклонился к ней, нашептывая какие-то любезности. Джателла нахмурилась и прекратила эту интимную беседу, слегка прикоснувшись к Илиссе и напомнив, что она не должна отвлекаться от предстоящего выступления. Илисса покраснела и стала смотреть на Тируса и Эрейзана. Обаж

также изобразил заинтересованность, но с меньшей готовностью, чем его невеста.

Тирус и Эрейзан начали демонстрировать все то, что они показывали на базаре. Как и ожидал Тирус, упругий ковер очень помогал Эрейзану в его прыжках и смягчал приземления. Колеблющийся свет светильников усиливал впечатление от простейших фокусов Тируса. Весь двор был изумлен и очарован смертельно опасными прыжками Эрейзана и магическими опытами Тируса. Так как Джателла и Илисса видели все это раньше, они смотрели сейчас с некоторым превосходством над остальными и подсказывали им, что будет следующим номером. Тирус и Эрейзан, зная психологию зрителей, заранее спланировали все выступление так, как было в прошлый раз. Они разыгрывали роли уличных циркачей с большим искусством. Сначала придворные, недовольные тем, что им приходится смотреть столь низменное зрелище, изображали великосветскую скуку, но затем великолепная акробатика и магия захватили их и они стали выражать свои восторги столь же непосредственно, как и простой люд на базаре. Все наигранное недовольство исчезло. Зрители были покорены.

После каждого трюка Тирус и Эрейзан получали бурное одобрение в виде аплодисментов, хотя и в более сдержанной форме, чем на базаре. Пока зрители аплодировали, актеры быстро совещались между собой, как лучше и эффективней провести следующий номер. Особенно они старались понравиться сестрам. Как только после какого-либо трюка лицо Джателлы выражало удовольствие, Тирус старался усилить его еще более эффектным трюком. Он заметил, что и Эрейзан, когда оказывается перед Илиссой, делает самые головокружительные прыжки.

— Великолепные циркачи! — слышались голоса придворных.

— Разве королева не сказала, что нам будет на что посмотреть?

— Я никогда не видел этого фокуса с веревкой раньше.

Необычная сила и ловкость Эрейзана позволяли ему проводить выступления очень долго. Другие акробаты после такой нагрузки уже упали бы в изнеможении. Тирус помогал другу, давая ему небольшие передышки и включая его в свои магические фокусы. Однажды Эрейзан вытянулся между двумя скамьями, а Тирус с помощью магии сделал его тело негнущимся и нечувствительным. Затем он вскочил всей тяжестью на него. В другой раз он заставил его плавать в воздухе, стянутого воображаемой сетью из золота и драгоценных камней. После таких пере-

дышек Эрэйзан с удвоенной энергией проделывал свои прыжки и пируэты, взлетая все выше и выше в воздух и подвергаясь большому риску.

Тирус должен был предупредить его, но он испытывал те же чувства, которые толкали Эрэйзана на эту браваду. Все мысли Тируса были спутаны. Он уже использовал многое такое, что под силу лишь могущественному волшебнику, а не простому уличному фокуснику. Эрэйзан рисковал своей жизнью, чтобы заслужить благосклонную улыбку Илиссы. А когда Тирус замечал, что Обаж начинает говорить любезности Джателле, он старался отвлечь ее внимание от лорда. Это было новое ощущение для него, беспокойное ощущение. Во время преследования своего врага он не мог позволять себе иметь плотские желания. Но теперь королева Джателла овладела его сердцем, хотя до этого момента много прекрасных, легко доступных женщин не могли сделать этого. Он был раздосадован своей слабостью, но чувство это было ему приятно.

Но он не мог позволять этому чувству овладеть собой. Его голова должна быть свободной, мозг не должен ни на что отвлекаться, кроме его главной задачи — преследование врага. Врадуйра!

— Мы никогда не видели подобного,— восхищались придворные.

В дверях стояла Сешти, окруженная слугами и лакеями. Они тоже наслаждались представлением. Но почему же Тирус, казалось, не был доволен успехом, который они заслужили?

Одна из приближенных королевы Джателлы сказала:

— Нам будет о чем поговорить, когда мы завтра поедem на охоту.

Его сердце застучало, кровь закипела в жилах, его как будто охватила лихорадка. Он распространил свое поле и опять прикоснулся к какому-то злему могуществу, которое он ощущал раньше. Врадуйр был где-то совсем рядом. На севере! Слухи о пропавших крестьянах, истории о тайных бухтах и странном корабле — слишком много опасности и совсем рядом с Куредом и с Джателлой! Эта поездка на охоту, когда королева Джателла и ее сестра окажутся вне защиты городских стен на севере, очень опасна. Как-то их нужно остановить. Пока Врадуйр жив, нет на земле безопасного места, но Джателла не обратит внимания на его слова.

— Еще волшебства,— требовала Джателла.— Эрэйзан, покажи еще что-нибудь, пожалуйста!

— Все мое искусство, мои руки и ноги служат вам, королева,— воскликнул Эрэйзан, лукаво улыбнувшись при

этих словах, чтобы показать, что он не говорит серьезно. Его улыбка предназначалась Иллисе.

— Сейчас вам будет магия,— внезапно сказал Тирус. Возможно, это сможет предупредить и удержать сестер от этого путешествия! Но он должен тонко провести все это, в противном случае все поймут, что он не просто фокусник.

Он достал из внутреннего кармана туники маленький пакет, который он всегда хранил у сердца. Он аккуратно размотал полоску Бендинского шелка, в которую был завернут предмет в форме алмаза. На черную поверхность предмета упал свет факелов и отразился ослепительным лучом.

Невозмутимость Эрейзана покинула его, как только он заметил, что Тирус достал этот предмет. Эрейзан весь сжался. Это послужило причиной того, что он неудачно приземлился после одного из своих прыжков и чуть не растянулся на полу. Женщины вскрикнули в испуге, а мужчины инстинктивно кинулись ему на помощь, хотя сидели очень далеко и не могли бы поддержать его. Эрейзан захромал после того, как чуть не упал, болезненно морщась и потирая поврежденную ногу. Но затем он опять принял свою горделивую позу, показывая, что падение было частью задуманного и предназначено для того, чтобы заинтриговать зрителей. Нервный смех раздался в зале, а затем послышались громкие аплодисменты.

Среди этого шума Эрейзан тихонько спросил Тируса:

— Что ты делаешь? Ты с ума сошел, Тирус?

— Я пока в своем уме, мой друг.

— Но если Врадуйр использует свое стекло...

— Я должен сделать это. Верь мне и следуй за мной.

Глаза Эрейзана превратились в зеленые круги, светящиеся от страха. Но он кивнул, и Тирус громким голосом объявил:

— Самая могущественная королева, самая прекрасная принцесса, лорды и леди Куреда — новое чудо! Я покажу вам волшебное стекло, очень редкое и очень дорогое.

— Оно стоит твоей жизни,— грустно прошептал Эрейзан.

Никто его не услышал. Джателла вся подалась вперед, ее дыхание участилось.

— Расскажи нам о волшебном стекле, фокусник. Покажи чудеса!

Тирус поднял стекло над головой.

— Это стекло позволяет мне заглянуть в будущее, королева.

Эрейзан нахмурился, но ничего не сказал. Он был так же, как и все зрители, в недоумении, думая, к чему же кло-

нит Тирус. Своим хорошо поставленным театральным голосом, который он использовал так часто целый год, Тирус сказал:

— Я сейчас вызову обитателей этого стекла и они откроют нам то, что может произойти. Смотрите!

Погрузившись в свою кладовую иллюзий, Тирус создал огненный нимб, которым окружил себя и Эрейзана. Драматический эффект этого нимба сильно подействовал на зрителей, приведя их в состояние исступления. Женщины дрожали и в ужасе хватались за своих мужей, как Илсса за Обажа. Только Джателла не прибегла к такой надежной защите, она жаждала волшебства.

Погрузившись еще глубже, Тирус увидел толстые стволы незнакомых деревьев и пещеры с гулко звучащим в них эхом. Он сконцентрировался и задержал дыхание, стараясь сфокусировать свою волю в мозгу. Три дрожащих ведьмы выскочили из стекла. Это были миниатюрные существа, которые в одно мгновение выросли до человеческих размеров. От них исходил запах дыма, а очертания тел все время колебались и были расплывчатыми. Они оказались на ковре прямо перед Джателлой. Они что-то болтали, переругивались, а затем начали петь разными голосами.

— Темнота собирается и сгущается на севере, откуда доходят рассказы о похищенных крестьянах.

Другая ведьма завывала:

— Еще в древние времена говорили: остерегайтесь ледяного королевства Бога Смерти!

Они протянули свои костлявые пальцы, указывая на придворных:

— Берегитесь и живите долго и счастливо вдали от ледяного дыхания Бога Смерти!

Их хриплые голоса звучали в унисон. Они обратились к Джателле и прокаркали:

— Живи в безопасности среди тех, кто любит тебя. Север, о, королева, север — это смерть!

Они взялись за руки и закружились в бешеном танце. Колеблющийся красный свет, созданный Тирусом, усиливал мрачное впечатление от этих потусторонних существ. Вся эта сцена захватила королеву и ее двор. Некоторые из дворян перешептывались в неуверенности:

— Север? Все это так! Но это же далеко от Куреда. Что может означать это предупреждение?

Джателла успокоила всех, ее глаза блестели:

— Это очень интересное зрелище. Внимание! Они готовились снова пугать нас!

Ведьмы закончили свой странный танец и запели:

— Куред очень любит свою королеву и всегда будет ей верен. Оставайтесь здесь, в Куреде, добрая королева, живите в мире и безопасности.

Тирус видел свои собственные творения сквозь туман. Пот стекал по его лицу и бороде. Туника прилипла к спине. Он держал стекло так крепко, что пальцы врезались в его края. Он чувствовал ярость и гнев Врадуира, которые возрастали с каждым ударом пульса. Используя все свое искусство, он заставил ведьм вернуться назад в царство мрака и тайн.

Когда они растаяли в воздухе, он вызвал на их место маленьких хихикающих чертенят и эльфов, которые выглядели так, как будто вышли из сказок. Эти создания снова пели Джателле, только более приятными голосами. Но их песни были такими же. Тоненькими голосами они предупреждали королеву Куреда, что она только тогда будет в безопасности, если останется в городе. На этот раз Тирус через своих кукол сказал больше. Он говорил о поездке на охоту и советовал королеве через этих чертенят отказаться от нее. Тирус все предупреждения высказывал в виде стихов и песен, облакая тревожные слова в поэтическую форму. Он сказал, что праздник лета, который начнется всего через десять дней, будет наиболее безопасным для выезда за город. Будет безопасным тогда или никогда.

Он вернул эльфов и чертенят в стекло. Эрейзан внимательно следил за ним. Он был единственным, кто понимал, как много Тирус поставил на карту, как смертельно он рискует. Но Тирус решил довести дело до конца. Он чувствовал, что должен сделать еще одно, последнее предупреждение.

— Стекло предупреждает об опасности, королева,— сказал он.— Мы сейчас услышим это еще раз из самого достоверного источника, человека, который мог предсказывать будущее.

Тирус создал старика со слезящимися глазами. Старец был одет в золотые одежды и нес в руках посох. Как хорошо Тирус помнил этого мудреца, который жил в хижине на склоне дымящегося вулкана в Камате. Он помнил также пророчества старика, предсказавшего свою собственную ужасную смерть и катастрофу, которая скоро обрушится на его народ. Он оказался прав, предвещая трагедию. Его маленький мир стал жертвой Врадуира.

Молча Тирус попросил у него прощения за то, что вызвал его. Он не думал, что добрый старик откажет ему. Старик обратился к Джателле и Илессе:

— Долгих лет жизни вам и вашей стране Куреду, северной жемчужине в короне Кларики.

Старец был так реален, что все услышали скрип посоха, когда он положил на него свой подбородок. Пророк продолжал:

— Выслушай меня, королева. На небесах написаны дурные предзнаменования. Наберись терпения. Подожди лучшего времени для путешествия из Куреда. Пусть на небеса придет умиротворение. К празднику Лета все будет хорошо, опасность исчезнет. А сейчас остерегайтесь черных туч на севере... остерегайтесь... остерегайтесь...

Его голос звучал все дальше и дальше и, наконец, исчез, как и его фигура, растаявшая в воздухе.

Тирус быстро завернул стекло в шелковую тряпочку и спрятал его в потайной карман на груди. К своему огромному облегчению он узнал, что пока он творил заклинание, никакое злое колдовство не появлялось, не было никаких указаний на то, что другой колдун узнал, что он работал со стеклом. Пока он выиграл!

Красный свет рассеялся, и они с Эрейзаном снова стояли в свете светильников. Тирус не осознавал, что он нетвердо стоит на ногах, пока сильная рука Эрейзана не поддержала его. Он облизал сухие губы и слабым голосом сказал:

— Все... все хорошо, мой друг. Я предупредил и мы остались надежно спрятанными.

— Пока...

В зале стояла напряженная тишина. Затем послышался вздох и нарастающий шум аплодисментов. Женщины в восторге размахивали веерами, а мужчины громко хлопали в ладоши. Когда перед ними проходили создания потустороннего мира, все они ужасно боялись. Теперь, когда они исчезли, зрители оживились и бурно благодарили фокусника. К огромному разочарованию Тируса королева и все ее придворные рассматривали эти пугающие явления, как часть вечернего представления, не больше.

— Было восхитительно страшно,— воскликнула Джателла. Все придворные с восторгом согласились с ней.— Великолепное представление, Тирус из Камата!

Тирус в отчаянии хотел возразить ей, сказать, что все создания предупреждали о реальной опасности. Но он не мог. Его миссия только тогда может быть успешной, если он будет следовать своей роли. Он был в ловушке, из которой выхода не было. Оставалась единственная надежда, что все это бросило зерно сомнения в душу Джателлы. Больше он не мог ничего сказать.

Королева Джателла поднялась и подошла к нему. Ее улыбка была теплой и она опять не позволила ему опуститься перед ней на колени.

— Я очень довольна вашим представлением,— сказала она.

Джателла позвала пажа, который принес ей кошелек, украшенный серебряными и золотыми пряжками. Кошелек был сам по себе большой ценностью и содержал внутри большое количество золотых монет. Она протянула его Тирусу.

— Чтобы показать, как мы благодарны, прими это от всей души.

Обескураженный в своей неудаче в попытках предостережения, Тирус стоял неподвижно, руки и ноги не повиновались ему. Эрейзан колебался, а затем взял кошелек и спрятал его, пробормотав слова благодарности от имени обоих.

Джателла была озадачена. Она не могла понять причины скованности Тируса.

— Не беспокойся. Это было действительно исключительное представление. Самое лучшее из тех, что мы видели здесь, в Куреде.

Тирус прокашлялся и выдавил из себя:

— Возможно... возможно не все из того, что вы видели, было просто представлением, королева.— Эрейзан предупредительно кашлянул, но его беспокойство было напрасным. Тирус добавил: — Но мы делали, что могли. Больше мы не можем. Если боги захотят, мы будем рады служить вам в следующий раз, королева.

— Если боги захотят,— согласилась Джателла с набожным жестом. Ей хотелось уверить Тируса, все еще пребывающего в мрачном настроении, что его выступление понравилось.— Я знаю, что Куред маленькое государство. Вы, должно быть, много путешествовали и видели красивые дворцы и большие страны. Но я хочу сделать из моей маленькой страны рай для красоты и мира, куда приглашаются все люди из всех стран, все богатства и все умы земли. Я надеюсь, что вы останетесь в Куреде и будете дарить нам свое искусство. С такими актерами, как вы, мы станем равными с великолепными дворами Лари-Куил или Валис, а может, сравняемся с Крантином.

— Вы очень добры к нам, королева. Мы подумаем над этим.

Все социальные обычаи были соблюдены. Обещанная плата выдана и принята с благодарностями. Все это было частью той роли, которую Тирус с Эрейзаном играли во

многих городах. Они были здесь чужими и в их услугах больше не нуждались. Почтительно поклонившись королеве и ее двору, они сошли со сцены, освещенной свечами. Джателла продолжала смотреть им вслед, не поворачиваясь к своим придворным. Илесса также сопровождала уход Тируса и Эрейзана взглядом, в котором была грусть.

Управляющий надувался от важности на выходе из зала. С фырканьем он сказал, что Тирус и Эрейзан сами могут найти выход из дворца, и погрозил им пальцем, предупредив, чтобы они по пути не украли какой-нибудь тарелки или гобелена. Это предупреждение заставило улыбнуться Тируса, а Эрейзан достал толстый кошелек и торжественно потряс им перед носом управляющего, звеня монетами. Это встревожило коротышку управляющего еще больше.

Многие из официантов и слуг уже разошлись по своим местам. Сешти с несколькими девушками-прислужгой убрали грязь. Когда Тирус с Эрейзаном проходили через комнату, Сешти и ее подчиненные расхваливали их выступление. Друзья в свою очередь поблагодарили их за угощение и внимание.

Тирус предполагал, что управляющий надеялся, что они заблудятся в извилистых переходах и влипнут в какую-нибудь неприятность. Но Тирус и Эрейзан были не новички во дворцах и крепостях. Они безошибочно шли по коридорам и внутренним дворикам, вызывая любопытство телохранителей и часовых, встречающихся у них на пути. Часовые у ворот подвергли их тщательному допросу. Старый сержант опознал их, как актеров, и безразлично спросил, куда же они собираются идти ночью. Он вряд ли слышал ответ, выпустив их на мощеную булыжниками площадь перед воротами. Через несколько шагов они оказались под звездным небом холодной туманной ночи северного лета.

Глава 4

РОФ — ПРЕДВОДИТЕЛЬ РАЗБОЙНИКОВ

Когда они вошли в темную улицу на дальнем конце площади, Эрейзан спросил:

— Что ты хотел узнать с помощью стекла?

— Потом. Успокойся. Нас могут услышать.

Тирус нащупывал путь по скользкой и влажной стене на левой стороне улицы. Он мог бы создать свет, чтобы

видеть путь, но боялся, что это привлечет чье-нибудь внимание.

— Здесь никого нет.— Тирус посмотрел в темноту в том направлении, откуда слышался голос Эрейзана.— Колдовство Врадуйра иногда полезно. Ты же знаешь, что я великолепно вижу в темноте, я уверяю тебя, что мы здесь одни. Я еще раз спрашиваю, зачем ты достал стекло? Если бы Врадуйр...

— Но он же не заметил.— И затем, уже менее сердито, Тирус сказал: — Я не такой идиот. Мы были надежно защищены.

Он опять ухватился за стену. Со вздохом отчаяния Эрейзан взял его за руку и уверенно повел вперед. Через некоторое время Тирус сказал в свое оправдание:

— Я знаю... знаю, что это было опасно. Но я должен был предупредить их о Врадуйре и о том, что таится на севере.

— Но ты же... не смог их предупредить.

Они подошли к одной из бесчисленных крутовых лестниц, соединяющих узкие улицы Куреда. Эрейзан вел Тируса, оберегая его от падения. Внизу он сказал:

— Если бы ты подчинил их своей воле, Врадуйр бы захватил нас...

Тирус резко вырвался из его рук и в гневе сказал:

— Стирание памяти, легкое обследование мыслей или внесение сомнений. Но воздействовать на разум других людей? Нет.

— Прости меня.— Эрейзан сказал это так мягко, что сердитые слова Тируса застряли у него в горле.— Это Врадуйр не церемонится ни с кем. Вот почему я боюсь за королеву и за ее сестру. Принцесса напоминает мне... очень напоминает мне потерянную Лалаен,— сказал печально Эрейзан.

Тирус понял, что Эрейзан повернулся к нему лицом и сейчас стоит с опущенной головой, испытывая глубокую скорбь. Его раздражение погасло, уступив место пониманию и симпатии. Он и сам заметил разительное сходство между Илиссой и погибшей женой Эрейзана, и знал, что обе женщины одинаково дороги акробату. Он должен быть внимателен, чтобы не бередить рану друга.

— Я пытался внести сомнения в мысли королевы, мой друг. Она очень сильная и ее нелегко напугать. Большого я не мог сделать без риска провалить нашу задачу и затронуть ее честь. Давай не будем ссориться. Врадуйру будет легко справиться с нами, если он будет знать, что мы живы и охотимся за ним.

Он приблизился к Эрейзану и тот пожал ему руку. Короткая размолвка исчезла, как будто ее и не было, и узы их дружбы стали такими же крепкими, как обычно. Эрейзан горячо сказал:

— Ты прав. Нужно было рискнуть, чтобы предупредить сестер. Жаль, что они этого не поняли и не приняли всерьез.

— Да.— Джателла была перед глазами Тируса.— Наивная и смелая.

— Нет, не смелая. Она очень мягкое существо с лицом богини, которую нужно всё время оберегать от грязи этого мира,— поправил его Эрейзан.

Тирус сказал:

— Мы испытываем одинаковые чувства, но к разным женщинам, мой друг. Какая глупость. Мы не можем себе этого позволить.

Из темноты донесся душераздирающий вздох.

— Ах, Тирус! Но она так прекрасна!

— И она невеста сэра Обажа,— мягко напомнил Тирус.— Такие женщины не для нас, Эрейзан. Мы путешествуем по земле только с одной целью — найти и наказать врага.

Акробат горячо с ним согласился.

— Где же? Около базара? Или нам двинуться на север и поискать бухту, в которой прячется корабль Врадуйра?

— Думаю, нет. Возможно, мы что-нибудь найдем в городе. Врадуйра или еще чье-нибудь присутствие. Присутствие того, кого я не могу определить. Я не хочу, чтобы кто-нибудь был за нашей спиной, пока мы идем по следу,— сказал Тирус.

— У тебя же есть связь с ним. Что мы должны делать?

Тирус протянул руку, ожидая, чтобы Эрейзан вел его дальше.

— Мы выслушали много честных людей на базаре и последние сплетни во дворце. Осталась еще одна часть Куреда, которую мы еще не исследовали, мой друг. Ту часть, в которой рождаются все злые слухи, откуда они идут. Ту часть, которая населена преступниками.

— Сектор Рофа.

Эрейзан не спорил, так как они бывали во многих приютах всей Кларики. Их смелость позволяла им не уклоняться от этого неприятного дела, даже после того, что им приходилось терпеть там.

Акробат вел Тируса к концу темного переулочка, где они вышли на освещенную фонарями улицу. То, что они хорошо изучили город днем, помогало им теперь ориентироваться в городе и без задержек и расспросов самим найти

путь к береговым бедным кварталам, где нашли себе приют нищие и воры.

Некоторые улицы и площади были ярко освещены фонарями, факелами или огнями таверн, другие оставались в полной темноте. По темным улицам Тируса вел Эрейзан. Понемногу они прошли улицы, патрулирующие торговой охраной и королевской полицией. Некоторые патрули задерживали их и тогда они объясняли, что ищут таверну, не упоминая ее названия Таверны Карманников. Их спокойное поведение не возбуждало подозрений и патрули даже предупреждали их, что этот район города опасный и лучше бы им перебраться в другой район. Солдаты и полиция появлялись здесь только большими отрядами. Тирус и Эрейзан благодарили их за совет, но когда оставались одни, шли прежним путем.

Наконец они спустились в извилистые улицы, где полиции уже не было. Мрак, сгустившийся здесь, был таким плотным, что даже сверхъестественное зрение Эрейзана не могло пробиться сквозь эту темноту. Тирус прошептал:

— Здесь нет патрулей, которые спрашивали бы, зачем мне оружие. Я думаю, что нам пора вооружиться, мой друг.

Эрейзан кивнул и начал подыскивать подходящее место. Наконец он обнаружил тупиковый конец переулка, куда не выходило ни окон, ни дверей. Эрейзан обошел его, чтобы убедиться, что он пуст. После этого Тирус выбрал кусок доски, упавший с крыши, достал несколько монет из кошелька Джателлы и приложил золото к дубовой доске. Эрейзан охранял вход в переулок в то время, как Тирус погружился в свой мозг. Он быстро падал, а затем бежал, так как времени в реальном мире у него было мало. Он плыл и летел по воздуху в том мире, созданном его чарами, и осматривал склады оружия, ища то, что ему было надо. Затем он подпрыгнул и выплыл на поверхность, очутившись снова в маленьком темном переулке. Обломок доски осветился, зеленые и золотые огоньки мерцали по всей его длине.

— Тряпку,— монотонно сказал Тирус.— Какой-нибудь обрывок...

Эрейзан поднял что-то с пыльной мостовой и прикоснулся им к сверкающей доске. Тряпка тоже стала светиться. Затем свет стал таять и металл в полированной коже стал отражать свет факелов, проникающий в этот переулок с освещенной улицы.

Тирус держал в руках меч, кожаные ножны и перевязь. Он сделал меч тонким, но необычно прочным, а тряпку

превратил в перевязь, чтобы удовлетворить местной моде. Тирус скинул плащ, одел перевязь и вложил меч в ножны. Затем он снова одел плащ.

— Простая предосторожность, мой друг! Они увидят, что я вооружен и будут опасаться нападать. Я не хочу тратить свою магию на них, если есть возможность обойтись без этого. Сотворить меч гораздо проще...

В глазах Эрейзана плясал веселый бесенок. Тирус не удивился, так как хорошо знал Эрейзана. Он почувствовал, что тот беззвучно смеется. Затем Эрейзан спросил:

— Просто? Тогда ты мог бы заработать кучу денег у Рофа или какого-нибудь генерала за такую простую штуку. Ты мог бы вооружить целую банду воров или армию солдат.

— Это уже не просто,— сказал Тирус, улыбаясь. Он не спросил Эрейзана, нужно ли ему оружие. В этом вопросе не было необходимости.

Они пошли дальше к реке, осматривая одну за другой таверны и харчевни. Во многих из них были оборванные бродяги, шустрые карманники и угрюмые грабители. Куда бы они ни входили, они тратили несколько монет на угощение сидящих и вызывали их на разговоры. Снова и снова они слышали рассказы о таинственных событиях на севере или о странном корабле, плавающем в Кларических морях. Но ничего нового. Обескураженные, они опускались все глубже и глубже в недра Куреда.

В богатых секторах города улицы были чистыми и широкими. Здесь же вместо улиц были всего лишь протоптанные тропинки. Проститутки и воры скрывались в развалинах домов. Они иногда выходили оттуда и приставали к Тирусу и Эрейзану, выпрашивая милостыню. В грязи валялись пьяницы. Их было так много, что друзья спотыкались о них. Иногда слышались ругательства, а кое-кто пытался ударить дрожащей рукой. Но в большинстве случаев не слышалось ни стона, ни протеста. В более цивилизованной части города Тирус бы предложил помощь этим несчастным, но сейчас providение заставляло его торопиться.

Они пробирались все дальше, переходя лужи грязи по уложенным камням и доскам. Наконец, Эрейзан протянул руку и указал на низкий вход в проломе полуразрушенной стены. Из подвала доносился громкий смех и пробивался тусклый свет.

— Вот это место,— сказал акробат.— Тот продавец говорил о сломанных ступенях и...

— Это Таверна Карманников.

Эрейзан почувствовал присутствие чужого раньше, чем тот заговорил. Но он весь напрягся, так как не был уверен, что он один, без сообщников. Одноухий человек вышел из тени и вытянул пустые руки, чтобы доказать, что у него нет враждебных целей.

— Не бойтесь меня, актеры. Роф послал меня встретить вас. Я шел за вами через весь сектор. Он знал, что вы придете. Он ждет.

Внезапно послышалась ругань и шум драки. На ступенях подвала появилось трое людей. Тирус положил руку на рукоять меча, но колебался, понимая, что этим бандитам нет сейчас дела до него и Эрейзана. Рыча и кусаясь, как звери, они покатались по ступеням. Люди столпились в дымном входе и кричали советы дерущимся.

— Дай ему! Научи его уважению!

— Я сейчас проучу тебя!

Сверкнули бронза и сталь. Послышался вскрик, угасший в туманной ночи. Однако убийцы не были удовлетворены, они кололи и кромсали труп, разрубая его на части.

Из таверны слышались голоса неудовольствия и разочарования. Никто не выступил на защиту убитого, но никто и не похвалил победителей. Зрители вернулись в таверну, оставив убийц наедине с жертвой. Они поволокли труп к стене одного из домов. Было ясно, что они намеревались припрятать его.

Одчоухий махнул Тирусу и Эрейзану, приглашая их спуститься в подвал. Один из убийц оторвался от своего омерзительного занятия и обернулся, оскалив зубы. Увидев, что ему никто не угрожает, он опять повернулся к трупу и начал бороться со своим компаньоном за добычу, которую тот обнаружил в карманах жертвы.

Ступени, ведущие в таверну, были скользкими от крови и испражнений. Желудок Тируса взбунтовался. Он поспешно проглотил слюну и пошел через тошнотворный запах, сжав зубы. Входя в таверну, ему пришлось наклонить голову, чтобы не удариться о низкую притолоку. Эрейзан шел справа от него, зная, что Тирусу требуется пространство, чтобы обнажить меч. Они осмотрели открывшуюся перед ними безумную сцену.

Туша какого-то огромного зверя, видимо украденная в лавке мясника, жарилась на большом вертеле на открытом огне. Дым поднимался к затянутому паутиной потолку и дубовым стенам и просачивался сквозь многочисленные трещины. Однако не весь дым уходил в трещины, в комнате стоял густой туман из дыма и запаха подгоревшего мяса. Чаши с горящим рыбьим жиром создавали дополни-

тельное освещение и дым. Посетители таверны ели с помощью пальцев и ножей, не унижаясь до тех изысканных манер, которые Тирус и Эрейзан наблюдали на королевском обеде. Проститутки отрезали от туши огромные куски и приносили их своим повелителям. Мрачный свет и дым придавали людям в таверне вид демонов, обитателей царства Бога Эла. Рассматривая этих бандитов, Тирус обнаружил, что здесь представлены все расы королевства Тита, но кроме того, были люди, происхождение которых он не смог определить. Цвет волос был самым разнообразным: от белого цвета жителей Ирико до черного Крантинского, цвет кожи изменялся от бледного Кларического до темно-коричневого цвета Сарли. И только в одном эти мужчины и женщины были одинаковы: все они преступили законы Куреда и законы других государств. Десятки глаз были направлены на Тируса и Эрейзана, оценивая их.

Откуда-то из-за очага раздался хриплый голос, приветствующий их:

— Отлично! Они пришли, черт меня побери, колдун и акробат!

Роф пригласил их присаживаться, толкнув одного из своих приспешников и сбросив его со скамьи. Затем он поднял кнут и ударил им лежащего на полу разбойника. Тот уполз подальше, чтобы кнут не смог достать его. Роф закричал:

— Освободите место моим друзьям, вы, тупоголовые болваны! Брэг, Слит-Нозе, Оаур... вон!

Бандиты, ворча, повиновались.

Одноухий бандит провел Тируса и Эрейзана через обстрел враждебных взглядов. Когда они прошли в угол, где расположился Роф, то увидели, что он сидит за отдельным столом. Вентиляционное отверстие в толстой стене пропускало свежий воздух, который отгонял дым и угар от этого подобия трона, на котором сидел Роф. Его окружали мрачные и жестокие типы, составлявшие его двор.

— Эй, баба! Еще вина и побыстрей, а то я подарю тебя моим ребятам!

Угроза была шуточной, но девушка, обслуживающая стол, в ужасе взглянула на угрюмых воров и кинулась выполнять приказание Рофа. Бандиты заржали, застучали в восторге кулаками по столу и стали выкрикивать всякие непристойности в ее адрес.

Тирус и Эрейзан не стали садиться рядом с Рофом. Они подтащили скамью и поставили ее под прямым углом к длинному столу, причем, Эрейзан опять сел так, что-

бы оставалось пространство для оружия Тируса. Роф заметил меч и с удивлением поднял брови.

— Откуда это у вас? Мне никто не говорил об этом. Мне нужны шпионы получше.

Одноухий и другие бандиты съезились от ужаса. Тирус не ответил. Он загадочно улыбался, держа руку на рукоятке меча. Роф повернулся к Эрейзану и спросил:

— А ты не вооружен?

— Разве?

Улыбка Эрейзана была менее загадочной, но более пугающей. И Роф обеспокоенно отвернулся от него.

Служанка вернулась. Она очень нервничала и расплескивала вино, пока несла его. Она подала вымытые кубки Рофу, Тиусу и Эрейзану. Как и все остальные женщины в Таверне, она выглядела гораздо старше, чем была на самом деле. Если бы ее вымыть, накрасить и приодеть поприличнее, она была бы даже красивой. Но жестокость и суровость жизни огрубili ее черты и внесли печаль в ее глаза. Роф улыбнулся и ущипнул ее за щеку.

— Обслуживай их получше. Они мои гости. Если ты им понравишься, я им дам тебя на ночь. Ты хочешь этого, девка? Тебе ведь редко достаются нормальные люди, у которых все на месте: и уши, и нос, и все остальное. Ну пока иди прочь и принеси нам соли, перца и мяса. Мы будем долго говорить, а разговоры возбуждают аппетит.

Когда она ушла, Роф добавил:

— Она рада, что сможет прижаться к вам. Да и любая из этих проституток тоже. Наши женщины редко видят таких красавчиков.

Он погладил свое изувеченное шрамами лицо, улыбаясь своему безобразию. Его люди были еще менее привлекательными. Как и говорил Роф, они все были украшены знаками прошлых наказаний и увечий, которые доказывали, что им не всегда удавалось скрыться от полиции и сыщиков.

В таверне было шумно от наигранной веселости. Слышались звуки хриплой музыки, звон посуды. Непрерывно вспыхивали ссоры, выхватывались ножи, лилась кровь. Большинство посетителей, однако, смотрели, как женщины демонстрируют себя, стараясь завлечь кого-нибудь. Они продавали себя без всяких ухищрений. Искусно отшивая тех, у кого не было денег, они теряли всякий стыд перед теми, кто мог заплатить. Как животные в период течки они ложились на стол или прямо на пол, в то время, как зрители осматривали их и высказывали свои комментарии. Тирус отказался смотреть на этот

бедлам, а Эрейзан выразил свое презрение грязным ругательством.

— Я вижу, что вам не по вкусу такие женщины,— сказал Роф.

Фраза была построена по-Крантински, но Тирус и Эрейзан слышали эту фразу в других городах и знали, что она означает. Роф дружелюбно улыбнулся:

— Ну, как прошло выступление перед королевой? Хорошо она вам заплатила?

Они спокойно встретили взгляд разбойника, в котором читалась неприкрытая алчность.

— Нормально,— ответил Тирус.

Он, конечно, не надеялся, что этот ровный безразличный тон обманет проницательного Рофа.

— Нормально! Ха! Ты слишком деликатно выражаешься, колдун!

— Фокусник,— поправил Тирус.

Хмыкнув, Роф сказал:

— Пусть так, фокусник.

Один из воров очнулся от сна и пьяным голосом закричал:

— Как? Они выступали во дворце и им заплатили? И мы их не ограбили?

— В чем дело? — Роф разыграл гнев.— Они мои гости, говорю вам, идиоты! То, что вы бандиты, вовсе не извиняет вашу глупость. Я не оставил свои мозги, когда меня выслали из Ве-Ня и вышвырнули из братства Зедов. Встать! Проси прощения у них сейчас же или я вырву твой язык и прикажу поджарить его для меня!

— Я... я не хотел оскорбить, Роф,— пробормотал несчастный вор. Он поднялся и под сердитым взглядом Рофа, запинаясь, проговорил корявые извинения. Тирус и Эрейзан не знали, как поступить. Пока пьяный бандит бормотал перед ними, Роф резко рванул его штаны с пояса и вылил в них свой кубок вина. Внезапно протрезвевший вор ахнул от неожиданности и стал судорожно натягивать штаны. Его друзья корчились от смеха.

— Это урок вам, ослы,— сказал Роф, отпихивая облитого вином вора. Все другие воры в угоду Рофу стали его бить и пинать ногами. Роф схватил его за волосы и согнул перед Тирусом и Эрейзаном: — Отомстите ему.

В другом обществе друзья отказались бы от мести, но здесь царили иные нравы, великодушия здесь не знали. Друзья помнили дикую сцену убийства, которая разыгралась перед ними, и знали, что за люди собрались здесь.

Тирус схватил всхлипывающего вора за шиворот и резко развернул его. Эрейзан ловко и сильно шнул его погой в выпяченный зад. Вдвоем они подняли незадачливого бандита и швырнули его через весь стол по направлению к Рофу. Тот ловко уклонился и пьяный бандит грузно ударился о скамью, а затем свалился на пол, где и остался лежать, всхлипывая и причитая.

Роф в восторге ударил по столу кулаком. Звук удара перекрыл общий шум в таверне.

— Великолепно сделано! Вы мои люди! Я сразу понял это, когда впервые увидел вас!

Он хохотал до слез. Затем он заметил, что подошла девушка-прислуга и смахнул со стола кости и объедки, очистив место для того, чтобы девушка могла поставить поднос с дымящимся окороком. Как хищные звери воры набросились на пищу, погружая свои грязные руки почти по локоть в жир и угрожая мешавшим ножами, чуть ли не рыча друг на друга.

Роф заметил брезгливость своих гостей и улыбнулся. Он взял кусок мяса, который он отрезал себе до того, как начался всеобщий хаос, и отодвинулся от безобразного пиршества. Роф положил кусок на грязный стол и подвинулся на краю скамьи, где он мог разговаривать с Тирусом и Эрейзаном.

— Нет аппетита? Вы слишком щепетильны! — Роф откусил кусок мяса и запил его вином. — Но вино-то вы пьете? Оно чистое. Дьявол меня накажет, если вы ничем не угостите меня!

Эрейзан хлопнул ладонью по столу.

— Не говори так! Никогда не говори так!

Тирус к своему удивлению был приятно возбужден наказанием пьяного бандита. Но теперь он очень встревожился. Он схватил Эрейзана за руку, обеспокоенный свирепым огнем, горящим в глазах друга.

Подавшись назад, Роф спросил:

— А что я сказал? Успокойся, друг Рыжик, я не хотел...

— Не называй меня другом. И никогда не призывай Бога Зла, чтобы он наказал тебя. Он может это сделать, — сердито сказал Эрейзан.

Роф поперхнулся вином.

— Ты меня удивляешь. Я не уверен, что боги думают обо мне. Я клянусь, кем хочу, и призываю тех богов, каких хочу.

— Ты подвергаешь себя опасности, упоминая дьявола. Бог Зла может взорвать дымящуюся гору, опустошить целый остров, уничтожить всех его жителей.

Тирус крепко сжал руку Эрейзана, предупреждая его.

Положив голову на руки, Роф задумчиво смотрел на них. Колеблющийся неверный свет горящего рыбьего жира и очага делал его похожим на одного из демонов.

— Здесь нет дымящихся гор и Куред не остров.— Он помолчал и снова вернулся к словам Эрейзана.— Вы видели, как взорвалась дымящаяся гора? Действительно, это гнев Бога Зла. Наверное, есть на что посмотреть.

Тирус открыл часть правды:

— Мы видели последствия взрыва. Если бы мы были очевидцами взрыва, то не смогли бы рассказать об этом. Нас не было бы в живых. Так что ты думай, какие ругательства используешь. Боги могут ответить тебе.

— Ну и ладно. Я согласен со всем, что дьявол сделает со мной,— упрямо сказал Роф.

Один из опьяневших воров поднял кубок, наполненный вином:

— Эй! Предлагаю выпить за дьявола. Мы встретимся с ним, как только Бог Смерти возьмет нас и пошлет к воротам Кета. Будьте уверены, что мы никогда не попадем в страну добрых богов героев.

Эта хвастливая речь рассмешила разбойников. Они были людьми, которые не думают о будущем, не заботятся о своей душе, не просят милости у богов.

— Заткнись, убудюдок,— выругался Роф.— Здесь я правлю, а не ты.

Он взмахнул своим хлыстом и все съежились, приниженно вернувшись к еде и питью, переругиваясь между собой из-за куска получше.

Роф хмуро смотрел на них, а затем повернулся к Тирусу и Эрейзану.

— Они как волки. Очень тупы, но они хорошие охотники, если их направить по правильному следу.

— И кого же ты выслеживаешь? — спросил Тирус.

Роф подергал себя за усы, не отвечая, а затем снова вернулся к первоначальному разговору.

— Где вы видели гнев дьяволов, взрыв горы? Когда?

Эрейзан застыл, глядя в пространство.

— Это было много лет назад и далеко отсюда. Далеко. Многие погибли, почти все, кто жил на острове. Они задохнулись в ядовитом дыму, а потом сгорели, превратились в хрупкий пепел. Все произошло так быстро, что никто не смог спастись...

Тирус не прерывал его, и Эрейзан закончил свое скорбное повествование. Понемногу в их углу таверны воцарилась тишина. На Рофа рассказ, казалось, произвел сильное

впечатление. Он обдумывал все услышанное немного растерянный. Затем он опять покрутил усы и сказал:

— Ну что же, если мне придет время умереть, я умру. Но я буду служить дьяволу. Разве можно найти лучшего хозяина для бандита?

— Может тот, кто пообещает могущество и золото в этой жизни? — предположил Тирус, испытываясь глядя на Рофа.

Роф попался на этот крючок, но не так, как надеялся Тирус.

— Хозяин? Или хозяйка? Вы случайно не нашли свободного местечка при дворе? Но вы видели королевский двор? Блеск! Много золота, много власти! Наши королевны — сестры унаследовали золото, власть и право наслаждаться ими теперь, когда все варвары загнаны в свои норы. Ах! Как наверное приятно быть богатым! Таким богатым, что можно иногда поиграть в переодевание или выехать на соколиную охоту. У меня слюнки текут при одной только мысли об этом. Королева и ее эскорт во всем великолепии! Какое искушение для бандита!

Тирус и Эрейзан не смогли скрыть свою тревогу. Говорил ли Роф о своих мечтах, или же он намекал на реальный заговор, который он готовит со своими людьми. Картина, которую Роф нарисовал, их очень встревожила. Рассуждая логично, можно было предположить, что Роф со своими головорезами не рискнет напасть на телохранителей королевны. Во всяком случае не в самом городе. Но если королева и ее приближенные будут далеко за городом с малочисленной охраной?

Обдумывая все это, Тирус вспомнил замечание Сешти о том, что эта охота была задумана сэром Обажем. Повод для этого — демонстрация нового соколиного выводка. А может есть другая, скрытая причина? Может сэр нанял Рофа и его головорезов и те устроят ловушку? Зачем? Напугать Джателлу и заставить ее подчиняться воле Обажа? Может таким путем полный амбиций лорд хочет получить трон, который ему не добыть честным трудом? Связан ли Обаж с Рофом? А может Роф продал себя какому-нибудь более могущественному и опасному хозяину, чем этот придворный хлыщ? Колдуну? Роф, кажется, знает о колдовстве и магии очень многое.

Роф улыбался Тирусу. Взгляд его был непроницаем.

— Да, соблазнительное зрелище! Но ни один разбойник не рискнет напасть на ее телохранителей. В полях Дрита для королевны нет никакой опасности. Ни разбойников, ни варваров.

— Нет? варваров? — повторил Эрейзан с сомнением в голосе.

— О, теперь вы будете у меня выпытывать о варварах, о пропавших крестьянах на северной границе? Затем вы спросите о диких рассказах, которые слушают и распространяют легковверные простаки. Спросите еще о Крантинском мифе об Андару, который объединил народы Крантина. Спросите о чужих людях из-за восточного океана, которые приходят вместе с солнцем и приносят вам горе. Спросите о...

Тирус оборвал его:

— Как ты и сказал, мы будем спрашивать — о крестьянах. Остальные мифы ты можешь оставить при себе. Многие думают, что эти рассказы о крестьянах распространяются для того, чтобы посеять тревогу в тех землях. Они думают, что это делается для того, чтобы с границ ушла охрана и тогда в страну вторгнутся бароны из Ирико или воины из других пограничных государств.

Роф скептически искривил губы.

— Насколько я знаю, никаких вторжений не предвидится. Хотя крестьяне действительно пропадали. Я слышал это в нескольких местах, где был я.

— Ты недавно там был? Где именно? — спросил Тирус.

— Далеко. Я путешествовал на севере даже в Ледяном Лесу на границе с запретной страной Бога Смерти. Послушайте моего совета. Забудьте те места. Там нет ничего, только опасность, холод и то, что смертные не должны видеть.

Роф со стуком опустил кубок на стол, приказав служанке наполнить его. После этого он лукаво сказал:

— Что-то вы мало пьете, актеры! Вы все еще не доверяете мне и боитесь опьянеть здесь, в этом прелестном гнездышке, где я хозяин? Ну что же, это умно с вашей стороны. Но вы ее умнее и задаете мне всякие вопросы. Но почему вы спрашиваете кому я служу? Я сам себе хозяин. Других нет.

Тирус задумчиво крутил кубок в ладонях.

— Нам нужен проводник, чтобы провести нас по некоторым... незнакомым землям.

— Вы хотите нанять меня? Ля! Идти в Ледяной Лес и запретную страну? Зачем вам это нужно? — спросил Роф с усмешкой.

Он слишком легко отнесся к предложению и это снова пробудило их подозрения о том, что Роф находится под властью Брадуира.

— В Ледяном Лесу живет племя свирепых существ, которых называют Раскалыватели Черепов. Ничего названного? Они растерзают вашу плоть, съедят внутренности, а из глупых черепов сделают чаши, если вы пойдете туда. Я хочу предложить вам кое-что получше. Работайте на меня, актеры.

— Что? — спросил Тирус, а Эрейзан от удивления поперхнулся вином.

Роф широко развел руки, его сломанные зубы в свете очага были как окровавленные клыки.

— Я найду вам дело, а вы найдете во мне сильного руководителя.

— Не прими за оскорбление, лорд-бандит, но я думаю, что вино затуманило твой разум, — сказал Тирус. — Мы актеры, а не воры. Чем же мы можем быть полезны для тебя?

Выражение лица Рофа стало зловещим.

— Мне надоела эта игра. Рассказывайте другим, кто вы такие. Я видел вашу работу. И того и другого. Ты не обычный акробат. Ни один смертный не сможет сделать то, что делаешь ты. А ты называешь себя фокусником. Я узнаю колдуна с первого взгляда. Ты один из колдунов. Я бывал везде и знаю настоящее колдовство. Ты, конечно, не одеваешь коричневую мантию, как колдуны в Крантине и Серлосе, которые называют себя Ходящими по Паутине. Но ты владеешь настоящим колдовством. Давайте покончим с игрой. Я предлагаю вам защиту. Не думайте, я могу вас защитить. И с моим опытом и знанием Куреда и с вашим искусством, мы станем очень богаты.

Тирус и Эрейзан молчали. Они осматривали темную комнату и обдумывали положение. Пока они беседовали с Рофом, в Таверне появилось много новых людей. Не все из них были мертвецки пьяны, а некоторые имели очень зловещий вид и были вооружены. Казалось, что никто не обращает внимания на двух, хорошо одетых людей, сидящих с Рофом. Но Тирус и Эрейзан знали, что за ними пристально следят. Главенство Рофа в этом притоне было абсолютным, поэтому их никто не задевал, боясь Рофа.

— Мы дадим тебе ответ, если ты поклянешься, — сказал наконец Тирус.

— Поклясться? — смех Рофа клокотал у него в горле. — Разве есть клятва, которую я не могу нарушить?

— Один момент, сначала скажи, что каков бы ни был ответ, ты дашь нам уйти, когда мы захотим, и ты не будешь задерживать нас.

Тирус держал волю свирепого бандита в плену своего взгляда. Это было против его принципов — не исполь-

зовать свое искусство против непосвященных. Но Роф был опасен, хотя он еще не причинил им никакого вреда. Тирус быстро обследовал внешние части его мозга и вернулся обратно. Ему было противно соприкасаться с ним дольше. Тирус не нашел отпечатков Врадуира, но чтобы быть полностью уверенным, надо копнуть гораздо глубже.

Немного нервничая, Роф отодвинул в сторону свой кубок.

Теперь вступил Эрейзан, устремив свой немигающий пристальный взгляд на Рофа. Этот взгляд произвел сильный эффект, хотя в нем не было ни капли магии.

— Клятва, которую ты дашь богу, которому поклянешься. Богу Зла. Клянись, что если ты нарушишь слово, то дьявол подвергнет тебя той же каре, о которой мы тебе говорили — ударит тебя огнем, отравит легкие и внутренности дымом, вскипятит кровь.

Хотя Роф был привычен к жестокости и смертям, эта клятва заставила его побледнеть. Он попытался смягчить все это и неуверенно сказал:

— Ну что же, пусть будет так...

— Клянись! — сказал Эрейзан. — Тебе для этого не нужны талисманы или еще что-нибудь. Дьявол услышит тебя и так и примет к сведению. Знай!

Невольно Роф посмотрел вниз на земляной пол. Его мысли были понятны. Бог Зла, Дьявол — правитель подземного царства и огня. Он может выйти через землю и создать огнедышащую гору в сердце Куреда! Разрушить и уничтожить все! И Роф будет один из первых, кто погибнет мучительной смертью, если нарушит клятву. Слегка дрожащим, напряженным голосом Роф повторил клятву за Эрейзаном:

— ...И ты не будешь задерживать нас.

— ...И я не буду задерживать вас, — закончил Роф и вытер пот со лба. Он казался очень встревоженным. — Клятва дана...

— И будет выполнена, — сказал Эрейзан, тыча пальцем вниз, чтобы напомнить Рофу, кому он дал клятву.

— Теперь наш ответ: нет! — сказал Тирус и они с Эрейзаном поднялись со своих мест. — Мы решили отклонить твое весьма соблазнительное предложение. Ты много обещаешь нам, но мы должны выполнять свои обещания. Мы не присоединимся к твоей банде воров и убийц.

Изуродованная челюсть Рофа отвисла. Он не знал, впасть ли ему в гнев или аплодировать их находчивости. В конце концов он рассмеялся.

— Че... я имею ввиду, клянусь своей бородой! Хорошо сделано, колдун! Очень искусно вы обвели меня! Акробат держал меня за горло, пока ты выпускал мне кишки! Ха!

Держась поближе друг к другу, Тирус и Эрейзан направились к выходу. Роф встал и пошел за ними, указывая, чтобы все, кто был у них на пути, освободили дорогу к выходу.

— Ваши языки так же остры, как и умы. Жаль, что я не смог соблазнить вас,— сказал Роф. В его ласковых словах таилась угроза.

Какая-то женщина преградила им путь. Это была та девушка, которая прислуживала им за столом. Соблазнительно извиваясь всем телом, она стояла перед Тирусом и Эрейзаном, знаками показывая, что она ляжет с ними обоими, если они того захотят. Эрейзан взял ее за талию и поднял без всякого усилия. Затем он отставил ее в сторону и они быстро пошли к двери, оставив ее обиженной.

— Даже она не могла соблазнить вас? — спросил Роф. Он продолжал уже насмешливым тоном: — После этого вы не мужчины и такие же изнеженные хлыщи, как королевские придворные.

Несколько свирепых головорезов поднялись со своих мест и, выхватив мечи и ножи, бросились к выходу, чтобы не дать им уйти. Роф щелкнул хлыстом и повелительным жестом приказал им вернуться на места.

— Пусть идут. Я поклялся дьяволу, что не буду задерживать их.

Его приспешники не знали, что сказать. Они перешептывались между собой, будучи в замешательстве от того, что какая-то клятва может удержать их предводителя. Роф улыбнулся и поклонился, как хозяин, желающий своим гостям спокойной ночи.

— Идите с миром, каких бы богов вы ни почитали. Но есть еще кое-что, что я хотел бы сказать вам перед вашим уходом, актеры.

Тирус был уже на ступенях, Эрейзан был готов одним прыжком взлететь на них. Они заколебались, раздумывая, что же может еще сказать им Роф? Улыбка Рофа превратилась в издевку.

— Я поклялся, как вы требовали. Я был вашим хозяином, пока вы были у меня в гостях и я обеспечил вашу безопасность. Но теперь вы уходите отсюда и у вас нет хозяина. Я поклялся, что выпущу вас отсюда. Дьявол свидетель, что я выполнил клятву! Теперь, когда вы отказались от моего покровительства, предупреждаю вас, берегитесь. В Куреде таится много опасностей для беспечных и неосто-

рожных. О, я не буду вашим врагом,— запротестовал Роф, подняв руку в знак отрицания такого предложения.— Я поклялся, что не причиню вам вреда. Вы мне понравились. Но есть много других, которым вы не по душе. Я не один в Куреде, кто знает, что вы все выпрашиваете. И ваши вопросы кое-кого сильно беспокоят.

Они не стали больше слушать. Тирус двумя прыжками взлетел по ступеням, Эрейзан — за ним. В темноту улицы акробат вышел первым, указывая путь. Они перешли на другую сторону улицы. Обнаженный, с остекленевшими глазами труп все еще валялся на дороге и они перешагнули через него. Как только они скрылись в густой плотной тени, они остановились, чтобы оглянуться на таверну. Никто за ними не следил. Никто не показался в низком проходе, ведущем в таверну. После глубокой тишины, которая воцарилась в таверне, когда они покидали ее, там вновь послышался шум и зазвучала музыка. Все было так, как будто Тирус и Эрейзан не переступали порога этого притона воров. Разнузданная оргия возобновилась с полной силой.

Но труп валялся почти на ступенях подвала, и Тирус с Эрейзаном были уверены, что это не будет единственной жертвой за сегодняшнюю ночь. Последние слова Рофа все еще звучали в их мозгу. Где-то в этой стране или поблизости Врадуир плетет свои дьявольские сети. Враги рядом и они ждут возможности напасть.

Раздумывая об этом, волшебник и его друг пошли в ночь и их поглотил мрак улиц Куреды.

Глава 5

УБИЙЦЫ, ПРЯЧУЩИЕСЯ В ТЕМНОТЕ

Тирус и не предполагал, что улицы Куреды могут быть еще темнее, чем тогда, когда они спустились в прибрежный район. Теперь вокруг был такой мрак, что казалось, что они идут в пещере. Луна передвинулась к самому краю горизонта и совершенно не давала света. Низкие облака закрывали звезды. Но даже если бы и не было облаков, то от звезд было бы мало толку: угрюмые здания нависали над улицей, по которой шли друзья, превращая ее в темное и зловещее ущелье. Без сверхъестественного зрения Эрейзана, который вел его, Тирус бы непременно заблудился.

— Сюда,— сказал Эрейзан.— Направо и вверх. Здесь несколько ступенек.

Иногда Эрейзан брал Тируса за руку и вел его, как по-водоерь. В основном он шел сзади, подталкивая его руками и направляя по нужному пути и поторапливая его.

— Осторожность мудрее, чем поспешность, мой друг,— сказал Тирус, с трудом пробираясь через лужи и скользя на покрытых грязью булыжниках мостовой.

— Пока мы здесь, на территории бандита, мы в опасности,— голос Эрейзана прерывался от напряжения или тревоги.— Я веду тебя назад к базару, в те комнаты, которые мы сняли над лавкой торговца.

— Хорошо, там мы обдумаем дальнейшее.— Тирус споткнулся обо что-то, возможно, труп, и уперся руками в шероховатую стену.— Иезор-Пелува! Здесь вообще нет света? Где фонари? По-моему, здесь было светлее, когда мы шли сюда, или мы шли другим путем? Я сделаю свой свет.

Внезапно рука Эрейзана сжала ему рот, заглушив голос. Тирус затаил дыхание и ждал в полной тишине. Он ничего не слышал. Но он доверял острым чувствам своего друга Эрейзана. Прошла почти вечность, пока тот отпустил его и позволил шумно вздохнуть.

— Что это было? — шепотом спросил Тирус.

— Я не уверен. Если кто-то и следил за нами, то он остановился, отбежал назад и спустился по ступеням в конец этой улицы. Давай поторопимся. Мне все это не нравится.

Тирус старался повторить уверенные шаги Эрейзана. Его ладони стали влажными и горели. Он ободрал их, когда упал, натолкнувшись на стену. Эрейзан снова остановился, чтобы проверить свои подозрения. Тирус вытер руки о плащ, не думая о том, что запачкает его кровью. Пусть. Когда будет время, то он вычистит его с помощью своего искусства. Многие из его плащей видели кровь, как и сам Тирус — кровь и смерть, смерть целого острова, всего народа, народа Тируса и Эрейзана.

Задерживаемые неспособностью Тируса видеть в темноте и не рискуя сотворить свой свет, они медленно продвигались вперед. Однажды они услышали шаги на соседней улице. Тирус прозондировал с помощью магии и заверил Эрейзана, что это один из патрулей. Если это так, то они совсем близко от цивилизованных районов Куреда. Обрадованные этим, они пошли более уверенно, чувствуя себя почти вне опасности.

Тирус ориентировался в пространстве только по звукам в ночи: в такой темноте это было единственным, что ему оставалось. Стоны, храп и бормотанье бродяг, спящих на камнях, грызня собак, которые копались на помойках. Звон посуды, доносящийся из-за закрытых окон и дверей.

И то оттуда, то отсюда доносились звуки жестоких драк, драк не на жизнь, а на смерть, подобных той, что разыгралась у входа в Таверну Карманников. В ночных джунглях Куреда шла смертельная борьба за существование. Тирус подумал, что может все безумие бурлившей вокруг них жизни действует на Эрейзана, который должен быть глазами их двоих.

Когда Эрейзан снова остановился и прислушался без видимых причин, Тирус слегка подтолкнул его и сказал, что он чересчур нервничает. Однако это хорошо, что Эрейзан так осторожен, подумал Тирус. Но его осторожность может вызвать новую опасность со стороны бродяг или ссорящихся проституток, которые могут посчитать их легкой добычей. Возможно, у Эрейзана нервы расшатались после длительной погони за врагом и сегодняшнего опасного приключения.

Внезапно, без предупреждения двое мужчин натолкнулись на Тируса и отбросили его в сторону. Где-то рядом Эрейзан вскрикнул от удивления и неожиданности, его голос изменился и затих.

Тяжелый предмет просвистел над головой Тируса. Дубина! Чуть левее и его мозги были бы на грязной мостовой.

— Убийцы! Нас не так просто взять! — вскричал он, беря власть над своим испугом и превращая его в ярость.

Тирус поднял руки вверх. Нападающие очевидно решили, что он хочет защититься от ударов. Он чувствовал, как они приближаются к нему, неподготовленные, предчувствующие близкую победу.

Внезапно странный беззвучный взрыв раздался на узкой улочке. Прямо над головой Тируса вспыхнуло миниатюрное солнце. Ожидая этого, он закрыл глаза руками, спасаясь от ослепительного яркого света.

— Аааа!..

— Факел!

— Где... как?

— Это не факел! Бог... спустился на землю, чтобы поразить нас!

Страх моментально переменял всю ситуацию. Ужас снова сковал убийц, которые скрывались во мраке. В одно мгновение их атака прекратилась. Они широко открытыми глазами смотрели на таинственный источник света. Как живые статуи они застыли на месте и не двигались.

Тирус одним взглядом окинул всю сцену. Ему противостояли три человека с дубинками, ножами и узкими шпагами Ирико. Они стояли в круге ослепительного света, закрывая руками прищуренные глаза.

Он не видел Эрейзана, хотя обыскал глазами все затемненное пространство вне круга, освещенного магическим солнцем. В темноте раздавались звуки ударов, рычание и зубовой скрежет. Время измерялось ударами пульса. Боясь за друга, он прекратил магию и выхватил меч. Он вышел из ножен с тихим змеиным шелестом и в свете волшебного огня он как будто сам засветился внутренним зеленым пламенем.

— Вам не нравится, когда ваши жертвы смотрят на вас, а? Бой начинается! — воскликнул Тирус.

Он давно уже не обнажал меч — очень давно! Он часто тренировался, надеясь, что его искусство поможет ему в борьбе с Врадуиром. Но во время погони за врагом ему еще не представлялась возможность обнажить оружие против врага. С чувством радостного возбуждения Тирус обрушился на врагов.

Первоначальный шок, вызванный колдовством Тируса, уже прошел, хотя источник света продолжал освещать пространство. Убийцы овладели собой и напали на Тируса. Он отскочил в сторону, парировал удар, выбив дубинку из рук одного из них. Как только тот упал, пытаясь найти замену потерявшему оружию, второй пытался поразить Тируса.

Тирус отразил удар, позволив лезвию проскользнуть мимо, и пронзил горло бандита. Его только что изготовленное лезвие попробовало крови врага. Тирус выдернул лезвие из раны и отскочил в сторону, чтобы избежать удара.

Когда-то это было игрой, возбуждающей игрой, которую использовал наставник принца, чтобы тренировать его. Наследник трона, командующий флотом, гроза пиратов, он упорно развивал свои физические данные под руководством учителей. Тирус обучался фехтованию быстро и легко, так же, как письму, колдовству и хорошим манерам. Теперь его искусство верно служило ему.

Он ударил и увернулся от удара, направленного ему в живот, затем отрубил чью-то руку с ножом. Тирус не стал приканчивать этого человека, и его крик исчез в темноте за пределами освещенного круга.

Тирус использовал свой волшебный свет, как дополнительное оружие, перемещая его в зависимости от поведения его врагов.

— Эрейзан! — звал он друга. — Эрейзан!

Затем ему пришлось броситься на мокрую мостовую, когда двое в черном пытались схватить его. Тирус ударил их по ногам, вызвав крики боли.

В темноте раздался еще один крик, полный ужаса. ~~Слышалось что-то~~ грозное рычание, как-будто хищный зверь рвал свою жертву когтями и клыками.

— Помогите! — в отчаяние кричал один из банды.

Тирус слышал возню совсем близко.

— Амаятл! Тигр... тигр убивает меня!

Вопли постепенно затихали и слышались только предсмертные сдавленные хрипы. Тирус знал, что произошло там, в темноте. Он перекатился по земле и сильно ударил рукоятью меча по ноге, занесенной для удара в лицо. Затем он повернулся и проткнул мечом другого, который уже замахнулся, готовый разmozжить ему череп. Учитель Тируса презирал такую вульгарную тактику в благородном искусстве фехтования, но Тирусу она не раз спасала жизнь. Ведь здесь был не тренировочный зал во дворце, где учитель с учеником вежливо раскланивались после каждого боя. Здесь требовалось одно — выжить.

Тирус поднялся на ноги и отскочил назад к краю освещенного круга. Свет магического солнца немного ослаб, но он оставался достаточно сильным и ослеплял врагов.

— Бегите прочь, пока живы! — закричал Тирус.— Прочь, пока не поздно, псы!

— Он... он не фокусник! Он колдун! Настоящий колдун! — Кто-то внезапно осознал действительное положение вещей.— Магия!

— Атара! Ритан! — Они в панике звали своих друзей, не получая никакого ответа.

— Зовите, зовите,— засмеялся Тирус.— Может, они ответят из ледяного царства Смерти.

Затем какая-то огромная тень выскочила из-за спины Тируса и бросилась на испуганных убийц. Те в ужасе замесались, сталкиваясь друг с другом и пытаясь бежать. Один из них упал, послышался хруст костей под тяжелым телом хищника и его леденящее кровь рычание.

Свет замигал и чуть не вернулся туда, откуда его вызвал Тирус с помощью своего искусства. Тирус бросился в битву, не желая тратить свое могущество на то, чтобы восстановить прежнюю яркость солнца. Один из бродяг пал под его ударом, а свирепый зверь, рыча, разорвал другого.

Двое последних бродяг бежали со всех ног, оставив тех, кто, может, еще оставался жив. Их шаги замерли вдали. Тирус перевел дыхание, меч в потной ладони опустился вниз. Он посмотрел на арену боя и небрежно обратился к своему искусству, вернув прежнюю яркость солнца. Мертвый бандит лежал у его ног, испуская последние в его жизни вздохи. Его кровь просачивалась в трещины мостовой.

Другие валялись тут и там мертвые или умирающие. Тирус отключил свой слух от этих жалобных предсмертных стонов и стал внимательно прислушиваться, чтобы уловить другие звуки. Наконец он услышал то, что хотел — мягкое покашливание. Он пошел, перешагивая через тела, его свет двинулся вместе с ним.

— Эрейзан! Мой друг! Где ты?

Ориентируясь по слабому кашлю, он шел на звук и наконец смог встать перед акробатом на колени. Тирус вложил меч в ножны и внимательно осмотрел друга. Эрейзан был обнажен. Тирус знал, что когда началось превращение, Эрейзан снял с себя плащ, тунику и штаны. Это превращение произошло внезапно и не по воле Тируса: его вызвало внезапное нападение. Поэтому восстановление происходило медленно. Очень болезненно — со стонами и кашлем, Эрейзан возвращал свой человеческий облик. Когда Тирус поддержал Эрейзана, тот беспомощно уронил голову ему на грудь. Он судорожно дышал и стонал. Тирус крепко держал его за плечи, в противном случае Эрейзан упал бы на мостовую в грязь и кровь. Он чувствовал дрожь, которая была все тело его друга.

— Ты невредим? — спросил Тирус мягко и настойчиво. — Они могут вернуться.

— Все... все в порядке. Помоги мне встать...

Тирус помог ему подняться и прислонил к каменной стене, опасаясь как бы Эрейзан не соскользнул обратно на камни: так он был слаб.

Но он устоял, и Тирус быстро обшарил все вокруг, собирая разбросанную одежду.

— Боюсь, что туника здорово порвана. Но ничего. Можешь на секунду поднять руки?

Двигаясь, как одна из волшебных кукол Тируса, Эрейзан повиновался. Он с трудом вошел в свою одежду. Несмотря на все протесты, Тирус осмотрел Эрейзана и обнаружил на голове пятно, которое по своей яркости превосходило ярко-красные волосы акробата. Рана тянулась от уха до шеи.

Тирус внимательно ее обследовал. Эрейзан терпеливо ждал. Все еще не отошедший от своего быстрого изменения облика, акробат прижал свои ладони ко рту. Его руки и рот были в крови, но Тирус знал, что это не его кровь.

Где-то вдали слышалось завывание. По обеим сторонам улицы захлопнули ставни: это люди обрели мужество, потерянное ими во время смертельной схватки под их окнами, у дверей их жилищ. Тирус быстро выяснил причину этого шума и сказал:

— Полиция. Кто-то вызвал их. Они идут сюда, чтобы выяснить, что произошло.

— Тоже убийцы,— пробормотал Эрейзан.

— Возможно. Мы не можем сказать правду. Может они захотят закончить то, что не удалось бандитам.— Тирус набросил плащ на качающегося от слабости акробата.— Нам нужно убраться отсюда. В Куреде мы нигде не будем в безопасности. Ты можешь идти?

Эрейзан опять кашлянул. В этот раз кашель был уже совсем человеческим и достаточно громким. Он сказал не очень уверенно:

— Я... я думаю, что могу.

Тирус подумал мгновение.

— Один момент. Мы пойдем медленно.

Он приложил руку ко лбу и мысленно искал что-то внутри, как бы перебирая отдельные фрагменты своего мозга. Затем миниатюрное солнце снова вспыхнуло. Его сверхъестественное присутствие прогоняло тьму.

— Они... они увидят и найдут нас,— запротестовал Эрейзан.

— Нет.

Тирус нахмурился и закончил свое заклинание. Солнце как будто покрылось вуалью и свет, отфильтрованный ею, окружил Тируса и Эрейзана.

— Теперь мы можем видеть их, а они нас не увидят.

— Это... это требует твоих сил,— сказал Эрейзан, стараясь держать голову прямо. Он застонал и схватился руками за кровоточащую рану, но Тирус отвел его руку.

— Потом. Пошли. Нам нужно к воротам. Ты помнишь район за лавкой торговца тканями? В лавке мы видели заднюю дверь. С помощью богов мы оставим преследователей далеко сзади.

Он обнял рукой акробата и повел его по улице.

При свете Тирус легко находил дорогу. Но он был вынужден двигаться очень осторожно из-за слабости Эрейзана. Временами Эрейзан останавливался, почти теряя сознание и тяжело опираясь на Тируса. Мало-помалу его шаги становились все увереннее и его согнутая фигура постепенно выпрямлялась. Когда они встретили полицейский патруль на углу, Эрейзан уже мог идти так же быстро, как и Тирус, скрываясь от патруля под волшебным колпаком. Один из полицейских дотронулся до вуали, закрывавшей их, и обжег руку. Он удивленно осмотрел ее и что-то неуверенно пробормотал. Но, однако, он не нашел ничего, что могло бы объяснить это явление. Некоторое время он смотрел прямо на Тируса и Эрейзана, в действительности

глядя сквозь них на стены домов. Озадаченный необъяснимым ощущением, он поспешил за своими товарищами.

Когда друзья подошли к базару, то увидели, что он хорошо освещен и сильно охраняется полицией, которой платили сами торговцы. Пользуясь светом фонарей, Тирус выключил свое солнце и сосредоточился на том, чтобы сделать волшебный колпак более надежным. Эрейзан еще не пришел в себя полностью, и Тирус не торопил его. Он выбрал безопасный путь, чтобы пересечь рыночную площадь. Торговцы устроились на ночлег в своих повозках, или же спали прямо под открытым небом. Несколько очагов были разложены прямо на камнях мостовой, и люди собрались вокруг них, чтобы расслабиться и посплетничать о том, что произошло за день, пинками прогоняя бродяг, устроившихся спать в недозволенных местах. Однажды какая-то собака наскочила на колпак и, в ужасе завывая, убежала прочь. Тирус боялся, что кто-нибудь полюбопытствует, что же так испугало собаку. Но ее лай вызвал только град камней вдогонку животному: таким способом рассерженные граждане пытались успокоить собаку. Тирус и Эрейзан прошли совсем близко с патрулем и смогли слышать обрывки разговора о недавних событиях в Куреде.

— ...и больше сообщений не было?

— Пока нет. Только то, что сообщил Латас недавно. Что-то о трупах на улице Мясников. Все жители в истерике. Они говорят, что тигр напал на кого-то прямо под их окнами.

Первый полицейский в изумлении переспросил:

— Тигр?

— Да, они говорят, что рычание было, несомненно, тигра.

— Этот горожанин, который утверждает, что это был тигр, не мог перепутать его с кошкой?

— Я был там и могу сказать, что там был скорее всего тигр. Поскольку несколько трупов, лежащих там, разорваны клыками и когтями тигра.

Эрейзан закрыл лицо руками и шел так, почти вслепую. Тирус обхватил его, и вел, ожидая, пока тот успокоится, а в это время слушал разговор полицейских.

Пожилой полицейский отнесся к этому скептически.

— Тигр! Ха! Там в речном секторе всякое случается. Эти бандиты убивают друг друга все время.

— Это же на улице Мясников,— напомнил второй.— Совсем рядом с кварталами, где живут честные люди.

— Ну вот тебе и объяснение. Кто-нибудь из мясников решил подшутить и выбросил тушу, разделив ее так, что

можно подумать, что она разорвана тигром, как будто тигр бродит по Куреду.

— Но убиты-то люди, а не коровы и не бараны,— сопротивлялся второй.

Тирус дальнейшего не слышал, так как они ушли далеко. Он был рад тому, что акробат тоже не слышит продолжения этой беседы. Конечно, Эрейзан не делал ничего плохого и неправильного: он ведь защищался от убийц, но сам Эрейзан не разделял этого убеждения.

Потихоньку они пересекли площадь. На севере города улицы были гораздо лучше, так как там находились дома зажиточных граждан. Они были лучше освещены, но здесь было много патрулей, которых им следовало избегать. Тирус хорошо видел при свете факелов и поэтому не возобновлял свой волшебный источник света. Он нашел ту улицу, где была расположена гостиница. В ней они намеревались отдохнуть с комфортом. Когда они подошли к ней, то увидели у входа нескольких полицейских, беседующих с хозяином гостиницы. Это было то, чего он боялся, когда они шли сюда. Мысль о мягкой постели, в которой они могли бы выспаться, была очень заманчивой. Но как он мог объяснить кровь на своей одежде и состояние Эрейзана? Он мог бы с помощью магии убрать все следы борьбы, сделать так, чтобы полицейские не задавали вопросов, но их было слишком много, а такое количество волшебной энергии вызвало бы интерес Врадуира. Рисковать нельзя. Есть же пути, которые не требуют риска и безопасны. Осторожно Тирус повел Эрейзана от гостиницы.

— Придется пройти еще немного,— подбодрил он друга. Волшебный колпак не позволял им не только видеть, но и слышать, но чем меньше они будут говорить, тем меньше вероятность, что их обнаружат.

— Мне... мне лучше. Думаю, что могу идти сам.

Эрейзан был еще слаб, но он не упал, когда Тирус отпустил его. Они ушли с улицы Ткачей и пошли по извилистым улицам, все время держа направление к стенам. Только когда они оказались под защитой стен часовой башни, Тирус снял свой волшебный колпак, спрятав его в тайники своего могущества. Колпак мог обмануть глаза и уши тех, от кого прячутся. Поэтому Тирус хотел, чтобы его чувства освободились от всякой преграды. Тирус вгляделся в темноту, пытаясь рассмотреть какие-то темные неясные очертания. На стенах горели сигнальные огни, но они делали темноту внизу, под стенами, еще гуще.

— Ты можешь смотреть? — с надеждой спросил он Эрейзана.

— Конечно. Впереди дубовые ворота.

Постепенно глаза Тируса привыкли к темноте. Теперь он мог уже различать кое-что впереди. Затянутое облаками небо отражало свет факелов и благодаря этому призрачному освещению, они обнаружили, что находятся между внутренними городскими стенами и линией укреплений.

Эрейзан прижался ухом к воротам, пытаясь услышать, что находится с другой стороны ворот.

— Никого,— кивнув, сказал он.

Он отступил в сторону, пока Тирус осторожно открывал ворота. Он возился довольно долго. Наконец болт с легким скрипом отошел в сторону и ворота бесшумно распахнулись. Тирус натянул капюшон на голову, чтобы закрыть свои светлые волосы, которые могли увидеть со стен, и они, осторожно оглядываясь, выскользнули из ворот.

Тирус, припомнив план города, уверенно повернул направо. Эрейзан медленно шел за ним, все еще не придя в себя. Тирус пытался его поддерживать, но акробат с раздражением оттолкнул его.

Им говорили, что эта часть городских стен проходила вдоль северного берега. Берег был неприступен из-за отвесных утесов, стеной стоящих вдоль него. Поэтому городские стены здесь охранялись гораздо меньше, а те ворота, через которые они вышли, были здесь единственным входом в город и он как нельзя лучше соответствовал их намерению уйти из города незамеченными.

Они прошли между земляными холмами, ямами и другими оборонительными сооружениями. Высоко над ними по стене от башни к башне ходили часовые. Но они в основном наблюдали за дальними подступами к городу, не обращая внимания на то, что происходит внизу под стенами. Эрейзан и Тирус прятались в земляных укреплениях, выжидая момента, когда часовые отвернутся. Наконец они смогли перебежать в густую тень наружной стены.

Совсем недалеко от них сонный солдат охранял выход через стену, его голова лежала на руках, крепко сжимавших копье. Эта часть стены была неприступной, так как за ней находились крутые утесы, обрывающиеся в море, и часовые, назначаемые на этот пост, знали, что их служба простая формальность. Они безмятежно дремали, не опасаясь нападения. И все же солдат мог проснуться, если бы услышал какой-нибудь необычный звук, предположив, что злоумышленники подбираются к воротам.

Эрейзан сказал Тиусу на ухо:

— Я уже пришел в себя и могу пристукнуть его тихонько.

— Сделаем что-нибудь другое, более безопасное.

— Но ты уже много истратил своего могущества,— сказал Эрейзан, но Тирус успокоил его.

— Еще немного.

Он закрыл глаза и направил свое существо к сонному часовому. Тирус начал говорить, но слов слышно не было. Тайнственное пение звучало в его мозгу. Наконец он вернулся в этот мир и сказал:

— Теперь он не заметит нас.

Тирус пошел вперед и Эрейзан последовал за ним без колебания, полностью доверяя ему. Они шли в тени стен, направляясь к выходу. Когда друзья подошли к воротам, часовой поднял голову и посмотрел прямо на них. Но он не сказал ничего. Глаза его были пусты, челюсть безвольно отвисла.

— Здесь никого нет,— сказал Тирус странным утробным голосом.

— Здесь никого нет,— повторил часовой. Его губы едва слушались его.

— Ты ничего необычного не видишь.

— Ничего...

— Ты бодрствовал всю ночь, охраняя стены королевской крепости и никто мимо твоего поста не проходил. Все было спокойно.

— ...все было спокойно.

Тирус подошел к часовому и мягко отодвинул его в сторону. Массивная железная полоса и замок висели на дверях. Тирус вздохнул, увидев все это. Он сконцентрировал свое внимание сначала на замке, а затем перевел свою силу на засов. Благодаря искусству Тируса засов открылся совершенно бесшумно. Он бросил последний взгляд на часового и они с Эрейзаном тихо и спокойно приоткрыли ворота и выскользнули наружу. Они снова закрыли ворота и Тирус опять возвратился к своему искусству, чтобы вернуть засов и замок в первоначальное состояние.

Тирусу стало смешно, когда он вспомнил, как Роф пытался понять его. Высоко же он оценил Тируса. Интересно, сколько бы награбленных сокровищ заплатил лорд-бандит за то, чтобы обладать таким искусным колдуном, как Тирус? Тирус редко обращался к своему могуществу. Исключением только были такие чрезвычайные обстоятельства. Перед ним стояла другая, более важная цель, для достижения которой он должен был беречь свои силы — уничтожение Врадуира.

Эрейзан опустился вниз, опершись спиной на стену. Он тяжело дышал ртом, очевидно его снова охватила сла-

бость, вызванная неподготовленным внезапным превращением. Наконец он с трудом поднялся на ноги и они осмотрели равнину, раскинувшуюся перед ними. На ней не было ни одного куста и дерева. Все было выжжено и вырублено, чтобы не оставалось ни одного места, где могли бы укрыться нападающие.

Тирус оценил всю мудрость этой предосторожности, но для них с Эрейзаном это создавало дополнительные сложности.

Выбора не было. Тирус посмотрел в направлении морского берега. Туман скрывал утесы и постепенно перекатывался на пустошь за стеной. Он подождал, пока туман достаточно сгустился, чтобы скрыть их, и затем сформировал колпак. Для сохранения могущества он сделал колпак очень тонким. Свет он тоже не стал создавать.

Они шли так быстро, насколько позволял им волшебный колпак. Друзья спускались по пологому склону к северу. Под ногами шуршали листья и влажная трава. Все звуки оставались внутри колпака. Охранники не могли слышать, как Тирус и Эрейзан, задыхаясь, бежали прочь от Куреда.

Прошло много времени, пока они достигли дальнего конца пустоши и укрылись за заросшим холмом. Тирус посмотрел на Куред. Часовые методично обходили свои посты. Их темные силуэты периодически мелькали на фоне горящих сигнальных огней. На стенах города, выходящих к морю, огни маяков пробивали плотный туман, предупреждая корабли об опасных рифах, которые преграждали путь к берегу. Факелы и уличные фонари в городе мягко освещали низкие облака и их отраженный свет создавал странное освещение стен и пространства вокруг них. Густой туман придавал этому освещению какую-то таинственность. Все было спокойно, мир и покой царил над городом и его жителями.

Когда-то над Каматом тоже царил покой. Но несмотря на это город был уничтожен.

Эрейзан вытянулся на травяном склоне холма, как на постели. Тирус с нежностью посмотрел на него, а затем поднял его на ноги.

— Не здесь, мой друг, не здесь. Нам надо найти какое-нибудь убежище, крышу. Тучи сгущаются. Скорее всего Грос-Донак собирается утром послать нам дождь. А нам предстоит еще очень долгий путь, если мы хотим загнать Брадуира в землю.

Глава 6

ЖЕРТВЫ КОЛДУНА

Тирус нянчился с искоркой, тлевшей в куче сухих листьев и веточек, пытаясь раздуть костер. Пока он возился с костром, Эрейзан лежал под навесом из веток. Акробат уклонился от разжигания костра под предлогом проверки шалаша на способность его защиты друзей от дождя. Но Тирус знал, что после ночной переделки Эрейзан еще не приобрел свою форму. Эрейзан лежал, опираясь на локоть, и смотрел, как Тирус подкармливает слабый огонек. Несколько дождевых капель прошло через навес, но их было не так много, чтобы обеспокоить друзей или загасить костер. Постоянный моросящий дождь усыпил ночных птиц и насекомых. Рядом с их хижинкой меж камней весело журчал ручей, создавая умиротворяющий фон.

Во время своего бегства из города на север страны они видели много красивых деревенок и других селений, расположенных на пологих живописных холмах. Но они обходили все селения стороной. После ночного боя на улицах Куреда ни тот, ни другой не имели желания доверять кому бы то ни было. Была уже поздняя ночь и пошел дождь, когда они устали и решили остановиться. Топорами, которые Тирус сотворил из сучьев, они нарубили веток и сделали из них навес от дождя на защищенной от ветра стороне большого холма. Навес должен был защитить их от дождя и спрятать костер от глаз крестьян и пастухов по крайней мере до утра.

Тирус задумчиво посмотрел на Эрейзана. Он многое мог сделать с помощью своего колдовства, но их раны были нанесены обычным оружием, а не магией и в этом случае его магия была малоэффективной. К счастью, ни одна из их ран не была достаточно серьезной. Тируса больше беспокоила слабость Эрейзана и его подавленное состояние духа. Он принес ему целебную траву, которая должна была помочь больше, чем все его заклинания. Тирус протянул ему кусок корня растения:

— Возьми. Не упрямясь. У меня нет возможности помочь тебе, ты же знаешь. Этот корень успокоит твой желудок и поможет затянуться твоим ранам.

— Но не твоим,— сказал Эрейзан.— Этот корень не может мне помочь, потому что я...

Он не закончил фразу и стал смотреть в потолок, сделанный из веток. При этом он тяжело вздохнул. Затем с

неохотой он взял корень и стал жевать острое горькое зелье. Немного погодя он сказал:

— Я когда-нибудь говорил тебе, что мать моего отца звали Дестрой?

Он говорил, но Тирус не сказал ему этого. Если это может отвлечь друга от печальных мыслей, то Тирус решил выслушать его терпеливо. Эрейзан смотрел в огонь и говорил:

— Она оставила Деки на Реке, когда вышла замуж за деда. Они всю жизнь плавали в Южном Кларическом море, пока не поселились в Камате. Но все эти годы она не переставала себя звать Дестра, Ашед, поклоняющаяся Арган, богине демонов. Это корень. О, бог молний! Она бы плюнула на меня, если бы видела, что ее внук ест этот корень. Это растение проклято Дестрой.— Он горько, с ненавистью усмехнулся.— Это смешно, что я должен есть его, чтобы вылечиться, да? Проклятое растение для заколдованного человека-зверя.

Тирус заставил Эрейзана наклонить голову, чтобы он мог обследовать рану на черепе при свете костра. Он аккуратно смыл запекшуюся кровь и сказал:

— Ты не Дестра, мой друг. Твои родители, как и мои, рождены в Кларике. Вот наша кровь.

— Но я заколдован, я зверь, не человек, не внук Деки и Шиидза. Даже ты не можешь снять с меня это заклятье, которое заставляет меня рвать когтями тела, пить кровь, как...— Эрейзан с силой ударил кулаком по сырой от дождя земле.

— Прекрати. Ты — Эрейзан из Камата, человек. И теперь ты по полному праву главнейший. Этот почетный титул живет вместе с тобой.

Глаза Эрейзана заблестели при этих словах.

— Право выжившего. Единственного выжившего из всех кланов Камата. Мертвецы, погребенные в сером пепле взорвавшейся горы...

Тирус крепко сжал ему руку и сказал:

— У тебя снова открылись раны.

— Раны, которые никогда не заживут, пока жив Врадуир.

По настоянию Тируса Эрейзан лег на спину, но продолжал говорить:

— Он должен быть мертв. Мертв так же, какими он оставил нас.

— Он мог убить нас на самом деле, мой друг,— заметил Тирус. Кровь заставляла его защищать их врага даже теперь.— Его заклинания оставили нас живыми.

— Зачем? Чтобы он мог смеяться над нами, глумиться над нами, как жестокий хозяин глумится над зверем, сидящим на цепи? — Эрейзан не мог согласиться с тем, что Вradуир проявил к ним милосердие, хотя и таким жестоким способом. — Нет, это судьба спасла нас, а не он. Он не проявит жалости, если у него появится шанс убить нас.

— Конечно. Боги спасли нас в Камате. Они хотят, чтобы мы наказали Вradуира за непослушание богам. Но для этого мы должны быть сильными. Ты должен придти в себя поскорее.

— Вернуться из звериного состояния, — закончил Эрейзан со стыдом.

— Ты не зверь, — горячо возразил Тирус. — Тот, кто меняет облик, — не настоящее животное. Ты — человек. Ешь корень. И не давай возможности Вradуиру радоваться, когда ты страдаешь.

Пристыженный Эрейзан начал жевать корень. Затем он сказал:

— Мы должны скрываться, пока Вradуир может свободно вершить свое черное колдовство. Ты думаешь, что эти убийцы были его люди, как и команда заколдованного корабля? Человек, который пытался убить нас, оказался мне обычным человеком, когда я... — Он зажал рот рукой.

Тирус подождал, пока прошла тошнота у Эрейзана. Затем он вытянул свои длинные ноги и сложил руки на коленях.

— Я об этом думал. Мне кажется, что это просто люди Рофа. Он знал о деньгах, которые нам дала королева. Он знал, откуда и куда мы пойдём. К тому же он имеет шпионов, рассеянных по всему Куреду.

— Не может ли он сам быть шпионом Вradуира?

— Возможно. — Тирус высказал предположение, которое мучило их обоих. — Роф также знает и то, что королева завтра собирается на охоту. Он говорил об ограблении, о том, что охрана будет малочисленной. Клянусь богами, этот бандит знает чсресчур много.

— Шпионы во дворце? — предположил Эрейзан. Он поморщился и пощупал ребра, которые, вероятно, основательно пострадали во вчерашней схватке. — Обажа может быть его шпионом, его ушами и глазами во дворце.

Улыбка скользнула по губам Тируса.

— Обажа просто хлыщ, и маловероятно, что он союзник Рофа. — Но его оживание пропало, когда он добавил: — Но они оба могут быть инструментами в руках Вradуира, задумавшего какой-то дьявольский план против королевы.

Встревоженный Эрейзан сел и посмотрел на друга.

— Что? Против принцессы Илиссы и королевы? Ты думаешь, что он хочет сделать им что-нибудь плохое?

— Я чувствовал какую-то странную зловещую силу, когда мы были во дворце, мой друг. Это было что-то новое для меня — прикосновение Врадуйра и что-то еще. Я не ощущал этого до прихода во дворец и после ухода оттуда. Но в королевском обеденном зале оно было чудовищно сильным, зловещим, пугающим. Оно на некоторое время ошеломило меня до потери речи.

— Я заметил. Может, это другой колдун, более сильный, чем Врадуйр? Может, он вошел в союз с кем-нибудь таким же, как он? — предположил Эрейзан.

— Думаю, что нет, и я уверен, что нет на свете колдуна, который бы мог превзойти Врадуйра — кроме меня.

Тирус взвешивал все возможности и Эрейзан терпеливо ждал. Он ценил опыт и знания Тируса в делах магии и колдовства. Он непрерывно жевал корень и краска постепенно возвращалась на его лицо.

После длительных раздумий Тирус полез в карман туники и достал стекло. Эрейзан встревожился, и Тирус поспешил объяснить другу:

— Я должен. И я уверен, что надежно защищу нас.

— Но твоя магия уже много раз была в действии за последнее время! — запротестовал Эрейзан. — Ты сделал так, что шпионы его не смогут узнать нас при встрече. Ты сделал нам новую одежду. — Он жестом показал на свою туннику. — Оружие, которое ты сотворил...

— Я сделал все это без напряжения и усилий. И мы должны узнать, где он и что планирует, мой друг... Я сделаю специальный колпак, который будет охранять нас, когда мы будем пользоваться стеклом.

— Стекло — это же самое сильное твое оружие. Ты мне часто говорил об этом! У Врадуйра есть такое же. Ты говорил, что нам нужно его использовать только в тот момент, когда мы будем рядом с ним, готовые ударить. Теперь ты собираешься искать его вслепую. Почему? — воскликнул Эрейзан.

Очень медленно, с предосторожностями и некоторой нежностью Тирус размотал тонкий шелк и открыл черное стекло. Он положил его на ладони.

— Потому что я думаю, что мы близко от Врадуйра, рядом с ним. И потому, что королева и ее сестра в большой опасности. Когда мы были в Аtee или Серса-Орнайле, я пытался найти его с помощью стекла, но видел только слабые отражения. Расстояние до него было слишком велико, чтобы почувствовать его силовое поле. Теперь, после

того, что я чувствовал во дворце, я знаю, что могу своим стеклом встретиться с его стеклом. Пришло время использовать это оружие, Эрейзан.

Его друг смело положил руки на стекло. Но тем не менее, он дрожал.

— Но если он совсем рядом, то насколько сильнее будет его контакт. Если ты можешь дотронуться до него, то и он может дотронуться до тебя... убить тебя!

Он не упомянул об опасности, которая угрожала ему. Он не думал об этом, он готов был заплатить своей жизнью за то, чтобы помочь Тирусу покончить с Врадуиром, остановить его.

— Они в опасности,— повторил Тирус, подчеркивая всю важность его решения. Эрейзан обдумывал все сказанное и страдал от тревоги и беспокойства. Тирус знал, что идет на большой риск, но его опасения были чересчур велики.

— Может, королева и Илисса — это его следующие жертвы, как певец из Атея.

— Нет!

— Если мы хотим спасти их, нам надо действовать.

Тирус владел стеклом и был колдуном. Он мог бы действовать без согласия Эрейзана. Но они были связаны узами дружбы и долга. Тирус не мог действовать, если Эрейзан не согласится. Упоминание об Илиссе, как предположил Тирус, должно было убедить Эрейзана. Эрейзан с тяжелым вздохом согласился и сделал знак Тирусу, чтобы тот начинал.

Тирус не стал разыгрывать театрального представления со стеклом, как это он делал во дворце. Там он его использовал как декорацию для своего представления, как источник ведем, эльфов, старца-пророка. Здесь же, в шалаше, вдали от зрителей, он держал светящееся стекло перед собой. Без всяких таинственных жестов он вглядывался в его бездонную глубину. Эрейзан беспокойно сидел рядом, разделяя опасность и желая увидеть, что откроет им стекло.

Четко выговаривая слова, Тирус произнес мощное заклинание. Он давно научился этому заклинанию от Врадуира. Он был очень прилежным учеником, он восхищался своим учителем и он много работал, чтобы постигнуть искусство мастера-колдуна из Камата и стать во всем равным ему.

— Дух Расвен, ты, кто первый прикоснулся к миру изнутри и снаружи, введи меня в это. Пошли сюда танцоров Раб, чтобы стянуть магию вокруг нас. Защити нас от

контрколдовства. Мы будем колдовать по воле богов, для торжества добра...

Тирус полностью отрешился от всего. Он не замечал потрескивания костра, шума дождя, боли ран, близкого присутствия Эрейзана. Он был наедине со стеклом, все его существо странно вытянулось во все стороны и смутно светилось, став частью черной поверхности. Два стекла, порождения одного и того же волшебного куска обсидиана. Врадуир выманил колдовские камни из огнедышащего жерла вулкана в Камате и подарил сыну один из этих камней. Стекла были связаны между собой, как отец и сын связаны узами крови и таланта.

— Что он делает сейчас? Я узнаю волшебное стекло. Я увижу, что Врадуир видит, и услышу, что он слышит. Если он близко, в своем убежище, общается с демонами или заколдованными поработоченными жертвами, я буду с ним. Открой его мне. Позволь мне быть невидимым рядом с ним, где бы он ни был. Приблизь меня к нему, возьми меня с собой, возьми меня к нему...

Черная поверхность казалась бездонным ночным небом. Бесчисленные цветные звезды проносились в мозгу Тируса и Эрейзана. В стекле появились отражения Тируса и Эрейзана. Затем они исчезли и Тирус вошел в само стекло. Пройдя сквозь него, он очутился где-то в другом месте. Окно было открыто и он полетел быстро и стремительно, как метеор, пронизывающий небеса. Он летел сквозь обсидиан, через огонь, который родил камень, но Тирус не ощущал ужасающего жара огнедышащей горы.

Какие-то черные слои пропускали его через себя, один за другим, двери за дверями, входы... входы...

Тирус сузил свое зондирование и его стремительное движение замедлилось, но не прекратилось. Перед ним вырос еще один черный барьер, на нем появилось живое изображение. Тируса охватила внутренняя дрожь. Рядом с собой он услышал, как Эрейзан выдохнул какую-то ужасную клятву.

Врадуир!

Больше года они не видели его. Иногда во время своих поисков Тирус рисовал его у себя в памяти, подогревая жажду мести. Раньше, когда он обращался к волшебному стеклу, он мог видеть только какие-то неясные тени. Но теперь, после долгих скитаний лицо Врадуира было таким четким, что казалось, он сидит перед ними в их жалкой хижине и не обращает внимания на них.

Как и утверждал Эрейзан, его лицо не было похоже на лицо Тируса. На висках и лбу волосы стали тоньше, лицо

чисто выбрито, в то время, как Тирус отрастил бороду, чтобы изменить внешность. Врадуйру бояться было некого. Он был уверен, что самый серьезный его соперник мертв. Единственное, что изменилось в нем — это глаза. Но они сделали весь его облик каким-то неузнаваемым. Когда-то эти глаза были очень похожи на глаза Тируса. Они были полны мудрости и желания помочь своему народу. Утонченная интеллигентность и сейчас светилась в его глазах, но основное их выражение — это жажда власти, холодное высокомерие, которое заставило Тируса внутренне содрогнуться. Алчность, отличная от алчности Рофа и во много раз худшая. Тирус помнил очень хорошо, когда начались эти перемены, день, когда он изучил и освоил одно из самых сильных заклинаний, когда Врадуйр понял, что его сын больше не ребенок, а мужчина, равный по способностям и могуществу ему самому. То, что основной причиной перемен во Врадуйре был он сам, его успехи, было для Тируса незаживающей раной.

Частью своего существа Тирус чувствовал, что Эрейзан трясется от гнева.

— Если бы только... Так близко! Если бы я смог схватить его за горло, я бы заплатил ему за все колдовство сотни раз и еще, еще!

Тирус не слышал. Он был сконцентрирован на пении заклинания и на том, чтобы закрепить изображение на стекле. Сделав это, он вернулся на вершину своего сознания, как пловец, вынырнувший из-под волн, чтобы глотнуть воздуха.

— Наконец я нашел его. О, мой друг, как я ждал этого. Спокойней, спокойней! Ошибки не должно быть. Вокруг нас колпак, предупреди меня, если заметишь, что он поворачивается вокруг нас, Эрейзан.

Акробат кивнул и наклонился к стеклу, очень заинтересованный движущимся изображением на стекле.

— Он что-то делает, Тирус. Что-то держит.

На заднем плане он мог рассмотреть эльфов и демонов, а также какие-то странные существа, должно быть заколдованные мужчины и женщины — рабы Врадуйра. Они перемещались туда и сюда, выполняя какую-то работу. Эрейзан вгляделся, стараясь рассмотреть, что же держит Врадуйр. Вдруг он охнул, как будто получил удар в живот.

— Тирус, это... это его собственное стекло!

— Тогда мы увидим, что же он видит, — сказал с холодной самоуверенностью Тирус, хотя в душе он не чувствовал уверенности. Он твердо, чтобы обрести равновесие ду-

ха, сказал:— Эти стекла близнецы, от одного камня. Пусть один близнец увидит, на что смотрит другой.

Черная поверхность опять задрожала. Слои разделились. Один остался — изображение Врадуира. Это изображение было слабым и расплывчатым, но оно не позволяло рассмотреть изображение в стекле Врадуира. Тирус сосредоточился и наконец-то то, что рассматривал Врадуир, стало резким и отчетливым.

— Комната! — возбужденно сказал Эрейзан; такое же возбуждение испытывал и Тирус.— Прекрасная комната с коврами и гобеленами... дворцовые покои!

В возбуждении Эрейзан сжал руку Тируса. Затем он вспомнил, как это опасно и быстро отпустил его.

— Тирус, ты прав, когда волнуешься относительно королевы и принцессы Илиссы. Врадуир смотрит на дворец в Куреде. Видишь эмблему на кресле? Это королевский символ. Мы видели его над воротами и в обеденном зале.

— Да! — Тирус разделил свой мозг, используя малую часть его, чтобы общаться с Эрейзаном.— Ты видишь, изображение очень четкое и не размытое расстоянием. Это значит, что он совсем рядом с нами. Если бы он был в Ирико или Серса-Орнайле, то мы бы его не могли увидеть так хорошо, да и он бы с трудом разбирал изображение в стекле.

— Смотри, комнаты,— сказал Эрейзан, показывая на поверхность стекла.— Соседние комнаты во дворце.

— Твои глаза лучше моих. Теперь нам нужно узнать, что он делает, глядя на эти комнаты.

Тирус мягко сжал стекло, осматривая комнаты и глядя в лицо Врадуира на их фоне. Он пытался проникнуть сквозь слои, защитив себя мощным заклинанием, и обследовать мысли и эмоции Врадуира, прочесть, что у него в мозгу.

Стекло Врадуира бродило, изучая комнаты во дворце в Куреде. Невидимые наблюдатели Тирус и Эрейзан смотрели и изучали вместе с ним. Они видели различные предметы женской одежды, лежавшие на полках и висевшие на вешалках. За ширмами стояли кровати для персональных служанок, которые должны спать поблизости от своих хозяек, готовые проснуться, когда в них возникнет необходимость. Две комнаты. Два набора одежды и украшений. Тирус рассматривал эти вещи и видел, что уже приготовлена одежда на выезд, охотничьи костюмы. Соколиная охота! Все, что они видели сейчас, было приготовлено слугами, чтобы сестры могли быстро одеться рано утром и быть готовыми выехать в луга Дрита!

Взгляд Вradуира тоже пробежал по всем этим вещам, пропуская драгоценности и украшения без всякого интереса. Затем его мысль повела стекло поперек комнаты и остановилась у постели, стоящей здесь.

Коротким вскриком Эрейзан выразил возмущение свое и Тируса, хотя его возмущение было гораздо сильнее. Стекло Вradуира следило за принцессой Илиссой.

Она спала, красивое милое невинное дитя. Улыбка играла на ее розовых губах, нежные волосы разметались по шелковым подушкам. Ее прелестное лицо не было спрятано под вуалью. Ведь здесь в своих комнатах ей было не от кого прятаться и прятать свою красоту: ее могли видеть только сестра и служанка. Да еще Вradуир и Тирус с Эрейзаном! Тирус был очень смущен, когда стекло Вradуира бродило по телу женщины, останавливаясь в тех местах, где сбилась ночная одежда, обнажив нежную грудь или прелестное бедро. Ее невинность возбуждала Вradуира, заставляя его с вожделением рассматривать ее, Тирус ощущал его грязные эмоции и с гневом воскликнул:

— Сладострастный зверь! Как смеешь ты подсматривать за ней и оскорблять память моей матери!

— Ч-что это? — спросил Эрейзан, боясь за Илиссу. — Что он хочет?

Но он и так знал ответ. Эрейзан закрыл глаза, вся кровь бросилась ему в лицо. Как и Вradуир, он наслаждался исключительной красотой Илиссы, которая не была прикрыта ничем. Но, в отличие от Вradуира, они с Тирусом чувствовали себя виновными и хотели бы просить прощения у Илиссы за это невольное вторжение.

Тирус затаил дыхание, поборол свою ярость и постарался опять сконцентрироваться на стекле. Мотивы Вradуира были очевидны. Хотя контакт был необходим, чтобы убедиться, что Вradуир был рядом, Тирус пожалел, что установил связь между стеклами.

Безжалостное стекло колдуна обследовало тело и лицо Илиссы. Магический инструмент был как невидимая и неосязаемая рука, ощупывавшая стройные ноги, нежные груди, ласкавшая божественные формы принцессы. Наконец, Вradуир оторвался от этого пленительного наслаждения и, оставив Илиссу, направился через дверь в соседнюю комнату. Его целью здесь тоже была постель.

Теперь наступила очередь Тируса испытывать глубокую боль и стыд, чувство огромной вины перед Джателлой. Джателла, как и ее нежная сестра, спала и не догадывалась, что является объектом пристального осмотра. Она была не так обольстительно прекрасна, как Илисса, но для

Тируса она была более желанной. И та сила духа, которая привлекала его в ней, была видна даже сейчас, когда она спала.

Тело ее было сильнее, грудь полней и не такой идеальной формы, как у сестры, кожа была темнее от загара. Эрейзана привлекали нежность и беззащитность Илиссы. Тирус был очарован гордостью, независимостью и силой духа Джателлы. Он хотел защищать Джателлу и, в частности, от грубых взглядов других мужчин.

Врадуир, однако, не рассматривал Джателлу с воодушевлением. Тирус распространил свои мысли дальше и начал слышать комментарии Врадуира, когда тот рассматривал Джателлу:

— Послать патрули для охраны границы, да? Ты еще не знаешь меня, моя маленькая королева, но тебе действительно нужно защищать свое государство от меня. Ты беспокоишься о каких-то ничтожных крестьянах! Что они для тебя, зачем ты суешь туда свой нос? Черт бы тебя побрал...

— Так же ты поступил и с Каматом! — закричал Эрейзан. Страх обнаружить себя уступил место ярости. Но затем он понял, чем рискует и зажал рот руками, не в силах сдержать себя.

Врадуир, к счастью, ничего не услышал. Он продолжал рассматривать Джателлу и обдумывать вслух свои планы.

— Ты молишься на нее, как будто она твое дитя. Но это не принесет тебе ничего хорошего. Ни один смертный не может противостоять мне! Я убью тебя, если ты попытаешься сделать это, королева Куреда! Что ты для меня? Если ты выступишь против меня, я выброшу твои кости бродячим собакам. Она будет моей. Я хочу ее, это божественное создание, о котором ты так нежно заботишься. Она уже перестала быть слабой и болезненной, какой была много лет назад. Она стала женщиной, и готова выполнять женские обязанности, женщина-богиня, достойная того, чтобы разделить ложе с богом!

Наконец, Врадуир покинул дворец, покинул город и прекратил свою постыдную слежку. Второй слой задрожал и растворился. Перед Тирусом и Эрейзаном осталось только лицо Врадуира. Хотя Врадуир отложил свое стекло в сторону, оно было все еще связано со стеклом Тируса и они могли смотреть с его помощью. Тирус расширил обзор, увеличив риск обнаружения, следуя по колдовской нити от своего стекла к его двойнику.

В черной глубине он видел поля и леса, деревни и скалистые холмы. Они проплывали назад под ним. Казалось, что Тирус, легкий и невидимый, парит над страной Куре-

дом. Он приближался к границе, летя быстрее, чем любой сокол, быстрее, чем молния небесных богов. Он пролетал над суровыми землями, где человеческие поселения встречались очень редко. Затем, за пустошью показалась стена огромных деревьев, которая ограничивала известный мир. В лесу Тирус ощутил присутствие каких-то существ, скорее зверей, чем людей, и какие-то злые магические силы, которые заставили бы его остановиться, если бы он шел по земле. Но он был в воздухе, он летел и смог пересечь этот барьер без затруднения. Его мозг мог свободно перемещаться там, где его тело не смогло бы пройти без оружия и без сильных защитных заклинаний. За лесом вся страна была покрыта льдом и снегом. Низко нависало темное небо. Там был холод независимо от времени года. Это была страна, принадлежащая Богу Смерти, и звери, давно вымершие на остальной земле, здесь были возвращены к жизни и скрывались в мрачных скалистых ущельях. Колдовство Тируса перенесло его над этой проклятой замороженной, ледяной, обдуваемой ветрами равниной и понесло его по направлению к угрюмой цитадели. Огромная крепость вырисовывалась в темноте ужасного района Вечной Ночи. Следуя по следу своего волшебного стекла, Тирус проник сквозь толстые стены, мимо ужасных монстров, охраняющих вход, и попал в убежище в самом центре этого мрачного сооружения.

— Я вижу его! — воскликнул Тирус. — Я вижу его! Я знаю, где он сейчас и как к нему добраться, мой друг! На север! Туда, где в бухте прячется его корабль и откуда все время грозит опасность. За Ледяной Лес в запретную страну и...

Эрейзан громко вздохнул.

— Ледяной Лес? Запретная страна? Тирус, но это территория Бога Смерти.

Тирус приник к волшебному стеклу.

— А! Здесь цитадель, дворец или крепость. Это творение людей, а не богов! Как мог Врадуир сделать это? Рабы! Это единственное объяснение! Какой там холод! Я могу его ощущать даже на таком расстоянии через стекло.

Внезапно он замолчал. Его охватила паника. Тирус увидел Врадуира, который медленно шел по мраморным плитам холла. Его голова была гордо поднята, глаза сверкали, как ясное безоблачное небо, роскошный плащ из драгоценного меха грира величественно спускался с плеч на бесценный мраморный пол. Его шаги гулко отдавались эхом. Звук был холоден. Тирус не мог подобрать другого названия для этого ощущения. Все в холле было холод-

ным, кроме Вradуира. Он один был полон жизни и теплой крови в этом ледяном убежище. По углам обширного зала смутно виднелись какие-то вещи. Тирус не мог приблизиться и рассмотреть их, он боялся, зная, что может разрушить заклинание, оберегающее его, если он будет нестоижен. Эрейзан собрал все свое мужество и склонился над плечом Тируса, чтобы заглянуть в стекло. Он был охвачен тем же ужасом, что и Тирус.

— Что это? — спросил Эрейзан. Его голос дрожал.

Они застыли, глядя, как нечто поднимается и заполняет всю центральную часть зала в цитадели. Был ли это зверь, птица или человек? Это было все вместе и ничего в отдельности. Вradуир обратился к колеблющемуся расплывчатому существу, кланяясь ему, его манеры разительно отличались от тех, с которыми он глумился над Джателлой и Илиссой. Он был знаком с этим... существом и тем не менее он пресмыкался перед ним, вся его гордость испарилась и перешла в угодничество, низкопоклонство.

Существо было все время в движении, оно непрерывно меняло форму. И все время оно излучало проникающее сквозь пространство, через волшебное стекло холодное сияние, которое охватывало ледяными пальцами Тируса и Эрейзана. Оно было всемогущим, оно находилось вне человеческого понимания, человек не мог постичь его.

Душа Тируса дрожала, разум трепетал от благоговения, вызванного присутствием божества. Он не мог совладать с собой. Ничего не сознавая, он увидел, как Вradуир повернулся и посмотрел прямо на него, как будто он следовал по пути этих ледяных пальцев, протянувшихся на огромное расстояние, разделявшее цитадель от Куреда, где Тирус смотрел в свое волшебное стекло.

— Он почувствовал, что мы смотрим на него, — закричал Эрейзан. — Сейчас он увидит нас!

Этот крик вывел Тируса из состояния прострации. Автоматически он прервал связь, создал могучий экран и множество помех, которые должны были сбить Вradуира с пути. Сцена в стекле растаяла и его поверхность снова стала черной, блестящей и пустой.

Эрейзан сжался в комочек, обхватил руками голову, ожидая удара колдовства, смертельного удара, ожидая неминуемой и мучительной смерти.

Тирус остался спокойным, решительным, он действовал с безумной скоростью. Он продолжал разбрасывать фальшивые следы и помехи, создавать дополнительный, непроницаемый — как он надеялся — барьер, усиливая тот, что он создал ранее. Тирус использовал почти все свои ре-

зервы. После этого он сидел, затаив дыхание, готовый к отражению атаки Врадуира.

Шло время. Тирус проверил внутреннюю часть защитного экрана, готовый отразить любой удар враждебного колдовства. Но все было в порядке. Все еще не веря тому, что все обошлось, он держал свои чувства на максимуме еще в течение длительного промежутка времени. Наконец, совершенно ослабев и обливаясь потом, он убрал наиболее тяжелую часть экрана, оставив только его ядро для защиты. Дождь на улице почти прекратился. Птицы и насекомые возобновили свой вечный шум. Тирус ничего кроме этого не слышал и, что более существенно, не ощущал никакого прикосновения колдовства, ничего!

— Мы... спасены,— сказал он, отдуваясь с облегчением.

Эрейзан сказал виновато:

— Мне нужно было что-нибудь сделать, чтобы помочь тебе.

— Ты ничего не мог сделать. Все это дело колдунов. Ты хорошо сыграл свою роль раньше и тебе еще предстоят трудные дела,— сказал Тирус и признался: — Опасность была совсем близка.

Теперь, когда опасность была позади, Эрейзан поинтересовался:

— Но если боги выбрали нас своим оружием, то они не дадут нам погибнуть, пока дело не будет сделано.

— Не обольщайся, мой друг. Если то, что было там, союзник Врадуира...

— Нидил, Бог Смерти,— прошептал Эрейзан. Его ужас был таким же, как и ужас Тируса.— Неужели он опять собирается богохульствовать с помощью своего колдовства?

— Боюсь, что да.

Теперь его подозрения, ужасные подозрения, которые у него были во время поисков врага, и которые непрерывно усиливались по мере того, как обнаруживались пропажи бесценных предметов и людей во всей Кларике, подтвердились.

— Все люди и животные, которых он заколдовал в Камате, должны служить дьяволу. Теперь он заключил сделку с еще более ужасной силой. Мы должны остановить его теперь, прежде, чем он приведет в действие свой план, пока не поздно.

— Принцесса Илисса и королева,— сказал Эрейзан, облекая их взаимную тревогу в слова.— Можешь ли ты своим искусством защитить их?

— Не отсюда. У меня нет в услужении бога, который обеспечил бы передачу моего поля на такое расстояние.

Тирус был взбешен тем, что его силы не беспредельны. Он гордился своим искусством магии и волшебства, таким же сильным, как и у Врадуира, но Врадуир мог теперь использовать те силы, которые недоступны смертным.

— Я могу только чувствовать наличие заговора против Джателлы и ее сестры. Он хочет ударить, но я не могу сказать, где и когда. И теперь я не могу использовать волшебное стекло, чтобы следить за ним. Он будет теперь охранять себя и, заметив что-либо, он поразит нас.

— А скоро он приведет в действие свой план насчет сестер? Ты смог это прочесть у него в мозгу?

— Очень скоро. Как только наступит рассвет,— сказал Тирус, не желая этого, но зная, что это правда.

Почти беззвучно Эрейзан сказал:

— Соколиная... охота...

— Эрейзан, я думаю, что ты все понял. Его слезка за сестрами, нетерпение — все указывает на это. Я хочу это предотвратить, но как? Это безнадежно,— в отчаянии воскликнул Тирус.

Эрейзан сжал его руку и заставил взглянуть ему в глаза. Он вперил свои немигающие глаза в лицо Тирусу и сказал:

— Мы не отступим. Пусть даже он заключил сделку с Богом Смерти! Мы должны попытаться и добьемся успеха. Грос-Донак дал нам силу своих бурь и мы выиграем!

Какая-то искра проскочила между ними и они снова обрели дух мужества и стойкости. Постепенно Тирус оправился и даже изобразил слабую улыбку на лице.

— Да. Ты прав. Мы победим.

— Ну вот. Ты говорил мне, что я ослаб от изменения облика, а ты устал от своего колдовства. Оно действует на твой мозг, как вино. Утром ты будешь все видеть и ощущать в другом свете. Разве не так? Мы отыщем разумный путь. А кроме того, после столь долгих поисков мы, наконец, нашли его, узнали, где находится его берлога. Мы теперь можем настичь его.

Энтузиазм Эрейзана был заразительным. В мозгу Тируса еще теснились изображения жуткой ледяной страны и ужасного существа в цитадели. Но он отбросил эти мысли в сторону. Боязнью ничего не сделаешь.

— Утром... утром, мой друг, нам надо вернуться в город. Я откроюсь перед королевой и постараюсь убедить ее, чтобы она использовала меня, как личного колдуна. Если я буду рядом с ними, то мне будет легче защищать ее и сестру от Врадуира. На острова мы уже опоздали. Его корабль намного обогнал нас. Теперь я постараюсь поставить свое

искусство между ним и его жертвами. Здесь все кончится, Эрейзан.

Приняв решение, они легли спать. Эрейзан, завернувшись в плащ, свернулся клубочком и вскоре его ровное дыхание говорило, что он крепко уснул. Тирус знал, что Эрейзан — надежная защита от вторжения смертных: его острые чувства мгновенно разбудят его при любом шуме или запахе. Тирус проверил другие опасности, но ощутил только спокойную равнину и мирно спящих крестьян. Тогда он тоже закрыл глаза.

Качаться на воде... волны перекатываются через него и несут к покрытому деревьями зеленому берегу. Вода в королевской бухте мягкая, нежная, теплая. Тирус плывет, глядя на дворец, возвышающийся над белыми песками. Замок выстроен из черного вулканического камня. В цветном сне Тируса появилось небольшое облачко из конуса горы и поплыло над морем в южном кларическом небе.

...Он идет по песку. Слуга, принесший ему одеяние принца, вытирает мокрое тело. По пути его приветствуют рыбаки, лодочники, крестьяне. Тирус видит страх в их глазах, страх, который портит его хорошее настроение. Страх... страх, причина которому он сам, его искусство колдовства, его гордость.

...прыгает... прыгает по выбитым в лаве ступеням. Тирус не удивляется, что он так быстро приблизился ко дворцу. Во сне человек поджидал его у ворот и упал перед ним на колени с мольбой. Тирус снова пережил удивление, когда узнал отца Эрейзана, напуганного тем, что недовольство среди жителей быстро достигло угрожающих размеров. Эрейзан, хранитель лесов и зверей Врадуйра, Эрейзан — компаньон Тируса по лесным забавам и детским шалостям, а впоследствии по охоте. Эрейзан, всегда горячий и легко возбуждающийся, не сдержанный на язык. Он возмущался тем, что в своих последних экспериментах Врадуйр вселил демонов и другие создания из черных глубин царства дьявола в безвредных животных в лесах Эрейзана. Магия и колдовство пробудили зло и стали угрожать людям.

С тем же мучением и страданием, с каким он впервые его услышал, Тирус слышал разрывающую сердце мольбу:

— Принц! Принц! Спаси моего сына, умоляю тебя. Спаси его от гнева короля Врадуйра! Мой сын заколдован, превращен в зверя, посажен в клетку!

Восстание! Восстание, в котором он, Тирус, должен был участвовать. Как он не мог видеть правду, как он мог не видеть перемен во Врадуйре, как он мог не хотеть пове-

рить, что его обожаемый отец и учитель может делать подобные вещи. И теперь — теперь он уже не может не верить, отвернуться от этого...

Нерешительно, стыдясь своего страха, Тирус стоял перед Врадуйром во дворце. Опять он не мог не удивляться, как же все изменилось. Он жил здесь до этого, долго жил и должен опять быть здесь и опять страдать. Знание. Богохульство. Сделки колдовства с силами зла в обмен на власть. Власть, которую хотел иметь Врадуйр...

Знание, которое пришло слишком поздно. Тирус снова слышал торжествующие издевательские слова Врадуйра:

— Ты думал, что превзошел меня, мой сын, мой возможный узурпатор! Знай же, что сам дьявол дал моему искусству новые привилегии, новые силы. Теперь я обладаю могуществом, которое недоступно любому колдуну, даже тебе.

И снова Тирус ощутил чувство ужаса и измены. Врадуйр закончил свою речь заклинанием прежде, чем Тирус мог понять, что тот собирается делать и сделать движение для своей защиты. Его ударило, и удар был нанесен с силой, которая принадлежала самому дьяволу...

... Тирус был брошен в мрачную камеру, в тюрьму на бесплодном каменистом безлюдном острове. Единственный свет, который он мог видеть, это свет из вентиляционного отверстия, выходившего на пустынную поверхность острова. В камере было два заключенных — он и Эрейзан. Им по воле Врадуйра было суждено сгнить здесь. Тирус не мог снять заклинание, наложенное на него. Он не мог расколдовать и Эрейзана, так как он был заколдован с помощью дьявола. Он был превращен в зверя и ему суждено было медленно переходить из одного состояния в другое. Эти превращения были мучительны и болезненны. Постепенно Эрейзан учился управлять своим состоянием. Запертые вместе, делящие горькую участь друг друга. Их детская дружба постепенно превратилась в крепкие узы мужской дружбы. Они могли общаться только друг с другом и иногда с мужественной женой Эрейзана Далаен, которая обманывала или подкупала стражей Врадуйра и спускала им вниз пищу и воду. Далаен была их единственной связью с внешним миром, миром, в котором теперь правил безумие Врадуйра. Она вызывала их и рассказывала о приказах из дворца, о капитане королевского корабля Дрие и его команде, о нескольких солдатах, выступивших против короля Камата, об ужасе, который вызывает у народа дымящаяся гора.

Затем Далаен долго не приходила, остров трясся, а тюрьма колебалась, как корабль на волнах во время шторма. Это была слабая имитация катаклизма, обрушившегося на главный остров и разрушившего его на куски. Расплавленные камни и кипящее море обрушились на страну, когда дьявол выпустил на свободу своих демонов. В своей каменной гробнице Тирус и Эрейзан слышали душераздирающие крики жителей. Они страдали от горячей воды, пепла и ядовитого дыма, попадавших в их камеру. Как только все это произошло, Тирус обнаружил, что заклинание, связывающее его магию, ослабло. Врадуир сбежал после своей неудачной сделки с королем подземного царства, и Тирус наконец-то мог освободить себя. Освободить Эрейзана от заклятия он не мог, но он открыл запоры камеры, сделал лестницу в вентиляционном отверстии и, наконец, после бесконечного числа дней в темноте и страданиях они выбрались на поверхность изолированного тюремного острова.

Весь Камат представлял собой сплошные руины. Все живое погибло. Деревни, поля, леса, пастбища, дворцы, все было залито водой. Из теплой воды поднимались дымные пузыри. Это были остатки дымящейся горы. Этот миниатюрный конус — вот все, что осталось от некогда цветущего острова, это и два человека, которые спаслись от катастрофы только потому, что они были в тюрьме на далеком острове.

В беспомощном горе и гневe Тирус и Эрейзан бродили по опустошенному острову, копались в золе и пепле и с ужасом находили там обугленные человеческие кости, которые при прикосновении рассыпались. Среди обломков здания, расчищенных с помощью его колдовства, он наткнулся на волшебное стекло, уцелевшее в этом катаклизме благодаря своим волшебным свойствам. С помощью стекла друзья обнаружили Врадуйра на корабле капитана Дрие. Колдун убегал от гнева дьявола, своего бывшего союзника. Врадуйр, вызвавший катастрофу, остался жив и свободен для того, чтобы дальше творить зло на земле.

Тирус стиснул волшебное стекло и клялся всеми богами, что он отомстит за гибель ни в чем неповинного народа. Его ошибка, что он не стал действовать раньше. Теперь он должен найти Врадуйра и наказать его. Эрейзан тоже будет отомщен за то проклятие, которое он носит. Они должны отомстить любой ценой. Они поклялись не щадить ни крови, ни жизни, чтобы отомстить Врадуйру...

— Тирус?

Он пришел в себя, дико озираясь вокруг. Затем Тирус окончательно проснулся и увидел, что он держит тунику Эрейзана и трясет его. Эрейзан перенес все это без жалоб. Тирус отпустил его и стал вспоминать. Куред. Навес из веток и сучьев. Джателла! И Врадуир угрожающе смотрит на нее и ее прекрасную сестру! В горле у Тируса запершило, как будто он всю ночь кричал угрозы Врадуиру.

— Уже утро? — спросил он хриплым голосом.

— Почти.

Огонь уже совсем погас, но угли давали достаточно света, чтобы Тирус увидел выражение понимания на лице Эрейзана.

— Тебе снился Камат, мне тоже.

Тирус поморщился.

— Это не должно никогда повториться.

Эрейзан был занят. Он собирал ягоды, съедобные травы и корни и набивал ими мешок Тируса. Затем он разделил пищу на две части и половину отдал Тирусу.

— Мы можем поесть на ходу. Я без труда найду по нашим следам путь в город.

Он ни о чем не спрашивал, готовый к путешествию и борьбе с Врадуиром, не думая об опасности. Тирус знал, что Эрейзан верит в него, в его искусство и знания. Он никогда раньше не прикасался к его мозгу, как это сделал сейчас.

— Ты, мой друг, прав,— сказал он мягко.— Сейчас утро и все выглядит гораздо лучше. Я думаю, что мы победим.

— Конечно.— Улыбка Эрейзана показалась бы страшной врагу. Он забросал землей тлеющие угли.— Мы победим и спасем принцессу и королеву. Но если не будем сидеть здесь. Пошли. Охота началась, Тирус, и наш враг выходит из норы, где он прятался от нас.

Они вышли из-под навеса и погрузились в утренний туман. Затем они быстро пошли на юг, в город Куред, к Илиссе и Джателле.

Глава 7

ЦЕНА КОЛДОВСТВА

Тирус и Эрейзан скрывались в густых зарослях и наблюдали сквозь просветы в ветвях. Тирус раздраженно поправил перевязь, чтобы меч не мешал ему и снова вернул-

ся к наблюдениям. Невдалеке от их убежища находилась дорога, ведущая к городским воротам. Они шли довольно быстро и достигли королевской дороги на рассвете. По дороге уже двигались крестьяне и торговцы. Тирус и Эрейзан шли параллельно дороге, скрываясь от чужих глаз. Они передвигались от укрытия к укрытию. Несколько раз они видели военные патрули. Тогда Тирус и его друг терпеливо переждали, пока те не отъедут достаточно далеко, и только после этого продолжали свой путь.

Теперь наступил конец их возможностям укрытия. Пространство между зарослями и стеной, как и на севере, было выкорчевано и выжжено. Так что на нем совершенно невозможно было найти место, где можно было бы спрятаться. Они хорошо видели патрулей и часовых, охраняющих городские стены и ворота. Полицейские тщательно следили за проезжающими по дороге и их можно было видеть тут и там, улаживающих споры между торговцами или взимающими пошлины.

Эрейзан отвернулся и сел на все еще сырую траву. Он почувствовал, что игла воткнулась в его голую ногу и вынул ее. Затем Эрейзан обратился к Тирусу:

— Посмотри туда. Они проверяют каждого, кто выходит или входит. Нам не войти в город, не избежав расспросов, на которые мы не сможем ответить.

Тирус нахмурился, продолжая наблюдать за воротами.

— Они допрашивали нас вчера вечером и днем, когда мы бродили по улицам Куреда, и мы не вызвали у них подозрений.

— С тех пор многое произошло — таинственные убийства на улице Мясников, битва на мечях, магические огни и нападение тигра на людей. Неудивительно, что они относятся с подозрением к каждому, вновь прибывшему в город. Особенно к человеку, сведущему в колдовстве.— Эрейзан посмотрел через плечо и продолжал: — Может нам вернуться к скалам и попробовать пройти через задние ворота опять?

Сознавая опасность колдовства и обдумывая, сколько магии он может использовать без риска, Тирус колебался. Прежде, чем он ответил, Эрейзан ударил себя по голове и воскликнул:

— Слушай! Герольды! Королева и Илисса покидают город! Уже! Мы опоздали!

Солдаты и полицейские удвоили бдительность. Люди на дороге, обрадованные тем, что увидят красивое зрелище, стаскивали свои грузы в сторону, чтобы очистить путь, и начинали смотреть на ворота. Послышались приветст-

венные возгласы, когда появился королевский кортеж. Солнце разогнало утренний туман и Тирус все видел очень хорошо. Никаких знаменосцев перед процессией не было, да и герольды были те, что обычно стояли на страже у ворот. Они не собирались сопровождать королеву. Без всякой помпы с улыбкой на лице королева Куреда выехала впереди своего небольшого кортежа из тени городских стен.

Королева ехала верхом. Таков был обычай в этом Кларическом государстве. Лошадь ее была с норовом, но Джателла хорошо управлялась с ней. Это был красивый жеребец, красная блестящая шерсть которого хорошо гармонировала с костюмом королевы в бело-голубых тонах.

Илисса ехала за ней. Ее лошадь была более смирной и покладистой. Волосы Илиссы волнами спускались на ее плечи. Сэр Обаж, как и следовало ожидать, ехал рядом. Все в процессии ехали на лошадях красной масти, как у королевы. Лишь один Обаж предпочел серую лошадь Ирико, видимо, для того, чтобы лучше выделиться на красном фоне. Он тронул поводья и его лошадь начала гарцевать и вставать на дыбы. Рука Илиссы прижалась к горлу, и Тирус мог себе представить ее крики ужаса и мольбу, чтобы ее жених не подвергал себя таким опасностям. Такое хвастливое представление было типичным для Обажа. Он старался доставить приятный страх своей нежной и боязливой невесте или же поразить своим искусством королеву. Если он думал о последнем, то это ему не удалось. Она даже не посмотрела на него. Ее голова была гордо поднята, желтое перо покачивалось на шляпе. Королева пустила своего жеребца в галоп, оставив позади сэра Обажа.

По двое и по одному леди и придворные королевы ехали по дороге. Две повозки ехали сзади, сопровождаемые прислугой на пони. Эрейзан внимательно рассматривал повозки.

— В первой повозке соколы. Они готовы для того, чтобы их пустили на жертву. Но что же во второй повозке?

— Скорее всего пища, которую собирала хозяйка Сешти.

Тирус посмотрел на солнце и затем на Джателлу. Ее лошадь неслась галопом, золотые волосы развевались. Она проезжала совсем недалеко от того места, где они скрывались. Но она была так же далеко от него, как легендарные неизвестные страны по ту сторону Великого восточного моря.

— Далеко ли до лугов Дрита? Ты не помнишь, что говорили на базаре?

— Не очень.— Эрейзан сказал отсутствующим голосом. Он с обожанием смотрел на Илиссу, которая пустила лошадь вскачь, пытаясь догнать Джателлу.

Обе сестры были одеты в те костюмы, которые Тирус с Эрейзаном видели в волшебном стекле. Блузы были обрезаны до талии, юбки откинута назад, чтобы освободить ноги, обтянутые узкими кожаными брюками, удобными для езды верхом. Плащи свернуты и пристегнуты к седлам, лица и руки открыты теплему весеннему солнцу. Джателла в голубом, Илисса в серебряном, обе они казались живыми драгоценностями. Они весело болтали друг с другом, на лицах было выражение счастья и оживления. Если Илисса и была когда-то болезненным ребенком, то теперь этого нельзя было даже предположить. Она пыталась подражать манере поведения Джателлы и во многом преуспела.

Отряд дворян следовал за ними. Яркие кричащие цвета одежды говорили о предстоящем развлечении. Главный сокольничий и его помощники восседали на первой повозке. От второй повозки исходили восхитительные запахи различных кушаний и теплого хлеба.

Эрейзан вздохнул и сказал:

— Тирус, неужели это охрана? Это же разряженные пехоты, а не солдаты!

По случаю праздничного выезда королевские телохранители были роскошно одеты. Их мундиры были украшены галунами и позументами, сапоги ослепительно блестели. На концах пик развевались цветные ленты. Они разделились на два отряда и сопровождали королевский кортеж справа и слева. Зрители восторженно приветствовали великолепную процессию.

Тирус сосчитал солдат.

— Девять и шесть, да еще молоденький офицер с ними. Но он, конечно, считает, что его миссия будет легкой и приятной.

— Их совсем мало! Даже если они умеют пользоваться своим оружием,— сказал Эрейзан.— Обажа и другие придворные имеют шпаги, но какой помощи можно ждать от этих хлыщей, если начнется настоящее дело?

— Почему они должны были ожидать каких-либо неприятностей? — с горечью сказал Тирус.— Куред не знал войны уже в течение пяти лет. Разве каждый встречный не говорил нам об этом? Причем, с большой гордостью. Их границы в безопасности, варвары умиротворены. Что же еще нужно от телохранителя в такое время? Приятная прогулка и возможность показаться в красивой одежде.

— Очень мало,— повторил Эрейзан.— Сотен вооруженных людей и то будет недостаточно против Врадуйра. Да еще бандиты!

— Роф не дурак, мой друг. И я вовсе не думаю, что эти солдаты будут легкими мишенями, несмотря на их франтовство.— Тирус говорил, чтобы вселить успокоение в душу Эрейзана, но затем добавил:— Если Роф человек Врадуира, то он попытается отвлечь солдат, пока Врадуир готовит свой удар.

Смеясь и наслаждаясь свежим утренним воздухом, Джателла и ее отряд исчезли за поворотом дороги. Путешественники, уступившие им дорогу, снова вышли на нее и направились в Куред, обсуждая фасоны красивых костюмов и качества чистопородных лошадей.

Тирус и Эрейзан выбрались из густых зарослей в лес и двинулись на север. Опять они передвигались параллельно дороге, не обращая внимания на скользкую грязь под ногами, на сучья, цепляющие их за одежду. Они отчаянно спешили, прыгая через канавы, продираясь сквозь кусты. Они постоянно выбирались к краю леса и смотрели на дорогу, каждый раз надеясь, что увидят ее пустой. Однажды они увидели на дороге небольшую группу полицейских. На дороге разразилась драка между бродячими торговцами и кто-то поспешил вызвать полицию из города, чтобы прекратить ссору. Вырутавшись, оба друга вернулись обратно в чащу и продолжили свой путь на север.

Понемногу, против их желания, им пришлось удалиться от дороги, по которой следовал королевский кортеж. Линия деревьев шла прямо, а от дороги отходило ответвление на запад.

— Тирус, они... уехали далеко вперед,— выдохнул Эрейзан.— Мы... мы можем выйти из-под деревьев и идти за ними.

— Тогда мы еще больше отстанем,— сказал Тирус, останавливаясь, чтобы перевести дыхание.— Ты же сам говорил, что их охрана может задержать нас. А! На дороге нет никого. Быстрее!

Они бежали, как преследуемые преступники, боясь, что в любой момент они могут услышать приближение солдат или городских патрулей. Миновав развилку, они снова оказались под защитой кустов и молодых деревьев. Здесь они остановились, отдыхая и глядя на исчезающую вдаль дорогу, на которой сейчас никого не было.

— Она ведет... в никуда,— сказал Эрейзан с удивлением, в котором ощущался страх.

Тирус осматривал местность впереди. Как и заметил Эрейзан, дорога переходила в тропу, заросшую травой, которая понемногу пропадала в долине. Никакого укрытия для них не было, только низкие холмы, находившиеся

очень далеко от дороги. Кортеж королевы был уже далеко от них. Едва можно было различить цветные пятна одежды и цветных лент на концах пик. Даже не было слышно стука телег или лошадиных копыт.

Откинувшись назад и положив руки на колени, Эрейзан отдыхал, набираясь силы для нового тура погони. Наконец, он сказал:

— При такой скорости мы никогда не настигнем их.

Желая подбодрить друга, Тирус сказал:

— Они не выдержат долго такого темпа.

— Ты можешь... можешь приостановить их с помощью магии? Или... помочь нам двигаться побыстрее?

Тирус слабо улыбнулся.

— Или то, или другое? А почему не оба? Я колдун, а не бог, мой друг, как ты знаешь. Пошли. Повозки задержат их. Они не смогут все время двигаться быстро. До лугов Дрита не так далеко, нам же говорили. Мы с тобой ходили гораздо дальше.

— Но не все время бегом. А нам нужно торопиться, если мы хотим прибыть во время.

Эрейзан встал и начал разминать руки и ноги, как будто собирался давать акробатическое представление.

Посмотрев на него, Тирус ушел в себя, одну руку приложив ко лбу. Это было не просто. Он искал в темных запутанных пещерах, диких зарослях, и не находил того, что искал. Наконец, он обнаружил его — корень, которым он лечил Эрейзана. Но тот корень был обычным растением, а та трава, которую искал и нашел Тирус, не была известна на Земле. Она росла в тех местах, где могут быть только колдуны. Он не мог принести ее с собой, но мог вобрать в себя ее силу и вернуться обратно с тем ощущением, которое испытывает пловец, выныривая из воды после затяжного плавания под водой, когда его легкис и мозг готовы разорваться от отсутствия кислорода.

— Дай мне руки, Эрейзан,— приказал он.

В замешательстве Эрейзан протянул ему руки и зеленый жар начал переливаться из рук Тируса в его руки. При этом не ощущалось ни тепла, ни боли. Тирус вздохнул. В его жилах и в жилах Эрейзана переливалась новая сверхъестественная энергия.

— Теперь мы можем пробежать это расстояние без особых затруднений. И безопаснее, чем если бы мы сотворили лошадей из встретившихся нам по дороге оленей.

Эрейзан выглядел виноватым.

— Я... я не имел в виду, чтобы ты творил магию. Ты и так слишком много ее использовал уже.

— Сейчас мне придется много расходовать энергии. После того, как все закончится, я восстановлю ее,— лаконично сказал Тирус.

Он не любил говорить о своем риске. Когда все закончится, что останется от Тируса из Камата? Может, он потратит столько энергии, что будет полностью опустошен и погибнет. Каковы его ресурсы? Он никогда не пытался оценивать их. Это делали только очень немногие колдуны. А Врадуйр? Но у Врадуйра помощь самого Бога Смерти. Тирус не поколеблется полностью истощить свои силы, чтобы победить Врадуйра и покончить с ним. Такая победа стоила всего.

Рядом друг с другом Тирус и Эрейзан бежали по траве. Теперь они спрямляли свой путь за кортежем, где только могли. Если патрули заметят их, то спрятаться им будет негде: они слишком далеко от леса и от любых других укрытий. Оглядываясь по сторонам, они продолжали бежать по открытому месту. Магическое растение Тируса освежило кровь и дыхание, изгнало усталость из измученных тел.

Как объявляли на празднике, весна вернулась в Куред, согнав белые покрывала с полей и лесов. Хотя климат в Куреде был более мягкий, чем в соседнем Ирико, благодаря теплomu течению, омывающему его берега, тем не менее вся страна радовалась наступлению тепла. И земля Куреда расцвела. Все кругом было покрыто цветами, молодой травой, свежими листьями на деревьях. Мягкий теплый ветер разносил ароматы цветов и запах свежевскопанной пахарями земли. В луговой траве роились мириады насекомых, увертываясь из-под грубых человеческих шагов. Ночной дождь как бы освободил природу от зимнего заклятия и очистил воздух от пыли и грязи.

Солнце стояло высоко над горизонтом и щедро отдавало свое тепло земле. Ветерок не мог осушить пот на лбу Тируса. Его сапоги тоже были мокрыми от влажной травы. Он не обращал на все это внимания. Если бы он и Эрейзан могли путешествовать ради отдыха и развлечения, как это делали королева и ее двор, они бы тоже наслаждались природой, мягким теплом и пробуждающейся землей. Мать Земля улыбалась Куреду, Гетания щедро рассыпала свои подарки по земле. Тирус с удовольствием лежал бы в лучах солнца и наслаждался покоем. Никаких розысков. Никакой опасной погони. Но он решительно отбросил все свои мечты. Он бежал, выбрасывая далеко вперед свои длинные ноги.

Маленькие фермы и пастбища мелькали тут и там в долине и на склонах лесистых холмов. В одном месте река

делала ленивый поворот вокруг одного из холмов и направлялась на юг к городу. Ее берега были покрыты кустами и деревьями, ветви которых, склоняясь к воде, создавали восхитительную тень. Крестьяне работали на полях, женщины занимались домашней работой, тут же поблизости резвились детишки. Одна из женщин расстелила для просушки на камне зимнюю одежду. Приложив руку ко лбу, она с любопытством посмотрела на бегущих Тируса и Эрейзана. Хотя Эрейзан часто беспокоился о том, что Тирус много расходует энергии на колдовство, он с надеждой посмотрел на пасущихся неподалеку коров, и Тирус прочел его мысли: если бы у них было время, то Тирус сотворил бы из них пару отличных лошадей, на которых они могли бы продолжить свой путь. Это они раньше проделывали. Но здесь, под взглядами крестьян, потребовались бы большие усилия и много времени, чтобы спрятаться от них на время колдовства, а время терять им было нельзя.

Перед ними расстилалась другая равнина, которая была ниже первой. Они продолжали бежать, не меняя скорости бега. Как далеко они уже убежали? Тирус в юности бегал очень много и мог бы оценить расстояние. Но здесь был не Камат и его система измерения отличалась от той, которая применялась здесь, в Куреде. Возможно они пробежали уже большую часть пути до лугов Дрита. Горожане называли расстояние до лугов и резиденции королевы там, но друзья не знали местных мер. Во всяком случае кортеж королевы уже наверняка совсем близко от цели. Тирус пытался услышать ржание лошадей или свист крыльев сокола в полете. Если бы услышать смех Джателлы и узнать, что она в безопасности, что Врадуйр — каковы бы ни были его злобные и хитроумные намерения — еще не ударил.

Следы, оставленные повозками и копытами лошадей, поворачивали на северо-запад. Тирус и Эрейзан продолжали бежать по этим следам. Путь шел через холм. Когда они добрались до верха, то увидели стену деревьев и колючего кустарника. Все это образовывало естественную границу. У входа стояли два камня, на которых Тирус заметил эмблему королевского двора Куреда: две скрещенные пики. Он воскликнул:

— Уже близко.

Они пробежали мимо камней и побежали дальше по земле королевы. Огибая холм, они пробежали по россыпи мелких камней. Друзья внимательно смотрели по сторонам, пытаясь увидеть хоть кого-нибудь из свиты королевы. Но вокруг были только холмы. Ни охотничьих соколов, ни самих охотников не было видно.

Внезапно из укрытия среди камней выскочили всадники, которые окружили колдуна и акробата. Это были вовсе не телохранители королевы. Сидевшие на разномастных, скорее всего украденных лошадях, они выкрикивали угрозы, ругательства, размахивали мечами, топорами, дубинками.

Тирус и Эрейзан встали спина к спине и приготовились отражать нападение, каким бы оно не было. Тирус выхватил свой меч, а Эрейзан сжался, готовый прыгнуть на нападающего как человек или как тигр. Тирус приготовился отражать нападение с помощью магии.

После некоторой шумихи от кучи всадников отделился один и смело поскакал вперед. Роф! Он пощипывал усы и улыбался друзьям сверху вниз.

— Так-то вы приветствуете вашего будущего патрона?

Другие разбойники окружили Тируса и Эрейзана кольцом, но не выказывали желания напасть на них, хотя их было много. Тирус насчитал человек десять, но все они старались держаться на расстоянии. Тирус подумал, что эту встречу можно обратить себе на пользу, если не потопиться и не проявить неосторожность.

— Труссы! — презрительно насмеялся Роф над своими людьми. — Разве вы не кричали, что вы заберете кошелек королевы у них, а их самих оставите волкам? Пустолайки! Где же ваше мужество?

Однако Роф не угрожал Тирусу и Эрейзану кнутом или мечом и тоже держался на расстоянии, очевидно думая, что это защитит его от колдовского оружия.

Смущенные бандиты заерзали в седлах и начали понукавать лошадей, но те чувствовали страх своих седоков и не двигались с места.

— Попробуй сам, Роф! — крикнул самый храбрый головорез. Это был Одноухий бандит, встретивший Гируса и Эрейзана у Таверны Карманников. — Ты не смог справиться с ними на улице Мясников!

Тирус пристально посмотрел на Одноухого, пытаясь вспомнить, видел ли он его там. Может быть, действительно он был один из тех двоих, которые остались живы и сбежали, не возобновляя нападения. Тирус тоже посмеялся над Рофом:

— Тогда ты знаешь, что мы можем. Советую тебе, уезжай отсюда, да поскорей! А то в этот раз тебе может не удасться, как там!

При этом несколько разбойников тронули поводья и отъехали подальше. Они даже не старались скрыть свои намерения. Роф вел их сюда, но они были настроены

найти жертвы полегче. Увидев их колебания, Роф вытащил свой хлыст и начал лупить их по головам, всячески ругая и насмехаясь над ними. Он старался не показывать своего страха и подавить сопротивление непокорных бандитов.

— Вы что, собираетесь бежать? Черт бы вас побрал. Пошли прочь отсюда!

Другой бандит поддержал обвинения Одноухого:

— Тебе бы только хвастаться и изображать из себя главаря. Почему ты не сказал нам, что он настоящий колдун, или то, что нас поджидает дикий тигр, который разорвал Атару и других?

— Молокососы! Вам только соску сосать!

Роф нещадно хлестал их кнутом. Бандиты пригибались к седлам, закрывались руками. Но никто не повернулся и не поскакал прочь, очевидно боясь получить в спину нож. Удовлетворенный тем, что ему удалось на время покорить своих людей, Роф повернулся к Тирусу и Эрейзану. Он улыбнулся:

— Не бойтесь их. Я их немного поучил уважению.

Не расслабляясь, Тирус смотрел на Рофа.

— Так это ты послал их убить нас прошлой ночью?

Роф был простодушно честен.

— Это был ваш толстый кошелек. Я не хотел вашей крови, колдун. Я бы даже сожалел о вашей смерти. Я приказал им ограбить вас, не проливая крови, если возможно. Но вы дали им бой. Ха! И грабители погибли. Это хорошо. Между нами нет злобы, колдун. Вы занимаетесь своим ремеслом, а я — своим. Я должен же был попытаться завладеть золотом, которое вы получили от королевы? А?

Такое дружеское признание было устрашающим. Но сам Роф вызвал оживление у Тируса и Эрейзана. Эрейзан сказал:

— И теперь ты привел столько людей, чтобы, наконец, забрать кошелек?

Говоря это, он обводил своим немигающим горящим взором ряд бандитов, под которым они ежились и нервно отводили глаза.

Роф запротестовал.

— Вовсе нет! Клянусь своей бородой, вы очень подозрительны. Я не хочу причинять вам вреда. Клянусь! Если хотите, клянусь дьяволом. Вам следовало довериться мне там, в Таверне. Тогда бы вам не пришлось проделывать такой большой путь. Я бы помог вам, если бы вы были моими людьми.

— На ворованных лошадях? Как ты смог выбраться из города, ведь все лошади украдены? — спросил Тирус, все еще подсчитывая шансы. Одна часть его мозга рассматривала возможности магии, оценивая методы, позволяющие ускользнуть от Рофа и его людей. Любопытство заставляло его не торопиться с выбором — любопытство и сила, которую он с Эрейзаном почерпнули от волшебной травы.

— О, в городе есть такие ворота, о которых бы ты узнал, если бы встал под мои знамена. Я, конечно, не знатный лорд и не принц племени Дестра, но я могу руководить своими последователями.

— И эти твои псы помогут нам в наших делах, да? — поинтересовался Эрейзан.

Шеф бандитов рассмеялся:

— Они сделают то, что я скажу. И я скажу, что они не подведут.

Роф перекинул ногу через шею лошади и спрыгнул с седла. Он заткнул хлыст за пояс и широко раскинул руки, показывая, что ни спрятанного топора, ни ножа, ни меча у него нет. Он пошел к друзьям и остановился перед ними.

— Я возобновляю свое предложение. Я не был уверен в том, что вы чего-то стоите до столкновения на улице Мясников. Но Бог Смерти взял к себе моих людей с вашей помощью. А те, кто выжили, рассказали, что вы творили настоящую магию. И еще раз говорю, я могу использовать вас. Вместе мы быстро разбогатеет.

Роф закончил свою речь. Головорезы и воры сжимали оружие в руках, но не делали никаких враждебных движений и не двигались вперед. Они были очень довольны, что находятся на почтительном расстоянии от колдуна и его друга. За спиной Тируса, крутясь от нетерпения, Эрейзан бормотал:

— Этот дьявол все время бежит по нашим следам, следит за нами даже здесь, вдали от города.

Тирус, выигрывая время, сказал задумчиво:

— Ты действительно хочешь нанять нас?

— Да! — сказал Роф. — И в знак своего расположения я решил оставить кошелек у вас. Я делаю вам подарок.

— Очень щедрый подарок — оставить нам то, что принадлежит нам, — с сарказмом сказал Тирус. — Но деньги мы можем заработать всегда. Такие таланты, как у нас, требуют другой платы, а не золота и серебра. Мы работаем не за деньги.

Удивленный шепот пробежал по рядам воров и убийц. Они не могли догадаться, куда приведет сделка их шефа. Сам Роф тоже был в замешательстве.

— Да? Ну что же, я никогда не нанимал раньше колдуна. Или такого, как ты.— Он беспокойно взглянул на Эрейзана.— Какова же ваша цена?

Эрейзан повернулся и взглянул на Тируса. Как и бандиты, он недоумевал, куда же ведет его друг.

Молодой колдун сказал:

— У нас есть свои цели, тайные дела, которые не могут быть открыты простым смертным.— Он специально подчеркивал каждое упоминание о магии и колдовстве, чтобы достичь наибольшего эффекта.

Когда Роф выслушал это, его черные брови сдвинулись. Он пытался скрыть свое смятение, но в глазах показались тени страха. Ситуация складывалась таким образом, что он не мог управлять ею.

— Если не деньги, то что же?

Тирус не ответил ему прямо.

— Если колдун с кем-то делит свое могущество, то он должен быть уверен в своем союзнике. Как далеко ты намерен распространить наш союз и свое покровительство и помощь?

Роф задумался, почесал бороду, а затем пожал плечами. Тирус опустил свой меч, поняв, что угроза нападения миновала. Он поправил плащ и сказал:

— Я сейчас использую свое искусство для одного дела. Пока я его не закончу, другими делами я заниматься не буду. Но я буду тебе очень благодарен за помощь...

— Помощь? Какая? — удивился Роф, все еще озадаченный положением дел.

— Помощь, которая принесет тебе много выгоды,— подхватил Эрейзан, уловив намерения друга.— Ты можешь заработать много большую награду, чем тот паршивый кошелек, который хочешь украсть у нас.

— Награду? Какая же это работа?

Роф колебался между алчностью и тревогой. Наконец, он преодолел свои сомнения и с любопытством подался вперед.

— Колдовство, которое позволит тебе заслужить милость королевы, бандит-лорд,— сказал Тирус величественным тоном.— Волшебным путем я узнал об угрозе для сестер-королев Куреда. Мы хотим предупредить их об этом. Но телохранители могут не допустить нас к ним. Было бы хорошо, если бы ты со своими людьми организовал фиктивное нападение, чтобы отвлечь охрану подальше. Тогда бы мы смогли переговорить с ними без помех. Как только она услышит, что мы ей скажем, она будет очень благодарна. За это она щедро вознаградит своих спасителей.

Упоминание о вооруженной охране сильно встревожило бандитов. Но заверения Тируса о богатой награде заставило их забыть о возможной опасности. Они облизывались, как хищники в предвкушении добычи. Эрейзан с презрением смотрел на это тупое и жадное отребье, а затем он подлил масла в огонь.

— Подумай, Роф. Ты заработаешь золото и возможно даже амнистию от королевы. Тебе больше не придется прятаться от полиции.— Эрейзан оживленно жестикулировал, рисуя заманчивые картины.— Ты сможешь везде ездить и ходить и не дрожать за свою шкуру. А может тебя наградят титулом,— закончил он, окончательно добив бандита.

Тирус осторожно тронул его за локоть, опасаясь, что последнее заявление было совершенно неправдоподобным и заставит Рофа вернуться на землю, возбудив подозрения.

Но Роф был чересчур жаден, он поддался на ловушку, так красиво разукрашенную. Положив руку на грудь, он горделиво вздернул бороду, представив себя важным человеком, каким его изобразил Эрейзан.

— Сэр Роф! А? Мне нравится, как это звучит. Представляю, какие рожи скорчат все торговцы, которые сейчас меня называют королем карманников и воров. Ха! Клянусь дьяволом... — Он взглянул на Тируса и Эрейзана.— Колдовство? А что вы на этом выиграете?

— Улыбку королевы,— быстро сказал Тирус. Бандиты не знали, что ответить на это. Было ясно, что улыбка Джателлы не имеет ценности для них. Тирус добавил таинственным голосом: — И то, что имеет цену только для нас, колдунов. Больше я ничего не могу сказать.

Разбойников не заинтересовало последнее заявление и они вопросов не задавали. Мысли о богатой награде полностью завладели их воображением. После того, как они отбросили прочь думы о вооруженной охране, они уже не слушали внимательно все разговоры о колдовстве. Только Роф, казалось, имел какие-то оговорки. Его люди уже начали переругиваться, собираясь побыстрее мчаться зарабатывать королевскую награду, которую пообещал им Тирус. Роф наклонил голову и внимательно смотрел на Тируса и Эрейзана.

— Мы совсем разные люди, ты, колдун, и ты, меняющий облик.— Эрейзан весь напрягся при этих словах. Но Роф продолжал, смеясь: — Но мы все не говорим правду тем, кто нам полностью доверяет. Но сейчас в ваших словах много правды, чтобы вам можно было поверить. Уже с тех пор, как дошли слухи о пропавших крестьянах, я начал

думать, не угрожает ли что-нибудь нашей королеве. Если вы имеете такие сведения, достаточно точные, и хотите сообщить их королеве, то мы не будем ссориться. Я помогу тебе предупредить ее, колдун. А ты постарайся выторговать у нее милость для нас. Согласен?

— Согласен.— Тирус ждал какой-нибудь клятвы, чего-нибудь такого, что закрепило бы сделку. Но Роф не заботился о таких вещах; впрочем, он это доказал прошлой ночью. Даже клятва, данная им Богу Зла, не остановила его перед тем, чтобы послать убийц по следу акробата и колдуна. Он быстро отвернулся от своих новых союзников. Решение было принято и никаких гарантий он не требовал.

— Ты и ты — прочь! — приказал он двоим, сидящим на хороших лошадях разбойникам. Воры в замешательстве начали медленно спешиваться. Это рассердило Рофа и он вскочил на свою лошадь и поскакал к двум бандитам. Он начал беспощадно лупить их. Роф бил их ручкой хлыста, сбрасывая с седел. Эти двое, очутившись на земле, побежали, в то время, как Одноухий схватил поводья, чтобы лошади тоже не побежали.

Как только бандиты скрылись в зарослях, Роф успокоился, его цель была достигнута. Сердечно улыбаясь, он засунул хлыст за пояс и сказал:

— Чем нас меньше, тем больше мы получим от королевы, когда она заплатит нам. Но их лошади хороши. Возьмите их. А те шакалы пусть возвращаются в Куред пешком. Садись, колдун, и ты, рыжик. Давайте предупредим королеву и заработаем золото!

Быстро оправившись от удивления, Тирус и Эрейзан вскочили на предоставленных им лошадей. Сбежавшие бандиты выкрикивали ругательства и угрозы друзьям, Рофу и остальным бандитам, но не рисковали выйти из укрытия и постараться овладеть своими лошадьми. Тирису досталась огромная лошадь серой масти, а его друг сидел на красном Крантинском коне. Колдун заставил повиноваться свою лошадь с помощью поводьев, а Эрейзан, хорошо знавший животных, успокоил свою одним ласковым словом. Уже через мгновение они скакали по равнине за королевским кортежем. Роф и его люди несколько задержались, но вскоре и они поехали, напоминая друзьям о заключенной сделке.

Очень давно, еще до того, как его мир сгорел в огне, Тирус занимался верховой ездой каждый день, наслаждаясь приятным чувством власти над великолепным животным. Теперь он был рад тому, что тогда приобрел боль-

шой опыт, так как его огромная лошадь была весьма капризной. Тирус приподнялся на стременах и послал лошадь вперед, подгоняя ее с помощью поводьев, желая иметь крылья.

Сколько же времени они потеряли в болтовне с бандитами? Тирус оглянулся и увидел, что Эрейзан несется за ним. Роф и его бандиты немного отстали. Тирус не хотел далеко отрываться от бандитов, так как они могли оказаться полезными, если возникнет какая-нибудь опасность. И все-таки он подгонял лошадь поводьями, заставляя ее скакать еще быстрее.

Утро было в самом разгаре, солнце вставало над землей. Мог ли Врадуйр творить свое злое и черное дело в такой блестящий солнечный день? В Камате было именно так. И все ужасные ограбления совершались командой заколдованного корабля на островах Кларики при дневном свете. Солнце не остановит Врадуйра. Тирус это хорошо знал. Он опять думал о том, что увидел в стекле, о возможном союзе Врадуйра с могущественным богом. Однажды Врадуйр совершил сделку с дьяволом. А теперь...

— Тирус! — послышался голос Эрейзана, заглушая стук копыт лошадей. Послышались и другие крики, это бандиты окликали друг друга. Ужас был в их криках.

Не было нужды поворачиваться, чтобы увидеть, что же напугало их, что вселило в отважного Эрейзана страх. Это внезапно пришло к самому Тирусу.

Небольшой подъем впереди указывал на то, что равнина кончается. За ней по всей вероятности лежали луга Дрита. Это расстояние они преодолели. А вверху, над головами, заполняя все небо, бурлило черное злое облако. Оно появилось в одно мгновение, сверхъестественное, страшное, внушающее ужас.

Рассекаемая огромными ослепительными молниями, сгущалась бесконечная темнота, заполняя собой все. Как и то ужасное существо в цитадели Врадуйра, облако непрерывно меняло очертания, подавляя людей, превращая их в насекомых своими огромными размерами и злоевищем могуществом. Это были безжалостные силы природы, а может колдовства, такого же черного и мрачного, как само облако!

Глава 8

ОРДЫ ДЕМОНОВ ВРАДУИРА

Спускающийся мрак остановился над самой головой Тируса. Только самообладание, приобретенное за время скитаний, не дало ему броситься наземь и уползти в густую траву. Лошадь в безумии грызла удила и бешено крутилась под Тирусом. Тот боролся с ней, пытаясь успокоить испуганное животное.

Все лошади под остальными бандитами тоже были в панике и некоторые бандиты уже были выброшены из седел. Освобожденные лошади ржали и бессмысленно лягались во все стороны. Их седоки, ругаясь, бегали за ними. Роф и остальные воры старались удержаться в седлах, так же, как и Тирус с Эрейзаном. Это было очень трудной задачей.

Когда туча закрыла все небо, поднялся сильный ветер. Тирус заставил свою лошадь вертеться волчком и тем самым отвлечь ее внимание от того, что происходило вокруг, на это бесполезное вращение. Воздух стал холодным, как зимой, кожу кололо от прикосновения этого холода. Тирус чувствовал, что в носу при дыхании стало щипать, холодный ветер беспощадно хлестал его. Он закричал Рофу, стараясь, чтобы тот мог услышать его через это ледяное завывание:

— Луга Дрита — далеко до них?

Некоторые из слов бандита относились ветром. Но он кричал, показывая рукой, и Тирус мог разобрать:

— Они... за следующим... склоном...

Тирус пытался подавить свой собственный страх, который был сильнее, чем у его лошади или у любого из бандитов. Он боялся не за себя, а за своего друга Эрейзана и еще больше за Джателлу и ее богоподобную сестру. Обе женщины сейчас были там — за следующим холмом — в самой гуще этого сверкающего молниями черного облака!

Холод! Холод, пронизывающий сквозь одежду и замораживающий кровь и мозг. Он обрушился на Тируса и других тысячами ледяных кинжалов. Тонкие лезвия прокаливали одежду, кололи лица и руки.

— Дьявол! — кричали бандиты, полумолясь-полуругаясь. — Он пришел покарать нас!

Один Эрейзан успешно справлялся со своей лошадью. Он пробивался сквозь ветер и снег навстречу зловещему облаку.

— Вы идиоты! Дьявол убивает огнем и расплавленными камнями! А это лед! Другой бог!

Осознав истину, бандиты заорали еще громче:

— Это Нидил! Нидил! Бог Смерти! Тот, кто замораживает дыхание!

Тирус все еще боролся с лошадей. Он пытался взглянуть в черные тучи. Они, распухшие, колеблющиеся, рассекаемые молниями, занимали уже полнеба. Мрак устремился уже к самой обители Иезор-Пелувы и угрожал закрыть само солнце.

Затем, как бы вспомнив о своих истинных намерениях, ужасные тучи сгустились, сложились, посыпались молнии, послышались раскаты ужасающего грома. Туча падала на землю. Вся эта бурлящая зловеющая масса дьявольского мрака, свистящего ветра и снега опускалась, как занавес, который несли злые демоны. Все было как в самых страшных снах. На самой толстой и черной части массы сформировалась стрела, а из северной части тучи вырвалось копьё и устремилось к земле. Тирус срывал ледяные сосульки с усов и бороды. Он знал, что должно случиться и был не в силах предотвратить это. Ничто не могло противостоять этому! Никакая магия!

Черное копьё исчезло за холмом перед ними, поразив пространство лугов Дрита! Были ли те крики, которые слышал Тирус, только завываниями ветра? Или он слышал агонию пораженных людей, мужчин и женщин, животных, на которых обрушилась сила, тайная сила, лежащая за пределами человеческого понимания? И один из криков был его собственным — ужасным криком протеста против того, что делает Врадуйр.

Острые стрелы ударило за холмом. Однако как и любой предмет, брошенный в бассейн, порождает брызги и волны, так и здесь, ужасная стрела породила устрашающие волны, катящиеся от центра удара. Движущаяся стена черного мрака быстро катилась по траве от лугов Дрита к Тирусу и остальным.

— Роф... это... полно чего-то... — закричал Одноухий, его голос прерывался от ужаса, он всхлипывал, как младенец.

Мгновением позже они тоже увидели это и новая волна ужаса охватила их. Если люди Рофа раньше были напуганы, то теперь они обезумели от страха. Они соскочили с лошадей и кинулись слепо бежать куда-нибудь.

Но никаких шансов спастись у них не было. Облако уже нагнало их и накрыло их своим ледяным мраком. Из него выскакивали демоны, создания, каких никогда не видели на земле и в море. Они материализовывались из облака и набрасывались на людей и лошадей.

Тирус выхватил свой волшебный меч и ударил нечто извивающееся и змеевидное, что устремилось к его лицу. Разложившаяся плоть и истлевшие кости развалились. Капли гноя брызнули на Тируса. Они обжигали, как огонь. Тирус ударил точно и притом волшебным мечом, но он знал, что его удар не убил это существо. Извивающееся, с бесчисленным количеством конечностей, оно было серьезно ранено, но летало в воздухе, пытаясь подобраться к нему, вцепиться и пить его кровь.

Другое страшилище подлетело к нему. Тирус заметил сверкающие глаза, как у насекомого. К нему протянулись извивающиеся щупальца. Он в полном отчаянии рубил и рубил их.

Смерть не может быть побеждена, во всяком случае теми средствами, что есть у людей. Все эти демоны были уже мертвы, но они все еще двигались, нападали, кусались, царапали и все с большим ожесточением. Меч разил без промаха и без усталости, но эффект был ничтожен. Вся эта мерзость, получая удары, казалось, не испытывала чувства боли.

Тирус очистил свой разум от всепоглощающего страха. Он успокоился и зашел на тайном языке:

— Демоны дьявола, я накидываю на вас паутину колдовства.

Он искусно создал нить, затем сеть, которая держала их, повлек обратно туда, откуда они появились. Он уравнивал черную магию Врадуира своей белой магией.

Демон с глазами насекомого застыл в холодном воздухе. Сеть сковала его, но не могла заставить его двигаться. Щупальца свирепо извивались и существо издавало ужасные звуки, стараясь безуспешно освободиться от заклятия.

— Исчезни! Назад к Врадуиру! Прочь в царство дьявола! — приказал Тирус.

Его заклинание совершило то, что не мог сделать волшебный меч. Демон задрожал. Ядовитая вонь вырвалась из его слюнявого рта. Тирус почувствовал приступ тошноты. Но затем эта вонь растаяла, когда Тирус усилил свое защитное поле. Завывая, свирепо щелкая челюстями, с судорожно извивающимся хвостом и щупальцами, демон растворился в черном облаке.

Вокруг Тируса все вели бой с подобными ужасными и тошнотворными существами. Они в отчаянии махали мечами и ножами. Моля о милости, призывая всех богов, которые могли их услышать, они металась во мраке, всхлипывая. Куски гниющей плоти отваливались от демонов,

когда они получали удары. Морские чудовища и демоны из огнедышащих гор сидели на людях, как на лошадях. Они грызли, впивались в них когтями, рвали щупальцами. Люди были наполовину облеплены зловонными трупами и гниющими внутренностями того, что, должно быть, гнило уже в течение тысячелетия. Другие огромные демоны гонялись за отдельными бандитами, желая целиком проглотить их.

Ветер тоже был против людей, обдавая их холодом и снегом. Лошадь Тируса упала на колени и заржала, отказываясь держать его вес при таком холоде и ветре.

Недалеко от Тируса Эрейзан схватился с одним огромным демоном. Акробат начал изменение облика, не позаботившись на это время предохранить себя от нападения. Но на него напали прежде, чем он совершил изменение. Руки его были покрыты шерстью, лицо приобрело окраску тигра, но во всем остальном он был человеком. И его за горло схватило чудовище. Трехногое чудовище, наполовину волк, наполовину хищная птица. Оно погрузило свои острые, как иглы, когти в лицо и горло Эрейзана и только его сильные руки пока сдерживали чудовище. Но его силы уже начали ослабевать. Он не мог долго устоять против мифического зверя.

— Назад к Врадуйру! — запел Тирус, вытянув руки навстречу шторму. — Творения Врадуйра, извлеченные из преисподней, благодаря сделке между дьяволом и Врадуйром — назад в преисподнюю, в царство зла.

Внезапно к нему подкатила тошнота. Он не мог выдержать адского зловония. Его одежда была вся разодрана и покрылась коркой льда. Волосы и бороду развевал ветер, так что они не могли согреть его голову и лицо. Но он не мог остановиться и перевести дух, пока не загонит всех демонов Врадуйра в их норы.

— Вернитесь! Вернитесь к своему хозяину! Дух Расвен и вся Белая магия накладывает на вас заклятие! Уходите и не появляйтесь больше на Земле никогда! Прочь!

Никаких представлений с волшебным стеклом! Никаких представлений, чтобы доставить удовольствие зрителям. Джателла бы не улыбнулась, если бы увидела то, что он делал здесь, его настоящую магию, без украшений и декораций.

Джателла... И ее беспомощная прекрасная сестра! Тирус знал, что они настоящие жертвы Врадуйра. И они были там — в черном сердце облака, без сомнения подверглись нападению демонов, гораздо более ужасных, чем были тут.

Как и первые демоны, напавшие на Тируса, остальные тоже повиновались заклинанию. Однако, некоторые из них повиновались богу и только он мог прогнать их, но не заколдовать. Но и они начали медленно возвращаться в черное облако. И все же Тирус не ощущал радости, так как знал, что это далеко не все — худшее впереди. Орды демонов производили дикую какофонию звуков, растворяясь в облаке. Облако тоже стало исчезать, втягиваясь обратно в тучу, которая породила его. Тирус и другие люди остались одни под чистым небом.

Разбойники смотрели в смятении. Тирус увидел, что двое из них мертвы, некоторые получили серьезные раны. Возможно, что они поддались бы лечению магией, так как только такие раны можно лечить с ее помощью.

Эрейзан был рядом. Он поднялся на ноги и Тирус с облегчением увидел, что его друг отделался только незначительными царапинами и укусами. Пospешно, чтобы поменьше бандитов увидели это, Эрейзан вернул себе человеческий облик. Он весь дрожал, его тошнило от испражнений, которыми исчадие ада испачкало его одежду. И оно еще пыталось убить его.

Постепенно приходя в себя, бандиты с облегчением вздыхали и кричали:

— Ха! Колдун! Он спас нас от этих тварей. Он прогнал их!

Они подошли к Тиусу и Эрейзану и начали восхвалять и его.

— Ха! Рыжик! Кто бы ты ни был, ты наш человек!

Они кричали и сердечно хлопали Эрейзана по спине.

Эрейзан оттолкнул их. У него были те же мысли, что и у Тируса. Они побежали и попытались поймать лошадей, достаточно сильных, чтобы нести их. Бандиты бросились за ними, намереваясь водрузить их на плечи и с триумфом нести их.

— Оставьте меня,— кричал Тирус.— Еще не все конечно! Эти демоны всего лишь часть злых сил Врадуира. Худшее творится там, за холмом. Если вы хотите поблагодарить меня, то помогите мне добраться до королевы, пока не поздно!

Тирус вырвался из их рук и вскочил на ближайшую лошадь. Животное все еще было в панике, но он безжалостно бил его, подгоняя. Страх за Джателлу лишил его жалости.

— Давай! Давай! — командовал он и лупил ее пятками и плоской стороной меча.

Он поскакал к вершине холма, где клубилось облако демонов. Он хотел бы дать этой лошади крылья. Безжалост-

но избивая ее, он взлетел на вершину холма. Перед ними были луга Дрита.

Катастрофа, разразившаяся тут, была в самом разгаре. Луга представляли собой очень красивое зрелище — пологие холмы и небольшие перелески. Сейчас вся трава была увядшей и почерневшей. Она была покрыта кристалликами льда. Цветущие деревья с корнями вырваны из земли и отброшены в сторону силами черного колдовства.

День праздника веселья и развлечений превратился в трагедию. Мужчины и женщины тут и там лежали в черной траве, все в крови, их красивые одежды были покрыты льдом и снегом. Многие казались мертвыми или умирающими. Измученные лошади жалобно ржали, взывая о помощи, но помогать было некому. Дворяне и сокольничие, слуги и пажи, королевские телохранители — никто не остался без повреждений и ран. Повозки были разломаны в клочья. Официант, который должен был обслуживать королевский двор здесь, на охоте, теперь лежал мертвый среди знати королевского двора Джателлы. Несколько соколов вырвалось из разломанных клеток и теперь перья кружились в воздухе. Но большая часть этих благородных птиц были всего лишь клочками окровавленных перьев в клетках.

Но не все еще погибли. Офицер охраны и с ним еще четверо мужественно сражались со своими противниками. То же делали и несколько дворян. Они построились так, чтобы охранять раненых, пытавшихся выбраться с поля боя. В центре стояла Джателла, выкрикивая команды. Она была вооружена солдатской пикой, обладатель которой лежал в крови. Пикой она колола свирепое черное облако и его обитателей. Когда-то веселая лента на пике сейчас была измятой и грязной от гноя, впрочем, как и красивый костюм Джателлы. С волосами, спадающими на грудь, с обнаженными плечами, она была сейчас настоящей воительницей, страшной в своем гневе.

Тирус понесся в самую гущу схватки, стремясь достичь Джателлы и встать рядом с ней. Меньшие демоны тут же стали собираться в облако перед ним, как и те, что нападали на королеву и ее приближенных. Это облако кружило вокруг Тируса. Стрела колдовства, направленная к земле, нанесла ей почти человеческую рану — она уничтожила луга Дрита.

Главные демоны — лорды приготовились выйти из облака. Тирус посмотрел на них в изумлении. Скелеты в доспехах! Украшения на их лошадях и их доспехах уже были тронуты плесенью и гнилью за те бесчисленные века, которые прошли со времени их изготовления. Доспехи были

те, что носили в те времена, когда существовали давно исчезнувшие и забытые ныне империи. Двуглавые топоры Тречей и красные драконы Рердона украшали их одежду и плащи. Эти эмблемы и значки были знамениты — печально знамениты! Это пантеон легендарных воинов! Это были Риир-шай, которые продали свой народ варварам, Прэндере, которые предали Тречей и чуть не повергли целый мир в руины... все это были люди, умершие бесчисленное количество поколений назад!

Их глазницы были пусты. Вместо лиц ухмыляющиеся черепа. Кости громыхали внутри заржавевших доспехов. Их лошади тоже были не что иное, как скелеты, стянутые истлевшей сбруей, их внутренности болтались внутри некогда роскошных попон и чепраков. Зловоние, сопровождавшее эту орду мифических завоевателей, намного превосходило зловоние, распространяемое демонами, которые атаквали Тируса и бандитов.

Мертвые! Люди и лошади мертвые! Мертвые уже много-много лет!

Мертвецы, не обретшие покоя. Предатели, которых не пропустили в ворота Кета, навсегда проклятые и осужденные вечно бродить по нижним странам и никогда не найти жизни опять! Обреченные вечно находиться между жизнью и смертью, эти потерянные души опять появились среди людей, чтобы выполнить волю Врадуйра.

Странные символы и значки забытых государств. Легендарные предатели Тречей и Рердона вместе с неизвестными воинами прыгали из облака, выходя на воздух. Страшная армия выходила из бушующего мрака.

Тирус боролся с темнотой и ветром. Прорываясь сквозь ледяные ножи, он увидел впереди себя всадника с головой в виде черепа. Мертвец держал добычу — Илису!

Кости рук в рукавицах держали Илису. Всадник был в седле, а принцесса перед ним. Она отчаянно боролась, стараясь вырваться из ужасных объятий, хотя лошадь плыла высоко над землей.

Джателла бросилась наперерез им. Она подняла пику над головой, чтобы бросить ее, но заколебалась, боясь задеть сестру. Она продолжала бежать за Илисой и мертвецом, захватившим ее. Она кричала и в голосе ее были гнев и ненависть.

— Дерись со мной! Повернись и дерись со мной! Я буду твоей жертвой, грязный пес! Борись со мной! Отпусти ее...

Джателла была уже близко, чтобы ударить, и она метнула пику изо всех сил в то, что должно было быть сухожи-

лием лошади. К ее ужасу кости отделились и целая нога скелета отвалилась. Кости и сгнившая плоть посыпались на Джателлу. Но лошадь и ее всадник как будто и не заметили повреждения.

— Верни ее! — просила Джателла.

Тирус, еле удерживаясь на ветру, погрузился в свою магию. Время бежало очень быстро. И он почувствовал, что колдовство Врадуира смешано с какой-то могущественной силой, преодолеть которую было невозможно. Создания Бога Смерти! Однажды Врадуир заключил сделку и потом обокрал, уведя от него демонов, с дьяволом Бога Зла, теперь он, очевидно, заручился поддержкой Бога Смерти. Скелсты не были иллюзиями, творениями колдуна. Тирус прозондировал их и ощутил ужас ледяного контакта. Они выполняли задание Врадуира, но принадлежали Нидилу, Тому, Кто Замораживает Дыхание. Мог ли Тирус найти какое-нибудь заклинание, чтобы нанести им поражение?

Справа от Тируса пробежал Эрейзан, устремившись наперерез скелету. Ни один обычный человек не мог бы двигаться так быстро, но благодаря заклятию Врадуира Эрейзан имел особые способности, которыми не был наделен никто, кроме него. Эрейзан подхватил лошадь и вскочил ногами на седло, в то время, как лошадь мчалась к скелету.

Лошадь со скелетом была высоко над ним. Эрейзан сделал сильнейший прыжок, собрав все свои силы. Он зацепился за украшенный чепрак и за шею лошади.

Тирус оставил попытки разрушить заклинания Врадуира, направившего в бой эти скелеты Нидила, и стал пытаться помогать Эрейзану. Его отчаянная атака была такой неожиданной, что Врадуир ничего не мог противопоставить ей. Может быть Эрейзан попал в щель в стене магии Врадуира.

Эрейзан болтался в воздухе, держась за чепрак и старинное седло. Джателла бежала вниз, кричала и колола остатки лошади пикой.

Тирус тоже бежал и произносил заклинания, охранявшие Эрейзана, надеясь, что они проникнут через магический барьер вокруг скелета и Иллисы.

— Помогите! — кричала Илисса, протягивая руки Джателле и Эрейзану. Всадник из прошлого терзал Эрейзана, стараясь поразить его мечом, с которого уже стекала кровь. Едва держась, Эрейзан извивался в воздухе в бесплодных попытках достать Иллису.

— Еще немного, принцесса, — слышал Тирус крики друга. — Я спасу тебя! Еще чуть-чуть...

Прекрасные волосы Илиссы светились на фоне черного неба, ее серебряные одежды сверкали от наросшего льда. Черная туча и дьявольские всадники были кошмаром на фоне ее красоты и невинности.

Время шло, и Эрейзан упал.

Скелет ударил своей костлявой ногой в живот акробата в тот момент, когда дряхлые цепи, за которые он держался, затрещали. Он успел коснуться руки Илиссы в последнем отчаянном усилии. Но она не смогла удержать его даже на мельчайшее мгновение. С чувством досады Эрейзан падал на землю с большой высоты. Он инстинктивно собрался в воздухе и его гибкое тело мягко приземлилось.

— Ты не сделаешь этого! — кричала Джателла. Слезы лились по ее щекам.

Облако сгущалось вокруг Илиссы и всадника. Она вертелась беспомощно в его руках, глядя на сестру и Тируса с Эрейзаном.

— Помогите! Помогите мне...

Это был жуткий детский крик о помощи, который мог разорвать сердце.

Джателла опять подняла свою пику, намереваясь бросить ее, так как ничего другого уже нельзя было сделать. Скелет обернулся и протянул руку по направлению к королеве. Тирус почувствовал внезапное сильное давление, новое и злое колдовство. Ему показалось, что он видит в облаке Врадуира с воинами Бога Смерти и ощутил убийственный гнев Врадуира, как это было тогда, когда он видел его в стекле. Гнев, направленный на Джателлу.

Воины-скелеты были собственностью Нидила, но Врадуир решил использовать их, чтобы истребить своих врагов. Врадуир обещал, что если Джателла встанет у него на пути, он убьет ее.

Тирус втянул в себя воздух так сильно, что его легкие пронизала боль. Из его руки стали вытекать зеленые молнии. С таким же треском с перчатки скелета вырвалось черное пламя — но это Врадуир послал смертельный огонь.

Две ужасные силы, магия отца и сына, встретились со взрывом. Грохот заполнил всю долину и отразился эхом от леса, ограничивающего ее. Тирус и другие были брошены на землю. Лежа навзничь, он терпеливо создавал большие колдовства, иллюзий, зная, что должно быть.

Илисса была потеряна. Захваченная в облако, она была вне пределов его досягаемости и защиты, находясь полностью во власти Врадуира. Но Джателлу — Джателлу он должен спасти.

Тирус бешено работал, и Врадуйр видел то, что он хотел. Глазницы воинов были окнами для Врадуйра, и Тирус показывал ему полное уничтожение — Джателла и все остальные люди мертвы, все до последнего. Он настойчиво создавал это изображение, посылая его Врадуйру, делая все, чтобы враг поверил ему.

Обман сработал. Удовлетворенный Врадуйр повернул воинов назад, считая их атаку завершенной. Воины и демоны скрывались в облаке, Илисса с ними. Облако поднялось, а затем устремилось с огромной скоростью к северу. Небо опять стало голубым и ясным, солнце весело светило на место недавней катастрофы.

Джателла, сидя, следила глазами за облаком. Она всхлипывала. В последний раз она увидела лицо Илиссы и ее чудесные светлые волосы. Затем все поглотила темнота. А за ней исчезли прогнившие доспехи, оружие, воины-скелеты и их лошади пропали в бурлящем мраке.

За время, пока свеча мигнула бы дважды, облако исчезло и Илисса вместе с ним. Ничего не осталось, кроме серой полоски на краю горизонта, в том месте, где находятся запретные страны дальнего севера.

Стоны и всхлипывания слышались со всех сторон. Ревели животные, выжившие соколы клекотали. Тирус прилег на черную траву рядом с Эрейзаном. Акробат лежал на боку, охая и стоная. Изнурение и поражение сломили его. Но к радости Тируса, его друг был жив и даже серьезно не пострадал от своего падения и жестокой борьбы.

Когда Эрейзан пришел в себя, его глаза были как у сумасшедшего. Он с размаху ударил кулаком по мерзлой земле и закричал:

— Слишком... Слишком поздно! Не мог... удержаться! Слишком поздно...

— Здесь была магия не только Врадуйра, мой друг,— сказал ему Тирус.— Эти воины принадлежат Нидилу.

Эрейзан в безумии качался взад и вперед, массируя себе живот.

— Боги! Он заключил сделку с богами! Принцесса! О, принцесса! Если бы... Если бы я мог...

Тирус погладил его по плечу, пытаясь успокоить как мог. Затем он оглянулся на Джателлу. Он показал Врадуйру, что Джателла погибла от молнии, посланной им. Но она была жива и теперь стояла на коленях, горько рыдая. Слезы катились по щекам и падали на тяжелую грудь.

Илисса! Что они сделают с тобой, малышка? Прости меня! Прости меня! Я не смогла уберечь тебя! О, Гетания, спаси ее! Спаси ее!

Тирус посмотрел на север, куда глядела безумная королева. Весь горизонт был затянут серыми облаками. Только он и Эррейзан видели север в волшебном стекле, и только он, Тирус, медленно летал через эти дикие пространства в страну Бога Смерти. Для остальных облака скрадывали действительное расстояние. Хотя Тирус не следил внимательно за облаками, он мог выделить определенную их часть — здесь! Здесь был Врадуйр и цитадель, куда воины-скелеты утащили захваченную Илиссу. Сюда в цитадель, к Врадуйру.

Все люди, что еще остались живы, валялись на земле. Некоторые поднимались на ноги. Они шатались на неслушающихся ногах, слишком слабые и изнуренные, чтобы сделать хотя бы шаг. Другие пытались ползти на четвереньках, разыскивая своих друзей или любимых.

Офицер, телохранители, трое дворян, которые сражались рядом с принцессой, отбиваясь от демонов и не допуская их к ней, были на ногах. Теперь офицер помогал Джателле подняться и, склонившись над ней, успокаивал ее.

А немного раньше офицер и его солдаты гордо выехали из Куреда. А теперь только он и еще четверо оставались на ногах, и никто из них не избежал ранения. Ярость владела им, ярость и стыд, стыд, что не смог защитить королеву.

— Королева,— заговорил он.— Я... я не мог... о, моя принцесса Илисса!

Он упал перед Джателлой и покорно наклонил голову, ожидая смерти от ее рук.

Сжав зубы, королева вытерла кулаками слезы. В ее глазах зажегся яркий, горячий огонь. Увидав это, Тирус снова пережил свои эмоции. Он испытывал такой же гнев, когда увидел развалины Камата. Куда поведет Джателлу ее гнев? Многие правители обращают свою ярость и недовольство на несчастных подчиненных, и офицер склонил перед нею шею, готовый получить удар меча или любое другое наказание.

Солдатские пики были сломаны, мечи в зазубринах после жестокой битвы. Офицер стоял, склонив голову, истекшая собственной кровью и ожидая суда Джателлы.

— Лейтенант? — Джателла имела вид, как будто пыталась очнуться от ужасного сна. Но ее сон был явью. Она поднялась, глядя на офицера сверху вниз.— Лейтенант Утей, ты... и твои люди храбро сражались. В том, что произошло, вашей вины нет. Враг... враг был слишком силен.

Жалобный хор стонов и всхлипываний сопровождал ее слова. Это вторили ей раненные, изувеченные, страдающие. Джателла воскликнула:

— О, Гетания, Мать Земли, помоги нам!

Солдаты отдали дань уважения и почтили память погибших товарищей. Гнев и ярость также овладели ими, их сердца загорелись жадой мести.

— Мы поедem за воинами-скелетами, королева,— поклялся офицер,— мы вернем принцессу Илессу.

Эти слова привели Джателлу в себя. Она поспешно сказала:

— Нет, не сейчас. Мы не можем идти на врага не подготовившись. И... нам нужна помощь. Слишком много потерь.

Она обхватила себя руками, стараясь овладеть собой и собраться с мыслями. Ее одежда была порвана и запачкана грязью и кровью, полная грудь почти обнажена, волосы спутались и слиплись в какой-то бесформенный мокрый комок. Это под солнцем таяли остатки льда. Она с тоской посмотрела на Тируса и Эрейзана. Джателла еще не осознавала их присутствие здесь, все еще находясь в плену мыслей о только что пережитом.

Пока Тирус поднимал на ноги Эрейзана, Обаж устремился к королеве. Его щегольской наряд тоже был в грязи и запекшейся крови. Двое других придворных, почти не пострадавших в битве, как и Обаж, крутились возле королевы, пытаясь заслужить ее милость.

— Королева...

Едва Обаж раскрыл рот, как Джателла круто повернулась к нему, в ней вновь проснулись гнев и ярость. Очевидно голос Обажа затронул какие-то чувствительные струны в раненом сердце.

— Ты!— закричала она.— Ты был рядом с ней, когда на нас напали воины-скелеты! Как ты мог позволить им украсть ее, когда ты был так близко? Ты ведь ее жених! Клялся хранить ее вечно! О, если бы я была рядом с ней, когда они схватили ее...

— Королева... они напали так внезапно, без всякого предупреждения,— слабо протестовал Обаж.

— Это ты позволил, чтобы ее схватили, ты, самодовольный идиот!

Тирус не испытывал теплых чувств к Обажу, но он предполагал, что Джателла будет сожалеть, что сказала эти слова, когда подумает обо всем. Осторожно он прервал ее:

— Королева Джателла! — Она повернулась к нему и он продолжал:— Ни сэр Обаж, ни кто-нибудь другой не смог бы устоять против воинов-скелетов, демонов и прочих чудовищ. Обычное оружие не способно убить их.

Его заступничество вызвало неожиданную реакцию со стороны Обажа. Он перестал оправдываться за свое поведение во время нападения и набросился на Тируса.

— Колдовство! Это было колдовство! И он колдун! Мы видели, как он предсказывает будущее. Королева, он виноват за все это! Он похитил Илиссу с помощью своей магии!

Глава 9

КОРОЛЕВА, КОЛДУН И ЛОРД-БАНДИТ

Тирус был ошарашен этим неожиданным выпадом. Он и Эрейзан замерли при таком чудовищном обвинении, и Обаж воспользовался их молчанием.

— Я сразу понял, что ваши трюки чересчур умны, актеры,— сказал он, делая движение, как будто он собирался наставить меч к горлу Тируса.— Обычные люди не могут совершать таких чудес. Вы с самого начала планировали завлечь нас в эти сети и захватить Илиссу...

У Эрейзана сдавило горло, он качался, как пьяный. С голыми руками он пошел на придворного и схватился бы с ним, если бы между ними не встал Тирус. Другие придворные стали удерживать Обажа. Тирус тоже старался не выпускать Эрейзана. Тот хотел вырваться и кричал:

— Тирус оправдывал тебя перед королевой, а ты так отплатил ему за добро?

— Придержи свой язык, акrobat, а то я отрублю его.— Обаж бился в руках, держащих его и кричал дворянам.— Пустите меня, дайте мне проучить этого сукина сына!

На лице Эрейзана появилась угрожающая улыбка.— Ну что же, попытайся, сэр Обаж, и ты увидишь, сколько крови ты можешь выпустить из себя в настоящем бою!

— Ну, хватит! — Голос Джателлы ворвался в перепалку, как боевой топор.— Неужели вы ничего, кроме ссор, не можете делать? Люди пострадали и Илисса похищена!

Пристыженные Обаж и Эрейзан отступили, все еще трясаясь от ярости.

Тирус сказал:

— Если позволите, королева, я использую свое искусство, чтобы залечить раны, нанесенные демонами...

— Магия? — спросил Обаж, не желая уйти от обсуждения этого вопроса.— Это должно быть магией. Он сам признал это. Он может залечить раны, потому что сам создал это черное колдовство. Посмотрите на них. Почему они

здесь? Почему? Разве не для того, чтобы привести этих воинов?

Джателлу тоже встревожили эти обвинения и она посмотрела на Тируса и Эрейзана. Через некоторое время лицо ее смягчилось и она сказала:

— Ты проявил большое мужество, когда прыгнул на этот скелет, акробат. И ты, Тирус из Камата. Я думаю, что ты спас меня от смерти, когда отразил удар грома своей волшебной молнией. И тем не менее, во всем этом есть что-то непонятное. Почему вы здесь? Правда то, что говорит Обаж?

Обаж постарался усилить ее подозрения:

— Это правда, королева. Помните, как он колдовал с этим зеркалом? Он вызывал оттуда ведьм и эльфов, а также какого-то пророка.

— И если бы вы послушали предупреждения Тируса, принцесса Илисса была бы во дворце и в безопасности,— крикнул Эрейзан.

Это повергло Обажа в молчание. Джателла кивнула:

— Да, вы старались предупредить меня, я видела все это. Но Илисса и я думали, что все это лишь часть представления.

Тирус ответил:

— Я замаскировал правду в волшебные декорации, но поверьте, я не мог тогда говорить правду. Но теперь могу. Да, я колдун. Но я не враг вам и эти воины-скелеты не мои создания.

Хотя Обаж был очень храбр, когда обвинял Тируса в колдовстве, но теперь, услышав его признание, Обаж отошел подальше от него. На его лице появилось выражение страха. Другие тоже встревожились. Но Джателла не испугалась и продолжала прямо и открыто смотреть ему в глаза. Он вновь ощутил силу ее притягательности, которая овладела им тогда, когда он впервые увидел ее. Однако в этом ощущении появились какие-то новые оттенки. Ему показалось, что он давно ее знает, уже очень много лет, много жизней прошло с момента их первой встречи. Некоторые посвященные утверждали, что такое случается, бывает, что отношения, завязанные в какие-то другие времена, возрождаются, если боги этого пожелают. Может это оно и есть. Он смотрел на нее в смятении.

— Колдун,— сказала, наконец, Джателла.— И наш враг, который послал скелеты, тоже колдун, да?

Довольный ее сообразительностью, Тирус ответил:

— Да, но он злой колдун, так как он связан со святотатством и похищениями священных вещей.

Другие времена, другие жизни... Тирус был околдован. Как часто он диктовал свою волю другим с помощью своего искусства. Но Джателла не была обучена магии и тем не менее воздействовала на его разум.

— Мы знаем его и он наш враг, как и ваш.

— Значит, злой колдун. И вы знаете его.— Это был не вопрос, а утверждение. Глаза Джателлы пронизывали его насквозь.— Вы знаете его давно.

Она помолчала и сказала:

— Расскажите мне.

Тирус представил, как она едет на войну. Бок о бок со своими военачальниками. Он думал, как отбросить все несущественное и рассказать главное.

Тирус посмотрел на Эрейзана. Волшебная трава помогла ему и он стоял уже твердо. Эрейзан кивнул ему, разрешая рассказывать. Тирус глубоко вздохнул.

— Ваш враг был королем нашего острова,— начал он и его спокойствие удивило его самого.— Он правил мудро и справедливо в течение долгих лет. Но затем им овладели опасные страсти и амбиции и он повернул свое искусство волшебника на те пути, по которым никто не должен ходить, даже колдуны... Он... экспериментировал, делая такую магию, которая оскорбляла и людей, и богов. Его магия вызвала гнев дьявола, Бога Зла и...

Здесь он заколебался, думая о том, как много он может рассказать. Джателла подтолкнула его своим острым взглядом, как копьем.

— Но он избежал уничтожения, как и ты с акробатом.

Это опять был не вопрос, а утверждение. Она как будто шла рядом с ним в его воспоминаниях, предугадывая заранее все и удивляя Тируса тем, что она так быстро вошла в ситуацию, которая была нова для нее.

— Верно. Он сбегал с помощью капитана корабля и его команды, которые предали свой народ и поплыли под знаменем этого убийцы. Эрейзан и я были пленниками на острове-тюрьме, в стороне от извергающейся из огнедышащей горы лавы,— сказал Тирус. Он на мгновение закрыл глаза, снова переживая этот ужас.— Мы преследуем его уже в течение целого года и даже больше.

— Переодетые и замаскированные,— кивнула Джателла.— Это большое искусство — спрятаться от колдуна. Так вот почему вы играли роль актеров. Это такая же игра, в какую мы с Илиссой играли на базаре.— Она вздрогнула при упоминании об Илиссе. Затем она сказала: — И он здесь — был здесь?

— Не совсем.— Тирус снова глубоко вздохнул.— Демоны и ведьмы — это его создания. А воины-скелеты — это собственность Нидила.

Придворные и солдаты ахнули, а лейтенант Утей прошептал в религиозном страхе:

— Тот, Кто Замораживает Дыхание, Бог Смерти? Мы... Принцесса Илисса была похищена... Нидилом?

— Нет. Воины действовали по приказу колдуна. Он на время получил власть от Нидила над ними. Однажды он заключил сделку с дьяволом, но превысил свои права и чуть не погиб. Теперь он пытается заключить союз с Нидилом.

Джателла прервала его объяснения:

— Что хочет этот колдун от моей сестры?

Тирус колебался, Эрейзан тоже. Он смотрел настороженно на Тируса, ожидая его ответа с таким же страхом, как и Джателла. Со вздохом Тирус сказал:

— Он собирает ценности, надеясь использовать их в сделке с Нидилом, Который Замораживает Дыхание.

— Ценности? Что ты имеешь в виду?

— Наш враг хочет править всеми колдунами и всеми людьми.

Бледные лица людей вокруг побелели, кровь совершенно отхлынула от лиц. Тон Тируса не допускал и мысли о том, что он дурачит их, рассказывает сказки, чтобы напугать. Против своего желания, даже Обаж понял все и ужас сковал его.

— Если он добьется успеха в этом, королева, то весь мир будет его, все провинции будут у его ног, все люди будут его рабами.

— И Илисса... она... она часть его ценностей?

— Да, она часть сокровищ, которые он похитил.

Коротко Тирус перечислил все похищения, происшедшие на Арниобе в Южных морях, в Бендине, в Тор-Нали, в Серса-Орнайле и в самом Куреде.

— Илисса,— сказал он,— это последнее сокровище, которое он похитил, воспользовавшись помощью Нидила.

Джателла прижала руки к груди, стараясь сдержать бешено бьющееся сердце.

— Что... Что он сделает с ней? Со всеми этими сокровищами?

Тирус прочел боль в глазах Эрейзана и понял, что тот думает о том, что они видели в волшебном стекле. Он не мог и не должен был скрывать правду от Джателлы. Он хотел бы говорить с ней с глазу на глаз, да и Эрейзану не нравилось присутствие солдат и придворных. Но ему ниче-

го не оставалось, как говорить. Они должны все знать, как и королева.

— Он постарается принести в жертву принцессу Илису, чтобы купить могущество Бога Смерти.

— Он убьет ее! — Драматически произнес Обаж. — Омайтл! Моя любимая! В лапах Бога Смерти!

Другие мужчины ничего не говорили, но на их лицах были написаны все чувства, которые владели ими. Илисса была помолвлена с Обажем, но весь Куред любил принцессу и им было даже страшно думать о том, что она уже мертва.

— Нет! — Джателла горячо отвергла даже мысль об этом. — Она жива. Наши души связаны и я сразу узнаю, когда ее не будет в живых. Моя жизнь тогда будет ненужной для меня. Илисса жива и мы должны освободить ее, вырвать ее из рук этого колдуна прежде, чем он заключит свой святотатственный союз с Богом Смерти.

Тирус выпрямился, вытянувшись во весь рост. Эрейзан сделал то же самое, забыв о своих ранах и слабости. Тирус сказал:

— Этого хотим и мы, королева. Остановить его. Мы вернем Илиссу, если боги помогут нам.

— Его имя! Как зовут моего врага? — закричала Джателла. — Я должна знать! Я загоню его в ворота Кета и дальше, этого грязного похитителя моей сестры!

Тирус и Эрейзан посоветовались без слов. Это у них выработалось еще за время заключения в тюрьме. Сейчас эта связь приняла третьего. Тирус безмолвно сказал им:

«Врадуир. Его имя Врадуир».

Джателла беззвучно повторила это имя, запоминая его. Опасный пугающий огонь горел в ее глазах.

— Ваш враг Врадуир. И мой! Ваша месть моя! Гетания поведет меня. — Грос-Донак даст мне свой гнев.

Встревоженный Тирус прервал ее клятву:

— Мы вернем тебе ее, королева.

— Нет! — Джателла со злобой смотрела на облака над северным горизонтом. Она повернулась, задавая вопросы Тирусу. — Ты знаешь, где скрывается наш враг? Ты знаешь, как найги его?

Неохотно, поддавшись лишь ее воле и той неведомой новой связи между ними, Тирус кивнул.

— Мы пойдем вместе, колдун. Если ты попытаешься уйти без меня, я отомщу тебе, будь уверен.

— Королева...

Обаж ухватился за покрытый льдом плащ Джателлы. Она попыталась раздраженно вырваться от него. Но Тирус

весь напрягся, указывая Эрейзану на неожиданную опасность. Солдаты мгновенно собрались вокруг королевы, готовые защищать ее. Джателла, очнувшись от своих планов освобождения Илиссы, наконец, понял, что же встревожило ее людей.

— Я вижу их, лейтенант,— сказала она с преувеличенным спокойствием.— Кто они?

Роф и его разбойники, те, кто выжил после нападения демонов и получил незначительные раны, входили в луга Дрита. Они поменяли своих лошадей на тех, что потеряли своих хозяев: придворных и телохранителей. Теперь, как гиены, они гарцевали вокруг остатков королевского эскорта, высматривая жертвы и награды.

Офицер показал:

— Вот этот — с хлыстом — я слышал, что сыщики его называют Рофом. Говорят, что он главарь бандитов в Куреде.

Тирус добавил:

— Да, это он. Мы уже встречались с ним до этого. Он задержал нас с Эрейзаном на пути сюда. Я сделал его нашим союзником, надеясь, что он поможет помочь нам против нашего общего врага.

— Помочь нам? — вскричал придворный.— Но они же воры.

— И их гораздо больше, чем нас, из тех, кто способен держать оружие,— сказала Джателла.— Не будьте идиотом. В городе они не осмелились бы напасть на нас. Здесь же они разыскивают легкую добычу, а мы не можем оказать им серьезного сопротивления. Если мы не найдем способа удержать их от нападения, то они закончат то, что начали войны-скелеты. Тирус, ты сказал, что знаком с их главарем? Ему можно верить?

— Нет, конечно, королева. Он фальшивый человек.

Джателла поморщилась и слабо улыбнулась.

— И все же ты вошел с ним в союз. Как? И зачем?

— Как и сейчас, их было много. И мы нуждались в нем, чтобы он провел нас сюда. Он сказал, что знает северные страны, куда мы с Эрейзаном направлялись охотиться за Врадуиром.

— Вы купили его дружбу? Как? Я не думаю, что тот тощий кошелек, который я вам дала, мог удовлетворить этого алчного типа.

Ее сообразительность порадовала Тируса. Он сказал:

— Конечно, нет, королева. Он больше заинтересован в моем искусстве, думая использовать его для своего воровства. Я вынужден был предложить ему это, чтобы он по-

зволил нам пройти и помочь вам и принцессе. Впоследствии я предполагал освободиться от этого обещания.

Джателла улыбнулась, но в ее улыбке была горечь.

— Ты тоже фальшивый человек, Тирус из Камата. Я тоже буду. Полагаю, что этот Роф с большим удовольствием согласится иметь деньги в руках, чем возможность пользоваться твоим искусством. Я куплю его.

— Королева!

Придворные и телохранители были в тревоге и лейтенант Утей предупредил:

— Осторожнее, королева. Если мы повернемся к ним спиной хоть на мгновение, они убьют нас.

— Думаю, что мы для них более ценны живые, чем мертвые,— цинично заметил Тирус.

— Советую вам не договариваться с ними,— сказал самый старый из дворян. Обаж и остальные вторили ему.— Даже колдун говорит, что им доверять нельзя.

— У нас нет выбора. Прислушайтесь к стонам раненых, сэр Микит. Неужели вы глухи к их страданиям? Вы, Дорч и Обаж станьте поближе. Я хочу предложить разбойникам больше, чем они получили бы, если бы ограбили нас. Собери их, Тирус. Остальных прошу не делать угрожающих выпадов, если, конечно, они не начнут первыми. Не будьте так встревожены, лейтенант Утей. На нашей стороне колдун. Ты ведь защитишь меня, Тирус? — Джателла спросила с большой долей кокетства, хотя ситуация вовсе не располагала к этому.

— Всем своим искусством,— ответил Тирус с готовностью.

— Несколько армейских подразделений было бы лучше для нас,— сказал Обаж.

— Армия находится в городе и на границах,— сказала Джателла,— а мы здесь, а разбойники тоже. Они убьют любого посыльного, которого я направлю к генералу Злану. Наши раненые нуждаются в нашем разуме, а не в дурацкой храбрости. Мой путь лучше. Я буду изворотлива, как рыба, если понадобится.

Роф не сразу отозвался на призывные жесты Тируса. Его люди окружили кучку людей, верных королеве так же, как раньше они окружили Тируса с Эрейзаном. Разбойники пострадали от борьбы с демонами гораздо меньше, чем дворяне и их слуги. Они оставили сзади всех убитых и тяжело раненых и в случае боя одержали бы легкую победу. После продолжительных споров со своими соратниками Роф поскакал к Тирусу и королеве. Весь вид его выражал подозрительность и настороженность.

Роф остановился в отдалении от королевы и Тируса. Джателла приветствовала его очень почтительно.

— Приветствую тебя в своих охотничьих угодьях. Я Джателла, из рода Фер-Со, королева Куреда.

Ухмылка пробежала по обезображенному лицу Рофа.

— Я это хорошо знаю! Я Роф, главарь бандитов. Что ты хочешь, королева?

— Чтобы ты остановил свою руку,— сказала она с обезоруживающей простотой.

— Клянусь дьяволом, ты честна,— похвалил ее Роф.— Я думал, что ты будешь уверять меня, что за соседним холмом стоит полк солдат. Но ты слишком умна, чтобы лгать, королева. Мы оба знаем, что поблизости нет солдат.

— Именно поэтому я хочу нанять тебя и твоих людей к себе на службу, пока я не соберу своих людей.

Она быстро сняла свои кольца и жемчужное ожерелье. Затем пошла прямо к Рофу и подала ему драгоценности.

Это моя первая плата. Лейтенант Утей, соберите драгоценности и кошельки и принесите их сюда. Обаж, помогите ему. Вы тоже, Микит и Дорч...

Они стояли не двигаясь. Тогда Джателла сказала громко, показывая рукой:

— Быстро! Драгоценности! Деньги! Все, что имеет цену! Ничего не оставляйте, даже на мертвых если мы хотим спасти живых.

Тирус поддержал ее, уговаривая их, как упрямых детей:

— Деньги и драгоценности не помогут раненым. Разбойники не оставят нас в живых, если не получают побольше денег и драгоценностей. Королева покупает время для нас.

— Колдун знает, что нужно. Почему вы не видите этого? Нам надо быть хитрыми сейчас.

Джателла уговаривала их, доказывала, что их упрямство глупо и, наконец, они повиновались ее приказу. Джателла вернулась к Рофу и повторила:

— Это только первая плата. Ты получишь много больше, если проведешь нас на север, чтобы освободить мою сестру.

Роф отступил назад. Он переводил взгляд с Тируса на Джателлу, а затем с беспокойством сказал:

— Ты сказал, что колдун не берет плату деньгами. Ты зовешь нас или она?

Джателла подозвала Тируса, чтобы он поддержал ее. Он улыбнулся.

— Королева и я, мы вместе в этом деле, Роф. Тот, кто похитил принцессу Илиссу, это враг мой и Эрейзана. Служи королеве и будешь служить мне.

— Назови свою цену, лорд-бандит,— спокойно сказала Джателла.— Для тебя, за то, что ты поведешь меня, и для твоих людей, которые будут служить мне и искать Иллису.

Роф не отвечал. Он смотрел вдаль. Его мысли были понятны. Все эти богатые люди собрались в столицу на празднество. Они взяли с собой кучу денег и драгоценностей. Какие у них богатые поместья! И какой выкуп, богатый выкуп он получит от благодарных родственников за их освобождение, если возьмет их в качестве заложников.

Тирус почувствовал его алчность и предложил еще больше.

— Получил бы большой выкуп, Роф. Но королева предлагает плату тебе прямо сейчас. И никаких хлопот с пленниками и не нужно опасаться гнева родственников.

Обаж вернулся, собрав все деньги и драгоценности. Услышав слова Тируса, он сказал:

— Я заплачу за освобождение Иллисы. Королеве нет нужды связываться с этими ворами. Я заплачу за все сам.

— Не трать то, что не твое,— отрезала Джателла.— Все твое состояние и земли тебе пришли от меня. Ты уже проиграл в карты все свое состояние и имеешь долгов на сумму больше, чем приданое Иллисы. Так что не суйся туда, где тебе нечего делать.

Отругав обескураженного дворянина, Джателла опять повернулась к Рофу.

— Моя сестра очень дорога мне и я не постою перед любыми деньгами. Тирус тебе подтвердит это. Я заплачу тебе выкуп за нее. Когда Иллиса будет в безопасности, я буду так щедр, что у тебя закружится голова. Тебе придется купить караван животных, чтобы увезти мою плату, Роф.

— В безопасности? В безопасности от чего? — спросил Роф. Он смотрел на Тируса и выражение его лица менялось, а подозрения усиливались.— Ты уговорил королеву? А? Запретные страны?

— Ты же сказал, что был там,— оборвал его Эрейзан.— И ты уверял, что ничего не боишься.

— Не боюсь.

Было ясно, что Роф отступает, сопротивляется плану. Солдаты и придворные высыпали собранные драгоценности и деньги на расстеленный плащ и Эрейзан, встав на колени, пересыпал их с руки на руку, глядя при этом на Рофа. Завороженный волшебным блеском, Роф нервно облизывал сухие губы, глядя с жадностью на сокровища.

— Ну что же. Если я буду иметь это, то поведу вас хоть в Ледяной Лес. И мои люди пойдут туда, куда я прикажу

Но я должен знать, кто же этот враг. Если это те существа, что напали на нас, его...

— Он колдун,— ответил устало Тирус.— Неужели ты его боишься после того, как так громко хвастался? Или ты не хочешь получить плату, которую тебе предложила королева?

Эрейзан начал опять пересыпать золото и серебро, пропуская его между пальцев и заставляя его звенеть. Эта музыка устранила все колебания Рофа.

Нахмурившись, он подтвердил свое мужество словами:

— Если он смертный человек, то с ним можно бороться, колдун он или нет.

— Он человек,— заверил его Тирус бесстрастным тоном.

— Клянусь дьяволом, я ваш союзник. Дайте мне руку, королева, и мы поклянемся,— сказал Роф, смеясь, но смех прозвучал как-то натянуто.— Я не боюсь ни богов, ни людей, если мне хорошо платят. Таков мой девиз!

— И как же ты будешь клясться? — спросила Джателла, сомневаясь в его искренности.— Какое обещание ты дашь нам, что не заберешь деньги, не убьешь нас и не скроешься с сокровищами?

— Обещание? Заплати мне, королева, и это мое обещание. Я верю вам и вашей чести, хотя вы не верите моей. Не будем терять времени и дыхания на клятвы. Слова пропадают в воздухе. Спросите колдуна.— И Роф подмигнул, сделав гримасу.— Но золото? Золото и серебро слишком тяжелы, чтобы летать. — Он улыбнулся, показав свои сломанные и гнилые зубы.

Джателла подала ему руку, чтобы скрепить их союз. Пожав плечами, Роф взял ее тонкие пальцы в свою грязную ладонь. Джателла сильно сжала его руку, безмерно удивив его.

— Ни одна клятва не выполняется — но золото. Я клянусь, если ты хочешь, будь моим союзником и я сделаю тебя богатым. Согласен? Сейчас мы будем одно целое — королева, колдун и лорд-бандит. Наши цели должны стать твоими, Роф, пока Илесса не будет свободна и в безопасности.

Наконец, он кивнул в знак согласия и Джателла отпустила его руку. Роф подул на свои пальцы, удивляясь ее неожиданной силе. Он постарался скрыть свое замешательство и неуверенность шуткой:

— Вот это да! Наконец, я имею своего собственного колдуна, чтобы противостоять вражеской магии. Ха! Ни-

когда не предполагал ничего подобного. Роф в союзе с королевой и колдуном. Хотел бы я рассказать об этом у костра в Зеде.

Джателла уже не слушала его. Покончив со сделкой с Рофом, она обратилась к другим делам.

— Тирус, ты сказал, что можешь залечить раны моим людям с помощью своего искусства?

— Только некоторые,— сказал он печально.— Я делаю, что могу, для ваших дворян, телохранителей и слуг... и для раненых людей Рофа тоже.

Роф не мог скрыть удивления.

— Ты будешь лечить моих людей?

— А ты против? — спросил Тирус.— Возможно, ты думаешь, что они будут испытывать ко мне чувство благодарности?

— Не ошибись, колдун,— ответил Роф.— Они хорошо относятся только ко мне и к золоту. Ко мне из страха, к золоту из жадности. Они не признают других хозяев, даже колдуна, вылечившего их.

В его словах не было злобы и недоброжелательности, только простая констатация фактов и дружеское предупреждение.

— И все-таки я постараюсь вылечить те раны и укусы, которые оставили демоны.— Он повернулся к Джателле и предупредил ее: — Но раны, нанесенные воинами-скелетами, неподвластны мне. Эти воины принадлежат Богу Смерти, а не колдуну.

— Я понимаю. Делай, что можешь, и я благодарна тебе за то, что ты можешь предложить, колдун Тирус,— сказала Джателла, тепло кивая Тирусу. Затем она подняла голову и осмотрела людей, стоящих вокруг.— Кто из вас лучший наездник?

Произошла оживленная дискуссия, но в конце концов честность взяла верх над дворянской гордостью и вперед выступил молодой телохранитель. Он приветствовал королеву. Она подняла с мерзлой травы свою помятую шляпу с перьями и вручила ее солдату, сказав:

— Это будет моим залогом, так как я вручила свой королевский знак Рофу. Скачи быстро, как можешь, к генералу Злану в Куред. Прикажи ему привести войска, врачей и повозки. Он должен оставить в городе охрану от пиратов и других возможных завоевателей, но все остальное пусть придет ко мне.

— Королева,— колебался посыльный,— обдумывая приказ и возможные вопросы генерала.— Что... что я могу сказать ему?

Джателла смутилась, что не подумала об этом. Она начала говорить, но Тирус взял ее за руку, прося ее милости. Когда она приказала ему говорить, тот сказал:

— Сообщите генералу, что принцесса похищена неизвестными, возможно, варварами с западных границ.

Все зашептались, ничего не понимая. Гонец ждал, чтобы королева подтвердила слова Тируса, а она смотрела на Тируса. Опять между ними возникла связь, как и при первом знакомстве, и она получила объяснение без слов. Не оспаривая, она повторила его приказ молодому телохранителю. Солдат обещал передать приказ в точности и Джателла потребовала возвратить ей одну из лошадей, а именно, ее собственного жеребца. Разбойники Рофа захватили всех лошадей дворян королевы. Роф удивился этому повелительному тону, а затем повиновался. Даже на большом расстоянии можно было увидеть разбойника, красующегося на великолепном благородном животном. Это был Одноухий. Гонец побежал к бандиту и некоторое время двое мужчин — вечные враги — смотрели друг на друга с ненавистью. Затем с кривой усмешкой Одноухий соскочил с лошади, как ему было приказано, а солдат взлетел в седло, пустил лошадь в галоп и направился в Куред.

Джателла не видела его отъезда. Ее взор был направлен на север. Она изучала зловещую линию облаков.

— До его возвращения мы должны заняться ранеными и погребением мертвых. Но когда прибудет генерал с армией, я направлю всю мощь Куреда против тебя, Врадуир! Мужайся, маленькая Илисса! Я иду освободить тебя!

Тирус боялся этого момента с того времени, как услышал, что она посылает за генералом. Теперь он мягко сказал:

— Королева, мне нужно поговорить с вами. Это очень важно.

Она с любопытством смотрела на него.

— Об этой сказке насчет варваров?

Тирус кивнул и показал на уединенное местечко рядом со сломанной телегой. Джателла пошла за ним и они отошли от остальных на некоторое расстояние.

— Умоляю вас, королева, поверьте мне. Я обожаю принцессу, хотя встретил ее лишь позавчера. Доверьте мне и Эрейзану вернуть ее вам.

Тирус пустил в ход свои самые изысканные манеры, голос был шелковым. Но тревога его была очень сильной. В его мозгу стояло изображение Илиссы, бьющейся в отчаянии в руках мертвеца. До того, как попасть в Куред, он беспокоился о судьбе певца из Атея, тревожился о других

сокровищах, которые были украдены по приказу Врадуира. Но он и Эрейзан знали певца только по людским слухам. Илессу же они знали лично. Ее мягкий характер и нежная душа пленили их сердца. Боль оттого, что она была похищена и он не мог воспрепятствовать этому, травила его душу и эта боль усугублялась страданиями Джателлы.

— Она моя сестра. Я освобожу ее,— упрямо сказала Джателла.

— Если вы поведете армию против него, то много храбрых людей погибнет от руки этих воинов-скелетов. Врадуир будет этому только радоваться, а Илесса останется в его руках,— сказал Тирус, стараясь убедить ее.

— Что же тогда делать? — спросила Джателла.— Мы должны победить его.

— Но не так. Поверьте мне. Врадуир очень могущественен, очень умен. Его нельзя победить только силой оружия.

Обаж украдкой проскользнул поближе к Тирусу и Джателле, хотя Эрейзан пытался преградить ему путь. Роф тоже очень интересовался беседой. Он легонько подтолкнул свою лошадь, изображая, что не может справиться с ней, и подъехал поближе к королеве и колдуну. Придворные, телохранители и разбойники стали понемногу стягиваться к ним, вытягивая шеи, чтобы услышать, о чем идет речь. Тирусу не нравилось все это, но он продолжал, не обращая внимания на них:

— Вы слишком слабые, неопасные враги для Врадуира. Я уже имел дело с ним. Я знаю его мысли,— сказал Тирус, пытаясь отогнать от себя мучительные воспоминания.— Если вы выслушаете мой план, то поймете, что это единственный путь победить его и освободить принцессу.

В глазах Джателлы блеснули слезы. Ее красота напомнила Тирусу теплые, мягкие и нежные воды Кларики, сверкающие под южным небом. Он постарался отогнать от себя все человеческие чувства, сопротивляться ее заклинанию. Это удалось ему с большим трудом.

— Хорошо. Я выслушаю,— наконец сказала королева.

— Вы должны использовать армию для отвлечения,— быстро заговорил Тирус.— Ведь всегда есть варвары, которых нужно наказать. Мы с Эрейзаном слышали много разговоров о варварах на базаре. Пусть Врадуир поверит, что вы одурачены, что вы думаете, будто злые варварские шаманы своим колдовством захватили принцессу, чтобы держать ее в качестве заложницы или для выкупа. Пусть армия гонится за варварами, а пока Врадуир следит за ними, Роф поведет меня и Эрейзана к нему, туда, где

он скрывается. И мы застанем его врасплох, неподготовленным.

Роф вздрогнул. Он услышал достаточно много. И то, что он услышал, вовсе ему не нравилось. Другие тоже услышали почти все. Обаж ахнул и воскликнул:

— Втроем в Ледяной Лес и в страну Бога Смерти? Если вы хотите идти туда одни, без армии, то вы сумасшедшие.

— Или очень смелые, — сказала Джателла. Она переводила взгляд с Тируса на Эрейзана, с трудом сдерживая слезы, отчего ее глаза ярко блестели.

— Я тоже с вами. Не трое — четверо. Я пойду с вами.

Холодный пот выступил на лбу Тируса. Эрейзан забыл о своей сдержанности и торопливо сказал:

— Как хотите, королева, но чем меньше нас будет, тем больше шансов и меньше риска...

— Нет, Илесса — принцесса Куреда и моя сестра! Это теперь мое дело, как и ваше. Будет так, как я сказала.

Тирус почувствовал, что ее решение твердо и если ему противиться, то она разгневется и этот гнев будет направлен на него.

Они говорили громко, не думая о том, что их могут слышать. Их разговор не был тайным. К удивлению Тируса вперед выступили телохранители и потребовали, чтобы их взяли с собой, что они поедут с королевой даже на смерть.

Обаж был в ужасе.

— Как вы можете поощрять ее, лейтенант? И вы, сержант Нейр? А вы, солдаты Куреда, вы сошли с ума! Если вы позволите ей ехать в Ледяной Лес, Раскалыватели Черепов пообедуют на ее костях, да и на ваших!

— Но вам то что до того, что они пообедуют на моих костях, на костях Тируса, Эрейзана и Рофа, а?

Роф саркастически улыбнулся. Он посмотрел на Джателлу с восхищением.

— Клянусь дьяволом, вы героическая женщина, королева! Я таких еще не видел! Кто бы мог подумать, что в Клариканцах столько мужества?

Он перешел на грубый Крантинский акцент, который был обычным для него.

Обаж драматическим жестом воздел руки к небу.

— Во имя Омаятла! Это же сумасшедшие! Скажи, что это так, королева!

Джателла засмеялась.

— Ты же много рассказывал сказок о храбрых героях, Обаж. Это уже не сказка. То, что мы хотим сделать, будет легендой. Это уже не твои рассказы, а?

— Вы пойдете? По одному слову такого, как... этот?

Тирус не стал обижаться на этот выпад Обажа, надеясь, что это поможет отвлечь королеву от опасного путешествия. Почему он так заботится о ее безопасности? Конечно, его план имеет больше шансов на успех, если сама Джателла будет с армией. Тогда можно быть уверенным, что армия отвлечет внимание Врадуира. Она прочла его мысли и сказала:

— Я, конечно, не колдунья, но и я кое-что могу. Я владею пикой, мечом, ножом и даже топором. Я не буду хныкать и не упаду в обморок от крови и убийства. Я героическая женщина, как сказал Роф, и воительница, как ты называл меня, и я докажу вам это!

— Не одна, королева, — твердо сказал Микит.

Он был примерно в возрасте тридцати лет и казался гораздо умнее и опытнее других молодых дворян, в том числе Обажа и Дорче.

— Фер-Со оскорблен этим нападением и похищением. Моя кровь связана с вашей, королева. Мои родные лежат здесь, на лугах Дрита, требуя справедливого отмщения. И они получают его от моих рук и ваших, королева.

Как только сэр Микит сделал это заявление, вперед выступил Дорче и поклялся, что он тоже пойдет с ними, чтобы наказать врага. Обаж остался один в дурацком положении и ему пришлось поспешно менять свою позицию. С громкой бравадой он выхватил свою шпагу и присоединил свою клятву к клятвам Микита и Дорче, заявив, что он тоже поедет на север и освободит Илиссу.

— Тебе придется оставить здесь всю роскошь и удобства, — предупредила его Джателла. — Я веду очень суровый образ жизни, когда иду в поход. Здесь будет то же самое. Путешествие будет трудным и опасным и некоторые из нас не вернутся домой к своим родным.

Солдаты вовсе не были запуганы, и гордость дворян не позволяла им показывать свои сомнения и колебания. Люди Рофа также твердо намеревались идти на север, хотя и совсем из других соображений. Объединенные неустранимым мужеством, верностью королеве и алчностью, все эти люди забыли на мгновение о том, что они разделены происхождением, положением и законами, и кричали о ненависти к врагу, которого они никогда не встречали.

Обескураженные Тирус и Эрейзан отошли на несколько шагов от этого шума.

— Что мы будем делать? — спросил Эрейзан. — Посмотри на этот базар. Если они все пойдут, то поход неминуемо провалится.

Голова у Тируса дрожала. Несмотря на действие волшебной травы, физические усилия и колдовство давали о себе знать. Чувствуя слабость, он окинул взглядом людей, собравшихся вокруг королевы и повторявших свои клятвы идти за королевой на край света. Их имена протекали сквозь мозг Тируса, почти не задерживаясь в нем. Это были Микит, Обаж и Дорче, телохранители лейтенант Утей и сержан Нейр, и солдаты Халом и Рис, а также толпа бандитов, которые вместо имен использовали клички — Роф, Одноухий, Сломанный Нос, Кровавый Топор, Клейменная Рука — эти клички заменяли им истинные имена.

— Я... я сделаю колпак над нами во время пути,— сказал Тирус.

— Вокруг всей этой толпы? — указал широким жестом Эрейзан на них.— Ты истратишь всю свою энергию до того, как мы найдем Врадуира.

Тирус погрузился в свое существо, трогая нити и собирая новые волшебные силы. Обрадованный тем, что он может еще многое, он сказал:

— Думаю, что нет. Во всяком случае, посмотрим. Если моих сил не хватит на это, значит их не хватит и на борьбу с Врадуиром. Если я не смогу превзойти его в магии, значит все бесполезно и надежды нет.

— Но их же так много...

Тирус засмеялся.

— Может наступить момент, что мы будем нуждаться в них. Помни, они жители Куреда, народ этой северной страны. Ты и я непривычны к снегу и льду. Они помогут нам выжить.

Вид у Эрейзана красноречиво говорил о том, что лучше бы им использовать только магию Тируса без всяких помощников. Тирус посмотрел на Джателлу, которая принимала присягу от своей пестрой маленькой армии. В отличие от них, она шла в опасный путь не ради золота и почестей, а из любви к сестре и своему народу. Ее мотивы совпадали с мотивами Тируса.

Но эта кричащая армия! Они хвастливо кричали о походе на Врадуира! Врадуир! Один Тирус знал о могуществе этого колдуна. Беспокоятся они об этом или нет, но все люди Джателлы будут зависеть от того, насколько успешно Тирус сможет их защитить, когда они окажутся в сфере действия сил Врадуира. Он должен был бы согнуться под тяжестью этого знания. Но он, как и Джателла, высоко держал голову. Этот вызов богам докажет, действительно ли они его выбрали в качестве оружия, чтобы победить Врадуира.

— Так нужно, мой друг,— сказал Тирус с улыбкой.— Она королева. И Илисса ее сестра. Она имеет полное право бороться за свою сестру и за свою страну. Ведь Куред будет первым, кто погибнет, кого поразит злая сила Врадуира, если он получит от Нидила то, чего добивается.

— Меня не королева беспокоит. Она мужественная женщина и боец. Обаж будет помехой для нас.— Эрейзан не мог скрыть свою мучительную ревность.

— Но нам придется взять его. Он же сам хочет идти, как и остальные дворяне, в противном случае он потеряет всякую надежду на милости королевы. Роф меня гораздо больше беспокоит, чем Обаж.— Тирус с беспокойством посмотрел на бандита.— Однако лучше его и его людей иметь рядом, чем думать, что они подстерегают нас где-нибудь в зарослях или следят за нами. Я хочу, чтобы Роф был все время там, где я могу видеть его. По крайней мере, пока не смогу убедиться в том, шпион он Врадуира или нет. Если он будет не с нами, то может причинить массу неприятностей.

Эрейзан повернулся и Тирус предположил, что он слышит то, что никто из обычных людей слышать не может. Эрейзан подтвердил это, сказав:

— Всадники, колесницы, повозки. Они пока далеко, но быстро приближаются. Скоро они будут здесь. Должно быть генерал Злан и врачи, за которыми посылала королева.

Затем все мысли о походе, мести и славе отошли на задний план. Солдаты и придворные, королева и колдун, солдаты и акробат работали бок о бок, помогая раненым. Тирус устранял магию Врадуира, где мог. Иногда раненые дворяне и слуги сопротивлялись ему, боясь еще большей боли от его заклинаний. Но постепенно они стали доверять ему.

Некоторым он помочь не мог. Впрочем, как и врачи Куреда. Молитвы богам и новые клятвы о мести смешивались со стонами и жалобами. Когда генерал со своей армией и помощниками прибыли в луга, они были поражены размерами катастрофы. Хотя посланец и многое рассказал им, но они все равно оказались неподготовленными к ужасной сцене, открывшейся их глазам. Военные планы пришлось отложить, пока все раненые не получают помощь и не будут отправлены в город.

Королева лично лечила каждого из пострадавших, будь это дворяне, слуги или телохранители. Тирус, оторвавшись от лечения, увидел, как она взяла в руки искалеченного сокола и, плача, прижала его к груди. Затем она положи-

ла окровавленное тело птицы и опять вернулась к раненым. Своими собственными руками она обмывала и перевязывала пострадавших и помогала относить их в повозку. Даже здесь она не оставляла их. Она шла рядом с ними, когда они направились в город, успокаивая лежащих. Только когда печальная процессия поднялась на холм, Джателла остановилась и долго с жалостью смотрела им вслед.

Собравшаяся армия разбилась большим лагерем в лугах. Между подразделениями непрерывно сновали посыльные. Те, кто был посвящен в тайный план Тируса и Джателлы, держались в стороне от основных сил, храня тайну. Армии было сказано, что принцесса похищена варварами, ушедшими на северо-запад, и преследование скоро начнется.

Генерал, однако, знал правду. Это был тот высший офицер, которого Эрейзан и Тирус видели во дворце, и его твердый характер был написан на его суровом лице. Он был кровным другом последнего короля Куреда и был связан с семейством Джателлы клятвами, которые делали его верным и преданным до самой смерти. План ужаснул его и он яростно спорил, особенно, когда узнал, что королева намеревается идти в опасный путь в сопровождении и под защитой простого актера Тируса.

Одно время даже казалось, что генерал прикажет схватить королеву и отправить в город силой, защитив ее помимо ее воли. Тирус даже хотел этого, но он хотел также, чтобы она отправилась с ним. Он уважал чувства Джателлы, которые влекли ее в очень опасное путешествие для того, чтобы спасти Илису. В конце концов генерал сдался. Джателла предусмотрительно убрала подальше разбойников, боясь, что если генерал увидит ее попутчиков и узнает, что они — часть ее войска, даже уважение к ее королевскому достоинству не остановит его от неповиновения.

— Завтра, в полдень, начните отвлекающий поход,— инструктировала Джателла. Она посоветовалась с Тирусом, как обмануть Врадуира.— Зажигайте большие костры сегодня вечером и затем каждую ночь, чтобы ввести его в заблуждение. Пусть он думает, что вы собрались и двигаетесь на северо-восток.

Генерал с подозрением смотрел на Тируса.

— Колдуны! А этот колдун не нападет на нас, используя костры против нас?

— Нет, нет, лорд генерал.— Тирус называл все титулы Злана, чтобы не задеть его чувствительную гордость.— Он будет только следить за вами с помощью заклинаний и кол-

довства: не обижайтесь, генерал, но он возможно будет считать, что ваша армия не достойна того, чтобы замечать ее.

— Мы не достойны его внимания? Тогда мы дадим ему возможность обратить на нас внимание.— После долгих лет скучной мирной жизни командующий и его войска рвались в бой и жаждали действия.— Если разгром варваров поможет спасти принцессу, тем лучше.

И дядя, и племянница были большими знатоками военного дела и теперь генерал с Джателлой оживленно обсуждали тактику кампании. Зная об особенностях климата северных районов, куда не достигает теплое течение, они распорядились относительно дополнительных лошадей и провианта. Не забыли и о фураже, так как там его будет явно недостаточно. Скрытно все снаряжение и припасы были доставлены в тайное место, на краю леса. Там же собирались и все участники похода. Вскоре за ними последовала и королева. Она сменила свой разоренный охотничий костюм на одежду, которую носят жители границ. Джателла сменила также своего великолепного красивого коня на менее красивого, но сильного и выносливого, более приспособленного к трудному пути.

Тирус смотрел, как она входит в лес, и восхищался видением, возникшим перед ним. Она была одета так же, как и в первый раз, когда он увидел ее на базаре: кожа, отделанная мехом. При ней не было слуг, так же, как и тогда, когда она оставила свои королевские обязанности. В тот раз ее компаньоном была Илисса, но теперь Илисса была похищена и это очень удручало Джателлу. Ее единственным украшением сейчас было ожерелье из волчьих клыков и казалось, что оно подчеркивает опасность предприятия. Для Тируса она казалась еще более прекрасной, чем если бы она была в роскошной одежде. Меч, висевший на перевязи у нее через плечо, был изготовлен из лучшей Крантинской стали. Широкими шагами она вошла в укрытие.

— Мы готовы,— сказала она, беря поводья и готовясь вскочить в седло.

— День уже скоро кончится,— вежливо предупредил ее лейтенант Утей. Он был довольно молод, но со знанием дела взглянул на небо, что указывало на то, что он не новичок в дальних походах.

Джателла не остановилась, она вскочила на лошадь и проехала вдоль каравана лошадей, груженных тюками с оружием, провиантом и одеждой.

— Мы не будем задерживаться. Я хочу устроить ночной привал у Тройной Вилки.

Лейтенант отсалютовал ей. Он бросил взгляд на придворных, Тируса и Эрейзана, как бы оценивая их выносливость.

— Но, королева... Это же довольно далеко и нам надо будет ехать очень быстро.

— Конечно,— сказала Джателла.— Я хочу доехать до границ Куреда за пять дней, так что рассчитывайте расстояние, которое нужно проезжать за день. Видишь, главарь, ты не будешь вести нас там, где мы сами хорошо знаем дорогу,— сказала она, глядя на Рофа.

Он улыбнулся.

— Вы не знаете дорогу так, как я знаю. Нам ведь нужно путешествовать тайно, без развевающихся флагов и шума. Я научу вас, как надо прятать свои цвета. Как вы сказали, не будем медлить. Поехали!

И он стегнул лошадь кнутом, послав ее огромным скачком по заросшей кустами тропе. Джателла поскакала ему вслед и остальные тоже вскочили на коней и поспешили за ней. Вскоре они оставили место трагедии — луга Дрита — далеко позади и углубились в заросшие густым лесом территории, все время держа курс на север, по направлению к главной цели — стране Бога Смерти.

Глава 10

В БЕСПЛОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Джателла вскоре обогнала Рофа и задала процессии поистине изнурительный темп. Как она и сказала, она хорошо знала путь и ей не требовался проводник.

Только часть сознания Тируса была занята управлением лошадью и наблюдением за дорогой. В основном он был занят тем, что непрерывно летал над ними, невидимый и нематериальный, создавая волшебную сеть. Когда они были в лесу под деревьями, сеть была редкой, пропускающей листья. Выехав же на открытое место, он соткал сеть более плотную. Никто, кроме Эрейзана, не мог понять, почему свет уходящего дня был таким необычно тусклым. Джателла и ее люди не обращали на это внимания, считая это обычным явлением природы.

Когда наступил вечер, они отвернули от побережья, но не стали слишком удаляться, чтобы оказаться под прикрытием морского тумана. К тому времени, как туман стал очень густым и путешествие стало рискованным, они при-

были к намеченному месту, куда их уверенно привела королева.

Они расседлали лошадей и распаковали пищу. Королева спросила у Тируса:

— Мы можем разжечь костры?

— Можно, так как в лугах Дрита будет много костров,— сказал он.— И к тому же мы заэкранированы,— загадочно добавил он, небрежно махнув рукой.

Джателла с беспокойством осмотрелась.

— Что ты делаешь?

— Строю заграждения, чтобы обмануть врага. Они называются волшебным колпаком.

Солдаты, дворяне и бандиты смотрели на Тируса с испугом. И Эрейзан улыбнулся, глядя на их смятение.

— Когда ты уснешь, враг найдет нас,— сказал Обаж, как бы стараясь найти какую-нибудь слабость в искусстве Тируса и тем посрамить его перед королевой.

— Да нет,— холодно ответил Тирус.— Такой колпак создается надолго и он будет служить нам, пока я силен. Разжигайте костры, чтобы согреться и отогнать зверей, если хотите.

— Здесь нет опасных зверей,— заверила его королева, и солдаты стали собирать ветки, устраивая ночлеги.

— И тигров тоже? — спросил Роф, искоса наблюдая за Эрейзаном.

Улыбка исчезла на лице акробата. В его зеленых глазах появилась угроза, которая горела огнем. Одноухий толкнул локтем своего предводителя и прошептал предупреждение. Другие бандиты отодвинулись подальше от Тируса и Эрейзана. Им не нравилось такое колдовство. Джателла удивилась такой внезапно проявленной враждебности, но никто не объяснил ей в чем дело. Вскоре все забыли это маленькое столкновение, согрелись у костров и насытились пищей, которую им собрал генерал.

Бандиты поворчали, сказав, что за королевским столом они надеялись поесть что-нибудь получше, чем сухой хлеб и сушеное мясо. Но в конце концов они примирились с этим и воздали должное обеду вместе с солдатами и сэром Микитом. Однако двое молодых придворных пожаловались на пищу и грубую одежду, которую им приходилось носить. Наконец, Джателла успокоила их тем, что напонила о случившемся в лугах Дрита и о том, что они должны быть счастливы, что остались живы.

Телохранители, несмотря на слова Тируса о защитном экране, оберегающем их от врага, выставили посты. Тирус решил, что это не помешает, так как бандиты

могут попытаться устроить что-нибудь или просто сбегать, если мужество покинет их. Оба и другие дворяне все время жаловались, ссорились друг с другом, плохо спали, ворочаясь с боку на бок. Солдаты и бандиты, которые не стояли на часах, не упустили возможности отдохнуть и уснули сразу, как только головы их коснулись земли. Джателла вела спокойную и приятную жизнь во дворце, но быстро приспособилась к этому суровому, лишенному удобств существованию. Она завернулась в свой плащ и тоже уснула.

Тирус знал, что он должен спать, но он боялся увидеть сны. Эрейзану тоже не спалось, хотя он и был утомлен. Джателла заметила их усталость и сказала об этом, когда они сидели у костра. Ее собственные глаза были красны от слез, хотя она их тщательно скрывала. Она знала, что колдун и акробат устали больше, чем другие. Тирус решил рискнуть и немного поколдовать, хотя королева была рядом и все видела.

Он закрыл глаза и погрузился в волшебную паутину. Тирус шел в паутине, осторожно балансируя, стараясь избегать чужих скоплений мрака, где сверкали чьи-то зловещие глаза. Он искал особую часть паутины, специальный ключ, чтобы отпереть замок. Раньше он часто приходил сюда. Но цель его в этот раз была такова, что перед ним непрерывно вырастали препятствия и сопротивление было очень сильным. То, что он искал, нужно было добывать, преодолевая трудности.

Наконец, он нашел те звенья паутины, которые искал. Они были заселены танцующими сверхъестественными огнями. Он взял две из них и медленно, осторожно, минуя многочисленные ловушки, расставленные враждебным колдовством, поднял на поверхность.

Он был рядом с Эрейзаном и Джателлой у костра. Бронзовые огни лежали на его ладони. Джателла в изумлении смотрела на них. Когда она попыталась с любопытством коснуться их, они изменились и стали цветами странной формы с оранжевыми лепестками и черными тычинками. Тирус засмеялся и сказал:

— Не считайте меня невежливым, королева, но это не для вас.

Он протянул один цветок Эрейзану и сжал его безвольные пальцы вокруг стебля.

Находясь в полной апатии, Эрейзан стал нюхать цветок, так же, как и Тирус нюхал цветок, который был у него в руках. Странное выражение пробежало по лицам обоих, боль и усталость исчезли, сила и свежесть

побежали по венам и жилам, пронизывая и обновляя тело.

— Неземной аромат,— прошептала Джателла. Казалось, она хотела знать, что же это такое, чем Тирус не хочет делиться с остальными.— Магия?

— Магия, чтобы лечить магию, моя собственная магия,— объяснил он.

— Так же, как ты лечил раны, нанесенные нашим людям демонами? Но тогда ты пользовался словами и странными жестами. А здесь... здесь те же самые волшебные огни, которые играли среди кукол во время представления на базаре... — сказала Джателла.

Тирус взял цветок из рук Эрейзана и они снова превратились в бронзовые огни. Затем он сжал руку и снова разжал ее. Огни исчезли, посланные обратно в мир паутины, так как в них больше не было необходимости.

Джателла ахнула и затем испытующе посмотрела на Тируса и Эрейзана.

— Вы совсем оживились, и так быстро!

— Это кое-чего стоило.— Эрейзан указал на Тируса.

— Но это не было необходимо.— Тирус говорил тихо, чтобы их не слышали.— Я восстановил то колдовство, которое раньше истратил на нас.

Он рассказал о той бешеной гонке, которую они с Эрейзаном проделали на пути в луга Дрита. Джателла была поражена тем, что они так измучили себя, пытаясь спасти ее от Врадуира. В заключение Тирус сказал:

— Это, конечно, совсем другое лечение, не похожее на то, что я применил, когда лечил ваших слуг и дворян. И кроме того, я противодействовал колдовству Врадуира, смешанному с Могуществом Дьявола и Нидила.

— Богов Зла и Смерти,— сказала, вздрогнув, Джателла.

Тирус сидел, скрестив руки на коленях. Он сказал угрюмо:

— Да, это так. Мелкие демоны — это рабы Врадуира, за которых он расплатился с Дьяволом жизнью моего народа. Раны, которые они нанесли вашим людям, плохо поддаются лечению врачей, но я могу быстро залечить их. Но я не уверен, что мои заклинания могут помочь исцелению ран, нанесенных воинами-скелетами. Я до этого никогда не имел дел с созданиями Бога Смерти.

Наступила долгая тишина. Тирус не зондировал ее чувства, но ощущал, что она делает удивительно быстрые успехи в понимании его. Она была первым человеком, которого он встретил, проявившим такие способности. Через некоторое время она сказала:

— Я начинаю понимать, почему ты не хотел, чтобы мы пошли. Ты мог остановить нас с помощью колдовства.

— Возможно,— отсутствующим голосом сказал Тирус. Эрейзан опустил веки.

— Тирус так никогда не делает. Это против его принципов,— сказал он.

Джателла кивнула.

— Я его вижу. Что бы ни случилось, ты должен оставить самое сильное колдовство для себя, Тирус.

— Я все время говорю ему об этом,— согласился, зевая, Эрейзан.

— Правильно. Тирус должен предоставить нас своей судьбе, если от этого будет зависеть спасение Иллисы и поражение Врадуира,— сказала Джателла.

Эрейзан опустился вниз, свернулся на плаще и быстро уснул. Тирус тоже едва не засыпал, как и Эрейзан, но удерживал себя. Джателла захватила его своими эмоциями и глазами, глядящими прямо в его душу. Пламя костра освещало ее лицо и золотые кудри. Она положила свои руки на его и от этого прикосновения по всему телу его прошла томная успокаивающая волна, которая дошла до самого сердца.

— Отдохни,— сказала она.— Сохрани свои силы для борьбы с врагом.

Он неохотно повиновался. Джателла была рядом с ним, бессонная. Она смотрела сквозь туман на север. Тирус пощупал ее мозг и ощутил сильную тоску и страх — Иллиса. То же самое застывшее изображение было и в мозгу Тируса. Иллиса — руки вытянуты в мольбе о помощи, страх искажил черты прекрасного лица. Боль Тируса при виде этого была лишь малой частью того страдания, которое испытывала Джателла. Ее душа была привязана к Иллисе, ужас потери любимой сестры не давал ей покоя. Тирус вернулся из ее мозга, оставив Джателлу наедине с ее мучениями: помочь ей он был не в силах. Он вздохнул и разрешил себе уснуть.

К счастью, ему не снились ужасные сны. Благодаря волшебному цветку он проснулся с полностью восстановленными физическими и волшебными силами. Он быстро сориентировался. Рассвет был тусклым из-за тумана, но уже можно было различить неясные очертания деревьев и камней, а также другие приметы на местности, по которым Джателла и Роф вели их на север. В долине, заросшей деревьями, царил покой. Люди уже поднимались, сонные, плохо отдохнувшие от непривычных условий и от изнурительной вчерашней скачки.

Тирус поднялся над холмами и долинами, взлетев без тела и без мозга. Он не использовал свое стекло, но теперь

он знал, где искать Врадуйра. Осторожно и внимательно он следовал по пути, показанному ему стеклом. Детали пути были размыты, и Тирус подумал, что без Рофа ему здесь не обойтись. Но над страной Бога Смерти изображение было четким. Тирус вошел в цитадель и дотронулся до устрещающей божественной эманации в дыму алтаря. Поспешно он удалился оттуда, разыскивая Врадуйра по источнику его магии.

Тирус не мог бы описать словами все свои действия. Он был невидим и двигался вместе с телом Врадуйра, неспособный каким-либо образом повлиять на что-либо. Тело — так похоже на его собственное тело. Сильные руки с длинными пальцами, которые были перед ним сейчас — это же его руки! А уверенная походка, а манера держать себя — это все его!

Он не рискнул погрузиться в чувствительный мозг Врадуйра. В любом колдуне пробудилось бы при этом подозрение, а Врадуйр — не обычный колдун. Вместо этого Тирус слушал, что слышит Врадуйр и смотрел на то, что видел Врадуйр. Какие-то злые демоны-рабы носились по каменной цитадели. Здесь же был и один воин-скелет, только что вышедший из помещения с алтарем. Эти таинственные слуги видимо выслушивали приказы Врадуйра. Голос Врадуйра, когда он говорил с демонами, как будто исходил из горла Тируса. Некоторые демоны не отвечали. Возможно, они общались только со своим главным хозяином — самим Богом Смерти. Очевидно Нидил, Который Замораживает Дыхание, пока не одобрял все действия Врадуйра, и колдуну следовало терпеливо ожидать изменения настроения Бога Смерти.

Армия. Врадуйр интересовался армией Куреда. Он хотел быть в курсе, где она и чем занимается в настоящий момент. Тирус наблюдал за его поисками и вдруг заметил, что все его демоны-слуги исчезли. Оставшись один, Врадуйр легко мог обнаружить слежку другого колдуна. Разочарованный тем, что ему не удалось узнать побольше, Тирус расфокусировал изображение. После этого он мгновенно вернулся в свой разум. Такое перемещение повергло его в шок и заставило содрогнуться.

— Тирус? — Джателла унаковывала вещи, укладывая их на седло. Затем она подошла к колдуну и встревоженно посмотрела на него. Оба и остальные люди тоже были озадачены.

Когда Тирус отошел от своего погружения, Эрэйзан поспешно сказал:

— Это... что-то вроде ясновидения.

— Все эти пророки и фокусники дают очень заманчивые названия своим фокусам,— сказал Роф. Но в голосе его чувствовалось напряжение и он старался скрыть свое беспокойство и неуверенность.

— Для простого вора ты слишком умен,— сказал Обаж.— Если ты хочешь знать мое мнение, то это всего лишь простое представление, чтобы заинтриговать нас, не больше.

Джателла не обратила на них обоих никакого внимания и мягко спросила:

— Враги? Ты следил за Вradуиром?

Эрейзан был удивлен таким определением, он был оскорблен за искусство Тируса. Но Тирус сказал без всякой обиды:

— В этом смысле, конечно, следил, даже шпионил.

— Отлично! Никогда ни у моего отца, ни у моих офицеров не было еще такого шпиона, как ты, Тирус из Камата. Ну и что ты выяснил? Знает ли он, где мы сейчас? — спросила Джателла.

— Пока еще нет. Он занят слежкой за армией. Я постараюсь прятать нас, сколько будет возможно.

— Прятать нас? — Роф грубо рассмеялся.— Ты сможешь найти укрытия в Бесплодной Земле?

Тирус улыбнулся и ответил:

— Колдун знает, как скрываться от колдуна.

Смех Рофа застрял у него во рту. Обаж и другие поспешно занялись своими лошадьми и вьючными животными. Они потеряли всякий интерес к колдовству. Джателла, однако, была очень заинтересована и с широко раскрытыми глазами продолжала спрашивать:

— А этот колпак, о котором ты говорил вчера? Он тоже может двигаться вместе с нами?

Тирус кивнул, довольный ее любознательностью и тем, что она не подавлена им и его искусством.

Эрейзан подозвал свою лошадь коротким жестом и она тут же повиновалась, как хорошо обученное и тренированное животное. Этим талантом Эрейзан всегда владел, и он же сделал его лучшим мастером-хранителем леса у Вradуира, много лет назад, в Камате.

— Сделай его потоньше, Тирус,— сказал он.— Его самодовольство тоже будет нашей защитой. Он не будет опасаться такого небольшого отряда, ведь он думает, что он неуязвим.

— Не беспокойся, мой друг. Я знаю его самодовольство.

На некоторое время Джателла помрачнела, задумалась. Причина этой внезапной перемены в ее настроении ус-

кользнула от Тируса, пока он не понял, что она завидует тому, что Эрейзан знаком с его искусством. Он решил, что когда-нибудь она захочет узнать побольше, изучить так же, как и Эрейзан, различные аспекты его искусства. Тирус решил, что он будет пытаться, насколько возможно, удовлетворить ее любопытство. Он обнаружил, что ему нравится находиться в той части своего существа, которое связано с Джателлой. Она заполняла собой тот промежуток, который отделял его от остального человечества.

— Мы готовы к дальнейшему пути,— коротко сказала Джателла.— Илисса не должна ждать, а то она подумает, что я ее покинула.

— Если она еще жива,— сказал Роф.

Джателла сверкнула на него глазами, даже не допуская возможности смерти сестры. Скорчив гримасу, Роф вскочил на лошадь и сказал:

— Сегодня мы попадем в очень суровую страну. И мы сможем пересечь завтра Красные Холмы, если мы поторопимся и не будем обсуждать вопросы колдовства!

Джателла еще не отошла от гнева после жестокого замечания Рофа. Оба с большим удовольствием присоединились к Рофу.

— Твой совет очень хорош, лорд-бандит. Сталь и мужество гораздо полезнее, чем любые волшебные фокусы. Ты сказал правильно, нам нужно торопиться.

— Этот совет был бы еще полезнее,— сказал Тирус,— если бы Роф и его головорезы не стали бы сейчас нагружать своих лошадей теми сокровищами, которые им дала королева в качестве первого платежа.

Все посмотрели и увидели огромные тяжелые мешки, привязанные к седлам у каждого бандита. Они не хотели покинуть луга Дрита пока, после горячих споров и драк, не разделили эти богатства.

Больше споров не возникало. Все три фракции, на которые разбился маленький отряд, ехали дальше на север, не разговаривая друг с другом. Отношения между ними стали очень натянутыми. Туман еще не рассеялся, но Роф, хорошо знавший дорогу, вел их безошибочно. Чем дальше они ехали, тем больше становилась их зависимость от Рофа: он один знал дорогу здесь. Теперь он вел по этим дорогам, где не ходила армия Куреда и которыми не пользовались честные люди. Королева, колдун и другие переняли привычки бандитов Рофа, они старались ехать скрытно, под деревьями, по оврагам, прячась от редких людей, которых они замечали. Колпак Тируса двигался вместе с ними. Он составлял часть тумана, который висел над ними, но

был он достаточно тонок, чтобы не мешать Рофу различать приметы, по которым он вел отряд без всяких задержек и затруднений.

Даже когда солнце поднялось высоко, в оврагах и в густой тени деревьев, куда никогда не проникает солнечный свет, сохранились густые полосы тумана. Воздух был здесь значительно холоднее, чем у берегов Куреда, омываемых теплым течением. Берег, свободный ото льда, остался позади и они въехали на территорию Бесплодной Земли. Холод заставил их одеть плащи, хотя был уже полдень. Лица всадников, покрытые потом, резко и неприятно охлаждались порывистым ветром.

Джателла захватила с собой карты, но они уже стали бесполезными, так как сведения, которые можно было почерпнуть из них, оказались неверными. Теперь уже стало очевидным, что Роф не хвастался, когда говорил о знании северных территорий, по крайней мере, этой. Он вел их между угрюмыми скалистыми утесами, по тропинкам в топких болотах и зыбучих песках, где люди и животные могли провалиться и исчезнуть навсегда. И все время он выбирал пути, скрытые от постороннего взора.

Высокие травы и густые лиственные леса уступили место низкому кустарнику и равнинам, покрытым тощей травой. Тут и там виднелись глыбы камней, они как будто росли из самой земли и были такими гладкими, будто омывались водами давно исчезнувшего океана или обдувались сильными ветрами.

Они заметили несколько деревень. Джателлу могли узнать здесь, даже в ее варварском одеянии. Роф и его разбойники не могли напасть на деревню, так как все время находились под наблюдением своих новых союзников. Некоторые, особенно алчные бандиты, возмущались этим, желая украсть что-нибудь или просто напугать крестьян. Но Джателла удержала их в повиновении, пообещав хорошую плату, если они удержатся от своих дурных привычек во все время похода.

Тирус не стал вмешиваться в этот спор. Но у него были гораздо более важные причины не появляться в этих приятных деревеньках. Скорее всего этим простым пастухам и крестьянам можно доверять, но даже простое знание того, что они едут, могло сделать их жертвами Врадуира, который наверняка станет искать своего соперника. Если бы Врадуир действовал один, то Тирус не беспокоился бы об этом. Но могущество Бога Смерти, соединенное с колдовством Врадуира, представляло большую опасность, и он не хотел общаться ни с кем, кто не находится под его защит-

ным полем. Даже в том, что Джателла и все эти люди едут с ним и Эрэйзаном, не было ничего хорошего! И в этот шаткий союз нельзя больше вносить ничего нового.

Уже появились какие-то неизвестные им, южным людям, растения и птицы. Затем им попались какие-то доверчивые зверьки типа зайца. Их было можно ловить руками и слуги наловили их достаточное количество, чтобы сделать роскошный обед. Придворные во главе с Обажем воротили от них нос, но королева сказала, что когда они достаточно проголодаются, то найдут этот обед вкусным и ни в чем не уступающим дворцовым обедам.

Путь становился все труднее. Бандиты и солдаты переносили его легче, чем остальные, хотя и им не часто приходилось ездить так много и быстро. Джателла тоже ругалась и проклинала жизнь во дворце, которая изнежила ее и отучила от суровой походной жизни. Однако, она не просила отдыха и снисхождения к ее полу. Придворные Обаж, Дорче и Микит занимались верховой ездой в своих поместьях и на праздниках. Но это было плохой тренировкой для такого трудного пути. Но они старались сдерживать свои стоны, жалобы и крик, чтобы заслужить милость королевы. А Обаж все время держался рядом с ней, на виду.

Холодный туман и порыв злого ветра заставил их пригнуться к шеям лошадей, чтобы хоть немного защититься от холода. Одежда почти не грела. Так они проехали до полудня и остановились на короткий привал, чтобы дать отдохнуть лошадям и выючным животным, да и самим проглотить несколько кусков.

Незадолго до захода солнца они перевалили через каменный хребет и увидели деревушку. Домишки громоздились вдоль берега старого морского залива. Много лет назад внутренняя часть залива была отрезана от моря и стала озером. Лед уже сошел с его поверхности под теплым солнцем и вода была покрыта рябью небольших волн. Невдалеке от озера в скованном льдом заливе стоял корабль. Он выглядел совершенно неестественно, так как паруса на нем не были спущены и снасти не закреплены. Казалось, что он плыл по вечному льду и теперь остановился отдохнуть у маленького озера. На борту не было никаких признаков жизни и паруса уже пришли в полную негодность, так как за ними долгое время никто не ухаживал.

У берегов озера лежали соляные насыпи. Было ясно, что крестьяне, поселившиеся здесь у самого края Запретной Земли, занимались добычей этого ценного минерала — соли. Должно быть они имели хорошие доходы, про-

давая соль караванам купцов, которые переправляли ее дальше на юг, в страны более заселенные. Ценность соли и большие доходы оправдывали риск и опасность жизни в этих диких краях.

Джателла отпустила поводья и смотрела на деревню. Обаж намекнул, что может им уже не стоит скрываться и можно будет переночевать под крышей хотя бы одну ночь.

— Они будут слишком много спрашивать,— сказал Роф. Он стряхнул пыль с усов и бороды и сделал движение, как будто собирался ехать в обход озера.— Они наверняка захотят узнать, зачем наш странный отряд пришел сюда.

— Никто ни о чем не спросит,— без всякого выражения произнес Тирус.— Там никого нет.

— Опять магия? — усмехнулся Роф.

— Посмотри получше,— оборвал его Эрейзан.— Никакой магии и не нужно. Деревня пуста. Мужчины не варят соль, женщины не стирают, не нянчат детей, не готовят. Детей не видно. И собак тоже. Нет огней, хотя уже вечер.

Обаж плотнее закутался в плащ и печально сказал:

— Думаю, что акробат прав, королева. Слишком тихо. Может там наш враг колдун. Он, вероятно, устроил здесь западню.

— Нет.— Все посмотрели на Тируса.— Вращуира здесь нет. Здесь было колдовство. Но это старая магия. Она появилась вместе с кораблем и теперь ее здесь уже нет.

— Откуда ты знаешь? — спросила Джателла, глядя на корабль.

— На этом корабле королевская эмблема Камата,— сказал Тирус со сдерживаемым гневом.— Когда-то этот корабль спас Вращуира от катастрофы, вызванной его колдовством. И с тех пор этот корабль плавает по Кларике, выполняя его приказы: похищение людей, воровство ценностей. Теперь, очевидно, Вращуир нашел себе других слуг для выполнения своих черных замыслов.

Он не упомянул о воинах-скелетах и о похищении Илиссы. В этом не было нужды. Обаж, не желая уступать, сказал:

— Но корабль же заморожен во льдах и находится очень далеко от океана!

— Вращуир заколдовал корабль,— хмуро сказал Эрейзан.— Вся команда корабля — предатели. Надеюсь, что они получили смерть из его рук. Он провел их далеко на север, гораздо дальше, чем предполагали мы с Тирусом.

Озадаченные всем услышанным, люди стали спускаться в деревню. Из предосторожности держа в руках мечи, топоры, ножи, дубинки, они шли по пустынной улице.

Вскоре стало ясно, что Тирус и Эрейзан были правы. Каменные стены были не отремонтированы после зимних штормов, двери широко распахнуты. Соляные чаны, посуда, вещи — все лежало на тех местах, где они были брошены хозяевами. Много было испорчено грызунами.

— Загляни внутрь, лейтенант Утей,— приказала Джателла. Тот повиновался и вошел в избу. Разбойники сами начали бегать по домам, таща разную утварь, изъеденные мышами тряпки, постельные принадлежности. Солдаты попытались прекратить грабеж и поднялась громкая злобная ругань. Роф и Тирус разняли спорящих. Джателла спешила и поправила ремни седла. К ней с докладом подошел Утей.

— Такое впечатление, как будто они вот-вот вернутся назад, королева. Но их нет уже давно. Все покрыто густым слоем пыли и водой от растаявшего снега. С тех пор ничего не было украдено. До этого дня,— добавил он, сверкнув глазами в сторону воров, прижимающих к себе награбленное барахло.

— Но где же люди? — спросила Джателла, не обращая ни к кому в отдельности.

— Схвачены и уведены в рабство,— с грубой прямоотой сказал Роф. Он указал на засохшую грязь у озера. Много уже было стерто временем, но все же можно было различить следы ног и отпечатки тел, которых тащили силой. Эти следы тянулись вдоль восточного берега озера и терялись на твердой каменистой почве.

Джателла с горечью сказала:

— Я думала, что слухи об исчезнувших крестьянах всего лишь болтовня. А это действительно было.

— В каждой стране ходят всякие фантастические истории,— успокоил ее Тирус, не желая, чтобы она казнила себя, считая виноватой.— Здесь замешано колдовство, поэтому и пропадают крестьяне. Думаю, что в Бесплодной Земле мы встретим и другие деревни, из которых похищены их обитатели.

Солдаты и придворные шли от избы к избе, разыскивая хоть кого-нибудь, кто спасся. Прячась от них, разбойники тоже рыскали по домам, но не находили ничего, заслуживающего внимания.

— Как это произошло? — спросил Обаж.

Лейтенант добавил:

— Все это очень странно. Нет никаких признаков нападения, борьбы, ни следов крови, ни сломанного оружия.

— Похитители не желали наносить увечья крестьянам — они ведь нужны для работы.

— Как он смеет забирать в рабство мой народ! — Джателла в беспомощном гневе ходила взад и вперед. — Как он смеет? Мы их освободим тоже. Вместе с Иллисой!

— Лучше подумайте, как бы самим не попасть в плен, королева, — сказал Роф. — Тот, кто может делать такое — очень могущественен.

Заходящее солнце превратило озеро в кровавый океан. Над волнами клубился туман — это напоминало зловещее царство дьявола. Тирус сказал:

— Ему помогают демоны. Они нападают на людей и затягивают их в колдовские сети. Возможно, что капитан Дрис и его люди тоже в этом участвуют — они ведь его рабы. Однако Врадуир не знает, что мы здесь. Поэтому мы можем воспользоваться тюфяками и другими спальными принадлежностями.

— Лейтенант, пошлите ваших людей, пусть соберут все, что надо.

Джателла нахмурилась, в ее глазах засверкал гнев. Тирус сообразил, что он вышел из своей роли. Поглощенный мыслями о Врадуре и о том, как найти его, он вернулся к старым привычкам и заговорил, как принц со своими подчиненными.

— Приношу свои извинения, королева. Я не хотел присвоить ваши prerogatives.

Тирус понадеялся, что это прозвучало достаточно смиренно, чтобы удовлетворить королеву.

Ее раздражение исчезло и она ответила:

— Ничего. Предложение хорошее. Выполняйте, лейтенант. О, как стало холодно.

— А мы еще только вошли в Бесплодную Землю, — предупредил Роф с угрюмым выражением на лице.

Возникла короткая, но жаркая стычка, относительно того, что можно брать из деревни. К удивлению Тируса Роф присоединился к людям королевы и с помощью своего хлыста приводил бандитов к повиновению. Он заставил их оставить посуду и всякую утварь, ругая их за то, что они берут всякое барахло, не имеющее никакой ценности и только еще больше загружают лошадей. Были взяты только тюфяки и зерно, которое было не испорчено мышами. Все взятое погрузили на лошадей.

Джателла смотрела на все это и сокрушалась:

— Бедные крестьяне, мы их грабим!

— Мы их освободим, королева, — легкомысленно произнес Обаж. Было ясно, что судьба крестьян вовсе его не волнует, но он старался сказать что-нибудь приятное для Джателлы. — Этим мы с ними расплатимся, разве нет?

Джателла не успокоилась и все смотрела на опустевшие дома. Тирус с Эрейзаном думали про себя, что эти крестьяне сейчас не думают о своем барахле: им не до того. Но они не высказали свои мысли вслух.

Лошади были беспокойны. Они стремились уйти отсюда, от этих пустых домов, из этого места черной магии. Тирус осмотрел следы у берега.

— Крестьяне были похищены год назад, я думаю. Но корабль пришел сюда совсем недавно.

— Из Атея,— сказал Эрейзан.— Привез похищенного певца. Еще одна жертва, после того, как он принес в жертву мой народ в Камате. Теперь он похитил принцессу. Где же предел его злодеяниям? Когда он удовлетворится?

Тирус, нахмурившись, прижал палец к губам, призывая друга к молчанию. Он посмотрел на Джателлу, всеми силами желая, чтобы она не слышала их. Казалось, что слова Эрейзана прошли мимо ее ушей.

Тирус громко сказал:

— Не стоит здесь оставаться на ночь. Здесь были слуги Врадуйра — они могут вернуться.

Никого уговаривать не пришлось. Так что королеве даже не пришлось облекать его слова в приказ. В наступившей темноте они покинули деревню. Лошади сразу пустились в галоп и их приходилось сдерживать, чтобы не угодить в яму или овраг, так животные были встревожены.

Роф пообещал обеспечить место, удобное для ночевки недалеко за озером. И он действительно нашел это место. Путешествие было трудным, а зрелище опустевшей деревни и заколдованного корабля всех очень взволновало, так что они валились с ног. Опять Тирус соткал волшебный колпак, чтобы охранять их во время сна. Они выставили часовых, которые сменяли друг друга через определенное время.

На следующий день они уже шли медленнее, приближившись к границе известных земель. Эта территория принадлежала Куреду, но она была настолько непригодна к жилью, что даже варвары игнорировали ее. Они видели несколько случайных деревень, которые, как и деревня у озера, были пусты, жители уведены неизвестно куда силой или колдовством.

Они ушли далеко от цивилизации, от теплого климата Гетании и приближались к тому, чтобы покинуть сверкающее тепло Иезор-Пелувы. Воздух был холодным и когда они пришли к источнику, то им пришлось разбивать лед, чтобы напоить лошадей и самим напиться. Роф с удоволь-

ствием смотрел на дворян, растерзанных, уставших, дрожащих. Он посоветовал им не терять времени и наслаждаться хорошей теплой погодой, добавив, что когда они дойдут до Ледяного Леса, будет еще хуже.

Следующий день прошел в еще более трудной скачке, а холод был таким, что пронизывал до костей. Они останавливались теперь гораздо чаще, беспокоясь о лошадях, которые быстро уставали. Чем дальше к северу они шли, тем становилось все более понятно, почему здесь никто не живет.

Перед заходом солнца небо заволокло тучами. Туман их больше не беспокоил, но зато перед ними выросла непроницаемая серая стена зловещих облаков. Они не бурлили и не искрились молниями, как то облако, которое унесло воинов-скелетов и Илиссу. Но сгустившаяся тьма была непроницаема для взора: ни луны, ни звезд не было видно.

Даже здесь, в этой далекой и жуткой стране, Роф смог найти место для ночлега. Это была полуразрушенная пещера, даже не пещера, а просто нагромождение камней. Но здесь была вода. Она была теплой и пахла серой. Лошади пили ее нехотя, без всякого удовольствия. Придворные отказались пить, боясь отравления, но когда никто из лошадей и бандитов не умер, они отбросили свои опасения и жадно накнулись на теплую, отвратительно пахнущую воду.

Ссоры затихли. Солдаты, дворяне и бандиты собрались у костра. Завернувшись в плащи, они тесно прижимались друг к другу. Они были благодарны, что могут греться теплом рядом сидящего, пусть даже и неприятного человека.

Тирус выбрал первую смену на посту и устроился в камнях, недалеко от пещеры. Он увидел, что по извиистой тропинке к нему направляется Джателла. Обаж шел за ней, дрожа от холода, но все же играя роль внимательного и преданного дворянина. Джателла обернулась к нему.

— Сейчас моя очередь стоять на посту вместе с колдуном, сэр Обаж. Идите отдыхать. Вы заработали отдых.

Обаж энергично запротестовал:

— Я хотел бы быть рядом с вами в случае нападения, королева.

— Ваша преданность и усердие замечены мною. Но я не думаю, что мы находимся в непосредственной опасности. Идите. Я настаиваю.

— Но, королева. Утром будет гораздо холоднее. Я хотел бы сейчас отстоять свою смену,— сказал Обаж, наконец, обнаружив истинную причину.

Джателла усмехнулась.

— Тогда возьмите среднюю смену. Ночью будет теплее, чем сейчас. А пока я разрешаю вам вернуться к огню. Идите.

С большой неохотой Обаж вернулся назад, подсел поближе к огню рядом с Микитом и Дорчем. Обаж ожесточенно тер руки и грел их над огнем. Дворяне перемигнулись за его спиной. Они смеялись над его напыщенностью и радовались тому, что королева прогнала его. Джателла видела все это и тоже засмеялась, затем опять стала пробираться к Тирусу. Она села рядом с ним и Тирус присоединился к ее смеху.

— Обаж очень быстро находит предлоги быть рядом с вами.

— Но он меня не обманет.

— Он вовсе не такой дурак, чтобы называть истинную причину своего желания быть в вашем обществе,— осторожно сказал Тирус, с интересом ожидая реакции Джателлы.

— Я знаю его мотивы. Он хочет иметь меня своей второй женой. Он думает, что станет королем, он мечтает об этом. Его братья выгнали его из своих владений за спесь. Даже они презирали Обажа за его погоню за титулами и за богатством. Обаж думает, что поднимается по ступенькам к моему трону,— Джателла устало положила голову на руки.— Илисса хочет выйти замуж за этого хлыща. Но мне не нравится он и их обычай иметь несколько жен.

Она повернулась к Тирусу, выжидающе глядя на него и изучая выражение его лица.

— На моем острове принято иметь только одну жену,— сказал, наконец, Тирус.— Один мужчина, одна женщина...

Может ему показалось, что она облегченно вздохнула? Джателла кивнула:

— Ты должен понять, что Илисса любит его. Любовь! Я не уверена, что он знает, что это значит! Я клянусь, он не получит трон Куреда, женившись на мне! Спесивый хлыщ...

— Возможно, я чересчур смел, но... почему вы разрешаете ему жениться на Илиссе? — спросил Тирус.— Он же ничтожество.

— Конечно,— вздохнула Джателла,— но она любит его и будет любить, несмотря на все мои уговоры и беседы. Он закружил ей голову и завоевал сердце, когда прибыл ко двору, без всяких усилий, только своими речами и изысканными манерами. По правде говоря, я уверена, что братья прислали его сюда, чтобы избавиться от него. Илисса любит его. И значит он будет при дворе в Куреде.

Клянусь, я ни в чем не могу отказать Илиссе, даже в этом, очень неприятном для меня деле.

Тусклый колеблющийся свет костра пробивался меж камнями и освещал лицо Джателлы, на котором застыла печаль. Она смотрела в безлунную ночь — на север.

— Мы найдем ее,— мягко сказал Тирус.

Джателла зарылась на мгновение в ладони лицом, а затем подняла голову.

— Я вижу каждую ночь жуткие сны. Я вижу Илиссу, которую мучают. Она тянется ко мне, а я не могу дотронуться до нее. Ее слезы! Они ранят, терзают мое сердце. Когда она была ребенком, много болела, на нее нельзя было смотреть без слез жалости. Она была такая беспомощная в своих страданиях. Каждый день, каждый вздох мог стать последним. И когда она выздоровела, стала сильной, мы узнали, что она будет жить и я бесчисленное количество раз благодарила за это Гетанию, Мать Земли. За то, что Илисса жива и вне опасности. И теперь... — Джателла спросила с суеверным страхом:— Жива ли она? Роф в этом сомневается! Ты можешь мне это сказать, Тирус? Может твоя магия ответить мне?

Он мог бы солгать, но Джателла ждала искренности и Тирус понял, что она заметит его фальшь.

— Врадуир ищет ценности всего мира. Принцесса — бесценное сокровище. Я не думаю, что Врадуир надругается или уничтожит такой ценный приз. Скорее всего, он хранит то, что добыл, как свою часть большой сделки.

— И все то, что он похитил — корона Гетании, серебряная цепь и другое... Ты говорил, он хочет могущества и власти? Это жертвоприношение? — прошептала она и задрожала.

— Нет.— Тирус обнял ее.

Ее плащ соскользнул с плеч, но Джателла не замечала холода. Тирус поправил ее плащ и укрыл частью своего, чтобы защитить от сурового ночного воздуха. Они сидели, прижавшись друг к другу, отгоняя прочь ночной холод. Джателла с признательностью пожала ему руку и он почувствовал ее тепло даже через перчатку.

Тирус медленно сказал:

— Он жаждет власти. Но он сделал ошибку в прошлый раз, когда предложил свои услуги богу. Теперь он должен быть очень осторожен. Если он только что украл Илиссу, то это значит, что его план еще не совсем удался. Это нам на руку, королева. Спросите у своего сердца. Вы говорили, что чувствуете принцессу в своем сердце, что вы живете одной жизнью. Это все еще так?

Слабая улыбка скользнула по ее губам.

— Да, я чувствую, она жива. Ты дал мне мужество идти дальше. Если мной опять овладеет сомнение, вылечи меня своей магией.

— Никакой магии не было сейчас, королева. Это просто любовь к сестре.

Она продолжала держать его руку, глядя в лицо, освещенное слабым светом костра, горящего внизу.

— Я должна тебе кое-что сказать. Когда ты внезапно появился в лугах Дрита, я... я почти поверила словам Обажа. Я подозревала, что это вы похитили Илиссу с помощью магии.

— Я никогда не делал ничего подобного, ничего, что приносило бы горе людям.

Тирус согревался ее близостью гораздо сильнее, чем если бы он сидел на лучшем месте у костра.

— Теперь я это знаю. Воины-скелеты убили бы меня, если бы не твоя защита. Неужели Вradуир так ненавидит меня?

Тирус вспомнил время, когда они с Эрейзаном шпионили за Вradуиром и видели, как он проник в спальни дворца, ощущали его смертельную ненависть к королеве. С болью в душе он сказал:

— Вы встали на его пути.

— И он убивает тех, кто встанет у него на пути,— закончила за него Джателла.— Как он выглядит? Я ненавижу его, хотя совсем его не знаю. А он, кажется, знает меня и он послал своих воинов-скелетов украсть Илиссу.

У Тируса не повернулся язык сказать Джателле, что Вradуир рассматривал их с Илиссой во время сна.

— Я вам покажу его,— сказал он и быстро создал его изображение на морозном небе.

Джателла ахнула и прижалась к груди Тируса, нарушив его сосредоточенность и самообладание. Изображение стало расплываться, пока он приводил в порядок свои чувства и бешено бьющееся сердце. Снова сконцентрировавшись, он сделал изображение светящимся. Нарисованный невидимым лучом, Вradуир ходил по небу.

Джателла внимательно изучала своего врага. Тирус не скрыл ничего. Он создал портрет настолько точно, насколько мог. Вradуир был в королевских одеждах, Колдун-король Камата. Красивый, в полном расцвете сил, светлые волосы подстрижены, широкий лоб открыт, большой рот улыбается. Бесконечное, ненасытное честолюбие стерли с его лица человечность и жалость.

— Он как живой,— воскликнула Джателла.— Как будто я могу потрогать его.

— Да. Таким я его видел в последний раз в Камате. Его душа тоже здесь, хотя требуется немало храбрости, чтобы полностью увидеть его.

— Я вижу! — тихонько вскрикнула Джателла.— Какой он черный! — Она имела в виду не внешность Врадуира, а его натуру.— Тирус... он похож на тебя.

— Разве? — не двинувшись с места, Тирус убрал изображение.

— Прости меня,— сказала Джателла.— Сходство только внешнее. И все. В тебе нет того зла, которое переполняет его существо.

Тирус заговорил сдавленным голосом:

— В нас течет одна кровь, мы... мы приходим из одного рода.— Все это звучало так, как будто он хотел в чем-то оправдаться, от чего-то отречься.

Пальцы Джателлы легко пробежали по его лицу и он постепенно успокоился.

— Я видела и другое в этом изображении,— сказала она, сжав его руку, очевидно, готовая успокоить его, если Тирус опять начнет сердиться.— Я чувствовала нить уважения, даже любви между двумя вами. И я чувствовала страх... его страх. Чего он боится, Тирус?

— Старости. Смерти,— сказал Тирус без всякого выражения. Знание, которое долго было закрыто в его сердце, теперь kloкотало, как безжалостные расплавленные камни в огнедышащей горе.— Он не хочет быть смертным, молиться жизни и времени, как это суждено всем людям.

— А... нить любви? — осторожно спросила Джателла.— Она была такой, как будто ты его знаешь, как самого себя. Нить оборвана. Из-за предательства? Потому что король изменил своему долгу защищать свой народ? Потерял его доверие и доверие... принца?

Тирус удивленно пробормотал:

— Почему вы так говорите, королева?

— Думаю, что это правда. Ты можешь не отвечать, если чувствуешь боль. Но ты имеешь право на престол, право, обеспеченное происхождением.— Джателла заколебалась, а затем продолжила: — Ты не можешь воспользоваться своим правом, пока Врадуир не будет наказан за уничтожение своей страны. Я понимаю, Врадуир предал тебя. А Эрейзан? Эрейзан ненавидит его еще сильнее, чем ты, мне кажется.

— Эрейзан понял раньше, чем я, кем становится Врадуир. И за свое мужество он был наказан ужасным образом.

Это было... предательство. Предательство за верность, так же, как и предательство по отношению ко мне. Поэтому наши отношения прекратились на много лет,— закончил Тирус сурово.

— Не так уж и много лет. Ты не намного старше меня, Тирус, а я вовсе не дряхлая старуха.— Джателла шуткой рассеяла их мрачное настроение.— Мы молодые, мы сильны, у тебя есть магия. Боги не дадут Врадуиру добиться успеха.

Тирус внимательно посмотрел на нее и согласился. Она обладала способностью обновлять силы и душу совсем другим и более сильным способом, чем волшебные бронзовые огни. Холод, мрак и усталость покинули их, оставив вдвоем. Они помогали друг другу, душа Джателлы смешивалась с душой Тируса, их чувства парили высоко над землей.

Сидя бок о бок под волшебным экраном, они посылали вызов в ночь, на север. Затем понемногу Тирус отодвинул свое беспокойство, заботы. И колдовство в другую часть своего мозга. Ему нравилось сидеть рядом с Джателлой, чувствуя мир и покой, в котором он очень нуждался. Как мягкие теплые нежные воды Камата присутствие Джателлы несло его, успокаивало, укачивало, и волны ее воли поднимали его высоко, высоко над всем земным и обычным.

Глава 11

ЛЕДЯНОЙ ЛЕС И РАСКАЛЫВАТЕЛИ ЧЕРЕПОВ

Путешественники со страхом смотрели на линию деревьев. Черный барьер простирался с востока на запад насколько хватало взгляда. Роф бывал в Ирико и сказал, что даже там Ледяной Лес существует и такой же густой. Он проходил по всем землям и странам, о многих из которых они и не слышали. На востоке, где Куред выходил к морю, деревья тянулись вдоль всего берега вплоть до того района, где начинаются вечные льды.

Это был не обычный лес: черные толстые деревья росли там, где вообще ничего не росло. Здесь ничего не росло в течение веков, и тем не менее лес жил. Он жил под постоянным угрюмым серым небом — стена переплетающихся сучьев и восток без листьев. Тишина была абсолютной, в ней ощущалась зловещая угроза, как будто здесь было что-

то неземное, а не просто уродливо извивающиеся деревья, чего-то выжидающие.

К дрожи, вызываемой холодным северным ветром, обрушивающим снег и лед на путешественников, прибавился страх. Замороженные деревья и гнетущая тишина давили на них. Лошади почувствовали их беспокойство и стали нервно прядать ушами, бить копытами, ржать. Всадники с трудом успокоили лошадей и вьючных животных.

Роф в широком жесте указал вперед.

— Конец вашей страны, королева. Дальше уже не Куред. Это начало владений Бога Смерти.

Джателла боялась. Но чистота и благородство цели заставили ее подавить страх перед неизвестностью. Она гордо сказала:

— Я уже видела Ледяной Лес, бандит, когда мой отец воевал с варварами и загонял их на запад. Мы были совсем рядом с Лесом.

— Но не входили в него, я думаю.

— Почему ты так уверен? — спросил требовательно Обаж.

Улыбка Рофа была так же холодна, как и постоянный северный ветер. Воры закутались в плащи и с тоской смотрели в зловещее переплетение стволов и веток.

— Я ходил здесь, — хвастливо сказал Роф. — Но, должен сказать, это был вопрос жизни и смерти. Дело в том, что много лет назад у меня возник некоторый спор с местными племенами относительно мехов. Они отрезали мне и моим людям путь в цивилизованные районы, так что нам пришлось идти в те места, куда они не смеют сунуться — в Ледяной Лес. Они моментально оставили нас в покое и мы прошли в лесу довольно большое расстояние. Но не больше, чем смогли. Мы не сумасшедшие.

Тирус рассеянно слушал его. Он сфокусировался на Лес и черноту внутри него. Внезапно он спросил:

— Как далеко он тянется? Мне очень трудно измерить его точно.

Джателла и все остальные очень удивились. Посыпались вопросы.

— Как же ты можешь его измерить, актер, когда мы еще и не входили в него.

— У меня есть такая возможность, — просто ответил Тирус и все вопросы моментально заглохли.

Обаж, как и все остальные из окружения королевы и Рофа, испытывал двойственные чувства к Тирусу: с одной стороны они надеялись, что его магия поможет им, а с другой стороны им не нравилось иметь дело с тем, чего

они не видели и не понимали, и они не верили, что это тайное оружие может служить лучше, чем хороший меч.

Тирус продолжал:

— Я прощупал лес и нашел там колдовство. Как и в опустошенной деревне, оно старое, но гораздо более сильное. И здесь есть еще что-то, не созданное колдовством, но не сулящее нам ничего хорошего.

— Ты говоришь о Раскалывателях Черепов,— сказал Роф. Он скрыл свой собственный страх, повернувшись к Эрейзану и сказав: — Очень странно, что колдун может обнаружить таких людей-зверей, вроде них.

Тирус остановил рассерженного Эрейзана.

— Раскалыватели Черепов — это не создания нашего врага. Мне больше не нравится эта старая магия, оставленная им в лесу. Я могу с ней бороться, но лучше бы нам пройти через Лес до захода солнца. Вы согласны?

Роф заерзал в седле и резко сказал:

— Я не колдун и я не вижу того, чего не вижу. Я тебе сказал, что был тогда только на самом краю леса.

— Проводник ты неважный,— заметил Тирус, отомстив за издевку над другом.— Тогда тебе придется довериться моему искусству.

— Если мы войдем в лес, то закончим свой жизненный путь на обеденном столе этих Раскалывателей Черепов! — громко сказал Роф.— Ты сумасшедший!

Джателла возразила ему:

— Нет! Мы должны пройти через лес, если мы хотим найти Иллису.

Бандиты заволновались и закричали:

— Только без нас! Давай нам наши деньги и мы пойдем назад!

Крики усиливались.

— Мы привели вас сюда, как и обещали. Договор выполнен! Давай нам плату!

— Плату!

— Плату!

Роф не успокаивал их. Он не желал. Его покрытое шрамами лицо отражало его чувства. Он разделял их алчность и страх. Он не верил, что кто-нибудь может вернуться из этого леса живым.

В ярости Джателла выхватила меч и ее телохранители и придворные заняли боевые позиции с обеих сторон королев.

— Договор еще не выполнен! Ты, Роф, клялся вести нас, пока моя сестра не будет освобождена. Она еще не свободна. И тебе не будет никакой платы, пока она в плену!

Число противников было равным и Роф заметил, что Тирус с Эрейзаном на стороне королевы. Ситуация сложилась совсем другая, чем в лугах Дрита. Ни на чьей стороне преимущества не было, и столкновение должно было стать катастрофическим для одной или другой стороны.

— Вести вас? — Роф изобразил изумление. — Но я не могу вести по территории, где не бывал.

— Ледяной Лес везде одинаков, — сказал ему Тирус. — Чего же ты колеблешься? Раньше ты был гораздо храбрее. Проведи нас через Лес. Разве это слишком много за очень богатую награду?

Джателла уловила тактику Тируса.

— Очень богатую, Роф.

— Зачем мне деньги, если я погибну? — Роф искал брешь в оборонительных линиях сторонников королевы, но не нашел. — А если мы пройдем на ту сторону, что весьма сомнительно, то как мы вернемся назад, чтобы тратить деньги?

Тирус подмигнул Джателле и она засмеялась, очень довольная их взаимопониманием и его фамильярностью, совсем не оскорбительной для ее королевского достоинства. С улыбкой она сказала Рофу:

— Ну тогда вам лучше всего пойти с нами во владения Бога Смерти, чтобы убедиться, что мы останемся живы и сможем помочь вам вернуться в цивилизованные страны.

Почувствовав возможность убедить Рофа, Эрейзан сказал:

— Разве это не тот самый главарь бандитов, который говорил, что он не боится ничего, даже гнева Дьявола? Королева, вы обмануты. Он просто болтун и не заслуживает никакой награды. Он не главарь бандитов, а предводитель хвастунов.

Обаж, из своих собственных соображений, подлил масла в огонь оскорблений.

— А! Единственная награда, которую он заслуживает, это хорошая порка за наглость. Поехали, королева. Забудьте этих ничтожных людишек. Мы готовы следовать за вами. Мы не боимся.

Солдаты и дворяне издали приветственные крики в честь королевы. Они этими криками, наигранной храбростью и пренебрежением к опасности старались побороть свой страх.

Потерпев поражение со всех сторон, Роф постарался вернуть свое доброе имя. Он выпрямился, выпятил грудь, как петух и изрек:

— Клянусь бородой, сделка есть сделка! Я заставлю тебя проглотить твои слова, сэр. Роф не трус и не лжец.

Эрейзан натянул поводья, как будто он собирался загонять разбойников в лес.

— Докажи это. Да крепче держи свое мужество, а то его сдует ветром, как пыль.

— Я докажу это!

Роф ткнул пальцем в сторону Эрейзана. И затем продолжал уже менее уверенным тоном.

— Но... но я требую обещания колдуна, чтобы его колдовство защищало нас в лесу.

— Я союзников не бросаю,— подчеркнуто громко произнес Тирус.

Роф хмыкнул, не очень убежденный в этом. У Одноухого и других бандитов глаза бегали, как у затравленных волков. Однако им было не пробиться сквозь линию сторонников Джателлы. Они были теперь в том же положении, как и много лет назад, когда, спасаясь от варваров, им пришлось углубиться в Ледяной Лес. Теперь их сюда загоняли люди Джателлы. Роф решил играть роль лидера и стал опять наглым, чтобы не растерять уважение бандитов.

— Ну что же, пошли.— Он шутовски поклонился королеве.— Конечно, с вашего королевского соизволения.

— Ты же знаешь, что я давно готова,— парировала она. Джателла приготовилась пустить лошадь вперед, но Тирус остановил ее.

— Подождите. Все стойте на своих местах.

Недоуменно переглядываясь, все повиновались ему. Тирус стал объезжать весь отряд вокруг. Из его рук, казалось, вытекает серебристый шнур. Как паук тклет свою паутину, Тирус окружил Джателлу и всех ее спутников вместе с лошадьми этим шнуром. Возвратившись назад к тому месту, откуда он начал, он сказал:

— Это граница защитного экрана. Если мы подвергнемся нападению в лесу, оставайтесь внутри и он защитит вас от злого чародейства. Если вы выйдете наружу, то вы выйдете из сферы моего влияния и мне будет очень трудно защитить вас. Я не знаю, как он будет защищать нас от Раскалывателей Черепов. Если они создания Бога Смерти, то он, возможно, сможет остановить их. Если же они смертны, хоть и не люди, магия вряд ли сильно подействует на них. Будьте настороже, если это случится. Но против истинной магии кольцо наверняка защитит вас. Помните, оставайтесь внутри круга!

После такого напутствия и упоминания о Раскалывателях Черепов, как неизвестной угрозе, Тирус вынул из но-

жен свой волшебный меч. Его сверхъестественное зеленое мерцание вызывало благоговейный шепот среди его спутников. И бандиты, и придворные подчинились приказу Тируса. Телохранители же вообще принимали все его распоряжения, как должное, заметив, что королева всегда поддерживает их. Их не смущало даже то, что Тирус отдает приказания тоном высокопоставленного господина.

Осторожно все последовали за Джателлой и Тирусом по пологому спуску к деревьям. Люди со страхом смотрели на черные переплетения веток и пугливо шарахались от них, когда ветер пригибал их к земле. Тирус заметил это и заверил, что замороженные деревья не испепелят их и не превратят в лед, но они не приняли полностью на веру его обещания.

На самом краю леса Тирус сказал:

— Королева, я думаю, что Рофу надлежит ехать впереди. Должен же он отработать свою плату.

— Лучше я поведу,— ответила она, смеясь.— Не думай, я же дочь Фер-Сро...

Тирус в ответ улыбнулся ей.

— Роф уже бывал здесь и может заметить какие-нибудь ловушки и ямы, как это было в Бесплодной Земле.

Джателла искусно отклонила лошадь в сторону, пропуская вперед Рофа.

— Мы ждем тебя, проводник,— сказала она, подчеркнув последнее слово.

Роф не сразу принял приглашение. Он осмотрел всю группу и сказал:

— Соберите всех вьючных лошадей в центр. Привяжите веревки к их седлам и свяжите их одним узлом. Они будут бесноваться и вырываться, если нападут Раскалыватели Черепов. Эти зверюги расправляются с ними так же быстро, как и с людьми. Они не очень разборчивы. И не останавливайтесь.

Джателла отдала приказ готовить оружие, но Роф грубо ее поправил:

— Мечи и дубинки. Только. Но не эти пики. Здесь, среди деревьев, от них мало пользы.

Люди достали склянки с рыбьим жиром, без которого ни один Клариканец не пускается в путь, и из сучьев и тряпок сделали факелы. Тирус смотрел на все это рассеянно. Эрейзан подошел к нему и тихонько спросил:

— Может лучше сделать волшебный свет?

— Не здесь,— утрюмо сказал Тирус.— Думаю, что мне понадобятся все силы, чтобы поддерживать колпак и защищаться от Врадуира. Магия в лесу — это его магия. Как

только мы туда войдем, он будет знать, что другой колдун вторгся в его владения. С этого места опасность возрастает, мой друг.

Эрейзан больше ни о чем не спрашивал. Он взял один из факелов и вместе со всеми приготовился вступить в незнакомый лес.

Тропа была такой узкой, что можно было двигаться только по одному, и Тирусу пришлось изменить форму шнура, чтобы вся вереница уместилась в нем. Джателла схала сразу за Рофом. За ней хотел пристроиться Обаж, но Тирус не пустил его, сказав, что королеве может понадобиться его магия для защиты. Неохотно Обаж повиновался и занял место в группе придворных.

Воздух в лесу был спертым. Духота была такой, что кислорода едва хватало для горения факелов. Как только деревья сомкнулись над ними, небо исчезло, скрылось из виду. Хотя на деревьях листьев не было, они росли так плотно, что их голые сучья закрывали даже свет Иезор-Пелувы. Тени были какими-то неестественно серыми. Казалось, что деревья сами светятся злым угрожающим светом. Факелы трещали и посылали немного тепла вверх. Деревья начали таять и на путников, когда они проходили под деревьями, капала ледяная вода.

Дороги в лесу не было, но тут и там виднелись извилистые тропы, кружившие между толстыми стволами. Роф имел вероятно какое-то шестое чувство, которое помогало вести отряд прямо к противоположному краю леса. Роф очень боялся, но договор связывал его, поэтому Роф старался пересечь лес как можно быстрее.

Они ехали между стволов уже довольно долго. Ледяная вода капала с деревьев. Стук копыт и голоса людей звучали глухо и неясно. Теперь, когда они были уже в лесу, отовсюду слышались какие-то неясные звуки. Иногда слышался треск, звук которого смягчался расстоянием. Иногда такой же треск раздавался совсем рядом, пугая лошадей, да и люди невольно ежились и испуганно оглядывались по сторонам.

Тирус решил, что это падают сучья, как это всегда бывает в лесу. Однако звуки их падения были чересчур громкими, ненатуральными, впрочем, как и все в этом лесу.

Этот постоянный шум падающих сучьев не прерывали ни птичьи крики, ни крики зверей. Да и никаких признаков Раскалывателей Черепов тоже не было. Возможно, что Роф и его люди распространили рассказы об опасности, которые придумали сами же. Тирус всматривался вперед, надеясь увидеть между деревьями просвет, который бы

означал, что близок конец. Из того, что он видел во время путешествия с волшебным стеклом, он знал, что полоса леса не очень широкая. Но... все-таки, какова же ширина полосы леса? Возможно, что он неправильно оценил его ширину, сравнивая ее с обширными пространствами, через которые он мысленно путешествовал. Во всяком случае, пока видимых опасностей не было и можно надеяться, что они доберутся без особого труда до конца.

Совершенно неожиданно один из огромных суков упал прямо на то место, где только что прошел Тирус. Массивный сук с такой силой грохнулся на колпак, что этот удар отозвался в мозгу Тируса. Одна из выюнных лошадей, испугавшись, рванулась и, пока Тирус оправлялся от удара, она выскочила за пределы круга. В это время сук соскользнул с невидимого колпака и упал на лошадь всем своим чудовищным весом. Все с удивлением обнаружили, что этот сук каменный. Он треснул, развалился на куски и завалил своими обломками беспомощную лошадь.

— Что случилось? — закричал кто-то в панике.

Роф умирал свою перепуганную лошадь, удивленный, как и все остальные. Заикаясь, он проговорил:

— Это... это совсем не то... не то, что было в прошлый раз... тогда здесь были деревья. Я клянусь... я клянусь... клянусь... деревья...

— Колдовство! — вскричал Тирус, придя в себя. Он приложил дополнительную энергию в экрану, чтобы не допустить новой катастрофы. — Деревья заколдованы. Сам Лес — наш враг. Он угрожает нашей жизни!

— Охраняй нас, колдун! — взмолился Роф. — Оставьте лошадь! Ее уже не спасти. Бежим! Нужно двигаться!

— Перережь ей горло, — сказала Джателла. — Не надо, чтобы животное страдало...

Бандит схватил поводья и потащил лошадь Джателлы за собой.

— Нет времени. Она не будет долго мучиться. Раскалыватели Черепов найдут и прикончат ее. Пошли, королева, пошли!

Джателла зажала руками уши, чтобы не слышать душевнораздирающих криков умирающей лошади. Она опять двинулась вперед, пробираясь между стволами. Никто не хотел остаться один. Они пугливо озирались вокруг, стараясь не выйти из-под колпака, и все время думали, какая ветка упадет следующей.

Мерзлая земля вся была покрыта каменными обломками, кусками суков, упавших раньше. Лед покрывал камен-

ные стволы и корни. Под некоторыми из них валялись кости и скелеты, которые мало походили на человеческие. Несколько скелетов были целыми, а остальные растащены по частям. Сначала Тирус думал, что это все жертвы падающих кусков, но затем он заметил на многих костях следы зубов. Другие кости были сломаны об острые камни, причем, это было сделано после того, как жертву сокрушили каменные сучья.

Однажды они заметили груды вызывающих отвращение полуистлевших останков. Они притягивали взоры путешественников помимо их воли. На одном суку висел череп. Он как будто насмехался над проезжающими мимо него всадниками. Это был череп какого-то жестокого существа с тяжелыми надбровными дугами. Верхняя часть черепа была начисто снесена сильным безжалостным ударом.

Роф обернулся к следовавшим за ним людям.

— Это работа Раскалывателей Черепов. Они любят жиденькие мозги своих соплеменников и едят их из сосудов, в которые их поместила природа.

Люди были неприятно поражены. Желудок Тируса возмутился и он почувствовал приступ тошноты. Джателла воскликнула в ужасе:

— Они... они пожирают себе подобных!

— Да, и все остальное, что смогут найти, королева. У них же здесь мало развлечений.

Роф ухмыльнулся своей жестокой шутке, а затем с такой силой вонзил шпоры, что из-под ребер лошади брызнула кровь.

Проходило время. Каменные сучья падали. Тирус разделил свой мозг, остерегаясь Врадуира. Врадуир мог почувствовать, что в Ледяном Лесу неспокойно. Он предположил, что деревья оживлены много лет назад. Но в них была чья-то чужая злая сила, которую не вносил в них Бог Смерти. Это было дело рук Врадуира. Врадуир шел по этому пути, и капитан Дрие со своей командой, и все пленники, и все украденные ценности. Так что возможно, что они находятся совсем рядом с мороженными владениями Бога Смерти.

Большая часть мозга Тируса работала на экран и шнур. Это было продиктовано страхом перед Врадуиром. Пока они находятся под защитой экрана и внутри магического круга, Врадуир не может коснуться их без чудовищных усилий. Невозможно!

Но это ему и не надо, если деревья и Раскалыватели Черепов сделают свое дело!

Пот заливал лицо Тируса и катился по спине. Он укреплял экран и шнур всеми силами, затягивая потуже те места, куда падали сучья или ступали копытами лошади. Он не мог защитить лошадей и в основном тратил все силы на то, чтобы защитить людей от колдовства.

Сучья падали все чаще и чаще, это было уже нападение. Они падали на невидимый экран, прогибали его, истощали силы Тируса, который старался выдержать эти удары. Каждый раз, когда очередная ветка падала на экран, Тирус страдал от удара, как будто он находился под ним и удар приходился на его тело, а не на поле мозга.

Тирус даже не заметил, что Эрейзан вдруг схватил его руками и резко наклонил в сторону. Сильная струя холодного воздуха со свистом пронеслась мимо его головы. С трудом он понял, что огромная дубина пролетела в том месте, где только что была его голова.

Обессиленный, измученный постоянной необходимостью поддерживать защитный экран, Тирус краем глаза различил чью-то фигуру. Это был человек. Нет? Это было страшное мохнатое человекоподобное существо, слона стекла на его живот. Лоб был приплюснут, как у того черепа, мимо которого они проезжали. Его широкие звериные ноздри раздувались.

— Защищайтесь! — завопил Одноухий.

— Они... они пройдут через колпак, колдун...

— Они окружили нас! Убивайте их!

Роф старался перекричать всех:

— Двигайтесь! Если вы остановитесь, вы погибли!

— Уплотни экран! — закричал Эрейзан в самое ухо Тируса, заставив его сморщиться.

Существо, пытавшееся убить Тируса, снова напало на них.

— Не могу. Не... не Врадуир. И не Бог Смерти,— пробормотал с усилием Тирус.— Ничего... и ничего не могу поделать. Как они нашли нас? Они не должны были увидеть нас через экран...

— По запаху. Они ведь звери!

— Не... вступайте с ними в бой. Они слишком сильны для вас.

— Чепуха.

Сэр Обаж ехал сзади Эрейзана очень близко к нему. Акробат выхватил факел из рук растерянного дворянина и нанес сильный, жестокий удар прямо в оскаленное волосатое лицо Раскалывателя.

Горящие щепки и капли масла полетели в ледяной воздух. Зверь отскочил назад, корчась от боли и зажимая глаза.

Обаж был восхищен таким мастерским ударом, затем увидел свои безоружные руки, из которых Эрейзан выхватил факел. Акробат крикнул ему:

— Возьми меч, идиот! Они же смертны! Их можно убивать!

Обажу было некогда отвечать на оскорбления. Он выхватил меч и ударил второго Раскалывателя, который подбирался справа. Его рукой больше водил страх, чем мужество, но все же меч нанес рану и человек-зверь отступил.

— Их там много,— пробормотал Тирус сквозь зубы. На его мозг непрерывно обрушивались болезненные удары сучьев, падающих на волшебный экран.

— Охраняй нас от деревьев,— кричал Эрейзан.— А этих мы прогоним огнем и сталью!

Он хлопнул лошадь Тируса по крупу, заставив ее ускорить шаг. Эрейзан успешно защищал колдуна, убивая или отгоняя жестоких обитателей Ледяного Леса.

Раскалыватели Черепов, очевидно, панически боялись огня. Об этом моментально узнали все люди небольшого отряда. Джателла ехала перед Тирусом — меч в одной руке, факел в другой. В таком виде она следовала за Рофом. Тирус инстинктивно отбивался своим волшебным мечом, нанося удары направо и налево, как во сне. После каждого удара в чаще слышались вопли. Эти вопли смешались с ржанием испуганных лошадей. Смертельные снаряды все падали на колпак. Раскалыватели подбирали их обломки и швыряли в людей Джателлы.

Тирус судорожно сжал гриву лошади. Его колпак был эластичным и связан с мозгом. Он мог растягиваться в любых направлениях при ударах извне, и каждый раз его столкновение с каким-либо предметом наносило жуткие болезненные удары по мозгу Тируса. Невидимые, мучительные удары.

— Назад! — сквозь туман проник в мозг Тируса голос лейтенанта Утея.— Эти трусы... Они забрали трех выючных животных и поскакали обратно на юг!

— Оставьте их! — скомандовала Джателла. Ее голос прерывался от быстрой скачки.— Не гонитесь за ними! Держитесь вместе!

— Волшебный шнур,— с усилием произнес Тирус, надеясь, что его слышат.— Не выходите за его пределы.

— Я верну их, королева,— закричал кто-то, отказываясь повиноваться обоим приказам.

— Нет! Нет! Дорче, вернитесь,— слышались многие голоса.

И тут же послышался дикий крик. Несколько криков — человека и животного.

— Королева, помогите!

Затем они заглохли в холодном густом лесу. Послышался звук, как будто что-то тяжелое рухнуло на землю. Затем торжествующие крики и жуткий вой, который, постепенно ослабевая, перешел в чавкающую тишину.

— Не останавливаться! — Роф был поклонником Грос-Донака и самые свирепые штормы этого бога звучали сейчас в его голосе.— Не останавливаться!

Два Раскалывателя вынырнули из мрака перед Джателлой и Рофом. Тирус увидел их, но ничем помочь не мог. Все его существо было занято защитой от деревьев, от постоянно падающих сучьев. Он не мог даже говорить. Сердце крикнуло за него:

— Джателла!..

Но она вовремя встретила звероподобное существо. Сначала она парировала удар дубинкой и в следующее мгновение нападающий уже стал ее жертвой, наткнувшись на лезвие меча. Она действительно не боялась ни крови, ни смерти. Настоящая женщина-воин! Она сбросила мертвое чудовище под копыта лошади. Весь отряд проехал по трупу, втоптав его в землю, переломав кости, превратив тело в кровавое месиво.

Роф разделался со вторым Раскалывателем, ослепив его ударом хлыста и разрубив лицо ударом меча. Изувеченный зверь схватился за лицо и вслепую побежал в чащу, где стал кататься по земле, дико завывая и не представляя больше опасности маленькому отряду.

Они уже не могли быстро скакать, так как путь стал очень сложным. Им все чаще приходилось огибать каменные глыбы, загораживающие дорогу. Тирус уже совсем отключился и Эрейзан взял его лошадь под уздцы. Колпак и шнур, защищающие их от Врадуира, очень пострадали от падающих сучьев и уже стали трещать, угрожая порваться.

Тирус потерял всякое чувство времени. Как долго они уже едут? Все еще день или наступила ночь? Разве в этом сверхъестественном мраке можно что-либо сказать с уверенностью?

Колпак — он должен сохранить его в целости. Его мысли непрерывно вертелись в омуте колдовства и в заботах обычного земного человека. Ледяной Лес — это результат договора Черной магии Врадуира с каменными деревьями Бога Смерти, это стена, чтобы преградить путь любому, кто будет преследовать Врадуира с его жертвами во владениях Бога Смерти.

Сделка... сделка... как можно войти в сговор с богом? Однажды Врадуир заключил сделку с Богом Зла и...

Тируса безжалостно кололи ледяные иголки, кровь свертывалась. Теперь он ощущал удары, бесчисленные удары всем существом, кровью, костями, он чувствовал себя, как Раскалыватель Черепа под копытами лошадей. Скоро ничего не останется от Тируса, принца-колдуна из уничтоженного Камата, даже мозга, до конца истощенного магией.

— Свет! Я вижу свет! Торопитесь! Мы уже почти пришли!

Голос Джателлы вернул его в сознание и в жизнь. Это был голос женский, нежный, не сильный, это был ветер и его паруса, это был спасательный канат. Он ухватился за этот голос, обмотал серебряный звук вокруг себя. Это был его якорь в бушующем море колдовства. Он тащил его, вытягивал в безопасное место, как он сам часто вытаскивал себя из миров таинственного мрака и паутины.

Конец Ледяного Леса? Никогда еще свеча, с помощью которой измеряли время, не горела так медленно! Он вынырнул на свет, зацепившись за голос Джателлы.

Они с Джателлой были на корабле, смеялись вместе, сидя близко-близко друг к другу, как тогда, на камнях прошлой ночью. Сердца и мысли соединились в одно. Руль у него в руках — или это он сжимает сейчас волшебный меч? Меднозолотые волосы Джателлы нежно треплет ласковый ветерок. Это теплый ветер Камата или суровый, холодный, порывистый ветер Куреда? Это не имеет значения. Они направляют корабль по волнам к манящему берегу. Безопасная гавань ждет их, ворота в город распахнуты, как ворота Куреда, когда Тирус впервые пришел в эту страну с Эрейзаном. Джателла смотрит на паруса, смеясь, и он смотрит на нее, зачарованный. Она показывает на гавань, на ворота в рай...

Нет, не корабль. Он в седле. И смертельный град сучьев утихает. Получив возможность освободить часть сил, Тирус в отчаянии ищет свет, который увидела Джателла. Там! Впереди!

Позади них постепенно затухал, удаляясь, разочарованный вой Раскалывателей Черепов. Разочарование было вызвано тем, что жертвы ускользнули. Лошади тоже почувствовали конец Ледяного Леса и неслись вперед без разбора, как животные, умирающие от жажды и почувствовавшие близость воды. Они неслись, царапая ноги седоков о деревья и натягивая волшебный шнур, внутри которого они находились.

Вскоре они вылетели на простор, под серое небо, смеясь и плача от радости. Они проехали довольно далеко от леса, прежде чем остановили лошадей. Лошади в изнеможении опустили головы, тяжело дыша, пена капала на землю, пар клубился над их мордами, некоторые лошади тяжело опустились на землю, придавив своих седоков.

Джателла и все ее сопровождающие люди обезумели от радости. Некоторые соскочили с шатающихся от усталости лошадей и начали плясать, хлопая в ладоши. Они были слишком воодушевлены своей маленькой победой, чтобы полностью понять и оценить свои потери.

Постепенно все радостные крики и танцы прекратились. Тревожные взгляды устремились на север. То, что они успешно прошли через Ледяной Лес означало лишь то, что теперь в игру вступает сам Врадуир и его рабы и теперь придется иметь дело с ними. Благодаря своей победе они вступили в страну, покрытую вечным снегом и ледяными утесами. Ветер, который обрушивался на них, был не что иное, как кристаллы льда. Перед ними расстилалась местность, покрытая снегом, льдом, бездонными пропастями и расщелинами, дикими нагромождениями скал. Раскалыватели Черепов, которые приводили их в ужас, были, по крайней мере, хоть отдаленными родственниками человека. Жуткие, замораживающие кровь крики, раздававшиеся в этой, покрытой льдом, стране, казалось, исходили от зверей, которых никогда не видели в теплых и освещенных ласковым солнцем странах. Это была страна смерти и демонов, она сливалась в одно — в бесконечную стену вечного холода земли и вечной серости неба, неба темного, угрюмого, никогда не видевшего солнца.

Глава 12

ВОРОТА В СМЕРТЬ

Наконец, опомнившись от своей безумной радости, они определили цену своей победы над Ледяным Лесом. Никто не сожалел о двух бандитах, которые сбежали, даже их товарищи. Но было гораздо хуже то, что пять выючных лошадей в панике выскочили из-под экрана и погибли под градом падающих сучьев или под дубинками Раскалывателей Черепов. Но самой печальной потерей была смерть сэра Дорча, который неосмотрительно поспекал в погоню за двумя дезертирами. Они вознесли траурные молитвы и

бандиты тоже присоединились к ним, возможно боясь, что дух дворянина будет мстить им за их товарищей.

Каким-то чудом они избежали серьезных ран и никто из них не нуждался в магии Тируса, да он все равно мог помочь им только в том случае, если бы Раскальватели Черепов были созданием колдуна. Тирус отошел в сторону и начал с помощью колдовства восстанавливать истраченную энергию. Он тяжело и хрипло дышал. Эрейзан с тревогой следил за ним, пока Тирус не сказал:

— Все в порядке.

Из-за утесов слышались леденящие кровь крики. Эрейзан начал массировать свою шею, стараясь унять боль в мышцах.

— Эти Раскальватели Черепов довольно жуткие создания,— сказал он.— Неужели нам придется встретить еще страшнее?

— Боюсь, что гораздо страшнее.

— Врадуир?

— Он за этими горными хребтами,— сказал Тирус.— Совсем близко. Он смотрит, но он не видит. Он чувствует, что какой-то колдун где-то рядом. Но он не знает, кто я и как далеко проник на его территорию. И он все еще внимательно следит за армией Джателлы. Они его очень хорошо отвлекают. Врадуир все еще не может понять, настоящая ли это угроза или ее можно игнорировать.

Эрейзан крикнул командующему, находящемуся далеко на западе.

— Давай, давай, генерал Злан. Отвлекай его подольше и мы вырвем его дьявольское сердце!

Невольно Тирус нахмурился. Кровь взывала к крови, даже после того, что сделал Врадуир. Тирус часто думал над этим. Может ли он убить своего отца? Не проклянут ли его боги за это. Тирус старался не думать об этом.

— Прежде, чем мы нападём на Врадуира, мы должны освободить его жертвы. Я надеюсь, что Илисса, певец из Атея, крестьяне — все еще живы.

— Илисса... — взгляд Эрейзана был устремлен в ничто.— Тирус, я... никогда не испытывал подобного чувства к женщине. Я не был теленком до того, как Врадуир заколдовал меня, я знаю многих женщин. Но Илисса... моя душа привязалась к ее душе, как будто она взяла душу моей бедной Далаен. Я думаю, что никогда больше мне не испытать подобного чувства! Мы спасем ее! Я не пожалею для этого собственной жизни!

Джателла направлялась к ним и услышала его последние слова.

— Твои чувства совпадают с моими, Эрейзан.

Ее лицо было искажено болью, по нему катились слезы, волосы растрепались во время скачки по Ледяному Лесу. С дрожью в голосе она воскликнула:

— Но какова же плата...

Внезапно она покачнулась и упала бы, если бы Тирус не поддержал ее. Джателла беспомощно повисла на нем, и Тирус крепче обнял ее, положив голову на свое плечо. Он действовал инстинктивно, без всякого отношения к своей привязанности к ней. Но когда он почувствовал ее тело, прижавшееся к нему, в нем всколыхнулись новые для него чувства, очень приятные и волнующие его.

Над склоненной головой Джателлы Тирус заметил горящий ревностью взгляд Обажа. Джателла не была его невестой и он не мог заявить свои права на нее. Но было очевидно, что он лютой ненавистью ненавидит любого, кто смог завоевать ее внимание и милость. Особенно его выводило из себя то, что это был Тирус и что Джателла склонила голову ему на плечо, совершенно не думая ни о его положении, ни о происхождении. Тирус ответил на гнев Обажа холодной улыбкой свысока, совершенно очевидно наслаждаясь возникшей ситуацией.

Эрейзан принес бурдюк с водой и удерживал дрожащие руки Джателлы, пока она жадно пила воду. Постепенно краска вернулась на ее лицо и она поблагодарила Эрейзана слабой улыбкой. Затем Джателла смущенно сказала:

— Я... я не хотела изобразить изнеженную барышню.

Тирус понял, что она хочет показать свою стойкость и отпустил ее. Когда она освободилась из его объятий, он почувствовал себя обкраденным. Джателла сказала:

— Я не позволю больше слабости овладеть мной.

— В этом нет ничего постыдного. Для всех нас это было тяжелое испытание, королева.

Разбойники оправились быстрее, чем остальные, по одной причине — из алчности. Они столпились вокруг открытого тюка, споря и ругаясь. Одна из лошадей дезертиров, потеряв седока, ускользнула от Раскалывателей и выбралась из леса со всеми остальными животными. В этом тюке тоже были деньги и драгоценности — доля погибшего разбойника из денег, полученных от королевы. Его наследники сейчас спорили вокруг сокровища. Тирус с отвращением покачал головой и отвернулся от безобразной сцены. Джателла сказала ему:

— Дорче происходил из одного из славнейших родов Куреда. И он погиб такой ужасной смертью.

— Вам не стоит ругать себя,— быстро сказал Тирус.— Мы все рисковали, королева. И вы столько же, сколько и остальные. Боги выбирают — кому умереть, а кому — жить. Вашу печаль он унесет с собой к воротам Кета, как украшение.

— Когда мы вернемся в Куред, я принесу в его честь жертвоприношения.

— Честь и память тем, кто умер за доброе дело.

— Разве за доброе? — резко спросил Обаж.— Дорче умер за твое дело, колдун, а не в честной борьбе со своими врагами. Он был замучен грязными дикарями.

Джателла с жаром возразила:

— Тирус не уговаривал вас идти с ним. Вы пошли по собственной воле, во всяком случае, вы так сказали. Если вы уже потеряли свое мужество, то возвращайтесь. Мы освободим вашу возлюбленную для вас.

— Нет, конечно, нет, королева. Я не имел в виду... Я всегда предан вам и пойду до края земли ради спасения Илиссы. Клянусь! — Затем Обаж оставил свой высокопарный тон и вытянул руку в обвинительном жесте, указывая на Тируса.— Но вы были обмануты этим человеком, королева. Он сказал, что он колдун и что он защитит нас своей магией. Но я не видел никакой магии и Дорче погиб, потому что он предал нас.

Все собрались вокруг них. Сэр Микит и другие придворные и телохранители, казалось, склонялись к точке зрения Обажа. Бандиты кончили дележ денег и драгоценностей и Роф сказал:

— Поосторожнее, сэр Обаж. Он колдун, уверяю вас.

— Заткнись! Мне не нужны твои советы. Слово бандита и убийцы! Ха! Что может быть ценнее этого? Вы видите, королева? — продолжал Обаж раздраженно.— Те, кто уверяет, что они колдуны, сами не лучше. Только мы боролись и погибали в этом Ледяном Лесу, а его магия ничем не помогла нам. Он лжец.

Долго сдерживаемый темперамент Тируса взорвался. Он вытянул вперед руки, пальцы широко разведены.

— Да? Ты не видел магии? Я лгу? Тогда я прошу тебя, скажи, как может лжеколдун сделать тебя немым?

Глаза Обажа вылезли из орбит, рот был широко раскрыт, язык бесполезно болтался во рту, но ни один звук он не мог извлечь из себя. Он только пыхтел и вскоре затих. Сжав горло руками, Обаж растерянно оглядывался, обезумев оттого, что совершенно лишился речи.

Едва заметная улыбка скользнула по лицу Микита. Солдаты были менее воспитаны, но они тоже постарались

скрыть свою веселость. Бандиты же ржали во все горло, хлопали руками по ляжкам и валились на землю от хохота, глядя на обескураженного сэра Обажа.

— Я же говорил вам, чтобы вы не выводили его из себя, сэр,— мстительно сказал Роф.— В следующий раз слушайте разумные советы, даже если они исходят из уст разбойника. Я ведь знаю многое из того, о чем вы и не подозреваете.

Тирус стиснул пальцы и вернул энергию обратно. Обаж шумно вздохнул и затем нерешительно облизал губы и ощупал пальцами рот. Он вел себя так, как будто считал, что это кратковременное колдовство полностью изменило его облик. Увидев это, сэр Микит презрительно поморщился, ему была не по душе такая мелкая суетливость, граничащая с малодушием. Обаж, обнаружив, что его внешность не пострадала, густо покраснел, что вызвало новые взрывы хохота и издевательства со стороны бандитов.

— Если вы все еще сомневаетесь во мне,— ледяным голосом сказал Тирус,— можете прогуляться по лесу без меня. Я уверен, что вашего меча будет достаточно, чтобы защититься и от Раскалывателей Черепов, и от заколдованных деревьев. Разве вы нуждаетесь в лжеколдуне?

Постепенно смех затих и все глаза смотрели на Тируса с благоговейным трепетом. Обаж проглотил весь свой гнев и затих, осторожный и перепуганный. Тирус вздохнул с сожалением. Такая незначительная демонстрация силы и могущества и как они растеряны и покорены! Это самая простейшая вещь, короткое заклинание, которое колдуны используют в самом начале обучения. Если даже это их устрашает, что же они собираются делать, когда встретятся с более могущественной магией, когда будут иметь перед собой самого Врадуира.

Джателла испугалась гораздо меньше, чем все. С усмешкой глядя на Обажа, она сказала:

— Уверяю тебя, Тирус, я ни секунды не сомневалась в твоём искусстве и твоей защите. Ты мне разрешишь оставить при себе мой язык?

Оценив ее добрый юмор, Тирус с галантностью поклонился и ответил:

— Я всегда уважаю тех, кто уважает меня, королева.

Джателла усмехнулась, но ее веселье было недолгим. Она повернулась к остальным и сказала:

— Я призываю вас покончить со всеми распрями. Если вам не по душе подчиняться приказам колдуна, как моим приказам, можете оставаться или идти обратно в Куред. Те, кто пойдет с нами, должен подчиняться нам обоим.

Наш враг — могущественный колдун, и только Тирус знает, как успешно противостоять ему. Но ни я, ни вы этого не знаем. Если он что-то требует, мы должны повиноваться. Понятно?

Она была потрясающая женщина: плащ растерзан, одежда забрызгана кровью Раскалывателей Черепов, распущенные волосы выются по ветру. Снега и льды Омаятла и молнии Велака преклонялись перед ней, сами боги подтверждали ее королевские права.

Телохранители подтвердили свои неизменные намерения следовать за королевой куда угодно и выполнять все ее требования. Обажу и Микиту не оставалось ничего другого, как присоединиться к ним, но если раньше их решение сопровождалось многочисленными клятвами, то теперь они говорили просто и не очень решительно — ведь большая часть их мужества осталась в Ледяном Лесу.

Разбойники оставались в нерешительности. Через Ледяной Лес их погнали алчность и зуботычины Рофа. Теперь же они не рисковали возвращаться назад без магии Тируса, защищавшей их. В конце концов жадность победила. Роф сказал без колебаний:

— Мы пойдем с вами, королева. Если мы останемся здесь, то будем жертвой злого колдуна. Колдун возьмет нас под свою защиту. Мы просим этого. Но мы идем с вами вовсе не из теплых чувств к трону, а только из-за денег.

— Я рада вашему решению и приветствую вас и ваше оружие,— со всей искренностью сказала королева.— Когда моя сестра будет свободна, я награжу вас так, как вы даже и мечтать не можете,— укрепила она их намерения и верность.

Обаж попытался вернуть свои позиции, утраченные в борьбе с Тирусом. Он поднял меч к небу и патетически воскликнул:

— Я пойду на север, во владения Бога Смерти, и клянусь, что убью любого, кто станет на моем пути, будь то человек, демон или колдун.

— Или бог,— добавил Тирус, глядя на занесенные снегом вершины гор.— Прежде, чем мы доберемся до цели, мы можем встретиться с любым из них.

После непродолжительного совета все сошлись на том, что им следует продвигаться как можно дальше на север, пока еще лошади идут и достаточно светло. Две лошади уже пали и пришлось их убить, чтобы избавить от страданий. Времени лечить их не было. Все путешественники дружно отругали бандитов, перегрузивших своих лошадей чрезмерной кладью. После долгих споров и ругани, ничего

не добившись от бандитов, отказавшихся выбросить даже рваную тряпку, они медленно двинулись против ветра, они поехали в самое сердце снежных гор.

Определить время суток не было никаких возможностей. Тяжелые облака висели над ними, закрывая небо от Ледяного Леса до северного горизонта. Солнечный свет сюда не пробивался, все было погружено в серую мглу, сгущающуюся на покрытых снегом горных вершинах. Они с трудом прокладывали путь по непроходимой ледяной пустыне. То из-за одной вершины, то из-за другой слышались странные крики. Ни одно из знакомых им животных не могло производить таких звуков.

Для того, чтобы оградить себя от фланговой атаки, они пустили выючных лошадей справа и слева от каравана. Люди сидели на своих лошадях, одев на себя все, что могли найти в тюках, и были готовы пожертвовать своими выючными животными, если случится внезапное нападение.

Дорога, если ее можно так назвать, была очень скользкой, но достаточно пологой и вела их между ледяными вершинами. Тирус взял на себя роль проводника. Он уже видел этот путь с помощью волшебного стекла, и теперь у него была реальная возможность, а не мысленная, достичь своего смертельного врага. Давление сильно увеличилось. Это он почувствовал с тех пор, как они вышли из Ледяного Леса. Врадуир. Его магические силы разыскивали другого колдуна, который проник в его владения. Экран Тируса вводил его в заблуждение, отводя его магию в сторону снова и снова. Но эманация оставалась на одном месте. Спесь Врадуйра тоже помогала Тирусу, так как тот даже не мог себе представить, что есть какой-то другой колдун, способный своей магией водить его за нос. И он к тому же не знал, что Тирус и Эрейзан выжили после разрушения Камата. Магия Врадуйра была маяком для Тируса. Она вела его через снег и востер в самое сердце государства Бога Смерти.

Всадники уже спешили и вели лошадей за собой. Снег скрипел под сапогами и копытами. Открытые части тела горели, их терзало ледяным ветром, смешанным со снегом и кристаллами льда.

По обеим сторонам плетущегося каравана лежала замороженная страна. То тут, то там из снега торчали причудливой формы каменные глыбы. Они напоминали жутких зверей, чьи безжизненные глаза сверкали ледяными кристаллами, а мех был снежнобелым. Иногда ветер сдувал снег с какой-нибудь стороны такого зверя, создавая

впечатление движения. Люди хватались за оружие и только по прошествии времени они понимали, что перед ними просто камень. Постоянное напряжение, дикий холод, трудный путь совершенно лишили их сил. Перчатки разорвались, пальцы покрылись кровью от непрерывных поисков надежного зацепления за камни, покрытые льдом. Бороды, усы и брови — все покрылось коркой льда от пара, моментально замерзавшего, как только он выходил изо рта. Волосы Джателлы, выбившиеся из-под капюшона, постигла та же участь. Лошади скользили и падали, их жалобные крики долго носились между беспощадными ледяными утесами, молчаливо взиравшими на этих сумасшедших людишек, идущих навстречу своей смерти.

Тирус пытался не обращать внимания на холод и телесные страдания. Он все время держал защитный экран и делал его плотней и плотней по мере того, как они приближались к цитадели. Еще два хребта и...

Внезапно занавес завывающего снега раскрылся перед ними и они увидели на пути какого-то жуткого зверя. Его многочисленные клыки сверкали, бесчисленные глаза горели красным пламенем. Это было чудовище из кошмарного сна. Поспешно Тирус усилил свой защитный экран.

Джателла стояла рядом с ним. Меч в ее руке дрожал. Лейтенант и его люди встали по обеим сторонам колдуна и королевы. Их пики были нацелены в голову и грудь этого монстра. Те, кто шли сзади, не поняли причины остановившись, они начали ругаться и задавать недоуменные вопросы.

— Ждите,— приказал Тирус телохранителям. Помня урок Обажа, они стояли, держа пики наготове, но никаких действий не предпринимали. Тирус исследовал это огромное чудовище, скалящее свои многочисленные зубы, грозно рычащее, и, наконец, шлепнул его колпаком по носу.

— Он нас больше не видит,— сказал Тирус королеве и всем остальным.

Он вызвал много энергии из своих резервов, чтобы создать крепкий барьер против зверей, и дрожь и боль в животе сказали ему, что он не сможет долго держать это напряжение. Но прежде, чем он изнемог, страшилище потеряло к ним всякий интерес и, рывкнув напоследок, удалилось прочь. Вскоре зверь исчез в снежном тумане.

Люди вздохнули с облегчением и солдаты опустили пики, глядя друг на друга.

— Что... что это было? Куда оно ушло?

— А вдруг оно вернется?

— Кто же это был, снежная змея?

— ... никогда не видел ничего подобного...

— Мы видели,— поправила королева разбойника, который это сказал.— Зверь чуть поменьше этого был в лугах Дрита. Он напал на нас, когда воины-скелеты похитили Илиссу.

Ее слова прошли мимо Тируса, так как он был занят восстановлением колпака. Он стиснул зубы, чтобы унять раздражающий стук своих зубов. Осторожно он углубился в таинственный мир, чтобы взять дополнительную энергию для своего колдовства. Когда-нибудь наступит момент, когда он исчерпает все свои запасы. Но он должен оставить самые могущественные силы для решающего столкновения с Врадуиром!

— Возможно... возможно такие звери могут еще появиться,— предупредил всех Тирус. Он так сильно дрожал от холода, что голос его дребезжал. Впрочем, голоса у всех дребезжали, холод донимал всех.— Старайтесь... старайтесь держаться вместе. Если вы будете выходить из-под колпака, это уменьшит защиту всех остальных. И... и я не смогу помочь тем, кто будет вне экрана.

— Ты не протянешь шнур, чтобы нам знать, где находится? — спросил Роф.

Тирус изо всех сил старался унять дрожь, одолевавшую его.

— Боюсь... боюсь, что нет. Все, что... что я могу, это держать экран. Держитесь вместе... держитесь поближе друг к другу,— слабо посоветовал он.— Создания Бога Смерти не иллюзии. Настоящие...

— Мы можем убивать их, если придется? — спросила Джателла.

Расстроенный тем, что не может правдиво ответить ей, Тирус прошептал:

— Не знаю, надеюсь, что да.

Они снова двинулись вверх по склону, скатываясь вниз и снова упрямо стремясь вверх. Все их предосторожности оказались тщетными: было слишком скользко, чтобы они могли удержаться на ногах. Лошади и люди падали и беспомощно скользили вниз, откуда только что с таким трудом поднялись. Лошади сбивали друг друга и вся куча катилась вниз. Люди старались выбраться из клубка, ругаясь, найти хоть какую-нибудь опору. Все четыре лошади и люди барахтались внутри волшебного колпака, разрывая его, вываливаясь наружу.

Этот неожиданный удар чуть не выбил Тируса из седла. Он повис на шее лошади, почти без сознания. Лошадь брыкалась, пытаясь полностью освободиться от него. Джа-

телла и Эрейзан подхватили поводья и поддержали Тируса, не давая ему свалиться на землю.

Как только колпак разорвался, весь мир, полный ярости, льда, снега, шторма обрушился на них. Хрупкий экран не смог предотвратить это бешеное вторжение враждебных сил и вторжение произошло.

Из-за камней, которые выглядели как чудовищные звери, появились настоящие звери: двухголовые гольхи и драконоподобное существо. Они выскочили из-за скал на открытое место и обрушились на упавших лошадей и людей.

Возможности, чтобы проконсультироваться с Тирусом, не было и люди отчаянно оборонялись сталью, бронзой и дубинками. Они били как мясники, рубили мечами как топорами, убивая эти чудовища, кровь которых смешивалась с кровью двух убитых лошадей и кровью тяжело раненого солдата. Когда все было кончено, солдаты потащили своего раненого товарища к Тиусу и Джателле, и в это время появилось новое чудовище.

Это был тот же многоглазый зверь, что угрожал им раньше, только меньшего размера. Застав их врасплох, зверь успел задрать еще одну лошадь, прежде, чем сэр Микит и бандиты убили его. Уже мертвый, он лежал и судорожно перебирал сильными ногами с когтями, способными одним прикосновением разорвать человека. Люди отошли подальше, собрали растерзанные тюки и поспешили соединиться с остальной группой.

Эрейзан и Джателла с трудом вновь посадили Тируса на лошадь. Слезы текли из его глаз от непереносимой боли. Он прикусил губу, чтобы сдержать стоны. Он поднял руки, снова создавая экран вокруг них. Снег начал задерживаться невидимым колпаком, он только без помех падал и погребал под собой чудовище с огромными клыками.

— Теперь, по крайней мере, мы знаем, что их можно убивать, — сказал Роф, вытирая кровь с лезвия своего меча.

— И мы тоже можем погибнуть от их клыков и когтей, — со злостью сказал лейтенант Утей.

Он со своими солдатами сажал раненого товарища на одну из оставшихся лошадей. Солдат был слишком слаб, чтобы держаться в седле и сержант шел сзади, держа его, чтобы тот не упал.

— Тирус? — Джателла склонилась к нему, тревожно глядя в страдающие глаза.

— Долина... за хребтом. Меньше ветра...

Никого не нужно было подгонять. Кровь отмечала их путь через хребет. Спуск был таким же трудным, как и подъем. Было так же скользко, но чудовища не нападали

на них. На месте битвы, оставшемся позади за хребтом, они слышали рев — это неизвестные животные пожирали трупы лошадей и своих сородичей, оставшихся на месте трагедии. Эти звуки подгоняли путников, заставляя их идти вперед через холод и снег.

Серое небо стало темнеть, впереди появилась зловещая черная завеса. И сразу же они были поражены новым явлением в стране Бога Смерти. Сильный снег, падающий крупными хлопьями, стал светиться. Голубой свет вспыхнул вокруг них, только частично задерживаемый колпаком. Часть снега проходила через волшебный экран и холодные голубые хлопья падали на их одежду и на лошадей, вспыхивая как бесчисленные маленькие звездочки.

Как и предсказал Тирус, между хребтами была долина. Она позволяла немного отдохнуть от свирепого ветра. Все они настолько устали, что не могли дальше сделать ни шага. Люди и животные попадали на снег, они были так измучены, что даже не могли дрожать.

Раненый солдат умер при спуске. Товарищи печально завернули его в плащ, вырубили во льду могилу и опустили его туда. Затем они завалили могилу камнями, чтобы звери не могли добраться до трупа.

Перед ними встала новая задача — уберечься от холода. Они остались без топлива: вьючная лошадь, которая везла его, была убита при нападении зверей. Путешественники еще имели пищу для себя и животных, но они хорошо понимали, что без огня они быстро погибнут в этом суровом климате: отнимутся конечности и кровь превратится в лед. В отчаянии они заговорили о том, что надо сжечь лишнюю одежду. Но это, конечно же, только продлит их путь к смерти.

Тирус пообещал сделать им огонь. Он присел на корточки, сложив свои руки вместе. Погрузившись в себя, он сосредоточено искал, а затем обнаружил все, что ему было надо, он потребовал, чтобы ему подносили камни. Эти камни мгновенно превращались в дерево. Это было странное дерево: оно загоралось само, производя какое-то чудное тепло, без дыма. Огонь пульсировал и волновался, как магический огонь. Его волшебная природа помогла Тирусу сделать защитный экран еще крепче, надежнее. Этот огонь не давал ни искр, ни дыма, которые бы постоянно разрушали целостность колпака.

Люди поели подогретого хлеба и сушеного мяса — это все, что еще оставалось у них. Лошади съели свои обычные порции и были привязаны покрепче, чтобы они не вырвались за пределы колпака. Воды не было, но куреды пре-

дупредили Тируса и Эрейзана не есть снег. Для того, чтобы получить воду, они наполнили бурдюки хлопьями снега и растопили его у костра. Снаружи колпака продолжалось бесконечное завывание. Люди не видели этих подданных Бога Смерти, но эти звуки были такими же жуткими, как и все здесь, в этой проклятой стране. Взволнованные люди спали плохо, все время подскакивая при новых душераздирающих криках, раздающихся во мраке. Ярость людей почти довела их до безумия. Джателла сидела, крепко закрыв глаза, стараясь не обращать внимания на вой и рев.

Внутри колпака было тепло, там царил жизнь. Но никакая магия не могла избавить их от этих жутких криков в ночи, которые издавались союзниками самого Бога Смерти, неподвластному никакому колдовству.

Эрейзан опустил рядом с Тирусом и прошептал:

— Врадуй будет смеяться над нами, если увидит в таком положении. Мы же не сможем уснуть, пока продолжается этот концерт. А тебе нужно сохранять свои силы и беречь магию.

— Мне кажется, я смогу набросить на них покрывало,— рассеянно сказал Тирус, удрученный столь многочисленными требованиями от его магии.

— Зачем? Этого не требуется.— Эрейзан напряг свои мышцы и Тирус понял, что Эрейзан хочет делать.— Я хочу сразиться с ними и Врадуй не поймет, что это пришелец. Он подумает, что это просто другой зверь.

— Ты не должен... — протестовал Тирус.

— Разве они настоящие звери? — спросил Эрейзан. Он уже решил и не принимал никаких возражений.— Ты лучше следи за кознями Врадуйра, а я займусь этими.

— Нет! — воскликнул Тирус.— Ты даже не знаешь, сколько их.

Эрейзан проказливо улыбнулся.

— Ты меня недооцениваешь. Их четверо. — Он посмотрел на мрак за колпаком, почесывая свою, покрытую льдом, рыжую бороду. Затем он сбросил плащ. Эрейзан искоса смотрел на Джателлу и говорил:

— Мне достаточно убить только двоих и остальные сожрут их и будут довольны своим ужином. Ты... ты сделай так, чтобы королева... не...

Тирус кивнул, но все еще пытался отговорить Эрейзана от его затеи.

— Чересчур холодно. Не нужно тебе делать этого.

— Открой колпак для меня,— не обращая внимания на последнее предупреждение Тируса, Эрейзан выскользнул во мрак

Подняв брошенный плащ, Тирус крепко сжал его. Тепло тела Эрейзана и запах его пота, пропитавшего шерсть, помогали колдовству Тируса. Он почувствовал, как Эрейзан легко прижался к экрану. С легким вздохом Тирус сделал щель, через которую акробат легко выскользнул.

Его мысль пошла вместе с Эрейзаном, сопровождая его. Тирус не стал глубоко проникать в мозг Эрейзана, но тем не менее он оставался с ним, как это было тогда, когда они сидели в одной камере в тюрьме на острове. Его собственное тело напряглось, когда Эрейзан принял облик зверя. У акробата не было ножа и меча, но он был вооружен страшными клыками и когтями, одежду ему заменял густой мех. Он был тигром-человеком, опасным зверем-убийцей с человеческим разумом.

Странные ощущения владели Тирусом. Он был Эрейзаном, несущимся на четырех ногах, теперь замедлившим бег, крадущимся. Он видел все очень хорошо и в этом ему помогал странный светящийся снег. Перед ним было клыкастое отвратительное существо. Оно повернулось, чтобы броситься.

Слишком поздно! Тирус, вместе с Эрейзаном прыгнул! Клыки и когти вонзились в чужую шкуру. Кости трещали под его зубами, и он почувствовал вкус...

Тирус поспешно вернулся назад в себя, прижав ладони ко рту, чтобы унять приступ тошноты. В снежном мраке один источник воя затих, испустив предсмертный крик агонии. На мгновение замолчали и все остальные. Затем, почуввав запах крови, звери завывали еще громче.

Обняв себя руками, Тирус сидел у костра и дожидался нового столкновения зверей. Оно произошло без промедления. На этот раз вой остальных зверей не возобновился, вместо этого послышались жуткие чавкающие звуки, хруст костей, как будто один хищник пожирал другого.

Охваченный страхом, Тирус снова вошел в свой мозг и с облегчением соприкоснулся с Эрейзаном. Акробат был жив и уже снова превратился в человека после того, как выполнил свою жестокую миссию.

Едва передвигая ослабевшие ноги, Тирус двинулся прочь от волшебного огня. Отойдя во мрак, он наткнулся на разбросанную одежду Эрейзана. Он стал ждать возвращения друга. Тирус покопался в мешке, который носил все время с собой, и достал кусочек корня для восстановления сил Эрейзана. Корень промерз насквозь, как и все здесь. Тирус достал кинжал и начал измельчать его, стараясь занять руки, чтобы отвлечь мысли от того, что произошло — кровавого убийства.

Даже при свете снега он едва заметил приближение Эрейзана. Но он ощутил снова мягкое прикосновение к колпаку и приоткрыл его, чтобы Эрейзан мог пройти внутрь и оказаться в безопасности. Тирус загораживал Эрейзана от света костра, пока тот одевал свою одежду. Акробат с усилием растирал лицо и руки снегом, пока они не отошли от мороза и не стали гореть. Он раздраженно оттолкнул протянутый ему корень и сказал, что превращение происходило по его собственной воле и никаких страданий ему не доставило, так что лекарство ему не требуется. Вместе они пошли к костру и Эрейзан тяжело опустился у огня.

Все остальные люди были настолько уставшими, что, казалось, не заметили их отсутствия. Довольные тем, что ужасные звуки в ночи прекратились, они погрузились в глубокий сон. Никто не выразил желания встать на посту, как часовой: они все полностью доверяли защитному экрану Тируса. Хотя Эрейзан и объявил, что он не нуждается в лекарстве, было ясно, что он очень утомлен прогулкой наружу, слабость быстро охватила его, и он уснул сразу, как только опустил голову на седло, служащее ему подушкой. Тирус накрыл своего друга плащом, который тот сбросил, и решил заняться магией. Его волновал вопрос — обнаружил ли их Врадуир?

Он провел рукой по груди и почувствовал завернутое в шелковую тряпочку стекло у своего сердца. Стекло пульсировало, его ритм совпадал с биением его собственного сердца. Ошибки в ощущении не было. Это было уже настоящее биение, а не та, еле различимая пульсация, которую он ощущал во время путешествия по южным островам и в самом Куреде. Все ближе и ближе и вот теперь уже совсем близко, так близко, что его сердце и сердце Врадуйра бились в унисон.

Тирус проследил колеблющуюся линию экрана над головой, его сияние заменяло беззвездное небо. Изображение Врадуйра было на нем, извлеченное из его мозга. Врадуйр — в своей цитадели, цитадели Бога Смерти. Цитадели, построенной на крови. Чьей? Крестьян? Крови капитана Дрие и его команды? Певца? Или... Илиссы?

Тирус очнулся от этих зловещих размышлений. Джателла сидела рядом с ним и испытывающе смотрела на него. Он откашлялся, постарался принять бодрый вид и изобразил смущенную улыбку. Джателла заговорила:

— Эрейзан очень много знает о твоём искусстве. Ты говорил, что вы долго были пленниками колдовства Врадуйра. Тогда Эрейзан и приобрел свои знания? — спросила она.

Тирус опять удивился ее способности быстро схватывать самую суть вещей.

Она распустила свои волосы и теперь они чудесными волнами выкатывались из-под капюшона и захлестывали грудь. Холод окрасил яркими красками ее щеки и губы. Тирус ласкал ее своим взглядом, усталость его сняло как рукой.

— Ты не можешь мне доверять? — вдруг спросила она. — Я верю тебе. Что бы случилось, если бы я не поверила твоему рассказу там, в лугах Дрита?

— Произошла бы резня, — угрюмо сказала Тирус. — Резня между твоими людьми и нами, а бандиты Рофа подождали бы конца и забрали бы все, что можно взять.

— И ты не применил бы свою магию, чтобы победить нас?

Он отвернулся прочь, ему не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Я никогда не применяю своего искусства, чтобы нанести вред непосвященным.

— Но я не пошла на это, потому, что я поверила тебе, — напомнила она. Затем, после некоторого колебания, она добавила: — Принц Тирус.

Он принял этот титул, так как и в самом деле был принцем, но все же поместил себя и Джателлу внутрь небольшого колпака, который скрывал их от чужих глаз и ушей. Они остались вдвоем в замороженной равнине, окруженные измученными спящими людьми.

— Врадуй — твой родственник, — предположила Джателла. В ее глазах, однако, было не предположение, а уверенность.

— Мой учитель, — сказал Тирус. Его слова с трудом выдвигались из него. Он так долго хранил их внутри себя, и до сих пор только Эрейзан разделял с ним тщательно скрываемую тайну. — Он научил меня магии и как использовать мои способности в ней. Я очень хотел походить на него и старался перенять от него все. И так было до тех пор, пока он не повернул на те пути, по которым колдун не может ходить. И все, что случилось дальше, мой остров, смерти, похищенные сокровища... это моя вина. Если бы он не чувствовал во мне соперника...

— Зло в его сердце — это его зло, — сказала нежно Джателла. — Он должен ответить перед богами за свои собственные прегрешения. Ты не позволял мне обвинять себя в похищении Илиссы или смерти Дорче. И я не позволяю тебе казнить себя за черную душу и святотатство твоего отца.

Тирус с трудом проглотил комок в горле и сжал кулаки.

— Только я могу остановить его. Только я имею могущество, достаточное для того, чтобы победить. И если я проиграю...

— Ты не проиграешь. У тебя сильные друзья,— сказала она, смеясь.— Мы идем с тобой и поможем тебе победить его. Ты не должен брать на себя всю тяжесть. Позволь своим друзьям разделить ее с тобой.— Джателла помолчала, глядя на нашего акробата. Затем она осторожно спросила: — Зачем Эрейзан уходил куда-то?

Прижатый к стене прямым вопросом, Тирус со вздохом сказал:

— Я не могу вам сказать этого. Он сам сможет, если пожелает.

— Я думаю, что уже знаю. Я надеюсь также, что он тоже будет мне доверять. Почему он это скрывает? Роф дразнит его и я не дура, мне все понятно. Если Роф знает тайну Эрейзана, то почему я не могу? Чем я хуже этого бандита?

Тирус был как в дурмане. Затем он прочел теплое чувство на ее лице.

— Не хуже. Лучше. Много лучше. Это потому, что он очень уважает вас и обожает вашу сестру. Он стыдится этого и поэтому скрывает от вас.

— На нем лежит заклятье Врадуира,— сказала Джателла, кивнув.— Я подозревала это. Но он неправильно думает обо мне и об Илиссе. Ни она, ни я не можем его презирать за то, что он стал жертвой Врадуира. Мы сестры из рода Фер-Со. В нашей крови нет грубости, черствости и жестокости. Джателла с нежностью посмотрела на спящего Эрейзана. — А это... это, от чего он так страдает, не может быть устранено твоей магией?

Тирус покачал головой.

Нет. Я пытался сделать это много раз, когда мы были в заточении и потом тоже. Врадуир взял могущество от дьявола для этого и я не в состоянии снять заклинание. Это рана, которая никогда не будет залечена. Эрейзан живет для того, чтобы отомстить за себя и освободить Илису. С того дня, как он впервые встретил ее, его жизнь подчинена этой цели. Он все еще жаждет мести, но теперь на первое место вышло освобождение Илиссы. Вы же можете не сомневаться в его верности и мужестве, Джателла. Он пойдет вперед, что бы ему ни угрожало.

— Я это все время чувствую,— ответила Джателла.— Это очень странно. Он встречался с ней всего три раза, но влюбился в нее с первого взгляда и даже рисковал своей жизнью, когда бросился ее спасать, прыгнув на шею лоша-

ди воина-скелета. Он совсем забыл о том, что может погибнуть сам и не отомстить своему врагу.

— Он готов отдать жизнь за Илиссу,— сказал Тирус, надеясь, что не предает его дружбу. Затем он вдруг ощутил, что эти слова относятся и к его состоянию. Он не мог сопротивляться Джателле, ее красоте, уму и воле. Они были одно целое.

Джателла наклонилась к нему, отвечая. Ее голос вывел Тируса из Ледяного Леса. Теперь ее прикосновение было огнем, огнем, который не обжигал, а бежал по жилам, волшебная сеть, в которой они оба находились. Ее губы были совсем рядом и Тирус поддался жару огня, бежавшего по жилам, воспламенявшего его душу, он обнял ее. Это случилось помимо их воли, и тем не менее это случилось. Сразу же они отпрянули друг от друга, испугавшись силы своей страсти.

Тирус понял, что колпак очень сильно ослаб, когда он позволил себе поддаться человеческим желаниям. Поспешно он восстановил экран и проверил, нет ли признаков нападения Врадуира. Когда он обнаружил, что они в безопасности и что Врадуир еще не подозревает, кто они такие, он с облегчением вздохнул.

Джателла была очень смущена.

— Я прошу прощения. Я... я вовсе не хотела подвергать всех опасности.

— Ничего страшного не произошло.

Тирус опять потянулся к ней, желая поцеловать еще раз. Но она держала свои чувства в узде, не давая им овладеть собой снова.

— Мы не должны... Будем благоразумными,— сказала Джателла.

Голос Тируса был хриплым.

— Да. Если бы против нас была магия послабее, я мог бы разделить разум и сердце. Против Врадуира это невозможно, связано с большим риском.

Джателла кивнула и прикусила губу.

— Я понимаю. Не сейчас. Мы не должны поддаваться слабости... умиротворяться. Пока наш враг не побежден и Илисса не освобождена.

Когда она говорила, Эрейзан заворочался во сне и пробормотал имя Илиссы. В этом слове, произнесенном в глубоком сне, было очень много чувства, чувства, которое Тирус и Джателла знали очень хорошо. Плащ соскользнул с Эрейзана, когда он ворочался и Джателла пошла к нему, чтобы снова накрыть его. Тирус снял свой маленький колпак, скрывающий их с Джателлой, и снова оказался вместе

с остальными. Джателла встала на колени перед Эрейзаном и надежно укрыла его плащом, проявив нежность к влюбленному в ее сестру акробату, которую она не могла проявить к сестре.

Она оглянулась на Тируса и ее взгляд сказал ему все, что было у нее на сердце и в голове. Понятая Тирусом, она легла у костра рядом с Эрейзаном, укрылась своим меховым плащом и вскоре уснула, охраняемая Тирусом и его магией.

Тирус еле оторвал глаза от спящей Джателлы. Он не должен себе позволять даже самых мельчайших человеческих удовольствий. Он смотрел в небо, но не видел черных облаков. Он ходил по тонкой паутине, отыскивая резервы своего могущества, которых он еще не черпал. Теперь он уже дошел до своих пределов. Завтра должно решиться все — его жизнь и жизни тех, кого он любил.

Джателла... нет! Никаких чувств! Никакой слабости! Она и Эрейзан — это его конечности в этой борьбе. Тирус должен оставаться мозгом, он должен забыть обо всем, кроме своего искусства. Он знает свой долг. Все могут спать. Он не имеет права. Тирус снова стал колдуном, собранным, спокойным.

Завтра, после долгих поисков и скитаний, он вновь встретится с Вradуиром. И он встретится с новым союзником Вradуира — богом, которого смертные боятся больше всего. Завтра Тирус из Камата, принц-колдун, должен победить. Выбора нет. Вradуир вознесся очень высоко, погубил очень многих и он должен умереть, в противном случае должен умереть Тирус.

Глава 13

РАЗБИТОЕ СТЕКЛО

Несмотря на все клятвы, данные ими по выходе из Ледяного Леса, утром люди были объаты ленью. Никто не хотел покидать тепло волшебного костра. Растаявший снег образовал лужи вокруг мест, где они спали, превратив пространство под колпаком в топкое болото. И все же люди поднимались из болота медленно, кряхтя и растирая спины. Джателла ругала их за лень и делала больше всех, седлая лошадей и собирая вещи в тюки. Иногда она посылала Тирусу улыбку, говорящую о том, что их связывает общая тайна, которой они поделились вчера ночью друг с другом.

Наконец, разбойники и солдаты заметили два обглоданных скелета зверей Бога Смерти. Они были очень удивлены тем, что кто-то смог убить их. Тирус и Джателла безразлично пожали плечами, а Эрейзан вообще отказался даже смотреть на их замороженные останки. Зловония никакого не было, так как все то, что оставили хищники не съеденным, превратилось в лед. И все же путешественники поторопились отправиться в путь и оставить между собой и местом, где разыгралась ночная трагедия, как можно больше пространства.

Затем, к их изумлению, Тирус повел их прямо по направлению к груде замороженных камней, где ждало их другое, живое создание. Раздались нерешительные протесты, но они были слишком слабы, чтобы открыто выступить против колдуна. Медленно они приближались к ужасному зверю, похожему на дракона. Когда они подошли совсем близко, Тирус сделал какой-то жест и загадочно улыбнулся. Тотчас же дракон начал таять — нет, не таять, а дрожать и превращаться в пар. Когда воздух стал снова прозрачным, они увидели, что ужасное существо, только что стоявшее перед ними, было не что иное, как иллюзия, сотворенная из камней.

— Я... я думал, что это опять какое-то чудовище,— сказал пораженный сэр Микит.

— Нет, это был часовой, поставленный на посту нашим врагом,— объяснил Тирус.— Ночью я спрятал нас от него, а сейчас уничтожил магию Врадуира. Оно ему ничего не сообшит. И нам тоже не сможет угрожать больше.

Послышались возгласы, восхваляющие могущество Тируса, а затем взрослые люди с азартом начали играть в снежки, как дети, используя только что растаявшее чудовище в качестве материалов для своих снарядов.

— Ха! Наш колдун сильнее твоего, четырехголовое чудовище,— кричали они.— Сиди здесь и мерзни под ветром!

Воодушевленные этой маленькой победой, они двинулись дальше, забыв все свои жалобы.

Несмотря на то, что по времени был день, вокруг была сплошная серость, спускавшаяся с неба, покрытого черными облаками. Воздух был еще холоднее, чем раньше. Температура намного понизилась с тех пор, как они проникли во владения Бога Смерти. Пока они двигались вдоль следующего хребта, их подстерегали в укрытиях за камнями различные чудовища. Но этот путь навверх был гораздо проще, чем предыдущие. Никто из людей не падал, да и лошади добрались до вершины без особых неприятностей.

Но хотя и менее опасный, но этот подъем был более утомительным. Тирус хотел поторопить их, но не стал, понимая их состояние. Он уничтожил других стражей, выставленных Врадуйром, спрятал отряд от ужасных творений Бога Смерти. Колдовство срабатывало легко, на это тратилась малая часть энергии, большая часть которой устремлялась за хребты, к злейшему врагу, который был теперь совсем рядом. Больше не было необходимости экономить силы, и он не экономил. Все было им собрано, все силы. Это должно было сработать, а если нет, то день следующий уже для него не наступит.

Помня потери предыдущего дня, путешественники были осторожны. На равнинах и в тех местах, где они предполагали появление чудовищ, они завязывали глаза лошадям и вели их под уздцы. Животные могли чувствовать опасность, но они ее не видели, поэтому их можно было вести, не опасаясь, что лошади вырвутся из-под колпака.

И только Тирус знал, что их ожидает другая, гораздо более жуткая, чем была раньше, опасность. Она не пряталась за камнями и не выжидала случая, чтобы напасть на лошадей или всадников неожиданно. Она всегда была здесь, рядом, хмурилась при исчезновении выставленных часовых и удивлялась, кто же эти путешественники, почему они прошли и не погибли.

Врадуйр снова и снова ощупывал колпак Тируса. Его удивление и гнев все время возрастали. Тирус же ехидно улыбался, отражая каждый удар магии Врадуйра своим колдовством. Враждебные прикосновения Врадуйра производились парой рук, выросших до гигантских размеров. Эти руки постоянно обшаривали внешнюю поверхность экрана, чувствуя внутри него жизнь, но были неспособны добраться до нее. Тирус почти забавлялся, наблюдая возрастающее недоумение Врадуйра. Но он не забывал об опасности. Он понимал, что внимание Врадуйра все больше и больше отвлекается от других вещей — наблюдение за армией и сделки с богами и злым колдовством — оно все больше и больше притягивается к Тирусу и к тем, кого он защищает.

— Однажды ты меня застал врасплох, очень давно, в Камате,— пробормотал Тирус.— Это больше не повторится. Никогда. У меня был блестящий учитель, и я многое постиг с тех пор, как ты обрек меня на смерть.

— О чем ты говоришь, колдун? — спросил Роф. Тон у него был дружеский и доверительный.

— О магии,— ответил Тирус.

Улыбка Тируса исчезла. С ним можно было бы поболтать, он был неплохим собеседником, умным, много знающим, но только до тех пор, пока речь не заходила о колдовстве. Любое упоминание об этом искусстве полностью его подавляло, гасило его энтузиазм и делало его очень осторожным.

Тирус спросил себя, а что бы подумал Роф, если бы узнал, что в игру вмешалась другая сила, гораздо более грозная, чем черная магия? Кроме сил Врадуира он теперь отчетливо ощущал что-то ужасное, что он впервые почувствовал, когда сошел на берег в Куредской гавани. Он и Эрейзан знали источник этого. Они видели в волшебном стекле Врадуира его ужасного союзника. Присутствие Нидила ощущалось везде: вечные облака, снег и лед, все серое, зловещее, угрожающее, не знающее пощады.

Когда они поднимались на последний перевал, на них обрушилась новая волна чудовищ и иллюзий. Возможно это был последний и самый опасный барьер. Тирус, однако, действовал с полной уверенностью в себе: он уничтожал творения Врадуира, а создания Бога Смерти держал под покрывалом. Помощь Эрейзана прошлой ночью помогла ему сохранить запас сил, и теперь он уже чувствовал, что приближается к тому пределу, дальше которого он не мог зайти. Этот предел должен был быть достигнут во время открытого столкновения, когда их охота будет закончена.

Тирус приложил свою энергию, чтобы успокоить стихию и облегчить им спуск. Он был особенно труден для лошадей. Отряд остановился в относительно закрытом от ветра месте, чтобы закрепить разболтавшиеся грузы. Трех лошадей пришлось прикончить, чтобы избавить от страданий. Разбойники, как обычно, чуть-чуть отдохнув, начинали жаловаться и хныкать. Роф переносил тяготы лучше своих людей, но он должен бы быть их рупором, если желал оставаться их лидером. Он покачал головой, глядя на убитых лошадей, так как теперь им приходилось ехать по двое. Он пробормотал:

— Я не уверен, что какая-нибудь награда сможет нас удовлетворить после таких мучений.

Джателла сверкнула в его сторону глазами.

— Ни слова больше! Я уже предупреждала, никаких разговоров о плате, пока Илисса не будет на свободе.

Раздраженный Роф нашел другую мишень, на которую он мог излить свою злость. Он обратился к Эрейзану:

— Ты не хочешь поесть мертвую лошадь? Правда, нет огня, чтобы ее сварить или изжарить, но ведь для тебя это не имеет особого значения.

Тирус помогал упаковывать груз, большая часть его мозга обдумывала возможность новой атаки Вradуира. Он расслышал слова Рофа, но не ответил ему тотчас же. И тут же он почувствовал ярость Эрейзана и повернулся вовремя, чтобы увидеть его прыжок через огромное пространство на Рофа. Роф был сбит и покотился по льду и снегу.

Нападение застало Рофа врасплох. Он и Эрейзан покатились в яростной схватке. Хотя Эрейзан и был охвачен гневом, но он управлял своим превращением. Поэтому он оставался человеком. Задыхаясь, Роф попытался достать нож. Эрейзан крепко держал его за горло. Они отчаянно били друг друга руками и ногами.

Тирус бросился в самую гущу схватки. Он оттащил Эрейзана от бандита, освободив его горло от железной хватки акробата. Люди Рофа были готовы вмешаться, но Тирус повелительным жестом остановил их, а затем и Роф присоединился к его предупреждению, опасаясь колдовства Тируса. Эрейзан все еще бился в руках Тируса, пытаясь броситься на обидчика, но Тирус оттащил его и прижал к скале.

— Остановись! Этим ты только помогаешь Вradуиру! — кричал он.

Эрейзан бился, стараясь вырваться.

— Он все время задевает меня, старается разозлить...

— Слова! Ветер! Вradуир наш враг! Забудь о Рофе! Он кидает тебе крючок, чтобы позабавиться, а ты хватаешь его, как глупая рыбешка.

Роф наклонился и искал в снегу свой нож, который он выронил. Тирус сказал ему зловещим тоном:

— Помни, вы — союзники.

Нарочито небрежно Роф достал свой нож и сунул его в ножны. Его улыбка была зловещей.

— Конечно, колдун. Делай свою магию. Я не принесу вреда никому. Этот парень просто очень горяч.

Люди собрались вокруг них, расспрашивая, что произошло. Тирус, как будто вокруг и не было никого, кроме Рофа, сказал, пристально глядя на него:

— Союзник, ты слышишь меня? Если мы выживем, то все. Ссоры только на руку врагу. Помни: тот, кто оскорбляет моего друга, будет моей жертвой.

Роф поспешно сказал:

— Никаких оскорблений. Я только...

Эрейзан опять рванулся из рук Тируса в ярости и Тирус прокричал:

— Мы знаем, что ты хотел сказать. Больше ни слова, если тебе дорога твоя шкура.

Джателла смотрела на все это молча, а когда случайно встречалась глазами с Тирусом, то в них вспыхивали теплота и понимание. Ссора уже начала затихать, когда Обаж спросил:

— В чем тут у вас дело?

Тирус обратился к Эрейзану, не обращая внимания на дворянина:

— Он придержит свой язык, а ты придержи свой гнев. Согласен?

Акробат неохотно кивнул. Тирус отпустил его и направил подальше от Рофа.

— Я спросил, что здесь произошло? — настаивал Обаж. — Если мы союзники, то я имею право знать.

Эрейзан вздрогнул, его кулаки сжались.

— Хочешь я покажу тебе, что здесь произошло?

Тирус вздохнул и встал между Эрейзаном и Обажем.

— Это личное дело, сэр Обаж. Какой бы ни была ссора между Рофом и Эрейзаном, она закончилась. Пусть они оступят оба. Нам пора двигаться.

Он махнул другу и его друг повиновался, как и все остальные, хотя и ворча про себя.

Когда взволнованных и испуганных лошадей приготовили для похода, Джателла подошла к Тирусу и спросила:

— Почему ты не остановил их своей магией?

— В этом не было необходимости. Обаж, может быть, и дурак, но это не причина воздействия на него моим искусством.

— Ты опять доказал, что не похож на него, — сказала Джателла и Тирус понял, что она сравнивает его с Врадуйром. — Я не думаю, что он бы думал о том, как сохранить тайну друга от окружающих или не старался сохранить жизнь друга.

— У Врадуйра нет друзей, — без выражения сказал Тирус. — Он предал друзей и родных за власть. Другими словами, он убил всю любовь, которую мог дать или получить.

— Ты дал ему однажды любовь, — сказала Джателла. — И твоя любовь была отвергнута. Но твоя собственная любовь полностью разбита?

Этот вопрос был очень неприятен для Тируса.

— Мы... нам нужно торопиться. День и ночь неразличимы здесь, во владениях Бога Смерти, но время идет и время играет на руку Врадуйру.

К их удивлению спуск за хребтом был довольно плоским. Впереди не было крутых утесов, которые им при-

шлось преодолевать до этого. Даже ветер и снег стихли и их заменил влажный туман. Туман был очень странный: испарения льда, собравшиеся тут и там в плотные скопления, от которых отражались звуки. Сам холод тоже изменился: он стал сухим и спокойным. Это все принесло ил некоторое облегчение, но этот спокойный холодный туман и неподвижный воздух беспокоили их больше, чем резкий порывистый ветер со снегом и льдом.

Туман не позволял им видеть далеко вперед и о скорости спуска они могли судить только по своему положению на седлах. Они чувствовали, что постепенно приближаются к равнине. Тирус взмахнул рукой, используя свою магию как нож, чтобы прорезать туман и во мраке полудня очистить дорогу от тумана. Все в изумлении остановились, глядя на невидимое лезвие колдуна, заставляющее отступать ледяную влажность. Туман клубился над ними, хотя ветра не было. Под этим призрачным покровом перед ними раскинулась огромная ледяная равнина, которая простиралась с востока на запад на сколько хватало взгляда.

— Гетания; защити нас! — воскликнула в изумлении Джателла. Ее слова прокатились многократным и усиленным эхом.

Все ледяное поле было покрыто костями и обломками различных вещей. Валялись старые корабли, повозки — все разломано на куски. Военные доспехи и колесницы лежали вперемешку с крестьянскими телегами. Пораженные путешественники смотрели в ужасе на эту ледяную арену конца человеческих надежд.

Невдалеке над грудами костей и обломков возвышалось огромное строение, доминировавшее над ледяной равниной. За ним больше не было ничего — только бесконечный лед и вечная чернота северного неба. Бастионы и башни были закрыты угрюмым туманом. Цитадель была огромна, больше, чем любые города, она была крепостью на краю света, она внушала благоговейный страх.

Навстречу путешественникам из тумана выплыли какие-то прозрачные создания. Некоторые из этих печальных существ были светлосерого цвета, у других вместо голов были оскаленные черепа, а кости завернуты в останки сгнившей одежды. Лошади хрипели и косили безумными глазами при приближении этих жутких созданий. Люди старались сдерживать их. Им приходилось преодолевать свой собственный страх при виде этой картины.

— Они... мертвые, — воскликнул Роф.

Морозный воздух ответил ему:

—... мертвые... мертвые... мертвые...

Главный из этих привидений сказал дрожащим голосом:

— Да, мы мертвы. Вы нас не можете увидеть среди живых, мы служим теперь другому хозяину.

Все эти прозрачные создания, бывшие некогда мужчинами и женщинами, зашевелились и начали брезгливо говорить:

— Мы были королями и проститутками, крестьянами и моряками, ворами и солдатами, священниками и пиратами. Теперь мы все принадлежим Нидилу, Тому, Кто Замораживает Дыхание.

Эрейзан стиснул руку Тируса и показал на группу привидений — людей, чья одежда еще сравнительно мало пострадала от губительного действия времени. Их плоть также еще не была тронута тлением. Ритуальные шрамы на лбах указывали на то, что они были моряками. Лица их были искажены смертью, но Тирус с Эрейзаном сразу узнали их.

— Капитан Дрие,— прошептал Эрейзан.— Мой... мой родственник.

Как долго они мечтали о мести этим предателям, которые сбежали из Камата и спасли Врадуира от уничтожения, которое он сам подготовил. Под командой Врадуира они грабили, похищали и убивали, как пираты. Их корабль был защищен колдовством Врадуира и они могли спокойно плавать по всей Кларики. Затем корабль был покинут ими у маленькой деревушки возле озера. Теперь же было ясно, что и капитан Дрие вместе со всей командой был покинут их хозяином.

Тирус и Эрейзан с жалостью смотрели на моряков, жажда мести постепенно таяла у них. Народ Камата умер ужасной смертью, но все они попали к воротам Кета, к богам Кларики. Капитан Дрие и его люди были здесь — привидения, мертвые, но не мертвые, им было суждено бродить по этой ледяной равнине с несчетным числом других трупов, которые были прокляты в своих странах.

— Мой народ,— вдруг сказала Джателла, указывая на нескольких крестьян среди толпы привидений.— Мой несчастный народ.

Очень встревоженный Тирус покачал головой и сказал:

— Предатели и проклятые находятся здесь за грехи в своей жизни. Эти крестьяне просто рабы. Даже после смерти они являются рабами Врадуира и не могут обрести покой.

Джателла застонала, стиснула в отчаянии руки. Она страдала, что не может помочь своему бедному народу. Не-

которые из привидений тянули с мольбой к путешественникам руки и уговаривали их:

— Живые люди, идите назад. Это владения Бога Смерти. Опасайтесь, пока можете, живые люди, идите назад!

— Они нас не видят,— предположил Тирус.— Колпак закрывает нас. Они только глаза и уши Врадуира. Они могут видеть и говорить только по его приказу

— Мои несчастные люди,— снова сказала Джателла. В голосе ее была теплота и нежность. Она пошла прямо к ним.

Тирус схватил ее за руку и вернул обратно в убежище, а привидения продолжали свои предупреждения. Имен они не называли. Диалект был тот, который они использовали при жизни, но слова были словами Врадуира. Это он использовал этих мертвых марионеток, чтобы напугать вторгшихся сюда людей. Это представление постепенно надоело Тирусу. Он попытался заткнуть им речь, чтобы не слышать эти крики. «Живой человек» — этот термин, который употребляли куредские крестьяне по отношению к людям из города.

— Я ваша королева,— с надеждой сказала Джателла. Реакции не было. Она в отчаянии опустила голову, поверив тому, что ей сказал Тирус:

— Они потеряны для вас, они его подданные.

— Живые люди, среди вас есть кто-нибудь, кто намеревается выступить против нашего хозяина?

Этот вопрос заставил призадуматься Тируса. Он ощущал попытки Врадуира проникнуть под колпак. Магия и слова — все это его нападение. Тот, кто спрашивал их, повернулся и указал рукой в туман, по направлению к цитадели.

— Не ходи дальше, колдун. Иди назад. Это цитадель Бога Смерти. Наш хозяин построил ее для бога. И раствор для нее замешан на нашей крови. Она еще не достроена. И никогда не будет достроена. Возвращайтесь назад, иначе твоя кровь и твоя магия будут укреплять каменные стены крепости.

Тирус повернулся к Джателле, солдатам и разбойникам, не обращая внимания на привидения.

— Доля правды во всем этом есть. Оставайтесь здесь. Я оставляю вас под защитным экраном. Мы с Эрейзаном пойдем в цитадель одни. Это нас Врадуир опасается.

— Нет.— Джателла уже оправилась от шока и встретила предложение Тируса с таким свирепым несогласием, которое одновременно и восхитило, и испугало его.— Илисса здесь, в этой цитадели, так что не пытайся оставить меня позади.

— И меня тоже,— сказал Обаж, удивив Тируса своей неожиданной искренностью. Тирус вспомнил безудержные похвалы этого дворянина, но сейчас, видимо, был один из редких моментов, когда в нем проявилось благородство души.

— Никто не отнимает у тебя права на твою месть, колдун. Но королева и я тоже должны мстить. Илесса ждет свою сестру и своего жениха и она не должна ждать напрасно. Мы пойдем к ней и выведем ее снова на свет. Это наше право. Таковы обычаи у куредцев и разиланцев, и у всех других пограничных родов.

Джателла одарила Обажа за эту речь признательной улыбкой.

— Мы сделали выбор. Мы принимаем риск. Позволь нам идти с тобой.

Тирус встретился с ней взглядом и выдерживал его несколько мгновений. Затем он признал свое поражение.

— Благодарю тебя,— сказала Джателла, а Обаж ахнул в изумлении, глядя на нее. Его благородные манеры, так поразившие Тируса минуту назад, уже исчезли. Он побледнел, когда королева объяснила: — Я знаю, что ты мог бы заставить нас остаться с помощью колдовства. Но ты очень учтив и вежлив.

— Иногда учтивость только вредит,— пробормотал Эрейзан, вызвав улыбку на лице Тируса.

— Терпение, мой друг, ты меня недооцениваешь,— сказал Тирус. Затем он твердо продолжал: — Нам здесь нужно оставить лошадей. Они могут испугаться и будут помехой для нас. Тратить силы на борьбу с ними будет некогда. У нас и без них будет много хлопот.

Роф и его люди шептались, непрерывно озираясь. Судя по их бегущим глазам, они с ужасом осматривали армию привидений. Солдаты внимательно наблюдали за ними.

— Они украдут лошадей, королева,— с тревогой сказал Утей, показывая на бандитов.

Но он и остальные телохранители повиновались приказу и привязали всех лошадей к остаткам вмерзшей в лед телеги.

Тирус пошел между привидениями, прокладывая путь для остальных. Джателла громко сказала, так, чтобы Роф и его люди услышали ее:

— Если они не примут участие в освобождении Илессы, то они ничего не получают.

Угроза возымела действие. Воры один за другим стали торопливо привязывать своих лошадей и, стараясь опере-

дить один другого, поспешили за Тирусом. Ими руководила алчность, но кроме того они боялись остаться одни в замороженной стране смерти. Сталкиваясь друг с другом, наступая на пятки, объединенные страхом перед неизвестностью, шумная кучка путешественников двигалась через ледяную равнину.

Привидения продолжали окружать их, непрерывно что-то крича. Где-то вдали трещал временами лед, этот треск сопровождался вибрацией льда под ногами путников. Поверхность льда трещала на каждом шагу. Иногда это был не лед, а попавшие под ноги старые кости.

Привидения кружили вокруг них, то скрываясь в ледяном тумане, то вновь появляясь, они пророчили людям различные леденящие кровь ужасные пытки, если те осмелятся двигаться вперед. Иногда кто-нибудь из отряда, выведенный из себя этими надоедливыми сопровождающими, бросался на них. Но безрезультатно: лезвие, дубина, топор — все это не действовало на них. Но и привидения тоже не могли нанести никакого вреда живым. Их крики действовали на нервы, но прикосновения были не материальны. Тогда путники пошли более уверенно. В отличие от других созданий Бога Смерти, эти не могли поражать тело и пить кровь.

Они проходили мимо обломков кораблей, карет, повозок. Как и доспехи воинов-скелетов, на всем этом виднелись эмблемы давно исчезнувших государств, легендарных преступников и предателей, великих грешников, имена которых все еще хранила людская память. Некоторые обломки было невозможно определить, что это было, и оставалось только догадываться, чем же их владелец так оскорбил богов, что Нидил забрал их к себе вместе со всем имуществом, навсегда, в безбрежную ледяную пустыню.

Тирус распространил свою волю вперед, по направлению к цитадели, к Врадуиру. В каком он был отчаянии! Удары по экрану с каждым шагом становились все сильнее, и Тирус с каждым шагом все ближе подходил к убежищу Врадуира. Погоня, наконец, приближалась к концу!

— Ну, постарайся еще, — издевался над ним Тирус. — Ведь наверняка есть местечко, где ты можешь пробить мой экран.

Джательла услышала его.

— Ты говоришь с ним, как хозяин.

— Я должен быть им. Я хорошо обучен.

Наконец, на его лице, на котором так долго была печаль, появилось торжество.

Клубы тумана расступились и изменили форму. Кричащие привидения, которые преследовали их, как дворцовые собаки, отстали. Из мрака появились новые. Они были незнакомы им. Это не были скелеты-воины, предатели или крестьяне Джателлы. Тирус почувствовал сильную, готовую материализоваться руку Врадуйра и приготовился к отражению любого удара.

— Золото...— пели они.— Много золота, серебра и драгоценностей! Больше, чем можно собрать их. Бесценные сокровища — и они ваши!

Замогильные голоса соблазняли их. Растрескавшиеся кости рук с висящей на них гнилой плотью протягивали им богатства, роняли их на лед, пытаясь ослепить их видом несметных богатств. Ледяная равнина сверкала от рассыпанного на ней богатства.

— Золото! Серебро!..

Роф, Одноухий, Сломанный Нос и другие бандиты соревновались между собой в попытках собрать сокровища. Они судорожно пихали монеты и камни в карманы, за пазуху, в сапоги, ссорились между собой из-за больших камней и забывали о них, когда еще большего размера падали из рук привидений.

— Кто здесь самый главный Колдун? — взывали привидения. Сквозь их костлявые пальцы на землю лились сверкающие сокровища. Они не могли проникнуть внутрь колпака, но вору выбегали наружу: они не могли сопротивляться тем богатствам, которые рассыпались перед ними.— Наш хозяин сделает вас богатыми. Очень богатыми! Идите к нему на службу. Выдайте ему этого колдуна и наш хозяин сделает вас богаче любого короля.

Обаж, Микит и телохранители пытались затащить разбойников обратно под колпак. Роф и его друзья отчаянно отбивались.

— Ты только обещаешь богатство, королева! — кричал Роф.— А оно здесь, уже в руках! И не нужно идти в цитадель! Сокровища здесь!

— Это же только воображаемые сокровища,— кричал Тирус. Он рискнул на мгновение открыть экран и одним жестом превратил все золото и драгоценности в пыль.

— Это для тебя воображаемые, колдун.— Роф бросил пыль и начал сгребать остальное золото с мерзлой земли.— Ты хочешь одурачить меня! Они говорят правду! Кто лучший колдун? Тот, кто платит вот так! — И Роф с торжеством поднял над головой руки, полные драгоценностей, цена которых превосходила годовой доход какого-нибудь лорда.

Отряд продвигался вперед, измученный, сопровождаемый истошными криками привидений.

— Сокровища! Все, что вы пожелаете! Служите нашему господину! Выдайте ему этого колдуна и тех, кто идет с ним и вы получите все, что захотите!

Тирус отчаянно колдовал и превращал в пыль все сокровища, но как только они исчезали, Вradуир производил все новые и новые. Тирус не мог превозмочь его в этом, так как ему надо было поддерживать надежную защиту Джателлы и всех остальных.

— А! Мы будем тебе служить, господин колдун! — завопил Роф, выхватив меч из ножен. Его хищная челюсть отвисла. — Не ругайся, колдун! Ведь он так хорошо платит.

Поспешно солдаты и придворные отпрянули назад, когда перед ними выросла сверкающая стена стали. Тирус быстро изменил форму колпака, вышвырнув из него ослепленных богатством и обезумевших бандитов как можно быстрее. Они были долго под защитой этой магии и теперь преследовали верных королеве людей, стремясь заслужить милость своего нового хозяина и в результате получить побольше сокровищ, которыми их манили привидения.

— Охраняйте королеву! — приказал Обаж, хотя меч Джателлы был уже готов к бою и она была вполне способна сама защитить себя. — Где ваша магия, колдун? Разгоните эти привидения!

Тирус не отвечал, чувствуя мощное давление враждебного колдовства. Даже после того, как Вradуир переманил на свою сторону алчных разбойников, он продолжал атаковать Тируса и его экран. Может ли Вradуир пользоваться божественной силой самого Нидила? Тирус молил всех богов, чтобы этого не произошло, в противном случае игра будет проиграна.

Лидер привидений вел бандитов на колпак, показывая, где нападать, а в это время Вradуир снова и снова наносил удары по воле Тируса. Это было так же мучительно, как и во время нападения каменных деревьев в Ледяном Лесу, а люди Рофа заменили собой Раскалывателей Черепов, они искали крови своих бывших союзников!

— Убейте врагов! — поощряли их привидения. — Доставьте удовольствие новому господину! Убейте их!

Тирус прошел сквозь колпак и обратился прямо к разуму Рофа:

— Это же все фальшивое, — сказал он, обратившись к его мозгу. Но воля бандита была очень сильной. Для ее по-

корения требовалось гораздо больше магии, чем мог уделить для этого Тирус.

— Оно вполне реально для нас, колдун,— ответил Роф, наконец потерявший разум от неожиданного везения. На его лице появилась жестокость и он закричал своим людям: — Вперед на них, волки!

Тирус быстро произнес заклинание, предназначенное, чтобы защитить их от бандитов.

Сразу же возник новый экран, разделивший бандитов и тех, кого охранял Тирус. Он, Джателла и все остальные видели, как бандиты, ясно виднеющиеся в молочном тумане, свирепо рубят мечами непроницаемый экран. Лезвия со свистом разили морозный воздух.

Шаг за шагом Тирус отступал. Он непрерывно отражал, но не мог победить магию врага. Они были равны.

— Цитадель! — скомандовали привидения.— Гоните их в цитадель. Господин там поможет вам.

Камни, сломанные копья, обломки старого оружия — все было пущено в ход в этой отчаянной борьбе.

— Цитадель! Цитадель! Там вас ждет награда!

— Но нам и нужно туда! — воскликнул Обаж в шуме битвы.

— Но не по желанию Врадуира, идиот! — отозвался Эрейзан. Он бросился к краю экрана и попросил: — Выпусти меня, я их всех прогоню!

Тирус отказался.

— Нет, не так.

Он произнес очень мощное заклинание и все пространство вокруг них погрузилось во мрак, как будто опустилось волшебное покрывало. Как будто они погрузились в молчаливый черный океан, захлестнувший разбойников. Тирус уже еле выдерживал многочисленные болезненные удары по коллаку и его воле. Теперь он мог немного расслабиться. Сразу же, как только возникла темнота, он создал свет, слабый, но позволяющий им двигаться дальше.

— Теперь нам надо быть очень осторожными. Поворачивайте направо. Мы пойдем в цитадель, все время меняя направление. И появимся там, где Роф нас не ждет. Идем,— сказал Тирус.

Он весь был как струна, натянутая на самом краю опасности и дрожащая от чрезмерного напряжения. Он быстро повел отряд вперед, боясь, что Врадуир применит новую уловку.

И тут же во мраке, который он создал, появился яркий свет. Это был не свет факела или фонаря, источника света вообще не было. Он возник в воздухе сам по себе, волшеб-

ный свет, творение колдуна. Он вонзился в волшебный мрак Тируса и начал шарить по всей замороженной равнине, изредка выхватывая из тьмы головы разбойников, как большой, зловещий глаз — глаз Врадуира!

— Расвен! — в отчаянии воскликнул Тирус, причем это была не мольба к покровителю колдунов, а ругательство, проклинающее могущество и ум своего учителя.

— Этот свет он создал с помощью очень могущественных заклинаний. Я не могу уничтожить его.

Он остановился, стараясь поддерживать свой мрак, преодолеть новое нападение врага. Свет все время усиливался. Время несло со скоростью стрелы.

— Тирус,— вскрикнула Джателла, пригибаясь, так как свет проходил совсем рядом с ее шелковистой копной волос. Он прошел мимо всего на расстоянии толщины лезвия ножа.

Тирус продолжал колдовать, скрывая их. Эрейзан схватил его руку и, задыхаясь, сказал:

— Ты должен позволить мне выйти!

— Теперь уже поздно. Бог. Я не хочу, чтобы он обратился к Богу.— Тирус полез к себе в потайной карман, сжал шелковую тряпку, прижимая стекло к груди, и начал поспешно его разворачивать.— Стойте рядом. Оба. Вы мне нужны.

Джателла была в замешательстве, но она ждала, глядя с суеверным страхом на волшебное стекло. Эрейзан в возбуждении рвал бороду, не замечая этого. Он был сейчас как тигр, весь напружинившийся, готовый моментально отскочить в сторону при малейшем признаке опасности. Вокруг них столпились солдаты и телохранители, их глаза были широко раскрыты, по лицам скатывались капли пота, несмотря на дикий холод. Каждый раз, как только дьявольский свет приближался к ним, они прятались за сломанные борта кораблей, обломки повозок.

По равнине бегали Роф и его люди, спотыкаясь о всякую старую рухлядь, обыскивая все укрытия с помощью волшебного света и подогревая алчность друг друга.

— Посмотри там!

— Черт бы побрал этот снег! Я уже смотрел за той телегой! Посмотри тут.

— Мы их найдем!

— Сколько же колдунов из цитадели заплатит нам за их головы?

Тирус набрал воздуха в легкие и начал медленно дуть. Он погрузился в стекло, оставив только часть своей воли, чтобы поддерживать экран. Все остальные его существо по-

грузилось в волшебное стекло в поисках его двойника — его двойника и его хозяина.

Эрейзан и Джателла поддерживали Тируса, который дрожал от напряжения. Тирус раздраженно толкнул их.

— Назад! Дайте мне место!

Он втекал в черное стекло, человек, ставший жидкостью или дымом. Он остался один со сверкающим обсидианом, его могущество стало его могуществом. Темная поверхность забурлила, глубина открылась, разделилась...

И он смотрел на Вradуира. Джателла была рядом и ее не было. Эрейзан тоже не существовал. Тирус стоял на коленях на льду внутри колпака, который он создал для защиты себя и своих друзей от разыскивающего их света. Но он был в цитадели Бога Смерти, наконец, стоя против Вradуира.

С точки зрения колдовства никакое расстояние их не разделяло. Столкновение было ошеломляющим.

Вradуир сидел, склонившись над столом, заваленным всякими амулетами и принадлежностями колдовства. Между ними было и стекло. Он непрерывно жестикулировал, разводил руками, творя заклинания, направляя свет на равнину, говорил с помощью оживленных трупов, отдавая приказы Рофу и его людям, одновременно соблазняя их обещаниями огромных богатств.

Затем... затем Вradуир вздрогнул, откинулся назад, потеряв нить своей магии. Он с изумлением смотрел в стекло, взяв его в руки.

Его руки коснулись лица Тируса. Когда он был ребенком, Вradуир тоже дотрагивался до его лица, мягко, по-отцовски нежно. Теперь прикосновение было таким же осторожным и мягким, но совсем по другой причине. Тирус знал, что в стекле его отца тоже бурлит поверхность и открываются слои и глубины: появляется изображение — его изображение.

Он не стал ждать, пока это изображение станет четким. Ему нужно было воспользоваться неожиданностью. Тирус мог видеть Вradуира, а тот еще не успел закончить связь в противоположном направлении.

— Я твой враг, который долго ищет тебя,— сказал спокойно Тирус. Его голос гулко раздался в цитадели, отражаясь от каменных стен. Он поразил Вradуира своей мощью.— Тебе не уйти от меня. Я пришел, чтобы полностью расплатиться с тобой за все, что ты сделал.

На красивом умном лице Вradуира появилась странная улыбка.

— Ты кто? Ты просто хвастливый идиот! Я посмотрю...

— Ты увидишь,— сказал Тирус, сопротивляясь усилиям Врадуира наладить контакт. Он держал Врадуира под покрывалом, наслаждаясь своей властью. Но во всех действиях его была опасность. Он раскрыл себя. Теперь отступать было нельзя. Это был единственный способ уничтожить тот свет, который помогал бандитам в поисках.

— Ты или выживший из ума старик, или сопливый детеныш, если ты думаешь, что можешь угрожать мне,— закричал Врадуир, вращая стекло в разные стороны, стараясь сделать изображение разборчивым.— Почему ты со мной говоришь так?

— Мое могущество больше, чем твое,— сказал Тирус, удивляясь его спокойствию.

Врадуир засмеялся тем смехом, который Тирус хорошо помнил. Таким смехом Врадуир смеялся, когда ему было очень весело. Воспоминания об этом ранили Тируса, как ножом.

Врадуир закричал:

— Нет колдуна, равного мне! Я высший! У меня союз с богом глубин...

— Ты лжешь! Дьявол тебе показал, что никто не может быть хозяином бога. Камат погиб из-за твоей слеси и тщеславия, Врадуир. И теперь ты должен рассчитываться за это.

Руки Тируса так стиснули стекло, что он чуть не обрезал пальцы о его края. Он открыл большую часть своего существа и, наконец, позволил Врадуиру проникнуть сквозь слои, разделяющие их.

— Т-Тирус! — Голос Врадуира был ясным и четким. Он произнес имя с акцентом жителей южных клариканских островов. Целый год Тирус и Эрейзан скрывали свои имена с помощью магии. Теперь Джателла и остальные подумали, что они слышат совсем другое имя, они ничего не понимали. Но следующие слова они поняли.— Мой... мой сын?

Искреннее недоверие было в словах Врадуира. Редко Тирус видел Врадуира таким озадаченным и недоумевающим. Он почувствовал, что все его друзья были поражены этими словами. Их изумление было таким же сильным, как реакция Врадуира. Только для Эрейзана и Джателлы это не прозвучало неожиданно, так как они были посвящены в его тайну.

На мгновение Врадуир погрузился в воспоминания. Тирус сказал:

— Я твой сын и я жив. И Эрейзан тоже, вождь племени, хранитель леса, которого ты тоже хотел убить. Мы пришли сюда мстить. Ты прятался от нас, а мы от тебя. Теперь

пришло время раскрыться. И мы оба будем мстить за остальных. Посмотрим, кто лучше служит — тебе твои рабы или мне мои друзья, которые ненавидят тебя.

Врадуир все еще был в изумлении — он не мог опомниться от встречи с колдуном, его сыном, которого он считал погибшим в катастрофе, постигшей Камат.

Тирус не колебался. Он бросил всю свою волю в стекло, снял все экраны, сфокусировал все. Все его могущество было брошено на этот удар, который теперь метался между двумя стеклами, отражаясь от них. Он пробудил силы, рожденные в недрах огнедышащей горы. Эти силы превратились в другую энергию, недоступную пониманию простых смертных.

С оглушительным грохотом оба стекла одновременно взорвались. Это был взрыв, созданный в глубинах царства дьявола и в паутине колдовства. Тирус увидел и почувствовал, что смятение Врадуира растаяло и превратилось в ужас, его руки сжали свое лицо. Изображение Врадуира раскололось на кусочки, все меньше и меньше — Врадуир растворялся, крича от боли.

Боль была обоюдной. Врадуир ее не ждал, Тирус знал об этом. Он подготовился к ней, зная, что она придет — цена этого жуткого колдовства. Он опрокинулся навзничь, закрыв руками голову, чтобы не разбить ее.

Падение, падение... Его глаза, как два вспыхнувших озера, подожженных магией.

Джателла держала его плечи и голову. Ее нежные пальцы ласкали руки Тируса, зажавшие наполненные слезами глаза.

— Тирус что это было? Что случилось? Гетания, помоги ему!

Вокруг них поднялся гам. Сквозь свою пронзительную боль Тирус слышал крики.

— Свет! Свет исчез!

— А мрак тоже!

— Колпак... колпак тоже исчез! Он сохранил нас в безопасности!

Вдали бродили люди Рофа, растерянные, беспомощные, переругивающиеся друг с другом.

— Где они, Одноухий?

— Колдовство! Мы должны были знать!

Послышались какие-то звуки: это Роф с помощью хлыста собирал своих людей, очевидно, безуспешно.

Тирус попытался оторвать руки от лица. Он ухватился за грубую ткань туники Эрейзана и нежную руку Джателлы, которая обнимала его за шею.

— Врадуй что-то сделал с ним,— сказал Эрейзан голосом, хриплым от гнева.— Когда я найду этого вонючего пса...

— Нет, мой друг.— Тирус судорожно сжимал руки, борясь с болью.— Врадуй... в таком же состоянии, как и я. Мы оба... поражены.

Послышался голос Обажа:

— Королева, бандиты в смятении. Мы можем сейчас уничтожить их.

— Нет! — выдохнул Тирус. Закашлявшись, он с трудом сел, опираясь на Эрейзана.— Цитадель. Это наша единственная возможность. Пока... пока Врадуй беспомощен.

Он глотал воздух, стараясь успокоить свой бешеный пульс.

Джателла и Эрейзан завернули его в плащ. Возможно, он потерял его во время дуэли колдовства. Тирус об этом ничего не помнил. Он тяжело дышал, стараясь превозмочь боль.

— Сейчас нет магии. У Врадуйра нет магии, чтобы противопоставить нам,— сказал он им.— Это будет борьба мечей. Не больше. Но вы не должны рассчитывать на меня. Я буду для вас обузой довольно долго.

По его лбу пробежали ласковые пальцы Джателлы.

— Стекло,— сказала она.— Это было настоящее магическое стекло, тогда, во дворце, а не приспособление для фокусов.

Он кивнул и тут же поплатился за это движение. Яркие красные искры пробежали в его глазах и мозгу. Тирус некоторое время сидел, пока они не исчезли. Затем он сказал:

— Два стекла — у Врадуйра тоже было такое же. Его стекло разбилось потому, что разбилось мое. Мы оба сейчас стонем от боли. Тебе придется вести меня, Эрейзан, я ослеп.

Глава 14

ЦИТАДЕЛЬ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Другие чувства Тируса заполнили пустоту, образованную раненым зрением. Он слышал и ощущал нежность Джателлы и дружеское сочувствие Эрейзана. Тирус попытался изобразить слабую улыбку, несмотря на протесты страдающих мышц лица.

— Не бойтесь за меня... Слепота временная.

Был ли он сам уверен в этом? Он не мог быть уверен, так как такая битва между колдунами никогда до этого не происходила. Но он должен был надеяться и дать надежду друзьям.

Джателла осмотрела его лицо, ласково касаясь его пальцами.

— Крови нет, только слезы.

— И боль,— добавил Эрейзан искаженным гневом голосом. Его рука поудобнее обняла Тируса за плечи.

— Да... боль,— признал Тирус.— Я даже не предполагал, что так будет. Но... но это был единственный путь. Как только вернется мое зрение, вернется и могущество. То же самое и у Врадуира. Мое искусство связано с этой болью. Пока она не пройдет... мы должны проникнуть в цитадель и уничтожить Врадуира.

— Как ты можешь все это рассчитывать с таким спокойствием и самообладанием? — воскликнула Джателла.

Вмешался Обаж. Очевидно он все слышал и тактика Тируса озадачила его.

— Но когда ты показывал фокусы со стеклом во дворце, ты был ослеплен, но это не повредило твоей магии.

— Идиот! — выругался Эрейзан.— Это же совсем другое! Ты можешь что-нибудь видеть, Тирус?

— Нет... пока нет.— Тирус страдал от невыносимой боли.

— Я тебя уже предупреждал однажды, акробат, чтобы ты придерживал свой язык,— сказал Обаж с угрозой.

— У нас сейчас нет времени выяснять отношения,— сказал Эрейзан, с трудом погасив вспышку гнева.— Люди Рофа все еще не пришли в себя. Думаю, что мы можем ускользнуть от них, скрываясь за обломками. Это можно сделать даже без колпака. Ты можешь идти?

Джателла с тревогой сказала:

— Нет, ему надо отдохнуть.

Тирус прижал ее мягкую руку к щеке. Эта теплая ладонь немного успокоила мучительную боль в глазах.

— Никакого отдыха. А то мы все будем жертвами Врадуира. Помоги мне встать, Эрейзан.

Джателла спорила, не желая доставлять страдания Тирусу. Наконец, Эрейзан, исчерпав все аргументы в споре с ней, сказал:

— Он прав, королева. Неужели вас что-то может остановить в деле спасения Илиссы?

Только это смогло убедить ее. Они с Эрейзаном осторожно поставили слабого и страдающего Тируса на ноги.

Совершенно дезориентированный, Тирус колебался. В его глазах горело пламя. Руки стали его глазами.

— Вот сюда...

— Лейтенант, Микит, спокойно. Все прячьтесь за укрытия,— прошептала Джателла.

Она и Эрейзан шли рядом с Тирусом, ведя его. Как только он скользил или спотыкался на мерзлой земле, все его тело пронизывала боль. Хотя его тело и мозг были сейчас в разладе и не связаны друг с другом, он не падал. Много раз он терял сознание от огня в глазах. Джателла и Эрейзан поддерживали его, а затем вновь вели вперед.

Эрейзан шепотом комментировал их продвижение:

— Открытое место, Тирус. Нужно дождаться, пока бандиты не будут смотреть в эту сторону. Теперь! Быстро!

Когда они прятались за другим укрытием, Эрейзан продолжал:

— Груда старинных колесниц из Тречейской империи. А рядом колесницы Риердонцев. Станный конец этих правителей-предателей обоих государств...

Он говорил и в то же время внимательно следил за состоянием Тируса, помогая ему вместе с Джателлой в те моменты, когда тот терял сознание, защищал от толчков и падений. Иногда они мягко нагибали его голову, чтобы благодаря его росту их не заметили разбойники, рыскающие по округе. Из слов Джателлы Тирус понял, что магический свет Врадуйра исчез полностью, что означало, что его враг тоже поражен и лишен всего своего могущества. Смутно Тирус различал голоса отдельных разбойников, которые перекинулись между собой в процессе поисков.

— Ищите их!

— Найдите, а то золота нам не видать!

— Подонки! — Тирус узнал голос лейтенанта Утея.

— Они служили нам честно в Ледяном Лесу и в этих горах,— сказала Джателла.— Может мне надо было предложить им еще большую награду?

— Они бы вам не поверили, королева,— сказал Эрейзан.— Врадуйр сделал из них своих кукол. Торопитесь! Еще немного и мы будем на открытом ровном пространстве.

Все окружающие Тируса кралась потихоньку, стараясь мягко ступать по земле. Это помогало им скрываться от Рофа, но и обманывало Тируса: не слыша шагов, он думал, что его оставили.

Его разум просветлялся, медленно-медленно, как воск, тающий на осеннем солнце. Неужели его сила никогда не вернется к нему? Тирус потрогал ту часть своего мозга, которая лежала спящая и страдающая, бесполезная для него. Сколько же времени пройдет, пока он снова сможет обра-

титься к своему искусству. Каждый раз, когда он пытался притронуться к источнику своего могущества, он отдергивался от его прикосновения, как раненое животное, боясь вызвать новую боль и огонь в глазах Тируса. Однако Тирус все повторял и повторял попытки, желая вернуть свои силы так быстро, как только это возможно.

— Королева,— услышал он голос Эрейзана,— отпустите его руку.

У Тируса не было воли, чтобы прозондировать мозг Эрейзана, но он знал, что опасность близко.

— Тирус может бежать в ногу со мной. Мы часто бежали так с ним в детстве, когда ходили на охоту.

С сожалением Тирус почувствовал, что рука Джателлы выскользнула из его руки. Он услышал звук металла, вынутого из ножен, он знал, что Джателла приготовила свое оружие и теперь тяжело дышит, готовая взглянуть в лицо смерти.

— Возьми мой меч,— внезапно сказал Тирус, решившись.— Я им не смогу воспользоваться. Он поможет отразить нападение демонов Врадуйра, которые наверняка нападут на нас.

Джателла не колебалась и не предложила меч Эрейзану. Она аккуратно вынула меч Тируса из ножен, а взамен положила туда свое оружие. На фоне ревущей боли Тирус почувствовал часть своего существа — магию, которая преобразовала золото и дерево в меч. Значит он мог распространять свои чувства — хотя и недалеко. Джателла была рядом с ним и его меч тоже — это продолжение его существа.

— Ворота закрыты,— прошептал Обаж. Остальные подтвердили его слова. Очевидно, он уже мог видеть главный вход в цитадель.— Если мы покинем убежище и окажемся на открытом пространстве перед запертыми воротами...

— Они не заперты,— сказал без выражения Тирус.

— Почему?.. Откуда ты знаешь, колдун? — Как Тирусу уже были хорошо знакомы эти недоверчивые возгласы! Он к ним уже привык за время путешествия. Сэр Микиг верил ему, но сомневался, в здравом ли рассудке Тирус после своего столкновения с Врадуйром.

— Это цитадель Бога Смерти,— сказал Тирус.— Врадуйр построил ее для него, но принадлежит она Богу Смерти. А бог вовсе не желает, чтобы препятствовать кому-либо входить в его владения и не запирает ворота.

Такое объяснение повергло всех в молчание, которое длилось довольно долго. Затем Эрейзан наклонился к Тирусу и стал ему шептать инструкции. Детские игры возобновились. Эрейзан неся вперёд, направляя Тируса. Боль

не давала возможности ускорить бег и Тирус несколько раз спотыкался и чуть не падал, но Эрейзан упрямо тащил его вперед. Выведенный из себя, Тирус почувствовал тошноту, кровь клокотала у него в горле, кровью налились глаза.

— Вот они!

— Роф... они здесь!

— Я их вижу. За ними, волки!

Громкий скрежет заглушил все голоса. Это массивная дверь с трудом поворачивалась на больших ржавых петлях.

— Благодарю тебя, Гетания! Тирус был прав! Они не заперты! — закричала Джателла.

Тирус в изнеможении прижался к тяжелым доскам ворот. От них исходил раздражающий запах разрушения, хотя крепость была только что выстроена рабами Врадуира.

Крики и ругательства, скрежет и треск заполнили все пространство вокруг него.

— Засов! Дайте что-нибудь, чтобы запереть ворота от бандитов!

— Ничего нет! Ни замка, ни засова... все как сказал Тирус!

— Они уже рядом! Да здравствует Гетания, да здравствует Куред! Солдаты королевы, на защиту ворот, быстро!

— Бей!

Тируса терзали запахи, звуки, прикосновения. Шероховатости ворот терзали его кожу. Запах пота и пропитанных кровью одежд, все это мучало его, наполняло ноздри. Когда послышался лязг скрестившегося оружия, то эти звуки терзали его измученный слух.

Маленькая рука схватила Тируса за плечи и заставила отклониться в сторону. Он почувствовал, как что-то просвистело у его щеки — должно быть, это был топор, вонзившийся в доски, вместо того, чтобы поразить его череп. Где-то рядом с собой он услышал крик Джателлы:

— Нападай на тех, кто может защищаться, ты, подонок!

Она бросилась вперед и послышался хрип: разбойник был сражен волшебным мечом Тируса.

Джателла оттащила Тируса подальше, в более безопасное место. Она была вне себя, все еще ругая бандита, пытавшегося убить Тируса.

— Вот так мой отец поступал с предателями, как эти, — упрямо сказала она.

Послышались радостные крики разбойников, очевидно, кто-то из людей королевы пал или был серьезно ранен.

— Это за нашего товарища!

Но тут же телохранители сделали вылазку, прикончив еще одного разбойника.

— Беги, королева! — кричал сэр Микит.— Мы будем их сдерживать здесь! Беги! Ищи Иллису!

— За Куред! — закричали солдаты.

Тируса окружал невероятный шум боя: крики, звон мечей.

Эрейзан сказал:

— Бери его, королева, а я останусь с ними.

— Ты же без оружия, акробат,— запротестовал Микит.— Оставь это нам. Иди с королевой. Охраняй ее. Боги Кларики помогут нам.

— Эрейзан,— позвала его Джателла.— Я не смогу одна найти Иллису, да и Тирус тоже в таком состоянии бесполезен. Пошли!

Это убедило Эрейзана, и Тирус был подхвачен с двух сторон тонкой, нежной рукой Джателлы и сильной, грубой рукой Эрейзана. Они повели его вперед.

— Они долго не продержатся,— сказал Эрейзан и тут же пронесся по каменным коридорам крепости ужасный грохот. Тирус вздрогнул от боли, которая пронизала его от этого адского шума, а Эрейзан сказал: — Таран. Они хотят сломать ворота с помощью сломанной телеги.

— Так много коридоров,— сказала обескураженно Джателла.— Куда же нам идти?

Они больше не скользили при ходьбе, как на замороженной равнине. Но вместо этого Тируса донимал очень сильный неестественный холод. Он был намного сильнее, чем раньше и совсем другой. Это был не холод природы. Все жилы и вены Тируса попали в чье-то смертельное объятие, тиски Бога Смерти стали стягивать его тело. Сколько же времени они выдержат? Когда наступит момент, когда этот холод заморозит в их жилах кровь и дыхание, возьмет их жизни? И они тогда будут как несчастные обитатели замороженной равнины, обреченные вечно скитаться по ней.

Сзади слышались торжествующие вопли разбойников. Очевидно они проломили ворота. Некоторые из них погибли в бою с небольшим отрядом королевы, а остальные люди Рофа, те, кто выживет в смертельной схватке, будут разыскивать жертвы своего нового хозяина, алчность будет подгонять их.

Тирус моргал и из глаз его лились слезы, когда он пробовал использовать свое зрение, чтобы увидеть хоть проблеск света, надеясь, что оно вернется к нему. Ему показалось, что мрак, окружавший его, стал не таким крошечным, но уверенности у него не было. Он все моргал и боялся, как бы к Врадуиру не вернулось зрение раньше, чем к нему.

— Куда, Тирус? — спросила Джателла. Ее голос был неестественным, как будто она говорила сквозь зубы.

— Сюда, королева, — сказал Эрейзан.

— Доверяй ему, — воодушевил ее Тирус. — У него...

— Много талантов, как и у тебя.

Она дипломатично умолчала о том, что все знает, и охотно пошла за Эрейзаном. Ее рука придерживала Тируса слева и она вела очень осторожно, предупреждая о поворотах и ступеньках.

Тирус задыхался от напряжения, все тело у него протестовало, когда он старался не отставать от Джателлы и Эрейзана.

— Он... Врадуир находится в своем убежище... в... сердце цитадели.

— У цитадели есть сердце? — со злостью сказал Эрейзан. — У Врадуира нет, у Бога Смерти тоже, я думаю. Но мы их найдем.

Они торопливо шли по извилистому коридору, помогая передвигаться Тирусу. Холод усиливался, это почувствовали и Джателла с Эрейзаном, как зловещее предупреждение Нидила, Который Замораживает Дыхание.

— Факелы, — внезапно сказал Эрейзан. В голосе его было облегчение. — Вы их тоже видите, королева? — спросил он и продолжал: — Зачем они здесь? Для Врадуира? Нидилу свет не нужен. Бог приходит за жизнью человека во мраке.

— Я думаю, что мы далеко оторвались от разбойников, — сказала Джателла. Она замедлила шаги и прислушалась.

— Не от всех, — предупредил Эрейзан, и Тирус почувствовал, что его друг резко повернулся, готовый отразить нападение.

— Обаж! — сказала с удивлением Джателла. — А где... где остальные?

— Они сражаются у ворот. Два разбойника убиты и один серьезно ранен.

— Но остальные живы? — сердито спросил Эрейзан.

— А люди королевы? — Тирус почувствовал, что Обаж пренебрежительно пожал плечами в ответ на гневный вопрос Эрейзана. — Им ведь нужен твой меч. Почему ты покинул их?

— Королева во мне нуждается больше. — Обаж защищался, скрывая свой страх хвастовством. — От акробата помощи ждать не приходится, он даже без оружия, а колдун слеп. Мой меч защитит королеву от...

— Тихо! — скомандовал Тирус.

Часть его магии шевельнулась где-то в глубине мозга, судорога прошла по легким и голове. В тишине раздавались странные звуки. Обажа рвало. Джателла взвизгнула, а пальцы Эрейзана впились в руку Тируса.

— Осторожно,— сказал Тирус, стараясь смотреть сквозь жгучие слезы.— Я... я вижу это... немного.

По правде говоря, он был рад, что видит не очень хорошо. К ним приближалось что-то пугающее и громадное. Щупальцы этого существа зловеще извивались в воздухе, как у огромного морского спрута. Ни один рыбак не вылавливал такого чудовища своими сетями! Все обитатели морских глубин ужаснулись бы и разбежались, увидев это страшилище. Страшная вонь исходила от него. Тирус опять заморгал, стараясь разглядеть безобразную массу, которая колыхалась перед ними, загораживая проход. Затем, медленно, с какой-то зловещей грацией, существо заколебалось, змеевидные конечности стали двигаться по полу и щупальца потянулись к четырем парализованным страхом людям.

Тирус предупредил все мысли и желания людей, даже Эрейзана, который намерсвался сразиться с неведомым чудовищем, используя свою мощь тигра.

— Это не иллюзия и не раб Врадуира.— Обаж вздрогнул от нового приступа рвоты, а Тирус продолжал: — Это еще один из подданных Бога Смерти и его нам будет трудно победить. Мы должны избежать схватки с ним, если возможно.

— Здесь... здесь есть еще один коридор, на этой стороне,— сказала Джателла. Ее голос был искажен ужасом, но желудок ее был крепче, чем Обажа. Она взяла Тируса за руку, готовая вести его.

— Положите мою руку на стену и идите впереди меня,— сказал Тирус.— Ваши волосы я могу видеть и они будут служить мне маяком. Руки у вас будут свободны, если придется пустить в ход оружие.

Тирус скрывал свое беспокойство — ведь если он уже может видеть немного, то и Врадуир тоже. Сын еще не мог пользоваться магией, а значит и отец тоже... Но скоро...

— Оно идет за нами,— закричал Обаж, хватаясь за Тируса. Он прижался спиной к Джателле, стараясь дрожащей рукой направить острие меча на чудовище. Эрейзан шел сзади Тируса и тоже оглядывался назад, следя за этим монстром, готовый вступить с ним в бой в случае его нападения.

Когда они свернули в коридор, который выбрала Джателла, чудовище отстало. Его миссия оставалась неизвестной людям. Отдыхая от пережитого напряжения, они оста-

новились в темном холле. Эрейзан с помощью своего острого слуха стал выбирать дорогу, по которой им следовало двинуться дальше. Наконец, он повел их дальше по коридору, который, как он сказал, ведет в самую северную часть крепости.

Когда они смотрели на крепость снаружи, с ледяной равнины, то она выглядела как город, окруженный башнями и толстыми стенами. Теперь же, внутри, она представляла собой лабиринт соединяющихся между собой комнат и холлов. Они продвигались здесь очень осторожно, часто останавливаясь и прислушиваясь, пережидая, пока неизвестный звук не получит разумного объяснения. Шепот Джателлы раздавался в тишине, когда она обсуждала с Обажем особенности конструкции и архитектуры крепости, и как она была построена. Эрейзан не вступал в их разговор. Он был занят выбором пути, ведущего в центр цитадели. Тирус пытался искать следы колдовства, все еще страдая от жгучей боли в глазах и в мозгу, отыскивая путь назад, к своей силе и могуществу.

Где-то вдали они все время слышали звуки битвы. Что это? Люди дерутся со зверями? Или разбойники и солдаты Джателлы, продолжая бой, оставили ворота и вошли в цитадель? Судя по тому, что слышался звон мечей, Тирус предположил, что это дерутся солдаты и бандиты и пожелал победы людям Джателлы. А может быть бандиты, солдаты и сэр Микит столкнулись с другими созданиями Бога Смерти и теперь ведут с ними борьбу, конец которой будет очень печальным для них. Тирус поспешно выбросил из головы мысли об этом.

Как долго и как далеко они прошли по этим коридорам? Время как будто застопорилось в этом зверском холоде. Тирус крепко сжал зубы, чтобы они не щелкали от озноба. Затем, он сказал:

— На этом пути есть еще одно из чудовищ Бога Смерти, но оно идет в другом направлении. Кроме того, я чувствую, что Вдрауир здесь оставил своего раба, но его могущество сейчас ограничено, он не может им управлять, пока не пройдет боль. Только если он будет совсем близко от него, он сможет отдавать приказы.

— Илисса,— вдруг сказала Джателла.— Гетания... Я знаю, что она здесь! Где-то здесь! Я знаю!

— И мы найдем ее! — не колеблясь, сказал Эрейзан и тут же обратился к Тирусу: — Тирус?

— Я тоже думаю, что она жива. И нам нужно идти вперед, как шли. Моя рука на стене. Джателла впереди, показывает дорогу мне.

Они начали спускаться по лестнице. Она была очень длинная с крутыми поворотами. Иногда Тирус задевал головой низкий потолок. Иногда попадались лестничные площадки, которые соединялись с холлами. В одном из них они остановились, обеспокоенные громкими звуками, исходившими из черного коридора, отходящего направо.

Тирус осторожно обратился к своей магии. Морщась от боли, он подошел, но не очень близко, к какому-то существу, от которого исходило жуткое зловоние.

— Еще один какой-то зверь. Он... он, кажется, спит здесь.

— Он придет сюда? — тревожно спросил Обаж.

— Кто может угадать поведение Нидила и его созданий? — с презрением спросил Эрейзан. — Только такой, как Врадуйр, может попытаться.

После того, как они прокрались мимо зловонного отверстия, ведущего в коридор, любопытство Обажа, довольного, что они избежали опасности, пробудилось, и он спросил:

— А как он выглядит?

— Тебе не нужно этого знать, — сказал Тирус. — Я сам бы желал забыть.

Лестница кончилась и они стояли в коридоре, ведущем в анфиладу небольших комнат. Как только они переступили порог первой, Обаж и Джателла схватились за свои мечи, но они, помня наставления Тируса, не нападали, а ждали его указаний. Тирус тяжело прислонился к двери. Он жадно глотал воздух и вытирал слезы, которые катились из его глаз. Через некоторое время он сказал:

— Вот это... это не создание Бога Смерти.

— Оно очень безобразно, — сказал Эрейзан. — Безобразное создание безобразного мастера.

— Джателла, отойдите, пожалуйста, в сторону. Мне его нужно видеть. Я думаю, что у меня хватит сил, чтобы расколдовать его на таком небольшом расстоянии.

То, что было в комнате, представляло собой пародию на животное, одно из тех жалких созданий, которых Врадуйр создавал на Камате, когда он начинал осваивать запретные пути черной магии. Тирус стал исследовать это существо. Он решил, что самое простое — это отнять у него память.

— Дьявол тебя ждет, — сказал он сурово. — Ты должен был погибнуть со всеми своими, когда погиб народ Камата. Теперь ты должен встретить судьбу, которой ты тогда избежал. Я посылаю тебя в яркое пламя...

Джателла и Обаж ничего не поняли из этой речи. Эрейзан тоже не знал этого заклинания. Но из своего долгого знакомства с Тирусом он знал, что он может управлять многими силами добра и зла. Он улыбнулся, когда крылатое чудовище с головой быка стало растворяться в воздухе. Оно щелкало своими страшными зубами и акробат сунул свою руку прямо ему в пасть. Обаж был изумлен такой храбростью, а Джателла вскрикнула и попыталась оттащить его прочь, предполагая, что он сошел с ума. Затем они оба рассмеялись, когда чудовище свирепо схватило его за руку, но никакой раны уже нанести не могло. Через несколько секунд оно исчезло, не оставив даже запаха.

В следующих комнатах их ожидали не менее жуткие чудовища, ни одно из них не было реальным, но каждое из них было страшно видеть и слышать, а запах был таким, что они чуть не теряли сознание. Тирус все еще жестоко страдал от боли и тем не менее, на таких малых расстояниях его магия была достаточно эффективной. Один за другим он расколдовал жуткое подобие многоголового морского дракона, покрытого иглами с ядом огромного волка, чудовищную змею со стальной чешуей и острыми позвонками.

Где-то вдаль они могли слышать продолжающийся бой солдат с разбойниками. Тирус не мог отвлекаться от опасностей, которые сейчас возникали перед ним, так что он не разделял беспокойство своих спутников относительно исхода этой битвы.

Пройдя комнату, в которой металлическая змея превратилась в туман, они вошли в большую комнату. Эрейзан резко остановился и заставил Тируса и Джателлу остановиться, прижав их к стене.

— Если это не иллюзия...

Тирус был достаточно высок и мог увидеть через голову друга, что его так взволновало.

— Нет, мой друг, это иллюзия. Это не сам Врадуир, это его изображение.

По реакции своего друга Тирус понял, что изображение было очень достоверным и полным жизни. Врадуир — высокий, с широкими плечами, светлые волосы казались золотыми в пламени свечей — он ходил по комнате, не обращая на них никакого внимания. Тирус отодвинул Эрейзана и пошел к этой кукле.

Действительно! Он был как живой! Когда он подошел поближе, чтобы рассмотреть детали, его чувства взбунтовались, в нем вспыхнуло острое желание броситься как в юности, на шею к своему отцу, обнять его, прижаться к не-

му. Но в нем зажглась и ненависть, огонь которой был в тысячу раз жарче, чем тот огонь, который сейчас жег его глаза и душу.

— Это только имитация Врадуира! Исчезни!

— Я Врадуир,— настаивала иллюзия.— Я Врадуир, мастер колдовства, король-колдун, настоящий колдун, я верный слуга Бога Смерти и его наследник.

— Что ты унаследуешь, имитация Врадуира? — Тирус решил удовлетворить свое любопытство и не стал его уничтожать.— Почему Бог Смерти выбрал тебя наследником? Зачем ему смертные слуги? Он Нидил.

— Он будет богом над всеми богами. Я сделал ему бесценные подарки, принес жертвы, каких не знали боги. И он сделает меня господином, чтобы сделать мир таким, каким он должен быть.— Гордость звучала в этих словах.— Я буду править бесконечно. Честный и верный слуга Нидила, время и смерть обойдут меня.

Изображение полностью копировало манеры Врадуира, оно то сжимало кулаки и размахивало ими в воздухе, то прижимало руки к груди, и все время расхаживало по комнате. Врожденный ум и жажда познания светились в его голубых глазах и читались в красивом лице. Каждое движение и выражение возбуждало память в Тирусе. Любовь и ненависть переплелись в его душе.

— Бессмертие! — выдохнула Джателла. Все ее чувства были оскорблены.— Это невозможно!

— Я буду бессмертен и уверяю вас, что мое колдовство всегда будет властвовать,— сказала имитация Врадуира. Он больше говорил для себя, чем для слушателей. Тирус понял, что это изображение должно было всегда общаться с Нидилом, изображать поклонение перед ним, это было одним из элементов сделки, которую он надеялся заключить с Богом Смерти.

— Бог не может быть колдуном,— поучающе поднял палец изображение.— Этому я научен. Но бог есть бог, он требует жертвоприношений и его всегда можно удовлетворить. Я не смог совладать с дьяволом. Но когда все люди и звери острова оказались в его руках, он принял жертву и позволил мне остаться живым.

Джателла отвернулась и зажала уши руками, не желая слушать этих святотатственных речей. Тирус стоял, лед и огонь в крови, с каждым словом в нем оживало прошлое.

В словах изображения скользнула нотка сожаления:

— Я не хотел, чтобы это так случилось. Мои подданные первыми узнали мою власть... но произошла ошибка. Теперь я буду более осторожным. Бога не так просто купить.

Милость надо завоевывать постепенно. Настоящие жертвы, не ритуалы и обычные приношения простых смертных. Нидил и так может брать все. Ему нужны вещи раньше, чем приходит их срок попасть к нему. Тогда он... он улыбается мне и дарит мне власть. Я буду его союзником, хозяином жизни и смерти, королем-колдуном всех стран и провинций — моих стран, моих провинций! Я буду править живыми, а Нидил — мертвыми.

— Исчезни! — закричал Тирус, делая жест, чтобы изображение сгнуло. Это опять швырнуло его в пропасть боли и огня.— Расвен, помоги мне! Я уничтожаю его, как его хозяин уничтожил свой народ! Жертвы! Он принес целый народ в жертву, чтобы спасти свою жизнь и все ради этой болтовни о власти! Король смерти и боли. Мы никогда не позволим ему править миром.

Тирус запел свое сильное заклинание, изображение стало корчиться от боли, прижимая руки к груди и горлу. До этих пор он не обращал внимания на присутствие Тируса и остальных. Это подтвердило подозрения Тируса, что оно создано для представительства, для замены самого Врадуира, для изречения его мыслей, его программы, живая статуя, олицетворяющая спесь и самодовольство.

Копия упала, корчась в судорогах, а Тирус все поражал и поражал ее ударами магии, пока Эрейзан не оттащил его.

— Это же не Врадуир. Побереги силы для настоящего Врадуира!

Тирус шатался и Эрейзан поддерживал его, пока волны ненависти и гнева, копимые долгое время, не вытекли из Тируса. Скорчившись, копия лежала у их ног. Тирус сделал незаметное движение, завершая заклинание уничтожения.

— Я отсылаю тебя навсегда прочь. Больше не появляйся там, где ходят живые. Ты принадлежишь вечности, создание Врадуира.

Как и остальные чудовища, иллюзия содрогнулась и исчезла. Тирус глубоко вздохнул и потер лоб. Джателла подошла к нему.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Тирус. Мне хотелось самой разорвать его на куски. Хуже того, мне хотелось пытать, мучить его, как варвары мучают тех, кого они берут в плен.— Джателла была вне себя от гнева.— Я... я думала, что я цивилизованная и все же, я никогда не чувствовала такой ненависти! И это всего лишь его изображение!

— Его точная копия,— сказал Эрейзан, следя за Тирусом, готовый помочь ему в случае слабости.— Вы бы не увидели его еще больше, если бы...

Акробат прикусил свою губу, поняв, что чуть не выдал свою тайну, тайну заклатья, наложенную на него Врадуйром.

— Править миром с помощью черной магии,— прошептала Джателла, с ужасом думая о том, что сказало изображение Врадуйра.

— Что это? — Обаж осторожно обошел место, где только что была копия Врадуйра, и приблизился к экрану, изготовленному из искусно обработанных камней. Его шаги отражались гулким эхом в комнате. Затем он резко остановился.

Все остальные подошли к нему. Джателла сняла факел со стены и подняла его над головой. Они все собрались вокруг этого странного экрана.

— Как это может быть? — прошептала Джателла.— Он сверкает как снег в долине Бога Смерти.

То, на что они с изумлением смотрели, представляло собой куб, испускающий то же самое сверхъестественное сияние, которое наполняло ночь во время их последней стоянки. Хотя поверхность казалась твердой, содержимое куба непрерывно двигалось и переливалось в этом жутком потустороннем сиянии.

Внезапно напряженная Джателла воскликнула:

— Тирус... там... там внутри замурован человек.

При этих словах все они ощутили мелодию: мягкую, приятную, успокаивающую. Она постепенно нарастала, заполняя все пространство вокруг них. В отличие от их шагов и слов, музыка вовсе не имела эха. Чистые и ничем не искаженные звуки вытекали из куба. Они формировались в знакомые мелодии Кларики, веселые и печальные, праздничные и траурные. Песни рыбаков, пастухов, моряков, дворян повисли в холодном воздухе, проникая в души восхищенных слушателей. Тирус никогда не слышал такого совершенного исполнения. Мелодии были так божественны, что они были покорены их красотой.

Как будто находясь под заклинанием, они слушали и смотрели на человека, находящегося в кристаллической пещере. Он казался подвешенным в пространство куба, чужой свет танцевал вокруг него.

Он держал в руках инструмент. Пальцы застыли в положении, как будто он трогает струны. Рот его был открыт, как будто он замер в тот момент, когда он пел свои чудесные песни. Его голос и инструмент превратились в одно целое, они оба сейчас являлись одним чудесным инструментом.

Глаза Тируса все еще слезились после взрыва стекла. Но теперь он почувствовал, что другие слезы смочили ему

ресницы. Он плакал вместе со всеми, тронутый до глубины души. Он осторожно дотронулся пальцем до кристаллической пещеры. К его удивлению он не почувствовал никакой вибрации поверхности или других признаков того, что звуки проходят сквозь поверхность или излучаются ею.

— Мы слышим его старые песни,— сказал Тирус, с волнением и сожалением глядя на певца, плавающего в странном сиянии внутри куба.

— Жертва! — сказала Джателла, решительно стряхивая с себя очарование музыки. Она пришла к тому же заключению, что и Тирус, вспомнив речи изображения Врадуйра.

Тирус медленно кивнул, с трудом вынося боль в черепе.

— Это знаменитый певец из Атея. Рабы Врадуйра похитили его.

Тирус прижался лбом к поверхности кристалла. Она была ледяной, холодной, как сама смерть. Холод должен был бы унять боль, но этого не произошло.

— Несчастный музыкант! — с грустью сказала Джателла.— Боги будут милостивы к нему.

По ее щекам снова покатились слезы, вызванные теперь не музыкой, а жалостью к певцу. Шемящая душу мелодия превратилась в скорбь по музыканту, который мог создавать такие мелодии.

— Почему был?..— Затем Обаж сам ответил на свой вопрос.— Он был убит, чтобы доставить удовольствие Нидилу?

— Одна из жертв Врадуйра, с помощью которой он хотел получить власть и бессмертие,— сказал Эрейзан.

Акробат смотрел на певца, вена на его виске тревожно пульсировала. Для Тируса было ясно, что его друг борется со стремлением превратиться в тигра. Здесь это было бы бесполезно: Врадуйр был еще не у них в руках. Они не могли ничем помочь певцу из Атея. Никто из смертных не мог.

— Жертвы,— сказала Джателла.— Все, что он похитил, как ты сказал, Тирус. Жертвы, чтобы удовлетворить его тщеславие и заслужить милость Бога Смерти. А Илесса? Илесса?

Джателла упала на колени, как будто она стояла перед алтарем. Слезы брызнули из глаз и покатились по щекам. Она в отчаянии смотрела на ужасную пещеру.

— О, мы не должны опоздать. О! Гетания, не дай Илессе пасть жертвой!

И Джателла судорожно прижала ладони к губам, стараясь сдержать крик отчаяния, рвущийся у нее из груди.

Глава 15

АЛЧНОСТЬ КОЛДУНА

Обаж и Эрейзан наклонились, чтобы помочь молодой королеве, но Джателла оттолкнула их от себя, овладев собой.

— Нет! Этого не будет! Я не позволю этого сделать! — Она вскочила на ноги и встала перед Тирусом. — Я знаю, что она жива, не принесена в жертву, не заключена в один из этих кубов. Я знаю это!

Честность не позволила Тирусу полностью разувериться в этом.

— Я не могу сказать сейчас, потеряна ли Илисса для нас или нет. — Затем он добавил мягко: — Ну, кровные узы очень сильны.

— И между мной и сестрой существуют связи — это кровь наших родителей! Илисса жива, — твердо сказала Джателла. — Она подняла заколдованный меч Тируса над своей головой. — Мать Земли, веди меня к ней и треть моей земли будет отдана тебе на все годы, пока я жива!

Эрейзан вдруг сказал:

— А эта кукла Врадуйра сообщала его собственные планы? — Тирус кивнул и Эрейзан, основываясь только на этом шатком предположении, сказал: — Он говорил, что невозможно заслужить милость Нидила с помощью обычных жертв, а принцесса Илисса — это действительно совершенство. Значит, он не должен убить ее, значит, он еще не добился полной милости бога.

Джателла с побледневшим лицом резко повернулась, ожидая ответа Тируса. Слова Эрейзана наполовину убедили Тируса.

— Кажется, Эрейзан прав. Если бы бог благоволил к Врадуйру, то мы бы уже давно погибли и мир почувствовал бы, что власть находится в руках Врадуйра. — Джателла нахмурилась, а Тирус продолжил: — Лучшее доказательство тому, что Илисса жива — это то, что живы мы. Если бы Нидил дал ему власть, то мы были бы первыми жертвами его правления. По каким-то причинам Врадуйр еще не пожертвовал Илиссе богу и тот не заключил ее в свой кристаллический сейф, пока.

Страх за Илиссу не заслонил в сердце королевы беспокойство за все человечество.

— Весь мир и все люди зависят от жизни Илиссы и она должна быть спасена не только для меня.

— Не только для вас, — сказал Эрейзан с излишней пылкостью. — Мы все хотим этого.

Обаж взял факел из рук Джателлы и повел их дальше, мимо куба с замурованным в нем музыкантом. Эрейзан предложил руку Тирусу, но тот жестом отверг его помощь. Он медленно шел по мраморным плитам пола. Отряд вышел из комнаты через дверь в противоположной стене.

Из следующего холла выход был на лестницу, теперь уже ведущую вверх. С верхней площадки отходило в разных направлениях несколько лестниц. Тирус осторожно погрузился в свой мозг, чтобы выбрать нужный путь. Это доставило ему меньше страданий, чем он ожидал. Эрейзан наблюдал за ним и понял, о чем думает Тирус.

— Мой друг,— сказал Тирус.— Врадуир тоже страдает. Он не был готов к взрыву, как я, и выздоравливает гораздо медленнее, чем я. Но скоро он поправится. Идем, нам сюда.

Вдруг Тирус воскликнул. И для него человеческие радости значили больше, чем доказательства его могущества, как колдуна. Он видит! Как мучительно долго он не знал, вернется ли к нему зрение! И теперь, после него, он уже что-то видит! Он сразу воспрял духом, хотя ситуация была весьма тяжелая.

Тирус повел свой отряд глубоко в цитадель, эту город-крепость, построенную Врадуиром с помощью колдовства на крови беззащитных жертв. Использовал ли он для этого легионы рабов Нидила? Похоже, что нет, а может и да. И теперь некоторые из этих жутких существ охраняют широкие коридоры и комнаты цитадели Бога Смерти.

Тирус не мог бы объяснить, как он выбирал направление. Все обычные способы не годились здесь, в смертельном холоде и смертельной опасности. Искусство, которое он применял, нельзя было сравнить с искусством высслеживания дичи или ориентирования по звездам и солнцу. Его знание само приходило к нему из таинственных высот или глубин, куда оно было помещено с помощью его учителя, мастера-колдуна Врадуира. Теперь Врадуир был для него путеводной звездой, на которую он фокусировал свои чувства, которая притягивала его. И Врадуир был в черном сердце цитадели, куда Тирус неуклонно вел свой отряд.

По пути они встретили несколько творений Врадуира: демонов, иллюзий, отвратительных тварей, созданных им на Камате. Джателла разрубила одного из демонов мечом Тируса. Обажа убил какое-то волкоподобное существо. А однажды они по команде Тируса спрятались в тень и широко раскрытыми глазами смотрели, как воин-скелет проходит мимо их убежища. Он не обратил внимания на пар их ды-

хания, на мокрые следы, оставленные ими на полу. Но Тирус ждал, полный страха и недоверия. Он боялся черной молнии, которая может вырваться из костлявой руки. Однако этот призрак не ударил. Погруженный в мысли, которых простые смертные понять не могли, он прошел мимо них по коридору. Бронзовые пластинки доспехов сбились в разные стороны и в просветах между ними виднелись ребра грудной клетки, где много лет гнили, превращаясь в прах, легкие и сердце. На безглазом черепе был нахлобучен шлем, который был в моде в тех странах, имена которых уже давно потеряны. На кожаных сапогах, которые давно превратились в лохмотья, болтались шпоры. Жуткий, как привидение, воин свернул за угол и скрылся. Четверо в темноте ждали, затаив дыхание, пока не обрели уверенность, что скелет не вернется, и после этого они продолжили свой путь к сердцу цитадели.

Искусство магии Тируса все усиливалось и усиливалось. Тирус уже мог полагаться на него. На север! На север, куда они стремились с самого начала своей погони. К северу, туда, где кончается всякая жизнь, в сердце цитадели, к их злейшему врагу, врагу всего мира.

Они прошли через большую арку и замерли в напряжении. Джателла и Обаж схватились за мечи, а Эрейзан прижался к стене справа от Тируса. Не иллюзия, не демон, не скелет-воин — человек стоял в комнате!

— Стойте! Все! Стойте спокойно, а то я проткну кинжалом горло любого из вас!

Это был Одноухий. Он стоял у другого кристаллического куба в позе хищника с жадным огнем в глазах. На его поясе висело множество ножей — один его собственный, а остальные его товарищей-бандитов и, возможно, солдат королевы. Он в одной руке держал кинжал, а в другой меч.

— Это меч сэра Микита,— закричал Обаж.— Если он убил его...

— Назад! — предупредил Одноухий.

— Нас четверо, а ты один,— угрожающе сказала Джателла. Она взялась двумя руками за рукоятку своего меча.

— Королева, нас много! За честь Куреда! — Обаж рванулся вперед.

— Назад! Таких, как ты, сэр, я могу уложить несколько. А вы, королева, тоже держитесь подальше, а то я попорчу вам ваши прелестные глазки.

— Он не будет шутить,— сказал Тирус.— Он очень искусно обращается с ножом. Он может броском прикончить любого, прежде, чем он сможет приблизиться к нему на расстояние удара меча. Делайте так, как он говорит.

— Правильно, объясни им, колдун,— сказал Одноухий менее кровожадно.— Я вовсе не хочу убивать вас, если вы оставите меня в покое. Один Роф желает выполнить волю нового хозяина и представить вас ему. А я уже нашел на-граду сам.

Было ясно, что Одноухий выдержал жестокую битву. Он был в нескольких местах ранен, а его и без того грязная одежда была забрызгана кровью, собственной и вражеской.

— Сколько моих людей ты убил? — спросила Джателла, но не сделала ни шага вперед к этому, покрытому кровью, человеку. Она подчинилась приказу Тируса.

— Я не считал,— сказал Одноухий, ухмыльнувшись.— Стойте там. Это мое!..— Он повернулся к тому, что было у него за спиной.

Пока он стоял на месте, он не позволял смотреть на то, что закрывал. Теперь они увидели другой куб, чуть поменьше, чем тот, в котором находился певец. Когда Одноухий отошел от куба, Тирус зажмурился от яркого света, а все остальные ахнули в изумлении.

Тирус напрягся и сквозь жгучие слезы рассмотрел содержимое куба. Это было золото, изумруды и бриллианты — ошеломляющие по своей чистоте и качеству.

— Корона Гетании! — закричала Джателла.— Украдена из замка в Серса-Орнайле!

— Богине она не нужна, а я буду богат до конца жизни,— ответил бандит. Когда Эрейзан чуть сдвинулся в сторону, убийца бросил взгляд на него.— Стой спокойно... кто бы ты ни был! Я возьму корону! Никто не остановит меня!

— Не бей по нему,— закричал Тирус.

Но Одноухий был слишком нетерпелив, чтобы ждать. Тяжелый удар опустился на сверкающий куб. Сэр Микит был очень богат и меч его был сделан из лучшей Крантинской стали. Удар был очень силен: рукой бандита двигала алчность. Если бы куб был сделан из стекла, как это казалось, он бы треснул или разлетелся бы от удара.

Но это было не стекло. Бог Смерти вовсе не желал, чтобы его ограбили. Комната вдруг наполнилась божественным светом, громоподобной голубизной. Меч по самую рукоятку вошел в грудь Одноухого. Сраженный бандит корчился на полу в смертельной агонии, рот его был широко раскрыт в беззвучном крике. После этого взрыва божественного гнева свет погас так же внезапно, как и появился. Одноухий лежал, распростертый на спине, кинжал валялся рядом, выпавший из разжавшейся руки.

Когда Тирус и остальные подошли к бандиту, его тело дернулось несколько раз, но глаза уже были пусты и безжизненны. Обаж переступил через труп и направился к упавшему мечу.

— Ничего не трогать! — прозвучал приказ Тируса. Видевши ужасное наказание, постигшее Одноухого, который не повиновался приказу Тируса, Обаж быстро отскочил назад, как будто его обожгло неземное пламя, убившее бандита.

— Я... я только хотел вернуть меч Микита его родственникам, — сказал он.

— Бесценное сокровище, — произнес Эрейзан, с благоговейным трепетом глядя на корону Гетании. На кубе не осталось ни царапины. Ничто не говорило о том, что он подвергся удару меча. Знаменитая корона плавала в голубом пламени, недоступная миру, спрятанная от него.

— Но... ты же касался куба, где находился певец, — сказала Джателла и тревожно посмотрела на Тируса, думая о той опасности, которой он подвергался.

— Да, я рисковал, но не понимал этого. Может, я избежал смерти потому, что у меня не было враждебных намерений. Одноухий хотел украсть корону и это стоило ему жизни.

Джателла поклонилась предмету культа Гетании, сложив святой треугольник пальцами.

— Какой траур будет в Серса-Орнайле по этому бесценному сокровищу, — прошептала она.

Тяжелое золото, искусно обработанное лучшими мастерами Серса-Орнайля. Рельеф из цветущих деревьев и хлебных полей украшал корону. Процессия священнослужителей двигалась по полям и лесам, прославляя Мать Земли. Корона была украшена огромной черной жемчужиной и редкими камнями цвета голубого льда, которые Тирус описывал торговцу драгоценностями в Куреде. Камни были вделаны в прекрасно изготовленную золотую цепь, обвивавшую корону. Каждый лист был изумрудом, а верх короны украшал громадный изумруд чистой воды, великолепно ограненный, посаженный в золотые лепестки. Корона была велика для обычной женщины, но ведь она принадлежала богине.

— Люди никогда больше не увидят ее, — сказала с грустью Джателла. — Она больше не принадлежит Гетании. Сейчас мы во владениях бога снега и льда Омаятла, но корона, увы, принадлежит Нидилу.

— Нам не стоит больше задерживаться здесь, — сказал Тирус. — Здесь могут появиться разбойники, ищущие

драгоценности, да и глаза Вradуира быстро приходят в норму.

Подгонять их было не нужно. Они покинули комнату и пустились в путь по лабиринту коридоров и холлов цитадели. Время от времени им приходилось скрываться от творений Бога Смерти. К счастью для Тируса, которому не хотелось тревожить возвращающуюся силу, иллюзии Вradуира больше не появлялись. Может, Вradуир все еще страдает от боли в глазах и не может управлять своими рабами, а может он их послал на поиски врагов.

Они прошли много комнат и обнаружили другие жертвоприношения.

Каждая находка усиливала беспокойство Джателлы. Они видели куб, содержащий знаменитые гобелены Арниоба, далекого южного острова. Это было первое, что похитил Вradуир и капитан Дрие почти год назад. Как долго уже творил зло на земле Вradуир! Он похитил гобелены тогда, когда еще дымился пепел Камата и расплавленная лава еще не застыла.

В другой комнате хранилась серебряная цепь Аза-Дуна, того, кто пришел из моря. Как и голебены Арниоба, это было старинное, бесценное сокровище.

Во время похищений погибали люди. Солдаты, охранники с островов Арниоба и Бендина, которые пытались защитить честь и гордость своего народа. Колдовство и беспощадная воля капитана Дрие убивали всех, кто стоял у них на пути. Похитители оставляли кровавый след и жуткие рассказы, по которым Тирус и Эрейзан шли, как охотники собаки.

Тирус и остальные не удивились, когда обнаружили еще одно похищенное сокровище. Жеребец, украденный из священного стойла Грос-Донака на Тор-Мали, теперь принадлежал Нидилу. Оба с восхищением смотрели на это божественное животное, заключенное в кристаллический куб.

— Самые могущественные короли отдали бы многое за обладание им, — и тут же, вспомнив печальную участь Одноухого, он добавил: — Но никто из смертных больше не сможет ездить на нем. Он теперь принадлежит Нидилу.

Лошадь уже была принесена в жертву, как певец и остальные сокровища. Ее глаза в голубом пламени сверкали, как у живой, слышался дробный стук копыт и свист воздуха, вырывавшегося из раздутых ноздрей. Красная шкура блестела как солнечный закат и людям, с восхищением глядящим на это великолепное создание, казалось, что ее голова повернулась, а живые глаза в упор смотрят на них.

— Врадуй украл его у бога Бурь и Штормов и у его свирепых сыновей,— изумился Обаж.— Даже если он сделал это, чтобы принести жертву Нидилу, он все равно очень смелый человек.

— Он боится Бога Зла, Дьявола,— ответил акробат.— Он уверен, что если получит благословение Бога Смерти, то все остальные боги будут его союзниками. Имея Нидила за спиной, он может не бояться ничего, даже смерти.

— И он принесет еще немало жертв, прежде, чем пробыет назначенный богами час, или мы остановим его,— сказала Джателла.

Тирус осторожно подтолкнул ее к выходу, но она резко отстранилась, вся взволнованная.

— Илисса? Я... слышу ее!

Она стремительно побежала к двери, через которую они вошли. Остальные поспешили за ней.

Джателла выскочила на лестничную площадку и повернула на лестницу, которая наполовину была погружена во тьму. Ступеньки, ведущие вниз, исчезали во мраке.

— Здесь, крик слышен отсюда! Тирус, это Илисса! Я уверена в этом!

Опасность становилась реальной. Тирус чувствовал постоянно увеличивающееся давление. Врадуй приходил в себя. Но чувства и надежды Джателлы захватили его и стали его собственными. Ненависть, которая влекла его к Врадуй, была гораздо слабее его чувств и привязанностей к Джателле. Ее желание победило все опасения Тируса.

Эрейзан присоединился к Джателле.

— Тирус, я тоже слышу ее. Я всегда считал, что ни у кого нет такого острого слуха, как у меня. Но сердце королевы гораздо чувствительнее, чем мои уши. Я уверен, что это принцесса.

Эрейзан даже присвистнул от удовольствия, когда Тирус согласился.

— Времени становится совсем мало. Быстрее!

Джателла бесстрашно бросилась вниз по ступеням, во мрак. Тирус и Эрейзан с трудом подхватили ее, удержав от падения. Они оглянулись на Обажа. Придворный стоял на верхней ступени, полный нерешительности. В неверном свете факелов его фигура казалась серой и колыхающейся. Тирус и Эрейзан позвали его за собой, но тот стоял на месте, пока Джателла не крикнула:

— Ты же ее жених! Ты клялся идти за ней в огонь и лед! Неужели темнота тебя может остановить? Идем!

Он шумно вздохнул и пошел за ними. Однако, Обаж вовсе не выказывал желания идти впереди. Эрейзан выхва-

тил у него факел и взял эту опасную миссию на себя. Со звериной грацией акробат бежал вниз по ступеням. Тирус и Джателла бежали за ним так быстро, как только могли. Оба не стремились быстро попасть вниз, но ему и не хотелось оставаться одному. Он так близко прижимался к Тирусу и молодой королеве, что чуть не сталкивал их вниз.

Эхо гулких шагов звучало в темноте и жестокий холод Нидила царил везде. Факел давал мало тепла. Их дыхание мгновенно превращалось в пар, который развеивался над их головами, как туманное знамя. Они старались не касаться каменных стен голой кожей, выглядывавшей из рваных перчаток, так как опасались, что руки сразу примерзнут к ледяным камням.

Эрейзан приостановился на площадке, наклонив голову и внимательно прислушиваясь. Три новых лестницы ответвлялись здесь, причем, две из них вели вниз.

— Куда же еще нам спуститься? — спросил Оба, хлопая руками о себя, чтобы согреть их и прыгая. — Я ничего не слышу

— Тихо, — приказала Джателла.

В наступившей тишине они все расслышали слабый звук. Тирус не мог разобрать ни слова, а Джателла кинулась вперед и закричала:

— Малышка! Я иду к тебе, Илисса!

Она бежала, как безумная, между тремя лестницами, введенная в смятение многочисленными отраженными звуками.

Эрейзан легонько взял ее за руку.

— Сюда, королева.

Когда они спустились еще глубже, факел стал гаснуть. Тирус создал яркий волшебный свет, который заменил погасший факел. Яркий свет разделился на четыре менее ярких огня, каждый из которых освещал путь одному из путников. Джателла и Эрейзан испытываяще посмотрели на Тируса, понимая, что вся эта демонстрация значит. Без разговоров и споров они двинулись по лестнице, которую указал Эрейзан, спотыкаясь и скользя на камнях.

Вдруг стало очень душно, воздуха едва хватало, чтобы поддерживать жизнь. Тирус задыхался, хватал воздух широко раскрытым ртом, но не забывал поддерживать Джателлу, когда та в спешке спотыкалась. Лестница вела вниз спиралью, причем, она была направлена в одну сторону, а затем спираль начала закручиваться в противоположную. Здесь уже не было лестничных площадок и мест, где можно было остановиться и передохнуть. Магические факелы

горели над ними, освещая путь в подземные глубины ледяной страны Бога Смерти. Теперь они были далеко от поверхности, далеко от убежища в центре цитадели, где скрывался Врадуир.

То давление, которое Тирус ощутил ранее, возросло еще больше. Он погрузился в себя и к факелам добавил защитный экран. Это усилие причинило боль, но боль была переносимой. С течением времени Врадуир наберет достаточно силы, чтобы обнаружить экран и возможно пробить его.

Внезапно лестница кончилась и они оказались перед тяжелой дубовой дверью, обитой массивными металлическими полосами. За ней был свет, тепло, воздух — рай под землей.

— Джа... Джателла! О, Джателла! Ты пришла!

Илисса была за решеткой двери, в отчаянии припав к металлическим прутьям. Джателла бросилась к ней и обняла рыдающую сестру, насколько ей позволяла решетка.

— Илисса? — Обаж не верил своим глазам, как будто, несмотря на все свои похвалы относительно ее освобождения, на самом деле он не ожидал ее отыскать.

Эрейзан немедленно подбежал к решетке и стал обследовать ее, ища слабые места. Он взял волшебный меч, который бросила Джателла, чтобы обе руки ее были свободны и могли обнять Илиссу, и подошел к двери.

— Она закрыта заклинаниями,— сказал Тирус.— Джателла, Эрейзан, отойдите. Я должен разрушить эти заклинания контрзаклинаниями. Когда это произойдет, скорее всего дверь откроется сама.

Для сестер это было очень трудно — снова разлучиться после того, как они вновь соединились. Но Тирус пообещал разрушить решетку. Королева ободряюще улыбнулась сестре и отпустила ее руки после нежного пожатия.

— Скоро, моя малышка. Еще немного. Тирус сейчас тебя освободит.

— Может и не прямо сейчас, но так скоро, как смогу,— честно ответил Тирус.— Это очень сильно заколдованный запор.— Он прижал руки к вискам, направив все силы на дверь.

Здесь было очень много заклинаний, невидимых никому, но Тирус их видел. Он определил каждое. Присутствие Врадуира чувствовалось на каждой железной полосе. И все заклинания были известны Тирусу. Все эти комбинации Тирус помнил с детства. Другой колдун счел бы задачу отыскания ключа невозможной. Действительно, расшифровка потребовала бы очень много времени от любого. Но

память Тируса сработала безошибочно и мозг, четко уловив момент совпадения, разрушил все заклинания.

— Магия,— прошептал Обаж.— Все время магия. Мне надо было разрубить этот замок своим мечом.

— Магия служит добру, она разрушает зло,— сказала Джателла, глядя на дверь.

Тяжелые полосы треснули и дверь повисла на петлях, которых до этого не было. Она сопротивлялась Тирусу. Руками, которые были не руками, Тирус потянул ее. Он почувствовал сильное сопротивление — колдовство Врадуира. Опять Тирус стал делать контрзаклинания, преодолевая барьер. Медленно он поддавался. Все остальные отошли еще дальше, боясь, что дверь рухнет на них.

Эрейзан оглянулся и его лицо стало напряженным, как будто он что-то услышал на лестнице. Но все, что его встревожило, было позабыто, когда колдовство Тируса сработало полностью. Со страшным грохотом дверь рухнула, освободив широкий проход.

Джателла прыгнула через порог, схватив Илиссу в объятия и крепко прижав ее к себе.

— Я же говорила тебе! Тирус сломал дверь. Он освободил тебя!

Тирус чувствовал себя лишним при этой сцене, полной любви и нежности.

Смеясь и плача от радости, Джателла кричала:

— Мать Земли, я буду благодарить тебя до конца дней своих! Тирус и ты, Эрейзан, привели меня к Илиссе, как и обещали.

Акробат смущенно улыбался, очень тронутый встречей сестер. Он подключил к своей радости и Тируса.

— Тирус, ты всегда говорил, что ты был принцем, но ты настоящий принц!

Тирус покачал головой, отказываясь от этого титула, и стал изучать камеру. Он заметил вторую заколдованную дверь с решеткой в дальнем конце комнаты. Кроме того, он увидел в камере много специальных волшебных украшений и приспособлений, предназначенных для того, чтобы создать Илиссе комфорт и уют здесь, в цитадели холода и смерти. Она была пленницей Врадуира, и он создал для нее и тепло, и свет, и роскошь, достойную принцессы.

Светящиеся шары, подобные тем, что создал для себя Тирус, освещали комнату. Тепло без пламени исходило из обсидианового камина. Серебряные пластины закрывали стены в тех местах, где на стенах не было драгоценных gobelенов. Роскошные бархатные и меховые одеяния висели на крюках, укрепленных на серебряных пластинах. Боль-

шое количество ящиков, сундуков и полок для белья, картины, расписные тарелки украшали комнату. Толстый ковер ласкал ноги. Кроме того, стояла огромная кровать, подобная той, что была во дворцовой спальне Илиссы в Куреде.

В большом смятении Тирус понял, что все это означает. Беспомощная, прекрасная, невинная девушка в комнате, запертой с помощью колдовства Врадуира. Торжество освобождения Илиссы смешалось с горечью. Они пришли слишком поздно! Счастливая улыбка Эрейзана тоже исчезла с его лица, когда он начал все понимать.

— Ах! Дай мне взглянуть на тебя!

Джателла отбросила спутанные волосы с лица Илиссы. Вся ее радость мгновенно превратилась в ужас, когда на нее взглянули покрасневшие от слез глаза Илиссы.

У нее был взгляд затравленного зверя, какой бывает у хрупкой, неприспособленной женщины, долго пребывающей на грани безумия. Ее воля была почти сломлена, она была на краю паники.

Илисса была одета в то же платье, что и в момент похищения. Илисса пыталась его подремонтировать, но без большого успеха. Оно было рваное, грязное, измятое. Вид этих лохмотьев без слов красноречиво рассказывал всю историю постепенной деградации человека, доведенного до отчаяния.

Ее кожаные брюки были все разорваны и неаккуратно заштопаны. Со всех сторон торчали лохмотья. Одежда была зашита так, чтобы хоть немного прикрыть тело. Грудь была почти обнажена, а сквозь прорехи светило голое тело. Она выглядела так, как будто все время ждала удара — а в ее терпешнем состоянии это могло быть слово — ударом ужасным и безжалостным, как удар топора. Каким-то чудом она прошла через все испытания, сохранив рассудок. И теперь, стоя перед Джателлой и остальными, она вся дрожала, несмотря на тепло, исходящее из волшебного камина.

— О, Джателла, я... я не могла защитить себя. Он говорил какие-то странные слова и... и...

Джателла обняла ее, вся дрожа от гнева.

— Какое же животное этот колдун Врадуир!

— Не называй его животным, королева, — сказал Эрейзан. Слова Джателлы ранили его самолюбие и он показал, насколько мучения Джателлы близки его сердцу. — Только люди могут так опуститься.

Илисса громко рыдала. Но она почувствовала теплое участие Эрейзана к ней. Она взглянула на Тируса и Эрейзана и с трудом вспомнила их.

— Вы... вы актеры. Когда... когда вы пришли сюда, я боялась, что это опять... опять он,— сказала она, глотая слезы.

Тирус увидел боль на ее чистом и невинном лице. Да, она была чиста, несмотря на то, что сделал с ней Врадуир. Ее страх потихоньку исчезал и она сказала:

— Но ты не будешь мучить меня с помощью магии? И ты, Эрейзан? — Она попыталась улыбнуться и продолжала: — Ты спас меня от вора. И ты прыгнул на лошадь война-скелета. Тебя ведь могли убить. Какой ты смелый!

Эрейзан упал перед ней на колени и порывисто поцеловал ее тонкие бледные пальцы.

— Я готов умереть, чтобы спасти вас, принцесса. Знайте, что я ваш самый преданный слуга. И я буду мстить за вас. Я клянусь в этом именем Грос-Донака и всеми силами неба и моря.

Тирус дополнил его клятву:

— И всеми силами колдовства. Вы свободны, принцесса. Врадуир больше не коснется вас своим черным колдовством.

Илисса пыталась поймать взгляд Эрейзана, чтобы тот простил ее за то, что она не сразу узнала их.

— Но... ничто уже не сможет изменить того... что...

Она зарылась лицом в грудь Джателлы, стараясь унять душивные ее слезы. Джателла нежно гладила ее спутанные волосы, а принцесса всхлипывала:

— Он... он сказал, что я должна быть его королевой. И он приказал мне наряжаться вот в это.

Она указала на роскошные украшения, прекрасное королевское платье. Все это было достойно королевы — владычицы мира и всех людей.

— Я не одела этого. Я от него ничего не взяла! Ничего! Я спала на полу. А не здесь... не здесь, где он...

Она замолчала, отвернувшись от роскошной постели, один вид которой был для нее настоящей пыткой.

— Ну, теперь все позади. Ты теперь свободна и в безопасности,— сказала Джателла. Она притянула голову Илиссы к себе на плечо, гладила ее и смотрела на Тируса.

Духовная связь между ним, Эрейзаном и Джателлой усилилась, когда появилась нежная, хрупкая и беззащитная Илисса. Тирус боролся с давлением Врадуира, разделяя боль Джателлы.

— Моя мать,— заговорил он высоким звенящим голосом.— Он обесчестил ее благородную память уже давно, но теперь он еще больше оскорбил ее этим преступлением. А ведь было время, когда он вешал пиратов, которые насило-

вали наших женщин во время своих нападений.— Тирус продолжал, подавленный всем случившимся.— Как он мог решиться на такое? Расвен! Как бы я хотел, чтобы у меня в жилах текла не его кровь! Мне стыдно называть его своим отцом!

Илисса припала к Джателле и шептала:

— Так сильна его магия. Если бы у меня был нож... Я думаю, что никогда больше не смогу взглянуть на солнце или на алтарь Гетании снова.

Джателла мягко успокаивала ее. Эрейзан присоединился к ней.

— Не плачь, принцесса. Не прячь от нас свое прекрасное лицо. Вам нечего стыдиться. Стыдиться должен Врадуир. И он заплатит жизнью за это преступление!

Джателла с благодарностью кивнула ему, затем обратилась к Обажу и сказала:

— Подойдите и успокойте ее. Она нуждается в том, кто любит, чтобы он осушил ее слезы и помог забыть обо всем ужасном. Что с тобой, Обаж?

Так как ответа не было, то все посмотрели на молодого придворного. Предупреждающие сигналы звенели в жилах Тируса и бились в мозг. Однако его эмоции все еще были связаны с чувствами Джателлы. Внезапное подозрение заставило его исследовать Обажа, прозондировать его разум. Тут же он подумал о том, что Обаж может быть инструментом Врадуира. Тирус не отбрасывал эту возможность. Очень редко этот провинциальный лорд демонстрировал свою честь и храбрость, которые соответствовали его положению и титулу. Гораздо более часто он был тем, чем считала его Джателла — искателем титула и состояния. Он был, как и говорили слуги во дворце, младшим сыном и все его красивые слова не имели под собой никакой материальной основы. Теперь же, уже совсем очевидно, Обаж показал свою полную пустоту.

Тирус не думал, что его может еще что-то разозлить после того, как он узнал о печальной судьбе Илиссы. Теперь холодный взгляд Обажа разжег в его душе пожар.

Однако его реакция была слабым подобием чувства Джателлы. Она положила руку на кинжал.

— Обаж! Скажи что-нибудь! Скажи нам!

— А что бы вы хотели услышать от сэра, королева?

Все, как один, обернулись к дверям. Там стоял Роф, прислонившись к стене и улыбаясь им. Он приблизился так тихо, что только Эрейзан мог бы его услышать, но внимание Эрейзана было полностью приковано к Илиссе. Как

и Одноухий, Роф был вооружен большим количеством оружия, чем он имел, когда они оставили его. Эрейзан вскочил на ноги и направился к нему, а Обаж повернулся и направил острие меча на бандита. Роф приготовил для обороны меч и топор, остановив их на полпути. Его улыбка расплылась и превратилась в волчий оскал.

— Стойте на месте, ребята, и пока вам не угрожает ничего. А потом... потом мы посмотрим, как обойдется с вами мой новый хозяин!

Он взглянул на Тируса и давление на его мозг увеличилось до угрожающих размеров, готовое обрушиться на него, а лорд-бандит закрывал единственный выход из этой камеры в глубинах цитадели.

Глава 16

БОГ СМЕРТИ

— Как ты отыскал нас? — спросил его Тирус с холодным спокойствием. Он знал ответ, но выигрывал время. Воздух приобретал вес, он становился тяжелее и тяжелее с каждым мгновением. Видение Тируса уже полностью прояснилось. Он начал глубоко и медленно дышать, противопоставляя свое давление усиливающейся атаке Врадуира.

— Мой новый хозяин привел меня сюда, — сказал Роф, пожав плечами. — Я пришел сюда потому, что мне платят. Вы помните?

— Твоя плата — это пыль и твоя смерть.

Роф сделал вид, что не слышит предупреждения Тируса. Он смотрел на сцену, которая открылась перед ним в камере, как будто она была поставлена для его развлечения. Только один момент он колебался и выразил какое-то подобие симпатии, когда взглянул на Илессу и был поражен, что она была в заточении в таком жутком месте. Но это было всего лишь мгновение. Он быстро перевел свои черные глаза на Джателлу и мужчин.

— Ну, лорд Обаж? Королева ждет. Почему ты молчишь? Ты очень много говорил, когда мы шли сюда.

— Заткнись, ублюдок!

Роф пропустил оскорбление мимо ушей и рассмеялся.

— Да, я ублюдок, милорд. Но я не разукрашенный мешок хвастовства своими титулами и званиями, как ты. Ты больше думаешь о своих титулах, красивых словах, чем о мужестве. У тебя есть мужество сказать ей правду?

— О чем ты говоришь, бандит? — обрезала его Джателла.— Обаж, ты онемел или лишился ума? Тирус на сей раз не околдовал твой язык. Я жду ответа.

Припертый к стене, Обаж закричал:

— Я не желаю больше, чтобы меня третировали. как последнего пажа люди из дома Фер-Со. Мои предки из рода Ирико и гораздо благороднее...

В отчаянии Илисса воздела свои бледные руки к небу. Ее прекрасное лицо покрылось слезами.

— Обаж, ты должен понять! Он... он колдун! Он использовал магию, чтобы овладеть мной!

Хотя она была далеко от него, Обаж отстранился от нее, как будто она была последним бродягой. Все это выглядело так, как будто он боялся об нее запачкаться, его отворачивание было очевидным. С холодной вежливостью он обратился к королеве:

— Королева, мы все это обсудим позднее, при более благоприятных обстоятельствах.

— Что? Как... Ты, презренный искатель богатства!

Джателла сжала рукоятку кинжала, а Илисса боролась с ней, умоляя проявить терпение. Даже теперь Илисса защищала своего жениха от разъяренной сестры.

Обаж не успокоился и принял вызов, который ему бросила Джателла.

— Я из рода Хули-Куред. И не в наших обычаях принимать оскорбления от кого бы то ни было. Мы вторая семья. И по всем правам, когда в роде Фер-Со нет сыновей, один из нас должен занять трон, а не вы.

Он совсем потерял разум и не замечал угрожающего движения Джателлы и опасной близости акробата. Руки Эрейзана были напряжены и готовы вцепиться в горло придворного.

Тирус крикнул, пытаясь их всех привести в чувство. Но вдруг чудовищный удар обрушился на его шею. Сделала этот удар не рука человека и никто ничего не видел. Тем не менее он был сбит на покрытый ковром пол и теперь лежал, стиснув голову, почти потеряв сознание. Тирус отчаянно концентрировал свою волю, стараясь отбить удар Врадуира. Скованный, неспособный даже отдать часть сил, чтобы крикнуть, Тирус что-то хрипел остальным.

Все двигались необычно замедленно. Слова искажались. Вся реальность изменилась, когда силы колдовства Тируса и Врадуира сошлись в ужасном столкновении.

— Вырви у него сердце, Эрейзан! — крикнул Роф.— Куси его, Рыжик!

Это было единственное, что мог сказать Роф, чтобы прекратить взрыв ярости Эрейзана. С трудом Эрейзан остановил свой прыжок, уже наполовину начатый. Он остановился совсем близко от острия меча Обажа, который был направлен ему в живот. Осторожно Эрейзан отступил на шаг и переводил взгляд с Илиссy на Обажа и обратно, находясь в нерешительности.

Заколдованный меч Тируса валялся довольно далеко — так же далеко, как южный остров Сарлос — где Эрейзан бросил его после того, как попытался открыть им дверь камеры Илиссy.

Тирус знал причину колебаний Эрейзана. Джателла тоже. Роф покусывал свои губы, следя за взглядом Эрейзана на Илиссy. Временами изменение облика Эрейзана помогало им против созданий Бога Смерти и спасало им жизнь. Теперь это было невозможно. Раздосадованный акробат не мог заставить себя изменить облик даже для того, чтобы убить Обажа. Если бы он сделал это, Илисса увидела бы в нем зверя, которого сделал из него Врадуир.

— Хай! Рыжик!

Без предупреждения Роф бросил Эрейзану свой меч. Акробат поймал его в воздухе и взмахнул твердой кларической сталью, направив лезвие в сторону Обажа.

После того, как Роф отдал свое оружие, он немедленно возобновил свой арсенал, взяв другой меч, который висел у него на поясе. Он был готов отразить любое нападение. Роф подзуживал Эрейзана.

— Ты можешь убить его, как мужчина. Убей его, акробат! Прикончи этого хлыща. Ведь ты гораздо больше мужчина, чем он, в каком бы облике ты ни был!

Тирус подполз к стене и, цепляясь за трещины между камнями, преодолевая боль, старался подняться на ноги. Воздух казался живым от непрерывного изменения цвета и бесчисленных взрывов маленьких ярких звезд. Через переливающееся всеми цветами пространство камеры Тирус видел Эрейзана, наступающего, наносящего удары, отражающего меч Обажа. Роф всячески поддерживал и поощрял его, как бы забыв о всех насмешках, которыми он преследовал его раньше.

Паника охватила Обажа, он отступал и в животе у него появилось острое ощущение меча Эрейзана.

— Это тебе не приятное дворцовое представление, милорд, а? — кричал Роф. — Не танцы и не поклоны, и не болтовня с дамами. Рыжик боец! Проткни ему живот, Эрейзан!

— Джателла, останови их! Прошу тебя! — воскликнула Илисса.

Она хотела броситься вперед и встать между сражающимися. Джателла рассеянно задержала ее, силы у нее были гораздо больше, чем у так много страдавшей девушки.

— Джателла, пожалуйста! Они же убьют друг друга!

Хотя Роф и наслаждался битвой, было ясно, что он не против того, чтобы это произошло. Он внимательно следил за боем, аплодировал Эрейзану и давал советы, когда Обаж стремился нанести смертельный удар или отразить его.

Тирус так стиснул зубы, что челюсти у него чуть не треснули. Взрывающиеся огни разделились на две ярких полосы — одна ярко зеленая, а другая безобразно черная. Тирус ударил магию Врадуира и заставил ее отступать. Сначала в одном месте, а затем в другом. Возраст уступил напору юности, отчаянное тщеславие праведному гневу.

Но часть сознания Тируса опять отвлек Эрейзан, который хотел смыть кровью Обажа нанесенное ему оскорбление.

— Прекратите! — кричал он сквозь свое колдовство и контрзаклинания. — Остановитесь! Врадуир...

Это предупреждение ему дорого обошлось. Как только он вдохнул воздух, магия Врадуира, преодолев магию Тируса в двух критических точках, обрушилась на него. Стены камеры начали расходиться в стороны. Массивный каменный блок рухнул с потолка как раз между Обажем и Эрейзаном. Он упал так близко к ним, что выбил меч из рук Эрейзана, а плащ Обажа попал под камень, и Обаж в испуге отпрянул, плащ свалился с его плеч.

Джателла мгновенно схватила Илису, прижала ее к себе и побежала к Тирусу, пытаясь найти защиту. Он сконцентрировал себя на сдерживании колеблющихся стен, испытывая гораздо более сильные удары, чем удары падающих камней. Внезапно разрушилась дверная перемычка и вместе с ней лестничная площадка. Роф вскочил в комнату, спасаясь от града камней и кирпичей.

Эрейзан и Обаж смотрели на стены и потолок в страхе и смятении. Колдовство наложилось на реальность и все стало безнадежно перепутанным. Стены, пол и потолок, казалось, обрели жизнь. Они колебались, волновались, перемещались взад и вперед, вверх и вниз.

Джателла стояла на коленях возле Тируса, спрятав голову Илисы. Затем, как будто ее что-то ударило, она оставила Илису на несколько мгновений возле Тируса и бросилась сквозь град обломков к валявшемуся на полу заколдованному мечу. Схватив его, она поспешила назад, обняла Илису одной рукой, а в другой она держала меч, готовая

отразить нападение нового врага. Но для меча здесь не было работы, единственным врагом здесь былидвигающиеся стены.

Путь, которым они проникли сюда, теперь был безнадежно блокирован, завален обломками лестницы и дверного отверстия. Тирус направился к противоположной двери. Она была еще нетронута, но заперта с помощью магии. Он направил всю свою волю на эту дверь, жилы на шее напряглись, потекли струйки пота по лицу. Интуитивно Эрейзан понял, что делает колдун, и бросился к нему, забыв о своей ненависти к Обажу. Он двигался между падающими камнями, искусно меняя направление движения. Врадуйр хотел убить его и эти камни были его снарядами.

— Роф! Обаж! Ко мне! — крикнул акробат. — Мы должны помочь Тирусу открыть дверь. Он колдун, но наша сила тоже нужна ему!

Джателла больше не оставляла Илиссе одну. Принцесса была слишком напугана и не могла позаботиться о себе, а Тирус направил все свое существо на запертую дверь. Но королева присоединила свой голос к требованию Эрейзана.

— Нам нужно выбраться отсюда. Тирус нашел выход. Помогите ему! Помогите ему! Роф, твой новый хозяин — это демон, который предает тебя и убьет вместе с нами! Ну где твоя награда! Ты не можешь купить себе даже выход отсюда!

Так же быстро, как его купили на равнине, Роф снова переметнулся на их сторону. Дух его был так же гибок, как тело Эрейзана.

— Вы правы, королева. Колдун! Клянусь дьяволом, я очень сожалею, что связался с тем колдуном!

Он отскочил в сторону, когда с потолка рухнула доска. Она была во всю длину комнаты. Илисса вскрикнула. Несколько ее длинных локонов были зажаты этой доской. Безжалостно Джателла заколдованным мечом отрубила их, освободив Илиссе. Она без сожаления пожертвовала локонами Илиссы. Напуганная, но не раненая, Илисса обхватила руками шею Джателлы. Они вместе направились к двери. Затем Джателла увидела, что Тирус не двигается и стоит на месте.

— Он не может двигаться. Здесь все магия. Илисса, будь со мной!

Тирус погрузился в свой мозг, быстро спускался по волшебной паутине, которую никто не мог видеть. Джателла и остальные видели его застывшим и смотрящим в ничто, в его глазах горел таинственный блеск. Для Тируса мир переливался цветами, которых он не мог назвать, ло-

вушками, которые появлялись в сплетениях яркой паутины, бездонными пропастями, таинственными озерами, из глубины которых поднимались пузыри, наполненные каким-то едким дымом. Он видел два мира: мир черной магии Врадуира, угрожающий ему, и мир своей магии, с помощью которой он должен был отражать все нападения. Кроме того, перед ним был мир реальности, мир разрушающейся камеры с его друзьями, Рофом и Обажем, запертыми в ней. Некоторые из падающих камней были воображаемыми. Но некоторые были настоящими — и его друзья не имели возможности угадать, какие из них не принесут вреда, а какие смертельно опасны.

— На... налево,— услышал он свой голос, который был так слаб, как будто доносился с замороженной равнины. К нему прикоснулись руки, женские руки, две пары. Они обняли его за талию. Они его повели, буквально потащили к дверям. Роф и Эрейзан были уже здесь. Они использовали меч и топор Рофа, как рычаги, чтобы сломать решетку. Они навалились на рычаги и Тирус почувствовал, что его энергия получила поддержку, увеличилась настолько, что могла преодолеть магию Врадуира.

— Обаж? Сюда! — голос Джателлы прозвучал гулко и многократно прокатился в мозгу Тируса.

С трудом он повернул шею и посмотрел сквозь мерцающие огни в камеру. Он увидел Обажа. Дворянин не двинулся с места с тех пор, как потерял свой плащ под рухнувшим камнем. Онемев, он смотрел на разрушающиеся стены. Лицо его было пустым и бессмысленным.

— Влево...— одними губами произнес Тирус. Затем дверь немного уступила усилиям его, Рофа и Эрейзана.— Влево... избегайте камне.. справа,— пытался предупредить их Тирус.

— Эта сторона поддается! — воскликнул Роф.— Давай, акробат, жми сильнее!

Эрейзан не отвечал. Он навалился всем весом на меч, не обращая внимания на боль. Дверь чуть повернулась на невидимых петлях и Тирус направил всю свою волю в образовавшийся зазор, открывая дверь еще шире. Роф возбужденно кричал и подбадривал Эрейзана. Затем он уперся плечом вместе с Эрейзаном и они оба удвоили свои усилия.

Магические запоры Врадуира треснули со звуком разбитого стекла и мириады черных искр разлетелись в стороны. Теперь уже не только Тирус, но и все остальные увидели, что дверь была заколдована. Тирус сорвал колдовские замки Врадуира и дверь распахнулась. Роф и Эрейзан, на-

валившиеся всеми силами на дверь, рухнули через порог. Эрейзан быстро вскочил и подал руки женщинам.

— Если ты опять на стороне королевы, помоги мне! — сказал он Рофу.

Роф нерешительно повиновался. Эрейзан подхватил Тируса и потащил его через вновь образованную дверь. Тирус был все еще погружен в свою магию, держа под колпаком Врадуира. Он был не в состоянии ни говорить, ни что-либо делать.

— Обаж...

Даже после того, как Обаж высказался, Илесса все еще заботилась о своем бывшем женихе. Она повернулась назад и слабо позвала его. Эрейзан поднял ее и перенес в безопасное место. Джателла без колебаний доверила ему заботу о ее безопасности.

Тирус уже вышел из фокуса сильной магии Врадуира и пока Врадуир приостановился, чтобы собрать свежие силы после потери двери, Тирус осмелился отделить часть энергии на то, чтобы посмотреть туда, куда смотрит Илесса. Он крикнул парализованному ужасом придворному:

— Иди налево, Обаж! По левой стороне! Ты... ты можешь идти?

Тирус уже не мог здесь, как раньше, использовать волшебный колпак. Врадуир его пронизывал. Они были воинами-колдунами. Каждый знал щит и оружие своего соперника, между ними существовал полный паритет сил.

— Налево! По левой стороне! — повторил Тирус.

Обаж, наконец, вышел из состояния прострации, его губы искривила ухмылка.

— Ты хочешь, чтобы я погиб, фокусник. Ты хочешь, чтобы Джателла досталась тебе! Вы с ней заключили союз. Но ни ты, ни она не одурачите меня.

И он осторожно шагнул вправо, направляясь к двери.

Слева от него со страшным грохотом сыпались воображаемые камни. Казалось, что они сокрушают пол, ломают мебель — или это тоже была иллюзия? Тирус, прищурившись, посмотрел туда и увидел, что переломанные стулья и кровать на деле абсолютно целы. Иллюзия — все иллюзия!

С правой стороны каменный дождь был гораздо слабее, и Обаж побежал по правой стороне, держа наготове меч для того, чтобы защитить себя, если Эрейзан снова нападет на него. Хотя зрение Тируса уже полностью прояснилось, все движения его были еще замедленными. Потолочная балка зашаталась и начала падать, ее падение было подобно падению пера.

Обаж остановился передохнуть, к нему снова вернулась спесь и он не обращал внимания на угрозу, нависшую над ним. Он торжествовал.

— Я знаю, что ты лжешь... лжешь опять! — крикнул он.

Затем рухнувшая балка похоронила его под своими обломками.

Крик Илиссы был как нож, который вонзился в болезненные чувства Тируса и вернул его видение мира к нормальному состоянию: все стало двигаться с обычной скоростью. Повергнутая в отчаяние принцесса была в грудь Эрейзана своими маленькими кулачками, рыдая и крича, что они должны вернуться и спасти Обажа. Затем она заметила то, что остальные видели уже давно: расползающаяся под обломками балки лужа крови, крови, которой было слишком много для того, чтобы остаться живым после ее потери. Со вздохом Илисса побледнела и осела в руках Эрейзана, потеряв сознание. Эрейзан держал ее, крепко прижимая к себе.

Джателла прижала руки ко рту, чтобы сдержать рвоту. Тирус поспешил к Эрейзану. Он подхватил Джателлу и стал силой вести ее по лестнице за дверь.

— Быстрее, пока Вradуир не обрушил все на нас!

Роф бежал за ними, прыгая сразу через три ступеньки.

— Магия, — бурчал он. — Никогда нельзя ей доверять.

Падало много камней, но большая их часть была воображаемой. Тирус сердито отбрасывал их в сторону, едва замечая, что они сразу же превращаются в ничто. Лестница поднималась спиралью все выше и выше, выводя их сквозь мрак из глубин цитадели. Тирус сотворил огни, для того, чтобы создать тепло и свет. Энергию для этого он достал из самых дальних углов своего сознания.

Когда они добрались до верха, то увидели, что все коридоры, ведущие на юг, завалены камнями, причем, многие из них были настоящими. Стало ясно, почему Вradуир ослабил свои усилия уничтожить их там, в камере. Он избрал другую тактику: он решил лишить их всех возможных путей отступления. Тирус покачал головой, удивляясь:

— Это здорово истощит его силы, — сказал он.

Джателла приходила в себя. Ее бледные щеки немного порозовели. Илисса пришла в сознание и Джателла нежно притянула ее к себе. С сожалением Эрейзан опустил ее на землю и они с королевой стали поддерживать ее с двух сторон. Из них только Эрейзан был наименее утомившимся, хотя он в течение всего подъема нес Илиссу. У Рофа изо рта вырывались клубы пара, когда он сказал:

— Поверьте, что это последний раз, когда я связался с колдуном!

— Сейчас у тебя нет выбора,— улыбнулся Тирус, не смотря на то, что положение их было довольно сложным. Он указал на заваленные ходы.

— Это путь к воротам. Он замуровал их вместе с нами. Решай, с каким же колдуном ты пойдешь, кому будешь служить.

Роф хмыкнул.

— Я решу. Что мы за армия!

— Нам неоткуда ждать помощи, кроме как от самих себя. Даже если кто-нибудь из твоих людей или людей королевы живы, они все равно не смогут пробиться через эти завалы, чтобы вовремя прийти к нам на помощь,— сказал Тирус.

Каменные стены вокруг них задрожали и Тирус сказал с восхищением:

— Очень сильно. Он пытается нас здесь замуровать.

— И мы будем ему подыгрывать? — со страхом спросила Джателла. Она помогала Илиссе и следовала за Тирусом вместе с остальными.— Он куда-то загоняет нас. И ты нас ведешь туда, куда он хочет?

— Куда мы должны идти. Мы еще посмотрим, кто здесь охотник, а кто дичь!

И они поспешно двинулись вперед по винтовым лестницам, извилистым коридорам и холлам подальше от ворот и глубин цитадели, где находилась в заточении Илисса. Она шла, как во сне, передвигая ноги и почти повиснув на Джателле и Эрейзане. Тирус не мог помочь им. Он был собран и внимателен, передвигаясь сразу в двух пространствах — реальном и нереальном. Он старался предугадать, что должно произойти в будущем. Их жизни сейчас находились в руках богов.

— Его убежище,— сказал себе Тирус, не заботясь о том, слышат ли его остальные.— Сердце цитадели, где он воздвиг алтарь Нидилу. Он хотел, чтобы мы оказались за решеткой, как его рабы, где и будем ждать его суда.

— Да? — спросил Роф с неожиданным пылом.— А что хочешь ты, колдун?

— Того же, чего и Врадуир,— оборвал его акробат.

Обрадованный поддержкой друга, Тирус задумчиво произнес:

— Именно так. Только там мы откроем всю правду. Боги Кларики, помогите мне!

Задрожали камни и с потолка посыпалась каменная пыль, напоминая им о судьбе Обажа. Тирус решил не

тратить свою энергию на экранировку от этого дождя, чтобы не тратить время, хотя он даже рисковал пропустить какой-нибудь выпад Врадуира. Он не удивился, когда перед ними появились демоны и привидения, материализовавшись из ледяной пыли. Так же, как и на равнине, они вытащили золото и драгоценные камни и стали опять подкупать Рофа, переманивая его на свою сторону. Блеск сокровищ в волшебном свете огней Тируса ослеплял их.

— Бандит! Богатства! Сокровища земли и моря! Богатства, которые сделают тебя королем всех разбойников, хозяином всего...

Роф выхватил топор из-за пояса и стал рубить костлявые руки привидений, разбивая на части фальшивые драгоценности.

— Прочь отсюда к своему лживому хозяину! Все эти богатства — ложь, так же, как и все ваши обещания!

Джателла спросила с сарказмом:

— Ты, наконец, чему-то обучился, Роф? Или ты предашь нас опять при первом удобном случае?

Роф бесстыдно воскликнул:

— Только тогда, когда мне предложат совершенно безопасную награду! А в этой войне колдунов я буду на стороне того, кто защищает меня.

Коридор расширился. На его стенах висели горящие факелы, освещающие путь. Тирус уничтожил все свои огни, кроме одного, но оставил их в резерве, не доверяя Врадуиру. Тот мог в решающий момент погасить факелы и оставить их в темноте, если бы думал, что это приведет их в смятение. Тирус сам проделывал такие штуки в прошлом. Это его мало беспокоило, но все же...

Они повернули за угол и Тирус встал, как вкопанный. Он был собран и готов ко всему, но то, что он увидел, даже его вывело из равновесия. Сила гнева Врадуира ужаснула его. В конце коридора были огромные двери, без петель и без единой щели, подобные тем, за которыми находилась Илисса. Перед ними в коридоре пространство было занято ордами человекоподобных существ, демонов, ведьм. Все это кошмарное сборище ползло, прыгало, летело... по направлению к Тирусу и его спутникам!

— Тирус?

— Все это реально! — предупредил Тирус. — Существа Бога Смерти и истинные рабы Врадуира.

Он обхватил голову руками, борясь с рушащимися позади них стенами и запертой дверью впереди.

— Врадуир! Внутри! Это последний... последний барьер!

Вся армия ужасных созданий кинулась на них. Джателла и Эрейзан оттеснили Илиссу к стене и встретили первую волну демонов. Рофа почти захлестнула эта волна ужаса и зловония. Отбиваясь и ругаясь, он старался освободиться. Эрейзан бросился ему на помощь, отшвырнув в сторону красноглазого Волка, который уже приготовился проглотить разбойника. Не тратя времени и дыхания на благодарности, Роф вручил акробату топор взамен меча, оставленного в камере Илиссы.

Тирус поднял руки, жестикулируя. Магия стекала с кончиков его пальцев и разума.

Врадуир! Он мог видеть его! Двери их разделяли, но Тирус видел своего отца, стоящего против него на противоположной стороне барьера! Как и у Тируса, его руки были подняты, призывая всю свою силу.

Тут же было еще чье-то присутствие, колеблющееся, непрерывно меняющее очертания, действующее на них с непреодолимой силой — серой и зловещей, силой, находящейся вне сферы магии...

— Бейте их! Пейте их кровь! Уничтожьте их всех! — пел Врадуир.

Он смешивал свое чувство мести с холодным искусством магии, с самыми сильными и жуткими заклинаниями. Он призывал запретные силы, как было тогда, когда он искал могущества самого Бога Огня.

— Это теперь не Камат, — с напряжением сказал он. — Это никогда не повторится.

Он прислонился к стене. Его руки и ноги дрожали, его воля встретилась с волей Врадуира в непосредственном столкновении. Заклинания противостояли заклинаниям, магия уравновешивала магию.

— Никогда больше. Дверь! Мы... должны... разрушить... эту... дверь!

— Мы не можем пройти туда! — крикнула Джателла.

Она была вся покрыта гноем и прогнившими останками демонов, которых она разрубила, но она все еще сражалась и поражала сонмы демонов, нападавших на нее, своим заколдованным мечом. Женщина-воин доказывала свое мужество каждым ударом, каждым вздохом. Она была неустрашима и непоколебима в своем страстном желании защитить и освободить свою сестру. Илисса пряталась за Джателлой, в ее чистых, широко раскрытых глазах был ужас. Затем вдруг ледяные змеи проскользнули между ног Джателлы, зашипели и устремились к Илиссе. Но прекрасная, нежная, беззащитная принцесса не растерялась, в ней проснулся гнев и с ним мужество. Она схватила

змею за шею и оттащила ее смертоносное жало от своего горла.

Эрейзан бросился к ней и превратил остальных змей в кашу, размазанную по стене. Джателла наклонилась и вложила кинжал в тонкие пальцы Илиссy. С силой, которую нельзя было в ней заподозрить, Илисса убила змею, напавшую на нее.

— Хай, малышка! Мы с тобой одной крови! — воскликнула Джателла с восхищением. — Мы победим!

Роф поскользнулся на гное, который покрывал все пространство пола вокруг него. Он комично танцевал, размахивая руками, стараясь удержаться на ногах. Он пытался использовать свой хлыст, но летающие демоны вцепились зубами в твердую кожу, едва не отхватив его руку. Роф искусно выхватил меч левой рукой и, размахивая им, пошел на чудовище, поражая его крылья ударами меча, пока заколдованный меч Джателлы не выручил его, прикончив крылатого монстра.

— Черт побери, это же порождение человеческих кишков, — с отвращением воскликнул Роф.

Воздух озарился сиянием и все увидели столкновение сил колдовства. Воля Тируса столкнулась с волей Вradуира у них над головой, озаряя их холодным светом и осыпая мириадами мелких звезд. Стрела зеленого света вырвалась из лба Тируса и его глаз и ударила в дверь. Вradуир защищался с помощью черной магии, создавая экран. Стрела ударялась в щит снова и снова в безмолвной ярости, и каждый удар потрясал Тируса до мозга костей.

Он чувствовал, что сползает на землю, на колени. Его поддерживало только плечо, опирающееся на стену.

Перед ним дверь все еще была закрыта, но она уже стала прозрачной. Илисса протянула руку и с ужасом закричала:

— Вот он! Вот враг!

Вradуир был виден сквозь дверь!

Он стоял на коленях, как и Тирус, и содрогался при каждом ударе стрелы. Тирус был довольно далеко и не мог различить детали, хотя общая картина была видна очень отчетливо. Пот стекал с головы Вradуира, струился по гладко выбритому подбородку и пропитывал королевские одежды колдуна. Тирус чувствовал напряжение в каждой его жиле, такое же, как и у него самого, напряжение, источающее силы у них обоих.

Брус упал с потолка, едва не задев Илissу. Джателла и Эрейзан бросились к ней и оттащили в более безопасное место. Затем они приготовились с оружием в руках встретить новую волну демонов и чудовищ.

— Не могу...— выдохнул Тирус.— Дверь... надо пробиваться к двери...

Роф, не прерывая своей отчаянной борьбы с накатывающими на него монстрами, крикнул Эрейзану:

— Мы погибли, акробат!

— Нет! — Эрейзан взглянул на Илису, страшный гнев горел в ее глазах. Женщины были прижаты к стене, они были покрыты кровью ран, которые они получали, когда дьявольские создания прорывались к ним и кусали, рвали когтями и клювами.

Внезапно решившись, Эрейзан крикнул:

— Еще нет, Роф! Я сейчас разделаюсь с ними! Пробивайся к двери, помоги Тирусу!

Он решил воспользоваться тем заклятием, которое наложил на него Врадуйр. Не обращая внимания на свидетелей своего стыда, Эрейзан сменил облик у всех на глазах. В одно мгновение это могучее, покрытое шерстью и лохмотьями одежды тело ринулось в самую гущу демонов и начало их рвать на части клыками и когтями.

Создания Бога Смерти и рабы Врадуйра были опасны, но не имели разума, они были сделаны для убийства, а не для размышлений. Они были созданы для уничтожения людей и не могли противостоять зверю, обладающему не только ловкостью и чудовищной силой, но и человеческим разумом.

Шум был ужасным, смесь жутких криков, рева, клекота, треска ломающихся костей. Эрейзан рвал на куски демонов, ломал кости и крылья.

Застывшие от изумления Джателла и Роф очнулись и бросились на помощь человеку-тигру. Тирус полз по стене, по направлению к двери. Его окровавленные пальцы цеплялись за трещины между камнями. Он непрерывно сопротивлялся магии Врадуйра. Видение за дверью — нет, сквозь нее! — пульсировало и тревожно светилось. Магия Тируса и магия Врадуйра в своем бешеном беспощадном столкновении потрясало саму цитадель.

Дверь была покрыта брызгами гноя, смешанного с кровью Эрейзана. Роф схватил брус, который чуть не убил Илису и стал пробиваться к Тирусу. Джателла осталась с Эрейзаном, приканчивая тех монстров, которых он ранил или искалечил. Илисса очнулась от своего потрясения и мужественно вступила в борьбу, нанося удары своим кинжалом.

Демоны пытались скрыться от разъяренного тигра, карабкаясь на стены. Эрейзан высокими прыжками доставал их и сбрасывал на пол, прямо под удары заколдованного

меча Джателлы. Магия, которая заколдовала его и магия, которая создала меч, несли смерть ужасным существам.

— Дверь.. дверь,— стонал Тирус. Будучи в сильнейшем напряжении он не был уверен, что его слышат.

Но его услышали. Роф пробирался через груды отрубленных голов, конечностей и щупалец, через все то, что осталось после бешеного нападения тигра-Эрейзана на эти орды демонов. Он с трудом держал тяжелый импровизированный таран. Но он старался изо всех сил, хотя магия Врадуйра всячески мешала ему. Дверь, теперь уже совсем прозрачная в центре, блокировала путь Врадуйру. Роф стукнул своим тараном. Сила удара заставила его выпустить таран из рук. Шум его падения заглушил все крики и стоны и громом прокатился по коридору.

Роф крикнул и подхватил бревно на плечо. Он снова и снова таранил барьер. Сыпались искры огня и льда, летели щепки.

Тирус усиливал давление, жестикулируя пальцами, рукой, а затем пустил в ход свою волю. Победить! Двигаться! Вперед! Он чувствовал себя полностью обескровленным, его живот стал пересохшим бассейном, губы потрескались, а слюны не было, чтобы смочить их и унять боль. И все же он стремился вперед.

— Еще! — кричал он Рофу. — Еще!

Гордые усы и борода бандита обвисли, вся одежда была пропитана гноем. Но он повиновался Тирусу и Джателла помогала ему. Демоны были перебиты и она своими тонкими руками обхватила дальний конец бревна. Королева Куреда и главарь бандитов вместе разбежались по полу, покрытому слизью и кровью, и таранили невидимую дверь.

Затем они увидели странный беззвучный взрыв, взрыв чего-то, чего никогда не видели в человеческом мире. Тирус навалился всей своей мощью на неподвижный барьер — неподвижный, но он его сдвинул!

И дверь приоткрылась. Как пьяный, Тирус устремился вперед, едва не растянувшись во всю длину. Он уцепился за обломки двери и удержался на ногах.

Дверь исчезла, растворилась в воздухе, как только исчезла магия, создавшая ее. Роф упал на пороге на колени, хватая воздух широко раскрытым ртом. Руки все еще стискивали бревно. Джателла лежала на другом конце бревна, с удивлением озираясь вокруг. Затем она повернулась и стала с беспокойством отыскивать глазами Иллису.

Принцесса была совсем рядом. Она на четвереньках пробиралась по этой лавке мясника, которая когда-то была чистым коридором. В коридоре не осталось ни демонов, ни

прочих чудовищных созданий. Они были перебиты или в ужасе сбежали. Джателла с удивлением смотрела на сестру, а затем выражение ее лица изменилось. На нем появилась теплая нежность. Илесса уселась рядом с каким-то изувеченным чудовищем, лежащем в гряде себе подобных. Эрейзан опять вернул себе человеческий облик: его задача была выполнена.

Акробат истекал кровью от многочисленных ран. Его глаза горели гневом и болью. Одежды на нем не было. Она была порвана во время превращения и во время битвы. Он был слишком изнурен, чтобы двигаться или хотя бы закрыть паготу.

Тирус приблизился к нему, поклонился и потрепал ласково по плечу. Какое-то подобие улыбки скользнуло по губам израненного Эрейзана. Илесса завернула его в плащ Джателлы и нежно погладила его лоб.

— Ты опять спас меня,— прошептала она. Затем она встала около него на колени и поцеловала ту маленькую часть лица, на которой не было царапины, пореза или укуса. Наконец, он улыбнулся по-настоящему. Маленькие руки Илессы все покрылись кровью, когда она перестала перезывать его раны. Но, казалось, она этого не замечала.

Тирус был тронут этим зрелищем. Он потрепал Эрейзана по голове и тот слабо сказал:

— За... за Камат... и за Илессу... прикончим его, Тирус.

Новые силы влились в тело и мозг Тируса.

— Обязательно! Я отомщу, мой друг!

Он проник в убежище Врадуйра. Это была та самая комната, которую он видел в стекле. Теперь он видел ее наяву. Без окон, с низким потолком, широкая. В ней было несколько дверей, через которые входили рабы, выполняющие волю Врадуйра. Это он тоже наблюдал в волшебном стекле. Все двери, кроме той, которую они открыли, были заперты. Обычными замками и засовами, или опять магией? Это было убежище колдуна и комната с алтарем для служения богу.

Врадуйр был здесь. Он полностью потерял ориентацию после своего поражения. Врадуйр полз к огромному каменному алтарю, сложенному в центре комнаты. Чужой огонь, без тепла и звука, горел на священном столе. Врадуйр достиг подножия алтаря и стал кланяться, шепча заклинания, чтобы защитить себя. От кого? От Тируса? Или от гнева божества, которому принадлежала цитадель?

Наверху начало что-то формировываться, огромное, угрюмое, закрывающее от Тируса потолок и тени в углах комнаты. Оно все росло и росло... не человек, не зверь, не

птица и одновременно все вместе. Человеческий разум не мог понять, что это, оно было недоступно пониманию человека.

Нидил, Бог Смерти, Тот, Кто Замораживает Дыхание, пришел в свою цитадель. Он все время был здесь, и его здесь не было, пока продолжался путь Тируса и его спутников с боями от дверей крепости до камеры Илиссы и до этого убежища. Теперь во всем своем устрашающем величии он стоял, даже не стоял, а присутствовал здесь, перед ними, то самое устрашающее создание, которое Тирус видел в стекле. Мощь его была неизмерима, и Тирус и Врадуйр были перед ним ничтожными букашками.

Он был завернут в серый холод. Так как он прибыл сюда оттуда, где могут быть только боги, он принес с собой сладковатый запах разложения и давно исчезнувших жизней. Нидил — это смерть — бог, которого каждый должен увидеть в лицо, но никто не торопится найти его. С каким-то холодным беспощадным интересом эти бесформенные огненные пещеры, которые, вероятно, были глазами, возникли на поверхности колыхающегося серого облака и опустились вниз, глядя на ничтожных людей, повергая их в ужас своим взглядом.

Глава 17

СДЕЛКА ЗАКЛЮЧЕНА

Послышался голос. Нет, это не был голос. Гигантские губы не двигались. Но они слышали слова, что-то звучало в их мозгу, какая-то огромная сила проникла в их внутреннюю сущность.

— Кто вы и зачем вы пришли в мою цитадель?

Тирус почувствовал, что он должен делать. Во всем он должен быть выше Врадуйра, не только в колдовстве, но и во всем остальном. Если это ему не удастся, то весь мир и их жизни погибнут.

— Мы враги Врадуйра,— ответил он, сам удивляясь своему самообладанию.

— Врадуйр мой слуга,— сказал Бог Смерти с улыбкой, от которой Тирус содрогнулся до самых костей.

— Я твой самый верный слуга, о, могущественнейший Бог Смерти! — торопливо воскликнул Врадуйр.

Он упал к его ногам у подножия алтаря. Пламя обломки волшебной двери повредили его тунике и брюкам, они превратились в лохмотья. Волосы были в диком бес-

порядке. Он со злобой вытянул руку в направлении Тируса и его друзей.

— Они твои истинные враги, Нидил! Мои и твои! Возьми их жизни за то, что они проникли в твоё святилище!

Джателла шагнула вперед и встала рядом с Тирусом. Ее нервные пальцы стискивали рукоятку заколдованного меча, когда она смотрела на Бога. Но на него она смотрела смело, а когда переводила взгляд на Врадуйра, то он загорался ненавистью.

— Нидил! Тот, Кто Замораживает Дыхание! Мы пришли сюда не для того, чтобы осквернить твой алтарь! Мы пришли, чтобы покончить с богохульством и предательством Врадуйра! — громко сказала Джателла, перебив Врадуйра. — Мы чтим Нидила и всех богов. Мы хотим только Врадуйра. Только Врадуйра!

— Это вы сюда ворвались силой! Вы богохульствуете, — кричал Врадуйр. — Убей их, Бог Смерти!

Тирус почувствовал брешь в паутине колдовства. Врадуйр истратил много сил, обороняя дверь и отдавая приказы демонам и созданиям Бога Смерти, которые угрожали Тирусу и остальным. Теперь дверь была сломана и он был в ловушке. Заботясь о защите, Тирус пытался угадать, какое заклинание Врадуйр применит теперь. В защитном щите Врадуйра была трещина — а может это была западня для Тируса, которая оказалась бы роковой, если бы он попытался ударить туда?

Но Врадуйр сейчас валялся в ногах бога и умолял его покончить с пришельцами и поверить в верность самого преданного слуги — Врадуйра. Так что Врадуйру не было нужды сейчас обращаться к черной магии, он пытался найти помощь у бога.

Западня это или нет, но Тирус должен воспользоваться этой трещиной в стене. Он заэкранировал свой мозг от постоянного давления Врадуйра и приготовился к атаке.

Отец и сын смотрели друг на друга. Они были совсем рядом... и между ними была пропасть магии и колдовства. Холодный огонь колебался за Врадуйром, бросая отблески на его золотые волосы и королевские черты лица. Когда-то он был королем Камата, пока сын не стал равным ему. И затем...

Время замедлилось и поползло со скоростью объедающегося червяка. Время клубилось вокруг них, пугаясь в паутине колдовства, битва возобновилась с новой силой. Время наполнилось тревогой и болью и разбитой любовью.

Камат — мирное, процветающее государство, преданное своему королю-колдуну и его нежной королеве.

Время шло и добрая королева ушла к святым воротам Кета. Безутешный король надолго забыл о плотских радостях и только потом он утешался с теми женщинами, которые ничего не требовали от него, кроме щедрости. Король полностью погрузился в колдовство, обучая всему, что знал сам, своего сына.

Прошло время и король достиг больших высот в своем деле, он зашел очень далеко по этим путям. Кроме того, родилось соперничество и соперником стал его сын. Тщеславие и страх, страх времени и смерти, которые забрали его любимую жену и могли забрать его самого, и оставить на его троне сына. Его оружием стало колдовство, с помощью которого он открыл тайны, скрытые от простых смертных — сначала намерения были исключительно добрыми.

Прошло время и началось восстание. Мужественный сын предводителя клана, его собственный хранитель животных, воспротивился королю и его экспериментам. А сын короля учился, рос, становился требовательным — и удар должен был состояться.

Время. И Тирус уже стоял перед Врадуйром, и это было всего лишь год назад. Открывшаяся правда разрушила любовь и привязанность. Это был уже не тот, кого он знал и любил. С тех пор, как Врадуйр пошел по запретным путям, его природа изменилась, изменилась гораздо сильнее, чем его заклинание изменило Эрейзана. Пропать легла между сыном и отцом, более глубокая, чем море, омывающее высокие берега Камата. Тирус, не подготовившись, вошел в комнату отца и заговорил о заточении Эрейзана и о тех греховных деяниях, которые творил Врадуйр. Тирус надеялся растопить тот кусочек жалости, который, как он думал, еще оставался в его сердце. Но оно было холодное, смертельно холодное, как объятия Нидила. Когда он молил об освобождении Эрейзана и о прекращении дел, неугодных богам, Врадуйр ударил и Эрейзан получил себе соседа в каменной клетке на несобитаемом острове.

— Я не буду больше молить.— Тирус вдруг понял, что говорит вслух, хотя он не намеревался делать этого. Но теперь он уже заговорил сам, подчеркивая каждое слово: — Я больше никогда не буду тебя умолять. Я стал старше и мудрее. Я знаю, что не могу прикоснуться к тебе. Твоя смерть в том, что ты был Врадуйром и продал себя злу. Ты заколдовал меня и посадил в тюрьму. Значит, так и должно быть. Я сын своей матери, но не твой сын.

— А! Твой сын, мой слуга Врадуйр,— прокатился в их мозгах голос божества.

Когда Нидил обращался к одному из них, все остальные тоже слышали своим разумом и душой. Тирус не мог прямо смотреть на это ледяное облако, непрерывно меняющее форму. Красшком глаза он рассматривал его и соображал, какие бы аргументы могли убедить Нидила.

— Он... он мой сын, о, Великий! — неохотно признал Врадуйр.— Был моим сыном. Я пожалел его и оставил жить, думая, что он поймет, кто из нас величайший, кого ему надо чтить. Но он поднял магическое оружие против меня. Меня, того, кто обучил его всему! Теперь он мой смертельный враг!

Тирус громко расхохотался. Жалость? Разве поэтому Врадуйр не уничтожил его и Эрейзана? Не жалость! Спасе и тщеславие! Они были духом Камата, его сын и предводитель клана островного народа. Врадуйр думал, что они не выступят на борьбу с ним, они придут к нему на поклон, они будут обожать его и служить ему. И то, что он хотел запугать их, чтобы получить их поклонение, он называл жалостью и великодушием!

— И все же он твой сын,— сказал Нидил.— И вы поклялись уничтожить друг друга. Интересно.

Если он действительно заинтересовался этим конфликтом, то причину этому простым смертным не понять. Какая-то веселая нотка проскользнула в словах Нидила.

— Люди часто путают, где им надо радоваться, а где сожалеть. Ты должен радоваться, что твой сын так хорошо обучен, мой слуга Врадуйр. Он очень искусный и могущественный колдун. Он превзошел тебя много раз в своих розысках и разрушил все твои барьеры. Разве не так?

— Это западня, Хозяин Смерти. Я его сюда заманивал,— быстро сказал Врадуйр. Он посмотрел на Тируса. Было ли сожаление в его взгляде? Тирус не поверил этому — не мог поверить. Его воспоминания были незаживающей раной, которую ничто излечить не могло. Врадуйр однажды так смотрел на него, это было тогда, когда он своим черным заклинанием бросил своего сына в темницу, в то время, как сам продолжал свои эксперименты с дьяволом.

Жалости во Врадуйре к тому времени уже не осталось, да и остатки ее утонули в зависти к молодости Тируса, его силе и способностям.

— Заманивал его? Я тебя правильно понял, мой слуга Врадуйр? — Опять в голосе прозвучала веселая нотка. Нидил смеялся над этими ничтожными людишками и их играми с жизнью и смертью.— Но другие ведь не колдуны, почему они здесь?

Врадуир с нескрываемым презрением посмотрел на Эрейзана.

— Вот тот, на пороге, бывший мой подданный, господин Смерти. Он поднял восстание против моего правления.

— Против твоей бессердечной тирании! — горячо защищал Тирус своего друга. — Против того, чтобы твоё колдовство превращало безобидных животных в демонов!

— Он был моим подданным, моим хранителем леса! Он не имел права так дерзко разговаривать с мудрейшим колдуном Камата! — закричал Врадуир. — Он и сам теперь животное. Я с помощью дьявола сделал его таким. Его облик скрывает его звериную суть.

Врадуир посмотрел на Илиссу, которая все еще ухаживала за израненным Эрейзаном, не обращая на колдуна ни малейшего внимания. Эрейзан тоже, казалось, не слышал его. Обеспокоенный Врадуир отвернулся и сосредоточил внимание на Джателле.

— А она...

— Я королева Куреда, — провозгласила Джателла, четко выговаривая слова. — Этот злой колдун вторгся в мои владения и использовал твоих воинов-скелетов, чтобы похитить мою сестру и погубить много моих людей. Я пришла сюда, чтобы видеть его наказанным. Лорд Смерти, это мое право!

— Она не любит тебя, мой слуга Врадуир, — замогильный смешок прокатился горячими волнами в мозгу Тируса.

— Она теперь не в своей стране, — сказал Врадуир, тонко переводя атаку с себя на Джателлу. — Она теперь в твоей стране, Лорд Смерти, ты один здесь имеешь право решать, кто имеет права, а кто нет.

— Конечно. А тот темнокожий?

— Тот? — Взгляд Врадуира презрительно пробежал по Рофу. — Да это простой разбойник. Не важно, кто он, Лорд Нидил...

— Черт бы тебя побрал, проклятый колдун. Я Роф, главарь бандитов.

Роф очевидно решил умереть с честью, если придется умереть. Он твердо встал на ноги и сжал топор и меч, окровавленное оружие, в напряженных руках. Он закричал:

— Ты хорошо меня знаешь, колдун. Это ты послал подданных Бога Смерти, чтобы они подкупили меня и заставили предать королеву и твоего сына. Подкупили меня сокровищами, сделанными из пыли и камней. Нечестная сделка. А потом еще пытался убить меня.

— Нет, не из пыли,— сказал Вradуир, сделав небрежный жест рукой. Ослепительные изумруды посыпались с его ладони.— Я все могу, бандит. Ты будешь доволен, если перейдешь на мою сторону. Убей моего сына и всех остальных и мы будем править миром вместе. Я тебя сделаю своим верховным главнокомандующим, а сам буду королем мира. А может, ты предпочитаешь свою маленькую страну в моем огромном королевстве? Может, Крантин? Ты же крантиец, я думаю.

— Да, и поэтому я не верю дважды тому, кто уже раз солгал,— сказал Роф. Он улыбнулся, как бы провоцируя Вradуира на нападение.— Я сам лжец, и восхищаюсь теми, кто лжет лучше, а ты самый лучший из всех. И твои изумруды недолго будут у меня. Дьявол заберет тебя в те глубины вместе с этими изумрудами, колдун.

Вradуир махнул рукой и изумруды растаяли в воздухе. Он сделал гримасу — простой грубый крестьянин не принял его награду.

— Тогда я беру назад свое предложение. Они все твои, Лорд Смерти, жертвоприношения, как я и обещал тебе. Даже этот грубый разбойник тоже жертва, хотя и плохого качества. Пусть они присоединятся к тем ценностям, которые я уже тебе принес в жертву: корона, певец, сеть, жеребец...

Нидил слушал. Нельзя было быть в этом уверенным; но скорее всего сейчас он решал их судьбу. Время, которое протекало сквозь память Тируса, остановилось. Жизнь тоже остановится, если он не будет действовать. Собрав все свои волшебные силы, он ударил Вradуира в тот момент, когда тот попытался продолжить беседу с богом.

Это был простой трюк, которому Вradуир учил его много лет назад. Детская магия. Вradуир пренебрег защитой от все, думая, что он гораздо выше ее. Тирус воспользовался этим и ударил. Он не должен был пренебрегать ничем, что могло принести пользу.

Как он однажды заколдовал язык Обажа, так и теперь вставил клин Вradуиру.

Конечно, на сей раз колдовство было неизмеримо сильнее, чем в случае с придворным. Вradуир — это не хвастливый дворянин, а самый сильный колдун, когда-либо рожденный на земле.

Пораженный и взбешенный Вradуир пытался справиться с невидимым замком, сковавшим его рог. Он защитил себя заклинаниями от любых, самых хитрых и изощренных атак, но он не предполагал такого откровенного и простого колдовства. Но он перестраивал свою волю, что-

бы снять заклинание Тируса, поэтому Тирус должен был говорить быстро, чтобы использовать свой шанс.

Глаза Врадуйра горели яростью, когда он крутил свою магию так и сяк, чтобы снять колдовство. Поглощенный этой борьбой, он сделал еще одну брешь в своей защите. Брешь, которой тут же воспользовался Тирус. Быстрым жестом он прирастил ноги Врадуйра к земле. Это займет Врадуйра на большее время и оставит его без движения, пока он не снимет все заклятие.

— Пусть тебе поможет Гетания,— промолвила Джателла, понимая, что хочет делать Тирус. Она стиснула его руки, передавая свое сердце и свои силы ему.

Тирус сказал мрачно:

— Я должен повредить вам еще больше, но это единственный путь, на котором можно добиться успеха.

Доверяя ему, Джателла кивнула, готовая перенести все, что может случиться. Медленно и нехотя Тирус высвободил свои руки и подошел к алтарю. Холод сгустил его кровь и замедлил дыхание. Он укрепил свою волю и взглянул на это бурлящее облако. К горлу его подступил комок от сильного запаха гниения и разложения.

— Нидил, Бог Смерти...

— Сын Врадуйра.— Нидил смеялся, тяжелые божественные волны прокатывались в воздухе. Причина этого смеха стала ясна, когда он продолжил говорить: — Я Тот, Кто Замораживает Дыхание, но ты заморозил дыхание Врадуйра и заморозил его язык. Врадуйр сказал, что он заманивал тебя сюда и дурачил. Он сказал, что всегда был твоим господином. Я думаю, что эту игру он проиграл.

— Да, Лорд Смерти. Но Врадуйр об этом не тревожится. Он ищет только одного — сделки с тобой. Он хочет только этого. Однажды он заключил сделку с дьяволом,— сказал Тирус. Как ему не хватало времени, чтобы аккуратно выбирать слова. Слишком многое от этого зависело.

— Дьявол не так могущественен,— возразил Нидил.— Он приводит в ужас только вас, смертных. Но беру вас из жизни Я. Это мои владения.

— Конечно. Но Врадуйр хочет взять его у тебя.

Врадуйр в бешенстве вертелся. Его ярость была на руку Тиусу. При других обстоятельствах он бы уже давно успокоился и сконцентрировался, чтобы разбить заклинание. Но его страх был слишком велик и мешал ему сделать это. Однако, скоро, конечно, он сможет овладеть собой и снять заклинание.

— Хочет присвоить мои прерогативы? Что ты говоришь, сын Врадуйра?

— Да, возможность управлять живыми и управлять смертью. Разве не этого он добывается? Он завидует твоему могуществу.— Тирус быстро говорил, его мысли неслись вскачь.— Именно поэтому он пожертвовал тебе сокровища, похищаемые по всей Кларике, сокровища, заключенные в кубы.

— Они мои,— сказал Нидил.

Врадуир все еще боролся, ударяя в колдовство Тируса. Каждый удар сотрясал его. Тирус решил укрепить свои позиции.

— И взамен ты должен стать его союзником, Лорд Смерти. Он использовал твою страну, твой Ледяной Лес, твоих зверей, рабов и подданных, чтобы напасть на нас. Твоих, Лорд Смерти, а не своих! Он хотел, чтобы они принадлежали ему, твои подданные, так же, как и все человечество. И однако он лгал тебе. Какое тщеславие! Как хорошо я его знаю! Только Врадуир может быть таким самоуверенным, чтобы обмануть Нидила, скрыть от него жертву, которую обещал ему.

— Как же я был обманут, сын Врадуира?

— Ааааа!.. Аааа...— Врадуир освободил одну ногу и выбил часть кляпа. Его глаза горели, а одна рука непрерывно жестикулировала, посылая удары магии в направлении Тируса. Тирус отбил одни удары, а те, что проникли сквозь его экран, нейтрализовал. Эти огненные стрелы теперь шипели и окутывались паром в покрытой коркой льда одежде Тируса, но Тирус, не обращая внимания на них, торопился закончить разговор с богом.

— Он обманул тебя! Он оставил жертву, обещанную тебе, для себя! А теперь она не может быть отдана тебе. Жертва уже испорчена и не является больше совершенством. Врадуир лишил ее совершенства и ограбил тебя.

Плавающие черные пропасти, которые должны были быть глазами, повернулись к Врадуиру. Взгляд был ужасен. Тирус с трепетом отступил, хотя и не был мишенью этого взгляда. Он осторожно прошелся по всем защитным линиям, проверив готовность к обороне, так как чувствовал постоянно нарастающее давление Врадуира. Они оба очень долго вели свою дуэль и их силы истощились и подошли к критическому уровню.

Когда внимание Нидила обратилось на Врадуира, тот оставил попытки прикончить Тируса с помощью магии.

— Нет! Это неправда! — Его истошный крик отозвался многократным эхом по огромной комнате.— Он лжет!

— Отец! Это же бог! Нельзя лгать богу! — воскликнул Тирус.— Говори правду. Это твоя единственная надежда!

— Нет! Он лжет! Я всегда был твоим верным слугой, Лорд Смерти! Я отдал тебе каждую жертву! Каждую! — с отчаянием кричал Врадуйр. Он молитвенно сложил руки и пал ниц перед алтарем, с мольбой глядя на божественное облако.

Однажды Тирус почувствовал жалость к Врадуйру. И теперь он был единственным, кто сочувствовал ему. Он смотрел на этот спектакль и скорбел. Желание власти и бессмертия убили все, что было Врадуйром, всю честь и мужество короля-колдуна Камата. Оставалась только оболочка, оболочка, наполненная завистью и алчностью и все еще могущественным искусством магии.

Скованно Тирус повернулся к разломанной двери. Джателла задрожала, поняв намерения Тируса. В ее глазах была боль от неожиданного удара, но и было прощение.

— Лорд Смерти, — сказал Тирус, — вот жертва, которую Врадуйр украл у тебя для себя. — И он указал на Иллису.

Эрейзан уже пришел к себя, его губы беззвучно шевелились, выражая протест этой жестокой дипломатии. Иллиса вся сжалась — маленькая страдающая нимфа. Ее прекрасное лицо покраснело от стыда, когда Тирус описывал богу те испытания, через которые ей пришлось пройти по воле Врадуйра.

— Эта женщина — жемчужина среди смертных по своей красоте и чистоте — эта женщина была похищена твоими воинами-скелетами, Лорд Смерти. Она предназначалась тебе. Она должна была быть помещена в один из твоих ледяных кубов и оставаться всегда твоей. Ее совершенство не должно было исчезнуть никогда. Но Врадуйр захотел ее — захотел то, что было предназначено тебе. Он спрятал ее с помощью магии в твоей цитадели, закрыл волшебными запорами, эту жертву своих плотских вожделений. — Тирус глубоко вздохнул. Ледяной воздух наполнил ему легкие. — Он человек, Лорд Смерти, не бог, и он не достоин быть союзником Бога. Он хотел удовлетворить свое тщеславие, хотя он клялся служить тебе. А вместо этого он использовал твою собственность и испортил ее.

— Тирус, оглянись!

Крик Джателлы запоздал. Тирус упал под тяжестью бросившегося на него Врадуйра. С удивлением он понял, что Врадуйр напал на него, отбросив всю свою магию.

— Предатель... предатель! — рычал Врадуйр, молотя головой сына о каменный пол. — Я должен был задушить тебя, когда ты был ребенком. Я не должен был обучать тебя... обучать... обучать... неблагодарный подлец!

Удары были слабыми и неумелыми. Это были удары человека, постигшего высоты колдовства и высшей магии, но долгое время не занимающегося физическими упражнениями. Смертная оболочка Врадуйра была далека от совершенства в физическом отношении, да и отсутствие практики сказывалось. Тирус погасил огни, танцующие перед его глазами, поднялся на колени и, захватив руки Врадуйра и рукава его плаща, бросил его через голову.

Врадуйр тяжело упал на спину. Тирус повернулся к нему и встал на ноги. Он увидел Рофа, который бежал к Врадуйру с ножом, готовясь перерезать ему горло. Тирус бросился ему наперерез. Они столкнулись и остановились, преодолевая сопротивление друг друга.

— Назад! — приказала Джателла.

Она встала между ними, когда они с трудом оторвались друг от друга. Острие заколдованного меча было направлено в живот Рофу.

— Мы должны повиноваться приказам Тируса.

— Это возможность прикончить его...

Тирус коротким движением заставил их замолчать, а сам сосредоточил внимание на Врадуйра.

Колдун уже немного оправился и начал опять умолять бога.

— Я... я твой слуга... он мой сын... мой собственный сын... я учил его...

— Женщина была предназначена мне,— сказал Нидил. Смертельные объятия ощущались в каждом слого.— Она узнала твое тело. Но земных радостей она не должна была испытать. Однако ты пренебрег этим. Твое плотское желание оказалось сильнее верности мне. Так мне сказал твой сын.

Лицо Врадуйра было жалким, но в небесно-голубых глазах Врадуйра светились хитрость и коварство.

— Я тебя предупреждал, что богу лгать нельзя,— сказал Тирус. Он собрал все свои силы и прикрыл себя и остальных последними остатками магии, последним барьером, больше у него ничего не оставалось. Хватит ли этого? Глаза его все еще болят, а каждый мускул страдает. Должно хватить!

— Больше никакой лжи! Клянусь, Лорд Смерти, никакой лжи! — Врадуйр распростерся у подножия алтаря, вымаливая прощение, зная, что от этого зависит все, ставка была слишком высока.— Я признаю свой грех и раскаиваюсь в нем со всей искренностью...

— Ах ты, презренная тварь! Раскаиваешься! Ты изнасиловал мою сестру и думаешь отделаться от наказания

лживыми плаксивыми словами? — вскричала Джателла, забыв все предостережения Тируса о необходимости спокойствия.

Он схватил ее за руки и крепко держал, стараясь погасить ее необузданную ярость. Джателла боролась, вся ее гордая кровь взбунтовалась и требовала отмщения. Тирус с трудом удерживал ее.

Врадуир не прекращал свои мольбы, обращенные к грозному божественному облику. Он знал, что только там его спасение.

— Но... может быть, я предложу тебе гораздо лучшую жертву, Лорд Смерти! Гораздо лучшую, Лорд Смерти! Гораздо лучшую! Ни один бог не может иметь такую. Ты сможешь поместить в свой куб бесценную жертву.

— Я слушаю, мой слуга.

Это приглашение возбудило Врадуира и развязало его бойкий язык.

Он вдохнул воздух и потер ребра, которые сильно боле-ли после столкновения с Тирусом.

— Мой сын! Бери его! Мастер-колдун! Самый могущественный колдун! Он даже меня превзошел! Ты сам сказал это, о, Великий. Он самый искусный колдун из тех, что когда-либо жил на земле, и он твой, самая бесценная жертва!

Много лет назад Тирус рассмеялся бы, услышав это. Как долго он старался во всем походить на своего отца, копировать его, изучать его искусство и стараться, чтобы он был доволен им. Но Врадуир никогда не был удовлетворен его успехами, он всегда говорил, что Тирусу еще надо многое постигнуть, прежде, чем он сравняется со своим учителем. Но это было тогда. До тех пор, пока Врадуиром не завладели грязные страсти и их пути с сыном разошлись.

Тирус наконец, успокоил Джателлу и она могла уже управлять собой. Они снова стали одним целым. Джателла кивнула и Тирус отпустил ее, глядя на Врадуира и Бога.

— Да, я искусен, Нидил, Кто Замораживает Все Дыхание. Я и не желаю казаться другим. Но все, что я имею, я приобрел от своего учителя — мастера колдуна Врадуира,— сказал Тирус без всякого выражения. Все его внутренности превратились в ледяной комок, а ноги дрожали от болезненных спазм. Это внутри его билась жизнь, чувствуя, что над ними всеми нависла смерть. Не боль, не удовольствие — конец их существования. И... бессмертие для Врадуира?

— Он был способным учеником,— возразил Врадуир.— Очень умный, этот мой сын. Он... почему он разрушил все

мои заклинания и освободил себя и Эрейзана из тюрьмы? Я ведь был уверен, что ни один из смертных не может выбраться оттуда. Сам дьявол помог мне заколдовать клетку. И вот они здесь. Как я и сказал, мой сын мастер-колдун...

— Но Врадуйр не обучил меня всему, что он знает.— Врадуйр слушал внимательно, ожидая ловушки. Тирус спокойно продолжал: — Его последними словами, когда он запер меня в тюрьму, были: «глупец! Тебе еще многому надо научиться, прежде, чем ты станешь для меня достойным соперником».

Врадуйр бешено замотал головой.

— Я только хотел его унижить, чтобы сделать покорным. Он величайший колдун, гораздо выше, чем я.

Тирусу не хотелось лгать, но он сказал:

— Если бы я был величайший колдун, я пришел бы сюда один. Но мне помогали.— Он с любовью посмотрел на Джателлу, Эрейзана и Илису.— Я нуждался в их помощи. Без них я не смог бы разбить все запоры Врадуйра и не прошел бы через Запретные страны, не вошел бы в твою цитадель, Бог Смерти. А Врадуйр один противостоял нам. Рабы были его собственные и подчинялись его магии, выполняли его приказы. Посуди сам, Лорд Смерти. Кто из нас более могущественный? Только такой могущественный колдун, как Врадуйр, мог совершать эти чудеса. Я даже не пытался обмануть дьявола. Я не пытался подчинить себе секреты жизни и управлять ими. У меня даже нет собственных врагов.— Тирусу было неприятно говорить эту мучительную правду.— Загляни в мою душу, Лорд Смерти. Узнай о ее боли и беспомощности, узнай, что я был заколдован и заточен в камеру, когда мой народ умирал и нуждался в защите от гнева дьявола, узнай, что если бы я был такой колдун, как говорит Врадуйр, я бы сделал все, истратил бы все могущество, чтобы защитить Камат и предотвратить те жертвоприношения, которые уже сделал Врадуйр...

— Нет! Мой сын настоящий колдун,— закричал Врадуйр.— Возьми его и мы будем править вместе, Нидил! Я принесу тебе в жертву весь мир, мое государство, мое королевство! У меня огромные и величественные планы, как править миром. Каждая страна, каждая провинция — все у моих ног. О, Великий Нидил! Мой сын — это жертва, которую я приношу тебе и затем мы будем союзниками, навсегда!

Тирус не двигался. Странное сияние поглотило его. Это был океан света. Джателла прижалась к нему, ее шелковистые волосы щекотали его щеку.

Умрут ли они? Так это и есть смерть? Возьмет ли Нидил их в свои ледяные объятия?

Он увидел себя и увидел Вradуира. Где? Где они? Как он мог увидеть себя самого, если не...

Он был в Камате, последняя встреча с отцом. Он был околдован, связан заклинанием, а Вradуир говорил:

— Если бы ты не был так упрям, если бы ты стремился достичь запретных глубин, я бы поделился с тобой. Мы бы правили всем, даже богами, даже самой смертью! Но ты умерен, а я пойду дальше и разгадаю секреты смерти. Я один буду обладать мудростью, я король Камата, колдун, которому никогда не будет равных!

Свет угасал. Тирус и Джателла были как одно существо, которое швырял невероятный шторм. Они были где-то высоко, между солнцем и луной. И затем холод и слепящее сияние растаяли и с них стекла талая, как вода, жидкость.

Спокойствие царило в огромной комнате. Нидил ждал на алтаре с холодным огнем, бесформенный, безгласный... вечный... Ждущий...

Тирус оближал пересохшие губы, приобретая снова способность двигаться. Джателла зашевелилась в его руках, спросив слабым голосом:

— Ты... Тирус? Что случилось?

— Черт побери! Что нас ударило? — спросил Роф, с изумлением оглядываясь вокруг, разыскивая исчезнувший неземной океан. — Колдун?

Затем Роф, как Тирус и Джателла, посмотрел на алтарь. Теперь на нем стоял другой кристаллический куб. Он был наполнен тем же переливающимся сиянием, как и кубы в жертвенных комнатах. Этот куб был не таким маленьким, как кубы, содержащие корону Гетании, сеть человека-рыбы или гобелены Арниоба, но и не такой большой, как для священного жеребца Грос-Донака. Он как раз был по размеру куба певца из Атея и Илиссы, если бы она была убита. Но этот куб содержал Вradуира.

— Гетания, храни нас, — в ужасе прошептала Джателла.

— Она хранит, моя любимая, — Тирус зарылся лицом в шелковые волосы Джателлы, чтобы скрыть слезы на глазах. Затем он овладел собой и стал смотреть на куб, его сердце истекало кровью из старых ран и новых, только что полученных.

Вradуир был заморожен во время заклинания, последнего жеста, который сделал колдун в своих усилиях противостоять божественным силам. Его руки были воздеты к небу, голова откинута назад, губы раскрыты. Как волшебная музыка певца из Атея звучала возле куба, где он был

заточен навечно, так и здесь, тайные слова Врадуира будут звучать вечно в этой огромной комнате. Вечно звучать и их могут принять только другие колдуны, равные ему по могуществу, такие, как Тирус. Заклинания, которые собрали всю магию Врадуира вокруг него, для его защиты.

— Моя жертва,— объяснил Нидил.— Этот колдун из Камата мой. Сделка заключена, как он и желал. Он хотел постигнуть тайны жизни и смерти. Здесь он добьется своей цели. Он их узнает. Он узнает то, что другие смертные никогда не узнают. Он один будет знать это, он и Я. Мы разделим знание. Союзники. Думаю, что он будет доволен. Он будет править здесь вечно, мой слуга Врадуир — мое самое бесценное сокровище.

Глава 18

ПОКИНУГАЯ ЦИТАДЕЛЬ

Тирус, как марионетка, безвольно, бездумно подошел к кристаллическому кубу Врадуира. Джателла шла за ним. Радость победы омрачалась болью, болью за Тируса. Он остановился перед мерцающим кубом и посмотрел на Врадуира.

Все было кончено. Богохульство, соперничество, святотатство, поиски запретных путей — все было кончено. Погоня завершена. Врадуир исчез из мира живых навсегда. И вместе с ним исчез человек, которым он был когда-то — король, колдун, муж... и отец.

Тирус наклонил голову и прижался лбом к ледяному кубу, глядя в глаза Врадуира. Джателла уважала чувства Тируса, но теперь она мягко положила руку на его плечо.

— Тирус, это было необходимо.

Он кивнул и сказал:

— Я знаю. Он потерял разум.

Тирус взглянул на бога, ожидая услышать подтверждение этому. Был ли Врадуир сумасшедшим? Это могло бы служить прощением и тогда милостивые боги могли дать ему возможность другого существования. Нидил не ответил. Тирус простонал:

— Для Врадуира это был единственный путь. Он... он должен был умереть. Но и я тоже наполовину мертв.

Джателла оттащила его прочь, не позволяя больше смотреть на куб.

— Возьми себя в руки. Нам всем потребуется лечение после боя с демонами.

Роф очнулся от видения неземного моря света. Потрясенный и перепуганный он обежал взглядом огромное пространство комнаты и прижался к стене, стараясь находиться подальше от алтаря, на котором находился Нидил. Тирус смотрел на все это без всякого интереса, позволяя Джателле вести себя. Затем Илисса позвала их и вывела его из мрачного состояния. Принцесса все еще сидела возле Эрейзана, нежно заботясь о нем. Привлеченные ее криком, Тирус и Джателла подбежали к ним.

Тирус поднял голову Эрейзана так, чтобы тот мог видеть огромную комнату. Он старался говорить бесстрастно, как будто Врадуир был поверженным врагом, которого он никогда не знал и не любил.

— Камат, наконец, отомщен,— сказал он мягко.

— Наконец... наконец...

Раны Эрейзана были опасными. Илисса использовала для перевязки остатки его одежды и края своей юбки, но их хватило только на то, чтобы закрыть самые страшные. Но многие раны были еще открыты, страшные, кровоточащие. Однако, беспокойство Тируса уменьшилось немного, когда Эрейзан посмотрел на него и сказал:

— Я почувствовал... ощутил, когда умер Врадуир. Колдовство связывало меня с ним и теперь...— Эрейзан покачнулся и Тирус с благодарностью пожал его руки, когда раненый Эрейзан сказал: — Я... очень тебе сочувствую.

Тирус был очень скован своими мыслями и чувствами. Его пальцы сжимали руку Эрейзану. Роф кашлянул и сказал:

— Не теряй времени, колдун. Он очень пострадал в бою с демонами и много их убил. Лучше перевяжи ему эти раны, а то он уже совсем побледнел и стал как Ирико.

— Прекрати болтать,— с неожиданной гневом сказала Илисса. Она положила маленькие пальчики на окровавленный рот Эрейзана. — Не говори больше. Отдохни. Не обращай внимания на этого грубияна. А ты, колдун, отойди подальше. Ты заставляешь его двигаться, а раны от этого еще больше кровоточат. Мне нужны бинты. Дайте мне свои плащи.

Приятно удивленная решительностью Илиссы, Джателла стала помогать ей. Тирус повиновался приказу и дал Эрейзану лечь во всю длину, а затем отстегнул свой плащ. Он протянул его Рофу. Бандит понял, что от него требуется, и улыбнулся. Вдвоем они разрезали плащ мечом Рофа. Из одного куска Тирус сделал подушку для Эрейзана, а другой отдал женщинам, которые нарезали из него бинтов.

— Женщины опытни в таких делах,— сказал Роф.— Врачи моего народа всегда женщины.— Он показал глубокую царапину на бедре, как бы спрашивая совета, пойти ли за помощью к сестрам-королевам.— Чепуха,— сказал он.— Давай какое-нибудь твое заклинание, чтобы быть уверенным, что эта рана не отравлена, и с меня хватит.

— Подожди секунду,— сказал Тирус.— Он почти забыл про свой сверток подмышкой. Поспешно он достал его, развернул и нашел тот корень, который, как он думал, мог помочь Эрейзану избавиться от слабости.

Затем беззвучный голос снова заполнил его мозг.

— Твое жертвоприношение мне понравилось. Что ты хочешь взамен Врадуйра, мой слуга Тирус?

Они все слышали голос бога. Эрейзан попытался сесть, но Тирус и женщины воспрепятствовали этому. Роф съёжился от страха. Джателла и Илесса тоже были напуганы, их глаза расширились, когда Тирус пошел обратно к алтарю. Он встал подальше от куба, но не мог заставить себя не смотреть на Врадуйра, жертву, которая понравилась Нидилу.

— Я... я не хотел ничего просить, Лорд Смерти.

— Все смертные просят,— безгласный голос теперь был холодным, в нем не чувствовалось веселья и доброжелательности. Страх за себя и остальных пульсировал в его жилах.— Смертные делают мне подарки, если я приостановлю свою руку и позволю им еще немного пожить на свете. Вы пожертвовали мне очень ценный подарок, гораздо ценнее, чем многие из них, мой слуга Тирус. Ты не подкупал меня, а мы заключили честную сделку. Какую награду ты попросишь?

Тирус был в сильном замешательстве.

— Он... Врадуйр был моим отцом, Лорд Смерти... Я не могу извлекать пользу... из этой жертвы...

— Отцы, матери, сыновья, дочери, все родственники и каждый из них должен встретиться со мной. Вот так все происходит. Твоему отцу тоже пришло время.

Тирус поднял голову, сраженный неотразимой логикой. Может это судьба Врадуйра? Может вовсе это не его ошибка, а предначертание свыше?

— По всем законам смертных и нас, богов, он умер,— объяснил Нидил.— Так что ты имешь право получить плату за то, что он доставил тебе боль и страдания. Проси!

Тирус чувствовал себя так, как будто ему предстояло ограбить труп Врадуйра, чтобы обогатиться. И все же он сказал:

— Тогда... если ты можешь, Нидил, Тот, Кто Замораживает Дыхание, дай нам безопасный проход через твои владения. В Замороженной Равнине, Ледяном Лесу и Запретных странах много опасностей. Я потратил много сил, пока мы пробрались в твою цитадель. Я не знаю, смогу ли я защитить нас, когда мы будем возвращаться в страны людей, и смогу ли я залечить раны, которые твои звери и воины-скелеты нанесли нам.

Бог молчал. Тирус рассудил, что бог лучше его знает, чего хочет сам Тирус. После некоторых колебаний он продолжал:

— И... свободу для Эрейзана. Я прошу тебя снять с него заклятие, которое Врадуйр наложил на него с помощью дьявола. Только бог может снять заклинание, наложенное другим богом. Храбрость Эрейзана дала мне возможность пожертвовать тебе Врадуйра. Он тоже достоин награды.

Опять никакого ответа не было слышно. Облако из дыма и холодного огня безмолвствовало.

Тирус продолжал:

— И свободу для тех несчастных проклятых душ, которые бродят по замороженной равнине за стенами цитадели — крестьян и привидений и даже для капитана Дрис. Дай им смерть и мир, пожалуйста.

Не слишком ли много он просит? Врадуйр в свое время фатальным образом переусердствовал в своих желаниях. Тирус увидел мрак глаз бога, которые были обращены к кубу с Врадуйром. Не погибли ли все они из-за чрезмерных желаний Тируса? И тогда они тоже будут заключены навечно в кристаллические кубы.

Наконец, послышался ответ:

— Первые две просьбы я удовлетворю.

Тирус чуть не задохнулся от радости, с трудом поверив тому, что он услышал.

Джателла бросилась к нему и обняла его, разделяя с ним радость.

— Безопасный проход! Ужасные звери и холод, и Раскалыватели Черепов...

— Никто не тронет вас. Вы будете под моей защитой, — сказал Нидил и его голос опять прозвучал в их мозгах. — Раны, нанесенные моими рабами, исчезнут.

— А Эрейзан... — Тирус посмотрел на друга. — Ты слышишь, мой друг? Бог Смерти снимает с тебя заклятие дьявола.

Илисса обернула плащ Джателлы вокруг Эрейзана, чтобы ему было удобнее лежать. Она что-то прошептала ему. Эрейзан слабо улыбнулся и Илисса сказала:

— Он слышит, он знает.

Тирус опять посмотрел на бога.

— А третья просьба, Лорд Нидил? — Вызовет ли он сейчас гнев бога?

— Частично.

Тирус и Джателла недоуменно посмотрели на бога. Нидил не торопился рассеять их недоумение — время ничего не значило для Бога Смерти. Когда уж они начали думать, что больше ничего не услышат, в их мозгу вновь раздался голос:

— Крестьян я освобожу. Они пойдут к воротам Кета и обретут существование.

Джателла заплакала и сквозь слезы проговорила:

— Я тебе очень благодарна, Бог Смерти. Наступит конец их несчастьям. Я благословляю твою безмерную щедрость.

— Я не щедр. Я взял их, как я всегда беру жизнь. Но крестьяне не совершили грехов или зла. Врадуй поработил их и их души не должны оставаться здесь.

— А капитан Дрие и его команда?

Возможно усталость и удивление щедростью Бога сделало Тируса чересчур настойчивым.

— Они должны остаться. Они выбрали Врадуйра по своей воле, надеясь разделить с ним власть. Они предатели и Кет не примет их в свои священные ворота.

Непрерывнодвигающиеся тучи, которые были глазами бога, повернулись и начали смотреть на куб с Врадуйром, восхищаясь им, как вероятно ювелир восхищается жуком, застывшим в обломке тысячелетнего янтаря.

— Он хорошо сложен, мой слуга Врадуйр. Я не сужу зло, я беру жизнь. Он тоже забирал жизнь. Он создал эту цитадель для меня и многие его рабы обрели здесь свою смерть. Но Кет говорил мне, что он пустит их в свои благословенные земли. Врадуйр, капитан Дрие и некоторые другие не смогут туда войти. Они будут служить мне вечно, как предатели Тречся, Риердона, Бенригу и Тредено...

Нидил прочел огромное количество имен, подавляющее большинство которых ничего не говорили Тирусу и Джателле. Были ли это страны, потерянные во времени и пыли, или страны, вообще неизвестные в Кларике? Они не стали задавать вопросов, довольные тем, что получили от Нидила.

— Мос. Все мое. Я сохранию цитадель. Она мне нравится. И жертвоприношения Врадуйра, и твои мне тоже нравятся. Иди под моей защитой назад с тем, что ты получил, мой слуга Тирус. Но не приходи больше в мои владения.

Больше я не буду оказывать милости. Не приходи больше, пока не придет время и годич перережут нить твой жизни и ты должен будешь направиться в Кет.

Не очень уверенный, что он должен что-то отвечать, Тирус пробормотал:

— Я... я благодарю тебя, Бог Смерти.

Опять в его мозгу прокатился беззвучный смех, как горный обвал.

— Благодарность не нужна! Я тебя все равно заберу, только позже. Но, надеюсь, не как жертвоприношение. Сейчас я оставляю вас. Мое государство огромно, цитадель лишь маленькая его частица. Я правлю всем, как Врадуйр убедится... всем... всем...

Звуки исчезли вдаль. Пламя и дым тоже погасли. Погасли тихо и беззвучно. Как и голос Бога в их мозгах, пламя растворилось в воздухе, оставив после себя только абсолютно чистый стол, ни пепла, ни золы на нем не было.

Теперь они могли слышать только стук своих сердец и шум своего дыхания. Тишина была абсолютной после того, как исчез Бог. Исчез также и запах разложения, и дикий холод, который замораживал волю. В комнате было очень холодно, но это был обычный холод, холод дальнего севера, тот холод, который был известен в странах живых людей. Тирус и Джателла осторожно отошли от алтаря и направились к дверям, где находились Роф, Илесса и Эрейзан.

Роф покачал головой, поморгал глазами и сказал:

— Неужели это действительно было?

— Врадуйр — доказательство,— угрюмо сказал Тирус.— Он здесь оставлен, как украшение, которым будет наслаждаться Нидил, когда в следующий раз посетит цитадель.

Он опустил подлест Эрейзана и пощупал его лоб. Ни жара, ни озноба он не ощутил. Но его раны могли привести к серьезным осложнениям. Тирус стал обдумывать, как же им возвращаться, ведь несмотря на защиту Нидила, путешествие будет тяжелым, а Эрейзан был слишком слаб, чтобы перенести его.

Эрейзан поднялся и посмотрел на Тируса.

— Мне приснилось... что он говорил, как будто снимет с меня заклятье.

— Не приснилось,— сказал Тирус.

— Это правда?

— Этому богу нет необходимости лгать,— Роф быстро обрел свою самоуверенность, после того, как бог удалился.— И он позволил нам пройти без опаски через все его земли, даже через Ледяной Лес с его Раскалывателями Че-

репов. Клянусь дьяволом, колдун, ты заключил хорошую сделку, неплохой обмен!

— Успокойся,— нежно сказала Джателла, глядя на Тируса.

— Слушаюсь и повинуюсь, королева. Как прикажете. Я ваш слуга.

— Разве? — брови Джателлы выгнулись дугой.— Надолго ли?

— Королева, вы раните меня. Я клянусь, что предан вам. И я заработал свою награду,— страстно сказал Роф.— Награда — это единственное, ради чего я повел вас в Ледяной Лес и в страну Бога Смерти.

— Награда? — Джателла пришла в ярость — Ты пытался убить нас. Ты убил моих людей!

— Не я! — Роф говорил, как воплощенная невинность.— Я не пролил ни капли их крови. Зачем рисковать, когда Одноухий и другие делали это за меня? К тому же ваши люди неплохие бойцы. Двое из них еще живы. Они обыскивают цитадель в поисках вас и принцессы. Я легко сбегал от них, когда Врадуйр послал меня по вашему следу

— Гетания! И ты думаешь, что я поверю тебе?

— Я думаю, что на сей раз он не лжет,— сказал Тирус.

Бандит показал им свое оружие, которым он был уведен.

— Ты правильно понял меня. Если бы я хотел вас убить, то я бы сделал это без труда. Пока ты воевал с Врадуйром, колдун, твоя спина была передо мной. Я мог ее поразить как мишень. Это было бы очень просто. Затем акробат был бы следующей жертвой, ну, а затем и королева с принцессой.

Тирус улыбнулся и сказал:

— И ты все-таки стал нашим союзником, почему?

— Сделка с тобой была для меня более выгодной.

Джателла резко сказал:

— Это было не так, когда ты предал нас на Замороженной Равнине.

— Это было тогда, королева. А теперь, значит теперь.— Улыбка пробежала по его, искалеченному шрамами, лицу.— Вы сказали, что когда принцесса будет свободна, я получу свою награду. Теперь она с вами. Мы квиты, а?

— Твоему выбору, без сомнения, помогло то, что Врадуйр хотел убить тебя вместе с нами в камере Илиссы,— с сарказмом сказал Тирус.— А ты не думал, что мы за предательство можем отомстить и не платить тебе награду?

— Ты — человек чести, не то, что твой отец. А королева из дома Фер-Сро, который всегда честен в сделках.

Пристыдить Рофа было невозможно. Он закрутил свои обвисшие усы и вернул им прежнюю элегантность и лихость. Одежда его была испачкана в грязи и крови, перевязь висела на каком-то обрывке ткани, но он был все тот же веселый и самоуверенный бандит, который когда-то встретил их с Эрейзаном на улицах Куреда.

— Ты слишком поздно решил стать верноподданным,— сказал, ухмыльнувшись, Тирус.

— Как раз вовремя, чтобы спасти свою шкуру.

Джателла смотрела то на одного, то на другого, удивленная таким мирным и добродушным разговором.

— Тирус, он же предал нас...

— И помог нам, когда мы больше всего нуждались в помощи,— напомнил ей Тирус.— Без его силы и оружия мы бы никогда не пробились в убежище. Пожалуй, впервые Роф выступал на стороне правосудия.

Роф был ошарашен этим заявлением.

— Чепуха. Заплати врачам за эти мои царапины, колдун, и я покину вас. Сейчас сюда придут люди королевы. Они не будут столь великодушны, как вы.

— Покинешь? — Джателла показала на заваленный обломками коридор, в котором не было прохода.— Как?

— Здесь есть другие двери, королева. Хороший вор всегда должен быть уверен, что для него есть путь к бегству, вдруг дела его будут складываться неблагоприятно. Пока вы с колдуном болтали, я обыскал комнату и нашел чистый коридор. Не беспокойтесь, путь к воротам я найду.

Он поклонился и направился к двери. Джателла сделала движение, как будто хотела остановить его. Роф предупреждающе поднял палец, улыбнувшись королеве.

— Останемся друзьями, королева. Вы и колдун мне нравитесь. Не злоупотребляйте моей лояльностью. Мне будет очень жаль, если придется убить вас.

— Мы можем преследовать тебя, бандит,— однако было очевидно, что Джателла сама не верит в эту возможность.

Роф посмотрел на Илиссу и Эрейзана. В его черных глазах появилась неожиданная теплота.

— Я думаю, что нет. Вы связаны с теми, кто нуждается в помощи. У вас не будет времени гоняться за мной. Врадуир бы бросил раненых замерзать и истекать кровью. Вы не бросите. А, колдун?

Тирус смущенно сказал:

— Ты хорошо читаешь мои мысли. Может я тоже в сердце бандит, как и ты.

Роф, побледнев, закричал:

— Никогда! Забудь о том, что я нанимал тебя. У нас с тобой больше нет никаких дел. Я не хочу больше связываться с колдунами, даже такими честными, как ты! Я пошел. Излечи эти укусы и...

Тирус не сделал ни одного движения, но разум и язык Рофа замерли. Немой и немыслящий, он стоял, как статуя, Джателла задумчиво на него посмотрела. Тирус ждал, зная, что она скажет, еще до того, как она заговорила.

— Тирус, он помог нам. И если он сказал правду, что мои люди живы...

— Я чувствую присутствие людей в цитадели, кроме нас,— сказал Тирус.— Роф знал, что они для Врадуира не имеют ценности, а он не убивает просто так, а только за деньги.

— Его награда,— проговорила Джателла.— Заклинание?

— Оно ему не повредит, королева. Я только задержал его для вашего удовольствия,— сказал Тирус.— Он ваш подданный. Теперь королева сможет решить, заслуживает ли он награды или его следует наказать. Как преступника и предателя.

Со вздохом Джателла сказала:

— Пусть идет, Тирус. Он заработал награду и свободу.— Однако, она вздернула подбородок упрямым движением и добавила: — Но когда он в Куреде явится за наградой, предупреди его, что как и раньше, он будет прятаться от сыщиков, которые будут его ловить, как и раньше.

— Я не возлагаю особых надежд на твоих сыщиков,— сказал Тирус.

Вдруг они услышали какой-то звук, который, как показалось, был смехом Эрейзана. Тирус посмотрел на Эрейзана. Его голова лежала на коленях Илиссы и она нежно гладила его лоб, стараясь, чтобы он уснул. Было ясно, что Эрейзан слышал решение королевы и был доволен ее решением отпустить Рофа.

Молочная пленка покрыла глаза Рофе, когда Тирус обратился к нему:

— Слушай меня, Роф. У тебя в памяти останется только то, что я скажу. Ты пришел с нами в цитадель. Здесь была битва, и ты менял союзников несколько раз. В конце концов ты помог нам сокрушить Врадуира и за это получишь плату. Но ты никогда не видел изменения облика Эрейзана, в твоей памяти этого нет. И ты не помнишь о том, что случилось с Илиссой. Эти воспоминания потеряны для тебя и никогда не возвратятся. Паутина, огонь и вода, закройте его память навечно. Пусть будет так.

Тирус кивнул и молочная пелена рассеялась, освободив язык и разум Рофа.

Испуганный Роф спрашивал, весь дрожа:

— Что... что ты сделал со мной?

— Я сделал так, чтобы ты уже не смог действовать, как наш враг. Мы все еще не доверяем тебе,— сказал небрежно Тирус. Роф прошелся руками по лицу и телу, чтобы убедиться, что на нем нет никаких волшебных цепей.

Не найдя ничего, он не знал, начинать ли ему вновь куражиться.

— Я цел.

Тирус залез в свой пакет и отрезал кусок сушеного корня. Он протянул его бандиту.

— Это тебя излечит. Все укусы и раны, нанесенные рабами Врадуйра, затянутся.

— Но ничто тебе не поможет, если ты убил моих людей,— угрюмо сказала Джателла.

— Клянусь, что двое из них живы,— воскликнул Роф.— Клянусь дья... моей бородой, Богом Смерти и его цитаделью!

Тирус посмотрел в себя и сказал:

— Да, ты прав. Это единственная клятва, которую ты сдержал.

Вдруг они услышали вдали голоса. Кто-то забарабанил в одну из дверей в эту комнату, но не в ту, которую указал Роф. Это были голоса людей, знакомых людей. Джателла бросилась к двери и стала искать какую-нибудь щель, крючок.

— Это вы, сэр Микит?

— Королева! Мы здесь! Утей и я! Мы спасем вас от колдуна!

Все расхохотались при этом запоздалом обещании. Роф с гордостью сказал:

— Ну видите, что я не солгал?

Он сунул в карман магическое лекарство Тируса и повернулся к той двери, которую он выбрал.

— Не пытайся взять ничего отсюда,— предупредил его Тирус.— Оставь все здесь. Все. И оставь нам лошадей, а то я тебя снова заколдую.

Роф сверкнул глазами в ответ на эту угрозу и рассмеялся.

— Охотно! Я всегда смогу украсть лошадей сколько угодно — нет! Купить, ведь королева мне заплатит золотом...

Тирус быстро прозондировал мозг бандита, пока тот ни о чем не подозревал. Колдовство было достаточно эффек-

тивно. Мозг крантинца был пуст от всего, что было связано с закланием Эрейзана и изнасилованием Илиссy. В случае необходимости Тирус мог бы проделать такую же операцию с людьми Джателлы и с самой Илиссой, если бы она того пожелала. После этого все зло Врадуира полностью кончится. Все остатки его черной магии останутся здесь, в цитадели, вместе с самим колдуном.

Дверь вскоре поддавалась усилиям людей. Она была теперь закрыта только с помощью дерева и железа, колдовские замки исчезли вместе с тем, кто их ставил. Двери были просто дверьми.

Люди приветствовали Джателлу, наперебой описывали битву с бандитами и зверями Врадуира. Они с грустью поведали о смерти сержанта Нейра и солдат Риса и Ксана. Разбойники тоже все погибли. Тирус заметил, что имя Рофа не упоминалось. Очевидно, он действительно исчез, как только представилась возможность, и пустился один в поисках жертв и обещанной награды. Утей был ранен и потерял много крови от сильной раны. Микит тоже был изранен и покрыт запекшейся кровью. Он сожалел, что потерял меч в битве. Но они были живы, Роф не обманул.

Тирус подошел к двери, которую Роф оставил открытой — Микит и Утей пошли в другую дверь. За собой Тирус слышал оживленную беседу между Джателлой и ее подданными. Они пошли за ним, и вдруг весь разговор затих, когда Джателла сказала:

— Там бандит...

За дверями была лестница и в конце ее стоял Роф. Он крикнул им:

— Королева, помните! Пришлите мою награду в Таверну Карманников! Я гарантирую безопасность вашему посланцу, полную безопасность! Клянусь!

Микит и лейтенант Утей хотели броситься за ним, но Джателла остановила их. Они слышали шаги удаляющегося Рофа, поднимающегося по лестнице. Затем шаги затихли в огромных пространствах цитадели.

Неожиданно Микит и Утей заметили Илиссу, которая стояла на коленях в дальнем конце комнаты, и закричали от радости.

— Принцесса! Жива, жива!

Никто из них не был так жесток, чтобы расспрашивать о причинах такого беспорядка в одежде Илиссy. Ведь все они были в лохмотьях и все они были в ранах и укусах. Они были достаточно воспитаны, чтобы предположить, что и состояние Илиссy было обусловлено теми же причинами.

Джателла была обрадована их реакцией и страхи за репутацию сестры стали понемногу исчезать. Она вдруг начала громко хохотать — это была реакция после всего, что было перенесено, после всех страданий и мучений.

— Роф — главарь бандитов! Какая наивность! Я пошлю ему награду, но не с одним посыльным, я пошлю хорошо вооруженный отряд, а то мой человек будет ограблен после того, как вручит награду. Тирус, будет ли он еще главарем бандитов, если он остался жив только один?

— Конечно. То, что он остался жив, и деньги, которые вы ему дадите, сделают его самым сильным в его мире. Все они будут восхищаться Рофом, и под его началом придет много воров, надеюсь, что в следующий раз им тоже повезет!

— За золото! — с удивлением сказала Джателла. — Ради этого он готов на все!

И они обнялись. И их смех поднялся к низкому потолку, прогоняя прочь страх и холод, по крайней мере на некоторое время.

Глава 19

КОРОЛЬ-КОЛДУН КУРЕДА

Постоянный жуткий холод омрачал короткое время торжества. Они выиграли, но цела была высота. И теперь им надо выбираться из цитадели. Нидил не ограничил их временем, в течение которого они должны были убраться из его владений. Но никто не желал здесь задерживаться.

Тирус погрузился в свой мозг. Джателла крепко стиснула его руки.

— Не один. — В этом упрямом голосе, по-королевски упрямом, слышалось то, что Тирус ожидал услышать. — Ты ищешь магию?

Он кивнул на Эррейзана, Илессу и Утея.

— Им нужна помощь. Нам и сэру Микиту тоже нужны силы для путешествия.

— Трава из волшебных стран? Но это же опасно. Эррейзан слишком слаб, чтобы идти с тобой. Я прошу тебя не делать этого.

Тирус был тронут этой заботой.

— Я должен, — настаивал он.

Джателла повторила:

— Не один.

Как и раньше они стали одним целым. Мужество Джателлы смешалось с его волей и это повело их через все опасности поиска. Несмотря на опасность, Тирус улыбался, погружаясь в мрачные глубины.

Он истощил все свои резервы еще раньше. Некоторые силы должны были вернуться после окончания битвы с Врадуйром. Но Тирус не был уверен, что у него хватит сил, чтобы отыскать эти источники. Однако это оказалось до удивления просто. Он был осторожен и двигался безошибочно между узлами паутины, мимо бездонных пропастей с горящими враждебными глазами, мимо извивающихся щупалец, избегая захвата тех, кто жил в том странном и враждебном мире.

Тирус вернулся на поверхность к своему существованию в реальном мире. В безопасности Джателла тревожно смотрела на него. Для нее время стояло на месте. Но она поняла, что Тирус закончил путешествие и вернулся в целости. Ее улыбка, как солнце, приветствовала его.

— Никогда у меня не получалось так быстро и легко,— сказал Тирус. Затем он нахмурился и сел рядом с Эрейзаном.

— Помоги ему,— попросила Илисса.

— Я помогу, по милости богов,— Тирус тронул холодные пальцы Эрейзана.— Все — соедините свои руки с моими.

Лейтенант Утей и сэр Микит недоумевали, но они подчинились приказу Джателлы. Иллиссе вовсе не нужно было двигаться: она держала руку на лбу Эрейзана и воздействие магической травы на Эрейзана, возбуждало в нем токи, которые, протекая по его телу, вливались в руку девушки, которая так нежно поглаживала его. Джателла и остальные стиснули пальцы друг друга и с изумлением почувствовали, как странные силы вливаются в их жилы. Когда все кончилось, Тирус их предупредил:

— Эта энергия не безгранична и она когда-то кончится. Но ее, я думаю, хватит на переход до лагеря в долине.

— И тогда ты сотворишь волшебное пламя,— сказала Джателла.— Я надеюсь, что смогу тебе помочь побольше.

— Возможно я воспользуюсь твоей помощью.

Джателла обрадовалась этому неопределенному обещанию, как капризный ребенок. Тирус вспомнил, как он погрузился в мир колдовства с ней. Возможно, повторил он про себя, обдумывая такую возможность.

— Я всем вам дам лекарство, чтобы излечить раны, нанесенные Врадуйром,— сказал Тирус, доставая траву, часть которой он до этого дал Рофу.— Она хороша против ран,

нанесенных его демонами и рабами, а раны, которые нанесли рабы Нидила, обещал залечить сам Бог Смерти.

Джателла с беспокойством смотрела на рану лейтенанта Утея, которую он получил в бою с бандитами. Тирус тоже осмотрел ее и нахмурился.

— К сожалению, раны, нанесенные людьми, я лечить не могу.

— Сделай, что можешь с помощью магии, а обычные раны мы будем лечить сами,— сказала Джателла.

Тирус стал действовать, двигаясь так быстро, как позволяло ему больное тело. Сначала он предложил корень Эрейзану. К его удивлению один вид этого корня вызвал у Эрейзана тошноту, а про то, чтобы его проглотить, не могло быть и речи. Морщась, Эрейзан оттолкнул его. Он немного приподнялся и сказал:

— Я стал настоящим наследником моей бабки наконец. Я... мой желудок не принимает этот... отвратительный корень.

Илисса смотрела так, как будто обвиняла Тируса в том, что он причина такого плачевного состояния Эрейзана. Тирус выбросил теперь уже ненужное лекарство и сказал:

— Это означает больше, чем то, что ты внук Дестры, мой друг. Раньше ты говорил, что тебе нравится его вкус. Все изменилось.

Эрейзан моргал и пытался понять, что же хочет сказать этим Тирус.

Настроение Тируса, которое поднялось после того, как он нашел лекарство, быстро упало при осмотре ран Эрейзана.

— Все раны, от которых он страдает, очень опасны, и их слишком много, чтобы он мог вынести дорогу. Он потерял много крови и не может идти.

— Конечно, нет,— вскричала Илисса.— Мы должны сделать носилки, но как, из чего? Тут же ничего нет.

— Нам все равно нельзя ничего брать из владений Бога Смерти,— сказал Тирус.— Но оружие — оно ведь наше. Кладите его сюда.

Утей и Микит пребывали в нерешительности.

— Разве нам не надо оружие, чтобы обороняться от демонов и воинов, когда мы будем уходить из цитадели?

— Тирус договорился с Нидилом, что мы будем под его защитой,— сказала Джателла.

Мужчины посмотрели на него с благоговейным трепетом. Минит положил меч Ирико, конфискованный им у бандитов взамен украденного. Затем лег топор Рофа, а по-

верх их положили кинжалы и ножны. Поверх всего Джателла осторожно положила заколдованный меч Тируса.

Цитадель вокруг них постепенно изменялась. Работа Врадуйра исчезла. Иллюзии отделялись от реальности, исчезли звери, которых он создал, исчезли воображаемые камни, которые он обрушивал на головы врагов.

Тирус приложил руки ко лбу, сконцентрировался. Странный зеленый свет упал на оружие. Дубовая ручка топора. Дуб внутри заколдованного меча. Драгоценные камни, которыми были отделаны ручки ножа Микита и кинжала Джателлы. Крантинская сталь и клариканское железо, золотая монета, которую использовал Тирус при изготовлении меча. Все это Тирус переводил в новые формы, в которых им теперь и предстояло жить. Когда работа была закончена, зеленый свет снова вернулся туда, откуда пришел, а вместо металла и дерева перед ними лежали великолепно сделанные носилки.

Они постелили в них плащ Микита, а затем аккуратно положили на них Эрейзана. После того, как они накрыли раненого плащом, Тирус не мог удержаться, чтобы не бросить последний взгляд на алтарь Бога Смерти. Это принесло ему боль, как от свежей и открытой раны. Кристаллический куб Врадуйра сверкал сиянием Нидила, живой и одновременно мертвый, таким он навсегда запечатлелся в памяти Тируса.

— Мы готовы, Тирус,— сказала Джателла, уводя его прочь золотыми узами своего голоса и своей души. Его сердце охотно отвернулось от мук печали и он пошел к Джателле.

Тирус и Микит поднимали носилки. После этого растаяли последние иллюзии. И тут же они увидели, что путь к воротам цитадели гораздо прямее и короче, чем они предполагали. Весь лабиринт из лестниц, холлов, коридоров оказался иллюзией Врадуйра. Перед ними появилась прямая дорога к воротам, как бы приглашая их побыстрее убраться отсюда. Обломки стен и камней — все исчезло — дорога была прямой и чистой.

Но даже и сейчас они были вынуждены идти медленно. Несмотря на то, что Утей заявил, что его состояние хорошее, он чувствовал себя неважно и они были вынуждены часто останавливаться для отдыха. Эрейзан тоже был тяжелым для Тируса и Микита. Они старались идти так, чтобы поменьше раскачивать носилки и беспокоить больного. Илесса все время вертелась рядом, допытываясь, не может ли она чем-нибудь помочь Эрейзану. Джателла и все остальные заверили ее, что само ее присутствие — лучшее

лекарство для больного. И это было так. Когда раны очень беспокоили Эрейзана и тот стонал, простое ласковое прикосновение Илиссы успокаивало его, он ложился спать опять, глядя с обожанием на нее и слабо улыбаясь.

На всем их пути из цитадели вдоль стен стояли молчаливые ряды зрителей. Жуткие армии воинов и устрашающие звери всех веков и стран смотрели на Тируса, Джателлу и их спутников. Впечатление было очень сильным и пугающим: как будто все обитатели цитадели высыпали, чтобы проводить пришельцев. Все они стояли вдоль ледяных стен крепости.

Но никто из них не угрожал людям и не пытался им воспрепятствовать уйти из крепости. Командир воинов-скелетов наклонил свой череп в шлеме, как будто он следил за ними, когда они проходили мимо. Но из его руки уже не вырвалась черная молния, чтобы поразить Джателлу, да и у Тируса не нашлось бы достаточно энергии, чтобы отбить удар. Воины уже не были под командованием Врадуира. Связанные приказом Нидила не мешать проходу, они ждали, стоя по обеим сторонам коридора. Они и другие страшные, внушающие ужас создания этого царства. Это была странная процессия с Тирусом и Джателлой во главе, окруженная безгласными неподвижными толпами мертвых созданий.

Они потеряли счет времени. Не было возможности определить, день это или ночь, и сколько свечей сгорело с тех пор, как они вошли в цитадель и стали пробивать себе путь к убежищу Врадуира. Усталые, они продолжали путь к воротам крепости. Когда они шли мимо воинов-скелетов, Илисса издрогнула и спрятала лицо в ладонях, отказываясь видеть этих похитителей, которые напоминали ей об ужасных событиях ее жизни.

Они нашли трупы людей среди молчаливых мертвых зверей и проклятых воинов. Разбойники и храбрые солдаты погибли в бою. Роф переметнулся на сторону Тируса, когда исход борьбы был уже ясен, но Микит и Утей прокляли убитых бандитов, сказав, что ни один из них не проявил милосердия, даже когда стало ясно, что Врадуир теряет свое могущество.

С почестями они перенесли трупы солдат к отдельной стене и похоронили их под горами камней и кирпичей. По отношению к предателям-бандитам они не выказывали никакого сожаления, и даже не сделали им могил. Кроме того они содрали с них одежду, чтобы потеплее закрыть больного Эрейзана и Илиссу, а также заменить наиболее изодранные туники, плащи и перчатки.

Последние похороны состоялись вблизи ворот, где пал сержант Нейр, защищавший до последнего дыхания свою королеву.

— Гетания примет его в свои священные земли,— с грустью промолвила Джателла.

С погребальными молитвами она поклялась высечь имена храбрых воинов Риса и Ксана в Адрил-Лура в святой книге матери — Земля.

— Когда мы вернемся в Куред, все узнают ваше мужество и преданность, храбрые солдаты Куреда. И мы принесем жертвы в честь тех, кто погиб здесь и на пути сюда, кто помог нам, тем кто остался победить зло!

Все остальные также восхваляли храбрость и честность товарищей, погибших здесь. Носилки были поставлены у дверей и Илисса сидела рядом с Эрейзаном, рассеянно повторяя погребальные молитвы, в то время, как она заботилась о раненом. Микит посмотрел на принцессу и, подойдя к ней, спросил с любопытством:

— Принцесса, а что с Обажем?

Джателла также посмотрела на Илиссу, которая пропустила вопрос мимо ушей, и ответила за нее:

— О нем будут молиться.— Она выдержала взгляд Микита, а затем продолжала.— Он умер так, как жил.

Микит больше не спрашивал. Выражение его лица показало, что его подозрения относительно подлой природы Обажа подтвердились. Он понимающе кивнул головой.

Искусство. Дар мага и чародея, чтобы творить добро. А что есть добро? Разве это не нежность и не способность прощать? Способность забывать? Тирус прозондировал память Илиссы и обнаружил, что она выбросила всякие воспоминания об Обаже — от его оскорблений до обстоятельств его гибели. Это потребовало всего лишь легкого вмешательства со стороны Тируса. А в основном ее душа сбежала от жестокости Обажа и поспешила к новым чувствам, заботе об Эрейзане, восхищению его мужеством и верностью. Тирус помог ей забыть старое и найти новое чувство. Он не мог — не должен бы — оставить все это на волю случая. Он не имел на это права, а теперь Илисса не слышала упоминания об Обаже и не думала о нем совсем. Она склонилась над Эрейзаном, вытирала холодный пот с его лица и радовалась, когда он мог слабым голосом произнести слова благодарности.

Тирус и Микит снова понесли носилки, а Джателла помогла Утею перебраться через расprostертый на пороге труп. Тирус узнал его: Берг, он погиб первым и был здесь оставлен своими товарищами. С него уже было снято все,

что можно, и теперь этот предатель собирался предстать перед дьяволом без одежды и без золота, которого он так жаждал.

Тирус в уме сосчитал, вместе с Брегом их было пятеро — великолепная пятерка — и все были мертвы. Все, кроме Рофа, но Роф опять был куплен ими. Он был на их стороне, по крайней мере пока не получит свою награду.

Ворота цитадели были широко открыты — напоминание, что они покидают страну Нидила. Это было приглашение, которое они приняли не колеблясь и поспешили из крепости.

Их сапоги скрипели по льду. Плащи, которые они сняли с мертвых бандитов, хорошо их согревали в волшебном колпаке Тируса, сохранявшем тепло и защищавшем их от опасности, которой теперь не было. Давление Врадуира исчезло, бандиты мертвы, даже туман поднялся высоко и позволял им видеть далеко вперед, что позволяло им выбирать наиболее легкую дорогу. Рука Бога Смерти даже позаботилась о том, чтобы убрать промозглую влажность. Это был жест ледяной вежливости. Бог Смерти хотел, чтобы им ничего не мешало покинуть эту землю как можно быстрее. Туман плавал над их головами, как сверхъестественное покрытие. Оно отражало звуки их шагов. На этот раз они шли открыто и без опаски, а не пробирались от одного укрытия к другому.

Но легионы привидений все еще заселяли равнину, поджидая их. Как и чудища в крепости, они выстроились вдоль всего их пути, но они не молчали. Они стонали и всхлипывали хором, стараясь воздействовать на их сердца. Илесса до этого не видела этих пугающих духов и теперь она в страхе пыталась бежать, куда глядят глаза. Джателла закутала ее в плащ с головой, так чтобы она не могла видеть эти ужасные создания. Однако она не могла заткнуть ей уши, и Илесса вздрагивала при каждом крике.

Джателла высказала свое негодование туманному облику над головами, как будто оно было Нидилом.

— Он сказал, что его рабы не будут вредить нам ничем, но мольбы и жалости этих привидений, такие же мучительные, как клыки зверей и мечи воинов-скелетов.

— Я не могу прогнать их прочь, — с сожалением сказал Тирус. — И не могу заткнуть им рты, как простым смертным. Это не в моей власти.

Когда он говорил, он почувствовал пугающее прикосновение Бога Смерти. Он был далеко, но он был везде в этой Замороженной Равнине. Голос Нидила прозвучал в его мозгу:

— Ты очень скромн, мой слуга, гораздо более скромн, чем Врадур. Он хотел могущества, моего могущества. Слушай!

По этой команде давление резко возросло и дикий шум вокруг них превратился в еле различимое слухом бормотание. Шум был все еще неприятен, но его можно было терпеть — это был постоянный шепот бесчисленного числа потертых душ.

Илисса нетвердо держалась на ногах, несмотря на магическое лекарство Тируса. Она шла, тяжело опираясь на Джателлу, голова опущена вниз, лицо искажено слабостью и ужасом. Однако, она мужественно держалась на ногах. Остальные тоже нашли силы выбросить эти душераздирающие крики и вопли из своих мозгов.

Жалобы все еще терзали их. Капитан Дрие и его матросы стояли на коленях вдоль тропы, по которой шли люди с носилками. Руки привидений были вытянуты вперед в отчаянной мольбе. Тирус пробежал по ним глазами. Он был изумлен сходством Эрейзана и капитана Дрие. Среди матросов тоже были соплеменники Эрейзана. У них были огненные шевелюры. Матросы умерли совсем недавно и тление еще не обезобразило их. Можно было узнать в них характерные черты лица и зеленые глаза жителей Камата. Да, это были люди каматских племен, но без черт благородства и чести. Они отбросили эти черты характера, как ненужные. Без сожаления Тирус проходил мимо них.

Они проходили мимо корабля завоевателей, пиратов, знаменитых злодеев всех времен и родов. Однако, крестьян Джателлы уже не было среди них. Верный своему слову Нидил освободил их от вечных скитаний. И их тела и души уже находились на пути к воротам Кета. Наконец, они были свободны. Джателла заметила это и повернулась к Тирусу. Слезы благодарности блестели на ее ресницах. Он кивнул ей, разделяя ее радость за крестьян, и они медленно двинулись дальше к подножию горных хребтов.

Армия мертвецов заполняла долину. Они не могли ни задержать путников, ни причинить им вред. Их не нужно было отбрасывать в сторону с помощью заклинаний. Привидения были туманом, таким же эфемерным, бесплотным, беспомощным. Мало-помалу привидения забывались, таяли и даже их мягкие голоса постепенно переходили в обычные звуки — треск льда, шуршание одежды, скрип носилок. Когда путники достигли места, где они оставили привязанных лошадей, они уже остались одни. Пустота их подавляла, но все же это было лучше, чем траги-

ческие толпы проклятых, которые были обречены вечно блуждать во мраке владений Бога Смерти.

Наступала ночь. Постоянный серый полумрак переходил в абсолютную черноту полярной ночи. Тирус сотворил огонь для них — теплый, приветливый, волшебный факел, который повис в воздухе, когда они приготовились подниматься на хребет.

Роф взял трех лошадей и все золото и драгоценности, которые он и его бандиты пронесли весь путь сюда от лугов Дрита. Впрочем, они этому не удивились. Ведь Роф считал себя их наследником, так как после предательства снова переметнулся на сторону королевы. Это очень развеселило путников. Они простили ему алчность, так как он оказался достаточно щедр и оставил им мешки с провизией.

— Он взял с собой ровно столько, сколько ему надо для прокорма себя и лошадей, пока он не проедет через бесплодные земли,— сказал Микит, обследовав запасы.— И не больше. Ты дал ему хороший урок, Тирус.

Во всем его поведении чувствовалось уважение к Тиусу.

Тирус снова занялся магией. На этот раз Джателла не протестовала. Она была очень обеспокоена судьбой Илисы. Илесса зябла и она была почти все время в бреду. Эрейзан тоже был в плохом состоянии. Тирус хотел облегчить их мучения, которые возникнут при подъеме.

С помощью магии он сотворил из носилок сани и упряжь. Джателла и Илесса ехали на самом крепком коне. Утей был очень слаб, но не согласился взять эту лошадь и уступил ее сестрам. Тирус шел за санями, а Микит ехал рядом, то и дело спешиваясь, чтобы помочь Тиусу поднимать сани на камни или поворачивать их на крутых поворотах. Илесса, которая временами приходила в себя, слышала свист ветра в остроконечных вершинах гор. Джателла должна была ее успокаивать и направлять перепуганную лошадь вперед.

На сей раз они не слышали звериного рева из-за камней. Иногда, те, кто шел по этой дороге в цитадель, вздрагивали при сильных завываниях ветра и бросали боязливые взгляды в поисках подкрадывающегося чудовища. Тирус мысленно благодарил Нидила за те милости, которыми он их осыпал.

Никакие чудовища не выскакивали на них из снежной пелены или из-за каменных насыпей. Все звери держались на расстоянии. Возможно они следили за путниками своими голодными глазами, но их хозяин запретил им нападать на людей и твердо держал свое слово.

Путники были вынуждены несколько раз останавливаться на отдых, хотя подъем был довольно пологим. Странный фосфоресцирующий свет хлопьев снега прибавился к свету магического факела Тируса и освещал след, оставленный ими по пути сюда. На перевале они остановились передохнуть и оглянуться назад, на Замороженную равнину. Туман на минуту рассеялся, как будто Нидил решил им показать свои владения, свою гордость, свою внушающую ужас цитадель. Тресясь от страха и холода, они молча смотрели на странный зловещий свет, исходящий от вечного льда, покрывающего землю, свет, который простирался бесконечно во все стороны, на север, на восток, на запад. И над всем этим высилась угрюмая цитадель, замок Бога Смерти, который построил Врадуир. Много крови было пролито, чтобы построить ее и чтобы освободить из нее прекрасную узницу. Зловещее вечное обиталище Нидила посылало им последнее «прощай». Ее вид заставил путников удвоить шаги, чтобы поскорее покинуть эти мрачные места. Они перешли перевал и начали трудный спуск в долину.

Когда путники достигли подножия хребта, они уже не могли идти дальше. Хотя они были недалеко от места бывшего привала, Тирус потребовал остановки. Он принял команду над отрядом, так как Джателла не хотела командовать: она слишком устала и тревожилась о здоровье Илissy. Снова Микит и лейтенант Утей подчинились указанию Тируса, молчаливо признав его лидером их маленького отряда. Тирус вернул саням их прежнее состояние и раздавал им мечи. Затем он сделал глубокую пещеру в снегу и сотворил бездымный волшебный огонь в камнях, не очень полагаясь на то, что Нидил оставит хорошую погоду на длительное время. Где была его защита, когда они прокладывали трудный и защитный путь по направлению к цитадели? Теперь союз заключен, ветер смягчился, голубые хлопья снега устилают пространство вокруг их небольшого лагеря, защищая его от холода.

Они спали, не выставив охраны. Никто не был способен оставаться на ногах без сна. Тирус разделил цветок пламени между всеми, опасаясь остатков враждебной магии. Его мозг устал и требовал отдыха. Как и остальные он погрузился в длинный сон без сноведений.

Все еще было невозможно судить о времени. Они думали, что прошли целые сутки с тех пор, как они устроились здесь на отдых. Снежные вершины образовывали вокруг целые стены — бело-голубая крепость, воздвигнутая на обледенелых камнях.

Хотя они рассчитывали уже сегодня покинуть владения Бога Смерти, но это оказалось невозможным. Утей очень плохо чувствовал себя из-за своей раны. Эрейзан был весь в жару или в ознобе. Илисса хотела бы ему помочь, но она сама была слишком слаба после всех своих переживаний и страданий. Тирус использовал магические силы, насколько было возможно, но магия мало помогала в таких случаях. Им было необходимо ждать и пытаться лечить больных теми средствами, что были у них под руками.

Но к концу третьей ночи, с тех пор, как они покинули цитадель, дела стали обстоять немного лучше. Тирус начал надеяться, что утром они смогут попытаться пересечь долину и добраться до второго хребта, а может и пересечь его. Кровоточащая рана Утея стала затягиваться, а лихорадка Эрейзана немного утихла. Магическая трава и заботливый уход понемногу улучшали состояние больных.

Тирус сидел у магического огня и обдумывал план перехода через хребет. Джателла села рядом и сказала:

— Тебе нужно поспать. Ты был занят целый день, колдовал над нашей рваной одеждой и обувью. Опять тратил энергию.

Но ее ворчание было ласковым, а глаза нежно поблескивали.

— Не я один трачу энергию, и не только мы не спим этой ночью.— И Тирус показал ей на сцену на противоположном краю лагеря у костра. Джателла улыбнулась, глядя на это.

Утей и Микит спали, но Эрейзан и Илисса не спали. Эрейзан был весь изможден, он лежал укутанный в плащи и одеяла, истекая потом от лихорадки. Илисса, вся бледная и осунувшаяся, постепенно отходила от последствий своей встречи с черной магией и злым колдовством. И он, и она, оба сопротивлялись сну и действовали друг на друга благотворно, помогая оправиться от своих болезней. Они были погружены в беседу и не обращали внимания на Тируса и Джателлу.

—... Я был хранителем его лесов и зверей, устраивал охоту. Я всегда был очень сильным и наверное поэтому он сделал меня...— Эрейзан рассказывал, немного стыдясь того, что было с ним.

— Очень сильный! Но ты уже больше не заколдован. Тирус сказал это.

Вера Илиссы в колдуна, друга акробата, была по-детски сильной. Ее же отношение к Эрейзану говорило о том, что в нем она нашла новую веру в мужское благородство. Как

она не позволяла Эрейзану вспоминать судьбу его первой жены, так и он не давал ей вспоминать о том, что случилось в цитадели. Так, взаимно оберегая друг друга, они помогали друг другу забыть самые страшные страницы своей жизни.

— Твое заклятие исчезло навсегда,— прошептала Илесса и тут же печально добавила: — Как и мои красивые волосы! Джателла обрезала их. Я знаю, что это было необходимо, чтобы спасти меня от рухнувшей балки, но...

— Они и сейчас прекрасны! Шелковое переплетение лучей солнца и света луны.

Яркий блеск в глазах Эрейзана частично объяснялся его лихорадкой. Но только частично. Вся его влюбленная душа была в его взгляде. И Илесса ответила молча на его взгляд, вложив свою маленькую нежную руку в его ладонь.

— Интересно, о чем они думают,— сказал Тирус, когда тишина затянулась. Он сел, вытянув ноги и положив руки на колени.

— Они думают о будущем и о том, каким чудесным оно будет теперь, когда они нашли друг друга,— ответила Джателла. Она взглянула на Тируса и на ее губах появилась улыбка.

Смущенный Тирус спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Мы сестры и между нашими душами есть связь. А у тебя нет такой связи с Эрейзаном? Я думаю, что есть связь. Я много раз замечала это во время нашего путешествия.

Тирус признал, что она права и сердце его потеплело.

Джателла продолжала, указав на Илессу и Эрейзана:

— Наконец она сделала правильный выбор. Честнейший человек с большим мужеством. Никакой хвастливой болтовни — только воля и сила, чтобы защитить ее от всего, и любовь, чтобы любить ее всю жизнь.

— Ты прочла все их будущее. Разве все уже решено?

— А ты думаешь нет? Посмотри на них. Я заметила, что Эрейзан пытается изменить облик во время обострения лихорадки, и именно тогда он понял, что полностью свободен. Я видела его лицо в этот момент. И я видела радость Илессы при этой его победе.— Джателла любила до безумия свою сестру и Эрейзана, ее чувства полностью совпадали с чувствами Тируса.— Она прошла через жестокие испытания и многому научилась, и я тоже.— Она шутиливо взглянула на Тируса, склонив голову.

Он спрятал улыбку.

— Это тоже решено?

— Да, мой принц-колдун, разве не так?

Тирус стал угрюмым.

— Эрейзан свободен. А Илиссе я дал возможность забыть все, что она не хочет помнить.— Его голос был хриплым от наполнявших его чувств.

— А твоя ноша, Тирус? Тяжесть легче нести с тем, кто любит тебя и разделит с тобой усталость.

Будущее. Она говорила о будущем Илиссы и Эрейзана. Другое и такое же будущее светилось в осунувшемся лице и голубых глазах. Ее голова была в ссадинах, волосы были забиты снегом, на щеках многочисленные царапины. Но для Тируса ее высшая красота была в ее интеллигентности и высоком духе, они находились в полном согласии с его существом. Теперь она приглашала его во времена, которые должны быть.

— Тяжесть...— Тирус тяжело вздохнул.— Колдовство, наложенное на Эрейзана и которое он так долго терпел — это моя вина, потому что я не раскусил Врадуира раньше.

И внезапно вся тяжесть, которая лежала на его душе год и больше, исчезла, испарилась. Джателла тоже это заметила и вскрикнула радостно вместе с ним:

— Она исчезла. Я свободен! Они отмыщены, тяжесть исчезла.

Его душа парила в воздухе, как сокол в поднебесье. А рядом с ним сидела Джателла, которая вторила всем движениям его души и сердца. Эрейзан и Илисса не замечали ничего, они были заняты только своим счастьем. Илисса рассказывала Эрейзану свои любимые истории о героях.

Джателла с завистью показала на них и сказала:

— Они одни. Почему мы не можем? Однажды ты сделал колпак внутри колпака, чтобы защитить нас от любопытных глаз. Сейчас это можно сделать? Это не опасно?

Улыбка Тируса сделалась еще шире.

— Это потребует магии, и... желание может ослабить силу заклинания.

— Может тебе можно сейчас использовать магию. В конце концов погоня закончена. Даже принц-колдун может иногда позволить себе некоторую слабость,— сказала Джателла. Она наклонялась к нему с каждым словом все ближе и ближе, ласкаясь и прижимаясь. Это не было кокетством. Джателла была слишком непосредственна для него.

— Что вы предлагаете, королева? — спросил Тирус, подыгрывая ей.

— Титул? А? — Джателла возбужденно смотрела на него.— Очень хорошо. Пусть будут титулы. Не принц. Будь королем. Тирус — король Куреда.

Он заморгал, все его чувства были в смятении.

— Я... я не рассчитывал...

— Я знаю тебя так же хорошо, как себя, запомни. Мы с тобой одно, так разделим судьбу,— сказала Джателла, становясь серьезной.

— Я подумаю об этом. Мне понадобится время, чтобы сбросить личину актера.

— И надеть новый костюм. Быть монархом — это твое признание,— шутливо поддела его королева.

Он заставил ее замолчать и она не возражала. Они были уверены, что Илисса и Эрейзан не будут шокированы. Как сказала Джателла — они все повстречались переодетыми, их любовь родилась в ужасах борьбы и триумфе победы. И теперь они, наконец, должны были открыть друг другу истинных себя.

На следующий день они перебрались через последний горный перевал и снова разбили лагерь. В отдыхе нуждались все, а особенно Илисса, Утей и Эрейзан.

Они все еще плохо чувствовали себя, но с каждым часом их силы восстанавливались. Утей уже уверенно сидел на лошади, а Эрейзан тоже не испытывал особых затруднений при езде.

Микит и Утей заметили нежные чувства, которые питали друг к другу Илисса и Эрейзан, а также Тирус и Джателла. Право лидерства, которое они признали за Тирусом еще в цидатели, сохранилось и здесь. Они не протестовали против того, что Тирус выбирал дорогу, место и время привалов. Придворный и телохранитель уже признавали Тируса не только как могущественного колдуна, но и как принца. Эту же честь оказывала ему и Джателла, но в более интимной форме.

Несмотря на обещание Нидила, они долго ждали у Лебяного Леса, прежде, чем войти в него. Илисса была перепугана. Она пролетала над этим мрачным местом и видела его только сверху. Эрейзан настоял на том, чтобы она села на одну лошадь с ним. Джателла шутливо заметила, что Тирус мог бы предложить и ей то же самое.

— Знаменитой воительнице Куреда? — с изумлением спросил Тирус.— Жаль, что Раскалыватели Черепов не упадут на нас. Ты бы повышибала им все мозги.

— Конечно.

Тирус и Джателла вместе повели отряд в черный лес, сначала они ехали рядом, а затем, когда тропа сузилась, друг за другом.

Однако Раскалыватели Черепов не появлялись. И каменные сучья падали где-то в глубине леса, далеко от доро-

ги, по которой они ехали. Илесса с изумлением оглядывалась вокруг и недоумевала, почему же они считают, что тут очень опасно. Ее наивные вопросы развеселили Эрейзана, Микита и Утея. Быстрым шагом они продвигались по лесу и их страхи постепенно испарялись.

Эрейзан показал на свежие следы лошадиных копыт перед ними.

— Роф уже проехал здесь.

— Он спешит за своей наградой в таверну,— напомнил Тирус, обернувшись.— Он заслужил ее.

— Мы все заслужили,— решительно сказала Джателла.— Мы заслужили мир, тепло и ласковый свет Иезор-Пеллувы, и облака только для того, чтобы теплым дождем освежать землю, а не сеять ледяные вихри Нидила.

— Все это там, впереди,— сказал Микит, погоняя лошадь.— Дома. В Куреде.

Лес внезапно кончился и они оказались в сиянии солнечного света. Даже лошади стали резвиться, почувствовав, что все опасности позади, где осталось несколько их погибших собратьев. Как только они вышли на простор, над деревьями Ледяного Леса и на севере сгустились черные зловещие тучи, как будто Нидил захлопнул двери в свои владения.

Тирус остановил лошадь и посмотрел на тучи, нависшие над темным лесом.

— Мы должны блокировать путь туда, во владения Бога Смерти. Туда никто не должен проникать, пока сам Бог не придет за ним и не позовет к воротам Кета.

— Это нужно сделать... король,— сказала Джателла.

Он открыл рот для ответа и тут же его голос заглушил звуки труб, барабанов и приветственные возгласы. Утей показал на юг. К ним спешили отряды солдат, спускавшиеся с последних холмов Бесплодной Земли. Знамена и флажки на пиках весело развевались на ветру.

— Армия? — с тревогой спросил Эрейзан.— Варвары?

— Генерал Злан,— сказал Утей и стал кричать приветствия приближающимся солдатам и офицерам.— Все знамена варваров, которые мы видим, захвачены ими. Они проучили варваров, пока мы освобождали Илессу.

Триумфальные крики становились все громче.

— Ура, Гетания! Слава Куреду! — Генерал ехал впереди всех и махал шляпой, как шаловливый ребенок.— Уловка удалась! Королева! Хвала Гетании! Принцесса свободна! Куред в безопасности! Слава королеве!

Все смешались в кучу, приветствуя друг друга с радостным смехом и дружескими хлопками по спинам. Появи-

лись бурдюки с вином и свежая пища, что было особенно приятно тем, кто долгое время пил растаявший снег и ел черствый хлеб и сушеное мясо. Солдаты смотрели на черный зловещий Ледяной Лес и содрогались от ужаса, глядя на тех, кто прошел через эти опасности. Выслушав рассказы о тех, кто погиб, солдаты почтили их память минутой молчания, а затем в их адрес к богам понеслись восторженные хвалы мужеству и честности погибших, даже Обаж не был забыт при этом. Боги, услышав все это, несомненно с почестями примут их души.

— Усмирены все пограничные племена,— похвастался генерал Злан. Он не мог скрыть свое удовольствие тем, что видит их всех снова в безопасности под своей защитой.

— Эти дикари решили использовать похищение принцессы, как удобный момент для набега. Мы их всех успокоили на много лет. И при всем этом Илисса спасена! Охраняй ее, Эрейзан из Камата! Долгой жизни тебе! Да здравствует Куред!

Он прищипорил лошадь и новый шквал приветственных возгласов разнесся по равнине.

Солдаты выстроились для того, чтобы сопровождать путешественников по трудной дороге. Это были сильные люди, хорошо вооруженные, способные защитить от всего.

Джателла повернулась к Тирусу.

— Безопасность! И мы едем домой, в Куред! Ты сказал, что подумаешь над моим предложением.— Гордость зазвела в ее голосе.— Я не та женщина, которая может разделить мужчину с другими. И я встречала многих принцев и знатных лордов из соседних стран. Никто из них не дотронулся до меня... кроме тебя, Тирус.

— Я сомневаюсь только...

— Насчет того, что ты колдун? — воскликнула королева возбужденно, удивив его своей пронизательностью.

— До некоторой степени. Врадуир был король-колдун Камата. Как твои подданные отнесутся к тому, чтобы их королем стал колдун? Во мне кровь Врадуира. Если я паду жертвой тщеславия...

— С тобой этого не случится,— обрезала его Джателла.— Потому что с тобой я.

Она широко раскинула руки, как бы заключив в свои объятия Илиссу и Эрейзана.

— Вокруг тебя слишком много будет напоминать о том, что мы вынесли и почему. Ты выиграл наши жизни и целый мир у Нидила. Я не верю, что такой человек, как ты, может поддаться низменным чувствам. И кроме того, я

тебе этого не позволю.— Ее голова горделиво откинулась назад.

Генерал Злан объявил солдатам о поражении злого колдуна. Весь отряд снова взорвался восторженными криками.

— Колдун! Тирус! Ура Тирусу!

Солдаты взяли на себя все заботы о путешественниках. Они вели их на юг, к теплу и зеленым полям, в страну, где после зимы всегда наступает лето.

Утей и Микит радостно приветствовали друзей, которых встретили в отряде. Счастливые крики прозвучали в честь Утея и Микита, а также в честь Тируса, Эрейзана и сестер. Всех их приветствовали как героев, имена которых будут вечно жить в легендах и сказаниях народа.

Джателла позволила солдатам вести свою лошадь, а сама обратилась к Тирусу.

— Мой король?

— Есть еще кое-что, что я должен знать.

Джателла села прямо, поняв, что Тирус хочет сказать что-то серьезное.

— Я не знал до того, как пришел в Куред, холодных стран, и не уверен, что смогу привыкнуть к вашим зимам.

— Они не будут слишком холодными,— пообещала Джателла.

— Как женщины Куреда?

Джателла начала подозревать, что он дурачится, избавляя сомнения и колебания. Она внимательно посмотрела на него. В глазах зажегся опасный огонек. Тирус постарался тщательно спрятать улыбку.

— Я научу тебя любить наш климат. Да и все остальное, что нужно, чтобы стать настоящим куредцем, мой король,— уговаривала его Джателла.— Я поверила тебе в лугах Дрита. А ты можешь мне поверить, Тирус? — Она снова напомнила ему о том, что они пережили вместе.

— Ты умеешь держать румпель в руках? — сурово спросил он.

Брови Джателлы выгнулись дугой от удивления. Затем она улыбнулась.

— Думаю, что не хуже тебя. Я клариканка или нет? Мы еще посмотрим, как это умеешь делать ты, колдун. Я с детства каждое лето проводила на кораблях. Ты еще сам должен доказать, что умеешь управлять кораблем.

— Я докажу.

Джателла обвиняла его шею руками так стремительно и пылко, что чуть не свалилась на землю. Генерал Злан и все остальные стали дружно аплодировать этому объятию. Джателла рассмеялась вместе со всеми.

— А ты должен показать секреты своих фокусов, которыми ты так заинтересовал меня, мой колдун. Раз я буду твоей женой, то я имею на это право.

Величественно, изобразив из себя мага и чародея, как это он часто делал во время путешествия, Тирус сказал с таинственным видом:

— Но, прекрасная воительница, колдун никогда не открывает своих тайн.

Джателла чуть не бросилась на него, как на обманщика, но он важно добавил:

— За исключением некоторых, моя королева.

Их руки встретились, пальцы сплелись. Грязные, оборванные, испачканные кровью, но с победой, они ехали на юг, в Куред, и перед ними открывались долгие годы счастливой жизни.

ЭЛИЗАБЕТ БОЙЕ

МЕЧ И СУМКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Книга I

ПРОДЕЛКИ ЛЕДЯНОГО КОЛДУНА

Глава I

Сциплинги проклинали тролля из Рамскалла за Год Неурожая, хотя они уже добрую сотню лет не верили в троллей. Вальсидур из Шильброда, вождь богатой Западной области, тайно отправил делегацию, чтобы договориться с троллем. Он был уверен, что золото устранит все затруднения. В Рамскалле действительно была громадная пещера, и местные жители утверждали, что там живет тролль, которому семьсот лет. Но они тролля не нашли. После короткой экскурсии по пещере посланцы Вальсидура поскакали домой с той скоростью, на какую только были способны их маленькие раскормленные пони. Конечно, это большое несчастье, однако им какое дело до того, что все фиорды, ручьи и озера Северной области оставались скованными льдом все время лета, а солнце ни разу не нагревало землю до того, чтобы на ней взошла трава. В самом Шильброде мирный Кодфирт вскрылся ото льда, как всегда, а поля и луга дали более богатые всходы, чем обычно.

В атмосфере этого изобилия и всеобщего довольства предстояло празднование Середины Лета. Оно обычно проводилось в Вальсиднесе, где участники празднества разбивали свои шатры там, где семьсот лет тому назад высадился на этот берег и разбил свой шатер Вальсид, Король Вальсиднесса. Бревна, по которым он сошел с корабля на берег, теперь служили дверными столбами Брандстокхолла. В центре холла росло огромное дерево, ветви которого простирались над черной соломенной крышей, той самой, которая послужила кровом Вальсиду в его первую ночь на

берегах Скорпсея,— во всяком случае, так утверждали старики, хотя вряд ли они помнили, что произошло семьсот лет тому назад.

Праздник был традиционной встречей Сциплингов, на которой они обсуждали законы, налоги, договаривались о свадьбах и разводах. Вальсидур открывал большой холл и его подвалы, на всех кухнях было жарко так же, как в кухне. Кипели огромные котлы, на вертелах крутились над огнем целые туши быков и баранов. Когда все дела были улажены, начинались развлечения. Самое популярное происходило в Брандсток-холле. Вся огромная площадь его была тесно заполнена соревнующимися, главной целью которых было уничтожить как можно больше мяса, птицы, рыбы и посрамить конкурентов. А на горных пустошах проводились бои лошадей. Знать недолюбливала и относилась с презрением к такому грубому развлечению, однако такие бои были одной из самых древних и наиболее почитаемых традиций жителей Скорпсея, особенно простого люда.

И в этом Году Неурожая предполагалось провести обычные празднества. Вальсидур и его девять советников ждали прибытия северных вождей, и вместе с ними ждал сын Вальсидура по имени Килгор. Он был в том возрасте, когда ты уже не мальчик, но и не стал мужчиной.

Килгор сегодня был в плохом настроении. В последнее время его отец и старые толстые советники стали вбивать в его голову всякие знания о том, как управлять той областью, которой сейчас правит его отец. К несчастью, Килгор не дал бы и двух палок за то могущественное положение, которое ему предстояло наследовать. Его больше интересовали старые легенды, чем книги доходов, и он продал бы все благородные традиции Брандстока за хороший меч в любой момент. Он не имел хорошего наставника всю свою жизнь и вырос на старых сказках об эльфах и магии. Он прямо впитывал истории о троллях, о кладбищенских привидениях, о закопанных сокровищах и колдунах. В каждом коровьем хлеву он видел троллей, в завываниях ветра слышал пение дудочек эльфов.

Позже, когда его непоколебимая вера в магию увеличилась, он стал таскать старый ржавый меч и расспрашивать о Великой Войне в Гардаре. Вальсидур с радостью рассказывал ему все, что знал. Для него это была незаживающая рана. Его отец и пять старших братьев поехали в Гардар и погибли там героями без него. Они обрели славу, несмотря на то, что кости их были съедены волками и растащены птицами, вместо того, чтобы быть сожженными, как пола-

гается по обычаю. Судьба нанесла Вальсидуру жестокий удар, и он решил вести свои собственные войны. Так он стал непобедимым генералом в войнах за процветание и наживу.

Но Килгор мечтал только о славе. Он с обожанием смотрел на старое оружие, измятые шлемы, ржавые мечи, с любовью гладил эти ужасные игрушки взрослых, которые проламывали головы, ломали руки и ноги, распарывали животы. Вальсидур и его советники успокоились, увидев, что тяга к магии приняла другую, более приемлемую для них форму. Всю неделю Килгор не входил в холл, не испустив леденящего кровь крика, который, как он заявил, был боевым кличем его деда Вультера. Самое неприятное заключалось в том, что он постоянно уговаривал старых советников Вальсидура совершить морское путешествие или какой-нибудь поход и там со славой закончить свою жизнь. Такой конец гораздо приятнее, чем мирное угасание здесь, в Шильбрوده.

Килгор ненавидел официальные приемы. Как наследник, он был обязан присутствовать на них. Он уже потерял большую часть недели, отсиживая на дебатах о новых законах, когда он лучше бы наслаждался лошадиными боями, а теперь его не отпускают, так как он должен быть здесь на приеме северных вождей. Это было нестерпимо. С отчаянием он вонзил свой нож в скамью и вздохнул. Из кухни доносились чудесные запахи. Он снова вздохнул, поймал недовольный взгляд Вальсидура и сделал ему гримасу.

Наконец, вожди прибыли. Их пони были тощие и измученные. Они испуганно косили глазами в сторону кухни, как будто боялись попасть на вертел. Килгор внимательно осмотрел пони и их всадников. Пускать в пищу людей — это казалось чудовищным обвинением для Сциплингов. Простое обвинение в этом могло послужить началом кровной вражды.

Вальсидур радушно приветствовал друзей, усадил их на лучшие места. Он делал вид, что не замечает их бедной одежды и угрюмого вида.

— Мои дорогие соседи и друзья! — провозгласил он. — С нашей последней встречи прошло много времени. Как у вас дела с хозяйством, охотой, рыбной ловлей? — Он виновато улыбнулся, зная, что его окружают отчаявшиеся и несчастные люди.

Тласи из Вейленесса молча покачал головой. Эдин из Нека отказался отвечать. Терин из Харонесса заговорил с притворной доброжелательностью:

— Это последний праздник Середины Лета, который мы проводим вместе, Вальсидур. Мы все покидаем север и переходим в Южные области.

Советники Вальсидура ахнули и стали наперебой восклицать:

— Вам там будет плохо! Никто не знает, есть ли там земли, пригодные для жилья! Там много страшных зверей! А погода? Еще никто не селился за Виллоудейлом!

Вальсидур ударил о пол копьём, и воцарилась тишина.

— Это очень серьезное решение, соседи. Вы уверены, что хотите бросить свои дома и земли?

Тласи из Вейленесса сухо ответил:

— Нет, конечно. Однако не умирать же нам от голода. Последняя буря уничтожила все наши поля и погубила половину овец. Мы еле продержались зиму и съели почти весь наш скот. А в этом году зима никак не желает кончаться. Наши лодки вмерзли в лед, новорожденные ягнята умирают от холода, овцы и коровы не могут жить без травы. Нам уже приходится есть лошадей. У нас скоро ничего не останется. Мы собрали жалкие остатки своего добра, остатки скота и отправились на юг.

Вальсидур потер подбородок.

— Значит, в этом году будет плохая торговля,— пробормотал он как бы про себя.— Но, друзья мои, у меня много золота, много зерна, дров, скота. Всем этим я поделюсь с вами. Вам незачем уезжать — для чего же, соседи?

— Однако есть же пределы милосердию,— сказал Эдин из Нека.— У нас есть гордость. Мы будем обузой и разорим тебя. Может, когда кончится эта ужасная пора, некоторые из нас вернутся обратно.

— Тебе тоже нужно уходить отсюда,— угрюмо сказал Вильгфус из Готнофа,— в этом году мороз может обрушиться и на тебя. Он каждый год продвигается все дальше на юг.

— Это только каприз природы,— ответил Вальсидур,— нельзя же покидать родные места только из-за того, что в этом году был плохой урожай. Совсем недавно у нас пять лет подряд были неурожай, и никто не подумал о том, чтобы покинуть насиженные места. Оставайтесь хотя бы еще на год.

Люди с севера переглянулись между собой. Затем Терин неохотно сказал:

— Может, это и глупо, но многим из нас кажется, что здесь замешана магия. Ты знаешь о том загадочном, что случилось в Гардаре, когда мы проиграли войну? Никто не мог войти туда и никто не вышел оттуда. Я слышал, что

там есть какое-то страшное облако. Оно, конечно, не обыкновенное, оно калечит животных и убивает всю зелень. Оно губит все, к чему притронется. Я уже боюсь выходить ночью. Мне всюду чудятся тролли и прочая чертовщина. С нас хватит. Мы уходим.

Килгор был очень заинтересован.

— Я всегда хотел увидеть троллей. Ведь в Скорпсее со времени войны не случилось ничего интересного.

— Мы в Шильброе не верим в магию,— рявкнул Вальсидур, бросив негодующий взгляд на сына.

— Нет? — спросил Эдин.— Значит, нам соврали, когда говорили, что ты посылал делегацию к троллю из Рамскалла.

Вальсидур смутился.

— Ну и что? Ведь тролля так и не нашли.

— Однако никто бы не слушал старые легенды, если бы в них не было ни зерна истины,— сказал старый советник Онунд, с беспокойством глядя на древний амулет, висевший на стене.

— Если на севере завелись колдуны,— вдруг громко сказал Килгор, стукнув своим старым мечом о пол,— я предлагаю собрать армию и прогнать их, вместо того, чтобы убежать самим. Мы не трусы. Наши благородные предки...

Но его уже никто не слушал. Не слушали его и тогда, когда началось переселение. Целые караваны пони, телег, печальных овец и коров проходили через Вальдуркнель. Они шли по новой пыльной дороге на юг. Это было волнующее и печальное время. Килгор с завистью и раздражением смотрел на путников. Он пытался зажать кого-нибудь из них в угол и расспросить о тех ужасах, что обрушились на них. Однако никто из путников не желал рассказывать. Все они говорили:

— Ты все равно не поверишь нашим рассказам.

Килгор потерял терпение.

— Почему же вы не вступили в бой за родину?

— С колдовством бороться нельзя,— отвечали путники, продолжая путь.

В глубине души Килгор верил, что неурожаи и морозы вызваны магией колдунов из Гардара, которые хотели их напугать и прогнать. Они уже захватили весь север и теперь будут распространяться на юг, все дальше вытесняя людей. Ему было страшно даже подумать, что все Сциплинги будут оттеснены на юг, а потом изгнаны и оттуда. Ведь бежать уже будет некуда, кроме как уплыть в море, оставив Скорпсей тем могущественным силам, которые вла-

дели им задолго до того, как первые Сципplingи высадились на берег. Все его попытки собрать армию закончились неудачей. Привыкшие к спокойной жизни жители Вальсиднесса говорили, что эти морозы и облака — всего лишь капризы природы, а северяне напуганы до того, что не могут ни о чем думать, кроме бегства. Однажды вечером в Брандсток-холле Брок Толстяк и Онунд из Вольфскилла сумели развязать язык одного из беглецов. Тот сказал:

— Все, что я скажу вам, правда, клянусь тенями своих предков. Я встречал колдунов на севере, это так же верно, как то, что меня зовут Гримульф из Гримснесса, сын Графара. Я выгонял своих лошадей на пастбище, но началась буря, и я потерял их. Я отправился на их поиски и набрел на дом, стоявший на холме. Я никогда не видел этого дома раньше. Так как я замерз, то решил зайти. Три бородатых человека в прекрасной одежде приветствовали меня и предоставили ночлег. Мои собаки отказались даже подойти к дому, и это вызвало у меня подозрения. Пища и питье, предложенные мне, вызвали у меня сонливость, и я отказался от них. А когда улегся, я увидел привидение, сидящее на стропилах. Оно было похоже на старый тулуп в лохмотьях. Оно исчезло, как только я достал амулет Тора. Я тут же сбежал оттуда и никогда больше не видел этого дома, хотя пытался найти его много раз.

Неловкая тишина воцарилась в холле. Старые знамена и древние щиты, развешанные на стенах, тихо позвякивали и шелестели при порывах ветра.

— Чушь! — фыркнул Онунд из Вольфскилла и выпил до дна свой кубок.

Вальсидур погладил бороду и хмыкнул:

— Вот такие, как этот, и распространили слухи. Я не могу поверить, что разумные и цивилизованные люди так перепугались всяких сказок.

— Магия — это не сказки и не суеверия, — Килгор решил продемонстрировать свою осведомленность, — это могущество, такое же реальное, как огонь, как льды Скорпсея, и люди используют это древнее и прекрасное искусство...

Вальсидур стиснул ручки кресла и крикнул:

— Оставь троллям это прекрасное древнее искусство! Я хочу найти разумное объяснение тому, что какое-то холодное облако отнимает у нас фиорд за фиордом, а магия совсем не разумное объяснение!

— Это так же разумно, как и любое другое объяснение, — сказал Килгор. — Многие мы не можем объяснить

разумными причинами. Мы знаем, что существуют и вулканы, и гейзеры, однако мы не можем объяснить их действие. Мы должны собрать армию и быть готовыми к войне за Скорпсей.

— Никакой армии,— объявил Вальсидур.— Если кто-то создает эти трудности для нас, то это, скорее всего, люди. А мы знаем, что золото, а не меч, лучший способ договориться с людьми.

И, сказав это, он поднялся и пошел спать.

Так как все вино было уже выпито, все соседи тоже ушли. Огонь уже догорал, и большая часть бездомных путников приготовилась спать на столах и полу. Килгор посмотрел на беззубого старика в лохмотьях, который уснул прямо посреди рассказа и его не могли разбудить ни толчки, ни шум.

Наконец, Килгор громко зевнул, потянулся и завернулся в чей-то плащ, чтобы спать. Он почти уснул, как вдруг огромная дверь холла со страшным скрипом отворилась под сильным порывом ветра. Он хотел встать и закрыть ее, но поленился.

Внезапно угли в камине ярко вспыхнули и осветили ярким светом холл. Раздались чьи-то легкие шаги, и край плаща прошелестел рядом с ним. Килгор уснул, не успев рассмотреть, кто это был.

Ему показалось, что прошло всего полчаса, когда его кто-то разбудил, бесцеремонно вытряхнув из плаща. Солнце светило ему прямо в глаза. Вокруг него то и дело проходили чьи-то ноги. Такое оживление было весьма необычным в такой ранний час. Все советники уже были здесь. Собрались также местные жители и беглецы. Килгор ухватился за свой старый меч.

— Что за шум? Если вы не перестанете наступать на меня ногами...

— Уйди с дороги, Килгор,— проворчал старый Спорри.— Ты все время собираешься болтаться под ногами?

Килгор встряхнул растрепанной головой, бросил плащ негодующему хозяину и быстро прошел через толпу вокруг большого дуба Брандстока, желая побыстрее выбраться на улицу. Все уже проснулись, и шум стоял как в курятнике. Его отец был в самой гуще. К нему тянулись бороды всех, руки хватали за плащ. Вальсидур старался услышать каждого, хотя все они говорили одновременно.

— Что за шум? — спросил Килгор.— У нас сегодня ночью побывали воры?

— Гораздо хуже,— ответил ему Брок Толстяк,— прямо здесь, в Брандстоке, произошло колдовство.

И он показал на дуб Брандстока. Когда толпа немного раздалась, Килгор подошел поближе. В дуб по самую рукоятку был всажен меч. По рукоятке было видно, что меч очень древний. Она была из золота и покрыта вязью букв и символов. Мечом к стволу был приколот листок пергамента. Килгор сорвал его и прочел клиновидную надпись.

«Тот, кто вытащит «Килдруин» из дерева, будет править всеми миньонами Сурта. Он победит всех колдунов и разрушит их чары.»

Глава 2

В последующие дни многие пробовали свое счастье, пытаясь вытащить меч. Вальсидур приказал объявить, что каждый должен сделать попытку. Рыбачье судно, дом в Виллоудейле и сотню мер соли ежегодно он обещал тому, кто принесет меч в холл. Каждый, вне зависимости от богатства и общественного положения, должен был попробовать вытащить меч, и каждый вечер к дубу прибывали все новые и новые партии желающих стать Королем. И каждый вечер все попытки заканчивались утешительными праздниками.

Килгор воспринимал все это очень болезненно. Несмотря на всю его веру в магию, было очень тревожно быть свидетелем ее проявления в таком степенном и скучном месте, как Брандсток-холл. Или еще хуже — меч мог оказаться подделкой и предназначен для того, чтобы сделать семейство Вальсид смешным и лишить его права быть вождями Шильброда. Он назначил сам себя хранителем меча в Брандстоке и сидел со своим старым мечом, тревожно наблюдая за идиотскими попытками вытащить оружие из ствола дерева. Сам он не желал быть смешным и обливаться потом, вытаскивая меч. Ему не нравился тот жадный огонь, который светился в глазах у всех кандидатов. Килгор был уверен, что такой святой и таинственный меч не может быть вытащен в шутовской атмосфере, которая царила тут.

Почти каждый вечер специалисты по магии собирались в Брандсток-холле и подавали советы всем желающим. Шла оживленная торговля амулетами, безделушками, приносящими счастье заклинаниями. Они пользовались большим спросом среди жителей Шильброда и беглецов с Севера. Казалось, что каждый из них непоколебимо верил в магию и только и ждал удобного случая, чтобы продемонстрировать свою веру. Они, полные надежд, шум-

по вкатывались в холл, как море. Однако их последующее разочарование не трогало Килгора.

Наибольшее разочарование постигло старого Вальсидура. Он долго смотрел на меч, бормоча про себя:

— Разве он здесь не для меня? Вальсиды всегда были Королями и воинами. Если кто-либо в Скорпсее и способен вытащить этот меч, так только я.— Он поднялся со своего кресла и изо всех сил попытался вытащить меч. Тот даже не шевельнулся. Пыхтя и задыхаясь, пробовали свои силы и советники. Глаза их чуть не вылезали из орбит от напряжения, но все было тщетно.— Что мы будем делать с этим Королем, если он вдруг появится? — спросил Вальсидур.— Он страшнее, чем неурожай и мороз. Он ведь заберет все лучшее себе, если мы не сумеем поладить с ним.

— Или купить меч у него,— лукаво предложил старый Снорри.— Ведь у него наверняка здесь нет друзей, и он, возможно, бедняк. Он, наверное, назовет цену.

— Да,— хмыкнул Вальсидур,— я понимаю, что ты имеешь в виду. Следует попытаться, чтобы сохранить Брандсток.

И все старики ухмыльнулись и подмигнули друг другу. Но проходили недели, а меч упрямо отказывался подчиниться кому-нибудь.

Прошли еще недели, и новизна приключения потеряла свою прелесть. Уже несколько дней никто не приходил попытать счастья. Старые советники приходили в холл пить вино и рассказывать байки. Народ начал задумываться о морозах на севере, и прежний страх перед колдунами постепенно овладел всеми. Килгор надеялся, что лихорадка, вызванная появлением меча, кончится и народ вновь обретет здравый смысл. Теперь они должны понять, что самое мудрое — это собрать армию и двинуться на Север. Его отец становился все угрюмее и суровее — верный признак того, что все возвращается к обычной жизни. Когда он не мог видеть меча, он сидел и брюзжал: ничто не могло его развлечь и отвлечь от мрачных мыслей.

И однажды вечером раздался громкий стук в дверь. Он был неожиданным и многообещающим. Лица гостей просветлели. Слуга открыл дверь и церемонно ввел гостя, торжественно объявив:

— Хельги Редкая Борода из Банка. Желает говорить с вами, сэр.

— Отлично. Входи — входи,— сказал Вальсидур.— Кто послал тебя и что у тебя за дело?

Килгор с гримасой заметил, что от пришельца пахнет рыбой и дымом, да и одет он неважно, хотя наверняка он

не бедняк. Он был одет в грубые красно-коричневые штаны, кожаный камзол и пояс, по орнаменту которого с уверенностью можно было сказать, что он сделан варварами. На ногах у него были грубые тяжелые сапоги, в каких жители Шильброта выходят на работу в поля. Он выглядел весьма молодо, загорелый, с быстрыми пронзительными глазами, однако в его бороде поблескивала седина. Он окинул всех испытывающим взглядом. Опираясь на высокий черный посох, он смотрел на присутствующих в холле людей. Торжественным тоном он начал:

— Я принес тебе приветствие из Банка и любопытное послание.

— Ну, продолжай,— нетерпеливо сказал Вальсидур.— От кого?

Хельги Редкая Борода окинул взглядом весь холл. У него на губах играла слабая улыбка.

— Я принес тебе послание от самого себя. Оно касается вот этого...— И он кивнул на меч.

— А кто ты такой, что осмеливаешься предлагать нам свои советы? — ехидно осведомился Онунд из Вольфскилла.

Хельги улыбнулся, провел пальцами по бороде.

— Если это доставит вам удовольствие, я и все мои предки назывались прорицателями.

— Прорицатель! — в один голос крикнули все присутствующие в холле.

Вальсидур выпрямился в кресле и стиснул его ручки. Килгор приготовился к тому взрыву, который, как он был уверен, сейчас последует.

— Значит, прорицатель? — Вальсидур сузившимися глазами рассматривал этого человека.— Ну что ж, устраивайся поудобнее, прорицатель.— Он величественным жестом пригласил Хельги поесть и выпить, затем приказал музыкантам играть и петь.— Ты должен попробовать знаменитого брандстокского эля. Лучший эль в Скорпсее. Твое здоровье, прорицатель!

Килгор посмотрел на отца, у которого неожиданно изменилось настроение, и пробрался поближе к прорицателю. От него все еще пахло, как от простого рыбака, только что сошедшего на берег. Хельги Редкая Борода посмотрел на Килгора, как будто прочел его мысли. Затем Килгор увидел на его поясе нож с великолепно отделанной рукояткой из рога, и после этого он стал относиться к прорицателю с большим уважением.

Прорицатель, наконец, покончил с едой, откинулся на спинку кресла и стал набивать черную трубку какой-то

ароматной травой. Затем он поднес к ней уголек и начал пускать клубы зеленоватого дыма. Весьма вежливо он поинтересовался погодой в Шильброде. Вальсидур ответил ему в том же тоне и поинтересовался погодой в Банке, расположенном в Южной области. Они перекидывались ничего не значащими фразами, и Килгор буквально сгорал от любопытства. Наконец, все правила вежливости были соблюдены, и Вальсидур стал серьезным. Хельги уловил эту перемену и начал:

— Ты помнишь, я сказал, что у меня послание для тебя?

Вальсидур хмыкнул и попытался не казаться чересчур легковым. Он еще никогда не встречался с прорицателем.

— Да, что-то такое я помню. Мой отец и дед всегда слушали прорицателей.

— И погибли страшной смертью,— Снорри не мог удержаться, чтобы не пробормотать, благо, что его в полутьме не было видно.

— Пусть прорицатель говорит,— приказал Вальсидур.— Я уверен, что он будет говорить на благо Шильброду.— Он имел в виду наживу, это видел по его лицу Килгор.

Слушатели сели поближе, и прорицатель торжественно затянулся трубкой перед тем, как начать.

— Ты приобретешь и ты потеряешь что-то более дорогое твоему сердцу, чем твое золото и этот холл.— Килгор подумал, что бы это могло значить? Прорицатель продолжал: — Видишь этих мотыльков? — И он указал на мотыльков, кружившихся вокруг лампы с китовым жиром.— Прежде, чем они погибнут, ты увидишь, как этот меч будет вытащен рукой, которая еще не пыталась это сделать. Еще до Лунного затмения в этот холл придет колдун, как в старые времена, и он сделает тебе добро и сделает тебе зло. В Скорпсее много такого, что ты не знаешь и не хочешь видеть. Помни, что ты в очень древней стране, ты новый человек в старом мире со старым порядком. Когда-нибудь люди будут править в Скорпсее, и старый порядок исчезнет.— Он взял свой посох, застегнул плащ, накинул капюшон.

— Подожди,— закричало сразу несколько голосов.

— Армия! Я же говорил вам! — крикнул Килгор.

— Тихо! — громовым голосом приказал Вальсидур.— Как понять всю эту чепуху? Какое отношение мотыльки имеют к мечу? И что ты там болтал о колдуне? И ты же знаешь так же хорошо, как и я, что люди правят Скорпсеем уже семьсот лет. Неужели им правит кто-то другой?

Мне кажется, что ты знаешь больше, чем говоришь нам. Что это за меч? Кто его вытащит? Он здесь, в холле? Я сделаю тебя богатым до конца жизни, если ты назовешь его имя, чтобы я мог помочь ему обрести могущество. Скажи нам, Хельги Редкая Борода, как зовут нашего героя?

Хельги покачал головой и еле заметно улыбнулся.

— Могущество, о котором ты говоришь, и могущество, которое дарит меч,— разные вещи. Я не могу сказать тебе больше. Но я скажу тебе, Вальсидур, правитель Вальсид-несса и Брандстока, не люди правят этой страной.

— Нет? — Голос Вальсидура заставил умолкнуть всех в холле.— Я полагаю, ты говоришь об эльфах и колдунах? Может, ты и сам один из них?

— Я пришел только предупредить тебя,— спокойно ответил Хельги,— чтобы ты был настороже. Не пытайся соваться со своим мечом не в свои дела, а то мир жестоко пожалеет об этом. Прощай.

— Я могу сделать тебя богатым. Позволь мне предложить тебе вот это.— И он вынул из кармана маленький черный кошелек с золотом и серебром.

— Нет, благодарю. Помни, что я предупредил тебя.

— Схватите его! — Вальсидур вскочил с места.

Толпа бросилась вперед. Килгор, чтобы его не задавили, вскочил на стол и закричал:

— Это он! Он принес сюда меч! Дайте ему побольше золота, и он вернется!

Однако голос его утонул в шуме толпы, которая старалась схватить Хельги. И тут очаг, лучший во всем Шильброре, вдруг испустил клубы черного дыма, полетели зола и искры. Огонь погас. Холл погрузился в полную темноту. Вместо того, чтобы остановиться и спокойно подождать, пока опять появится свет, все начали бегать в полной темноте, натываясь на столы и скамьи, сталкиваясь и производя ужасный гвалт. Килгор ощупал вокруг себя стол и нашел лампу, которая еще не была опрокинута. Он зажег ее, поднял над головой и стоял, ожидая, пока вокруг восстановится порядок. К этому времени Хельги, конечно, исчез. Люди сели, чувствуя себя одураченными. И тут Вальсидур провозгласил:

— Король меча сегодня вечером среди нас. Один из вас не пытался вытащить меч. Он ждет, чтобы я предложил ему. Я повторяю последний раз. Если один из вас вытащит этот меч, я дам ему двадцать мер золота, двадцать тюков одежды и ткани, двадцать коров, двадцать лошадей и я провозглашу этого человека вторым моим наследником.

Весь холл забурлил, услышав такое предложение, и несколько человек тут же бросилось на улицу, чтобы сообщить остальным об обещанных наградах. Но Вальсидур крикнул:

— Ни один человек не покинет холл, пока не сделает попытку! Если прорицатель прав, то эта ночь назовет нас имя Короля меча. Эта, и никакая другая. Мы найдем его, даже если нам придется перевернуть все постели. Приготовьтесь приветствовать Короля Скорпсея.

Он подошел к мечу и крепко взялся за рукоятку. Однако никакое кряхтение не помогло. Меч не шелохнулся.

— Это, скорее всего, издевательство,— тихо сказал Снорри.— Если уж тебе не суждено вытащить меч, значит, это не удастся никому.

— Это шуточки колдунов,— прошелестело среди присутствующих, когда последний из них потерпел неудачу. И тут же поднялся шепот:— Мы найдем этого плута Хельги и заставим его ответить.

— Нужно спилить дерево,— предложил кто-то, и сразу разгорелись споры. Ведь это было дерево Вальсида, Короля-Основателя, первого Отца. Пока оно стоит, Шильброд будет процветать. Дело чуть не дошло до рукопашной.

— Тихо, а то выгоню всех! — Но никто не слушал Вальсидура, кроме Килгора и старого плута Снорри.

— Это все потому, что ты хочешь разделить могущество Брандстока и назначить неизвестно кого вторым наследником,— угрюмо сказал Снорри.— Веками Шильброд был землей Вальсидов, а теперь ты хочешь разделить его, вызвав распри и войны. Шильброд станет вечным полем битвы. И все это из-за проклятого меча. Кто-то сейчас ждет, чтобы ты пообещал побольше богатства и могущества. Тогда он придет, вытащит этот проклятый меч и выгонит всех нас из Брандсток-холла. А дальше что? Я думаю, что ты должен встретиться с этим человеком и договориться.— Снорри снова взглянул на меч с такой яростью, будто хотел его вытащить силой гнева.

— Он говорит разумно,— заметил Брок Толстяк.

— Оставьте меня одного.— Вальсидур устало закрыл глаза, и холл опустел. Девять советников спокойно ждали. Один за другим они погружались в сон по мере того, как угасал огонь в очаге. Килгор зевнул и нетерпеливо посмотрел на отца. Но вдруг мелькнувшая в полутьме тень привлекла его внимание. Дверь скрипнула, будто ее осторожно открыли.

— Кто там? — рявкнул Килгор, хватаясь за меч.

— Это только я, сэр,— ответил хриплый осторожный голос.

— Выйди вперед и скажи, кто ты! — приказал Килгор, повелительно стукнув об пол мечом.— За то, что ты подслушивал секретный совет в Брандстоке, тебя ждет кара. Давно ли ты здесь?

Маленькое существо то приближалось, то удалялось в тень.

— Я не хотел ничего плохого, мне сказали, что я могу найти здесь приют на ночь. Все беглецы на юг советовали идти сюда. Я устроюсь здесь у дверей, просплю ночь, а утром уйду. Я не замышляю ничего плохого.

— Смотри, чтобы от тебя не было никакого шума.— И Килгор угрожающе взялся за меч.

— Кто это? — крикнул Вальсидур в гневе.— Я же приказал, чтобы здесь никого не было, мне нужна тишина, чтобы я мог поразмыслить.

— Он шпионил за нами,— сказал Килгор,— прошмыгнул сюда тихо, как привидение.

— Незнакомец, иди сюда! — приказал Вальсидур.— Думаю, что сама судьба принесла тебя сюда этой ночью. Скажи, какое у тебя дело?

Незнакомец вышел на свет. Глаза у него были дикими и блестящими, как у зайца. Черные брови смыкались над крючковатым носом, увенчанным черной волосатой бородавкой. Спутанная рыжая борода обрамляла лицо и спускалась до пояса. Цвет его плаща был грязно-серый. Он свисал лохмотьями до колен, которые вырисовывались из старых, грязных, грубо сшитых сапог с длинными загнутыми носками. Этот человек, казалось, не мог стоять спокойно. Он непрерывно шаркал и перебирал ногами. Остальное его снаряжение состояло из дорожного посоха и грязной черной сумки, переброшенной через плечо. Он быстро поклонился, бросив искоса взгляд на окружающих.

— Я не шпион, добрые хозяева. Во всяком случае, у меня не было такой мысли. Конечно, кое-что я услышал, однако против своей воли, хотя я пришел именно для этого.

— Ты лучше скажи, кто ты? — рывкнул Вальсидур.

— Конечно, конечно. Сначала я представляюсь. Меня зовут Барт, просто Барт. Потому что у меня нет ни владения, ни подданных. Во всяком случае, в этой части Скорпсея. Я услышал о ваших трудностях с этим мечом и о том, что вы сделали кое-какие предложения. Мне кажется, что я могу оказать вам услугу, конечно, ничтожно малую.

— Ты? — опять рывкнул Вальсидур.— Что ты можешь, бродяга?

— Я могу вытащить меч.

Вальсидур выпрямился в кресле.

— Я не верю этому! — Глаза его гневно сверкали.

— Но я могу! — настаивал Барт.

— Ты — Король миньонов этого, как там его зовут? И Король всего Скорпсея? — Лицо Вальсидура было воплощением ехидства и недоверия.

— Может, меч — просто дурацкая шутка, — сказал Килгор, — а это шутник, который засадил его в дерево. Мне он не нравится. Какой из него Король? Он настоящий бродяга или...

Колдун — было, у него на языке, однако что-то в блестящих глазах Барта остановило его и не дало произнести это слово. У него было такое ощущение, как у собаки, которой показали кость.

— Если это шутка и ты замешан в ней, — Вальсидур стиснул копы, глаза угрожающе прищурились.

— О нет, не я, — взмахнул руками Барт. — Видите ли... — Он прошаркал поближе, оглядываясь по сторонам. Голос его перешел на хриплый шепот: — Я владею кое-какими заклинаниями. Я немного занимался мелкой магией и колдовством...

— Колдун! — крикнул Торфи из Сванкнолля. — Тот неопрятный тип был прав, здесь замешана магия! Что будем делать?

У Килгора радости не было. Он держал руку на рукоятке меча и чувствовал приятную дрожь от того, что сейчас вонзит меч в косящий глаз Барта.

— Закрой двери, Килгор, — приказал Вальсидур. — И проверь, не прячется ли еще кто-нибудь в тени. Иди вперед, колдун. Я предложил десять мер золота, дом в Виллоу-дейле и рыбацкое судно тому, кто вытащит меч.

Барт ухмыльнулся и так почесал ухо, что оно чуть не оторвалось.

— Однако я слышал, что ты обещал кое-что еще — признать наследником. И разве не двадцать мер золота?

— Да, двадцать мер, — напомнил один из советников.

— Хорошо, двадцать, — нахмурился Вальсидур, — но ты должен признать, что меч мой, если ты действительно с помощью магии вытащишь его сам. И я с радостью дам еще двадцать мер серебра, если ты сделаешь так, что вытащу его я.

— Но мне хотелось бы, чтобы это было золото, — заметил Барт.

— Давайте вытащим меч, а потом обговорим условия, — поспешно заметил Онунд, хранитель сокровищ.

— Правильно,— согласился Вальсидур.— Начинай, колдун. Нет, подожди. Ты уверен, что твоя магия сработает для меня? Я не смог сам вытащить меч.

— Я уверен в этом.— Барт подошел к дереву и бросил взгляд на меч.— В противном случае, зачем бы я пошел в такую даль и в такую жару? Однако ситуация в Гардаре такая сложная, что я должен прибегнуть к чрезвычайным мерам.— Он кривлялся, гримасничал, потирая свои желтые узловатые руки.— Когда я услышал о мече, я пошел так быстро, как мог. Я хотел вытащить его для вас, чтобы вы все могли спастись. Ни за что на свете я не хотел бы видеть людей замороженными или изгнанными навсегда из Скорпсея гнусными колдунами и троллями, и ледяными великанами, и черными эльфами,— он перечислил их с легкомысленной небрежностью.

— И с ними владельцу меча придется воевать? — спросил Вальсидур.

— Да, с тысячами. Однако я вижу, что ты изменил свое решение. Придется мне искать другого смертного, кто будет Королем меча. Я понимаю, тебе не хочется пускаться в такие приключения. В мое время мне даже и мечтать не приходилось об обладании таким мечом, как этот.

Вальсидур величественно поднялся с кресла.

— В возрасте ста лет мой прапрапрадед Торольд Сквинтер еще ходил на войну. Предки рода Вальсидов никогда не думают о возрасте, они думают только об опасности и тайнах. Давай твои заклинания, колдун, и я сделаю все, чтобы спасти Скорпсей.

— Это те слова, которые я хотел услышать,— сказал Барт с хитрой ухмылкой, показавшей его лисьи зубы. Затем он начал копать в своей замызганной черной сумке, переворачивая ее и так, и сяк, чтобы найти то, что нужно.

Советники переглядывались, улыбаясь. Вальсидур, не сводящий с него глаз, сказал:

— А меч действительно волшебный?

— Очень,— ответил Барт.— Он может рубить все: лед, камень, дерево, металл. И он делает своего обладателя неуязвимым в бою. Нет ничего, чего бы не мог его обладатель. Ничего! — его голос поднялся до крика, а его сверкающие глаза напомнили Килгору глаза крысы.

— А почему ты не хочешь иметь его сам? — спросил Килгор.

Сморщенный колдун одарил его презрительным взглядом.

— Нет, я предпочитаю двадцать мер золота. А кроме того, на нем заклятие. Ни за что на свете я не притронусь к нему.

— Миньоны Сурта? — пробормотал Килгор.

Барт бросил на него взгляд, от которого по телу пробежала дрожь, но тон его был ласковым:

— Я понимаю, что храбрых предков Вальсида не напугать простым заклятием. Ведь Сциплинги очень отважны.

— Естественно! — рявкнул Вальсидур. — Пугаться заклятия! Еще чего! Что за заклятие?

— О, ничего особенного, — поспешил объяснить Барт. — Деньги всегда хранят в красивом кошельке, чтобы сделать их еще более привлекательными. Так у меня и заклятие. Однако если мы заговорили о кошельке, то мы, по-моему, сошлись на тридцати мерах золота?

— Что-то вроде этого, — сказал Вальсидур. — Как долго это заклятие работает? Оно проявит себя сразу или подождет и проявится в третьем поколении?

— Я могу посмотреть по своей книге. — Барт достал огромный том, толщиной в две книги доходов Брандстока. — Оно может...

— О, чепуха, — сказал Вальсидур, — давай свои заклинания, и вытащим этот меч. Я буду носить амулет, когда придется брать меч в руки.

— Если он вытащит его для тебя, отец, — сказал Килгор, — я думаю, что будет лучше для всех нас, если ты откажешься от магии и колдовства.

— Спокойно, Килгор, — приказал Вальсидур, а Барт листал книгу, что-то бормоча, раскидывая какие-то кости, клочки меха, перья. Наконец, он нарисовал круг и торжественно объявил:

— Все готово. Советники, отойдите подальше, а то попадете в сферу действия заклинания. Мой Лорд Вальсидур, приготовься, сейчас ты вытащишь меч из дерева.

Сказав это, он поднял руки, закрыл глаза и начал петь заклинание на незнакомом языке, сопровождая пения странными жестами и движениями. Килгор задрожал, ощутив необъяснимое волнение. Магия Барта была совсем не тем приятным и древним искусством, о котором говорили крестьяне. Она была зловещей и холодной.

— Теперь тащи! — крикнул леденящим голосом Барт.

Все вздрогнули, когда Вальсидур взялся за рукоять и потянул. Ничего не произошло.

— Хмм, — протянул Барт глубокомысленно, — я попробую другое заклинание. Эта магия эльфов очень сложная. —

На этот раз он взял мел и нарисовал на стволе вокруг меча какие-то буквы.

— Это же чистейший обман,— сказал Килгор,— и грабеж.

— Тишина совершенно необходима для магии,— предупредил Барт, воздевая к небу тощие руки.

— Тихо, Килгор, или уходи.— Вальсидур не открывал глаз от действий колдуна.

Килгор не ушел. Он сложил руки и сел так, чтобы оказаться между дверью и Бартом. Барту не удастся сбегать с золотом отца или с мечом. Килгор не собирался спускать с него глаз. Заклинание опять не сработало. Килгор пробормотал:

— Он ненастоящий колдун.

Снорри и Онунд навалились на него с двух сторон и сердито зашипели.

Еще одно заклинание не сработало, а за ним еще одно. Вальсидур уже начал сердиться, чувствуя себя немного одураченным. Советники были похожи на взлохмаченных старых петухов. Колдун снова умиротворенно улыбнулся и полез в свою книгу.

— Не бойтесь. У меня есть еще одно заклинание,— сказал он.— Уж оно-то должно сработать.— И он вновь закрыл глаза, погрузившись в невидимые сферы, и сказал какие-то слова. Вальсидур потянул, и опять без результата.

Килгор фыркнул.

— Позор, что мы всю ночь не спим из-за этого шарлатана. Я сомневаюсь, что у него получится даже пенка на молоке, если он будет кипятить его.

Барт посмотрел на него так, как будто хотел ответить на оскорбление. Вальсидур сказал:

— Мы попытаемся еще завтра: может быть, отдых и пища освежат твою магию.

— Благодарю, сэр,— вздохнул Барт,— ты прав. Я очень старый и усталый колдун. Скоро я удалюсь в какую-нибудь пещеру или хижину, чтобы жить там оставшиеся годы. И все, что я хочу,— это несколько кусков золота, чтобы скрасить свою жизнь. Я всегда буду помнить твою доброту.— Однако взгляд, который он бросил на Килгора, противоречил его жалобному тону.

После того, как они ушли, Килгор в гневе воскликнул:

— Черт возьми, мне совершенно ясно, что этот шарлатан убьет и ограбит нас. Может, этой ночью он сожжет хоял. Не верьте этому гнусному типу, даже если он и не колдун. Вы все сошли с ума. Вы еще увидите. Вы пожалейте, что поддались на его ложь. Вы все глупые рыбешки.

Он прокричал все это, хотя и знал, что советники сочтут его слишком наглым для своего возраста.

— Фу! — фыркнул Тредель, моргая своими красными, как у быка, глазами.— Это тебе будет стыдно, когда меч будет вытащен. Тогда ты согласишься в магию.— Он осушил пару кружек эля и пошел из холла. А за ним потянулись и остальные старые толстяки, пошатываясь и поддерживая друг друга.

Килгор пошевелил угасающие угли своим мечом. Лезвие было все в зазубринах и покрыто ржавчиной. Он вздохнул и повесил его на стену рядом с остальными древними реликвиями, и швырнул обшарпанные ножны в огонь.

Его взгляд переместился на мягкие блестящие ножны таинственного меча, висящие на спинке высокого резного кресла Вальсидура. Он осторожно, крадучись пошел к дереву, где мягким блеском сверкала золотая рукоять меча в красном свете догорающих углей. Он внимательно осмотрел его. Работа была великолепная. Такой он еще не видел здесь, в Шильброде. На рукоятке были изображены битвы, корабли, чудовища. Это было оружие для великого воина.

Такое ничтожество, как Барт, не могло иметь к нему никакого отношения. Килгор ощутил, что у него сжимается горло, когда он видит этот меч. Так бывало всегда, когда он слышал рассказы Вальсидура о старой славе их рода. Да, те дни ушли навсегда. В Шильброде не было никого, кто хотел бы получить этот меч. И был бы достоин его. Для них больше подходят вилы для сена.

Килгор протянул руку к мечу. Притронувшись к золотой рукояти, он тут же отдернул руку назад. Что-то обожгло его пальцы, но этого же не могло быть. Его воображение обмануло его. Некоторое время он смотрел на него, а затем ухватился за рукоятку обеими руками, чтобы хорошенько дернуть. Сразу же он ощутил то же самое и выпустил меч. На этот раз ошибки быть не могло. Меч слегка пульсировал, как живой. Тяжело дыша, он снова смотрел на меч, набираясь мужества, чтобы опять взяться за него. Не обращая внимания на покалывание, он твердо взялся двумя руками за рукоять и сильно потянул ее. Меч выскользнул из дерева с мягким звенящим звуком. Длинное тонкое лезвие испускало белое сияние. Вязь древних букв побежала по лезвию, как расплавленное серебро. Он смотрел в изумлении, и эти клинописные письма вдруг обрели для него смысл.

«Ночь не застигнет врасплох сынов Аска и Эмблы».

Килгор подумал, что какие-то невидимые и древние силы поднесли этот дар для защиты смертных людей. Он вертел меч в руках, восхищаясь каждой линией, каждым украшением. Он казался легким и великолепно сбалансированным, как будто был сделан для его руки.

— Килдруин,— прошептал он, и меч отозвался легким звоном.

Внезапно шаркающие легкие шаги по коридору вывели его из оцепенения. Он быстро вонзил меч в дерево и был удивлен, что тот очень легко вошел в толстый ствол. Затем он нырнул под стол и уселся там, прижав колени к подбородку. Он не хотел разрушать очарование того, что произошло, оправданиями и объяснениями, что он делает здесь, в темном холле, один.

Пришелец подошел к дереву и остановился перед ним. Килгор узнал лохмотья плаща Барта. Сердце его бешено заколотилось, и он протянул руку к своему мечу, совсем забыв, что повесил его на стенку. Барт стоял в лунном свете, который струился через открытую дверь, глядя на дерево и меч. Затем он с гневными проклятиями сорвал с себя сумку, швырнул ее на пол и стал топтать ее ногами. Затем поднял ее и ушел, все еще бормоча и ругаясь.

Килгор выбрался из-под стола, когда убедился, что Барт ушел. Вновь взглянув на меч, он почувствовал приятное удовлетворение. Он был уверен, что Барт хочет заполучить его для каких-то грязных делишек. И затем он увидел, что всадил меч не в то место, где он был, а на целых две ладони выше. Он улыбнулся, поняв отчаяние и гнев колдуна, который догадался, что нашелся хозяин меча.

Килгор провел ночь, свернувшись у корней дерева, и первое, что он увидел, проснувшись утром, был волшебный меч. В холле еще никого не было, и он ласково коснулся рукояти меча, обдумывая, как бы ему объявить всем жителям Шильброта, что он Король меча. Их постигнет великое разочарование: ведь они ждут героя, а получают всего лишь юного Килгора. Он нахмурился и решил провести день один, охотясь на пустынных холмах на барсуков.

Глава 3

Даже сам Килгор не был готов к фурору в Брандсток-холле. Он предполагал вернуться и торжественно объявить перед собравшимся народом Шильброта, а возможно, и продемонстрировать, как он вытаскивал меч. Однако всеобщее смятение в холле поразило его. Каждый хотел ос-

мотреть меч, воткнутый в другое место. Килгор никак не мог пробиться сквозь взбудораженную толпу, но, наконец, оказался перед отцом. Старик гневно крикнул:

— Килгор, кто-то трогал меч ночью и всадил его в другое место! Ты последний уходил из холла. Ты видел, кто сделал это?

— Да, это сделал я,— ответил Килгор.

— Пошел вон отсюда и не показывайся мне на глаза, пока не научишься говорить со старшими вежливо! — Вальсидур никогда еще не был в такой ярости с того времени, как буря потопила все его рыбацкие суда.— Сам вытащил! Это надо же!

Килгор удалился в самый угол и спокойно сел за стариком Снорри, который непрерывно подливал в свою кружку эль. Килгор обратился к Снорри:

— Если я скажу, что я вытащил меч, ты согласишься мне, Снорри?

— А почему не верить,— сказал Снорри мягко.— Но ведь ты не вытащил? — Ты прекрасный юноша, однако ты не честолобив. Когда я был в твоём возрасте...

— Помогите! Помогите! — раздался крик от двери.— Это еще один из этих возмутителей спокойствия. Нам не нужны больше колдуны. Спасите! — С полдюжины советников бросились кричавшему на помощь.

— В стороны, вы, булькающие пивные бочки! — раздался громовой голос.— Я слышал, что нашелся Король меча, и прошел тысячу миль, чтобы увидеть его. Прочь с дороги, или ваши внуки превратятся в червей и ящериц!

— О, это, кажется, еще колдун! — пробормотал старый Бальтар, в то время как другие советники пытались удержать дверь. Однако они были слишком толсты и больше одного не могли подойти к двери.

— Осторожно! О, он входит!

— Если путнику нужен кров, впустите его! — сказал Вальсидур.

— Но он колдун,— пропыхтел Брок Толстяк.— Если это не так, можешь вырвать мне бороду по волоску.

— Я так и сделаю, если вы его не впустите,— ответил Вальсидур.

Советники неохотно открыли дверь, и путник прошел между ними, что-то говоря по их адресу. Что-то не очень приятное для слуха.

— Дайте дорогу! Я пришел увидеть Короля! Где вы прячете его?

Шафрановый плащ развевался за ним, так стремителен был его шаг. Люди и собаки поспешно расступались и

очищали ему дорогу, не желая попасть под его большие черные сапоги. Пыльная белая борода была собрана узлом у пояса, куда она была заткнута. В руках у него был посох в виде головы дракона, весь испещренный какими-то изречениями. Под мышкой у него была маленькая черная сумка.

— Как твое имя и какое у тебя дело? — спросил Вальсидур.

— Мое имя Скандерберг, а какое мое дело — это не твое дело. Я пришел поговорить с владельцем этого меча, — он живнул на дерево. — Однако я не откажусь посидеть у огня и выпить кубок вина.

— Здесь правлю я, — сказал Вальсидур. — Смотри, старый бродяга, в этом холме ты должен вести себя как следует, или тебе придется провести ночь вместе с колдунами и ворами.

— Хмм. Хорошо. Можешь рассчитывать на мое лучшее поведение. А теперь скажи мне, где найти человека, вытащившего этот меч?

— Мы не знаем его так же, как и ты: он пришел сюда прошлой ночью, вытащил меч и всадил его в другое место, гораздо выше. Он до сих пор еще не признался.

— О, скромный человек. — Скандерберг принял кубок вина от советника. — Большое спасибо, сэр. Я надеюсь, что он скоро появится. Ведь он и так ждал две недели до того момента, как решил вытащить его. Время не ждет. — Он разделся. — Может, мне принесут поесть? Я совершил чертовски трудное путешествие и боюсь, что впереди меня ждет не менее трудный путь.

Килгор продвинулся вперед.

— Ты сказал, что пришел сюда поговорить с владельцем меча?

— Конечно, но ты еще слишком юн, чтобы думать об этом, — ответил Скандерберг, разглядывая юношу. — Однако все вы должны молиться Богам за то, что не превратились в ледышки. Ведь вы впустили к себе ледяного колдуна.

— Ледяного колдуна? — пробормотал Килгор. — Барта?

— Это один из худших, кого я знаю. Вы пригласили его к себе, и вам очень повезло, что он не украл меч. — Скандерберг откинулся в кресле и глубоко вздохнул. — Налейте кто-нибудь еще вина.

— О чем ты говоришь? — спросил Вальсидур. — Я думал, ты колдун, старик.

— Да, — поддержал старый Онунд, — кто ты и что ты?

Путник закрыл глаза. Затем он открыл их и обвел взглядом собравшихся вокруг него жителей.

— Кто и что? Я сказал, кто я такой. А что касается «что»... — Он достал трубку, набил ее коричневыми листьями. — Скажем так, я просто странствующий ремесленник. Я появляюсь там, где требуется сделать добро. Может, это поиски сокровищ, битва с великаном или драконом, уничтожение всякой нечисти, вроде колдунов, троллей, духов, привидений, единорогов; я могу отыскивать воров или делать любую другую работу. Я человек дела. — Прижав палец к трубке, он стал ее раскуривать, и вскоре холл окутался синим дымом. — Ну, а теперь, если кто-нибудь хочет обсуждать со мной какие-нибудь важные проблемы, я встречу его в своей комнате. Готов ли мой обед? Полагаю, мне лучше пообедать у себя. Принесите поднос к двери комнаты.

— Один момент, — сказал голос от двери. В полутьме материализовалась фигура человека и прошла вперед. Человек был в капюшоне и держал длинный посох. — О, Скандерберг, это ты, старый дракон. — Барт откинул капюшон и выпрямился. — Как ты осмелился пугать этих людей своей ложью? Они уже все дрожат от страха. Я пришел помочь этим милым людям. Ты же только угрожаешь всем!

— Ах ты, мошенник! — прогремел Скандерберг, поднимаясь во весь свой рост. — Когда будешь уходить, выложи из своей сумки золото и другие вещи Вальсидура. Полагаю, что ты набил ее, раз уж тебе не удалось украсть меч.

Барт показал свои зубы и сделал гримасу.

— Тебе никто не поверит. Я могу и я вытащу этот меч.

— Ха! — сказал Скандерберг. — Ты не сможешь.

— Лжец!

— Вор!

— Докажи!

Некоторое время два колдуна с ненавистью смотрели друг на друга. Люди Шильброта в страхе подались назад. Затем Скандерберг потер ухо, и черная сумка Барта вдруг раскрылась. Оттуда вывалились окорок и другая еда, а кроме того, еще много разных вещей.

— О, это же семейный меч, — воскликнул Вальсидур. — Я не давал его Барту!

— И мои одежда и серебро, — добавил управитель кухни.

— Вор! Грабитель! — Гневная толпа двинулась вперед. Барт стоял мгновение, потом бросился к своей книге заклинаний.

— Держите его! — закричал Килгор.

Барт повернулся, блестя крысиными глазами.

— А тебе я хочу кое-что сказать, ты, прячущийся под столами. Помни, что на «Килдруине» лежит заклятие. Король меча умрет от этого же меча. Он умрет от «Килдруина», или я не Барт, колдун! — Раздувая щеки, он начал дуть. Ледяной ветер сбросил реликвии со стен, перевернул столы, заставил всех кувыряться по полу. С зубовным скрежетом он вылетел в трубу очага, унося с собой огонь.

В мгновение ока в холле не осталось никого, кроме Скандерберга, который покуривал свою трубку, сидя у огня. Он восстановил огонь простым кивком головы. Килгор выбрался из-под перевернутого стола и, шурясь, посмотрел на яркий огонь. Колдун, вероятно, уже истратил недельный запас дров, и теперь тени весело плясали на стенах холла. Колдун, сотворив огонь, запел какую-то странную песню.

Слова были на незнакомом Килгору языке. Когда колдун остановился, чтобы перевести дыхание, Килгор выступил вперед.

— Я здесь, сэр,— сказал он.

— Отлично. Значит, это ты. Чего тебе надо? — Колдун сидел так близко к огню, что было чудо, что его борода не вспыхивает.— Полагаю, что поссть мне сегодня не дадут.

— Я найду что-нибудь! — предложил Килгор.

— Не надо. Я перекушу что-нибудь свое. Садись со мной. Ты любишь клубничный джем? — Из своей сумки он достал две чашки и черный чайник.

— Не знаю,— ответил Килгор.— А что это?

— Это ягода, которая растет на земле более гостеприимной, чем эта. Давай сам, парень, бери кусок хлеба.

— Прекрасно. Как называется страна, где растет эта клубника? — Ему всегда нравилось слушать про дальние страны.

— Никак. У нее нет имени. Однако это прекрасная земля. Там хорошо поставить замок. Прямо в горном ущелье, чтобы охранять дорогу вниз. Как пробка в бутылке. Однако нужна еще одна крепость на юге, там, где река делает крутой поворот. Посмотри... — Он вынул скатанную в трубку кожаную карту и начал показывать, где крепости, где замки, где враги. Он ставил на карту в нужных местах ножи, чайник и другие вещи.— Со временем это будет самое ценное место в Скорпсее. Но есть там места и по лучше.

— Сэр,— сказал Килгор.

— Скандерберг. Я не сэр. Я мастер на все руки.

— Мне бы хотелось перейти к делу, если ты не возражаешь.

— К делу? Я думал, что твое дело поест. Я видел, как ты расправляешься с джемом. Какое же дело ты хочешь обсудить со мной?

Килгор поднялся и прошел в тень под дерево. Затем он вернулся и положил сверкающий меч на стол.

— Я хочу обсудить вот это,— сказал он.

Глаза Скандерберга широко раскрылись.

— Великий боже,— пробормотал он,— значит, это ты. Однако ты совсем мальчик. Полагаю, Эльбегаст знал, что делает... — Он покачал головой.

— Теперь я хочу знать правду. Все это действительно магия? Неужели эльфы существуют и сейчас, если они когда-либо существовали? И действительно ли ты колдун? А также...

— Стоп! Я расскажу тебе все, а потом посмотрим, будут ли у тебя еще вопросы. Когда-то там, где сейчас земля, была пустота, и в ней только огромный кусок льда, и посредине кипел котел Муспалл. Однажды он разлился, и, чтобы долго не рассказывать о великанах и карликах, и эльфах, скажу только, что образовалась земля вместе со Скинфакси и Гримфакси...

— Значит, они действительно были? Это рассказывала мне мать; она говорила и о том, как волки охотились за солнцем и луной.

— Я не буду вдаваться в подробности. Мне кажется, что ты немного образован, что весьма необычно для такого места. Значит, ты знаешь, что люди — это дети Аска и Эмблы, двух ясеней. Хорошо, не перебивай. Теперь я расскажу тебе о Сурте. Он великий ледяной колдун, оставшийся еще от первой тьмы. Он постоянно стремится вернуть на Землю Фимбул Винтер, чтобы на ней могли жить дьявольские создания мрака.

— Тролли? Великаны? — спросил Килгор. Этот Скандерберг рассказывает занимательные истории.

— Да. И еще много других, которых вы, смертные, никогда не видели на этих прекрасных берегах. Они были здесь с самых древних времен, даже когда первые люди явились сюда.

— Семь столетий — это достаточно большой срок.

Колдун вздохнул и посмотрел на Килгора.

— Да, время нужно измерять веками, чтобы видеть правильную перспективу. Вы, люди, на Скорпсее семь веков. А есть такие, кто здесь уже двести веков. Вы смертны, и ваша жизнь на земле всего лишь мгновение, но все же вы со временем будете полностью владеть Скорпсеем, и все старые силы исчезнут.

— Сколько тебе лет, Скандерберг?

— Почти восемьдесят.

— Веков?

— Есть и постарше меня. Позволь мне продолжать. Один из самых древних орденов — Альфар, или эльфы, как вы, смертные, зовете их в своих сказках. Орден Альфар делится на два — Светлый Альфар и Темный Альфар. Они разделились так в соответствии с тем, в каком климате живут. Король Светлого Альфара — Эльбегаст. Это он вонзил меч в дерево. Он выбрал тебя из всех смертных, чтобы ты выполнил для него работу, о которой я расскажу тебе дальше.

— Хорош! — воскликнул Килгор, любуясь мечом. — Я всегда хотел иметь такой. Как же он вонзил его в дерево? Ведь никто не мог вытащить его.

Скандерберг сделал большой глоток чая.

— Я ничего не могу предположить, кроме магии.

— Ясно. Я всегда верил в магию.

— Я думаю, ты согласишься в нее еще больше, если сможешь вернуться из Гардара, — сказал Скандерберг.

— Гардар! Оттуда еще никто не возвращался, — обеспокоенно сказал Килгор, желая, чтобы хоть кто-нибудь был рядом с ним. — Я должен взять меч и идти в Гардар?

Скандерберг потер виски.

— Да. И ты должен будешь найти и убить Сурта. Последняя война, которую вел твой дед, была самым концом шестисотлетней войны, в ходе которой Сурт был захвачен в плен и заточен в подземную тюрьму — двести лиг под землей — в каменную клетку без двери. Однако недавно мы обнаружили, что он уже шестьдесят пять лет находится в Гардаре и вновь сеет зло. Это его последний шанс. Мы дали ему возможность исправиться, но он не хочет меняться. И поэтому Эльбегаст достал меч из убежища. Если не будет Сурта, то не будет и Темного Альфара, не будет ледяных колдунов и не будет угрозы Фимбул Винтер, которая уничтожила бы наши Северные области.

Килгор весь вскинулся при этих словах.

— Значит, это Сурт напускает на нас мороз! Но я же предлагал собрать армию, идти к южным границам, сжечь его города, уничтожить гарнизоны!

— Это все бесполезно. Он так не воюет. Путь в Гардар — это путь через ледяные пустыни, через айсберги. У него есть глаза везде, даже здесь, в Брандстоке. Неужели ты думаешь, что такой колдун, как он, будет воевать по человеческим законам и правилам? — Пронзительный взгляд приковал Килгора к месту. Колдун прошептал: — А теперь

я открою тебе величайшую тайну. Ничто не может уничтожить Сурта. Мы убивали его сотни раз и самым разным оружием, однако он каждый раз возвращался еще более могущественным. Этот меч — последняя надежда. Ну, а теперь давай свои вопросы.

— Единственный вопрос, который может задать нормальный здравомыслящий человек, выслушав это: неужели ты думаешь, что я поверю во всю эту чепуху, однако...

— Тогда мне здесь нечего делать, — воскликнул колдун, вздевая руки к небу. Мгновенно в холл ворвался ветер, полетели бумаги и книги, оружие и доспехи посыпались со стен. Старые знамена оглушительно захлопали, разрываясь в клочья. — Нет, нет, нет! — крикнул Скандерберг. — Стоп!

Ветер тотчас же успокоился, как будто кто-то заткнул отверстие пробкой. Скандерберг собрал бумаги, оправил одежду, бороду, волосы, что-то недовольно бормоча про себя. Он влез в свои сапоги, начал собирать вещи. Как только он указывал пальцем на какую-то вещь, она сама прыгала в сумку. Килгор изумленно смотрел на это, будучи не в силах вымолвить хотя бы слово.

— Я передам Эльбегасту, что он сделал ужасную ошибку, — сказал колдун. — Воткни меч обратно в дерево, и Король сам придет за ним, но не раньше, чем морозное облако придет в Шильброд. Прощай.

— Что!? Подожди! — Килгор схватил Скандерберга за плащ. — Ты не понял меня. Я же не сказал, что я здравомыслящий человек. В Шильброде уже много лет никто не верит в магию, кроме простых пастухов. И кроме меня, который верит в магию против воли отца. Расскажи мне побольше о магии. Как ты делаешь, что все эти вещи сами прыгают к тебе в сумку?

— Здравомыслящий! — фыркнул Скандерберг, опять садясь. — Слушай меня, существуют простые вещи, о которых лучше не знать вам, смертным. Я думаю, что ты ждешь доказательств, что магия — реальная сила даже здесь, в Шильброде. Ты можешь прочесть письма на мече?

— Конечно! Там написано...

— Шшш... — Жесткая ладонь колдуна заткнула рот юноши. — Никто не должен знать этого, кроме тебя. Те, кому известна надпись, давно в могиле. Даже я не могу прочесть ее. Посмотри сюда. — Он достал из кармана гладкий зеленый шарик. Тот был размером с яйцо. Килгор всмотрелся в него и увидел Шильброд в миниатюре: зеленый алмаз в объятии двух черных рук, которые омывал

мирный Кодфирт, подступающий к самым селениям. Дальше он увидел фиорды и заливы, и огромное черное облако, которое спускалось медленно и тяжело в зеленую воду.

— Что это? — Килгор хотел посмотреть дальше, но Скандерберг отобрал шарик.

— Это магический кристалл. Смертным нельзя долго смотреть в него. Но хватит тебе уже доказательств, что Сурт существует? Ну, слава богу. Теперь об этом мече. Держи его все время при себе, чтобы его не украли. Он предупредит тебя об опасности легким звоном, которого не услышат чужие уши. Он может рубить камень, дерево, железо. И ты единственный, кто может владеть им. «Килдруин» имеет свой собственный разум, и он воюет сам. Однако хватит. Пора идти спать. Я должен пожелать тебе доброй ночи. Будь готов к раннему подъему в самый темный час перед рассветом.

— Но подожди, подожди! Ты еще многого не объяснил! — запротестовал Килгор. — Какая армия будет у нас? Куда мы пойдем? Я хочу видеть Эльбегаста, если он существует, будь он человек или эльф. Как ты узнал про меч? И если сказать о мече...

— Ты только слушай мои советы и никогда не ошибешься, — сонным голосом сказал Скандерберг. Он поднялся, чтобы проводить Килгора к двери.

— Что ты сказал насчет раннего подъема? Ты имеешь в виду только нас двоих? Разве мы не должны сказать Вальсидуру? Разве мы не должны?..

— Я сказал, что мы должны выйти рано. И мой первый совет — нет, второй тоже, чтобы ты не спорил, поэтому спокойной ночи. Не проспи. Ничего не бойся, однако врагов остерегайся.

— Враги... — прошептал Килгор. Дверь уже открылась, и стало невозможно расспрашивать дальше. Он проговорил: — Спокойной ночи, — и шагнул в темный коридор. В полном смятении он шел к своим покоям. Холодное дыхание заставило его поднять голову как раз вовремя, чтобы заметить движение в полутьме. Он бросился за этой тенью через пустой и безмолвный Брандсток-холл, слабо освещенный тлеющими в очаге углями. Передняя дверь скрипнула, и он успел заметить темно-серый плащ, выскользнувший на улицу.

«Колдун Барт», — подумал Килгор. Но эта мысль сейчас же утонула в водовороте других мыслей о завтрашнем дне.

Глава 4

В самый темный час рассвета Килгора разбудил тихий стук в дверь.

— Тихо, ни слова. Мы должны уйти, чтобы нас никто не видел.

В сильном возбуждении Килгор торопливо оделся в самое свое простое платье.

«Колдовское приключение — не сон»,— говорил он сам себе, проходя главный холл. Здесь он замер, увидев кучу бутылок, ящиков, бочонков, веревок и других самых разнообразных предметов, которые он видел впервые в жизни. И посреди этой кучи сидел колдун и доставал из черной сумки все новые и новые предметы. «Очевидно, снова магия»,— с замиранием сердца подумал Килгор. Скандерберг сказал:

— Добрый день. Тебя я и жду.

— Я могу помочь? — с готовностью, однако без особого энтузиазма спросил Килгор.

— Тебе ничего другого не остается, ведь это твое дело. Раздели все это на две половины. Одинаковые.

— Что? Мы все это берем с собой? — воскликнул Килгор, с ужасом рассматривая кучу.

Килгор молча кинул винный бочонок в свою черную сумку. Тот чудесным образом скрылся в складках материи.

Килгор покачал головой и начал делить кучу предметов и продуктов. Пищи здесь было достаточно, чтобы кормить десять человек в течение полугода, а снаряжения хватило бы на целый отряд.

— Ну, а теперь,— Скандерберг подал ему мешок,— складывай сюда свою половину. Свою половину я сложу в сумку. Хотя там места уже мало. Ведь там и книги, и вино, и вещи. Поторопись, друг мой. Нам нельзя прохладиться и дожидаться, когда все проснутся. Мне уже кажется, что о нашем отъезде знают те, кому не следовало бы это знать. Торопись, торопись. Не старайся укладывать аккуратно, мешок сам сложит все, как надо.

— Но как же?.. — Килгор с изумлением увидел, что в мешке хватает места всему, даже самому громоздкому.

— Ну, а теперь завтрак,— сказал Килгор, когда все было уложено.

— Конечно, ты совершенно прав,— согласился Скандерберг. Он насыпал в карман юноши сушеных фруктов и орехов, а на шею повесил маленькую фляжку. Затем он подал Килгору мешок, и они двинулись в путь.— Еда отнимает слишком много времени. Можно поесть и на ходу,—

сказал Скандерберг, когда они шли уже по двору. Колдун шел так быстро и такими огромными шагами, что юноша перестал думать о том, хватит ли сил старику. Он думал лишь о том, как бы не отстать от колдуна.

Мешок был удивительно легкий, а предрассветный воздух свеж и приятен. Над головой все еще светили звезды. В воздухе пахло землей и мокрой травой. От залива тянуло холодом и рыбой.

— Да, это лучшее время для незаметного ухода, — сказал Скандерберг озабоченно. Глаза его были прикованы к северу, где в облаках голубого тумана виднелись Череп-горы.

— Почему наше путешествие должно быть тайным? — спросил Килгор, когда они прошли мимо последних домов во владениях его отца.

— Чем лучше мы будем хранить тайну, тем меньше народу будет знать о том, что мы ушли.

— Но подожди... — Килгор догнал его и спросил: — Мне кажется, что ты должен открыть мне свои планы. Ведь я имею право знать их, хотя бы потому, что меч у меня. — И он притронулся к кожаным ножнам, прикрепленным к поясу.

— Подожди немного, я все расскажу. — Скандерберг остановился и торопливо поскреб землю посохом. — Здесь Шильброд, Нек — на севере, Харонесс еще дальше на севере у подножия гор Череп. На востоке от Харонесса — Колдбек, а на западе — Готноф. Горы Череп состоят из двух больших хребтов Бриарторн и Бурнт, а за ними простираются горы Трайидент. Они отделяются от Бриарторна и Бурнта большим ущельем, по которому когда-то текла могучая река. Теперь реки уже нет, однако там проходит Гардарская Дорога, ведущая к ущелью, за которым находится Гардар. Ущелье находится к востоку от тройного пика Брайидент. Я хочу пройти через Череп-горы, а потом спуститься в ущелье. Затем мы пройдем через Гардарское ущелье, если конечно, придем туда живыми. Не стоит и говорить, что миньоны Сурта тщательно охраняют это ущелье, поэтому я и не хочу, чтобы весть о нашем выходе достигла их ушей; если все пройдет хорошо, то мы вернемся в Шильброд будущей весной. Если все пройдет хорошо. По крайней мере, так, как я рассчитываю. Есть еще вопросы? Нет? Хорошо. — Он стер с земли карту и пошел вперед, оставив Килгора размышлять над ее остатками.

— А что мы будем делать в Гардаре? Как же мы будем искать?... — спросил Килгор, догоняя Скандерберга.

— Найти Сурта вовсе не проблема. Нам здорово повезет, если мы останемся не обнаруженными достаточно

долго, чтобы могли приблизиться к нему и нанести эффективный удар.

— А, я понимаю,— Килгор дальше шел молча, думая о начерченной на земле карте, о словах Скандерберга, что их поход закончится будущей весной. И к тому же никто в Вальдуркнеле не знает, куда он ушел. Единственное, что известно, что он исчез одновременно с колдуном. Самому Килгору тоже было мало что известно. Он знал только одно, что идет с каким-то странным колдуном в опасные земли, где не был еще ни один смертный с тех пор, как там погибли Вультер и другие Вальсиды почти шестьдесят пять лет тому назад. Это было самое страшное. Он понятия не имел о тех опасностях, что ждут его впереди.

Но он шел вперед по лугам и песчаным долинам Шильброда. Жуткие тайны были еще очень далеко. Килгор чувствовал себя готовым к встрече с ними. Он часто притрагивался к золотой рукояти. Он входил в бархатную сень дубовых рощ, от всей души надеясь встретить драконов или троллей, или привидения. Он слышал столько увлекательных рассказов от своей бабушки, которые становились еще более притягательными от того, что взрослые высмеивали эти сказки и запрещали слушать их. Он уже был готов спросить колдуна, встретятся ли им эти чудовища, однако заметил, что Скандерберг хмурится, оглядываясь на него через плечо.

— Ты чего-то опасаешься? — спросил Килгор, когда они с трудом вскарабкались на вершину холма.— Зачем мы измываемся над собой, влезая сюда? Ведь этот холм можно было спокойно обойти, а теперь нам придется спуститься вниз.

— Да. Мне просто хотелось отдохнуть на вершине, тем более, что здесь такие прекрасные камни. Совсем как крепость. Ты не находишь? — Он сел в тень под камень. Стало уже жарко.

— Очень странный способ отдыхать, предварительно изнулив себя. — Килгор тоже сел.— Я больше люблю валяться в траве на солнце. Никакие камни не могут сравниться с зеленой травой.

Скандерберг не обращал внимания на юношу. Он достал из своей сумки части большого телескопа и начал собирать его, наслаждаясь, как ребенок игрушкой. Телескоп был новенький, блестящий. По полированной меди тянулись выгравированные письмена. Килгор был подавлен, но его одолевало любопытство.

— Я еще не пользовался им,— гордо сказал колдун.— Однако я всегда знал, что он когда-нибудь пригодится.

— Хмм. Тебе придется подождать, пока взойдет луна,— предположил Килгор.

— Есть и другие явления, помимо луны, которые можно наблюдать. И они не зависят от времени суток или времени года.— Скандерберг направил телескоп на юг и приник к нему.— Ха! Вот он! Я знал, что он всегда появляется на рассвете! Взгляни.

— Если ты настаиваешь,— сказал Килгор со вздохом. Тем не менее, он послушно посмотрел в телескоп. Дальняя местность как будто прыгнула к нему, стала ближе, яснее. Он увидел лес, который примыкал к последним домам, мимо которых они шли. В ушах Килгора возник странный шум, как будто деревья шумели листвой на ветру. В телескопе деревья качались под ветром, но на вершине холма, где они сидели, не было ни одного дерева. Запела птица — это был серый дрозд. Килгор хорошо видел его. Он поспешно оторвался от трубы и покачал головой.

— Очень хорошо,— сказал он, стараясь скрыть свое неподдельное изумление,— однако я не видел ничего, кроме старого леса, ничего такого, чего следовало бы опасаться.

— Не говори. Просто ты смотрел не туда,— сказал Скандерберг, снова взглянув в трубу. Затем он одним словом заставил все части телескопа и даже большую треногу убираться в сумку.— Идем, я решил, что к концу следующей недели мы должны быть в Хэлфскнолле.— Взяв сумку, он деловито закрыл ее.

— О, это же всего тринадцать дней. Человек на лошади мог бы добраться за это время. А мы пешком. Ведь нам нужно пересечь весь Нек. Затем пройти Колдбек и Готноф, чтобы подойти к болотам Харонесса. Ты можешь посмотреть по своей карте.

— Я не могу,— коротко ответил колдун.

— Не пойдем же мы прямо через болота,— безразличным тоном сказал Килгор.— Это гиблые места. Там уже много столетий пропадают люди.

— Туда суются, наверное, одни дураки, раз они знают, как опасны эти болота, и все равно лезут туда. Я думаю, туда идут или дураки, или умные. Но тебе, парень, можно не думать о трясилах и прочих опасностях болот. Я доставлю тебя в Гардар. А тебе следует думать, как победить Сурта и всяческих врагов, которые будут встречаться нам: великанов, троллей и прочих. В противоположность тому, что думаете вы, смертные, болота вполне проходимы, хотя и не безопасны, должен признать. Поверь мне, старику, ведь я не дожил бы до этого возраста, если бы был глуп, и ты не станешь намного старше, если не будешь слушать меня.

Предоставь мне заботиться о более важных вещах, а твоя забота — колдуны и великаны.

И прежде, чем Килгор успел спросить, что может быть важнее колдунов и великанов, Скандерберг подхватил свою сумку и резко пустился вниз по склону. Килгор поспешил за ним. Он немного отдохнул, а Скандерберг, казалось, полностью восстановил силы, так как шел так же быстро, как и в начале пути, как будто позади не было долгой дороги. Килгор надеялся, что в полдень они отдохнут подольше, хорошенько поедят и поваляются на траве.

Когда солнце уже было прямо над головой, Килгор попросил остановиться. Скандерберг забурчал о том, что нужно добраться до Хэлфскнолла. Он говорил об опасностях ночного пути: тролли, темные эльфы, волки, а кроме того, можно попасть в трясину.

— Я отказываюсь идти, пока мы не поедим,— упрямо заявил Килгор, снимая с плеч мешок.— Потом мы пойдем вдвое быстрее.

— Вы, смертные, почему-то считаете, что солнце создано для того, чтобы подавать вам сигналы к обеду. Мы бы и так скоро остановились,— примирительно добавил Скандерберг, жадными глазами глядя на еду, которую достал Килгор.

Они быстро поели, и у Килгора шевельнулось странное беспокойство: они остановились в очень неприятном зловещем месте — в старой роще. Стволы деревьев здесь имели жуткую окраску, они походили на лица с глазами, смотрящими на них. Килгор заметил, что и колдун подозрительно оглядывается вокруг. Вскоре они вновь упаковали вещи, и Килгор был рад, когда они, наконец, двинулись дальше.

В конце первого дня пути они остановились на вершине большого холма, который обозначал границу Шильброда. Здесь дорога разветвлялась. На запад шла дорога в Готноф, на восток — в Колдбек, а центральная шла в Нек. Всю долгую ночь наши путники слышали шум на дороге: ржание лошадей, мычание коров, блеяние овец, скрип телег, людские голоса. Шло великое переселение на юг. Килгор вспомнил зеленые леса и луга Шильброда и подумал, что этим несчастным предстоит приятное путешествие по гостеприимной земле.

На следующее утро он бросил последний взгляд на родную землю.

«Расстаюсь на время»,— подумал он. Однако в мозгу оставались слова Скандерберга: возможно, он вернется очень нескоро, а может, и вообще не вернется. Килгор по-

тряс головой, чтобы избавиться от мрачных мыслей. Ему не хотелось сейчас думать об опасностях путешествия.

Нек вовсе не был приятной страной. Здесь было всего несколько селений и деревень. А, в основном, по сторонам дороги стояли пустынные курганы — следы великих битв, — между которыми гулял пронизывающий ветер. У дороги паслись жалкие серые и черные овцы с колокольчиками. Они жались к пастуху, одетому в лохмотья и опирающемуся на посох. Его фигура четко вырисовывалась на фоне затянутого тучами неба.

Пастух и овцы безмолвно провожали глазами путников. Килгор шел по пятам за Скандербергом и думал, что Нек так и не смог избавиться от темного дикого прошлого и превратиться в цивилизованную страну, как Шильброд. Цивилизация еще не коснулась этой пустынной страны. Отряд воинов на косматых лошаденках мог в любой момент кинуться на них из-за засады, потрясая своими копьями. А место здесь было таким, что даже спрятаться негде. Вздвогнув, Килгор быстро осмотрелся по сторонам, надеясь, что в этих диких пустошах он не увидит ничего ужасного. И единственное живое, что он увидел, был пастух в раном плаще с посохом.

Семь дней карта Скандерберга вела их через холмы, через холодные долины, и затем Нек оказался позади. Как и надеялся Скандерберг, они не встретили ни души за это время. Килгор постоянно жаловался на трудности пути — ведь они шли по бездорожью. Он утверждал, что здесь почти никто не живет и они бы могли спокойно идти по дороге без риска кого-нибудь встретить. Когда Скандерберг был в спокойном состоянии духа, он не обращал внимания на причитания Килгора, но иногда ему это надоедало, и он рявкал:

— Черт побери! Это тебе не прогулка для развлечения! Путь опасен даже здесь. А ты только и можешь, что жаловаться. А до чего ты прожорлив! Ты съешь все, что мы взяли, задолго до того, как мы доберемся до Гардарской Дороги.

Килгор находил мало удовольствия в путешествии с колдуном.

Харонесс был еще более неприглядным, чем Нек. В нем не было никаких возвышенностей, некогда знаменитые быстрыми скакунами пастбища высохли и пожухли. Земля была покрыта мертвой травой. Выжили только самые неприхотливые растения, вроде репейника, который теперь назойливо цеплялся за полы их плащей. Когда-то здесь высились могучие платаны и сикоморы. Они и сей-

час стояли здесь, однако их черные засохшие ветки без листьев производили безотрадное впечатление. Прекрасные озера превратились в илистые болота. Тростники, окружавшие их, печально клонились на ветру. В воздухе стоял запах мерзлой земли. Чувствовалось приближение зимы. Только жалкая горстка ворон и галок, устроившихся на голых верхушках деревьев, зловещим карканьем сопровождала путников.

За все шесть дней пути по Харонессу они не видели ни одной живой души. Все деревни, насколько знал Килгор, были расположены на восточной и западной границах. Там же проходили и торговые пути. А по самому Харонессу только бродили стада коров и овец, да изредка можно было встретить отшельника. Климат здесь был сырой и теплый. Сказывалась близость великих болот на севере.

Килгор вдыхал в себя запах гнили. Впереди уже виднелись болота — черная полоса, окутанная туманом. Килгору было не по себе, когда он думал о том, что придется входить в это гиблое место. Болота были населены духами, и Килгору хотелось напомнить об этом Скандербергу, однако он не хотел показывать, что боится их.

Уж был полдень, когда они подошли к зеленому краю болот. Колдун остановился и оперся на посох.

— Ну вот, мы и пришли. Если мы благополучно пройдем через болота, я с легким сердцем поведу тебя дальше.

— Благодарю,— сказал Килгор, когда колдун сделал многозначительную паузу.

— Теперь я должен предупредить тебя. Держись как можно ближе ко мне. Не ломай и не хватайся за деревья или растения, которые будут тебе попадаться. Остерегайся змей и ничего не ешь. Мы к ночи перейдем на ту сторону и будем в безопасности. Даже мне не хотелось бы оставаться в болоте после наступления темноты. Ах, да, если услышишь пение, то заткни уши,— это ундины — мерзкие существа, покрытые слизью. Они сведут тебя с ума и утащат в бездонную трясину, если ты попадешься им. Есть вопросы? Хорошо. Нам нужно торопиться. Здесь мы можем встретить существ, шпионящих за нами.

— Каких именно? — спросил Килгор, готовый повернуть назад. Он уже был напуган до смерти.

— Разных. Только будь настороже.— И Скандерберг решительно пошел вперед. Килгору ничего не оставалось, как поспешить за ним.

Под ногами сначала была трава, затем началась осока. Зеленые острые листья царапали ноги. Черные головки покачивались на ветру. Огромное количество лягушек ог-

лушительно квакало со всех сторон. Они прыгали в разные стороны при приближении путников. В море зеленой воды стояли гигантские сикоморы, к стволам их приросли зеленые подушки мха. Тростники и трава постепенно исчезали, переходя в топкую грязь. Среди этой отвратительной жижи тут и там виднелись ядовитые цветы, раскинувшие свои соблазнительные лепестки.

Насколько Килгор мог видеть вперед, там простиралась пустота, и только редкие ивы и папоротники стояли в неподвижной воде. Единственные живые существа, кого он увидел и услышал, были лягушки и несколько ворон.

— Скандерберг, здесь нет пути,— воскликнул Килгор и сел на зеленую кочку.— Я отказываюсь идти дальше. Давай обойдем проклятое болото с востока или с запада. Ведь мы здесь не пройдем и десяти шагов, как провалимся по шее. Не говоря о духах, крысах, нетопырях...

— Я знаю все это. Не думаешь же ты, что я новичок в таких делах? Конечно, нет. Я ходил в местах гораздо более страшных, чем это болото.

— А это болото ты переходил?

— Все они одинаковы.

— Что это значит?

— Это значит то, что я сказал,— воскликнул Скандерберг, глядя на Килгора.— У меня есть карта этого болота, если тебе так нужно это знать! — Он скинул сумку и заглянул в нее, что-то бормоча.— Я что-то не вижу футляра с картой. Он не в твоём мешке?

— Я не помню. Я не заметил его...

— Что же. Давай распакуем мешок. Черт побери! Посмотри на солнце! Нам осталось не более четырех часов. Быстрей. Быстрей. Надо торопиться! — Он начал обеими руками выкидывать вещи из своей сумки. Килгор последовал его примеру. Через несколько секунд на земле выросла груда вещей.— О боги, я все равно не вижу ее. Должно быть, мы ее где-то оставили. Не знаю, что мы будем делать без нее. Ведь она всего одна. Я достал ее у старого некроманта, который держит лавку в Олстедде, а он взял ее у старого бродяги, который купил ее у моряка... но это неважно. Я знаю, что брал ее с собой. Ты помнишь длинный тубус, разрисованный красным, голубым и серебряным? В нем и была карта.

— О, я помню. Он был в моем мешке. Однако теперь его нет, и я не видел его с... не помню, когда. Но первый раз я увидел его в первый день в том маленьком лесу в Шильбрوده, где мы останавливались для ленча. Я помню — да! Однако я уверен, что запаковал его опять. По

крайней мере, мне так кажется. Но мы так торопились... — Он осмотрелся, ощущая странное чувство беспокойства, какое он уже испытывал тогда в лесу. Чтобы обрести уверенность, он притронулся к мечу и был удивлен, когда обнаружил, что тот вибрирует. — Скандерберг! — воскликнул он в тревоге.

Колдун не ответил, он копался в груде вещей, ящичков, сапог, палочек и, наконец, вытащил большой красно-голубой платок.

— Ха! — крикнул Скандерберг в восхищении. — Вот он! Закутан в этот платок! Неудивительно, что мы сразу не увидели его.

— Да, это он, Скандерберг. Мне кажется, что вокруг творится что-то страшное, и это мне не нравится. Прислушайся к мечу. Он звенит, очень мягко. И у меня возникает странное ощущение, какое уже раз у меня было. В тот день, когда исчез тубус с картой. — Он положил руку на меч. — Он как будто хочет, чтобы я его обнажил.

Скандерберг копался среди карт в тубусе.

— Все нормально, парень. Беспокоиться не о чем.

— Но что с мечом?

— Вероятно, близко что-то злое и угрожающее. Может, ледяной колдун, а может, еще что-нибудь. Нам нужно идти. Времени мало. Ты собирай вещи, а я посмотрю карту. — И он склонился над пожелтевшей изодранной картой.

Килгор снова коснулся меча, однако тот уже успокоился. Видимо, то, что почувствовал меч, исчезло. Он успокоился, тем более, что и карта нашлась.

Килгор закончил сборы, и Скандерберг сунул карту в свою сумку. Он смело пошел в угрюмый туман болота. Килгор бросился за ним. Он старался ступать в его следы и изредка хватался за край плаща Скандерберга. Никакой тропы не было видно. Очень скоро Килгор уже забыл, в каком направлении сухая земля. Под ногами хлюпала болотная жижа, и вскоре они уже были вынуждены прыгать с кочки на кочку, а кочки становились все реже и отстояли все дальше друг от друга.

— Скандерберг, — окликнул он колдуна. — Ты не думаешь, что карта врет?

— Нет, с картой все нормально. Я ясно вижу путь. Следуй за мной.

Они, наконец, добрались до острова с сухим деревом. Ветер свистел в его сучьях. Все вокруг них было черно. Все, кроме воды.

— Странная тропа. — Килгор еле переводил дух.

— Ничего странного, ты должен помнить, что это колдовская карта.— Колдун осмотрел остров.— Посмотри, я нашел путь!

Килгор взгляделся в воду.

— Все, что я вижу, это затонувшее дерево. Оно, вероятно, очень скользкое, и там прячется тьма змей. А потом, куда оно приведет нас? Карта, наверное, врет.

Вскоре Килгор остановился, чтобы перевести дух. Он увидел какую-то горящую тень, которая скользнула сквозь заросли, волоча за собой хлопающую крыльями птицу.

Килгор уже приготовился пуститься за Скандербергом, когда заметил тропу, по которой бежало странное существо. Она была суха, утоптана и приглашала его идти по ней, обещая неопишное блаженство после отвратительного хлюпанья по жидкой грязи.

— Скандерберг! — крикнул он.— Я нашел тропу! — И он беззаботно свернул на тропу и пошел по ней, носвистывая.

А недалеко остановился Скандерберг, услышав его крик.

— Что ты сказал? Иди за мной, паршивец! Здесь не место капризничать.

Не получив ответа и не услышав чавканья сапог по жидкой грязи, он встревожился.

— Черт побери! Килгор! Иди сюда! Хэлло! Килгор!

Ответа не было. Болото поглотило звуки его голоса. Единственный ответ, который он получил, было хриплое кваканье легионов лягушек.

Глава 5

Килгор беззаботно шагал по сухой тропе. Теперь была очередь Скандерберга торопиться за ним. Эта мысль была такой приятной, что он прошел очень далеко, прежде чем понял, что Скандерберг должен был бы уже догнать его. Он остановился и крикнул:

— Хэлло, Скандерберг!

Повернувшись назад, он онемел от того, что предстало перед его глазами. Вернее, от того, что он не заметил, когда шел вперед: широкая сухая тропа, по которой он шел так бездумно, теперь исчезла. Вместо нее Килгор увидел черные бездонные ямы, предательские зеленые островки травы и тростника, прогнившие пни. Юноша посмотрел вперед и увидел тропу, которая так же манила его вперед. А сзади тропы уже не было.

Внезапно обессилев, он опустился на корягу, а тьма уже сгущалась вокруг него. Кругом тучей носилась мошкара. В темнеющем небе описывали невообразимые круги летучие мыши. Вокруг слышалось кваканье, завывание, рычание, хрипение. Что-то тяжело запрыгало к нему, и юноша решил, что лучше идти вперед — ведь должна же тропа вывести его из болота, и тогда он подождет Скандерберга на его краю.

И он поспешил вперед сквозь завесу густого тумана, радуясь тому, что тропа широка и по ней легко идти. Он вынырнул из тумана, однако тут же вошел в еще более густое облако. Его окружал удушливый запах гниющих растений. Плотнее закутавшись в плащ, Килгор стиснул меч и с тревогой прислушался, не звенит ли он, предупреждая об опасности.

И тут он внезапно остановился. До него донеслись слабые голоса. Кто-то пел.

«Ундины», — подумал он с дрожью. Но нет, когда он вслушался в голоса, то понял, что это голоса мужчин, распевających радостную песню. Килгор тут же с радостью пошел на голоса, предвкушая приятный костер и безопасное место, где можно провести ночь.

«Неплохо бы заиметь палку для защиты, — подумал он, — ведь это могут оказаться и грабители.»

Он подошел к крепкому молодому деревцу и наклонил его, чтобы обрубить. Со зловещим шипением ствол вырвался у него из рук и вновь выпрямился, дрожа. Другие деревья вдруг начали шелестеть листвой, и их нижние сучья угрожающе потянулись к нему. Испуганный Килгор оставил эту идею.

Таинственное пение раздалось опять и теперь уже ближе. Он остановился и прислушался. Пение было дружным и радостным, как будто собралась хорошая дружеская компания.

«Если певцы какие-нибудь монстры или колдуны, — размышлял Килгор про себя, — как могут они петь так радостно и весело? Отец говорил, что в их сердцах нет места веселью. Эти люди поют как подгулявшие жители Брандстока, простые невинные беззаботные души. Я должен выйти отсюда, если совсем близко живут люди. Интересно, как будет чувствовать себя Скандерберг, когда увидит, что я жду его? Я сделаю вид, что очень зол, так как жду его почти вечность.»

И он снова быстро пошел вперед, не обращая внимания на звуки и тени вокруг него. В его голове были мысли только о бисквитах и жареном мясе, о сладком вине и теп-

лом костре. Он с радостью уже прощался с этим отвратительным болотом, довольный, что с ним не произошло ничего ужасного с тех пор, как он потерял Скандерберга. А с того времени прошло уже несколько часов.

Какая-то черная квадратная тень появилась между деревьями. Он видел окна и двери, освещенные изнутри. Огонь как бы приглашал его подойти. Он ощутил восхитительные кухонные запахи. Его тянуло к этому дому, и ноги сами по себе нашли к нему тропу. Он даже не заметил гниющую драконью голову у дверей и не узнал дома, где вороны устроили свои гнезда на гниющей крыше. Глаза его были прикованы к свету. Подойдя к двери, он вспомнил, что нужно вежливо постучать. Тотчас же пение прекратилось, и послышалось какое-то перешептывание. Затем дверь широко раскрылась и голос воскликнул:

— Входи, входи, я приглашаю тебя, шутник! Ты заблудился в болоте, мой друг?

Это был высокий морщинистый старик с капюшоном, надвинутым на глаза. Килгор не мог рассмотреть его лица, да и полутьма в комнате не способствовала этому. Желтый свет в комнате создавался только огнем в маленьком кухонном очаге. Вокруг огня сидели четыре человека, еще более закутанные в плащи. Они выглядели как путешественники — грязные и оборванные, и у каждого из них была грязная сумка. Они молча смотрели на Килгора — было непохоже, — что они способны петь так весело.

Смущенный юноша пробормотал:

— Нет, я не заблудился. Я шел с другом, который потерялся. Сюда я забрел случайно.

— У тебя, вероятно, есть карта, — в ужасе воскликнул человек.

— У нас была карта, однако каким-то образом проклятый колдун испортил ее.

— О! Неужели? — переглянулись сидящие у огня.

— А ты уверен, что это был колдун, мой мальчик? — спросил первый, увлекая Килгора к стулу возле огня. — Я не слышал о таком в наши просвещенные времена.

— О да, к несчастью, это правда, — сказал Килгор уверенно. — Вы, может быть, и не слышали, но ходят слухи о величайшем ледяном колдуне, сбежавшем из тюрьмы подземного царства. Его дьявольские миньоны захватили Гардар и правят им уже шестьдесят пять лет. А теперь он начал завоевывать и опустошать Харонесс. Я знаю, что он хочет завладеть всем Скорпсеом. — И юноша таинственно кивнул, довольный произведенным эффектом. Все пять мужчин сидели молча, широко раскрыв рты.

Затем они пришли в себя и покачали головами. Тот, что сидел ближе к огню, щуплый и какой-то болезненный, сказал:

— Я не верю. Скажи, откуда ты все знаешь? Или тебе рассказали эльфы?

— Ты можешь не сомневаться, это все правда.— Килгор был уязвлен их недоверием и снисходительностью.— Я не могу сказать, откуда я знаю, так как мне пришлось бы касаться запретных тем.

— Хорошо. Мне кажется, что он говорит о сбежавшем Сурте.

— О, вы знаете Сурта? — удивился Килгор.

— Это не тайна,— сказал первый.— Об этом не знают лишь немногие. То, что Сурт захватил Гардар и уничтожил множество людей, знают все. Мы все предполагали, что он двинется дальше на юг за горы Трайдект и Череп. И мы также знаем, что эльфы и огненные колдуны делают все, чтобы остановить его и могущественную армию ледяных колдунов, которых он вызвал из мрачных глубин Земли.

— О, неужели? — пробормотал Килгор, поедая глазами жарящуюся на огне утку.

— Ты откуда, парень? — спросил другой человек.— И как тебя зовут? Мы все из Вейленесса.

— Килгор из Шильброта.— Он торжественно поклонился.— Советник Вальсидура.

— Ясно,— сказал первый.— Я Морд, мои компаньоны — Норд, Гульни, Герпир и Трольни.— Они все кивнули и пробормотали приветствия. Килгор видел людей и безобразнее, однако в таком количестве не приходилось, хотя сломанные носы, отвратительные волосатые бородавки не были редкостью. Морд продолжал: — Мы путешествуем в Оксбарроу и решили провести ночь в этом заброшенном доме. Мы очень рады пригласить тебя сюда. Ты сказал, что твой друг найдет тебя здесь?

— Конечно, если это Хэлфскнолл.— Килгор жадно смотрел на уток. Они уже стали золотистыми, стекающий жир трещал на огне... А запах...

— Однако мы еще в самом сердце болот,— сказал Морд.— А место, о котором ты говоришь, находится в целом дне пути отсюда.

Килгор обеспокоенно посмотрел вокруг.

— Значит, мы уже проходили мимо этого дома. Боюсь, что это шутки ледяных колдунов.

— Это не нравится и мне,— в тревоге сказал Гульни.— Думаю, что никто из вас не хочет оказаться в каком-нибудь царстве черной магии?

— Мне кажется, ты просто пугаешь нас,— хрипло усмехнулся Трольни.

— Мы должны поесть,— ласково сказал Морд.— Ты не поможешь нам расправиться с этими утками? Их тут так много, что не составляет никакого труда поймать их.

— Я не имел намерения беспокоить вас,— Килгор сел и достал нож,— но гостеприимству Сциплингов трудно отказать.

— Наше удовольствиес,— сказал Морд,— не часто приходится встречать человека, столь осведомленного в колдовских делах.

— Я очень боюсь почевать в этом доме,— тревожно сказал Герпир.— Вы уверены, что нам ничего не угрожает?

— Надеюсь, да,— сказал Норд, зловещий человек, все время морщащийся.

Килгор заметил, что он морщится непрерывно, и это его раздражало. Однако он был человек воспитанный и не говорил об этом. Покончив с последней птицей, он сказал:

— Я благодарю вас за гостеприимство. Спойте еще что-нибудь. Я слышал ваши голоса, когда был далеко в болоте, и я сказал себе, какие хорошие певцы. Не споете ли вы еще песню?

Они переглянулись, как будто внезапно засмутились. Затем Герпир понерхнулся, позеленел и закашлялся. Морд постучал его по спине и сказал:

— Герпир — лучший певец. Теперь он не может петь, а без него нам не взять ни одной ноты, не сфальшивив. А кроме того, уже поздно. Я почти сплю.— Другие тоже начали зевать и сонно моргать.— Нам пора ложиться. Путешественники рано встают.

— Да, это правда,— согласился Килгор.— Но сначала скажите мне, откуда вы идете? Здесь можно встретить только тех, кто идет из Гардара.

— Мы идем на юг, в Оксбарроу,— быстро сказал Герпир, а Трольни добавил:

— Там у нас родственники.

— Однако Харонесс вам совсем не по пути,— расспрашивал Килгор.— Вам надо было идти от Нска прямо на восток, на Вайльфельд, а потом...

— Он хотел сказать Колдбек,— сказал Гульни.

— О, конечно, я ошибся,— сказал Герпир.— О чем это я думаю?

— И все же,— сказал Килгор,— вы не должны были попать в это болото. Дорога разветвляется и ведет прямо на восток, в Колдбек.

— Это верно, но мы не могли упустить случай полюбоваться красотами Харонесса,— объяснил Морд.— Теперь скажи нам, ты останешься на ночь? У нас целый дом, однако только одна комната пригодна для ночлега. Одинокому путнику опасно бродить ночью по болоту.

— Действительно,— сказал Гульни,— мы настаиваем. Я не припомню, когда у нас был еще такой приятный гость.

— Скажи,— заговорил Трольни,— а что ты слышал о том таинственном мече, который оказался в холле Вальсидура? Один из его сыновей вытащил меч из дерева?

— Да,— смеясь, ответил Килгор,— но который из них я не знаю.

— Однако у него всего один сын,— перебил Норд.

— Но это чудесное оружие,— продолжал Килгор.— Говорят, что Сурт сделает все, чтобы украсть его.

— Что же он может сделать? — спросил Морд. Другие с напряженным вниманием ожидали ответа Килгора.

— О, я всего лишь советник, я не знаю всего,— заговорил Килгор, любуясь собой.— Он принадлежит эльфам, и владелец меча может разрубить что угодно одним ударом. Он сражается сам, и его невозможно спрятать в ножны, пока он не попробует дьявольской крови. И это все, что я слышал о мече,— закончил он, поняв, что рассказывает слишком много и проявляет мало бдительности.

— О, действительно чудесный меч,— громко сказал Норд и заморгал.— Я полагаю, что тот, кто владеет им, такой же могущественный, как сам Сурт.

— Конечно, если не больше,— уверенно сказал Килгор.— Теперь я уже готов ко сну. Покажите мне, где я могу сложить свои вещи, и я не побеспокою вас больше.

Тотчас же вокруг огня было очищено место, и он лег. Остальные пятеро расположились поближе к двери. Вскоре огонь в очаге погас, и только тлеющие угли освещали комнату. Однако в полутьме оставались открытыми не одна пара глаз.

Килгор абсолютно не мог спать. Меч был у него под головой, и Килгор слышал непрерывное шуршание и шелестение.

«Крысы»,— подумал он. Во всяком случае, он надеялся, что это крысы. Килгор был уверен, что этот дом заколдован. Однако крысы не могут шептаться. Он уловил слова «заклинание», «твердый как лед», «меч». Насторожившись, он посмотрел на старую большую кухню, где его пять компаньонов свернулись под своими плащами и спокойно храпели. Теперь он должен защитить их от дьявольских ледяных чудовищ, которые проникли сюда. Это будет герой-

ский поступок, но юноша хотел, чтобы Скандерберг был бы рядом. Ведь у Килгора не было опыта в таких делах.

Пока он думал, он уловил возле себя какое-то движение, которое испугало его. Дух или крыса! Но нет. К нему что-то тянулось от Норда, который лежал ближе всех к нему. И это была всего лишь рука Норда. Он, вероятно, замерз и ищет плащ во сне. Килгор поднялся, накинул на Норда покрывало, а сам закутался в свой плащ.

Затем он, должно быть, забылся во сне, несмотря на странные звуки и перешептывания. И вдруг он ощутил, что комнату заполнил свет.

— «Рассвет», — решил он и отогнал от себя сон. Однако что-то было не то. Свет был внутри комнаты, вместо того, чтобы проникать снаружи. В тревоге он схватил меч и вскочил на ноги. Меч пел в его руке и испускал сверкающее сияние. Он тянул Килгора вперед с силой, которой юноша не мог противиться.

— Бегите! — крикнул голос, и белый свет погас. В комнате послышался топот ног. К тому времени, когда к Килгору вернулось зрение, он нашел себя стоящим посреди комнаты и держащим в руке меч, как факел. Его сияние постепенно угасало, и песня затихала. Чувствуя себя идиотом, Килгор на цыпочках прошел на место. Пять завернувшихся в покрывала людей даже не шевельнулись.

«Должно быть, они очень устали», — подумал Килгор с улыбкой и зевнул. Он опять уснул сразу, как только лег.

И ему показалось, что прошли всего лишь мгновения, как он снова проснулся. Под звон мечей и щитов дверь в дом слетела с петель, и с ужасающими криками в комнату ворвались воины. Килгор, не успев ничего сообразить, уже был на ногах с «Килдруином» в руках. В сиянии, испускаемом мечом, юноша мог видеть странное оружие и доспехи врагов. С криком — больше испуганным, чем вызывающим на бой, — он поднял меч. Все сразу остановилось и попятилось. Воодушевленный Килгор бросился за ними, но не рискуя приближаться. У двери образовался затор, и Килгор чуть не упал, пытаясь остановиться. Последний воин обернулся к нему и с гортанным криком поднял длинное черное копьё. Он отклонился назад, чтобы метнуть его, однако удар «Килдруина» разрубил копьё пополам. Воин хотел выхватить свой меч, но следующий удар меча Килгора отрубил ему голову вместе со шлемом. Враги бежали, звеня доспехами и оружием. Килгор смотрел им вслед, все еще не придя в себя. Старый двор уже был пуст, только статуя огромного воина сидела на коне, вся обросшая мхом и изъеденная ветрами.

Он вернулся в дом, чтобы осмотреть своего первого убитого врага. Он думал, не вызовет ли он кровную месть со стороны его родственников. Во всяком случае, ему нужно забрать оружие и доспехи. Он наклонился, чтобы посмотреть лицо в шлеме. К его крайнему изумлению и шлем, и доспехи развалились на куски, и в них было пусто. Он почувствовал сильное беспокойство и взглянул на остальных. Однако двор был пуст.

Ужас охватил Килгора. Ему показалось, что он попал в пустыню. Он обнаружил, что и пятеро людей тоже исчезли, не забрав свои пожитки. Может, они сбежали от страха при первой атаке врага, решил он. Они показались ему безобидными добрыми людьми, и он от всей души надеялся, что сейчас они где-нибудь в безопасности. Если они попали в руки этим свирепым воинам, то ничего хорошего их не ждет. Днем он попытается отыскать их — или их трупы.

Сон уже не шел к нему, и он сел, дожидаясь утра. Он не спускал глаз с доспехов возле двери, пока не заснул на короткое время, беспокойно думая, что же скажет его отец.

Утреннее солнце, пробивающееся сквозь туман, разбудило его. Он неохотно встал и подошел к доспехам. Он увидел странные доспехи, которых никогда раньше не видел. Они были странной формы и сделаны из какого-то черного материала, похожего на лед. Они были холодными, несмотря на теплые лучи солнца. Когда Килгор присмотрелся к ним, то увидел, что они тают, как туман. Через несколько минут от них не осталось ничего, кроме нагретых солнцем черепков.

Когда солнце поднялось высоко, к Килгору вернулись его любопытство и энтузиазм. Хотя никаких следов своих пяти компаньонов по ночлегу он не обнаружил. Он обыскал старый дом от чердака до подвала, но не нашел ничего интригующего, кроме сгнивших остатков мебели, нескольких птичьих гнезд и какого-то тряпья. Никаких камер, полных сгнивших останков и костей, никаких потайных коридоров или мистических ловушек. Ничего, что напоминало бы о таинственном прошлом дома. Однако его воображение подсказывало ему, что этот дом имеет какое-то значение, а иначе он не был бы созданием колдунов. Удовлетворенный этим, он вышел во двор для дальнейших изысканий. Охраняя вход, стояла статуя воина. Это была уродливо вырезанная из дерева фигура с открытыми глазами и сардонической улыбкой. В страшной кисти был зажат молот, поднятый вверх, как для удара.

— Что ты можешь поведать? — пробормотал Килгор. Голос прозвучал очень странно в пустом коридоре. Затем он добавил:— Клянусь мечом Эльбегаста! Я приказываю тебе говорить, статуя! Кто ты и откуда пришел?

Он расхохотался и повернулся к воротам, чтобы идти в болота на поиски Скандерберга. Со страшным грохотом статуя рухнула, поднимая облака пыли. Килгор отпрыгнул в сторону и тревожно огляделся вокруг. Сердце его чуть не выскакивало из груди.

— Помогите! Помогите! — какой-то приглушенный звук слышался из упавшей статуи.

Килгор шагнул вперед, онемев от ужаса. Статуя треснула при падении, и внутри нее что-то копошилось. Сухим суком Килгор расширил трещину и отскочил назад. Маленькая фигура выбралась из статуи, вся покрытая пылью и древесными опилками. Это был юноша такого же возраста, что и Килгор. У него у руках был боевой молот, и он приготовился швырнуть его.

— Где я? Что случилось? — недоуменно спрашивал незнакомец.— Это ты сделал это? Если ты колдун, я клянусь убить тебя! Но быстро ответь мне: взял ли Вультер Вальсид Гуннарсмаунд?

— Нет,— ответил Килгор,— он потерпел поражение и был убит. Он и все его люди. И случилось это шестьдесят пять лет тому назад. А кто ты? Бесовское создание, колдун или мужчина?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я девушка. Я Асни Гардарская, принцесса трона Вольфганнеров и я не верю твоим словам.— Она отбросила волосы с глаз и подняла свой молот, как будто он был легче пушинки.— Тогда мне было бы около восьмидесяти лет, а мне, как видишь, гораздо меньше. Ты тоже не похож на колдуна. Кто ты и как попал сюда? Что это за место?

— Это создание ледяных колдунов, и я попал сюда, когда шел через болота Харонесса. Я пришел из Шильброта на юге, где мой отец Вальсидур правит в Брандсток-кояле.— Килгор с любопытством рассматривал ее большие сапоги, грубые штаны, длинный расшитый камзол, затянутый широким поясом с украшениями из золотых когтей и других странных символов.— Ты одета совсем не так, как одеваются наши девушки. И ты действительно можешь бросить этот молот?

Она презрительно посмотрела на него.

— В Гардаре девушки такие же воины, как и мужчины. Я принцесса, поэтому я пошла на войну, чтобы командовать народом, который вручит мне свою судьбу, когда я

стану его Королевой. Но что с моей страной? Скажи мне поскорее. Моя мать Королева мертва?

— Все погибли. Сурт захватил все. Туча закрыла всю страну, и теперь по ней бродят тролли и колдуны. Никто не может проникнуть туда. Никто не вышел оттуда. Мы полностью проиграли войну. Много великих воинов погибло на этой войне. Волки и птицы растащили их кости.

— А, ясно,— вздохнула Асни, опуская молот и прикрепляя его к поясу. Она долго рассматривала носки своих сапог.— Значит, я Королева Гардара. Семьсот лет линия Королей Гардара не прерывалась. Судьба спасла меня от колдовского заклинания, чтобы я могла вернуться и спасти всю страну.— Она осмотрела Килгора своими большими темными глазами, в которых ощущалась королевская воля.— Мне кажется, что этот меч сделали альфары? Где ты его взял? Такое оружие, как твой меч или мой молот, делается для определенных людей самими альфарами.

— Его дал мне Эльбегаст,— торжественно сказал Килгор.— И это все, что я могу тебе сказать, пока не пойму, что могу доверять тебе. Теперь, когда ты освободилась от своего заключения, что ты собираешься делать?

— Освободить Гардар и убить Сурта,— не колеблясь, сказала она.— Я полагаю, что ты не знаешь пути из этого болота?

— Я бы вывел тебя, если бы здесь был мой друг Скан-дерберг,— ответил Килгор.— Дело в том, что мы направляемся в Гардар с тайной миссией, о которой я даже не хочу упоминать в таком месте. Пять человек были таинственным образом похищены этой ночью...

Ее глаза округлились и стали похожи на две темные луны. Она прошептала:

— Подожди! Подожди! Ты, должно быть, и есть владелец меча! Эльбегаст обещал, что должен прийти человек с мечом и спасти Гардар от окончательного разрушения. Мы все ждали и надеялись, однако погом мне пришлось принять участие в битве и меня заколдовали. Скажи, это и есть ты? Ты даже не представляешь, сколько баллад и песен сложено о тебе. Ты, конечно, идешь вовремя. Надеюсь, что ты не опоздал.

— Все, кроме меня, знают об этом деле! — негодуя воскликнул Килгор.— У нас, в Шильброе, таких баллад не поют. Мы давно не верим, что колдуны и эльфы действительно существуют. Почему я один нахожусь в темноте?

— Пока существуют тролли,— сказала Асни,— многие находятся в темноте. Ну, ладно, я очень рада, что встрети-лась с владельцем меча. Как твое имя?

— Килгор из Шильброда, сын Вальсидура, сына Вультера.— Наш предок был первым Вальсидом,— сказал Килгор с гордостью.— Вальсид создал первое поселение на Скорпсее.

— Изгнанник из Восточных Островов? Теперь скажи мне, кто такой Скандерберг, с которым ты путешествуешь? В его имени что-то колдовское, и это мне не нравится. Можно ему верить?

— Конечно! А что ты имела в виду, когда назвала Вальсида изгнанником?

— Хорошо. Тогда мы идем вместе, если ты уверен, что он хороший колдун. Я полагаю, что нам нужно найти его и немедленно пуститься в путь. Если поражение Гардара еще не было последним кризисом, то все равно, окончательный конец близок.— Асни затянула ремни на сапогах и поднялась.

— А кто тебя просит идти с нами? — гневно спросил Килгор.— Ты не пойдешь с нами, даже если ты Королева Гардара. Твой молот, может быть, сделан эльфами, однако если нам придется тащить за собой и тебя, и его, то мы никогда не доберемся до цели.

— Тебе самому потребуется помощь,— презрительно сказала Асни. Она указала куда-то за него.— Я думаю, что это и есть те пять человек, о которых ты говорил, что они похищены?

Килгор повернулся и увидел Морда, Норда, Гульни, Трольни, Герпира. Они что-то чертили на земле, заглядывая в книгу заклинаний. Морд поднял посох, и холодный иней осел на сапогах Килгора.

— Колдуны! — крикнула Асни. Молот запел, и девушка бросила его. Он со звоном сбил с головы Морда шлем и вернулся в руку Асни. Морд бросился на землю, и остальные четверо укрылись за камнями.

— Подожди! — в ужасе воскликнул Килгор.— Друг Морд! С тобой все в порядке? Этой ночью здесь были колдуны, а эта дикая девчонка...

— Нападай! Бей их! — Асни сокрушила камень, за которым прятался Трольни. Затем молот переломил летящее копьё, которое было похоже на ледяное. Герпир вскочил и бросился на Асни с мечом, но один удар молота заставил его покатиться по земле. Килгор мог только смотреть в изумлении на все это, пока пущенный кем-то топор чуть не выбил ему глаз. Когда он выхватил меч, тот запел в его руке, и летящий топор превратился в облачко морозного пара.

— Так вот как он действует! — воскликнул Морд, произнося сильное заклинание. Ту же закрутилось ледяное об-

лако и приняло форму огромного ледяного великана. Он испустил дикий крик, и весь двор наполнился ледяным ветром и снегом. Из его глаз, спрятанных глубоко в ледяной бороде, исходил холод, и, куда он бросал взгляд, вырастали ледяные столбы. Он угрожающе выхватил черный меч, обдавая Килгора дыханием более ледяным, чем ветры северных ледяных стран. И в этой бушующей ледяной буре возле него появилась Асни и крикнула:

— Ты бейся с этим великаном, а я займусь колдунами!

Килгор запротестовал, однако ощутил, что меч вновь потащил его. Он разрубил несколько ледяных столбов, превратив их в капли воды, и уничтожил тело великана. Без всяких усилий он пронзил тело гиганта, и тот моментально превратился в ничто, в облако тумана.

— Пощады! — крикнул Морд из угла, куда Асни загнала всех колдунов.— Мы просим пощады, мы просим владельца меча сохранить нам жизнь.

— Вы должны просить меня, колдуны! — Асни угрожающе подняла свой молот. Колдуны задрожали и жадными глазами смотрели на посохи, которые Асни отобрала у них.— Ну, Килгор, это твои первые пленники. Что ты хочешь делать с ними? Я не люблю брать пленников. Слишком много возни.

Килгор в замешательстве посмотрел на пятерых пленников. Меч завывал в его руках.

— Я думаю...— начал он.

— Это все недоразумение,— сказал, улыбаясь, Морд.— Простите нас и давайте сядем и поговорим об этом. Очевидно, мы вас спугали с кем-то. Ведь мы же твои старые друзья с прошлой ночи. Ты помнишь? Мы вовсе не колдуны, как, вероятно, думает твоя подруга. И никакого вреда мы не сделали, в конце концов. Дайте нам сесть и собрать свои пожитки...

— И посохи колдунов,— сказала Асни.— Никогда! Вы пытались украсть меч, сотворив ледяного великана. Однако меч оказался не по силам вашей хилой магии. Встаньте к стене, или молот разmozжит ваши головы на тысячу кусочков. Я видела, как тают ледяные колдуны, поверьте мне. Килгор, не задумываясь, прикончит вас всех!

— О, мы знаем добрую душу Килгора,— сказал Норд.— Мы пятеро не вооружены и для вас двоих не страшнее мух, так что почему бы вам не опустить ваше страшное оружие и не уйти отсюда. Все, что мы хотим от вас,— это меч. Отдайте его нам и можете спокойно вернуться в Шильброд, где не существуют такие вещи, как злая магия. Вспомни, Килгор из Шильброта, ведь мы пожалели тебя и оставили тебе

жизнь, когда ты спал с нами в доме. Будь на нашем месте другие ледяные колдуны, и ты бы превратился в ледышку под действием могущественных ледяных заклинаний.

— Да, вы попытались только дважды убить меня.— Холодная бледность Килгора моментально исчезла, когда он вспомнил, при каких обстоятельствах дважды просыпался этой ночью. Он осторожно взмахнул мечом.— Я могу похвастаться, что ни одно из ваших заклинаний не коснулось меня. «Килдруин» защищал меня. Вы меня не одурачили прошлой ночью. Я хорошо знал, кто вы, когда смело сел к вашему огню.

Колдуны с дрожью смотрели на меч. Они вытолкнули вперед Морда, чтобы тот заслонял их.

— Трусые, — пробормотал Морг.— Ну, давайте убьем их. Глупый мальчишка и маленькая девчонка, неужели вы испугались их?

— Но вы боитесь «Килдруина» и молота Кари Вольфганнер,— сказала Асни, не отступив ни на миллиметр.— Этот молот был в руках Королев Вольфганнер в течение пяти столетий. И сейчас его держит Королева. И я дала клятву освободить Скорпсей от таких ублюдков, как вы.

— Вольфганнер,— угрюмо сказал Герпир.— Значит, ты последняя из них. Сурт захватил семерых твоих братьев, я сомневаюсь, что ты знаешь об этом, и превратил их в варгульфов. Наполовину людей, наполовину зверей. Вечных рабов Сурта. Однако мы идем к Сурту и могли бы попросить, чтобы он освободил их, если вы отпустите нас.

Асни засмеялась и покачала головой.

— Я освобожу их сама, когда приду в Гардар, а вас брошу в глубочайшую темницу под Гримсшлагом, когда опять сяду на трон. Килгор, что ты хочешь делать с пленниками? Мы можем использовать их как заложников, если, конечно, Сурт ценит их, в чем я сомневаюсь.

Килгор держал меч наготове. Он отказывался войти в ножны и сердито звенел.

— Мы подождем Скандерберга,— сказал он.— У меня такое ощущение, что он вот-вот появится.

— Скандерберг? — переспросил Морг.— Это колдун, которого я меньше всего хотел бы видеть. Я однажды сотворил с ним шутку и запер в башне. Это было несколько тысяч лет тому назад. Это была всего лишь шутка, однако он не простил мне ее, хотя раньше мы были ближайшими друзьями.

— Надеюсь, он сохранит нам жизнь,— заметил Морг.

Пока колдуны злобно переругивались между собой, какая-то замызганная ворона села на стену и хрипло закар-

кала. Она казалась чересчур смелой для обычной вороны. Раскинув крылья, она слетела на землю и начала копать в вещах колдунов своим длинным клювом.

Морд увидел ворону. Схватив камень, он изо всех сил кинул его в ворону и испустил торжествующий крик, когда полетели птичьи перья. И тут же перед ними очутился Скандерберг, с омерзением державший в руках за хвост дохлую ящерицу. Отбросив ее в сторону, он собрал обшитый перьями плащ, лежащий на земле, и сунул его в сумку.

— Скандерберг, ты, старый огненный дракон! — воскликнул Морд, бросившийся к нему. Асни поспешила за ним. — Я не видел тебя с той поры, как мы кончили школы в Гильде, какая радость видеть тебя снова!

— Фу! — сказал Скандерберг, когда распростертые объятия Морда потянулись к лежащему на земле посоху. Скандерберг, казалось, не заметил этого и только потер нос. Как только Морд схватил посох, он превратился в его руках в извивающуюся змею. Морд бросил ее и отскочил в сторону.

Скандерберг кивнул Килгору и бросил беспокойный взгляд на Асни, а затем сотворил огонь, в котором сгорели посохи и прочие пожитки колдунов. Они растаяли без следа и исчезли в дыре, которая внезапно появилась в земле.

— А теперь, Морд и дорогие друзья, — сказал Скандерберг, когда стены старого дома растаяли в воздухе, — ваша магия уничтожена, и вы так же беспомощны, как простые смертные. Если вы хотите когда-нибудь вновь стать колдунами, вам придется пойти на юг, в Гильд-холл, и просить милости у Вождя Огненных Колдунов. И, если вы когда-нибудь хоть кончиком пальца коснетесь Скорпсея, я спущу на вас гончих Ада. Скажите Вождю, что вы первые из многих, кого я пошлю к нему. Катитесь!

Колдуны застонали.

— До Гильд-холла тысячи миль. Нужно пересечь два моря и перебраться через семь гор. Неужели ты думаешь, что это удастся нам без помощи магии?

— О, я думаю, что удастся. Поверьте, я буду следить за вами и, если вы будете двигаться недостаточно быстро, я пошлю по вашим следам столб огня, чтобы он поджарил вам пятки. И если вы вдруг задумаете...

— Мы уже идем, — со вздохом сказал Морд, оглядывая кочки, трясины и чахлую растительность болота. И он побрел на юг, даже не оглядываясь, чтобы убедиться, что остальные следуют за ним. Ворча, все четверо тоже пошли по его следам. Когда они скрылись из виду, Скандерберг сказал:

— Если они не свернут в сторону с того направления, которое выбрали, они непременно попадут к ундинам. Что это за дьявольское создание, которое ты подобрал, Килгор? Не думаешь же ты, что мы возьмем ее с собой? — Он с удивлением взглянул на Асни, которая выступила вперед для ответа.

— Позволь мне ответить самой, — сказала она величественно. — Я Асни Вольфганнер. Без сомнения, ты знаешь, кто я такая, если ты был здесь во время войны. Я прошу оказать мне милость.

— Ее следует оказать, — быстро сказал Килгор. — Этот молот сделан альфарами, Скандерберг. Мы можем использовать ее могущество. Она стоит целой армии, несмотря на то, что она девушка.

— У меня есть не только молот, но и ум, — сказала девушка. — Мне кажется, что я сильнее тебя, Килгор. Мускулы далеко не все. — Она была очень ладно скроена, и в ее глазах сверкал упрямый огонек.

— Ну что ж, я понял, какую милость, — вздохнул Скандерберг. — Я не вижу, как я могу отказать после того, как ты защитила Килгора в ситуации очень сложной и опасной. Присоединяйся к нам, Асни Вольфганнер, однако я предупреждаю тебя, что тебе придется стать мужчиной в нашем путешествии. Я знаком с судьбой Королев Гардара. Воинственные Королевы — это древняя и благородная традиция.

— Была, ты имеешь в виду. Ты не пожалеешь, что взял меня с собой в страну троллей. Мы охотились на них ради забавы, когда еще не началась серьезная война.

Килгор увидел, что он, наконец, может вложить меч в ножны. Он перестал звенеть сразу после того, как ушли колдуны. Он посмотрел на солнце.

— Я думаю, что нам нужно побыстрее выбраться из этого проклятого места. Может, если мы поспешим, то к обеду доберемся до Хэлфскнолла.

— К обеду, — пробормотал Скандерберг, смотря на карту. — Если мы свернем немного к востоку, то найдем остатки старой дороги. Когда-то это была Дорога Торгснпп.

— Тогда я ее знаю, — сказала Асни. — Я ездила там много раз с матерью и ее войском. Мне кажется, что я вижу знак — большое дерево, но оно теперь высохло. Ничто не меняется так, как дороги за шестьдесят пять лет.

Асни вела их вперед, находя путь по сохранившимся зарубкам. Скандерберг замыкал шествие. Постепенно местность становилась суше, а дорога более заметной. Когда они вышли из болот на луг вблизи Хэлфскнолла, они оста-

новились в низине и оглянулись на болото. Миля за милей оно тянулось, черное, окутанное ядовитыми испарениями, наполняющее воздух запахом гнили. Когда они пересекли луг, похрустывая льдом под ногами, они пришли к дому Хэлфа. Среди гогочущих гусей и блеющих овец сам Хэлф и его домашние приветствовали гостей и тут же начали готовить грандиозное пиршество. Он дал им мягкие тапочки и усадил на лучшие места, говоря:

— В Скорпсее ни один гость не уйдет обиженным. Скандерберг, я рад снова видеть тебя в нашей стране. Ведь прошло столько лет, не правда ли? Однако теперь, к сожалению, многое изменилось.

Он выглядел печальным, но не хотел омрачать праздник. Целая толпа ребятишек с соседних ферм окружила Скандерберга и требовала у него фокусов, пока он не сотворил целый корабль во дворе Хэлфскнолла.

Когда село солнце, все веселье и беззаботность Хэлфскнолла исчезли. Соседи, которые пришли в гости, быстро ушли. Хэлф и его сыновья выглядели очень угрюмыми, когда закончили вечернее пение.

— Мы очень рады, что ты останешься с нами на ночь, Скандерберг,— тихо сказал хозяин.— Немного погодя сам поймешь, почему...

Глава 6

Как гости, Скандерберг, Килгор и Асни получили лучшие места для сна. Асни заявила, что она будет ночевать на крыльце, так как не привыкла нежиться в теплых постелях на мягких пуховиках.

— А кроме того,— добавила она,— я вижу, что ты и твои сыновья к чему-то готовитесь. Очевидно, что вы ожидаете каких-то неприятностей. Вы с кем-то враждуете, Хэлф?

Хэлф вздохнул, и этот вздох был скорее похож на стон, и сел в кресло.

— Кто-то или что-то действительно враждует со мной. С последней зимы нас мучает привидение. Иногда это привидение принимает вид ребенка, а иногда — ободранного кота, который садится на грудь спящего, и тот начинает задыхаться под его весом. Никто не хочет оставаться здесь после захода солнца. Иногда оно выпивает весь удой. Несколько раз мы слышали ужасные крики и вой в стойле. От этого коровы сходили с ума и бежали в горы, где падали в ущелья, или же забирались в реку, где их уносило те-

чение. Но самое страшное случается, если в доме остается кто-то один. Тогда он исчезает. Я полагаю, что привидение убивает его. Оно всегда появляется, если в доме есть гости, и внимательно смотрит на них, выбирая себе жертву. Пока мы еще не потеряли ни одного гостя, однако пропали один пастух и три девушки-служанки.

Асни профессионально взвесила на руке молот.

— Я еще никогда не имела дела с привидениями. Но я достаточно перебила троллей, пусть твое привидение приходит сегодня, Хэлф. Здесь его будет поджидать оружие альфаров!

— Оружие альфаров? — Хэлф покачал головой. — Какие времена настали! Некоторые из моих гостей были альфарами, и привидение бесилось от злости, однако не пришло. Но мне кажется, что оружие альфаров здесь будет бесполезно. — Он сунул овечье ребро за пазуху, чтобы использовать его для защиты.

Скандерберг задумчиво сидел у угасающего огня.

— Ты знаешь, кто это может быть? Может, кто-нибудь из твоей семьи совершил убийство из-за денег? Твой враг, который умер?

— Нет, я не знаю ни одного своего врага, — сказал Хэлф со слабой улыбкой на лице. — Я, конечно, не так умен, однако у меня есть свои соображения относительно этого привидения. Я думаю, что оно привело сюда то же самое, что привело сюда и вас. Во времена моего отца Великая Война была проиграна и Гардарское ущелье было закрыто. Гардар был отделен от остальной Северной области навсегда. С тех пор мы видели много страшных загадочных событий. Тролли резвятся на наших горных пастбищах даже днем, отряды всадников по ночам скачут к северу, к Гардарскому ущелью, а всякие подозрительные странники идут туда постоянно. — Хэлф хмыкнул и дрожащими руками зажег свою трубку. — Хэлфскнолл стал местом свидания колдунов, которые путешествуют между севером и югом. Меня поднимали с постели даже ночью, чтобы впустить в дом дюжину ледяных колдунов. Конечно, за мной внимательно следили, и я не мог ничего подслушать. Однако я собирал сведения по кусочкам — то здесь, то там. И теперь я могу сказать, что должно случиться что-то ужасное.

— Это уже случилось, — сказал Килгор. — Туча мороза движется из Гардара, и все покидают родные места из страха перед ней. Через несколько месяцев туча достигнет Шильброда. Я полагаю, что ты заметил уменьшение лета и теплой погоды?

Хэлф покачал головой.

— Нет, морозы не затронули Хэлфскнолл, хотя мои со-
седи страдают от морозов. Я не могу объяснить причин, но
я знаю старую историю, которую рассказывал мне отец.
Когда-то здесь был человек, которого любили Боги Валгал-
лы. Когда он умер, его похоронили здесь, на вершине го-
ры, и Боги решили, что снег никогда не покроет эту гору,
как знак их любви к этому человеку. Я не знаю, правда это
или нет, однако горы Хэлфскнолла — святые горы. И ни-
какие колдуны не выгонят меня отсюда.

— Значит, ты останешься здесь? — спросил Скандер-
берг.

— Пока не умру, — подтвердил Хэлф. — Я не боюсь кол-
дунов. — Он медленно поднялся с кресла и взял лампу, что-
бы осветить гостям.

И вдруг за дверью холла раздалось громкое завывание.
Ступени крыльца закрипели под огромным весом. Асни,
ахнув, показала на незакрытое ставнями окно. В нем пока-
залась огромная голова свирепого быка. Он долго смотрел
в комнату налитыми кровью глазами, из горла вырыва-
лись угрожающие звуки. Затем он повернулся, сорвав до-
ску огромными острыми рогами, и пошел прочь. Дикий
рев огласил окрестности. Он вызвал бурю в стойле. Все жи-
вотные взбесились, начали кричать в ужасе и носиться по
загородкам.

— Это и есть твой зверь? — Скандерберг осторожно вы-
глянул в окно. Затем он отпрыгнул и схватил меч. — Кля-
нусть бородой Бога! Это же заколдованный бык! Килгор —
меч!

Меч оказался в руке Килгора раньше, чем тот успел со-
образить. Звон меча заполнил весь холл. Меч потащил
Килгора к двери и затем на крыльцо. За ним бежал Скан-
дерберг, держа свой посох, как факел. Асни бросилась за
Скандербергом.

— Где он? — прошептала она.

— Здесь, — ответил Килгор, с трудом глотая слюну и
стараясь удержать дрожь в коленях.

Свирепый зверь вновь испустил угрожающий рев. Кил-
гор неохотно позволил увлечь себя к стойлу. Зверь дико
фыркнул, глаза его светились, как раскаленные угли. Кил-
гор осторожно приближался к огромной туше, которая
казалась черным пятном на фоне черной стены. Доски тре-
щали, и куски дерева мягко падали на землю. Килгор чув-
ствовал, что зверь рассматривает его. Кожа юноши покры-
лась пупырышками. Они долго смотрели друг на друга. За-
тем бык молча исчез. Килгор плохо видел в темноте и не

понял, как это произошло. Но он понял, что быка нет, почувствовав, что напряжение спало. Он глубоко вздохнул и обошел стойло, прислушиваясь к каждому звуку. К тому времени, как он вернулся к крыльцу, меч уже был в ножнах.

— Привидение,— сказал Хэлф.— Этот совсем другой.

— Ты хорошо рассмотрел его? —спросил Скандерберг. И Килгор кивнул, чувствуя непонятную усталость.— Что ты думаешь о нем? Как вел себя меч? Он убежал от тебя?

Килгор опять кивнул.

— Слушайте! — внезапно сказал он. И все услышали далекий рев.

— Это на Гардарской Дороге,— угрюмо сказал Хэлф.— Зверь бежит в Гардар. Я надеюсь, что он никогда не вернется обратно.

Скандерберг вынул нож и стал вырезать письмена на досках дома.

— Это отпугнет его, если он когда-нибудь вернется. Другие колдуны прочтут это и тоже будут держаться подальше.

— Колдуны? — спросила Асни.— Разве это привидение было колдуном, Скандерберг? Почему ты думаешь, что он больше не вернется?

— Потому что он решил вернуться в Гардар и подождать нас там.— Скандерберг кончил вырезать и спрятал нож в карман.— Килгор, ты очень спокоен. Ты уже сомневался в успехе нашего путешествия? Ты хочешь повернуть назад?

Килгор покачал головой.

— Мои первые впечатления довольно неприятные. Я никогда не думал, что этот приятный и безопасный мир, в котором я жил, так незначителен. Колдовские заклинания, привидения, этот ужасный бык. Мне кажется, что я поставил на сто лет. Кто это, Скандерберг? Ты знаешь его?

— Ты думаешь, это Сурт? Может быть.— Скандерберг пригласил всех в дом и тщательно запер дверь на ночь.— Хэлф, я что-то ужасно захотел есть. Мне не хочется беспокоить тебя, однако...

— Один момент.— И Хэлф исчез на кухне.

— Это был действительно Сурт?— спросила Асни.— Почему ты не убил его, Килгор? Это позволило бы тебе не идти в Гардар.

— Если это был и он, то время было неподходящее,— ответил Килгор,— но вызов был сделан. Теперь он знает, где мы и что мы собираемся делать. Мне бы хотелось, чтобы Эльбегаст помог нам. Неужели он думает, что мы смо-

жем сделать все сами? Сурт владеет всем арсеналом колдовских трюков, он может менять обличье. А у нас есть столько Скандерберг. Есть ли у нас какая-нибудь надежда?

Скандерберг презрительно фыркнул.

— Я рад, что ты получил хоть какое-то понятие о том, против кого мы идем.

Килгор вздохнул и ничего не сказал, с грустью вспомнив о родном Шильброде. Казалось, что он не был там целый век.

Хэлф вернулся с караваем хлеба, кругом сыра, миской вишен и чашкой масла. Килгор чисто механически съел добрую половину этого и прыгнул на постель. В спальне были небольшое окно, мягкий тюфяк и дюжина подушек. В соседней комнате захрапел Скандерберг, и его могучий храп не прекращался, пока не пришло время вставать.

Утром Хэлф устроил грандиозный скандал по поводу того, что они уходят. Он буквально заставлял их задержаться на день или два и погостить немного. Однако они были неумолимы, и хозяин отпустил их, взяв с них слово, что они задержатся здесь на обратном пути.

— Может, я не так умен,— сказал он, широко улыбаясь Килгору,— но я понимаю, что это большая честь принимать таких гостей в моем старом доме. Как я сказал, я ничего не знаю ни о Сурте, ни о Гардаре, ни о мече, который был воткнут в дерево в Шильброде и который предназначен для того, чтобы убить Сурта. И если меня спросят, знаю ли я владельцы меча, я скажу: «Не знаю». И, несмотря на это, я благославляю тебя, юноша. И тебя тоже, паренек,— добавил он, пожимая руку Асни.

Асни открыла рот, чтобы протестовать: сказать, что она некоронованная Королева Гардара, а не паренек, однако она увидела, что Хэлф подмигнул ей и низко поклонился. Тепло пожав ему руку, Асни сказала:

— Спасибо, Хэлф. Придет день, когда я смогу отблагодарить тебя за то, что ты приютил нас у себя, невзирая на риск.

Скандерберг перекинул свою сумку через плечо.

— Здесь есть тип, которого ты должен остерегаться,— тихо сказал он, когда они уже приготовились уходить.— Это маленький тролль с диким глазом и бородавкой на носу. Задержи его сколько сможешь.

Хэлф кивнул и пошел проводить их до границы своих владений. Старый фермер стряхнул слезу и снова пожал им всем руки.

— Дорогой Хэлф,— сказал Скандерберг,— мы увидимся на обратном пути. Встречай нас на старой дороге.

— Я буду встречать, но боюсь, что увижу чудовищ, которые убили вас,— упрямо ответил фермер.

— Тихо,— сказал Килгор,— не нужно быть таким мрачным.

— Посмотрим, храни вас бог.

— Прощай! Прощай! — И путники отправились по каменистой тропе.

Хэлф стоял и махал им рукой, пока окончательно не исчез из виду. Тропа все время поднималась вверх, кружа и извиваясь, ведя в горы. К полудню тучи рассеялись, и они могли видеть горы Череп во всем их жутком великолепии. Рваные облака все еще кружились вокруг высочайших, закованных в лед пиков. А в той стороне, где лежали горы Трайидент, высовывались из голубого тумана и вонзались в небо три острых пика. Они были очень далеко, однако даже отсюда казались очень угрюмыми и зловещими.

— Видите эти три острых пика? — сказала Асни, указывая на них дорожным посохом.— Это трезубец спящего великана, голова которого — гора Череп. Говорят, что он будет спать до конца мира. И тогда он проснется, чтобы сокрушить все злые силы в последней битве. Вы видите, как долго он спит, на его склонах выросли уже целые леса.

— Великан? — Килгор внимательно посмотрел на высокую гору.— Если это правда, то я искренне надеюсь, что меня здесь не будет, когда он проснется. Такой великан в несколько шагов пересечет весь Скорпсей от севера до юга, и никто не сможет остановить его — ведь он каменный!

— Это не произойдет ни сегодня, ни завтра,— уверенно сказал Скандерберг, пощупав рукой каменный склон.

— А это возможно, Скандерберг? — спросил Килгор, когда они начали взбираться в гору.

— Что? Великан? О, это просто старая сказка. Такая крайность не наступит никогда. Если, конечно, мы победим Сурта. Теперь выбрось все это из головы и думай о том, что сказал Хэлф, о троллях и великанах, и перестань беспокоить меня по поводу всяких глупостей. У меня и так есть над чем подумать.— Он достал из кармана вареное яйцо и начал сосредоточенно чистить его.

Они прошли по пологому склону и теперь пробирались между каменных утесов. Местами тропа была завалена каменными обломками, и идти здесь было очень опасно. Один неверный шаг, и человек мог скатиться с гор и вновь оказаться в Хэлфскнолле. И, ко всему прочему, дул сильный ветер с востока. Он швырял в путников сухие листья, как старые кости, и кружил вокруг них. Он завывал в остроконечных утесах, и его вой напоминал голоса ведьм.

Килгор первым заметил камень, который падал на них. В это время они пересекали каменную осыпь, которая сносила их вниз быстрее, чем они пересекали ее. Взглянув вверх, юноша увидел каменное лицо. И тут же огромный камень отделился от скалы и начал падать на них со все увеличивающейся скоростью.

— Осторожно! — крикнул Килгор, отскакивая в сторону.

Асни увидела камень, выхватила свой молот и швырнула его. Молот ударился о камень и раздробил его в пыль. Он вернулся к Асни как раз вовремя, чтобы она швырнула его в следующий падающий камень. Камни падали все чаще и быстрее, Асни едва успевала бросать молот.

Скандерберг старался удержаться на осыпи и произнести заклинание.

— Быстрее на твердую почву! — крикнул он. — Бегите! Асни, разрушай только те камни, которые падают прямо на нас! Торопитесь!

Все трое выкарабкались на твердую почву и очутились в тесном каменном ущелье между угрюмых гор. Камни позади них еще падали некоторое время, но затем все стихло.

— Уфф! — вздохнул Килгор, с опаской оглядываясь назад. — Я еще никогда не видел такого камнепада. Клянусь, что кто-то подстроил его!

— Ха! Каждый бы так решил, — хмыкнул Скандерберг, — если бы не знал, что это сделали тролли.

— Тролли? — с дрожью воскликнул Килгор. — Неужели мы их увидим? Как ты думаешь, постараются они вновь что-нибудь сделать с нами?

Скандерберг только хмыкнул. Он собрал свой телескоп и начал осматривать ландшафт позади них. Килгору ответила Асни:

— Непременно. Невозможно пройти мимо них незамеченными, раз мы идем по их земле. Особенно, если они голодны. А эти бедняги здесь видят мало путешественников.

— Голодны! — воскликнул Килгор. — Они едят людей?

— Только когда голодны и не могут добыть коров или овец.

— А я думал, что тролли днем превращаются в камни, — сказал Килгор и тут же поспешил добавить: — Так говорила моя бабушка.

— Это ветер и тучи делают их такими храбрыми, — ответила Асни. — А эта туча очень непохожа на обыкновенную.

— Хэлло! Я что-то вижу в тех деревьях, — сказал Скандерберг. — Нам лучше идти вперед. Моя карта показывает

путь через это ущелье. Идем быстрее, если хотите избежать кухонного котла. Следуйте за мной!

Они пошли все быстрее и быстрее, пока не пустились бежать. Вокруг них все кишело троллями. Они сидели за каждым камнем, на каждом дереве. Килгор временами видел их. Они прыгали от камня к камню. Они были смуглые, приземистые, с очень большими приплюснутыми головами и стоячими заостренными ушами. Черты лица были мелкие, угловатые. Килгору показалось, что у них есть хвосты, однако ему не хотелось останавливаться, чтобы рассмотреть их подробнее. У каждого тролля на плече был лук.

— Я бы сотворил немного магии, если бы они приблизились,— крикнул Скандерберг.— Но они знают об этом, черт бы их побрал!

Вскоре они заметили, что ущелье сужается. Сначала еле заметный, а потом все усиливающийся, послышался какой-то гул. Это был звук воды, обрушивающейся вниз.

— Вода! — воскликнул Скандерберг.— Мы спасены! Они не будут гнаться за нами через воду. Как только мы переберемся, я пошлю на них огненный шар, чтобы он поджарил этих маленьких идиотов.

— Судя по звуку, там очень большой поток,— крикнул Килгор, держа руку на рукояти меча.

— Может, там нет переправы? — сказала Асни.

— Если нет, я ее сделаю!

— Я вижу мост,— крикнул Килгор.— Мы спасены!

— Пока нет,— заметил Скандерберг.— Там стоит сборщик пошлины, а в таких ситуациях пошлина может быть очень большой. Давайте пойдем потихоньку, чтобы он не думал, что мы очень торопимся.

— А может, хранитель моста сам тролль? — спросила Асни, увидев приземистую уродливую фигуру.

— Посмотрим.

Хранитель моста увидел их и встал на дальней стороне моста.

— Быстрее! Быстрее! — закричал он, стараясь перекрыть шум воды.— Оглянитесь, там тролли! Бегите!

Со злобным воем тролли выскочили из-за камней и бросились за ускользящими жертвами. В воздухе засвистели стрелы, однако они прошли мимо. Путники выбежали на мост. Их шаги гулко звучали по толстым деревянным балкам.

— Спасены! — воскликнула Асни и обернулась назад, где тролли собрались возле моста. Она угрожающе взмахнула молотом. Тотчас же тролли ответили ей градом кам-

ней. Разочарованно завывая, они скрылись за камнями с той стороны ущелья.

Хранитель моста встретил их у ворот.

— Хи-хи, как раз вовремя,— проскрипел он.— Ну, а теперь пришло время платить пошлину.

— Красное золото, мой друг. Сколько пожелаешь? — сказал Скандерберг.

— Я бы предпочел оружие,— прошептал старик, откидывая капюшон и показывая свое безобразное лицо. Его старая голова была огромной, лысой, покрытой бородавками и родимыми пятнами. Один глаз смотрел непонятно куда, а во рту старика осталось всего полдюжины желтых кривых зубов.

— Оружие? Хорошо, взгляни на это.— И Скандерберг подал ему большой кривой ятаган с рукояткой, украшенной драгоценными камнями. Однако старик покачал головой.

— Что-нибудь стоящее. Мне нужно сражаться с троллями и волками. Скандерберг достал из сумки длинный бронзовый меч, но хранитель покачал головой.

— Слишком велик и тяжел. Я хочу что-нибудь большое, но легкое и обладающее огромной силой.

— Хмм,— сказал Скандерберг,— что-нибудь магическое?

— О, да. Это великолепная идея!

— Тогда для тебя подойдет этот посох,— сказал колдун, подавая старику обыкновенный дубовый посох Килгора.— Посмотри, что делает мой.— Он направил посох на другую сторону ущелья, где у края моста скопились самые смелые тролли. Они мгновенно превратились в сухие черные деревья.

— Нет. Я хочу меч. Магический меч, который рубит металл и камень, неуязвим в бою, на котором начертаны магические письмена...

— У нас нет такого меча,— твердо заявил Скандерберг.

— Однако я слышал о нем. Прошлой ночью в Хэлфсколле.

— Может быть. Но я ничем не могу тебе помочь. У нас есть золото, драгоценности, пища, что угодно. Скажи свою цену. У нас все равно нет магического меча.

Внезапно маленький человечек схватил себя за подбородок и содрал кожу лица, которое оказалось только маской.

— Ага! Я поймал тебя на лжи, Скандерберг!

— Барт! — воскликнули все с негодованием и отвращением.

— Меч! Меч! — омерзительно отплясывал Барт.

— Ты никогда не получишь его,— свирепо сказал Килгор.— Отойди в сторону, иначе я позволю мечу убить тебя. Послушай, как он звенит, предвкушая твою кровь.

— Отдай мне меч, или я разрушу мост.

Скандерберг наблюдал за троллями, которые с опаской собирались на том конце моста.

— Я могу позволить троллям схватить вас, но я полагаю, что вы поступите разумно,— сказал Барт.

— И что будет, если мы сделаем так, как хочешь ты? — Асни сжала ручку молота.— Ты же все равно предашь нас.

— Ха! А тебе бы хотелось вышибить мне мозги из головы? Барт направил на Асни свой посох, и она застыла, как замороженная.— Ты лучше поучись хорошим манерам, северная дикарка. Ну, так мы будем продолжать наши переговоры, мои дорогие друзья?

— У тебя нет друзей на этой стороне ущелья.— Килгор бросил взгляд на троллей.

Барт фыркнул.

— Никогда не суди о людях по той компании, с какой они водятся. Она всегда хуже или лучше, чем он сам. Умному очень часто приходится работать вместе с идиотами. А теперь давайте сюда меч, или я продемонстрирую вам голод и жестокость этих самых идиотов,— он поднял свой пронзительный голос до крика, и тролли на той стороне моста заплясали в радостном ожидании. Они оживленно хлопали длинными руками по волосатым бокам и смеялись.

— Хорошо,— сказал Скандерберг, получше взявшись за свой посох.— Ты конечно, приготовился к поединку за него?

— До конца,— с угрозой сказал Барт.

— Ты не боишься последствий?

— Я ничего не боюсь, ведь всем в Скорпсее известно, кто такой Барт Великолепный.— Он выпятил свою чахлую грудь и встал в боевую позу.— Меня знают все, от Рамфирта в Нессе до...

— Чепуха,— оборвал его Скандерберг с беспокойством.— Говори свои условия, и начнем. Мое терпение дает трещины.— Он заглянул в свою толстую книгу заклинаний и начертал несколько букв на грязном снегу.

— Очень хорошо,— заявил Барт со смехотворной торжественностью. Даже Килгор улыбнулся.— Я, Барт Свирепый, Кровавый, Непобедимый, вызываю на дуэль до смерти гнусного, трусливого, низменного...

— О, хватит, хватит,— воскликнул Скандерберг,— я уже готов. Твой старейший оторвет тебе голову, если ты умудришься сохранить ее сейчас.

— Не перебивай,— сказал Барт.— Я вызываю не тебя. Моя ссора с Килгором из Шильброта.

— Что? Меня? — Килгор с удовольствием ждал, как Скандерберг накажет этого мерзкого старика, однако теперь его радость моментально испарилась.— У меня нет к тебе личных обид, Барт. По крайней мере, я ни одной не могу вспомнить, но это будет неравный бой. Ведь порыв ветра сдует тебя, а мне неохота бегать за тобой. Это не принесет мне чести.

— Не беспокойся насчет этого,— сказал Скандерберг с легкой иронией.— Он хитрый старый колдун во всех отношениях. У тебя будет достойный противник и честный бой. Не бойся.

— Я и не думаю... — поспешно начал Килгор.

— Ты готов, смертный? — Барт постучал посохом по земле.

— Нет. Да! — Килгор медленно вытащил меч из ножен. Он загудел, как рассерженная пчела.

— Ха! Идиот! Я выбираю оружие! — заявил Барт.

— Ну что же, выбирай! — сказал Килгор.— Топоры, копья, луки...

— Магия,— сказал Барт с улыбкой, которая доставила бы удовольствие только троллям.

— Но сначала,— перебил его Скандерберг,— я настаиваю, что мы должны позавтракать. И ты должен разморозить Асни, чтобы она могла насладиться дуэлью. Может, нам сесть вон на ту приятную лужайку с зеленой травой.— Он протянул посох, и тут же появилась прекрасная лужайка, как бы покрытая зеленым ковром, на которой росли одуванчики, порхали бабочки.

— Фу! — Барт вздрогнул.— Я терпеть не могу бабочек. Противные насекомые. Прочь, маленькие гарпии! — ворча, он снял заклинание с Асни.

Асни вздохнула и вздрогнула, как будто вылезла из ледяной ванны.

— Что случилось? Где я? Где Барт?

— К несчастью, пока здесь,— ответил Скандерберг.— Он вызвал Килгора на дуэль магий. Долг чести требует от нас принять вызов.

— Дуэль магий? — Асни посмотрела на Килгора.— Каких магий?

Во время завтрака Барт ел и пил в огромном количестве, а когда думал, что никто не видит, набивал свою сумку различными припасами. Он всю свою жизнь питался змеями, лягушками и рыбой. И теперь он отводил душу. Он припал к бурдюку с вином и выпил чуть ли не

половину. Затем он как бы в рассеянности сунул бурдюк к себе.

— Теперь мы готовы? — спросил он, когда с травы убрали скатерть.

— Если ты все еще хочешь продолжать,— сказал Скандерберг.

— Разумеется,— ответил Барт.

— Подожди,— сказал Килгор.— Каковы правила дуэли?

— Правил нет. В такой дуэли все позволено,— сказал Барт.

— Скандерберг! — прошептал Килгор.— Я не знаю никакой магии, что мне делать?

— Только будь спокоен и делай вид, что знаешь, что надо делать. Если ты не сможешь провести этот мешок спеси, Барта, то мне будет стыдно за тебя. Возьми мои плащ и шляпу. Ты можешь влезть в плащ, если поднатужишься.

— Но я не знаю, как защищаться от магии.

— Ты абсолютно уверен, что не имешь никакого могущества?

— На все сто процентов.

— Что сейчас в твоём кармане?

— Кремень и кресало, но что мне с ними делать?

Барт отложил свою сумку.

— Ты готов, Сциплинг?

— Больше, чем готов,— ответил Скандерберг.

— Однако... — начал Килгор. Но Скандерберг уже отошел в сторону, оставив его лицом к лицу с Бартом.

— И мы предоставляем тебе право первого удара, Барт, так как ты слабейший,— сказал Скандерберг.

— Слабейший? Я, столетний ледяной колдун первого ранга, и этот молокосос Сциплинг? — Барт даже поперхнулся.— О, колдун, за такую надменность ты дорого заплатишь. Ты потеряешь меч и этого болвана, который носит его.— Он поднял свои руки.

Килгор открыл рот, однако Скандерберг жестом заставил его замолчать.

— Давай, колдун,— сказал Скандерберг.— Мы ждем!

Барт громовым голосом произнес заклинание, сделал необходимые жесты, закрыл глаза и ударил об землю посохом. Килгор осторожно открыл глаза.

— Ты кончил?

— Нет! — Барт посмотрел в небо, затем на землю, как будто он забыл что-то важное. Его наигранная самоуверенность начала таять.

— Мне кажется, что ты вызвал снегопад в Оксбарроу, к югу от Шильброта,— задумчиво произнес Скандерберг.

Барт бросил на него свирепый взгляд, задрал голову к небу для того, чтобы сосредоточиться, и снова начал произносить заклинание. Килгор закрыл глаза и затаил дыхание. Барт вновь изо всех сил стукнул посохом. И опять ничего не случилось.

— Это уже лучше,— с кривой улыбкой сказал Килгор.

— В чем дело? — спросил Скандерберг.— С тобой что-то случилось, Барт? Я дам тебе еще шанс, и если у тебя ничего не получится, настанет очередь Килгора. Интересно, что ты предпочитаешь: быть поджаренным на углях или замороженным в ледышку?

Барт сжал зубы и стиснул кулаки. Капли зеленоватой жидкости выступили у него на лбу. Он думал несколько минут, а затем нырнул в свою сумку и достал оттуда толстую книгу заклинаний. Быстро пролистав ее, он нашел нужную страницу, прочитал ее несколько раз, бросив книгу на землю, он что-то нацарапал в пыли своим посохом. Затем он поднял руки и запел длинное заклинание. Глаза его были закрыты. Он торжественно ударил посохом в землю. Ничего не произошло. Он осторожно открыл глаза, посмотрел на Килгора, который снова оказался невредимым. Барт не верил своим глазам. Килгор нервно рассмеялся. Он чувствовал огромное облегчение. Барт пнул свою сумку, вскочил на нее и начал топтать ногами.

— Проклятая обманщица! — Он даже попытался сломать свой посох о колено.— У этих огненных колдунов всегда все самое новое и лучшее, а нам, ледяным колдунам, достаются самые старые заклинания! Теперь даже этот недоучка молокосос Сциплинг имеет моущество. Это нечестно! Это не...

Барт заканчивал каждое предложение ударом по сумке. И та, в конце концов, решила отомстить своему мучителю. В сумке раздался приглушенный взрыв. Из нее повалил цветной туман, и на колдуна посыпался град. Барт схватил сумку и хотел спрятать ее под плащ, однако вновь раздался сильный взрыв, все окутал голубой туман, и повалил сильный снег. Ощувив сильный неприятный запах, Килгор и Асни отошли подальше, а Скандерберг расправлялся с извивающимися змеями и какими-то крылатыми существами, похожими на летучих мышей. Они появились неизвестно откуда. Когда дым рассеялся, от Барта ничего не осталось. Асни с негодованием воскликнула:

— Сбежал! Но скажи, Килгор, как ты уберешься от магии этого ледяного колдуна? Ведь ты же не знаешь никакой магии, правда?

— Ты думаешь, что раз я из Шильброда, так я совсем беспомощный и неумелый? — с оскорбленной гордостью спросил Килгор.

— Да,— сказала Асни.— Расскажи, как ты это сделал?

— Ты лучше спроси Скандерберга,— хмыкнул Килгор.

Скандерберг рассмеялся.

— По правде говоря, все получилось совершенно случайно. Килгор, покажи Асни, что у тебя в кармане.

Килгор с готовностью полез в карман и вынул оттуда солонку и полуочищенное яйцо.

— Нет, нет, в другом кармане!

— Ясно. Вот это. Камень и кресало.

— Положи их обратно в этот ящичек. Каждому известно, что кремьен и кресало в большей или меньшей степени устраняют действие такого нестабильного искусства, как магия. Чем менее могущественен колдун, тем эффективнее их действие. Я обычно храню их в специальном ящичке, а за едой сунул Килгору в карман. Я понял, что Барт ничем не сможет повредить ему при помощи магии, а обычное оружие побоится взять в руки.

— Но почему ты не сказал об этом раньше? Я так боялся.

Скандерберг собрал все свои пожитки, обмотал шарф вокруг шеи.

— Немного страха очень полезно. Другими словами, страх — это соус, который придаст жизни привлекательность, делает ее возбуждающей. Если ты забудешь страх, ты потеряешь вкус к жизни. А тебе потребуется громадный аппетит к жизни, когда ты встретишься с Суртом.— Он раскатал карту и с сомнением взглянул в нее.

— Я думаю, мы заблудились,— сказала Асни.— Однако мы не попадем в Гардар, если пойдем по этой дороге. Зная тех, кто сделал ее, можно сказать, что она, несомненно, никуда не ведет.

— Значит, нам опять придется бежать через владения троллей.

— Точно.— В голосе Асни звучало удовольствие.

Тропа вела их все выше и выше. Через несколько дней они забрались так высоко, что задевали головами серые облака, но впереди тянулись суровые горы, ряд за рядом, и вершины их скрывались в мрачных тучах. И в этой каменной стене не было ни одной щели, кроме ущелья. Скандерберг повел их параллельно ущелью, таким образом, потеряв несколько дней, но зато избегнув встречи с троллями и зверьми, которые поджидали их там.

— Взгляните последний раз на море,— сказал он.— Вы не увидите его больше до тех пор, пока не будет убит Сурт и Гардар освобожден!

Глава 7

К тому времени они забрались достаточно высоко в горы, и им пришлось одеть теплые плащи из сумки Скандерберга.

— Я знал, что они понадобятся нам на Трайдене,— сказал Скандерберг,— однако не ожидал, что нам придется одеть их так скоро. Здесь так же плохо, как и на вершинах Трайдент.

Килгор с трепетом посмотрел на покрытые льдом вершины, которые ждали их впереди. На землю спускался таинственный вечер с его черно-голубыми тенями. Ни света, ни жилья, ни дружественного приветствия не ждало их впереди.

— Нам нужно устроиться на ночлег,— сказала Асни.— Мне становится плохо при мысли о том, какой может оказаться ночь здесь. В этой долине полно троллей и волков. В мое время говорили, что это варгульфы.

— Давайте сделаем лагерь здесь,— сказал Килгор.— Кажется, что я слышу вой. Мне все равно, будет ли здесь вода, лишь бы место было хорошо защищено.

В этих горах было полно пещер и расщелин. Они после долгих поисков и обсуждений выбрали ту, где из стены сочилась вода. Скандерберг сделал навес, проведя рукой и прошептав несколько слов. Получилась настоящая палатка, стены которой излучали тепло. Они предупреждали Скандерберга, когда кто-либо приближался к палатке.

Хотя лагерь был уже установлен, Килгору все казалось, что за ними следят. Одна сторона лагеря открывалась на тропу, по которой они пришли сюда. С других сторон громоздились неприступные утесы.

Здесь была даже узкая тропа, по которой они могли бы покинуть лагерь в случае опасности. Место, выбранное ими, казалось вполне безопасным. Они быстро поели и приготовились ко сну. Темнота вскоре спрятала от них горные вершины. Угли костра освещали слабым красным светом стены палатки. Чайник грелся совсем по-домашнему, как будто они находились в Брандсток-холле, а не в диких горах далеко на севере.

— Ты не думаешь, что огонь привлечет троллей? — спросил Килгор, поджаривая хлеб на углях.

— Не настолько больше, сколько их уже собралось здесь,— сказал беззаботно колдун.— Поддай, пожалуйста, сыр и вино.

После того, как в костре остались только тлеющие угли в золе, Асни уже клевала носом, Скандерберг уткнулся носом в подушку, а Килгор все не мог заснуть. И это не потому, что он был голоден, и не потому, что он слишком устал для сна. День, конечно, был тяжелым, однако дело было не в этом. Постель его была удобной. Ему было тепло. Не нужно было думать о воротах, которые он забыл запереть, и о скоте, который остался на ночь без присмотра. Но он ощущал что-то злое в воздухе, как будто им что-то угрожало. Ему хотелось выйти из лагеря и убедиться, что вокруг них не смыкается кольцо серых троллей, выжидающих, когда они заснут, чтобы броситься на них.

Он вышел из палатки, однако ничего не мог рассмотреть в безлунной ночи. Тучи проплывали почти над головой. Он с трудом различал утесы, сомкнувшиеся над палаткой. Это придавало ему уверенности в безопасности, и он повернулся, чтобы вернуться в палатку. И тут же он услышал какой-то всплеск воды. Скандерберг перестал храпеть, высунул голову из палатки и прошептал:

— Что-то случилось. Будь на часах, Килгор.

Килгор кивнул и нырнул в темноту. Меч его не сигнализировал о присутствии троллей или колдунов. Он только изредка начинал тоненько звенеть. Килгор отошел от палатки, чтобы взглянуть, что происходит у родника. Вокруг было абсолютно темно, однако Килгор чувствовал какое-то волнение в воде. Кто-то фыркнул, и этот звук показался Килгору знакомым, хотя он не мог вспомнить, где его слышал.

Затем он услышал размеренные тяжелые шаги вокруг огня. Кто-то собирал тяжелые камни в кучу и сломал несколько веток в кустах. Огромная черная тень появилась на фоне темного неба. Килгор отпрыгнул назад, держа руку на рукоятке меча.

— Скандерберг? — прошептал он.

— В чем дело? — спросил колдун.— Это похоже на лошадь.

— В этих горах? Когда кругом полно троллей? — прошептала проснувшаяся Асни. Она подошла к Килгору.— О, это, конечно, пони. Вероятно, он заблудился.

Пони подошел к Килгору и сунул морду в его карман, где лежали сухие фрукты. Килгор ощупал шею, уши и гриву лошади.

— Да, это действительно лошадь,— сказал он со смехом.— Мне кажется, что мы должны оставить ее. Она может нести наш груз, а мы можем ехать на ней по очереди.

— Но лошади здесь нечего есть,— нравоучительно произнес Скандерберг.— Впрочем, если ее нечем будет кормить, мы сами ее съедем.

— Сциплинг скорее умрет от голода, чем съест лошадь,— оскорбленно сказала Асни.— А кроме того, ведь это чья-то лошадь. Взгляните, какая она ручная!

— Это верно,— откликнулся Скандерберг, бороду которого лошадь в этот момент начала жевать.— Он очень дружелюбен, этот зверь. Если он останется здесь до утра, то мы возьмем его с собой.

Утром пони был здесь и приветствовал Килгора легким укусом. Лошадь была серебристой масти с черной гривой и хвостом. После завтрака пони позволил Скандербергу накинуть на себя уздечку, которую колдун нашел где-то в глубинах своей сумки. Они погрузили на широкую спину пони все тюки, палатку и сумку Скандерберга. Пони оглянулся на свою ношу, однако сделал вид, что это ему ни о чем.

Когда они двинулись в путь, пони трусил впереди или плелся сзади, все время смотря по сторонам, и, когда видел какую-нибудь зелень, никто не мог сдвинуть его с места, пока он не объедал все. Хотя путь был очень трудным, к концу дня его спина была совсем сухой, и он еще бегал вокруг лагеря, как бы демонстрируя, что в нем еще осталось много сил и энергии. Скандерберг сказал:

— Эта лошадь сильна, как слон. Я думаю, что завтра мы сможем ехать на ней по очереди.

С всадником на спине пони трусил так же беззаботно, как и раньше. Он пользовался любой возможностью, чтобы пуститься галопом. Даже большой вес Скандерберга не приносил ему неудобств. Он как будто не замечал его. К вечеру он был так же свеж, как и утром. Да, эта лошадь не знала усталости. Скандерберг часто заглядывал в карту и, очевидно, был доволен темпом продвижения. Килгору очень нравилось ехать на лошади, так как ему не приходилось нести тяжесть и смотреть под ноги, так что он мог спокойно осматривать окружающие горы, долины, ледники. И даже когда была не его очередь ехать, он для поддержки держался за хвост лошади. После недельного путешествия со Слепниром — так звали волшебную восьминогую лошадь Одина — они добрались до перевала через Бриарторнские горы и стали спускаться в окутанную туманом низину. Килгор был подавлен сверхъестественной красотой мест,

где они шли. В тумане вырисовывались размытые силуэты деревьев, как будто изображенные волшебным художником, низвергались водопады холодной воды, где сверкали бриллиантами осколки льда. Эти водопады текли с гор Бурнт. Многие источники были горячими, и поэтому тут было много озер с водой самой разнообразной температуры.

Гейзеры выбрасывали в воздух струи пара и водяных брызг. Этим и объяснялся густой туман в этой долине. Почти за каждым холмом открывалось озеро серебряной воды, почти каждый утес был украшен зеленым мхом, который спускался в озеро.

— Здесь слишком красиво, чтобы быть прибежищем злых сил,— с обычной практичностью заявила Асни.

— Единственное, что здесь плохо,— сказал Скандерберг,— это не последние горы на нашем пути. Горы Бурнт в это время года совершенно ужасны и почти непроходимы. Так как уже поздно, я предлагаю не подниматься сейчас в горы, а сделать лагерь в долине. У следующего озера, если там будет горячий источник; я чувствую, что мне необходимо принять горячую ванну.

Пока Скандерберг мылся, Асни и Килгор распаковали Слепнира и пустили его бродить возле лагеря, как большую собаку. Пони сунул голову в палатку и смешно фыркнул, обнюхивая тарелки, пока Килгор пытался приготовить обед. Килгор следил за чайником, а пони толкал его в спину до тех пор, пока юноша раздраженно не повернулся к нему, чтобы прогнать прочь. К его удивлению, это был не Слепнир. Он оказался нос к носу с пятнистым серым пони с розовым носом. Пони замотал головой, прижал уши и оглянулся через плечо на двух других пони, как бы говоря: «Мы как раз к чаю!».

Такое везение нельзя было игнорировать. Килгор поспешно спутал им ноги и пошел сказать об этом случае Скандербергу.

Колдун уже почти сварился, однако не собирался вылезать из горячего источника. Но он выслушал Килгора, вздохнул и сказал:

— Пожалуй, мне нужно взглянуть на этих лошадей, Килгор. У меня относительно их, и даже Слепнира, большие подозрения, и я должен сказать об этом тебе и Асни, пока чего-нибудь не случилось.

— Подозрения? Какие? Ты считаешь, что нам нужно прогнать их? С ними мы можем выйти на Гардарскую Дорогу и ехать. Тогда нам не придется все время сражаться с троллями. Я все время удивлялся, почему мы пустились в путь пешком.

— Потому что это опасно — зависеть от того, кто может сломать ногу или может быть съеден.— Скандерберг натянул сапоги. Лицо его было огненно-красным от горячего купания.— А теперь, тем более, они не нужны, так как для них нет дороги отсюда вниз.

Килгор осмотрелся в растерянности.

— А почему бы нам не сменить путь? Мне кажется, что мы должны использовать пони как можно дольше. Ведь ехать гораздо приятнее, чем идти.

Скандерберг фыркнул и покачал головой.

— Летать еще приятнее, однако ведь у тебя нет крыльев.— Он хотел продолжить, но Килгор уже не слушал. Он показывал на озеро, где вода плясала в последних лучах солнца. Две серебристые лошади играли в мелкой воде, поднимая фонтаны брызг. Они бегали друг за другом, игриво кусаясь и лягая воду копытами.

— Когда мы пойдем обратно,— возбужденно сказал Килгор,— я обязательно загляну сюда и поймаю одну из этих лошадей. Наверное, они никогда не знали людей, раз они так доверчивы.

— Вполне возможно,— ответил колдун,— однако мне кажется, что хорошие лошади есть повсюду. Ну, а где Асни? Никто не следит за лагерем! А что, если тролли выслеживают нас? Черт бы побрал эту девчонку! Вон она скачет на одной из лошадей! Асни!

Она неслась во весь опор на белом пони. Услышав крик Скандерберга, она легко развернулась и соскочила на землю рядом с ним.

— Хорошо! — воскликнула она.— Мы будем в Гардаре через неделю. Я думаю, что владелец этих лошадей где-то погиб, и они сбежали сюда. Разве это не подарок судьбы для нас? Кому-то не повезло, чтобы повезло нам.

Скандерберг покачал головой.

— Пони останутся здесь. Завтра мы будем подниматься туда.— Он показал на крутые остроконечные утесы.— И для лошади там нет пути.

— Тогда мы пойдем по другой дороге.— Асни вызывающе дернула подбородком. Этот жест означал, что отступать она не собирается

— Нет.— Скандерберг направился к лагерю.— Нет, нет, нет.

— Я думаю, что он очень упрям,— вздохнув, сказал Килгор и с сожалением потрепал гриву белого пони.— Очень жаль. Я еще никогда не видел таких красивых лошадей. А если они так же сильны, как Слепнир, то мы могли бы ехать в Гардар, не останавливаясь на ночь.

— Черт бы побрал старого колдуна. А почему бы тебе не бросить его? — сказала Асни.— Дорог к Гардарскому ущелью очень много. Они, конечно, дальше, но с пони...

— Слушай, что это? — Килгор прислушался. Крик слышался как бы со всех сторон. И затем на вершине холма появился маленький сгорбленный человечек. Он приложил руки ко рту и крикнул:

— Конокрады!

— Это он о нас? — спросила в ужасе Асни, когда они бежали к лагерю. Скандерберг тоже услышал крик, приложив руку к уху.

— Конокрады? — сказал он.— Мне кажется, что мы попали в неприятную историю из-за этих животных. Однако, во всяком случае, они теперь вернутся к своему владельцу и не будут смущать нас.

Владелец лошадей подходил все ближе, непрерывно крича и ругая их.

— Конокрады! — вопил он, глядя на путников. Лицо его было большое и красное, но даже на таком лице выделялся нос — тоже огромный и тоже красный. Злые маленькие глаза смотрели на Скандерберга из-под красной матерчатой шапочки. Черные сапоги незнакомца доходили до колен, а на плечи был накинут голубой грязный плащ. Золотые каемки украшали ворот и рукава.

— Конокрады? — спросил Скандерберг.— Слушай, бродяга, мы не крали ничьих лошадей. А если это твои лошади, то ты нам еще должен за то, что мы заботились о них и кормили, и я предлагаю тебе заплатить сразу же, так как терпение противно моей природе. Скажи, кто ты и что ты делаешь в горах?

— Я торговец,— ответил человек, потирая красный нос и прищуривая глаз.— Я нагружаю товары на своих лошадей и езжу, пока не продам их. Однако с прошлой недели я преследую вас, чтобы вернуть своих лошадей и товары. А затем я собираюсь в Гардар, чтобы торговать там.

— Ты едешь на лошадях в Гардар? — спросила Асни.— Как ты это делаешь?

— Очень просто. Я поворачиваю их на север и гоню их. Мы не останавливаемся до тех пор, пока не приедем,— сказал торговец очень раздраженно.

— И как выглядит Гардар? — спросила Асни.— Есть ли там Королева? Много ли там жителей? Там правит Сурт?

— Какая чепуха,— ответил торговец.— Если тебе так хочется все знать, то поезжай туда. Я могу продать вам одну лошадь, однако я не желаю ехать с конокрадами!

— И у нас нет особого желания ехать с тобой,— сказал Скандерберг.— Забирай своих лошадей и убирайся из нашего лагеря.

— Нет, мы хотим ехать с тобой,— сказала Асни.— Назови свою цену, мы поедем с тобой. Назови, в противном случае, мы захватим тебя и лошадей и заставим везти нас в Гардар. Идет война, и нам очень нужно попасть туда.

Маленький человек презрительно фыркнул и натянул ворот плаща до самых ушей.

— Мне ничего не остается делать,— сказал он злобно,— как согласиться.

— Держи свое согласие при себе,— свирепо взглянул на него Скандерберг,— мы в нем не нуждаемся.

Незнакомец уже приготовился сесть, но теперь гордо выпрямился.

— Тогда я не останусь здесь ни минуты!

— О, ты останешься! — воскликнула Асни, и незнакомец вновь стал садиться.

— Нет, если тебе дорога жизнь,— закричал Скандерберг, и торговец испуганно вскочил.

Некоторое время Асни и Скандерберг жгли глазами друг друга. Затем вмешался Килгор.

— По крайней мере, мы должны предложить торговцу наш костер, пищу и ночлег, пока мы не решим, последуем за ним или нет. Нас к этому призывает гостеприимство Сциплингов.

— Конечно,— негодуя произнес торговец и уселся, не сводя подозрительного взгляда со Скандерберга.

— Ну, хорошо,— сказал Скандерберг и тоже сел, положив между колен свой посох.— Однако какое гостеприимство может быть для тех, кто плохо воспитан? Хмм! И что-то я не припомню, чтобы в Гардар и из него ходили караваны. Что ты продаешь?

— Разные вещи, да, разные вещи,— ответил торговец.— Те, кто меня знает, называют меня Кетил Вендор, а ты, как мне кажется, колдун Скандерберг!

— Я бы желал, чтобы ты этого не знал. Я полагаю, что эту информацию ты получил в Хэлфскнолле.

— Да, в Хэлфскнолле. Я останавливаюсь там каждый раз. А как зовут этих молодых людей? — Он пристально разглядывал Асни и Килгора.

— Килгор из Шильброта, Асни из Гардара,— сказала Асни.— Утром я поеду с тобой, даже если не поедут они.

— Ты храбрый юноша,— сказал Кетил.

— Я не юноша. Я... — негодуя начала Асни, но тут колдун громко закашлял, потом сказал:

— Мне кажется, что обед готов.

Во время еды Кетил незаметно придвинулся к Килгору, стараясь, чтобы Скандерберг не заметил его маневров. Тихим шепотом он сказал юноше:

— Я вижу, что у тебя великолепный меч. Скажи, на нас кто-нибудь собирается напасть во время путешествия?

— Думаю, да,— тихо прошептал Килгор.— Тебе лучше не ехать со мной: есть те, кто хотел бы прикончить меня.

— О! Вот как! Мой дорогой, это все усложняет. Тогда нам нужно быть чрезвычайно осторожными, хотя я уверен, что никто на свете не знает дороги, по которой я едущ в Гардар. Может, нам лучше отправиться в путь ночью. Я часто путешествовал в этих горах и знаю, как много страшных зверей здесь, однако я знаю из своего опыта, что тайну легче сохранить ночью, чем днем. Поверьте мне, я знаю эти горы вдоль и поперек. Вы не найдете лучшего проводника, чем Кетил Вендор... — Он гордо стукнул себя в грудь.

Внезапно Скандерберг наклонился над Кетилом, как будто хотел укрыть его своими волосами.

— Ты нам не нужен как проводник в Гардар,— рявкнул он.— А теперь, как гостеприимный хозяин, я покажу тебе, где ложиться спать. Вот одеяло, можешь положить его где хочешь.— Скандерберг бросил ему одеяло и скрылся в палатке. Почти мгновенно раздался храп.

— Я думаю, нам следует ехать с Кетилом Вендором,— прошептала Асни.— Если мы еще будем бродить здесь, в этих горах, то нас застанет зима, и мы здесь или замерзнем, или будем съедены троллями. Нам нельзя отказываться от возможности попасть в Гардар за несколько дней. Если же мы не поедem с ним, то проплутаем в горах и, может, никогда не доберемcя до Гардара.

— Скандерберг не доверяет ему,— сказал Килгор.

— Не слушай этого старика; пока что я не убедилась, что он хороший колдун. Если он не захочет идти с нами, оставим его,— решительно сказала она.

Килгор нахмурился. Ему это не очень нравилось.

— Эльбегаст послал Скандерберга, чтобы тот шел со мной и помог убить Сурта. Я не думаю, что справлюсь с этим один. Я попытаюсь убедить его. Но если не смогу, то лучше нам остаться с ним, даже если придется ползти в Гардар. Мне кажется, он очень сильный колдун.

— Если у него есть разум, он пойдет с нами,— сказала Асни.— Ведь мало что изменится, если он останется. Ведь меч у тебя. Почему ты не прикажешь ему?

— Никто не может приказать колдуну,— угрюмо сказал Килгор.

— Если вы готовы идти, — с хитрой улыбкой сказал Кетил Вендор, — то через час можно выходить.

Килгор покачал головой и поднялся.

— Мы решим утром. — Он бессознательно положил руку на меч. К своему удивлению, он услышал звон в ушах и вибрирование меча. Он с любопытством взглянул на Кетила, который тоже смотрел на юношу.

— Это великолепный меч, — сказал Кетил. — Ты не покажешь его мне?

— Я не рискую. Если его вынуть из ножен, то обратно его не всунуть, пока он не попробует крови. Особенно, злой крови.

— О! — воскликнул Кетил. — Это, наверное, магия.

— Вроде того. — Килгор направился в палатку. — Теперь я пожелаю тебе доброй ночи, так как уверен, что ты хочешь увидеться со своими пони после столь долгой разлуки. Асси, Скандерберг хотел поговорить с нами, однако, вероятно, уже забыл.

Он нырнул в палатку, но храп Скандерберга не прервался ни на секунду, поэтому юноша завернулся в плащ и одеяло и улегся в углу. Там он приподнял край палатки и выглянул наружу. Он увидел пони, которые ласково положили головы друг на друга, и Кетила, сидящего возле угасающего костра. Тот потирал руки и что-то бормотал про себя. При свете костра его нос казался еще краснее. Он потянул себя за нос, подергал уши. По всему было видно, что он очень доволен.

Звон меча не давал Килгору уснуть почти всю ночь. Дважды он звенел так громко, предупреждая о близкой опасности, что Килгор вскакивал и выглядывал наружу, однако на улице была кромешная тьма, и он ничего не мог рассмотреть. Скандерберг ни разу не проснулся, и храп его звучал непрерывно. Килгор наклонился и толкнул его. Но тут он обнаружил, что Скандерберга в одеяле нет. Там лежал свернутый в трубку плащ, а храпело какое-то существо, похожее на ящерицу, свернувшееся под подушкой. Когда Килгор схватил ящерицу, а затем отпустил, она перестала издавать из себя звуки, похожие на рев быка и кваканье лягушки. Килгор осторожно положил ее в карман, чтобы потом вернуть Скандербергу. Он выскользнул наружу и застыл в нерешительности. Старому колдуну, бродящему в ночи, полной страшных зверей, помощь, конечно, не нужна. Возможно, он даже сделался невидимым или принял какое-нибудь обличье. Килгор вернулся в палатку и улегся у входа. Он решил не спать, однако проснулся от того, что по нему ходили огромные черные сапоги Скандерберга.

— Килгор, ты вечно оказываешься под ногами,— проворчал колдун.— Почему ты решил спать здесь?

— Я хотел вернуть тебе это.— Килгор положил ящерицу в руку колдуна. Она тут же начала храпеть, закрыв глаза.

Скандерберг небрежно сунул ее в карман и нетерпеливо сказал:

— Может, ты поторопишься, чтобы мы могли ехать? Кетил уже готов в путь, и я давно проснулся. Не баландайся, Килгор, нам нужно выезжать немедленно.

— Значит, мы едем с Кетилом? — спросил Килгор, однако колдун пробормотал что-то неразборчивое и не очень приятное для Кетила.

— Я рада, что он одумался,— сказала Асни, скатывая одеяло.

На всех пони уже были тюки, но не было седел. Скандерберг руководил распределением багажа и страшно ругался из-за всякой задержки.

Вскоре караван тронулся. Впереди ехал Килгор, а замыкал шествие Скандерберг, держась как можно дальше от Кетила. Пони были полны энергии и коварства. Серый пони, на котором ехал Кетил, даже попытался сбросить его через голову. Если бы показалось солнце, то день был бы великолепным, однако даже густой туман казался приятным. Он создавал серебряную вуаль над озерами и острыми утесами. Килгор решил, что он никогда не видел более красивых мест. А когда он заметил стада пони, пасущихся на берегах озер, то буквально влюбился в эту землю. Наслаждаясь игрой пяти серых пони в долине, он спросил Кетила:

— Здесь всегда так много диких лошадей? Почему никто не хочет поймать и приручить их?

Кетил улыбнулся, показав острые зубы.

— Да, может любой. Вот, например, эти пони, на которых мы едем. Любой может приручить их без труда. Они любят людей, однако у них есть одна странность — они не любят, когда им дают имена. Тогда они становятся дикими.

— Слепнир на это не обращает внимания.

— Но это же не его настоящее имя. И я не могу назвать его вслух, иначе пони взбесится.

Килгор ехал молча, борясь со своим любопытством.

— А что если кто-нибудь случайно угадает их имя?

— Тогда мы будем без лошадей и в страшной опасности.

— О, тогда я не буду угадывать его. Тем не менее, может, ты мне скажешь его шепотом, чтобы я знал его?

— Конечно. Когда мы поедем там, где тропа идет по склону горы над озером, я скажу тебе имена лошадей.— Он лукаво подмигнул и опять дернул себя за нос.

Тропа шла в гору и начала извиваться среди утесов. Внизу сверкало черное озеро, которое казалось очень глубоким. Килгор придержал Слепнира и пустил его осторожным шагом. Пони, на котором ехала Асни, куснул сзади Слепнира, подгоняя его. Слепнир прижал уши и попытался лягнуть обидчика. Он, не обращая внимания на узкую тропу и обрыв в озеро, решил развернуться и укусить лошадь, идущую за ним. Скандерберг тревожно воскликнул, когда Слепнир встал на дыбы, а пони Асни отпрыгнул назад.

— Слепнир! — кричал Килгор, изо всех сил стараясь удержаться на нем.— Слепнир, ты сошел с ума!

Вскоре уже все пони зафыркали и тревожно косили глазами.

Килгор дергал за поводья, стараясь вернуть Слепнира на тропу. Вместо этого пони гневно заржал, а затем бросился вниз, к воде. Килгор скатился с него. Когда он поднялся, Слепнир уже бросился в воду, а вдогонку за ним полетели тюки с вещами и провизией. За ним в воздух взмыл пони Скандерберга и тоже нырнул в воду. Рядом с ним плюхнулись пони Кетила и Асни.

— Никуры! — воскликнул Скандерберг, борода которого была забита пылью от падения.— Я так и думал! Где этот предатель? Я должен немного поджарить его! Ах ты, крыса! Попытайся бежать! — Он бросился за Кетилем, который карабкался в гору, теряя свой плащ, сапоги, шляпу и другие вещи, как будто он начал линять. Он в отчаянии оглянулся и увидел, что Скандерберг поднял посох, произнося заклинание. В последнем отчаянном усилии человек рванулся вверх и поднялся в воздух. Затем послышался хлопок, появилось облачко белого тумана, мелькнула зеленая чешуя, и что-то маленькое и извивающееся нырнуло в воду.

— Черт побери! — Скандерберг опустил посох.

— Они не вернутся,— сказала Асни.— Они утонут?

— Не будь глупа. Это водяные лошади или никуры,— ответил колдун.— Это самые сильные лошади, они охотно понесут человека на себе, но только до реки. Там они ложатся на воду и топят своих всадников. Если вы посмотрите на их следы на земле, то увидите, что они направлены в сторону, противоположную той, куда идут пикуры. Я должен был заметить это сразу и прогнать Слепнира.

— Никуры! — Килгор глядел на противоположный берег озера, где он с трудом различал выбравшихся из воды лошадей, играющих на мелководье.

— Да, никуры,— сказал Скандерберг.— Они бегут по воде, как сумасшедшие. Они могли бы утопить нас, и все это подстроил этот мерзкий Кетил.

— Это моя вина,— сказала Асни.— Это я на этом настаивала. И теперь мы потеряли все.

— Ладно, Асни, не ругай себя. Я тоже не смог распознать предателя.— Подняв мешок, Скандерберг пошел по траве, нащупывая путь посохом.

Каким-то чудом сохранился еще один мешок. Он упал со Слепнира и застрял в трещине, Килгор с радостью схватил его, однако, тем не менее, это приключение стоило им половины багажа.

— Значит, мы все могли оказаться на дне озера? — вздрогнула Асни.

— А что касается Кетила,— сказал Килгор,— то я могу поклясться, что он в последний момент превратился в рыбу. Вы можете считать меня сумасшедшим, но я видел это своими глазами.

— Ты видел? — Скандерберг не замедлил шаг.— Тогда я не буду спорить с тобой. Этот безвредный человечек стал рыбой.

Килгор не стал обсуждать этот вопрос, почувствовав недовольство и раздражение Скандерберга. Когда они проходили мимо красной шапочки Кетила, Килгор поднял ее и с любопытством стал рассматривать. Меч на боку предупреждающе загудел и не прекращал своего пения, пока шапочка была у него в руках. Он испытывал странное искушение сунуть ее в карман. Однако он заколебался, и тут у него возникло видение владельца шапочки. И это было не широкое красное лицо Кетила. Он увидел лицо Барта-колдуна! Он решил швырнуть шапочку в воду, но в последний момент передумал и сунул ее в карман.

Скандерберг заметил это и быстро выхватил ее, как будто это была ядовитая змея. Он отшвырнул ее в сторону и сжег движением посоха.

— Идиот! Ты хочешь, чтобы о нас узнал каждый ледяной колдун? Никогда не бери ничего, принадлежащего ледяным колдунам.

— Особенно этому колдуну,— сказал Килгор.

К полудню долина никуров была забыта. Сильный ветер обрушивался на них с гор Трайидент. Тропа причудливо извивалась среди утесов, расщелин, сухих деревьев. Нужно было быть очень внимательным, чтобы не попасть в зама-

скированные трещины. Жесткая колючая трава цеплялась за их плащи. Килгор дышал на свои замерзшие пальцы и ворчал:

— Как бы мое желание спасти Скорпсей не замерзло в этих проклятых горах. Тролли, варгульфы и прочее звучит гораздо лучше в сказках.

— Хмм,— промычал Скандерберг.— Ты никогда не слышал о том, как Вультер и другие Вальсиды голодали всю зиму в Гардаре, о том, как они шли без воды и пищи?..

— О, не обращайтесь на меня внимания,— сказал Килгор.— Может же человек один раз пожаловаться.

— Ты хнычешь, не переставая.— Асни закуталась в плащ.— Героем может быть не всякий. Многие считают, что слишком много хлопот. Однако ты должен помнить одно, Килгор. Ты и «Килдруин» должны попасть в Гардар, даже если для этого нам придется связать тебя и тащить на руках. Для меня нет других путей. У меня нет теплого Брандсток-холла, куда я могла бы убежать и спрятаться. Вся беда в том, Килгор, что у тебя нет того, за что ты готов умереть. Вот почему ты все время стонешь, а не потому, что вспоминаешь о легкой жизни.

— И Шильброд не будет столь привлекателен, когда его фиорды замерзнут и вокруг будут скакать тролли,— заметил Скандерберг.— Я могу предсказать это с большой уверенностью. Если Сурта не остановить сейчас, то через год на Шильброд обрушатся морозы.

— А кто сказал о том, что нужно повернуть назад? — угрюмо спросил Килгор, до ушей заворачиваясь в плащ.— Идти назад такое же безумие, как и идти вперед. Но я надеюсь, что барды сложат песни об этих горах и о наших страданиях здесь. Слушая их песни, понимаешь, что героем быть очень приятно, хотя на самом деле это далеко не так.

Пока они беседовали, Скандерберг осматривал дорогу, где они прошли, в подозрную трубу.

— Крысы! — внезапно воскликнул он.

— Кто-то идет за нами,— объявила Асни.— Приготовься, Килгор. Кто это, Скандерберг? Мы отучим его следить за нами!

— Нет, нет! У меня какое-то чувство, что я пропустил что-то важное. Что-то забыл.

— Может, вернемся? — Килгор одновременно жаждал вернуться и не хотел этого. Он вспоминал о теплом очаге Хэлфскнолла, однако ему не хотелось делать второй раз трудный путь назад по холоду.

Скандерберг ответил:

— Нет. Ничего такого, из-за чего нужно было бы возвращаться. Ведь времени совсем мало. Если мы еще задержимся, то нас настигнет зима, не говоря уж о миньонах Сурта. Но мне бы хотелось вспомнить... — И он двинулся дальше, что-то бормоча про себя.

Килгор не обратил внимания на рассеянность колдуна. После горячего чая они снова двинулись в путь. Килгор осторожно шел по следам Скандерберга, а на особо крутых местах он опускался на четвереньки. Иногда тропа заводила их в тупик, и тогда приходилось возвращаться до развилки и идти по другой тропе. И весь день Килгор твердил себе:

«Пройдем еще немного, и тогда я потребую отдыха.»

Однако солнце уже клонилось к западу, когда он, наконец, окликнул Скандерберга:

— По-моему, уже пора подумать о лагере на ночь.

Скандерберг помолчал.

— Да, нам нужно остановиться сейчас, пока мы не выбились из сил. Но, пожалуй, лучше идти, пока солнце не сядет. Плато в полудне пути от нас, а там будет легко идти. Конечно, пока не начнем подниматься в горы Бурнт.

— Плато? — спросил Килгор. — Я думал, что мы уже перевалили горы Бурнт. — Он чуть не заплакал, однако удержался в последний момент.

— Нет, конечно, — сказал Скандерберг. — Ты не хочешь взглянуть на карту? Сейчас я покажу тебе.

— Не беспокойся, я помню. И, кроме того, чтобы достать ее, нужно распаковывать вещи.

— Мы почти прибыли к началу подъема. Плато — это как разбег для начала пути. Предыдущие горы всего лишь мелкие холмики по сравнению с горами Бурнт.

— О да, — пробормотал Килгор. — Мелкие холмики. — Он задрал голову и посмотрел на угрюмые утесы, окружавшие их. Они были так высоки, что даже птица с трудом бы перелетела через них. А они, оказывается, всего лишь мелкие холмики.

Они стали забираться выше. Ветер стал резким, сильным. Он завывал и старался скинуть их в пропасть. Килгор не жаловался. Ветер был таким, что забивал рот и не давал сказать ни слова. Каждый шаг вперед давался им с большим трудом. Несколько раз уже приходилось искать обход, когда попадались неприступная стена утеса или широкая расщелина. Камни под ногами были тронуты инеем и очень скользкие. Они выскальзывали из-под ног и катились вниз, вызывая целую лавину. Килгор зажмурил глаза,

когда Скандерберг бесстрашно прошел по самому краю глубокой пропасти. У него возникло сосущее чувство, что колдун ждет, чтобы и он прошел тут же. Сердце его ушло в пятки, когда солнце зашло за тучу и по всем признакам не собиралось показываться вновь. Однако он, сжав зубы, перебрался за Скандербергом.

Запад стал огненно-красным, облака вспыхивали пожаром. Оглядываясь назад, Килгор видел только острые вершины и глубокие пропасти, проглядывающие сквозь вуаль красного тумана. Южный горизонт, где находился Шильброд, казался невообразимо далеким и тоже был окутан туманом. Годы, проведенные там, казались теперь Килгору чудесным сновидением, чем-то, что никогда не существовало.

Красное небо стало темнеть, а они все еще лезли вверх. Вершина, если она была, совсем не придвинулась. Килгор, если и смотрел вверх, то только в поисках опоры. Это будет очень смешно, если вверху их не ждет никакого плато. Он уже почти наверняка поверил в это и был готов остановиться и крикнуть:

«Хватит!»

Но внезапно его рука нащупала не камень, а траву и почву. В изумлении он оглянулся и взглянул наверх. И вместо угрюмых утесов он увидел высокие вершины гор Череп, все еще освещенные лучами заходящего солнца.

Он ахнул. Горы были так близко, что он мог рассмотреть все детали. Он видел каньоны, ущелья, неприступные скалы, цепи утесов. На покрытых снегом вершинах покоились громады серых облаков. Еще никогда Килгор не ощущал силы и величия гор. Ведь он всю жизнь провел в благополучном Шильброде, вдали от всего этого. Он знал, что суровые неприступные горы опасны, однако здесь, у их подножия, он ощущал благоговейный трепет перед ними. Стена гор Бурнт отделяла их от гор Череп. Горы Бурнт были выше и страшнее, чем самые высокие горы в Шильброде. Но Килгор не мог отвести глаз от голубых вершин гор Череп. Он бессознательно стискивал в руке рукоять меча.

— Ну вот. Здесь и остановимся на ночь,— сказал Скандерберг Килгору, выводя его из состояния оцепенения.— Удивительные горы, не правда ли, парень? Они всегда очаровывают.

— Нам не перебраться через них,— сказал Килгор,— даже за миллион лет. Это не крепостные стены.

— Да, так оно и есть. Однако нам не нужно ломать голову, как перебраться через них. Во всяком случае, я надеюсь.— Он указал на северо-восток.— Вот она — черная

трещина между горами Череп и Трайдент. Это единственный путь через эти горы. На моей карте показан тайный проход через горы. Он ведет прямо, а затем сворачивает к западу. Я покажу вам карту.

Рассмотрев горы, Килгор сказал:

— Мне кажется, что путь через горы ничем не лучше Старой Дороги в Гардар. Так мы затратим даже больше времени.

— Чем дольше мы идем, тем дольше будем оставаться живыми,— угрюмо ответил Скандерберг.— Я не мог бы гарантировать, что мы не погибнем, если бы пошли в Гардар из Хэлфскнолла по дороге.

— И кто может сказать,— добавила Асни, появляясь с охапкой дров,— что сражения на каждом шагу не сделают путь по дороге дольше, чем путь через горы?

— Это верно,— согласился колдун,— а время нам очень дорого.

— Но с мечом... — начал Килгор.

— О да. Ты провел бы нас через все опасности,— ответил Скандерберг,— однако прорубать себе путь через лес голодных троллей — это просто авантюра.

— Я все же не вижу большой разницы между этими кошмарными утесами, с которых можно свалиться в любой момент, и кучей троллей,— сказал Килгор.

— Я вижу, что тебя ничего не страшит,— сказал Скандерберг.— Если тебе хочется сражаться, пойдем по дороге. Если же ты хочешь убить Сурта, пойдем в горы. Но, может, здесь есть другой путь? Пойду взгляну на карту.— И он поднялся и устало побрел за своей сумкой.

Килгор устроился поудобнее на каменной плите. Внезапно раздался ужасный крик Скандерберга.

Килгор мгновенно вскочил на ноги и схватился за меч.

Однако все, что он увидел, это был Скандерберг, вцепившийся в свои волосы в страшном отчаянии.

— Она пропала! — кричал он.

Глава 8

— Что исчезло? — спросила Асни, бросая дрова и хватаясь за молот.

— Опять карты? О, только не это! — Килгор стиснул меч.

— Нет, не карты. Хотя они тоже пропали. Случилось гораздо худшее. Как я мог? — бормотал колдун, садясь на камень и хватаясь за голову.

— В чем же дело? — нетерпеливо спросил Килгор.

— Все пропало? — спросила Асни.

— Да,— со вздохом ответил Скандерберг.— Кто-то, или что-то, украл мою волшебную сумку с картами, вещами, палаткой, телескопом и прочим снаряжением. И с пищей. Без провизии и вещей можно было бы обойтись, но что делать без моего волшебного аппарата, без книги заклинаний? Ведь я совершенно беспомощен.

— Полностью? — ахнула Асни.

— Почти. Я еще кое-что могу делать, однако, если возникнут чрезвычайные обстоятельства... — И он вздохнул и махнул рукой.

Килгор обдумывал важность потери, а затем спросил:

— А как же ты так долго не хватился ее?

— Что поделаешь. Я так долго не нуждался в ней, что не сразу заметил ее отсутствие. Последний раз я воспользовался ею, когда сотворил храпящую саламандру. А после этого... что могло случиться? — Он потянул себя за бороду, лоб покрылся морщинами.

— Это Кетил... или Барт,— сказал Килгор.— Это он похитил сумку утром, когда мы паковались. В следующий раз, когда мне снова представится возможность, я позволю «Килдруину» отрубить ему голову.

— Я думаю, следует вернуться к озеру и отыскать Барта,— сказала Асни, цепляя молот к поясу.— Я пойду одна. Я знаю, где мне найти вас потом.

— Нет, пойду я,— твердо сказал Килгор,— у меня меч.

— Пойдем вдвоем. Согласен?

— Согласен.— И они крепко пожали друг другу руки.

— Я против,— сказал Скандерберг.— Никто не пойдет назад. У меня в кармане есть маленький компас и еще кое-что. А пищи нам хватит до Беорстада, крепости альфаров. Если мы сейчас пойдем назад, то Сурт может быть уверен, что мы сюда уже не сможем вернуться. Вы согласны со мной?

Асни и Килгор неохотно кивнули.

— Ну и хорошо. На сегодняшний обед у нас будет чай и то, что мы сумеем наскрести. Начнем готовить пищу прямо сейчас.

Он достал мешочек, наполненный каким-то зерном, и быстро прочел лекцию Килгору, как готовить его. Вкус у этого блюда был вполне приличным, а к тому же оно обладало каким-то магическим свойством — создавало впечатление сырости. И все же ночью Килгору снились празднества в Брандсток-холле, туши быков и баранов, насаженные на вертела и вращающиеся над огнем.

Утром, когда он проснулся с этими приятными воспоминаниями, ему снова пришлось пить чай и есть холодные лепешки из зерна. Но у Килгора не было времени, чтобы стонать и жаловаться. Скандерберг быстро собрал вещи и стал подгонять их в путь. Ночной холод все еще сковывал землю, когда они двинулись по тропе вдоль плато. Сухая трава пружинила под ногами, и идти было легко. По пути попадались колючие кусты, которые вцеплялись в их плащи. Поросшие мхом камни казались какими-то неизвестными морскими чудовищами. В защищенных от ветра ложбинах росли незнакомые вечнозеленые растения. Изредка слышались крики птиц, нарушавшие зловещую тишину плато. Какие-то зверушки шмыгали от камня к камню и встречали путников злобным криком, когда те невзначай приближались к их норам.

Солнце скрывалось за громадами гор Бурнт и Череп до самого полудня. Далеко внизу на юге среди скалистых утесов еще стоял серый туман, а путники уже шагали по плато. Отсутствие солнца обманывало Килгора, ему трудно было поверить, что уже день, так как солнца не было и в долине царил полумрак. Но зато оно освещало ее очень долго, хотя внизу на земле давно наступила ночь и скрыла все под своими черными крыльями.

После двух дней пути начался подъем. Появились скалистые утесы; Скандерберг часто обращался к своему компасу, и по всему было видно, что он доволен. Он удовлетворенно хмыкал и дергал себя за бороду. И однажды он объявил:

— Мы будем в Гардарском ущелье через три-четыре дня. Так что утрата карт не выбила нас из расписания.

— И ты все же надеешься найти без карты тайный проход через ущелье? — с сомнением спросила Асни.

— Я почти уверен, что смогу, — быстро ответил колдун. — Путь у меня в голове. Да, я ясно вижу его. — И он вновь решительно пошел вперед, хотя уже наступал вечер и Килгор был готов предложить остановиться.

Когда они, наконец, остановились, ужин их опять был весьма скудным. Скандерберг сказал, что очень вредно набивать желудок натошак, и они снова пили чай и ели зерно. После такого ужина Килгор улегся у огня и стал всматриваться в темноту, надеясь, что какой-нибудь любопытный зверек забредет на свет костра. Затем со вздохом он повернулся, чтобы согреть бок и лицо. Он обнаружил, что когда одна часть тела замерзла, то человеку все равно холодно, независимо от того, что другая его часть буквально поджаривается на огне. Наконец, он завернулся в плащ и

последовал примеру Асни, которая уже лежала возле нагретого камня. Он попытался уснуть, но только сон начал приходить к нему, как он услышал, что Скандерберг издал какой-то звук. Килгор взглянул на колдуна, который сидел у костра. Глаза его под надвинутым капюшоном казались раскаленными углями.

— Что с тобой, Скандерберг?

Колдун вздохнул и склонил голову.

— Это я вспомнил сумку. Потеря не так велика: мы можем все сделать и без магии. Однако меня беспокоит, кто это сделал. В сумке есть заклинания, которые могут превратить простого колдуна в мага первого ранга. Я боюсь, что это может случиться.

— Значит, это Барт,— сказал Килгор.— Он теперь действительно очень опасен?

— О, он может испортить нам всю игру, особенно если сумеет воспользоваться моими заклинаниями для своих дьявольских дел. Ведь там есть многие заклинания, которые я создал сам. Они могут дать ему достаточно могущества, чтобы... он не закончил свою мысль, но Килгор прочел ее по выражению его лица.

— Он может украсть меч,— сказал он,— и соединиться с Суртом. А может, у него есть свои цели. Что он может сделать с мечом? Ведь меч с него ростом и такой тяжелый, что он не сможет поднять его. Он может прочесть надпись с помощью твоей магии?

Скандерберг не ответил, а только сказал:

— Пора спать. Ты никогда не ложишься без меча? Хорошо. Храни его все время у себя. Сегодня я сделаю вокруг лагеря охранный круг, потому что здесь без него нельзя. К счастью, для этого заклинания не нужны приспособления. Мой учитель научил меня, и я никогда не забуду этого.— Он поднялся, стряхнул пыль с одежды и взял свой посох. Прежде чем начать петь, он похлопал по драконьей голове на посохе.

Асни, всегда такая бдительная, встрепелась и стала прислушиваться. Глаза ее всматривались во мрак за костром.

— Что такое? — прошептал Килгор.

— Ничего,— ответила она,— просто показалось. Кто-то, или что-то, в темноте следит за нами...

— Оставь этих чудовищ на дневное время,— сказал колдун.— Сейчас будем спать.

Однако еще долго после того, как Килгор и Асни уснули, он продолжал сидеть у костра. Он стискивал в руке посох, то и дело поглядывая на слабо освещенную драконью

голову. Он внезапно выпрямился и устремил взгляд к границе лагеря. Там, слабо светясь, лежала его сумка.

— Значит, ты вернулась,— угрюмо сказал он.— Я посылал за тобой много раз. Надеюсь, ты будешь вести себя примерно и не позволишь себе вновь потеряться.

Он поднял ее, но что-то было не так. Она была безжизненной, обыкновенной сумкой, в которой не чувствовалось ничего магического. Скандерберг торопливо открыл ее и не нашел в ней ничего, кроме перьев из птичьего гнезда. Со вздохом он швырнул ее в огонь и опять сел на камень, удвоив бдительность.

«Значит, это Барт»,— решил он окончательно. Скандерберг поднялся и на цыпочках подошел к Килгору, чтобы убедиться, что меч в ножнах под правой рукой юноши. Он со вздохом снова вернулся к огню и уселся на камень.

Килгор спал. Он проснулся однажды, а может, ему это показалось, и увидел, что колдун жгет в огне свою сумку. После этого он не мог согреться. Земля под ним была холоднее льда. Ему снилось, что он заблудился в горах Бурнт и бродит там в белом тумане без плаща, без капюшона, без меча. Вокруг него бродили безмолвные тени — тролли, великаны, волки. Они следили за ним. Затем послышалось завывание, в котором ощущались горе и отчаяние, почти человеческие. Он инстинктивно схватил меч, и холодный металл вернул ему уверенность.

Затем он вновь провалился в сон и опять услышал тот же вой. Он стал громче и настойчивее. Он даже разбудил его! Килгор моментально вскочил. Вокруг них все еще была ночь, и Скандерберг сидел на камне возле угасающего костра. Он казался только тенью во мраке ночи.

— Успокойся,— прошептал он,— это варгульфы в ущелье. Буди Асни. Мне кажется, что нам придется драться.

— Я не сплю,— сказала Асни.— Давайте поднимемся на холм, тогда мы будем иметь некоторое преимущество. Скоро утро?

— Через несколько часов,— ответил Скандерберг.— Однако им хватит времени, чтобы схватить нас и вернуться через ущелье в Гримсшлаг до наступления утра.

— О, хоть бы их застало солнце,— сказала Асни.— Лучше умереть, чем быть рабами Сурта, как варгульфы.

— Он своих пленников превращает в варгульфов? — Килгор с содроганием вспомнил рассказы о варгульфах.

— Большинство людей Вультера Вальсида, а также жители Гардара. Теперь они по ночам волки, а днем — пленники Гримсшлага,— сказала Асни.— Такова судьба всех моих семерых братьев.

Жуткий вой раздался в ночи. Вскоре Килгор понял, что вой слышен уже на плато, все ближе и ближе. Он спросил:

— Неужели им не нужно остановок для отдыха?

— Они могут бежать миллион лет,— ответил Скандерберг.— Сурт поработил их навеки. Если варгульфа убивают, то Сурт возвращает ему жизнь в новом обличье. Единственная наша надежда — это безоблачный рассвет.

Вскоре они уже слышали топот ног по каменистой почве. Мелкая щебенка летела в стороны из-под когтей. И в бледном свете Килгор увидел с полдюжины черных теней, несущихся к их лагерю. Они кружили и вынюхивали, как будто искали путь. Но затем они устремились прямо вперед.

— Готовьтесь,— напряженно сказал Скандерберг, держа посох как факел. На лице его чувствовалась концентрация всех сил. Струя оранжевого пламени вырвалась из посоха и встретила предводителя. В свете пламени Килгор впервые увидел варгульфа. У него было тело огромного волка, однако морда не острая волчья, а плоская. У него были пушистый хвост и острые уши. Черты лица было трудно рассмотреть из-за шерсти, но Килгору показалось, что они больше человечьи, чем волчьи.

Он выхватил меч и ждал его пения, но меч молчал. Он был холодным и тяжелым в его руке. Он взглянул на него и онемел, не увидев его сияния и вязи древних букв. Крик Асни привел его в себя как раз вовремя, чтобы вонзить меч в шею варгульфа, прыгнувшего на него. На него тут же бросился второй. Он расправился с ним, однако тут первый, убитый им, уже вернулся к жизни и с удвоенной яростью бросился на юношу. Килгор слышал, как Скандерберг отчаянно пытается вспомнить заклинание. Наконец, он нашел одно, создавшее зеленое пламя, отшвырнувшее варгульфов назад, но они быстро поняли, что это пламя без жара, и снова кинулись вперед.

— О, черт бы вас побрал,— крикнул Скандерберг,— для вас нужно желтое пламя!

Асни действовала своим молотом направо и налево, убивая по варгульфу каждый раз. Килгору не везло так, как ей. Он больше ранил, чем убивал, а раненые варгульфы дрались с еще большим ожесточением. Один из них разодрал ему плащ, а другой, со сломанной спиной, вцепился мертвой хваткой в ногу и прокусил бы ее, если бы Асни не убила его.

— Эврика! — вдруг воскликнул Скандерберг, размахивая посохом.— Нашел! — Мгновенно все вокруг вспыхнуло ярким пламенем, и все варгульфы бросились без оглядки назад, в ущелье.

— Это я,— гордо сказал Скандерберг,— я вовремя вспомнил заклинание. Я знал, что смогу вспомнить. Истинный гений проявляется в том, что он всегда делает все вовремя. О, я... — И он стал оглядываться вокруг с подозрением.

— Это солнце,— сказала Асни,— солнечные лучи проникли через маленькую щель в горах Трайдект. Однако, как бы то ни было, мы спасены. Килгор, сколько варгульфов ты убил? Я насчитала тридцать шесть.

Но Килгор смотрел на свой меч и не слышал ее. Он сказал отсутствующим голосом:

— Скандерберг, это не мой меч.

— Что? Да нет же, твой. Как же ты убил столько варгульфов? Дай я посмотрю.— Колдун осторожно взял меч, взмахнул им несколько раз.— Да, ты прав. Альфары таких мечей не делают. Это очень плохая копия твоего.

— Но это же смешно,— сказала Асни.— Вы оба не спустили с него глаз ни на миг. Как могли его подменить?

Наступила долгая пауза, так как никто не мог ответить на ее вопрос...

— Очень просто. Меня тоже одурачили, подсунав сумку, которая оказалась не моей,— вздохнул Скандерберг.— Я решил, что моя сумка вернулась ко мне, и на секунду отвернулся от меча, чем и воспользовался вор, подменив меч.— Скандерберг сжал зубы в бессильной ярости.— О, если Барт когда-либо окажется у меня в руках, то все горги Бурнт не смогут спрятать его от моей мести. Он пожалеет о том времени, когда его предки тролли спустились на землю с Фимбул Винтер. Он даже не сможет себе представить, какие изощренные пытки может придумать Скандерберг, огненный колдун! — он закончил свою речь криком ярости и начал с остервенением бить землю посохом так, что посыпались искры.

— Что же нам делать? — спросила Асни.— Ты уверен, что это Барт?

— Так, как то, что меня зовут Скандерберг. Что же нам остается, как не выследить эту маленькую крысу в его логове и не отрезать его уши! Есть возражения? — По его тону было ясно, что возражать не следует.

— Есть.— Килгор всунул фальшивый меч в ножны.— Как мы будем преследовать колдуна, который может летать, может становиться невидимым, может менять свое обличье? Он будет смеяться над нами, когда мы будем охотиться за ним.— Килгор утрюмо смотрел на лабиринт утесов и горных ущелий, который ждал их впереди.

— Я могу выследить даже ветер над океаном.— Скандерберг ходил по лагерю и рассматривал следы.— Разве ты не знаешь, что поиски — это то, в чем я больше всего преуспел? Я могу отыскать жилища орлов, тайные холлы Эльбегаста, если захочу. И найти Барта для меня не составляет никаких трудностей, кроме самых натуральных.

— Как хочешь.— Килгор был так расстроен, что даже не ощущал голода. Меч и сумка потеряны, они сами находились в самом сердце зловещих гор, где полно троллей и жутких варгульфов.

Их неудачи, казалось, наполнили Скандерберга энергией. Весь день он шел уверенно вперед, иногда останавливаясь, чтобы взглянуть на компас. А потом вновь пускался в путь все с той же энергией.

К ночи они были у подножия гор Бурнт. Их лагерь был разбит в базальтовой пустыне. Когда-то, много лет тому назад, огромный вулкан взорвался, и застывшие потоки лавы образовали горы Бурнт — скопление фантастических ущелий и расщелин. Ветер завывал в скалах как скопище ведьм, а наверху, на леднике, все время раздавались скрип и треск — это трещал лед, медленнодвигающийся вниз. Такое место для лагеря не могло вызвать бодрости у путников, однако они слишком устали, чтобы подыскивать что-нибудь другое.

И ранним утром они уже опять были в пути, пробираясь между острыми камнями. К полудню они знали, куда ведет их Скандерберг. Он приказал остановиться, а сам сел подумать. Сильный ветер рвал его плащ, но он даже не замечал этого.

— Идти на Гардарскую Дорогу без альфарского меча — самое последнее дело,— сказал Скандерберг.— Даже с ним это почти безнадежное дело.

— Но что, если Барт идет по ней к Сурту? — спросил Килгор.— Ведь мы должны идти за ним.

— Да, и мы попадем туда быстрее,— сказал Скандерберг,— так как наш Гардар будет в желудках троллей.

— Слушайте меня,— сказала Асни.— Барт слишком жаден, чтобы делиться с кем-нибудь своей добычей, и особенно с Суртом. Он, скорее всего, захочет создать собственное королевство. Может, он направится в древнюю империю троллей Рикнесс?

— Рикнесс! — пробормотал Скандерберг.— Меня это не удивит. Ха, что это? Посмотрите, здесь кто-то прошел совсем недавно.— И он с торжеством показал на каменистую почву. Килгор ничего не увидел и сказал об этом. Тогда Скандерберг показал ему два сдвинутых обломка камня и

еле заметный след на земле. Муха оставила бы более заметные следы. Затем Килгор увидел, что голова дракона на посохе изрыгала пламя, когда она проходила по следам другого колдуна. Теперь он понял, как эта старая лиса ведет поиск.

След вел их все дальше в горы, туда, где не было никаких троп, и только тролли знали эти лабиринты. Скандерберг шел безошибочно, так как посох точно указывал ему путь. Лагерь для отдыха они устраивали в таких местах, куда раньше боялись даже заходить. Тут их дожимали духи до тех пор, пока каждый из них не произносил молитву. Даже Скандерберг жаловался:

— Я не знаю, почему мы идем дальше. Скоро мы останемся без нищи. Чтобы дойти до Гардара, пужна, по меньшей мере, неделя, даже если бы на пути не было троллей в ущелье. Однако, если мы будем гнаться за Бартом, чтобы отобрать меч, нам придется перелезть через горы Трайдект и суметь вернуться обратно. А это очень нелегкое дело, если ты не тролль или летучая мышь.

— Есть путь обратно,— медленно сказала Асни,— что-то припоминая,— хотя и очень трудный. Нам придется пройти через охотничьи угодья варгульфов. Теперь, когда они выследили нас, они не оставят нас в покое, так что чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

— О, моя дорогая нескоронованная Королева, что же ты предлагаешь? — спросил Скандерберг. — Я чувствую, что кровь моя стынет в жилах: не хочешь же ты предложить нам перебраться через горы Трайдект?

— Именно это.— Асни сложила руки на груди и нахмурилась. — Фортуна может не дожидаться нас, пока мы будем возвращаться обратно. И этот путь проделал один отряд во времена Второй Войны. Хотя два человека замерзли, один потерял обе ноги, еще одного кто-то съел, а один умер, раненный стрелой тролля. Однако, ведь это все вопрос везения. Человеку суждено умереть, когда придет его час, и фортуна тут ни при чем.

— Если это все случится с нами, то не останется никого, кто убил бы Сурта.

— Да, это верно,— согласилась Асни. — Скандерберг, что думаешь ты? Разумен ли такой риск?

Скандерберг думал в тишине. Затем он поднялся и принялся ходить взад и вперед, хмуря брови. Он, наконец, остановился и заговорил:

— Нам придется проделать этот путь. В нем много положительных моментов и самый главный в том, что никто не ожидает, что мы решимся на него. А кроме того, никто

за нами не может следить. Мы должны оседлать ветер везения, и если нас несет на Трайдент, то пускай он перенесет через вершины. Нам нужно идти через горы.

И без дальнейших споров он и Асни начали обсуждать маршрут, а Килгор в ужасе смотрел на них.

— Там же лежит древнее Царство Зла,— сказал он.— Оно охраняется белыми волками. Ни один смертный не смеет поставить туда свою ногу. Вот такова земля, где мы хотим идти.— Все это вызывало в нем ужас, но ему поневоле приходилось быть героем. Этой ночью он вряд ли сможет уснуть — ему будут чудиться жуткие страшилища древних стран.

В приподнятом настроении они поднялись на следующее утро и не были ни удивлены, ни разочарованы, что тропа ведет их прямо на восток, к ущелью, к горам Трайдент.

Когда они подошли достаточно близко к Гардарскому ущелью, то слышали дикое завывание ветра, который прорывался из Гардара через ущелье, чтобы обрушиться на южные прибрежные страны. Он рычал, путаясь в каменных утесах ущелья. Земля, где они шли, постоянно обдувалась ветрами, и каменные глыбы до того времени выветривались, что походили на волшебные замки или таинственных зверей. Путники говорили мало. Они торопливо шли среди этих жутких созданий природы, настороженно поглядывая по сторонам. Останавливались они тоже очень редко, причем каждый раз тщательно выбирая место для лагеря. Красное солнце выглядывало зловещим пятном из-за черных туч, когда они пришли к началу ущелья. Здесь они оказались перед трудной проблемой. Следы Барта вели прямо через ущелье, по его краю. Ведь он происходил из троллей и мог легко ходить по перпендикулярной стене.

Им следовало найти другой, более безопасный путь, а потом надо было снова отыскать след Барта, чтобы преследовать его.

Пока Скандерберг и Асни курили и обдумывали дальнейшие планы, Килгор с трепетом смотрел вниз. Это было огромное ущелье, такое глубокое, что Старая Дорога внизу скрывалась в туманной мгле. Это была как бы гигантская трещина в горах с абсолютно вертикальными стенами. Он вздрогнул, частично от ледяного воздуха, окутывающего ущелье, а частично от ужаса, охватившего его. Если его меч действительно очутился внизу, в этом ущелье, то, вероятно, Килгору уже никогда не увидать свет дня. Ведь там, внизу, он был уверен в этом, легионы троллей поджи-

дают путников. Они жаждут убийства. Он с трудом оторвался от края ущелья. Он знал, что зло окружает его, что злые силы бродят внизу, в нетерпении ожидая его, а может, уже смотрят на него, следят за ним, выжидая удобный момент для нападения. Он встряхнул головой и постарался думать о своих славных предках — Вультере и Вальсиде, — чтобы вернуть себе мужество. Однако страх встал комком в его горле и мешал говорить.

— В чем дело? — спросила Асни. — Ведь не боишься же ты кучки троллей?

Килгор неопределенно пожал плечами, но затем не выдержал и воскликнул:

— Почему, конечно, боюсь. И если у вас есть здравый смысл, то и вы боитесь. Рассказы о героях очень интересны. Однако это всего лишь рассказы. А внизу нас ждут настоящие тролли.

Асни проглотила комок в горле.

— Ты прав. Я тоже боюсь. Но теперь, когда я сказала об этом, мне стало легче.

Килгор кивнул. Скандерберг молча показал на запад, и они пошли за ним без споров. К тому времени, как они нашли путь вниз, пошел снег, который скрыл ущелье белой завесой. Крутой спуск был очень трудным и опасным, к тому же падающий снег делал дорогу скользкой и еще более опасной.

Все, что они слышали, это свист ветра и шуршание снега. Когда они добрались до дна, то стены ущелья как бы сомкнулись у них над головами. Внизу было темно, тихо и страшно.

Наступил уже серый вечер. В ущелье завывали ветры, и этот жуткий вой грозным эхом перекатывался в горах. Снежные вихри набрасывались на путников, пока они пробирались через кусты и камни на Старую Дорогу. Здесь они увидели бесчисленное множество следов троллей, пересекающих дорогу в разных направлениях. Эти следы были похожи на следы огромных птиц. Везде валялись разбитые ящики, бочки, разорванные тюки. Поодаль лежала перевернутая телега, и лошадиные следы терялись в куче следов троллей. Следов человека, владельца телеги, не было видно нигде.

Они торопливо оставили следы жуткой сцены позади. Они нашли тропу на другой стороне дороги и взобрались на утес в рекордное время. У Килгора перед глазами стояла жуткая картина нападения на путешественника, и ему казалось, что у него за спиной слышится жаркое дыхание троллей.

Скандерберг сразу же стал искать следы Барта. Однако никаких следов он не нашел. Даже на той стороне, где Барт, вероятно, спустился в ущелье. После часовых безрезультатных поисков Скандерберг сел на камень.

— Теперь все ясно,— сказал он со вздохом.

— Барт не перешел на эту сторону,— ответила Асни.— Скорее всего, он пошел по дороге в том или другом направлении, хорошо зная, что мы побоимся идти за ним.

— И мы не пойдем,— сказал Килгор. Какая-то тупая боль пронзила его спину, ладони вспотели.— Мы лучше найдем безопасное место, чтобы отдохнуть ночью. Здесь, наверху, троллей, наверное, меньше, чем внизу.

И они молча пошли сквозь снег. Килгор старался не терять из виду следы Скандерберга. Это помогало ему забыть о том, как он несчастен. Но столкновение со спиной колдуна вывело его из этого ступора. Он вдруг увидел на склоне горы вход в пещеру. Он сразу понял, что это.

— Логово троллей,— прошептал он.— Идем отсюда!

Скандерберг не двинулся.

— Троллей внутри нет. Дверь открыта настежь! Я не удивлюсь, если там найдутся пища и дрова для костра.

— Не буду спорить, так как ничто не сможет заставить меня войти в пещеру,— сказал Килгор.

Глава 9

— Значит, ты хочешь стоять здесь на ветру и морозе, пока мы с Асни греемся у потрескивающего огня и поедаем запасы троллей? К тому же темнеет.

— Я этого не говорил. Если ты уверен, что там есть еда и нет троллей, то я, пожалуй, войду туда.

— Я уверен, что там есть еда. Тролли всегда запасаются. Они довольствуются вполне простой и здоровой пищей. Однако они не могут удержаться, чтобы не утащить в свою пещеру то, на что наложили свои лапы, даже если это им вовсе не нужно. Это то, что я называю клептоманией.— И Скандерберг решительно зашагал к пещере.

Это было темное отверстие в горе. Круглая дверь, окованная железными полосами и без ручки, была открытой. Ржавые петли немилосердно скрипели. Скандерберг сунул туда голову и крикнул:

— Хэлло, тролли! Есть кто дома?

Никто не ответил, и они вошли.

В очаге были сложены дрова, и над ними висел большой черный котел. Скандерберг брезгливо снял его и

нашел какую-то посудину. Он хотел вымыть котелок, который, наверное, не чистился годами, и грязь буквально въелась в него. В пещере стоял запах плохой кухни. Запах гнили исходил от небрежно брошенной в угол кучи провизии. В балках над головой устроили себе гнездо большие крысы. Сами балки были покрыты сажей, которая сыпалась на все. Разбитые черепки валялись в углу. Здесь не было метлы. Сломанные стулья и столы, которыми, очевидно, разжигали костер, кости и рога зверей, лохмотья и одежда — все было брошено по углам и составляло обстановку жилища троллей. Да и запах был такой, что Килгор подумывал, не подождать ли ему на улице.

Скандерберг сотворил огонь в очаге и расхаживал среди котелков, готовя грандиозный ужин. Тем временем Килгор и Асни копались в одежде, отбирая то, что им может понадобиться в дальнейшем пути. Килгор часто оглядывался на дверь, ожидая увидеть толпу разъяренных троллей.

— Скандерберг, ты готов идти? — спросил Килгор, набив мешок до отказа.

— Идти? Конечно, нет. Мы останемся здесь, пока не согреемся, не обсушимся и не наедемся. — Он даже не повернул головы, так как следил за кипящим котелком.

— Но тролли! Они же могут вернуться в любой момент!

— Нет, если дверь заперта, они не войдут.

Килгор потерял дар речи. Он почти в беспамятстве забегал по пещере. Ужас его увеличивался с каждым мгновением. Завтра — сказал он себе — их кости будут трещать в этом очаге.

Он знал, что если колдун что-то решил, то переубедить его невозможно. Однако... однако приятно обогреться, обсушиться и съесть что-нибудь вкусное после стольких дней воздержания. Найдя последний уцелевший стул, он притащил его к очагу. Скандерберг бесцеремонно уселся на него и небрежно бросил:

— Благодарю.

— Пожалуйста, — ухмыльнулся Килгор, садясь на камень.

— Мне кажется, это покинутое логово, — сказала Асни, усаживаясь у огня на череп какого-то несчастного животного.

— Их жилища всегда выглядят покинутыми, — ответил Скандерберг, — независимо от того, сколько их здесь живет, двое или двадцать.

— Надеюсь, что здесь живут не двадцать,— заметила Асни.— Если они придут, то для нас будет лучше, если их будет мало.

— Но мы же уйдем отсюда до того, как они явятся сюда, верно, Скандерберг? — забеспокоился Килгор.

Колдун уже храпел на стуле, держа ложку в руке.

— Скандерберг! — негодуя крикнул Килгор.

— Я слышал все, что вы говорили, и полностью согласен с каждым вашим словом. Полагаю, что никто из вас не чувствует себя вором от того, что ест пищу троллей? Запах восхитительный.— Он держал блюдо с кусками мяса.

Все начали жадно есть, и вдруг у дверей началась какая-то возня. Кто-то старался открыть дверь, а затем начал стучать руками и ногами. Раздался хриплый голос:

— Кто в моем логове? Открой сейчас же! Для чего закрывали дверь! Это ты, Скулфинг?

— Ты один? — искаженным голосом спросил колдун.

— Конечно. Ты же знаешь, что нельзя никому доверять...

Скандерберг быстро откинул засов, отошел в сторону и впустил гостя. Это был, конечно, тролль. И его удивление при виде непрошенных гостей было таким же, как и у наших путников. Он вскрикнул и ужасно побледнел. Его близна странно выглядела под черными волосами, покрывающими его лицо. Мелкие черты лица исказили страх и ненависть, он заметно дрожал под чересчур большим плащом, доходившим до пола.

— Что это? — он крикнул так хрипло, что его было трудно понять.— Вы убили бедного старого тролля, ворвались в его дом и поедаете его запасы! За всю свою жизнь я еще никогда не слышал о таком коварстве, о такой жестокости...

— О какой жестокости ты говоришь? — перебил его Скандерберг.— Любой тролль именно так и поступил бы, разве нет?

Тролль отчаянно замигал глазами.

— И вас никто не приглашал!

— Нам некогда было ждать приглашения,— сказал Скандерберг.— Погода слишком плохая.

Килгору стало смешно. Тролль вовсе не казался страшным. Он был похож на старого бродягу в украденном плаще. Тролль вздохнул.

— Что же вам нужно от меня? Может, вы отпустите меня?

— Нет, пока не скажешь, где прячется колдун Барт.

— В этих горах нет колдунов,— рывкнул тролль.— Мы их не любим за их заклинания.

Килгор еле удержался от смеха.

— Тогда, может ты видел маленького старого мошенника, который плелся по горам, волоча за собой меч такого же размера, как и он сам? — спросил Килгор. — И в грязном плаще с капюшоном, в больших сапогах с загнутыми носками?

— В голубом шарфе и разных перчатках?

— Да!

— Со злыми косыми глазами?

— Это он!

— И со старым сучковатым посохом?

— Да, да. Это он!

— Нет, я не видел его, — коротко сказал тролль и сложил руки на груди.

— Скажи мне, Асни, — спросил Скандерберг, поглядывая на тролля, — у вас, в Гардаре, едят троллей?

— Конечно. — Асни вытащила нож и стала точить его. — Жареный тролль — самое лакомое блюдо.

Тролль съеживался прямо на глазах, в ужасе глядя на тех, кто пленил его. Он что-то пробормотал на своем языке, а потом сказал:

— Вы настоящие бандиты. Как вы можете съесть разумное существо?

— Ну, тролли ведь совсем другое дело, они же не люди, — сказал Килгор.

— Хорошо, съешьте меня. Вы видите, я не боюсь. Однако вы совершите ужасное злодеяние, и оно не принесет вам добра.

— Чепуха. Тролли очень вкусны, — сказала Асни. — Найди большой котел, Килгор. И немного перца. Ведь у тебя же нет здесь картошки и ароматных трав? — спросила она тролля.

— Глупо запихивать в живот то, что пригодится вашей голове, — сказал тролль, тревожно моргая.

— Это звучит как загадка. — Скандерберг бесцеремонно схватил испуганного тролля за ворот. — Давай-ка без загадок. Во всяком случае, до ужина.

Тролль, видя нешуточные приготовления, задрожал.

— Смотрите сюда, — крикнул он. — Вот много мяса, гораздо более вкусного, чем старый тролль.

— Странное предложение, — сказал Скандерберг. — Ты говорил другое: что ты можешь быть полезен.

— Да, да, да. Я могу вам сказать кое-что, что вы хотите знать. Если вы меня не съедите, — голос его понизился чуть ли не до шепота.

— Что ты можешь сказать? Мне кажется, что ты кого-то боишься? — спросил Скандерберг.

— Тиш! Здесь могут быть подслушивающие уши! — в ужасе пролепетал тролль.

— Ну и что? Уши для этого и существуют,— хмыкнул Скандерберг.

— Но это уши врага и вам, и мне,— проделжал тролль.— Если вы отпустите меня, я скажу вам все, что вы хотите знать.

— Ну, хорошо.— Скандерберг отпустил тролля, и он сразу же забрался в темный угол. Он сидел, шипя и бормоча, закутав голову в свой плащ.

— Ну? — нетерпеливо спросил Скандерберг.

— Что вы хотите знать? — Тролль уже не казался таким напуганным.

— Где Барт? — резко спросил Скандерберг.

— Это трудный вопрос,— зевнув, пробормотал тролль. Его желтые зубы показались Килгору длинными и острыми.

— Килгор! — крикнул Скандерберг.— Готовь котел!

— Однако, не очень,— поспешно отозвался тролль.— Мне нужно время, чтобы подумать. Ведь очень трудно вспомнить, что делают колдуны, особенно такие, которым верить нельзя.

— Ну и думай, сколько тебе угодно,— устало сказал Скандерберг.— А тем временем закипит вода.

— О, это обязательно. Я уже вспомнил!

— Отлично, где он?

— Я вновь забыл.

— Килгор!

— Память — очень капризная штука. Быстро ускользает.— Тролль с тревогой посмотрел на Килгора.— Барт колдун... э... Барт маг...

— Нет, нет, нет,— крикнул Скандерберг.— Я бы не отнес ни одного из этих почетных титулов на счет Барта.

Скандерберг кивнул огню, и тот моментально вспыхнул очень ярко и осветил всю пещеру. Даже крысы заматались в своем гнезде, пытаясь найти укрытие от света.

— О, огненный колдун! —воскликнул тролль.— И что за дело у таких, как ты, к таким, как Барт?

— Слишком много ты болтаешь! — рывкнул Скандерберг.

— Наверное, важное дело? — сказал тролль.— Я знаю, что между вами идет вечная вражда.

— Прибереги для себя свои размышления, тролль. Мне кажется, что в этой пещере вражда более сильная. Отвечай на мой вопрос, или я немедленно брошу тебя в кипяток.

— Хмм. Пустые угрозы,— тихо пробормотал тролль.

— Тебе не придется долго думать, если ты не скажешь где Барт,— заметил Скандерберг. Он вытащил свой короткий острый меч и начал любовно его поглаживать.

— Я умру, если скажу,— сказал тролль.— И умру, если не скажу. Судя по всему, я уже мертвый тролль. Да, я видел Барта с большим мечом не более трех дней тому назад. Я уверен, что он направлялся в старую столицу Рикнесса Трондхейм.

— Трондхейм... Давненько я там не бывал.

— Вы быстро попадете туда, если пойдете через Блайк Пик, однако я сомневаюсь, что вы придете туда живыми.— Маленький уродец улыбнулся, а может, сделал гримасу.

— Что Барту нужно в старом Трондхейме? — настоятельно спросила Асни.

— Барт — новый император троллей, как он сказал,— ответил тролль.— Король Тронд все еще в тюрьме, и Барт без труда захватит власть, так как никто из нас не думает о такой чепухе, как короли и королевства. Мы уже давно решили, что любая власть незаконна. Нам очень не нравится, что Барт решил нарушить наш главный закон, а кроме того, он только наполовину тролль, и характер у него хуже, чем у самого сварливого и желчного тролля. Это, конечно, кровь людей делает его таким.

— Придержи язык, тролль,— предупредила Асни.

— Хорошо. Но сначала я хочу предупредить вас. Остерегайтесь трех путников. Говорят, что они хотят уничтожить самого великого Лорда Тьмы Сурта. Лично я считаю, что шансов у них не больше, чем у полевой мыши.

— Плевать на твои предупреждения,— сказал Скандерберг.

— Конечно, вы-то можете не думать об этих троих. Однако каждый тролль, привидение, великан и другие жители нижних стран должны при встрече уничтожить их. Они поклялись в этом Барту.

Скандерберг крикнул:

— Где котел? — и решительно поднялся на ноги. Тролль в ужасе задрожал и забился в угол, как затравленный, глядя на своих мучителей. Он жалобно пролепетал:

— Это очень ценный меч... и странный... Сделанный альфарами... говорят... — Тут же он закрыл глаза и уснул, засвистев носом, как чайник.

— Он знает нас,— тихо сказал Килгор.

Скандерберг угрюмо кивнул, тем временем очищая тарелку с мясом.

— Хлеб очень черствый,— сказал он.

Когда они кончили ужин, тролль все еще хранил. На улице стало темно. Скандерберг все еще не собирался уходить. Для Килгора эта пещера вовсе не казалась приятным местом для отдыха, тем более, здесь же был и тролль.

— Скандерберг! — Он толкнул колдуна, чтобы разбудить его.— Мы не можем оставаться здесь. Это жуткая грязная дыра, и я не верю, что этот наш маленький друг не воткнет мне нож под ребро.

— Но здесь зато тепло.

— Я лучше буду спать в палатке, чем в одном помещении с троллем. А что если он голодеи?

— Здесь же есть мясо. Да и прочие припасы.

— Здесь есть и мы. Идем отсюда! Быстрее!

— О боги! Ну, хорошо, раз уж ты так настаиваешь...

Вдруг послышался треск, и они почувствовали струю холодного воздуха.

— Тролль! — крикнула Асни, мгновенно придя в себя.

Тролль уже исчез. Они бросились к двери и выскочили в ночь. Его уже не было и следа. Однако так и должно было быть, так как тролли могли растворяться в темноте, и их птичьи ноги моментально уносили их, так что человек не мог представить, куда девался тролль, который только что был рядом.

— Ну вот. Теперь нам ничего не остается, как бежать, и как можно быстрее,— сказал Килгор.— Он знает, кто мы. Барт предупредил троллей, чтобы они не пропускали нас. И теперь он уже несется к Барту или к своим друзьям. Во всяком случае, оставаться здесь нам нельзя.

— Теперь мы знаем, где искать Барта. Рикнесс! — сказала Асни.— Я даже помню войны между троллями. Они воевали, когда я была ребенком. Я не думаю, что это далеко. Мы сможем попасть туда завтра, если, конечно, тролли сегодня ночью не унохают нас.

— О, это я могу предотвратить,— сказал Скандерберг.— Шепотка белой пудры...

— Идем быстрее,— настаивал Килгор, он совсем разнервничался. Он уже представлял себе легионы троллей, которые поджидают их в засаде, хватают и бросают в страшные подземные камеры в Трондхейме.

Они быстро разобрали свою поклажу и скорым шагом пустились в путь. Снег все еще шел, но теперь это уже были твердые белые кристаллы. Скандерберг вел отряд. Свет драконьей головы освещал им путь. Компас был в руке

колдуна, и тот все время посматривал на него. Несколько раз он предупреждал их, и они распластывались между камней, когда мимо проходил отряд троллей.

— Такого никогда не было,— сказал Скандерберг.— Здесь слишком опасно, они все равно найдут нас утром, нам не уйти от них.

— Все горы забиты троллями,— ответила Асни.— Их слишком много, чтобы пытаться победить их и остаться живыми. И мы даже не можем рассчитывать на приличные похороны, так как эти субъекты съедят нас безо всякого сожаления и колебания.— Она тревожно осматривалась по сторонам, помахивая молотом.

— Здесь есть только один сравнительно безопасный путь,— сказал Скандерберг.— Обратно в логово троллей.

— Ты сошел с ума! — воскликнул Килгор.

— Ничуть. Это было первое место, которое они осмотрели и нас там не нашли. У нас нет ни малейшего шанса пройти здесь сегодня ночью, когда буквально все тролли разыскивают нас. Идем. Смерть там ничуть не хуже смерти здесь.

И, не слушая никаких возражений, он быстро пошел в пещеру троллей. Там был еще больший беспорядок, чем раньше. Пещера выглядела так, будто здесь прошла целая армия, крушившая все на своем пути.

Однако Скандерберг подбросил в очаг несколько ножек стульев, расстелил свое покрывало и улегся у огня. В следующее мгновение он уже храпел так, как будто горы Трайидент никогда не видели ни одного тролля.

Асни и Килгору не оставалось делать ничего другого, как последовать его примеру. И уже через десять минут в пещере все спали крепким сном.

Глава 10

— Ну вот и она,— сказал Скандерберг. Уже был полдень. Они стояли на вершине холма и смотрели вниз на глубокую каменистую долину. На другой стороне узкого замороженного фиорда находился Трондхейм, вернее, остатки его. Когда-то здесь были десятки жилищ троллей в пещерах, но теперь многие из них обвалились. Вокруг трех больших пещер с грубыми деревянными дверями валялись кости и черепа. Тропинки огибали холм и вели к центральной пещере, где было больше всего хлама и грязи. По склонам холма были раскиданы разломанные ящики и бочки.

— Это, конечно, жилища троллей,— сказала Асни.— Вероятно, это Трондхейм.

— Так что же нам делать? — спросил Килгор.— Вежливо постучать и спросить: здесь ли Барт?

— А у тебя есть идея получше? — спросил Скандерберг, изучая долину в подозрную трубу. Снег забивался в складки его плаща и бороду.— Что бы это могло значить? — воскликнул он, направляя трубу к фиорду. Он показал на темную полосу, которая тянулась между камнями, вдоль кромки льда, поднимаясь на холм и скрываясь в главной пещере. Это были сотни троллей, спешащих по делу, что весьма редко наблюдалось среди троллей.— Серые тролли. Самые разные. Давно я их не видел, и это мне совсем не нравится. Если бы я ничего не знал, то решил бы, что старый король троллей Тронд вернулся, и тогда бы я знал, что произошло с Бартом, моей сумкой и «Килдруином»... — Он спрятал трубу, крепко взял посох и решительно пошел прямо к главной пещере Рикнесса. Килгор и Асни осторожно шли за ним. Они ждали битвы, как только тролли заметят их. Килгор держал руку на мече Барта, хотя прикосновение к нему не успокаивало его. Если бы это был «Килдруин», то, Килгор был уверен, он уже пел бы свою боевую песню. Здесь было грязно и стоял ужасный запах. Везде валялись кости, черепа, гнилой картофель.

Не колеблясь, Скандерберг постучал в дверь своим посохом. Раздался такой звук, как будто за дверью была просторная пещера. После некоторой возни послышался голос:

— Кто там?

— Трант, трант и все тролли пещеры! — утробным голосом сказал Скандерберг. Послышался звук отодвигаемого засова, звон цепей. Колдун шепотом сказал:

— Встаньте рядом со мной и не открывайте рта!

Маленький тролль бесстрашно смотрел на пришельцев, хотя он доходил всего лишь до пояса Килгору.

— Кто вы? Откуда вы знаете тайный пароль Трондхейма? — спросил тролль.

— Я старый знакомый Тронда,— сказал Скандерберг.— Я слышал, что он бежал из подземной тюрьмы, и я пришел засвидетельствовать ему свое почтение. Передай ему, что пришел Скандерберг, и ты поймешь, что он знает меня.

Маленький тролль почесал ухо ногой.

— Это не по правилам — пускать посторонних в Трондхейм, но раз вы знаете пароль... — Огромная дверь широко раскрылась, и тролль движением руки пригласил их.

Килгор несколько раз поскользнулся на мокрых ступенях. Грубые ступени вели их ниже и ниже, в огромную комнату, освещенную двумя факелами. Сотни троллей носились в разных направлениях, таская посуду, мебель, тряпки и прочую рухлядь. Килгор тут же понял, что тролли производят генеральную чистку пещеры. И не только от грязи. Они выгоняли из пещеры ее прежних обитателей, кричащих и упирающихся. Их выкидывали из пещеры под приветственные крики троллей.

Килгор тут же потерял след их провожатого. Здесь снова были дюжины и дюжины троллей, скрывающихся в коридорах и выскакивающих из других коридоров. Скандерберг, вероятно, хорошо знал, куда идти. Он прямо перешагивал через троллей, даже не прося извинения. Тролли с любопытством смотрели на трех незнакомцев. Молодые останавливались, забыв обо всем, и смотрели с раскрытыми ртами на них, пока чувствительный удар старшего не заставлял их вернуться к выполнению задания.

Большой тролль загородил им дорогу в боковой туннель.

— Что это за люди? Пленники? Ты не должен был приводить их в Трондхейм. Король Тронд сейчас слишком занят и не желает, чтобы его беспокоили. Он прикажет отрубить вам головы, если вы нарушите его приказ.

— Это не твое дело,— сказал их проводник, оттолкнув другого тролля в сторону и приглашая их пройти в большую комнату. В центре комнаты стояло самое большое кресло, на котором восседал самый большой тролль из всех. Возле кресла толпились тролли. Возле него горели два факела, и Килгор с трепетом посмотрел на короля Тронда. У него была огромная голова с шерстью между ушами, причем одно ухо было каким-то жеванным. Шерсть на лице тролля была серебристого цвета. Он сидел, скрестив серые чешуйчатые лапы с когтями. Мановением лапы он отослал троллей, собравшихся вокруг него, прочь и презрительно зевнул, когда серые тролли начали выталкивать их.

— Что дальше, Блигли? — спросил король Тронд тролля, сидящего возле него на бочке.— Я надеюсь, что этих идиотов больше не будет? Видел ли ты когда-нибудь больших дегенератов, чем эти?

— Никогда,— сказал Блигли.— Одно дело быть троллем, однако совсем другое быть троллем-анархистом. А что мы будем делать с безнадежным кретином, которого мы бросили в подземелье? Я пошлю Блофи, чтобы он притащил его сюда, если он еще жив. Мы должны сурово нака-

зять его. Я вообще не уверен, что он тролли по рождению, как он говорит. С ним что-то не так. Мы должны попытаться использовать его, если сможем. Но если не сможем, он будет нашим опаснейшим врагом, не чета тем идиотам, которых мы только что выволокли отсюда. Небольшое наказание будет хорошим уроком для них, однако с этим нужно обойтись по-другому.

— Но сначала нужно выслушать его,— вздохнул Тронд, любуясь своими когтями.— Ведь мы всегда сграведливы, ты же знаешь.

Блигли пробежал мимо Скандерберга, Килгора и Асни, взглянув на них на бегу. Их проводник остановил его.

— Эти люди постучались в нашу дверь. Я не прогнал их потому, что они знают пароль. Сможет Тронд принять их?

— Конечно,— сказал Блигли, осматривая незнакомцев.— Я не видел людей уже тысячу лет. А это правда, что есть люди, которые едят друг друга?

— Правда, но только не цивилизованные, а дикари.

— О, ты сказал про дикарей, и я вспомнил, что иду за одним таким. Вы должны взглянуть на него. Только помните, он сумасшедший. Нет, такого зрелища я не пропущу ни за что на свете.— Он подтолкнул Скандерберга в направлении Тронда и крикнул:

— Скандерберг просит аудиенции у короля Тронда. Он сказал, что имеет важное дело к Королю.

Тронд выпрямился в кресле. Шерсть его поблескивала в свете факелов.

— О, это же Скандерберг,— сказал он, сморщив нос.— Мой любимый старый враг. Будь прокляты твои кости, Скандерберг, как ты жил последнюю тысячу лет, я часто думал о тебе в тюрьме.

Скандерберг вышел вперед и отвесил церемонный поклон.

— Я сам находился в заключении у Сурта почти двести лет. И ты часто вспоминал обо мне, потому что это я помог упрятать тебя в тюрьму. Однако теперь ты на свободе, и Трондхейм станет еще больше и лучше, чем раньше.

— О да,— с удовольствием протянул Тронд.— Очень приятно вернуться назад, несмотря на то, что здесь теперь омерзительная дыра. И холода. Как ты допустил это, Скандерберг?

— А что ты слышал о Фимбул Винтер? — как бы между прочим поинтересовался Скандерберг.

Тронд хитро взглянул на него.

— Немного. Только то, что скоро я смогу восстановить все свои прежние владения на Земле, а не ютиться в этих

грязных дырах. Об этом мне сказала одна очень важная личность, когда выпускала из темницы. А что ты слышал о Фимбул Винтер, Скандерберг?

— Ничего, кроме того, что она не придет. Ведь меч опять вернулся. Ты, наверное, слышал.

Тронд расплылся в улыбке.

— Конечно, я слышал, но он никогда больше не увидит дневной свет. Я оставляю его у себя в Трондхейме, и он никогда не выйдет отсюда. Ну, а теперь хватит болтать. Я вижу, ты, как всегда, голоден. Ты и твои друзья приглашаетесь на праздник к троллям. Блигли! Старая крыса, где ты? Устроим пир в честь наших гостей. Принеси столы и скамьи, лучшие вина и лучшую еду. Никакого почета будет недостаточно для моего старого врага и моих будущих врагов. Ты знаешь, я не люблю иметь возле себя друзей, однако я обожаю врагов.

— А что насчет этого? — спросил Блигли, втаскивая в тронный зал какой-то узел и поспешно отскакивая. — Ты лучше поговори с ним сейчас, потому что я не могу больше с ним возиться: он кусается.

— Скандерберг, прошу прощения, — сказал Король. — Я разделаюсь с этим делом побыстрее.

— Скандерберг? Скандерберг? — раздался знакомый голос. Пленник подкатился к сапогам Скандерберга.

— Друг колдун! Брат маг! Ты должен освободить меня от этих бесчеловечных троллей. Ты не можешь себе представить, как я рад тебе!

— Но не я, Барт, — сказал Скандерберг. — Правда, когда я вижу тебя в таком положении и вспоминаю, как ты оставил нас беззащитными перед варгульфами, которых ты сам же и вызвал, я тоже радуюсь. И эта проделка с никурами, когда ты украл мою сумку, тоже ничем не лучше.

— Я только одолжил ее, — самым правдивым голосом сказал Барт, пытаясь гордо выпрямиться, хотя его смехотворное положение становилось все комичнее. — Хотя мы с тобой разные, однако боремся с общим врагом.

— Отлично! Еще вчера ты был троллем, — сказал Тронд, — а теперь уже колдун. Очень переменчивая личность. Может быть, ты будешь лучшим Королем, чем я?

Полумрак в дальних концах тронного зала заколебался. Собрались тучи троллей, чтобы послушать, что скажет этот лжетроль. Маленькие тролли копошились внизу, а затем, чтобы лучше видеть, стали залезать на больших троллей. Очевидно, маленьким троллям прощалось здесь многое.

Барт закутался в свои лохмотья.

— Я поступил так, как считал нужным. Это я подготовил троллей к приему Короля. И разве я не освободил трон, когда вернулся настоящий Король? Я не имел намерения сопротивляться его божественному праву на свой трон.

— Если это так, то почему же ты сопротивлялся серым троллям зубами, когтями и угрожал расправиться с ними с помощью своего колдовства? Мы вынуждены были бросить тебя в тюрьму, чтобы защитить себя,— сказал Тронд, лениво поменяв положение ног.— Как только мы забрали от него эту маленькую сумку, он стал совершенно беспомощен. Скандерберг, интересно, можно ли так обезоружить всех колдунов?

Скандерберг сел в большое кресло и стал курить, пуская клубы дыма.

— Я не хочу отвечать на это,— сказал он.— Ты видишь, что у меня нет сумки, однако, если ты думаешь, что у меня нет могущества, то можешь попытаться схватить меня.

— Как хорошо мы знаем друг друга,— хмыкнул Тронд.— Я вижу, что ты блефуешь, только не пойму, в чем.

— Это его сумка, которую вы забрали у меня,— закричал Барт.— Он совершенно беспомощен. А те двое, что с ним, обычные смертные. Молокосос должен был владеть мечом альфаров, который ты забрал у меня. Я думаю, что сказал тебе достаточно, чтобы спасти свою жизнь. Ты, наверное, понял, что я говорю правду.

Тронд моргнул и зевнул.

— Дорогой мой, об этом надо подумать, но только после обеда. Блигли, сунь этого тролля-колдуна в угол, чтобы я не мог забыть о нем, и давай организуем соревнование. Скандерберг, ты знаком с их условием, конечно. Объясни своим друзьям, каковы мои ставки.

Скандерберг взглянул на Асни и Килгора.

— Я думаю, мои друзья понимают, что их жизни зависят от исхода соревнования. Приступим к игре, и мы посмотрим, кто самый удачливый в Трондхейме.

— Хорошо. Однако, если вы проиграете, то этот смертный юноша, владелец меча, переведет мне письма на мече. Если он не сможет, тогда, может быть, тролль-колдун будет мне полезен. Я и сам немного занимался магией, Скандерберг, и ты, без сомнения, заметишь это, когда я буду загадывать тебе загадки.

— Давай приступим,— сказал Скандерберг.— Я не могу сдерживать свое любопытство. Твои загадки всегда очень интересны.

— Но сначала,— заговорил Килгор, не обращая внимания на предостережение Скандерберга,— я хочу видеть меч и сумку, чтобы быть уверенным, что это те самые, которые мы потеряли и желаем вернуть.

— О, странная просьба! — Тронд обратил взгляд на Килгора.— Ты сейчас же увидишь меч. Блигли! Меч альфаров!

— И сумку! — добавил Скандерберг.— Ха! Что это? Пир или первое испытание? — Он пожирал глазами столы, поставленные прямо перед ними и заваленные деликатесами, которые путники не видели с тех пор, как покинули Шильброд. Китовая печень, бараньи головы, разнообразны сыры, свежая и соленая рыба, хлеб, фрукты и ягоды, и еще много разных вкусных вещей, которые привели изголодавшихся путешественников в крайнее возбуждение.

— Я вижу, вы голодны,— сказал Тронд,— но я уверен, что вы втроем не сможете переесть моего маленького тролля Грима.

Грим казался очень маленьким и тщедушным, не выше пивной кружки. Он забрался на стол, цепляясь за спущенную скатерть, и сел, глядя на путешественников, на перевернутую чашку.

— А мне кажется, что мы сможем съесть больше, чем эта крыса,— сказал Скандерберг.— А чтобы победа была убедительнее, только двое из нас будут принимать участие в соревновании.

Тронд ухмыльнулся и покачал головой.

— Это, конечно, заколдованная пища, и вы поступаете очень разумно, когда оставляете одного, чтобы на него не подействовало заклинание, если оно сработает. Кто из вас не будет есть и пить в Трондхейме?

Килгор взглянул на печень кита и баранью голову. Они выглядели как те, что он ел не раз, а сыр был его слабостью. Он прошептал Скандербергу:

— Что случится, если мы будем есть заколдованную пищу?

— Ничего приятного. Тот, кто будет есть, будет околдован. А может, и наоборот: будет околдован тот, кто не будет есть.

Асни решительно заявила:

— Я не буду есть. Мне вовсе не хочется есть то, что на самом деле может быть и не то, что я ем. А кроме того, я вряд ли буду полезна в таком соревновании. Пусть будет Килгор.

— Мы готовы начать,— сказал Скандерберг.

— А вот и наши призы,— сказал Тронд, когда Блигли и два тролля притащили меч и положили его на возвышение рядом с сумкой.— Я верну их вам, если вы выиграете хоть одно состязание.

Это соревнование было буквально создано для Килгора. Он без лишних слов накинулся на еду после четырехдневного голодания. Однако Скандерберг ел со скоростью вдвое большей. Когда Килгор почувствовал, что немного утолил первый голод, он взглянул на ту сторону стола, где сидел тролль. Он был поражен: маленький тролль уже сожрал целую свинью вместе с костями и деревянным блюдом, на котором она лежала. А кроме того, он заодно съел и часть стола. Осмотревшись после свиньи, тролль схватил кубок из рога и совершенно бесстрастно сжевал его. Затем он содрал скатерть и откусил большой кусок стола.

— Я уже вижу, что мы проиграем,— сказал Скандерберг, и столы тут же исчезли вместе с Гримом, все еще жующим один из них.

— Значит, вы не так голодны, как предполагали,— сказал Тронд.— Но я знаю, как может пить Скандерберг. Принеси мой большой кубок, Блигли. Скандерберг, если ты в два глотка осушишь его, я скажу, что ты выиграл оба состязания.

— Я выпью его одним глотком! — хвастливо заявил Скандерберг, и Блигли подал ему огромный золотой кубок, наполненный вином. Колдун припал к нему и начал пить. Лицо его налилось кровью, однако кубок был все еще полон.

— Жаль,— сказал Тронд,— но, может, твой юноша с мечом борец? Парень, если ты сможешь бросить на землю своего противника, я скажу, что ты выиграл все три состязания. Ты согласен?

— Согласен,— легко сказал Килгор, довольный тем, что ему представилась возможность схватиться с троллем.

— Твой противник,— старый Нагли,— сказал Тронд, и старый щуплый тролль вышел на свет, чтобы пожать руку Килгору. Тролль был таким худым, что его костлявые руки висели, как струны, из его тощих плеч. Килгор был поражен. Он был уверен, что если он схватит старого тролля, то тот рассыплется на куски.

Однако спорить времени не было. Прежде, чем Килгор моргнул, борьба началась. Прежде, чем Килгор успел двинуться, Нагли схватил его за пояс и вскинул в воздух, как мешок сена, а затем швырнул на землю. В первый момент Килгор даже не понял, что случилось, но постепенно комната перестала кружиться вокруг него, и он сел, совершен-

но ошарашенный. Тронд качал головой, а Скандерберг уже начал проявлять беспокойство.

— Еще один проигрыш,— участливо вздохнул Тронд.

— Не совсем,— сказал Скандерберг.— Мне кажется, что такой чемпион нечисто победил Килгора.

Тронд выпрямился и посмотрел на старого Нагли, который весь скрючился. Лицо его сморщилось, как старое яблоко.

— Моя спина,— простонал он,— я сломал ее. Этот молкосос слишком тяжел для меня.

— Вот видите,— торжествующе сказала Асни,— этот старый мешок костей не сможет побить Килгора, если он вызовет его на реванш. Нагли махнул рукой и заковылял прочь.

— Нет, нет, не сейчас. Может, лет через восемь-десять я смогу побить его, однако сейчас я отказываюсь продолжать соревнование.

— Значит, Килгор выиграл,— сказала Асни.

Тронд потер ухо, он выглядел несколько смущенным.

— Ну, хорошо, будем считать это ничьей.

— Ничья! Но, клянусь старыми чулками моей матери, Килгор выиграл. Старик в гораздо худшем состоянии,— прошептала Асни Скандербергу, который пытался утихомирить ее. Но она вышла вперед и сказала:

— Позволь мне выступить в соревновании. Вероятно, твоя заколдованная пища каким-то образом подействовала на моих друзей.

— Ну что же, попробуй счастья,— сказал Тронд.— Подойди, дитя мое, посмотрим, что ты можешь сделать. Если я не ошибаюсь, то ты приходишь из великого и благородного рода Гардара, который я знал потому, что он постоянно воевал с моим народом. Ты ведь из Вольфгангнеров?

— Да, моя мать была последняя Королева, а я буду следующей. Меня зовут Асни!

— О, это для меня большая честь,— сказал Тронд, поднимаясь и отвешивая церемонный поклон, показывая в улыбке свои острые зубы.— Вольфгангнеры такие же дорогие враги для меня, как и старый Скандерберг. Раз уж ты собираешься стать следующей Королевой Гардара, ты, может быть, выиграешь следующий тур. То, что тебе нужно сделать, очень просто. Ты видишь моего старого ленивого кота, который спит возле огня? Он не очень большой и не очень толстый, однако он достаточно тяжел. Если ты сможешь поднять его, моя дорогая Королева Гардара, ты и твои друзья уйдут отсюда с миром. В этом мое слово.

Асни немедленно схватила кота и начала поднимать его. Но животное, казалось, было приколочено к полу гвоздями. У Асни было такое ощущение, что она старается сдвинуть гору. Она не могла даже его лапу оторвать от пола, хотя он во сне начал махать хвостом.

— Мне не поднять его, — наконец, сказала она. вся красная от ярости. — Ты смеешься над нами. Все здесь заколдовано, так что нам не выиграть ни одного соревнования.

— Ты права, конечно, — сказал Тронд. — А ты, придя в Трондхейм, ожидала другое? Я ваш враг, и если вы пришли сюда вызвать меня на поединок, то вы должны были подготовиться.

— Я готова, — сказала Асни, хватая свой молот и поднимая его над головой. — Если ты не вернешь нашу собственность, я уничтожу все здесь.

— Тшш... Не нужно угрозы, — сказал Тронд. — Я вижу, что это оружие альфаров. Может, еще одно испытание, чтобы покончить с нашей маленькой ссорой? Я дам тебе свой кубок, и ты попробуй разбить его своим молотом альфаров. Если ты разобьешь его, я отдам тебе меч и сумку. Я знаю, что тем самым возвращаю к жизни самую сильную угрозу Сурту, однако я люблю соревнование умов и силы. Ну, моя дорогая, возьми кубок и разбей его на куски.

Он ласково улыбнулся и протянул кубок Асни. Она внимательно осмотрела его, чтобы понять, какая магия заключена в нем. На кубке были вырезаны письмена, защищающие Тронда от яда. Она не смогла прочесть их, как не смогла узнать марку мастера, сделавшего кубок. Она поставила его на пол и нанесла удар, вложив в него всю свою силу и волшебную силу молота. Кубок зазвенел и покатился по полу. Он остался совершенно целым. На нем не было ни единой трещины или царапины. Асни не стала бить во второй раз. Она взяла кубок в руки и в глубокой задумчивости смотрела на него.

— Еще испытание, — сказал Скандерберг, — и это будет последнее. И если мы проиграем — мы сдаемся.

— Хватит. Вы уже проиграли. Теперь вы должны привести мне письмена на мече альфаров.

В углу раздался хохот Барта.

— Ну что, Скандерберг! Я полагаю, что настал твой конец. Ты теперь уже не так умен. Где же твоя магия? Я могу сказать, что с этой черной сумкой и посохом я буду самым великим колдуном. И мы с королем Трондом будем править всем подземным миром и миром на земле, когда уьем Сурта волшебным мечом. Тогда все будет наше!

— Великолепная идея, колдун,— сказал Тронд.— Если ты сможешь стать хотя бы вполонину таким могущественным, как Скандерберг, этого будет достаточно. Блигли, принеси нашему другу и союзнику Барту кресло!

Барт вышел из своего угла и, радостно подпрыгивая, приблизился к Королю.

— Я твой слуга, могущественный Король троллей. Приказывай мне, и я все сделаю. Для меня нет ничего невозможного, когда у меня сумка Скандерберга. Разве я не одурачил старую лису и не стащил прямо у него из-под носа меч альфаров? Какое твоё первое пожелание? Может, мне уничтожить этих наглых пришельцев? Я заслужил это право.— Он скорчил гримасу Скандербергу и с торжествующим видом уселся в кресло, принесенное Блигли.— Наконец, все узнают мои таланты. Могущество всегда было моей слабостью, я всегда хотел получить его.

Килгор беспокойно посмотрел на Скандерберга, который спокойно попыхивал трубкой, как будто его не трогал такой зловещий для них поворот событий. А что касается Асни, то она была далека от всего: она все еще была поглощена кубком и не обращала внимания ни на что.

Тронд потер руки. Ему все это очень нравилось.

— Самое лучшее,— сказал он,— устроить поединок магий. С одной стороны Барт и сумка, с другой — Скандерберг. Это будет потрясающее зрелище.

Тролли захихикали и стали хлопать в ладоши. Маленькие тролли были вне себя от радостного возбуждения.

Барт принял драматическую позу, держа книгу заклинаний из сумки Скандерберга в одной руке и свой старый черный посох в другой. Когда все стихло, он начал произносить странные слова и делать какие-то замысловатые жесты. Голос его гулко разносился по всему залу. Скандерберг спокойно сидел и с интересом наблюдал за противником, но не делал никаких контрзаклинаний. Он закинул ногу на ногу и покуривал трубку. Внезапно воздух наполнился летучими мышами и голубым дымом, однако все это распалось и упало на пол хлопьями снега.

— Это заклинание придумал я,— сказал Скандерберг.— Конечно, оно не будет работать против меня. И я должен предупредить тебя, что, по крайней мере, половина заклинаний в сумке может действовать в обратном направлении. Я всегда знал, что существуют некоторые маги, которые всеми силами хотят украсть у меня сумку и воспользоваться моим волшебством. Поэтому я и создал заклинания, которые выглядят очень многообещающими, однако, если попытаться их использовать, то они действуют на то-

го, кто их произносит. Так что ты будь очень осторожен, Барт.

Барт поспешно захлопнул книгу и тревожно посмотрел на короля Тронда.

— Я уверен, что Его Величество не хочет, чтобы я превратился в жабу или что-нибудь еще,— сказал он с наигранной беспечностью.

— Напротив,— сказал Тронд,— это будет очень любопытно. Продолжим состязание. У меня еще никогда не было такого интересного и захватывающего зрелища. Скандерберг, а что можешь ты? Ты же огненный колдун. Как насчет дождя из кипятка, какой ты устроил однажды?

Скандерберг поднялся и скрестил руки на груди.

— Вот то, что ты еще не видел.— Он произнес несколько слов и стукнул посохом в пол. И Блигли превратился в тритона. Некоторое время маленький тролль не понимал своего превращения, но потом взглянул на нижнюю часть своего туловища и рассмеялся. Он с юмором сказал:

— Друзья, просите у меня, что хотите, ведь я — тритон и могу сделать для вас все!

Барт ухмыльнулся и ехидно сказал:

— Дай мне новые сапоги, которые не сносятся всю жизнь, тритон.

— О, это очень просто.— Блигли стянул с Барга сапоги и протянул ему же.— Я сомневаюсь, что ты проживешь больше трех дней, так что тебе вполне хватит этих сапог на всю жизнь.— Он посмотрел на Тронда и расхохотался.— Как тритон, я могу смеяться над людьми, которые так глупы. Каждый может видеть, что Скандерберг мудрейший колдун, независимо от того, с сумкой он или нет. А Барт просто недоумок, который хочет хитростью втереться в Трондхейм.

— Однако я все еще не убежден,— сказал Тронд.— Скандерберг со всей его мудростью не смог выиграть ни одного состязания. Конечно, Барт ничтожество против Сурта, но Скандерберг и эти смертные смогут доставить ему неприятности. Ну что, Скандерберг? Что ты думаешь о моих маленьких магических шуточках?

Скандерберг махнул рукой, и ноги у Блигли восстановились. Он тут же несколько раз подпрыгнул и сделал несколько сальто-мортале. Колдун начал задумчиво ходить взад-вперед по залу. Лоб его нахмурился. Он бормотал про себя:

— Все это мне как-то странно знакомо. Пир, вино, соревнование по борьбе, кот...

— Он ничего не понимает,— сказал Барт.— Он просто тянет время.

— Ты признаешь, Скандерберг, что не можешь расшифровать мою магию? Это тяжело для тебя, я понимаю.— Тронд усмехнулся и щелкнул когтями по ручке кресла.

Скандерберг покачал головой.

— Если бы я мог заглянуть в свою сумку...

— А! Значит, это правда! Могущество Скандерберга в его сумке! — воскликнул радостно Тронд и встал с кресла.— Без нее он может делать только фокусы и не может причинить нам вреда!

— Разве я не говорил тебе этого? — крикнул Барт в крайнем возбуждении.— Я тебе это сказал первый. Это чего-нибудь стоит.

— Да, стоит,— сказал Тронд.— Ты будешь моим вторым советником после Блигли, и твой титул будет Главный Колдун-тролль Трондхейма. И первое твоё задание — поступить с нашими врагами так, как ты считаешь нужным. Эти смертные должны погибнуть навсегда, а заклинание против Скандерберга должно быть таким, чтобы он не мог освободиться, пока не наступит Фимбул Винтер. Тогда мы отпустим его и посмотрим, какова будет его магия в мире без солнца. Пусть он тогда попытается превратить с помощью света добрых троллей в камни.— Тролли радостно завизжали, запрыгали, стали кувыряться и вставать в избытке чувств на головы. Барт весь раздулся от сознания собственной значительности.

Килгор подошел к Скандербергу и прошептал:

— Что нам делать? Можешь ты отогнать их подальше на мгновение? Мне бы только схватить меч.

— У меня есть еще одна штука в запасе,— спокойно сказал Скандерберг.— Если она не сработает, тогда придется прибегнуть к отчаянным действиям. Мы ведь находимся в отчаянной ситуации.— Затем Скандерберг откашлялся и громко произнес: — Я уверен, что ты слишком поторопился, Тронд. Может, тебе напомнить, как тебя взяли в плен в прошлый раз? Ты же хорошо знаешь, что я мастер блефовать.

— Действительно, только идиот или колдун может войти в Трондхейм без защиты,— сказал Тронд.— А сейчас я уверен, что ты блефуешь. Барт украл твою сумку, и тебе ничего не оставалось делать, как прийти сюда. Ведь без сумки у тебя нет могущества. В этот раз ты в моих руках, Скандерберг, и я позабочусь о том, чтобы ты больше не беспокоил меня.

— Стоп,— спокойно сказала Асни, все еще держа кубок в руках.— Дай нам меч и сумку, мы покидаем Трондхейм. Если ты откажешься, я разобью этот кубок и вместе с ним ту жалкую магию, которой ты обладаешь. Теперь я все поняла.

Тронд пристально посмотрел на нее и покачал головой.

— У тебя был шанс, и ты не использовала его, так что состязание проиграно. Но я не хочу спорить. Мне любопытно, дурачишь ты меня или нет. Давай, попробуй разбить кубок. В конце концов, я ничего не теряю: если ты выиграешь, то пусть Сурт заботится об этом. Это его дело.

Асни стояла, держа кубок обеими руками. Затем она подошла прямо к трону Короля, чуть не коснувшись его огромных когтей. Резким движением она замахнулась и изо всех сил швырнула кубок прямо в голову Тронда. Он попал в лоб и разлетелся на куски. Тронд озабоченно потер лоб.

— А как насчет остальных загадок?

— Маленький тролль был создан при помощи заклинания. На самом деле это огонь, который пожирает все. Вино, которое пил Скандерберг, на самом деле море, а море никто не может выпить. Старый Нагли был вовсе не борец, пока ты не вложил в него силу. А твой кот на самом деле змея Митгард, такая огромная и тяжелая, что я, конечно, не могла поднять ее. Все это однажды одурачило Одина и Тора, о чем поется в наших древних балладах. Из них я поняла, что кубок нужно разбить о твою голову. Так что, Тронд, твоя магия — пустое место, и мы побили тебя. Теперь мы уходим и забираем то, что принадлежит нам.— Асни без страха посмотрела на огромного тролля, который был выше ее в два раза.

Тронд задумался, глубокие морщины прорезали его лоб.

— Да, Вольфганнеры снова побили меня. Пока они живы, серые тролли всегда в опасности.

— Что ты медлишь? — крикнул Барт, вскакивая с кресла.— Не разрешай им взять меч и сумку, иначе мы все погибнем. Тролль вовсе не обязан держать свое слово. Он может лгать и обманывать, на то он и тролль. Совсем не обязательно отпускать их только потому, что ты обещал им. Что такое слово? Просто сострясание воздуха. Все тролли лгут. Они лгут даже своим родителям. Ты потерял разум, если считаешь, что обязан сдержать обещание.

Тронд взглянул на Барта, неожиданно злобно.

— Почему этот тип здесь? А не в своей камере? Блигли! Охранники! Оттащите его туда! Какое оскорбление

Трондхейма, Скандерберг. Это была захватывающая дуэль, и ты вновь выиграл. Однако проигрыш был совсем рядом. Если бы здесь не было этой девушки, ты был бы в моих руках. Она ценнее, чем целое королевство.— И Тронд церемонно поклонился Асни, которая была очень бледна. Затем он протянул руку Килгору для пожатия и сказал: — Надеюсь, мы никогда не встретимся на поле битвы, когда в твоих руках будет этот меч. А что касается Сурта, то я сочувствую ему и боюсь за него.

Наконец Килгор коснулся гладкого металла «Килдруина» и вложил меч в ножны. Тролли что-то забормотали и поспешно скрылись в темноте. Скандерберг с удовлетворением сунул свою сумку подмышку и отсалиютовал Тронду. Сам Блигли пошел провожать их до дверей. Килгор не мог дожждаться, когда же они окажутся в нормальном мире, но Скандерберг колебался.

— У меня есть подарок для короля Тронда,— торжественно сказал он, вытаскивая подделку Барта — меч «Лжекалдруин». — Отнеси это Тронду с нашей глубочайшей благодарностью и пожеланиями долгой и счастливой жизни. Скажи ему, что этот меч сделал великий и благородный колдун. Меч будет честно служить Королю.

Блигли с изумлением посмотрел на меч и тут же бросил взгляд на меч Килгора.

— Я сразу же передам его.— И, взяв подарок в обе руки, он скрылся во тьме подземных коридоров Трондхейма, не забыв, правда, закрыть за ними дверь в пещеру.

— Теперь нам нужно бежать отсюда как можно быстрее,— сказал Скандерберг.— В конце этой долины мы найдем путь в Беорстад. Когда Тронд расшифрует надпись Барта на мече, он придет в ярость и будет готов убить нас.

— А что там написано? Я думал, это просто знаки без смысла,— сказал Килгор, припоровливаясь к быстрому шагу Скандерберга.

— Там написано: «Кто будет владеть мной, умрет от меня». Думаю, что это очень трогательный подарок Тронду.

— И, после того, как он совершил благородный поступок, отпустив нас, что противоречит натуре троллей, ты дал ему меч, который убьет его?

— Да. Ведь мы не знаем, какие сюрпризы подготовил он для нас, раз решил отпустить,— возразил Скандерберг.— Нам теперь нельзя останавливаться, пока мы не уберемся с его территории. Асни, давай шагай поживее, а то нам придется оставить тебя троллям.

Асни ничего не ответила, однако постаралась идти по-быстрее. Они шли по каменистой тропе, и камни под нога-

ми от снега становились очень скользкими. Снег засыпал их следы и отбивал всякие запахи, так что тролли не смогут выследить их. К наступлению темноты между ними и Трондхеймом осталось много гор, холмов, утесов. Теперь они находились там, где застывшая лава вулканов громоздилась остроконечными скалами и где деревья пытались прорваться к небу сквозь каменное одеяло. В трещинах застывшей лавы бежали чистейшие ручьи, оmyвая камни, которые тут же покрывались корочкой льда. Они карабкались вверх, и огромный ледяной Трайидент возвышался над ними, как стена. Глубокие трещины были заполнены водой, неподвижной как темное зеркало.

Они остановились на отдых в каменной долине над холодным маленьким озером. Скандерберг разобрал свою сумку, что-то выкидывая из нее с отвращением.

— Ты знаешь, где мы, Скандерберг? — спросил Килгор, рассматривая грозный Трайидент. Сотни утесов разделяли их, и сотни путей вели вверх, через горы.

— Нам нужен Беорстад, — сказал Скандерберг. — Здесь недалеко Гримсшлаг, жилище варгульфов. Если бы мы были варгульфами, то к утру были бы в Гримсшлагге.

Килгор осторожно огляделся и поежился.

— И ты хочешь остановиться здесь на ночь? Ты полагаешь, что мы сможем отбиться от легиона варгульфов и полчищ троллей Тронда?

— Нет, я не думаю. Если нам повезет, то они не обнаружат нас. Старая крепость альфаров в полчасе ходьбы отсюда. Там могут быть альфары, а если крепость пуста, то много лет тому назад мне дали ключ от нее. — Он обнял свою сумку и даже понюхал ее с чувством удовлетворения. Затем он поднял посох. — Ну, идем. Сегодня вечером, раз сумка теперь при мне, мы будем иметь восхитительный ужин.

Килгор в задумчивости шел за ним. Когда они достигли подножия утеса, он остановился и обернулся, тревожно спротив:

— Где Асни? Она исчезла, Скандерберг!

Они бросились обратно. Асни лежала в камнях и сладко спала, будто это были мягкие подушки. Скандерберг мягко потрянул ее, а потом более сурово. Он крикнул:

— Черт побери! Я ждал, что это должно случиться, и думал, с кем же это будет. Кажется, не повезло Асни. Заклинание пало на того, кто не ел пищу троллей. Нам ничего не остается, как тащить ее до Беорстада.

— Я еще никогда не видел околдованного человека,— пробормотал Килгор.— Можешь ты вывести ее из этого состояния? Я слышал что-то о кровопускании.

— Да.— Скандерберг покопался в сумке и достал узкий нож. Он вонзил его в палец Асни так, что сразу показалась кровь.— Она скоро придет в себя, но нам некогда ждать... — Он взвалил спящую девушку на плечо, как мешок, и пошел по камням.

Ветер свирепо завыл, и небо стало черным и низким. Трайидент мгновенно скрылся из виду за завесой плотных клубящихся облаков. Снег свирепо кружился над землей, и Килгор мог видеть всего на несколько шагов вперед. Он едва различал развевающийся на ветру плащ колдуна. Черные скалы стали белыми от снега, и Килгор вспомнил сон, который он видел в ночь, когда его меч был похищен. Он торопливо схватился за рукоятку, однако меч был при нем. Он гудел зловеще, предупреждая.

Скандерберг на мгновение остановился, чтобы взглянуть на компас и поправить свою ношу. Он крикнул, стараясь перекричать шум ветра:

— Нам надо идти быстрее, Килгор! Скоро наступит темнота!

И как бы в ответ на его слова со стороны ущелья донесся долгий вой, приглушенный расстоянием и снегом...

Книга II

ЗВУК СЕРЕБРЯНОГО РОГА

Глава I

Мрак сгущался вокруг них, и снег доходил уже до колен. Пыхтя и чертыхаясь, они взобрались на вершину холма и остановились, чтобы прислушаться к зловещему завыванию в долине. Казалось, что снег мешает варгульфам напасть на их след, но вот сзади них раздался торжествующий вой — видимо, кто-то из них все же обнаружил следы жертв.

— Похоже на то, что они несутся за нами,— сказал Килгор. Звон меча усилился и стал похож на сигнал к бою.

Скандерберг поправил Асни и пошел вперед еще быстрее.

— Торопись, Килгор. Они чувствуют запах околдованного, как запах жареного поросенка. Беорстад уже недалеко.

— Еще не ночь, а варгульфы уже несутся за нами. Они знают, что мы здесь, да?

— Вполне возможно. Тронд наверняка предупредил их еще до того, как отпустил нас.

— Ну, а теперь, когда они вышли на наш след, разве у нас есть надежда убежать от них? — Килгор с трудом поспевал за бегущим Скандербергом.

— Не теряй дыхание,— посоветовал Скандерберг.— Просто беги. И побыстрее!

Они бежали, скользя и спотыкаясь. Килгор дважды провалился в промоины и промочил ноги. И только он хотел спросить, далеко ли им еще бежать, как увидел впереди, у подножия черной скалы, слабый свет.

— Беорстад,— выдохнул Скандерберг, пытаясь бежать еще быстрее. Земля под ногами была скользкой, но все же бежать здесь было легче, чем по скользким камням. Килгор уже различал черные кучи камней, сложенные по сторонам скалы. Стало совсем темно.

Килгор первым увидел черную зловещую тень, приближающуюся к ним, и крикнул, чтобы предупредить Скандерберга. Колдун без звука упал на землю, когда на него прыгнул варгульф с оскаленными клыками и леденящим душу рычанием. Затем зверь сразу накинулся на Килгора, который уже стоял с мечом в руке, готовый к бою. Однако варгульф успел схватить его за руку. Жгучие иглы пронзили его плоть. Холодное дыхание обожгло его лицо. Жуткие, почти человеческие глаза варгульфа были всего лишь в дюйме от его онемевшей руки. Варгульф выпустил его руку и бросился вперед, стараясь схватить юношу за горло. Килгор изо всех сил старался отшвырнуть прочь это рычащее порождение кошмарных снов. И вдруг варгульф повалился на землю, как кукла.

— Килгор! — раздался испуганный голос Асни.— Скандерберг! Помоги! Его укусили!

Килгор с трудом столкнул варгульфа с себя и сел.

— Это не так уж страшно. А ты уже пришла в себя? Ведь ты спала целый час, как мертвая.

— Ты говоришь чушь! — рявкнула она.— Я ни на секунду не сомкнула глаз. Но подожди, ведь это не та скала. Что это за свет, Скандерберг? И я вижу, сюда кто-то идет.

— Пронзительные звуки рогов прорезали морозный воздух. Килгор увидел две цепи людей, медленно идущих среди каменных утесов. Он услышал свист стрел и крики умирающих варгульфов. Их грозное завывание перешло в визг отчаяния. В слабом свете Килгор увидел, как варгульфы беспорядочно отступали под градом поющих стрел. Их

черные тела четко выделялись на белом снегу. Килгор левой рукой вложил меч в ножны, так как правая рука все еще не действовала. Скандерберг быстро забинтовал его руку, причем Килгор ощутил, что руки старого колдуна дрожат.

— Ты ранен, Скандерберг? — спросил юноша.

— Нет, нисколько. Теперь быстро в Беорстад. Асни, следы, чтобы варгульфы снова не подобрались. Нам нужно спешить,— в его голосе слышались напряжение и тревога.

— А что бывает с теми, кого укусит варгульф? — спросил Килгор.— Они умирают или становятся варгульфами?

Скандерберг неохотно ответил:

— Об этом мало известно. Однако, ты не беспокойся, предоставь это мне. Я поведу вас в Беорстад.— Он крепко взял Килгора за здоровую руку и повел его вперед.

— Это альфары,— с облегчением сказала Асни.

— Кто идет? — раздался голос из темноты.— Есть раненые?

— Да,— ответил Скандерберг.— Я колдун Скандерберг, и со мной два друга. Мы идем в Беорстад, чтобы просить убежища на ночь. Мы выполняем поручение Эльбегаста, и у меня есть пароль в Беорстад.

Люди остановились, но пение рогов продолжалось. Очевидно, эти звуки отпугивали варгульфов. Вдали послышался вой, постепенно затихавший, исчезающий в ущелье. Несколько альфаров вышло вперед, чтобы встретить Скандерберга. В темноте их не было видно. Можно было только разглядеть плащи и надвинутые на глаза капюшоны. Затем они все вместе стали пробираться сквозь пургу ко входу в Беорстад. Предводитель сказал:

— Я Эльдарн, капитан крепости. Я пушу вас в Беорстад на ночь. Если твой друг серьезно ранен, то нам нужно торопиться, чтобы спасти его. Мы давно ожидаем вас, зная, что Эльбегаст вручил меч смертному. Вам повезло, что вы сумели прорваться сюда.

К этому времени замерзшие ноги Килгора охватил огонь, а в голове замелькали призрачные видения грандиозного пира в Брандсток-холле. Ему было жарко от вина, хорошей пищи и дружеской компании. Он ясно видел своего отца, сидящего в резном кресле, однако все эти картины просто всплывали в его памяти. Вальсидур держал в руках старый ржавый меч, которым играл Килгор. Лицо отца было старым и печальным. Килгору хотелось что-нибудь сказать своему отцу. Он знал, что горе старика было вызвано пропажей сына. Затем он увидел, что Вальсидур нетерпеливо поднялся с кресла и воскликнул:

— Я чувствую, что моему сыну сейчас угрожает страшная опасность! Будь проклят меч эльфов! Хоть бы его никогда не было!

— Не беспокойся,— прошептал Килгор,— мы уже пришли в крепость эльфов Беорстад.

Вальсидур застыл, услышав этот шепот. Килгор чувствовал знакомую теплоту Брандсток-холла. Он почти представил себе, как он сидит на своем любимом месте у огня, а девять старых толстых советников переругиваются у него за спиной.

— Вы слышали? Вы слышали что-нибудь? — спросил Вальсидур.— Мне показалось, что Килгор говорил со мной. Килгор, где ты?

И тут его голос превратился в голос Скандерберга.

— Килгор! Килгор! Ты слышишь меня? Ты еще жив, мальчик?

Килгор открыл глаза. Темнота и снег ударили ему в лицо. Его несли на носилках, сооруженных на скорую руку. Еще никогда в жизни ему не было так холодно, и холод исходил от его правой руки. Он увидел в каком-то странном свете Асни и Скандерберга, затем над его головой проплыла арка ворот, и они вошли в Беорстад. Перед его глазами оказался золотобородый альфар в цветной мантии с золотым орнаментом, однако эти цвета стали путаться перед глазами, таять, и он погрузился в глубокий холодный сон.

Как только Эльдарн вошел в Беорстад, он сразу же послал за врачом. И, пока процессия двигалась по коридорам и туннелям, спускалась в подземные холлы, Берлиот уже прибыла и ждала их. Скандерберг обменялся с ней профессиональным приветствием, и Килгора внесли в небольшую, но великолепно обставленную комнату. Берлиот объявила:

— Чтобы излечить укус варгульфа, нужна абсолютная тишина. Оставьте здесь двух охранников на всякий случай. Вдруг мне не удастся излечить его. Кроме того, мне нужны огонь и немного фьяллограссов.

— Фьяллограссы? В это время года? — спросил альфар, стоящий у дверей.— К тому же сейчас по равнине бегают варгульфы.

— Это непременно нужно добыть,— сказал Скандерберг, стремительно входя в комнату и одним движением зажигая пламя в очаге, такое ослепительное и яркое, что альфар в испуге отскочил от очага. Скандерберг положил руку на лоб Килгора и с испугом посмотрел на Берлиот.— Холодный как лед,— прошептал он.— Есть ли хоть какая-нибудь надежда?

— Очень маленькая. А без фьяллогроссов — никакой, — спокойно ответила Берлиот, осматривая следы зубов на руке.

— Тогда мы найдем фьяллогроссы, — решительно сказала Асни, выходя из-за спины Скандерберга. Она знала эти коричневые или серые цветы, хотя они встречались чрезвычайно редко. Их целебные свойства были широко известны.

— Ты останешься здесь. — Скандерберг покопался в сумке и достал странный меховой плащ. — Это ночь для зверей, а не для людей. Если вдруг я не вернусь, тогда ты с мечом продолжишь путь в Гардар. Возможно, он откроется и для тебя, если тебе придется использовать его. Не возражай мне, дорого каждое мгновение.

Перекинув плащ через плечо, Скандерберг выскочил на улицу. Асни только успела заметить столб дыма, а потом большого белого волка, который галопом умчался в снежную пустыню.

Внезапно она ощутила, как она устала. Ей стало совсем одиноко. Она посмотрела на дверь комнаты, где находился Килгор и откуда ее выставили, взглянула на стены и потолки Беорстада. Полы в холлах были выстланы коврами, в стенах торчали факелы, так что всюду было светло, как днем. Альфары, разодетые как короли, спешили по своим делам. Вежливая девушка, одетая в роскошную мантию апельсинового цвета, сделала почтительный реверанс и сказала:

— Если тебе угодно, я проведу тебя в твою комнату, где ты сможешь помыться и отдохнуть.

— Я не могу уйти отсюда до рассвета, — сказала Асни, усаживаясь в маленьком алькове. — Принеси мне выпить чего-нибудь горячего, а я сниму сапоги. Этого будет вполне достаточно для меня. Я буду ждать здесь, чтобы узнать, будет ли жить тот, кто владеет мечом.

Девушка вновь сделала реверанс и исчезла в шуршании шелка. Асни безнадежно вздохнула, жалея, что не настояла на том, чтобы отправиться со Скандербергом. Ожидание было хуже, чем самая жестокая и отчаянная битва с врагом. Где-то в глубине крепости альфаров звучала сладострастная мелодия, исполняемая на струнных инструментах. Эта мелодия успокоила нервы девушки, и течение ее мыслей стало более мирным. Кресло, где она устроилась, было мягким и удобным, так что она вскоре заснула. Факел в ее алькове догорел, в ее уголке стало темно, и она спокойно спала.

Ее разбудил звук торопливых шагов. Это был сам Эльдарн в серебряно-голубом плаще. Он легонько стукнул в дверь Берлиот, и дверь со скрипом открылась. Берлиот быстро спросила:

— Принесли фьяллогроссы?

— Нет, это я, Эльдарн. Я пришел спросить о состоянии смертного юноши,— ответил Эльдарн.

Берлиот нетерпеливо вздохнула.

— Я сообщу, если произойдет нечто такое, о чем тебе необходимо знать. И ты лучше сделай так, чтобы к двери не подходили и не дышали в замочную скважину, пытаясь подсмотреть, что здесь происходит. Скажи, что он спит, и ничего больше. Если я замечу кого-либо поблизости, то отрежу ему уши.— И она захлопнула дверь перед самым носом Эльдарна.

Эльдарн запоздало кивнул двери и стоял в задумчивости, глядя на нее и вертя в руках золотую цепь. Он прошел назад и вперед, а потом заметил Асни, сидящую в темном углу.

— Ты здесь? — спросил он, не веря своим глазам.— Я послал к тебе свою дочь, чтобы она проводила тебя в лучшие покои Беорстада. Однако она, должно быть, забыла. Я прошу прощения от ее имени: ты ведь ужасно устала.

— Нет, я подожду здесь. Мне не нужны удобства, когда жизнь моего друга в опасности. Мне очень удобно здесь, благодарю тебя за беспокойство и заботу. Я солдат и привыкла к трудностям и неудобствам.

— Солдат? — Лицо Эльдарна выразило крайнюю степень изумления.

— Я Асни Вольфганнер, Королева Гардара. Ты знаком с нашими обычаями?

— Конечно. И отношусь к ним с большим уважением. Но эти обычаи уже канули в небытие, как и все остальное в Гардаре. Как же ты сумела выжить, когда твое существование представляет угрозу для Сурта? — он нахмурился и понизил голос.

Асни оглянулась вокруг, чтобы увидеть, нет ли лишних ушей.

— Меня освободил от заклинания Килгор со своим мечом. Я была околдована шестьдесят пять лет. И теперь я освобождена для того, чтобы принять корону моей страны, когда Сурт будет убит. Я уверена, что все спланировано свыше, какими-то силами, более могущественными, чем мои или Килгора, или любого смертного.

— Конечно, конечно,— согласился Эльдарн, потирая подбородок.— Я желаю тебе успеха в твоём предприятии.

Однако твоя жизнь в большой опасности. Сурт — самый могущественный колдун на свете. Во всяком случае, он чересчур силен для нас, альфаров, и я сомневаюсь, что ты сможешь с ним справиться. Мы предлагаем тебе наше гостеприимство здесь, пока ты не решишься вернуться обратно к своим людям, куда-нибудь на юг. Ведь я знаю, что за этими горами есть много теплых приятных стран.

Асни в изумлении смотрела на него.

— Но Сурт хочет завоевать все. Он создал ледяное облако над Харонессом и Вейленессом. И это облако движется на юг, превращая все в лед. Ты же сам знаешь, что Сурт хочет изгнать отсюда всех людей, сделать их жизнь невыносимой. Как я могу покинуть свою родину? Разве ты не слышал о Фимбул Винтер, которую Сурт хочет наслать на весь Скорпсей?

— Мы слышали об этом,— осторожно сказал Эльдарн.— Однако мы получаем мало информации от самого Эльбегаста. Но, пожалуй, мне лучше объяснить тебе все. Я, Эльдарн, премьер-министр в изгнании, раньше я был премьер-министром Эльбегаста, Короля альфаров. Среди альфаров возникли споры относительно того, стоит ли вручать меч «Килдруин» в смертные руки. Я отказался от своего положения, от своего дома, от своего будущего, от своих лучших друзей, чтобы избежать ответственности за то, что может случиться. Этот меч может послужить причиной изгнания всех альфаров из Скорпсея. А с другой стороны, если Сурта оставить в покое в Гардаре, он оставит остальной Скорпсей альфарам и людям.

— Однако теперь ясно, что Сурт не удовлетворился Гардаром. Он хочет наслать Фимбул Винтер на весь Скорпсей и он должен быть остановлен. Мы очень сожалеем, что побеспокоили тебя. Сразу же, как только Килгор будет вне опасности, мы продолжим свой путь. Мы очень благодарны тебе за спасение от варгульфов. Ведь они, несомненно, разорвали бы нас на куски. Я понимаю, что твой врач просто выполняет свой профессиональный долг, пытаюсь спасти Килгора.

— Я уверен, что она не формально относится к своему долгу,— сказал Эльдарн, слегка поклонившись.— Она спасет юношу, если его только возможно спасти. Надеюсь, что я не показался тебе негостеприимным. Бсорстад будет твоим домом до тех пор, пока ты сама этого пожелаешь, и я хотел бы, чтобы ты осталась здесь навсегда, вместо того, чтобы вызывать Сурта на поединок. Я хочу сказать, что мы сделаем для вас все, как для простых людей, но ничем не сможем помочь вам, как врагам Сурта, потому что мы не

хотим посылать вас на неминуемую смерть. Я не дам вам людей и не позволю использовать наши потайные туннели в Гардар.

— Благодарю,— сказала Асни с истинно королевским хладнокровием, хотя глаза ее метали молнии.— Однако я уверена, что вы пожалеете, что отстранились от нашего дела, когда я опять буду на троне. Ты нам, конечно, не враг, но ты и не друг. Когда Скандерберг вернется, я расскажу ему, какую позицию вы заняли.

Эльдарн поклонился. Его золотые украшения мягко звякнули. Затем он ушел от Асни. Выждав некоторое время, Асни, в бешенстве сжимая кулаки, забегала взад и вперед по холлу.

— Трус,— бормотала она.— Я сразу поняла, что он не воин. На нем слишком много золота и украшений. Дезертиры! Все они дезертиры!

Дверь комнаты Берлиот немного приоткрылась. Тихий голос позвал ее:

— Зайди сюда. Я хочу поговорить с тобой.— Берлиот открыла дверь пошире, впуская Асни, и тут же закрыла за ней.— Я все слышала. Альфары всегда подслушивают.

Асни смотрела на Килгора, не слушая Берлиот. Он совсем посинел, хотя в комнате было жарко, как в парилке. Берлиот закутала его в теплые одеяла, а ребенок-эльф подкладывал к его ногам нагретые камни.

— Он как будто ооченел,— сказала Асни, чувствуя тяжесть в груди.

Берлиот молча взглянула на нее фиалковыми глазами. Она была не так красива, как большинство альфаров, и почти такого же роста, как Асни.

— Колдун еще не вернулся,— сказала она.— Время кончается. Что мы будем делать?

Асни нетерпеливо дернулась.

— Я не останусь здесь с предателями. Если ты симпатизируешь Эльбегасту, почему ты здесь?

Берлиот не отвела своих глаз от Асни.

— Потому что я смертная, а не из альфаров. Много лет тому назад я пришла сюда и решила остаться, и ни на секунду не пожалела об этом. Однако ты должна знать, что если ты останешься, то никогда не сможешь уйти отсюда. Если колдун не вернется, ты должна будешь принять решение.

— Спокойная жизнь сведет меня с ума,— сказала Асни.— Я сразу же заберу меч и уйду.

— Эльдарн не позволит тебе взять меч. Он уничтожит его, чтобы Сурт не смог воспользоваться им против нас.

— Тогда мы должны сделать все, чтобы Килгор выжил,— угрюмо сказала Асни.— Если он умрет, это будет смерть для всех нас, для всего Скорпсея, для всего мира.

Берлиот кивнула. Она взяла длинный плащ с капюшоном и одела его.

— Я оставлю тебя здесь ненадолго. Ставка слишком велика. Я рискну вызвать гнев Эльдарна и пошлю за Графгримром. Я отвечу на твои вопросы, когда вернусь.

Асни села и стала ждать. Большие песочные часы отсчитывали время ночи по крупинкам, и его оставалось уже совсем немного. Асни долго смотрела на Килгора. Его дыхание было почти незаметным и еле теплым. В следующие несколько часов оно или остановится, или сделается ледяным, как у варгульфа. Она вздрогнула и отвернулась. В глазах у нее стояли непрошенные слезы. Она рассеянно погладила голову ребенка-эльфа. Ее взор упал на «Килдруин», положенный в большой шкаф. Она медленно подошла к шкафу и дотронулась до меча. Ничего не произошло. Тогда она медленно потянула его из ножен. Он еле светился, только изредка белые искры пробегали по лезвию из конца в конец. Магические письмена были черными, загадочными, они были вытравлены на лезвии от самой рукояти до острого конца. Асни коснулась пальцем острия и почувствовала острый укол, что было бы невозможным, будь этот меч обычным. Она была уверена, что меч достаточно остер для того, что она задумала. Скандерберг должен прийти, если он еще жив. Глядя на почти пустые песочные часы, она понимала, что не может ждать совета Скандерберга.

Рассвет пришел, сырой и ветренный. Когда последние варгульфы растаяли во мраке ущелья, Скандерберг выбрался из расщелины, куда его загнали варгульфы. Он не нашел ни одного фьяллограсса. Как быстрая молчаливая молния, белый волк помчался к Беорстаду. Он сбросил на пороге свой белый меховой плащ и устремился к комнате врача. В холле собралась толпа альфаров. Их шелковые одежды шуршали и распространяли тепло огня и запах вина. Эльдарн и его министры только что вышли из комнаты Берлиот, и альфары засыпали их вопросами. Некоторые были в гневе. Везде слышалось имя «Графгримр». Когда все увидели Скандерберга, они расступились, давая ему проход к двери. Все молчали, пока он не скрылся за дверью, а потом гомон возобновился с новой силой. Однако Скандерберг не слушал. Асни сидела рядом с Килгором, а в отдалении о чем-то шептались Берлиот и одетый в черное незнакомец. Но все внимание Скандерберга было при-

ковано к Килгору. Он больше не был мертвенно бледен и холоден. Лицо его слегка порозовело, и он спал. Скандерберг спросил:

— Что случилось? Принесли фьяллогротсы?

— Нет,— сказала Берлиот, лицо ее было смущенным.— Я вышла отсюда на полчаса, чтобы вызвать Графгримра из Мурада, зная, что только он может что-то сделать. Когда я вернулась, юноша уже согрелся, заклинание исчезло и даже следы зубов почти пропали. А теперь раны уже совсем нет на руке. Я впервые вижу такое, как и сам Графгримр, один из последних колдунов альфаров. В комнате оставались только ребенок Берси и Асни. Ни тот, ни другой не способны к магии.

— У тебя есть какие-нибудь соображения, сэр? — спросил Скандерберг колдуна-альфара.

Графгримр был худой, смуглый, с мелкими чертами лица и непропорционально длинными руками. В глазах его тоже было недоумение.

— Когда я получил сообщение Берлиот, я прибыл сюда менее чем через час, хотя был за несколько сот миль отсюда. Без ложной скромности могу сказать, что сейчас я лучший среди колдунов-альфаров. Я изучал разные магии, в том числе и ту, которой занимается Сурт. Однако я не знаю ничего, что могло бы излечить от укуса варгульфа полностью. Ничего, что было бы известно колдунам и магам. Это что-то совершенно новое или же что-то очень старое и давно забытое. Единственное, что я могу предположить, это расспросить ребенка и Асни, которые были здесь.

Прежде, чем Асни успела открыть рот, чтобы опровергнуть любое предположение о том, что она знает какую-то магию, в дверь просунул голову Эльдарн. Он сказал:

— Мы хотим говорить с находящимся вне закона Графгримром. Конечно, если он закончил дело.

— Он закончил,— ответила Берлиот,— но вы или входите, или выйдите. Я не хочу, чтобы дверь была открыта.

Эльдарн и еще трое вошли в комнату, сохраняя на лицах торжественное выражение.

— Раз уж ты прибыл сюда по вызову, мы прощаем твое появление в Беорстаде,— сказал Эльдарн Графгримру.— Однако ты должен сейчас же убраться отсюда и никогда не появляться, как гласят наши условия. Я даю тебе один час, чтобы ты покинул Беорстад.

— За это время,— ответил Графгримр,— я могу слетать домой и вернуться обратно. Ты можешь не беспокоиться.

У меня вовсе нет желания оставаться здесь. Здесь слишком холодно для меня.

Эльдарн резко повернулся и вышел из комнаты вместе со своими министрами. Колдун взял свои сумку и посох, накинул плащ и стал затягивать ремень с большой золотой пряжкой.

— Прежде, чем я уйду,— сказал он,— я хочу задать вопрос, хотя это и не в моих привычках. Могу я увидеть меч «Килдруин»? Он ведь у вас?

— Да.— Асни загрозила собой шкаф, где лежал меч.— Но почему он тебя интересует? Мы поняли, что альфары не собираются помогать нам в борьбе с Суртом. Какова твоя позиция в этом деле?

— Как вы слышали, я изгнан из Беорстада. Однако я не совершил никакого преступления, кроме того, что осмелился высказать свое мнение. Одно время я был главным советником Эльдарна, когда он отправился в изгнание. Тогда мы с ним разделяли опасения относительно меча и верили, что воинственность Сурта имеет пределы. Но теперь любое разумное существо видит, что Сурт не желает останавливаться. Я воспользовался своим высоким положением, чтобы убедить альфаров Беорстада присоединиться к Эльбегасту. Нет нужды говорить, что мои доводы расходились с соображениями Эльдарна, и я был изгнан из Беорстада, однако несколько не жалею об этом. К тому же мои занятия магией очень беспокоили этих желающих жить спокойно альфаров. Изменив свою внешность, я проник к темным альфарам, чтобы изучить их магию. Врага всегда нужно знать. Эльдарн был возмущен этим, и меня даже называли двуличным перебежчиком. Я не стал спорить и удалился в замок Мурад, где и провожу эксперименты по магии. Я хочу видеть этот меч частично потому, что я пострадал из-за него, а частично потому, что мне хочется посмотреть, какая магия заключена в нем.

Скандерберг с сомнением потер лоб.

— Если я покажу тебе его, то ты не должен дотрагиваться до него даже пальцем. Я полагаю, что ты обладаешь большим могуществом и для пользы Сурта можешь одним прикосновением испортить меч. Я вижу, что среди альфаров произошли большие изменения. Они развалились на группы и перестали быть организованной силой. Мы не можем доверять никому, хотя мои симпатии на твоей стороне, как собрата по профессии. Очень сожалею, однако я не доверяю тебе, старина. Может, тебе лучше удалиться в Мурад?

— Может быть.— ГрафГримр отвесил поклон.

— Нет,— сказала Берлиот, поворачиваясь спиной к огню и пряча руки в рукава,— не торопитесь. У нас у всех была ужасная ночь, но кризис, кажется, миновал. Скандерберг, ты очень осторожен, однако, я умоляю, подумай. Я видела, что упоминание о темных альфарах насторожило тебя, тем не менее, я могу поклясться: он честный альфар и многое знает о темных альфарах. Хотя я простая смертная, я знаю столько же, сколько и Эльдарн, о положении в Скорпсее. К нам попадали раненые люди, и они рассказывали об ужасах, которым были свидетелями. Я все слышала. Я умоляю тебя: позволь Графгриму помочь вам в вашей миссии.

Графгримр пожал плечами.

— Все, что я знаю, я дам вам, если это может помочь,— сказал он тихо.— Но здесь говорить небезопасно. Я должен показать Эльдарну, что я покинул этот дом, и тогда они с чистой душой вернутся к музыке, вину, спокойствию. Мы поговорим попозже. Ждите меня вечером.— Шурша плащом и сверкая кожаными сапогами, он открыл дверь и встретил неодобрительный взгляд альфаров. Он быстро ушел, не бросив ни одного прощального взгляда.

— Итак,— сказал Скандерберг, садясь в кресло и стягивая сапоги с помощью маленького Берси, который уже сбегал и принес теплое вино.— Я не ожидал этого в Беорстаде. Альфар против альфаров. Вот из такого конфликта в древности появились темные альфары. К чему все это приведет? Боюсь, что ни к чему хорошему. О, моя спина болит так, как будто она сломана. Мне пришлось всю ночь прятаться по расщелинам, а варгульфы старались вытащить меня оттуда. Это очень плохое дело — быть колдуном. Берлиот, на какую помощь альфаров мы можем рассчитывать?

— Только на то, что они выпустят вас отсюда.— Берлиот взглянула на Асни, которая все еще сидела возле Килгора.

Асни посмотрела на нее с выражением заговорщика.

— Берлиот, если ты хочешь уйти отсюда, пошли с нами. Я могу сказать, что у тебя сердце и ум воина. У меня нет сомнений, что ты можешь решиться на это.

Берлиот засмеялась.

— Я останусь здесь. Когда по дорогам можно снова будет ездить, может, я вернусь к своей семье. Давайте не будем говорить обо мне. Я хочу узнать, как ты вылечила юношу от этой смертельной раны?

Асни тревожно осмотрела комнату.

— Я не хочу, чтобы Эльдарн знал, что Килгор излечил — раньше. Пусть думает, что это сделал Графгримр. Я хо-

чу, чтобы Эльдарн думал, что Килгор еще в очень тяжелом положении. Тогда он решит, что мы со Скандербергом будем продолжать дело одни, и попытается отнять у нас меч. Он будет рад, что мы уходим, поэтому мы сможем уговорить его дать нам провизию и снаряжение, необходимые нам для перехода через Трайдент. Любыми способами мы должны заставить Эльдарна думать, что он перехитрил нас.

— Это легко устроить,— сказала Берлиот.— Я объявлю, что эта комната на карантине.

— Теперь расскажи нам, как ты сделала это,— сказал Скандерберг.

— Я боялась, что излечить Килгора другими средствами уже поздно,— сказала Асни, поднимаясь и подходя к шкафу, где лежал меч.— Выпускание крови — это самый древний способ излечиться от заклинания. Ты излечил меня так от заклинания Тронда. Я подумала, что то же самое может быть применено и к Килгору, но я также знала, что в случае с ним это заклинание более могущественное и более опасное. Я знаю, что я всегда слишком упрощаю ситуацию, однако я хотела попытаться. Я взяла «Килдруин» и уколола Килгора. Кровь из пальца потекла по лезвию, и я ощутила, как комнату наполнила сильнейшая магия и произошло ее столкновение с ледяной магией. Но все кончилось очень быстро. Меч перестал сверкать и стал излучать ровное спокойное сияние. И тут я поверила, что Килгор излечится. Я надеюсь, что сделала все правильно. Я очень боялась, что он умрет, так как рана от этого меча всегда смертельна. Однако, так как это его меч, я подумала, что он может помочь, ведь в нем заключена могущественная магия.

Скандерберг кивнул головой.

— Я и сам об этом думал, но я всегда все слишком упрощаю. Никто не может сказать обо мне, что я говорю комплименты, однако ты, Асни, вполне достойна быть Королевой Гардара после того, как мы освободим его. Ну, а теперь, может, нам послать Берси на кухню? Пусть принесет что-нибудь поесть. Ведь пока мы в полной безопасности.

Он зевнул и потер глаза, устраиваясь в кресле поудобнее. И только глаза его закрылись, как кто-то постучал в дверь. Берлиот открыла дверь, и появился посланец, одетый в алое и пурпурное, разукрашенный перьями. Отвесив церемонный поклон, посланец объявил:

— Его Честь, Премьер-министр в изгнании, желает обсудить с уважасмым Скандербергом важные вопросы. В своих апартаментах.

Не обращая внимания на помпезность обращения, Скандерберг ворча натянул сапоги. Взяв посох, он вышел из комнаты вслед за посланцем, время от времени, как бы случайно, наступая ему на пятки. Угрюмая ухмылка на его лице заставляла всех уступать ему дорогу.

Глава 2

В покоях Эльдарна было тепло от потрескивающего в очаге огня и пахло еловой хвоей. Часть стены была сделана из черного камня, отполированного до зеркального блеска. Другая часть была отделана деревянными панелями и обшита материей. Вся мебель была сделана лучшими мастерами альфаров, а великолепные произведения их ювелиров стояли на полках и столиках. Сам Эльдарн также был украшен изделиями альфарских ювелиров: золотыми цепями, кольцами, пряжками, амулетами. Если бы Скандерберг видел их во дворце Эльбегаста, он был бы уверен, что они магические, но здесь, в покоях Эльдарна, они наверняка не имели никакого могущества. Он не чувствовал магии в Беорстаде, кроме как у Графгримра. Но зато Графгримр был гораздо более могущественен, чем любой альфарский колдун.

После чересчур вежливого обмена приветствиями и любезностями Эльдарн усадил Скандерберга в лучшее кресло и пододвинул ему скамеечку, чтобы колдун мог греть ноги у огня. Рядом стояли теплые мохнатые туфли из овечьей шерсти.

Эльдарн предложил Скандербергу обуть их, достать трубки и закурить.

Скандерберг с удовольствием принял предложение и тут же скрылся за непроницаемой завесой голубого дыма.

Когда колдун счел, что дымовая завеса достаточно плотна, он откашлялся.

— Я проделал очень долгий и трудный путь и, вместо болтовни, я бы с большим удовольствием хорошенько поспал. Что ты хочешь сказать, Эльдарн? Ты далеко не всех гостей приглашаешь в свои покои. Здесь много ушей?

Эльдарн смутился и поставил кубок с вином, который он держал в руке, на стол.

— Ты почетный гость, Скандерберг, несмотря на разницу в наших взглядах. Ты и твои друзья получают здесь самый гостеприимный прием. Кстати, как себя чувствует юноша? Мы были очень рады, что заклинание удалось вылечить, хотя для этого и потребовалось присутствие из-

гнанного отсюда Графгримра. Хочу предупредить тебя относительно него, так как у меня какое-то предчувствие, что он вернется сюда. Я скажу тебе все, что знаю о нем. Графгримр когда-то был моим лучшим другом и опорой. В те времена мы порвали с Эльбегастом. Вскоре после того, как мы перебрались сюда, отремонтировали этот старый дворец, он обнаружил, что некоторые наши подземные ходы соединены с подземными ходами темных альфаров по другую сторону Трайдента. У него сразу же возник нездоровый интерес к ним. Он начал экспериментировать с древней магией альфаров и ледяной магией. Некоторые из его экспериментов были очень опасны, и мы были вынуждены объявить магию и всех колдунов здесь вне закона и изгнать их. Графгримр наотрез отказался подчиниться нашим требованиям о запрете магии, и мы изгнали его, хотя мне было больно делать это. Позже мы узнали, что он был у Горма, Короля темных альфаров. Я не знаю, как Берлиот решилась вызвать его сюда, но очень хорошо, что она это сделала. Если, конечно, сам Графгримр своими заклинаниями не заставил ее сделать это для каких-то своих дьявольских целей. Должен признать, что Графгримр весьма искусен в искусстве врачевания, однако вы проследите повнимательнее, ведь рана может появиться вновь. Хорошо, если бы вы никогда больше не встречались с Графгримром, так как у меня предчувствие, что он появится сегодня вечером. Я сделаю все, чтобы он не смог проникнуть в Беростад!

— О, благодарю за твою заботу,— сухо сказал Скандерберг.— Если у меня возникнут предчувствия, то я сообщу тебе о них, чтобы ты мог принять меры. А сколько еще предчувствий услышал ты в комнате Берлиот, когда мы разговаривали?

Эльдари попытался улыбнуться.

— Времена очень опасные, друг мой. Мне бы не хотелось, чтобы вы попали в руки Графгримра. Если вы хотите, мы схватим его, когда он появится сегодня, чтобы вы были уверены, что он и его дьявольская магия не будут вам помехой.

Трубка Скандерберга вспыхнула красным огнем.

— Твоя бескорыстная забота о нас,— сказал он,— очень трогательна. Я думаю, что ты сделаешь все, чтобы помочь нам. Ведь ты же благородный человек с головы до ног, несмотря на все твои предчувствия. Асни и я тревожимся за состояние Килгора и боимся, что он не оправится полностью. Но мы думаем, что такой благородный джентельмен, как ты, позволит нам самим нести меч.

— Разве это хорошая мысль? — спросил Эльдарн. — Ты же знаешь, что только юноша может пользоваться им. Для вас он будет только помехой. Я уверен, что, несмотря на твое высокое искусство, ты не сможешь прочесть магические письма. Лучше я буду хранить его для вас в самом безопасном убежище, местонахождение которого буду знать только я один.

Его мягкий доверительный голос снизился до шепота. Он наклонился над столом, в полированной поверхности которого отражалось его лицо.

— Я подумаю над этим, — ответил Скандерберг, кивая головой. — А потом передам тебе наш ответ.

— Это очень разумное решение, — сказал Эльдарн. — Ведь ты не хуже меня знаешь, что ничто не может разрушить эти стены. Здесь самое надежное место для меча. Ты должен понять, Скандерберг, что к укусу варгульфа нельзя относиться легко. Я должен сказать, что юноша должен оставаться здесь, по меньшей мере, до весны. Здесь он будет в полной безопасности, ничто не повредит ему. — Эльдарн поклонился, притронулся ко лбу. — Я знаю, что ты торопишься пуститься дальше и тебе нужно обдумать дальнейший путь. Знай, что все в Беорстаде к твоим услугам — за исключением, конечно, войск, лошадей, оружия и всего остального, что требуется для войны.

— Нам двоим ничего не нужно, — сказал, поднимаясь, Скандерберг. — Я думаю, что мы выйдем на рассвете. Покажи мне твои кладовые, где я могу взять припасы, а также свои тайные подвалы.

— Хорошо, — сказал Эльдарн, — я надеюсь, что у нас будет время устроить небольшой прощальный ужин перед вашим уходом.

— Очень тронут твоей заботой, — пробормотал Скандерберг, кланяясь.

Вскоре он вернулся в комнату Берлиот и сразу же сделал заклинание от подслушивания.

— Чтобы у Эльдарна не было предчувствий, — сказал колдун, открывая сумку и пересматривая ее содержимое. Веревки, мешки с зерном, одежда, ящики, узлы — все было вытряхнуто на пол. Асни села рядом с ним и помогла разделить все это на три кучи.

— Мы должны быть готовы выйти при первой же возможности, — сказал Скандерберг, — сегодня вечером будет небольшой пир, который, вероятно, продлится всю ночь, и к утру весь Беорстад будет спать. А как мы предупредим Графгримра о том, что Эльдарн знает о его намерении появиться здесь?

Берлиот совершенно не беспокоилась.

— Он уже знает. Он узнал об этом в одно время с тобой. В покоях Эльдарна есть небольшой шарик, да ты и сам знаешь о таких вещах. Графгримр сам спрятал его там, когда почувствовал, что его могут изгнать из Беорстада.

— А ты думаешь, что Килгор проснется вовремя? — Асни уже запаковала свой мешок и пробовала новые сапоги.

Скандерберг туго затянул свой мешок.

— У него нет другого выбора, — безапелляционно сказал он. — Мы не можем оставить его здесь.

Килгор все еще спал, когда день начал клониться к вечеру. К тому времени, как варгульфы завывали в своем ущелье, менестрели настроили свои инструменты, а повара сделали все, чтобы прощальный пир удался на славу. В холлах, коридорах зажгли огромное количество факелов и свечей.

Для Асни и Скандерберга были выделены роскошные одежды из шелка из собственных гардеробов Эльдарна. Асни с презрением осмотрела платье, предложенное ей, и оттолкнула его.

— Я же не смогу ходить в нем. Чем плоха моя одежда? Гораздо более удобная и красивая. Пожалуй, я лучше останусь здесь и буду приглядывать за Килгором. Все эти официальные приемы убийственно скучны. Однако, так как я будущая Королева, мне, вероятно, нельзя отсутствовать. Одень все это, Скандерберг, оно тебе подойдет.

— Нет. Ты Королева, а не я. Я только колдун. А что это, как ты полагаешь? — Он прислушался и услышал, как к дверям направляются люди. Скандерберг посмотрел в замочную скважину.

Берлиот подошла к двери и открыла ее. Перед ними оказалось шесть альфаров, вооруженных мечами и одетых в праздничные одежды. Они вежливо поклонились и заняли места возле двери.

— Идиоты, — сказала Берлиот, закрывая дверь. — Они думают, что так остановят Графгримра. — Она покачала головой, возмущаясь их глупостью.

— Они совсем забыли, что такое магия, — сказал Скандерберг и потер ухо. Тут же под дверь проскользнула голубая змея, и среди часовых начался ужасный переполох.

Пока Скандерберг, Асни и Берлиот потешались над часовыми, в дверь кто-то постучал, и появился небольшой, одетый в строгую, черную одежду человек. Он представил-

ся: Бьельфр, капитан охраны, послан Эльдарном, чтобы забрать меч.

— Я хочу спрятать его в убежище до того, как начнется праздник.

— Входи, дружище,— сказал Скандерберг.— Мы все сделаем для тебя. Ты не побудешь немного вороной, пока мы соберем свои пожитки и уйдем отсюда? А пока, чтобы ты не обижался, возьми кусок хлеба и поешь.

И тут же напыщенный важностью миссии, возложенной на него, капитан превратился в большую ворону с открытым клювом. Каркнув, птица вспорхнула на стол, схватила кусок хлеба и перелетела на спинку кресла.

— Браво,— сказал знакомый голос, и в очаге материализовался Графгримр.— Впервые за много лет я с удовольствием смотрю на старого Бьельфра. Что вы теперь намереваетесь делать? Эльдарн с нетерпением ждет Бьельфра, чтобы спрятать меч.

— Если он считает меня идиотом, то ему придется разочароваться,— сказал Скандерберг.— Я оскорблен. Даже Тронд с большим уважением относился ко мне.— Ворона выжидательно каркнула.— Я просил, чтобы ты пришел и рассказал мне, что ты знаешь о темных альфах, но времени, кажется, уже нет. Нам нужно быстро решать, что же делать. Асни, ты тоже можешь высказать свое мнение. Я предлагаю взять с собой Графгримра, если он не против совершить небольшую экскурсию до Вольфиндена.хлопоты небольшие, а пройтись в хорошей компании всегда приятно. Из разговора с Эльдарном я понял, что ты честный человек, а также глубоко обеспокоен нынешней ситуацией в Скорпсее. Не хочешь разделить с нами опасность, а может, и смерть?

Графгримр склонил голову.

— Я пришел сюда именно для того, чтобы как-то включиться в вашу экспедицию. Всю свою жизнь я ждал возможности принять участие в восстановлении королевства Гардар и свержении правления Сурта. Однако, разумеется, решающее слово за молодой Королевой, да и юноша скоро проснется.

— Это все очень хорошо,— сказала Асни,— но можешь ли ты драться, если на нас нападут? Я вижу, что у тебя нет оружия, и это вносит сомнение в мою душу.

— Я воюю с помощью колдовства, однако в юности я достаточно хорошо владел мечом, топором и луком. Думаю, что мои руки и сейчас не забыли этого.

— Тогда я считаю, что ты должен идти с нами. Скандерберг, когда мы выходим? Мне уже тут осточертело.

— Пока варгульфы в долине, мы останемся здесь и пойдем на пир Эльдарна. Графгримр, Бьельфр и Берлиот посмотрят за Килгором. И за мечом. Я полагаю, что Эльдарн будет обеспокоен тем, что случилось с Бьельфром и, он, как совестливый человек, возможно, нанесет нам визит. Нужно все сделать так, чтобы все выглядело нормально. Бьельфр вообще не показывался сюда, мы его не видели. Возможно, он чересчур перебрал вина. Асни и я постараемся все время держать его возле себя.— Скандерберг со вздохом взял посох.— Если придется драться за меч, используй свое могущество, Графгримр. У меня какое-то чувство, что нынешний пир затеян для того, чтобы сорвать нашу миссию.

— Тогда давай не пойдем.— Асни взглянула на Графгримра, но лицо его оставалось бесстрастным и не выдавало никаких эмоций. В который раз ее посетила мысль о том, что, может, Графгримру и Берлиот нельзя доверять. Взглянув на меч, она заметила, что свет его льется спокойно, без искр и молний, которые она часто видела, когда вблизи находились какие-либо злые существа.

Скандерберг сильным толчком открыл дверь.

— Прошу тебя, прекрасная Королева Гардара, я уверен, что тебя уже ждут. О, что это? Сам Эльдарн пришел проверить свои предчувствия.

Действительно, у двери стоял Эльдарн. Он был одет в роскошную церемониальную одежду премьер-министра. Он поклонился Асни и Скандербергу и с любопытством заглянул в комнату, где, конечно, Графгримра уже не было: он растаял как дым. Ворона что-то глухо каркнула и сунула свой клюв в кубок с вином.

— Очень странно и подозрительно,— тихо сказал Эльдарн.— Разве сюда не приходил Бьельфр? — Он взглянул на недоумевающие лица Асни и Скандерберга, затем пожал плечами.— Да, дисциплина у нас хромает. Однако вы не беспокойтесь. Может, мы спустимся в главный холл? Чтобы не толкаться среди толпы, мы пройдем по лестнице.— И он повел их по крутой спиральной лестнице. Музыки, еды и вина — в главном холле всего было в изобилии и ничто не прекращалось ни на минуту.

Только изредка произносились короткие официальные речи, которых, правда, никто не слушал. Со своих почетных мест на возвышении Скандерберг и Асни могли видеть всю роскошь и богатство альфаров-изгнанников. И мужчины, и женщины были увешаны драгоценностями, которым бы позавидовал любой король. Свет факелов отражался в гранях камней, и весь холл казался усыпанным

сверкающими искрами. Асни не раз бывала на праздниках во дворце Короля, но такого великолепного праздника она еще не видела. Такого великолепного и таинственного. Ее глаза блеснули, а чувства притупились. Музыки, еды и питья становилось все больше, костюмы — еще роскошнее. Голова девушки стала тяжелой, она прислонилась к Скандербергу и тут же почувствовала, что засыпает и не может сопротивляться этому. Ей показалось, что она проснулась через мгновение после того, как закрыла глаза, однако холл был уже пуст и темен. И только два пьяных музыканта все еще пытались играть на своих инструментах. Почти все свечи догорели до основания, на столах валялись горы объедков и грязной посуды. Везде валялись спящие альфары, совершенно не заботящиеся о своих драгоценностях и роскошных одеждах.

— Пора идти,— сказал Скандерберг.— Я должен был предупредить тебя насчет вина. Вино альфаров чересчур крепко для смертных.

— Где Эльдари? — хрипло спросила она. У нее ужасно болела голова.

— Спит под столом. Признаюсь, что всыпал ему в кубок сонного порошка, однако думаю, что этого можно было и не делать. К тому времени, как он проснется и вспомнит о нас, мы будем уже на полпути к Трайденду.— Скандерберг поднял свой посох, который тут же вспыхнул ярким пламенем, и начал искать спиральную лестницу. Асни задумчиво смотрела на последствия оргии альфаров. Покачав головой, она молча пошла за Скандербергом.

Берлиот, Графгримр и Килгор были там, где их оставили Асни и Скандерберг. Графгримр сидел, держа сумку на коленях, и читал. Берлиот крутила шерсть на веретене. Меч испускал яркое сияние. Скандерберг вынул его из ножен.

— Проснись, Килгор! Уже утро, нам пора идти!

— Почему меня не разбудили раньше? — Килгор сел.— Посмотрите, уже светло. Тронд, наверное, уже разослал троллей отслеживать нас. Где мои сапоги? — И тут он испуганно замолчал, увидев вокруг себя каменные стены, очаг, деревянный пол, шкафы, ящики.— А что с варгульфами? — наконец спросил он.— Как я попал сюда? Это, наверное, Беорстад. Но я ничего не помню. Где же альфары?

— Ты обо всем услышишь позже,— сказал Скандерберг.— Однако теперь нам нужно уходить, и побыстрее. Наши хозяева не в состоянии проводить нас, но они извинят нам наш спешный уход.

— А я предполагал, что мы хорошо позавтракаем,— заметил Килгор.— Ведь это очень невежливо: уходить от тех, кто спас нас от варгульфов, не поблагодарив их.

— Вчера, пока ты храпел, мы с трудом уберегли меч от Эльдарна и тебя от него же. Он очень хотел оставить вас обоих здесь. А ты говоришь о завтраке! Обувайся, и я тебе все расскажу по дороге.

— Но...— Килгор посмотрел на Графгримра и Берлиот.

— Графгримр — изгнанный отсюда колдун альфаров. Он идет с нами, так что можешь до смерти замучить его своими вопросами. А Берлиот — врач альфаров, смертная. Она пыталась спасти твою жизнь. Ты же чуть не умер от укуса варгульфа, если ты можешь хоть что-то вспомнить.

— Я ничего такого не помню,— негодуя сказал Килгор, обувая прекрасные новые сапоги и надевая новый плащ, с удовольствием любясь ими.

— Ты готов? Варгульфы сейчас в ущелье, а погода теплая, и идет легкий снежок. Прекрасные условия для ходьбы. Берлиот, мы прощаемся с тобой и благодарим тебя. Когда дороги будут безопасны, мы надеемся, что ты вернешься к людям. Передай Эльдарну наши сожаления, что мы ушли не попрощавшись, и поблагодари его за помощь и за провизию.

Берлиот кивнула.

— Не забывайте, ведь это не я спасла жизнь юноше. Так что вы можете не благодарить меня. Я увижусь опять с вами, когда Гардар будет свободен, а Сурт убит. Пусть Боги защитят вас.— Она дала Асни золотое кольцо, перстни Графгримру и Скандербергу, а Килгору украшенный золотом пояс для меча.— Это подарки от альфаров, не тех, что вы видели здесь, а от южных альфаров. Эти безделушки имеют могущество и помогают своим хозяевам бороться со злом. Они дадут вам силу и могущество, а пояс еще больше увеличит могущество волшебного меча. Его сделал старый ювелир Альфарскар. Он будет рад узнать, что его пояс попал в руки настоящего воина.

Килгор от восхищения не мог произнести ни слова. Золото и драгоценные камни образовывали сложный рисунок — символ, и юноша чувствовал, что они излучают энергию, которая даже покалывала пальцы. Наконец, он пробормотал:

— Спасибо. Это исключительный подарок. Спасибо.

Однако Скандерберг не дал ему отблагодарить, он бесцеремонно стал выталкивать всех за дверь. Из холла их повел Графгримр, и вскоре они оказались в узком грязном туннеле со скользкими ступенями. Они не видели никого

и не прошли по роскошным залам Беорстада. Беорстад был тих и безжизнен: ничего не напоминало буйную вакханалию прошлой ночи.

Туннель привел их к деревянной двери, и Графгримп осторожно ее открыл. Осмотревшись, он махнул рукой остальным. Снег хлопьями падал на их лица. Асни сказала:

— Вы только посмотрите: ни часовых, ни охраны. Все открыто для нападения. Если бы Тронд знал об этом.— Она осуждающе покачала головой.

Они еще немного постояли, глядя на Трайидент, который еле проглядывал сквозь голубую завесу падающего снега. Все камни и расщелины были тщательно замаскированы белой пеленой. Скандерберг взглянул на карту, затем указал направление.

— Это туда. За самым высоким пиком, как мне говорили, есть деревья и луга. И не так много варгульфов.— И, опираясь на посох, он пошел вперед. Снег тут же заметал их следы. Асни пыталась рассказать Килгору о потрясающей роскоши Беорстада, о восхитительных костюмах и драгоценностях, но Килгор был не склонен верить этим сказкам, так как утром он видел пустой безжизненный Беорстад. Затем Скандерберг описал ему спасение от варгульфов и как Асни с помощью меча излечила его.

— Значит, она уже второй раз спасает меня,— сказал Килгор.— Тысячу благодарностей, Асни.

— Я думаю, что второй, однако не последний,— с присущей ей скромностью ответила Асни, но вид у нее был довольный.

К полудню погода стала ухудшаться. Когда они обогнули утесы, они попали под кинжальные удары ледяного ветра. Идти было очень трудно и опасно из-за множества трещин. Вглядываться вперед было почти невозможно, снег слепил глаза.

Остаток дня и половина следующего были такими же трудными и изнуряющими. Они останавливались только для того, чтобы обогреться горячим чаем. Они шли и шли, и тишина нарушалась только их пыхтением, да изредка вниз по склону катились камни, выскользнувшие из-под ног. Эти звуки как бы отражались черным облаком, нависшим над ними. Ничего не росло на склонах Трайидента, ни мха, ни лишайников. Они были голыми и серыми, и чем выше они взбирались, тем беспокойнее становилось у Килгора на душе. Они здесь были открыты для любого нападения Сурта.

Последние шаги их подъема были самыми трудными. Их пришлось преодолевать с помощью крючьев и версвов.

Черное облако было прямо перед ними. Они надолго остановились, не рискуя погрузиться в него, и два колдуна плели сеть заклинаний, которая должна была защитить их. Затем они медленно поднялись в облако.

Оно было гуще, чем самый густой туман в Шильброе, а запах здесь был такой, как в старых сырых непрветриваемых подвалах. Здесь было сыро, а камни покрыты коварной пленкой льда, так что идти стало еще трудней. К тому же в самом облаке свирепствовал сильный ветер, который угрожал сбросить их с ледяной вершины Трайдента и швырнуть на острые камни у его подножия.

Когда, наконец, свет дня был поглощен мраком, они оказались в каменистой долине, полностью выдохшиеся и уставшие. Вихри кружили снегом, который слепил им глаза и сек лицо. Наконец Килгор не выдержал и нарушил гнетущую тишину:

— Я думаю, что нам нужно где-то устроиться на отдых.

— Мы все здесь к утру превратимся в ледышки,— сказала Асни.— Однако я все равно не хотела бы жить так, как живут альфары Эльдарна. Как ты чувствуешь себя, Графгримр?

— Спасибо, нормально. Этот поход напоминает мне переход через горы Гримфаст. Правда, это было дальше на севере. Мы шли с Вультером, но у нас не было такой прекрасной одежды и пищи.— Графгримр сделал маленький костер из сухих сучьев, достал из сумки сушеное мясо и бросил его в котелок.

— Если ты шел с Вультером, я замолкаю,— почтительно сказала Асни.— Если бы Вультер и другие Вальсиды не разъединились на Гуннарсмаунде, война кончилась бы совсем иначе, и Гардар был бы сейчас свободен.

— И я никогда бы не сошелся с таким, как Эльдарн,— сказал Графгримр.— Он ввел меня в заблуждение своими обещаниями мира, гармонии и красоты. Должен сказать, что он воздействовал на меня очень умело, однако я ненавидел спокойную жизнь. Скука и любопытство привели меня к Горму, и я узнал очень много у него, помимо магии. От него я узнал о заговоре относительно Фимбул Винтер.— Он глубоко вздохнул.— Остальное вы знаете.

Килгор кивнул. Асни уже рассказала ему о колдуне и о своих подозрениях. Килгору не понравился повышенный интерес колдуна к мечу.

— Что ты знаешь о мече? — спросил он резко.— Мне бы хотелось знать, что говорят альфары о нем.

Графгримр подбросил несколько сучьев в огонь, и все расселись вокруг костра. Графгримр начал:

— Этот меч был сделан тысячу лет тому назад кузнецом по имени Андурих, который на самом деле не был альфаром. Он был захвачен в плен Королем альфаров, но Король очень хорошо платил ему за работу и даже дал способного ученика и помощника Графгримра. Так что я был с Андурихом, когда этот меч был выкован в глубинах Муспела, единственного места, где хватало жара, чтобы расплавить вещество, из которого сделан этот меч. Мы работали в глубокой шахте, которая сейчас тщательно заколдована, чтобы другой такой меч никогда не был сделан. Я был со старым Андурихом, когда он ковал этот меч, придавая ему необычную форму и твердость, когда он вводил в него могучую магию при помощи заклинаний, которых я никогда больше не слышал. Эта тяжелая и упорная работа заняла у него три года. Это было время, когда Сурт предпринял третью попытку наслать Фимбул Винтер. До этого он сделал две попытки, и, как вы знаете, его могущество все время возрастало. В те времена его никто не принимал всерьез. Просто еще один сумасшедший колдун, который слишком много времени проводит у троллей. Однако король Эллидаgrimр был гораздо мудрее. С помощью своих колдунов он узнал, что Сурт со временем превратится в того, кем он стал сейчас, — в алчное чудовище. Несмотря на оппозицию со стороны альфаров, он приказал сделать меч и спрятал его в надежном месте, где он вскоре был забыт. Старый Андурих вскоре умер, и меня послали учиться к ювелирам, и время мирно текло, пока вновь не возникла угроза со стороны Сурта. Альфары заметили, что каждый раз справляться с ним все труднее и труднее.

Когда люди прибыли на кораблях и высадились на земле Гардара, они основали там крепости и стали жить. А Сурт, который к тому времени удвоил свое могущество, не мог этого терпеть. Гардар был его убежищем, куда он скрывался после очередного выступления. Он хотел завоевать весь Скорпсей; причины этого альфары не могли понять. Когда на трон пришел Эльбегаст, он решил, что меч необходимо достать из убежища и использовать против Сурта. Однако некоторые считали, что этот меч недостаточно могущественен, чтобы убить Сурта, другие опасались, что он может попасть во враждебные руки, а третьи, подобные Эльдарну, считали, что в этом нет необходимости. Эльбегаст игнорировал их всех и последовал совету своего отца Эллидаgrimра. Он сам принес меч в Брайдсток-холл и вонзил его в дерево. Только одна рука могла вытащить этот меч и только она одна могла поразить Сурта. То, что меч был отдан в руки смертных, послужило

причиной раздела альфаров. Я оказался изгнанным из обеих группировок. Я лично заинтересован в мече, потому что мне хочется постичь магию, заключенную в нем. Ведь я присутствовал при его изготовлении. Я считаю, что я ученик не только мастера, но и меча самого. Я всегда чувствовал связь между ним и собой, хотя и не оказался тем, кто должен владеть мечом. Однажды я спросил старого Андуриха, кто будет владеть мечом, надеясь, что он назовет меня. Однако он сказал, что я буду правой рукой владельца меча, если, конечно, проживу достаточно долго. Я не уверен, что он знал, кто будет им владеть. Но я рад, что это не я. Гораздо легче быть помощником, чем лидером.

Некоторое время была тишина, нарушаемая только потрескиванием огня в костре. Затем Скандерберг откашлялся.

— После того, как он вонзил меч в дерево, он на обратном пути остановился в Гильдии колдунов. В это время там оказался и я. Эльбегаст попросил меня совершить небольшое путешествие в Гардар вместе с обладателем меча. Я решил, что это очень небольшая роль — просто представитель при сильной армии, однако потом я понял, что Эльбегаст придает очень большое значение этому. И мне очень повезло: мне самому никогда бы не решиться на такое путешествие.

— И я тоже очень рада,— сказала Асни,— трудности и опасности мне по душе. Без них я не мыслю жизни. И когда я подумаю, что завтра мы будем в Гардаре, я с трудом верю себе.

— И потом нам придется называть тебя «Ваше Величество»,— угрюмо сказал Килгор.

— Чепуха. Я еще не коронована. Нельзя же быть Королевой без подданных. Но надеюсь, что в моей стране остались не только колдуны и тролли. Через несколько часов мы увидим Гардар, который я не видела шестьдесят пять лет. Неужели там ничего не осталось? Ни лугов, ни пивоварен, ни скотобоен? — Асни вздохнула и налила себе еще бульона.

— Ничего,— сказал Графгримр,— я видел. Однако все можно восстановить.

Скандерберг зевнул и начал расстилать одеяло, подавая пример остальным. Он решил, что настало время для сна. Килгор устроился как можно дальше от края хребта. И все же он боялся, что свалится во сне вниз. Он пробормотал:

— Я чувствую себя как летучая мышь, прилепившаяся к потолку пещеры. Мне кажется, что я не смогу тут уснуть.

Но в ответ раздался богатырский храп Скандерберга. И всю ночь Килгору снились кошмары. Ему чудилось, что кто-то появляется из мрака и катит его, как бочонок с пивом, к краю пропасти. Он несколько раз просыпался в холодном поту и каждый раз вздыхал с облегчением, поняв, что все ужасы ему только снятся. Каждый раз он слышал храп Скандерберга в сырой мгле и видел Графгримра, сидящего у костра. И ветер трепал бороду колдуна альфаров. Однажды ему показалось, что он слышит пение колдуна, однако, может быть, это было не заклинание, а завывание ветра. И, может быть, время от времени ветер шевелил мелкие камни на склоне горы, а звук этот казался Килгору чьими-то шагами. Но, конечно, это был всего лишь ветер. Скандерберг все время храпел, а может, притворялся. И это несколько успокаивало Килгора. Ветер шептал, завывал, бормотал, и звуки эти очень походили на человеческие голоса.

Посох Графгримра разбудил юношу. Было еще темно, однако Килгор предположил, что рассвет уже скоро. Он приветствовал альфара:

— Хорошо ли ты спал ночью?

— Сон могут позволить себе только смертные. Нет, я осматривал горы и увидел кое-что любопытное.

— За нами следят! — сказал Килгор, трогая меч, чтобы узнать, близко ли враг. Но меч молчал. — Что же ты видел?

— Странное маленькое существо. Похожее на тролля, только без когтей. Я полагал, что это колдун-бродяга, у него жуликоватые глаза и сальная желтая борода. Когда я его вежливо спросил, что ему надо, он весьма недружелюбно ответил, что хочет отомстить за предательство, и взмахнул маленьким мечом. Затем он сказал, что вы оставили его одного в руках короля Тронда и восстановили всех троллей против него. Он начал ужасно ругаться и грозить. Я не мог утихомирить его, и мне пришлось превратить его в зайца. И он всю ночь бегал вокруг, производя ужасный шум. Вы знаете его?

Килгор натянуто улыбнулся.

— Да. Это старый Барт.

Тут же откуда-то появился Скандерберг.

— Ты говоришь, Барт? Не хотелось бы мне опять с ним встречаться. Он хуже, чем пчела, запутавшаяся в бороде.

— Но он может помешать нам, — сказала Асни, сворачивая веревки. — Сегодня мы будем в Гардаре.

— Однако, пока мы доберемся до Сурта, пройдет еще много времени, — сказал Скандерберг. — И у меня какое-то

неспокойное предчувствие относительно этого мутанта. Он не предвещает нам ничего хорошего.— Он достал свою книгу заклинаний.— Посмотрим. Ага, вот: Холодное облако, Черное. Встречается на территориях, населенных великанами. О, нам нужно поскорее убраться отсюда. Я не знаю огненной магии, которая была бы эффективна против великанов, особенно, населяющих горы.— И он сунул книгу в сумку.

После этого наши путешественники двинулись дальше, то и дело боязливо оглядываясь. В полдень они остановились для короткого отдыха. Они не могли определить точное время, так как туман застилал все небо и солнца не было видно. Они скинули свои мешки и расположились на камнях. Асни пошла обследовать каменистое плато, на котором они остановились, и вскоре пропала в тумане. Внезапно гора задрожала под их ногами, и несколько камней рухнуло вниз.

— Асни, что ты делаешь? — крикнул Скандерберг.

— Не беспокойся,— ответил Графгримр.— Это старый Бультор вытянул ноги.

— Кто? — Асни поспешила вернуться.

— Бультор. Великан горы Брайдент. Он очень стар и не шевелился уже много веков. Я полагаю, что Сурт решил разбудить его, чтобы помешать нам пройти в Гардар.

— А чем занимаются эти великаны? — спросил Килгор.

— О, они бродят по земле и, когда их кто-то замечает, они немедленно застывают в виде гор. Бультор уже почти весь превратился в горы, за исключением тех частей его, которые находятся очень далеко отсюда.

— И каждая гора — это застывший великан?

— Этого никто не знает,— ответил Графгримр.

Еще один глухой удар потряс землю. Сотрясение продолжалось все время, пока путники паковали пожитки и собирались в путь. Во время подъема гора несколько раз сотрясалась. А однажды они услышали какое-то кряхтение внутри горы, как будто кто-то просыпался и потягивался. И вдруг крутой склон горы наклонился и превратился в долину. Они остановились на краю долины и смотрели веревки, а потом медленно двинулись вперед, оглядываясь по сторонам. В густом тумане они мало что видели, однако впереди смутно вырисовывались две черные горы, похожие на гигантские плечи, которые круто поднимались вверх и исчезали в темном облаке. Они осторожно приблизились. Туман внезапно исчез.

— Нам нужно торопиться,— сказал Графгримр.
— Хэлло! — вдруг раздался громовой голос.— Кто здесь ползает по моему телу?

Глава 3

Голос грохотал вокруг них, заполняя все своими могучими звуками, но тот, кто говорил, не появлялся из зловещего облака. Килгор положил руку на меч и обнаружил, что тот вибрирует и гудит.

— Приветствую, Бультор,— крикнул Графгримр.— Это ты в своих ледяных пещерах? Твой голос так же молод и могуч, как и девятьсот лет тому назад. Ты хорошо отдохнул.

— Отлично. Спал беспробудным сном семьсот лет. Однако кто-то потревожил меня. Ты видишь, что у меня не очень хорошее настроение. Прошли целые века с тех пор, как я ел в последний раз. Кто это с тобой, альфар?

— Двое детей Аска и Эмблы и самый опасный и могущественный огненный колдун. Я боюсь, что он расплавит тебя до последнего камня, если ты разозлишь его.

— Рад знакомству,— сказал горный великан менее враждебно.

Скандерберг вежливо поклонился, изо всех сил стараясь выглядеть опасным и могущественным.

— Мое имя Скандерберг. Очень рад.

— Вы не можете подойти поближе, чтобы я мог рассмотреть его? У меня только один глаз, да и тот плохо видит. Значит, вы смертные, да? Похожи на великанов, только уменьшенных во много раз. Или на безопасных троллей. Говорите, смертные. Полагаю, у вас есть имена.

Килгор подошел поближе к сверкающей ледяной пещере. Чувствовалось, что в кристаллах зеленоватого льда заключена жизнь.

— Я Килгор из Шильброда,— сказал он.

— Я вижу. Я раньше никогда не видал Килгора. Ты из тех варваров, что жили раньше в этой стране?

— Мы зовем их смертными,— сказал Графгримр.— За семьсот лет они намного продвинулись в своем развитии.

Внезапно у самых их ног разверзлась земля. Путешественники в испуге отскочили назад. Трещина закрылась с протяжным звуком.

— Простите, что я зевнул прямо перед вами,— сказал смущенно Бультор.— Я так долго спал. Я спал бы и сейчас, если бы не этот шум о Сурте и дурацком мече, который де-

лал Андурих. Подойдите поближе. Я его не вижу. Черт бы побрал этого Сурта... Сукра... забыл его имя.

— Сурта,— подсказал Килгор.

— Ха! Значит, вы знаете его! — Земля тревожно затряслась под их ногами.

— Только по имени,— поспешно сказал Килгор.— Так же, как и Андуриха.

За путниками снова разверзлась земля и поглотила посыпавшиеся туда камни. Туда же свалились смотанные веревки.

— Андурих! — раздался подземный грохот.— Девятьсот лет тому назад я поклялся, что проглочу Андуриха и этот меч, если они когда-нибудь появятся здесь. Почему вы не подойдете ближе? Мне надоело кричать. Вы можете мне рассказать об Андурихе? Вероятно, он и его друзья давно в могиле. Ведь Сурт не мог позволить им жить, не правда ли?

— Они уже давно мертвы,— ответил Графгримр,— а меч, вероятно, еще лежит в земле.

— Ты лжешь, альфар. Сам Сурт сказал мне, что меч достали и передали варварам. Теперь он в руках великого и могучего воина с юга, который направляется в Гримслаг, чтобы убить Сурта и всех Двенадцать. Почему ты хочешь одурачить меня, альфар? Разве ты не знаешь, что я сердце Трайдента, величайший из великих? Никто не может обмануть Бультора! — И тут со страшным грохотом прямо перед ними разверзлась бездна, и они чуть не рухнули в бездонную пропасть, если бы не успели отскочить.

— Давай разойдемся с миром. Позволь нам пройти,— крикнул Графгримр.

— Нет, клянусь корнями гор! — прогремел Бультор.— Это вас ищет Сурт. Это вы осмелились препятствовать приходу Фимбул Винтер, вы, которым здесь не место. Позвольте сказать вам, что ни вы, ни этот огромный меч, который несет Килгор, не пройдете через эти три пика.

— Ты ошибаешься.

— Знаю я вас, земляные черви. Покажите мне меч, я знаю, что он у вас.— Земля вновь содрогнулась, и опять возникла огромная трещина.

Скандерберг гордо выпрямился, в его глазах зажегся огонь.

— Послушай, куча камней, позволь нам пройти или пень на себя. Меч Андуриха гораздо более могущественен, чем какая-то каменная развалина с одним глазом. В сторону, разбойник, иначе ты познакомишься с ним!

— Ха! Значит, это правда! Так кто же из вас великий воин! Я проглочу его первым.— Камни и ледяные глыбы посыпались с гор. Жутко был гнев Бультора.

— Попытайся сначала ничтожного огненного колдуна! — крикнул Скандерберг. Подняв посох, он послал огненные молнии в восточный пик, чуть повыше ледяной пещеры.

— Демоны и колдуны! — завопил великан, и гора покрылась трещинами, которые снова со скрежетом закрылись. Это мигнул глаз Бультора.

— Колдун и альфар,— ответил Графгримр. Кивнув остальным, он побежал по ущелью прямо перед тем, что должно было быть носом Бультора. Бультор издал ужасный крик, который, наверное, был слышен в Шильброде. Он был вне себя, что его жертвы хотят ускользнуть. В небе вспыхнули огненные искры и молнии. Они поглотили туман, облако сгорело ярким голубым пламенем, осветив вершины горы. Стало светло, как в солнечный день.

— Теперь я вижу вас,— прогремел великан.— Смерть воину с мечом.— Камень, размером с двух лошадей, запрыгал с центрального пика наперерез убегающим людям.

Увидев его, Килгор остановился, остальные прибавили скорости, и камень пролетел между ними, образовав глубокую расщелину.

Горный великан захохотал, довольный тем, что случилось. Трайидент трясся весь до самых своих корней. Некоторое время Килгор ничего не видел из-за пыли и ледяных осколков.

Килгор спрятался за камень. Смертельное дыхание великана сковало его тело. Меч на его поясе завывал и рвался в бой. Его пение было слышно даже на фоне грохочущего гнева Бультора и дикого воя ледяного урагана. Килгор выхватил меч, хотя не понимал, что он может сделать чудовищу, сделанному из камня и льда. Он высочил из-за своего укрытия и увидел, что ледяная пещера находится совсем рядом, на расстоянии полета стрелы. В этой пещере сверкали глыбы старого темного льда — глаз Бультора. А из другой пещеры слышался грохот камней и льда, вырывалось его ледяное дыхание. Килгор отчаянно обдумывал план действий. Это был рискованный план, однако иного выхода не было. Он взял камень и швырнул его вниз. Тотчас же на склоне образовалась огромная трещина, а за ней и другие.

— Ха! Вот ты и попался! — крикнул великан. Лавина льда и снега обрушилась на то место, куда Килгор кинул камень.

Килгор с мечом наготове выскочил из-за своего укрытия. Он успел пробежать половину пути до пещеры, прежде чем Бультор заметил его. Он яростно закричал, увидев сверкающий меч:

— Ну, теперь я с тобой разделаюсь! Андурих-Эльбегаст, умри!

— Во имя сынов Аска и Эмблы! Умри! — крикнул Килгор, вращая мечом и отбивая летящие в него камни. Он в одно мгновение был уже у пещеры. Меч по самую рукоятку вонзился в черно-зеленый снег, который сразу провалился в черную пропасть. Ветер чуть не сбил Килгора с ног и прибавил ему скорости, когда юноша изо всех сил бежал к ущелью.

Бультор ревел:

— Ты выколол мой второй глаз! Предатель! Разбойник! Убью! — Земля дрожала от ярости.

Трещины возникали по десятку за раз, из них вырывался ледяной ветер. Бультор грохотал. Он был вне себя. Камни величиной с дом сыпались с вершин, где они покоились в своих ледяных гнездах тысячелетиями.

Со стороны Гардара было не менее опасно, огромные камни катились вниз по склону, сопровождаемые гигантскими лавинами, глыбы льда обрушивались вниз, разрываясь на миллионы сверкающих осколков.

Асни без устали разила своим молотом камни. Графгримр на бегу творил заклинания. Яростный вихрь сбил наших путешественников с ног, и Скандерберг сотворил на вершинах Трайдента огненный столб. Ледяная вода хлынула потоком с вершин, смывая со склона камни.

Когда все кончилось, поток промыл склоны от снега и камней, и путникам удалось избежать теперь уже бессильного гнева Бультора. Скандерберг и Графгримр в изнеможении рухнули на камни. Внизу перед ними расстился Гардар. Они молча смотрели на пустынную равнину. Затратив полдня на спуск, они оказались среди черных камней и черных засохших деревьев. Эти леса некогда были знамениты, а теперь они были мертвы. Все было неподвижно под свинцово-серым облаком. Все живое, если оно было, затаилось и выжидало.

— Ты видишь путь? — прошептал Скандерберг.

— Туман все скрывает, но Вольфинден лежит где-то на севере. Он защищает единственный проход на равнину. — Графгримр показал на размытую черную линию, видневшуюся вдаль. — Как только мы пройдем через государство темных альфаров, нам будет открыт путь в Гримсшлаг. Здесь со времен войны сплошная пустыня. Разве что живы

некоторые из гардарцев, которые сумели скрыться от Сурта, однако теперь уже превратившиеся в дикарей. Здесь каждую ночь бегают варгульфы, хотя чаще они охотятся дальше к югу, ближе к Гардарскому ущелью.

— Я считаю, что сейчас нам нужно побыстрее спуститься и найти укрытие,— проворчал Скандерберг, осматривая склон.— Я вижу Асни, которая направляется к нам. А Килгора нигде не видно. Ты не думаешь, что он остался на той стороне?

— Если он остался, то Бультор уничтожил его.

Асни чуть не наступила на Скандерберга, не заметив его. Она не могла отвести глаз от Гардара, который расстился перед ней.

— Тут же совсем голо,— горько сказала она.

— Все деревья погибли, но лет через двадцать здесь все возродится. Вольфинденгейд исчез, зарос чахлым кустарником, однако все это можно расчистить. Вы видите дома или селения внизу? Я не могу ничего разглядеть.

— Ты видела Килгора? — спросил Скандерберг. Асни с удивлением осмотрелась.

— Его здесь нет? А я считала, что он идет впереди. Я сейчас вернусь и найду его.

— Нет, подождем и дадим остыть Бультору,— сказал Графгримр.— Пока мы не знаем, может, мы привлекли чье-нибудь враждебное внимание.

И они уселись на камни и стали ждать. Падали хлопья снега, и сумрачный день казался еще серее. Чтобы сократить время, Скандерберг приготовил чай и дал всем по сухому бисквиту. Килгор так и не появился. На землю опустилась ночь.

Когда гнев Бультора постепенно утих, и прекратились его судорожные конвульсии, Килгор перешел на склон, ведущий к Гардару. Его спутников не было видно, как он и ожидал. Ведь прошло довольно много времени. Он остановился и оглянулся назад. Вид был потрясающий. Гроздь ледяных кристаллов сверкали в лучах угасающего магического огня. Еще один последний толчок потряс землю. Килгор упал на полосу мягкой глины. Когда он поднялся на ноги, глина уже пришла в движение и скользила по склону мимо расщелин и сухих стволов деревьев. Килгор видел, как далеко впереди серебристая глина водопадом обрушивалась с крутого склона. Килгор попытался пробраться к краю полосы, но безуспешно. Скорость была слишком велика, а толчки все время сбивали его к центру.

Он присмотрелся к глине и заметил, что камни, которые ехали рядом с ним, были примерно одной формы и

размера и напоминали чешую. Он взглянул вперед, в каменистую долину, куда низвергался серебристый водопад, затем вверх, однако не увидел конца серебристой полосы глины. Он беспокойно возобновил свои попытки выбраться с этой скользкой с огромной скоростью полосы. А что если это сама гигантская змея Митгард, о которой ему часто рассказывал суеверный старый Грэндхэм? Килгор всегда считал, что это всего лишь сказки, что не существует чудовищной змеи, которая вечно кружит вокруг Земли, стараясь поймать себя за хвост. Если все это правда, то он очень скоро очутится где-нибудь далеко, за восточными или западными морями, в зависимости от того, в какую сторону ползет змея. Он решительно стал пробираться к краю спины, цепляясь за огромные чешуйки. Очень боясь, что он попадет между огромными камнями и шершавым боком змеи, он прыгнул на землю. Перекатившись несколько раз через голову, он остановился, ударившись о заросший мхом ствол дерева. Когда он, наконец, отошел от удара, успокоил дыхание и собрал кое-какие свои пожитки, разбросанные по земле, он бросил последний взгляд на серебристую спину змеи Митгард и стал осматривать лес, куда его занесло. Змея дотащила его почти до подножия горы. Эти деревья он видел с горы, и они казались ему жалким черным кустарником. Теперь он мог видеть, что это старые огромные деревья. Их покрытие мхом ветви были скрючены, как пальцы старика. Веками бури и штормы гнули, ломали их, но они и сейчас еще стояли, крепко вцепившись корнями в каменистую почву.

— Как приятно пройти по тенистой тропинке, — сказал себе Килгор, вступая в лес. Однако тут же он услышал шипение и треск сучьев над головой. Деревья, казалось, угрожающе клонились к земле. Может, пока не стоит входить в лес, — подумал Килгор и тут же вспомнил об остальных. Он должен найти их, когда они спустятся вниз. Жаль, что они тоже не воспользовались для спуска спиной змеи. Но Килгору ничего не оставалось делать, как ждать. Чтобы занять себя, он решил пройти по краю леса. Хотя была уже поздняя осень, на деревьях виднелись черно-зеленые листья, похожие на пересушенную старую кожу. Под деревьями было темно и одуряюще пахло. Какое-то шуршание привлекло его внимание. Он наклонился и стал рассматривать покрытую мхом землю, однако не увидел ничего. Кто-то, или что-то, следит за ним — вздрогнув, подумал Килгор. Как ему бы хотелось, чтобы здесь оказался Скандерберг и рассмеялся над его страхами. Или же послал молнию в направлении шуршания. Его беспокойные

блуждания привели его к дороге в горы Трайидент, или же в угрюмый лес. Она поросла травой, и камни были раскиданы по ее когда-то мощенной поверхности. В соответствии с древними обычаями на краю дороги возвышался камень. Клиновидные буквы были еле различимы. В полумраке он смог разобрать: «Вольфинденгейд и Трайидентгейд» и что-то вроде «Грим...», а дальше было не разобрать. Возможно, Гримсшлаг — возбужденно подумал Килгор. Он посмотрел в том направлении, куда указывал камень. Заросшая травой просека, которая когда-то была дорогой, углублялась в лес, в заросли колючего кустарника. Никто не ходил по этой дороге, если это была дорога, много лет.

Килгор стоял и всматривался в глубину леса, и вдыхал запах гниющего дерева. Вдруг сильный треск справа насторожил его. Он повернулся и увидел две какие-то приземистые фигуры, пробирающиеся в кустарнике. Он остановился, взявшись за меч. Никто не знает, какое обличье может принять враг. Существа беззаботно ломились сквозь кустарник, издавая какие-то странные звуки. Затем они все повернулись к нему, опустив головы и похрюкивая.

Килгор с облегчением рассмеялся. Это было всего лишь стадо свиней. Тем не менее, он подошел поближе к камню, готовый вспрыгнуть на него, если они вздумают напасть. Килгор решил, что это одичавшие свиньи жителей Гардара. Когда люди были перебиты или изгнаны из Гардара, все животные удрали в леса. Так что вполне возможно, что эти свиньи совершенно дикие и не боятся человека.

Свиньи копались в земле, изредка подозрительно поглядывая на юношу. Он не рискнул бежать от них. Ведь если они погонятся за ним, они могут загнать его далеко от места, где должны спуститься Скандерберг с товарищами. И вдруг ему ударило в голову, что поджаренный на костре окорок необыкновенно вкусен. Вытащив из мешка короткий меч, который он носил специально для таких случаев, Килгор стал осторожно подходить к ближайшей свинье. Она смотрела на него маленькими глазками, как будто догадываясь, что он хочет. С хрюканьем она стала потихоньку уходить. Килгор прыгнул на нее и схватил за заднюю ногу. Какой визг, хрюканье! Свинья, отчаянно отбиваясь, лягала юношу. Избитый, однако не отчаявшись, Килгор был готов нанести последний удар, как услышал голос:

— Эй, ты, грабитель! Неужели ты без зазрения совести лишишь бедного человека его единственного достояния и заставишь умирать с голода?

Все еще держа визжащую свинью, Килгор с удивлением оглянулся. Он увидел говорящего и все его страхи улеглись.

Он ожидал увидеть громадного злого пастуха, направляющегося к нему с топором в руках. Вместо этого, Килгор увидел щуплого маленького старичка, сидящего на корне дерева в пятнадцати шагах от него. Он был одет в шкуру какого-то старого и неопределенного зверя. Шкура покрывала его с ног до головы, а на поясе была затянута широким ремнем с медной пряжкой. На шкуре было несколько карманов, на поясе висели обоюдоострый нож, старый серебряный рог и грубый, однако вполне пригодный для использования острый боевой топор. Кожаные чулки защищали его ноги от колючек, которыми были усеяны кусты. Бесформенная шляпа с пером была сдвинута на один глаз. И смотрел он на Килгора с искренним изумлением, поглаживая свою бледно-желтую бороду.

Килгор ответил старику:

— Разумеется, я не хочу, чтобы кто-то голодал из-за меня. Я с радостью отдам тебе половину свиньи, и ты можешь разделить со мной костер, чтобы поджарить ее. Мы подождем моих друзей,— добавил он.— Они должны вот-вот подойти.

— О, это очень благородно,— сказал старик, кивнув.— Я сейчас разожгу костер. Я не каждый день имею половину свиньи.

— Кто ты и что ты делаешь в этой пустыне? — спросил Килгор.

— Я Шиммельпфиннинг, пастух свиней,— сказал старик, сгребая в кучу сучья. Килгор увидел, что огонь уже охватил ветки, и подумал, неужели этот старик имеет серные спички, как у Скандерберга. Он слишком быстро разжег костер.

Килгор разделал свинью. В один момент он поджарил себе кусок, насадив его на конец палочки и разглядывая Шиммельпфиннинга. Тот болтал без перерыва — о свиньях, о лесе, о великанах. Он не уклонялся от ответов и, в свою очередь, задавал вопросы. Он хотел знать о Килгоре все. Килгору приходилось изворачиваться. Он не хотел лгать, но и не хотел говорить всю правду.

— Ты колдун,— дружески сказал Шиммельпфиннинг.— Я здесь не вижу никого, кроме колдунов, которые выполняют поручения Сурта. Во всяком случае, те, кто идут на север,— колдуны Сурта. Могу сказать, что по внешнему виду ты очень похож на колдуна.

— Внешность бывает обманчива, Шиммельпфиннинг,— сказал Килгор, принимая суровый вид.— Посмотри, к примеру, на себя. Каждый, кто увидит тебя, решит, что ты просто свинопас и бродишь весь день по лесу за своими свиньями. Это слишком очевидно, так что я могу подумать, что, на самом деле, ты кто-то другой, скажем, один из ледяных колдунов Сурта. И, как только я повернусь к тебе спиной, ты поразишь меня одним из своих заклинаний. Что ты скажешь на это?

— Только то, что если ты не дурак, то не будешь поворачиваться спиной,— ехидно сказал Шиммельпфиннинг.— А когда я смотрю на тебя, я вижу обычного юношу, который беззаботно бродит по опушке леса. Ты выглядишь слишком обычно для этой страны и этого времени. Никто в Гардаре не выглядит обычно, если у него нет на это особых причин. Тебе нужно выглядеть подозрительно, чтобы на тебя не обращали внимания чужие глаза, которые здесь скрываются за каждым камнем.

— А как выглядеть подозрительно? — поинтересовался Килгор.— И что может быть более подозрительным, чем бросить хороший дом, теплую страну, покой и отправиться сражаться с троллями, великанами, варгульфами, не говоря уже о ледяных великанах? Разве это не сумасшествие, идти сражаться с Суртом?

— Сражаться с Суртом? Ты для этого пришел сюда? — ахнул старый свинопас.

— Да, и ты можешь передать это ему, если увидишь его,— сказал Килгор, твердо сжав губы.

— Я передам, однако скажи мне, ведь ты много путешествовал и много видел. Скажи, что ты знаешь о Шильброеде? Ужасные болота, трясины, пещеры, полные троллей, злые дикари...

— Что? — воскликнул Килгор.— Это прекрасная страна. Ты никогда не видел более прекрасных лугов, полей и лесов, чистых озер и рек, гостеприимного народа. И ни одного тролля ближе, чем в Харонессе.— Внезапно тоска по дому охватила его. Он вздохнул и сел, рассеянно глядя на свой кусок свинины, с которого капал жир.

— Да, ты прав.— Свинопас хмыкнул.— А кто там сейчас правит? Вультер? Какой-нибудь другой Вальсид?

— Вальсидур,— сказал Килгор. Мысли его были далеко отсюда. Он был в древних, отполированных до блеска стенах Брандсток-холла.

— Мне кажется,— пробормотал свинопас, рассматривая свое мясо,— что я слышал что-то странное о Вальдуркнеле и Брандстоке.

— О? — прошептал Килгор.— Это так далеко. Никто не может сказать, правда это или сплетня.— И быстро добавил: — Никогда не верь слухам, лучше не обращать внимание на слухи.

— О боги, я же тебе еще ничего не сказал,— проговорил свинопас.— Это очень интересно, ты, вероятно, колдун, раз умеешь читать мысли.

— Нет, я не колдун. И не могу прочесть твои мысли, даже если захочу. Просто я слышал ту же самую историю о Вальсидуре, его сыне и таинственном мече.

— Я ни о чем подобном не хотел говорить,— с торжеством сказал Шиммельпфиннинг.— Я даже не думал ни о юноше, ни о мече. Почему ты так боишься говорить об этом? Ты прямо испугался, когда я упомянул о Шильбрوده. И ты прячешь меч у себя под плащом. Я бы сказал, что он похож на меч альфаров, если бы я когда-нибудь видел его.— И он подмигнул, как заговорщик.

— Я сомневаюсь, что ты его когда-нибудь увидишь, если ты просто свинопас. Смотри! Шим... Шмеллинг... как там тебя, твое мясо горит!

— О да! А я и не заметил,— сказал благодарно Шиммельпфиннинг.— Но это ничего. Вернемся к нашему разговору. Должен сказать, что это именно такой меч, какой нужен тому, кто хочет сразиться с Суртом и его колдунами. Многие жители заперлись в своих домах и не высовывают носа. Однако, если кто-то хочет выступить против Сурта, ему следует идти на старую Вольфинденскую Дорогу. Там он может найти себе помощь. Если бы я был на твоём месте, я бы постарался убраться из этого леса, подальше от этих серых холмов. Потому что каждый из них может оказаться спящим великаном. Лесные великаны любят охотиться в лесу, как мы охотимся за кроликами. Только они охотятся не за кроликами, а за людьми. Однако не бойся идти в Свартгейм. Это так называют темные альфары Вольфинден. Там ты сможешь найти подкрепление, если оно тебе понадобится. Оттуда прямая дорога в Гримсшлаг. Войти туда для тебя не представит трудности. И ты там найдешь друзей даже среди врагов. Отвечай Сурту ударом на удар. Только будь честен. Как у всех колдунов, у него обостренное чувство справедливости. Так что не пытайся обмануть его. Постарайся ударить первым, иначе ты погибнешь.

Килгор слушал, раскрыв рот от изумления, и не мог сказать ни слова. Шиммельпфиннинг вытер пальцы о полу и спрятал остатки ноги свиньи в сумку.

— Ну, мне пора. Дела ждут. Прости, но я должен идти. Счастья тебе, Килгор, сын Вальсидура. Мы еще встретимся.

— Что? — воскликнул Килгор.— Откуда ты знаешь?

— Я слышу, что идут твои друзья. Мне не нужно более беспокоиться о тебе. У тебя великолепные товарищи.— Он подмигнул и натянул украшенную пером шляпу.— Будь осторожен с людьми, которых будешь встречать в Гардаре. Многие из них не те, кем кажутся. Ты должен остерегаться их и не судить поспешно о них. Прощай!

Он пожал руку Килгору, который не мог ничего сказать, кроме как:

— Подожди, Шмиллинг... Шмельн...

— Прощай, — сказал свинопас с опушки леса. Однако он вернулся, хотя Килгор не успел вспомнить его имени.

— Я кое-что забыл.— Он снял с пояса серебряный рог и повесил его на шею Килгора.— Это тебе подарок от меня. Я взял его в одном доме и пообещал хозяину, что передам его тому, кому он действительно нужен. Прощай, Килгор!

— Прощай! — Килгор сел, качая в изумлении головой. Но Шиммельпфиннинг снова вернулся.

— Если тебе понадобится помощь, протруби в рог, и я окажусь рядом с тобой и с мечом в руке и щитом.

Глядя в замешательстве на старый рог, Килгор сказал:

— Прощай! — Он ждал, что последуют дальнейшие объяснения, однако старик больше не появился. Килгор подождал, затем уселся вновь и стал доедать мясо, разглядывая старый рог. На нем были начертаны письмена — на чем их только нет? Он решил, что Скандерберг сможет их прочесть. Рог был весь залепан грязью. Поэтому Килгор решил, что Шиммельпфиннинг выкопал его из старого могильного кургана. Вздрогнув, Килгор зашвырнул рог подальше в кусты. Он не хотел иметь ничего общего с мертвецами. Ведь тот мог выйти из могилы и бродить за ним, чтобы забрать свою собственность. А кроме того, кто он такой, чтобы забирать рог погибшего воина, ведь он мог понадобиться хозяину в царстве мертвых.

Он услышал, как рог шмякнулся в траву в чаще леса. Он покатился, ударяясь о корни, и внезапно выкатился обратно на поляну, и лежал, сверкая в свете костра. Килгор подумал, что если он бросит его опять, то рог, несомненно, вернется обратно. Он неохотно подошел и поднял его. Засохшая грязь отлетела с него во время падения, и Килгор, очистив остатки грязи, повесил его себе на шею. Очевидно, ему не избавиться от этого рога, так что пусть он остается.

Когда Килгор покончил с едой, он услышал вдали голос Скандерберга и звук его шагов.

— Черт побери! — сказал колдун. — Никак не могу найти дорожный указатель. Килгор тоже потерялся, а ведь скоро ночь.

— Хэлло! — крикнул Килгор, хватая горящую ветку и размахивая ею, чтобы показать, где он.

— Ха! — воскликнул Скандерберг. — На нас нападают огненные саламандры!

— Скандерберг! — крикнул Килгор.

— Кто это? Назови себя, или я сделаю из тебя лягушку!

— Это я, Килгор! А ты Скандерберг, с тобой Графгримр, Асни. Поторопитесь, я приготовил вам на ужин свинью.

Они появились из-за кустов с большой подозрительностью. Увидев, что это действительно Килгор, они бросились к огню и с жадностью набросились на еду.

— Как ты все это устроил, Килгор? — спросил Графгримр, обсасывая огромную кость.

— И где ты взял этот старый рог? — добавила Асни.

— Как ты умудрился так быстро спуститься? — спросил Скандерберг. — Мы мучились полдня, пока оказались внизу. А по тебе не видно...

— Вы не поверите, — сказал со смехом Килгор, — я съехал на змее Митгард. Она была похожа на полосу скользящей земли.

— Змея? Чепуха! — фыркнул Скандерберг.

— Но это правда. — И Килгор рассказал о своих приключениях, о свинье, о смешном старом свинопасе и о роге, и о том, как тот чудесным образом вернулся к нему обратно, и о том, что он должен будет протрубить в рог, если ему будет угрожать страшная опасность, чтобы вызвать на помощь свинопаса. Остальные расхохотались при этом. Затем он рассказал о тех советах и предупреждениях, которые дал ему старик, и показал Графгримуру и Скандербергу письма. Они внимательно осмотрели рог и примолкли. Графгримр беспокойно сказал:

— Хорошо, рог действительно выкопан из могилы. Храни его. На нем письма альфаров. А что касается старика, то он, вероятно, получил о нас сообщение. Может, от Эльдарна. Однако, во всяком случае, осторожность никогда не повредит. Теперь мы пойдем в Вольфинденгейд, но с большой осторожностью. Это вполне согласуется с нашими планами.

— Однако мне не нравится, что наш путь известен, — сказала Асни. — Мы не знаем, что там приготовлено для нас. Может, мы пойдем другим путем, придерживаясь основного направления?

— Хорошая идея.— Графгримр расстелил карту и рассматривал ее.— Между нами и Вольфинденом много лесов, холмов, рек. Нам нужно пройти их побыстрее, чтобы закончить дело в Гардаре до зимних бурь. Килгор, ты думаешь, что свинопас не вернется? Он мог бы провести нас в Вольфинден, ведь он, наверное, хорошо знает лес.

— Думаю, что мы не увидим его, разве что случайно наткнемся. Он очень занятый человек.

— Может быть,— сказала Асни как бы про себя, глядя вглубь леса.— Он может собрать крестьян для борьбы. Может быть, мы получим от них помощь.

— Будем надеяться, что он на нашей стороне,— хмуро сказал Скандерберг.

— Несомненно, крестьяне против Сурта,— сказала Асни.— Если они, конечно, есть. Но если этот свинопас выжил, то почему бы не выжить и другим? И Сурт не может уследить за всеми.

— Однако не все же здесь уничтожено,— сказал Килгор. Асни покачала головой.

— Ты должен был увидеть старый Гардар. Он соперничал с теплыми прибрежными странами по богатству лесов и лугов. А теперь посмотри, что сделали Сурт и его колдуны с прекрасной страной. Сплошные ядовитые колючки. Даже воздух какой-то враждебный. Там, где поработал Сурт, не может быть ничего хорошего. Тысячу болезней на него! Из всех его преступлений самое худшее — уничтожение прекрасной страны.

После того, как колдуны сверили карты, посоветовались о дальнейшем маршруте и наложили защитные заклинания, все попытались уснуть. В ночи ухали совы, и Килгор каждый раз просыпался и хватался за оружие, полагая, что на них нападают враги. Он боялся даже подумать о том, что завтра придется идти по этому угрюмому зловещему лесу.

И, когда утром стали собирать пожитки, он все еще с содроганием думал о предстоящем пути. Буквально через несколько шагов они были исколоты и исцарапаны. Ранки невыносимо жгло, они мгновенно загнивали. Вероятно, это были ядовитые кусты и деревья. Они продвигались чрезвычайно медленно, и их терпение истощилось. Они прошли всего лишь лигу за полдня.

— Так мы доберемся до Вольфиндена на следующей неделе,— сказал Скандерберг, вытягивая из плаща и бороды колючки.

Графгримр вздохнул. Асни предложила прорубать путь мечами. Килгор посмотрел на свои израненные горящие руки и сказал:

— Я предлагаю идти по дороге. Мы сможем идти в четыре раза быстрее. А если мы пойдем здесь, то всем станет известно, что мы идем, и после нас останется такой след, что нас будет нетрудно выследить. А если мы наткнемся на ледяного великана? Я не знаю, какая разница между замерзшим зимой на улице и замороженным ледяным великаном.

Подавленное молчание было ответом на его слова. Затем Графгримр кивнул.

— Я тоже предлагаю идти по дороге.

— Хорошо,— согласился Скандерберг.— По крайней мере, мы будем знать, что идем в нужном направлении. Будем надеяться, что свинопас — настоящий свинопас, а не что-то другое.

— Мне кажется, что он нам друг,— сказала Асни.— Я уверена, что он посылал нас в Вольфинден по дороге.

Ко всеобщему удивлению и облегчению, они нашли дорогу без затруднений. Идти стало значительно легче. Однако ядовитые колючки досаждали им и тут. Кусты были посажены как будто специально, чтобы помешать путешественникам. Но никто не жаловался. Радость от того, что они шли по дороге, сделанной людьми, пусть даже заросшей и запущенной, перевешивала все неудобства. Они быстро шли весь остаток дня, и вскоре туманный мрак леса сомкнулся вокруг них. Черные и серые сучья сплетались над их головами в сплошную сеть. В тех местах, где деревья росли пореже, было очень приятно увидеть свинцово-серое небо вместо уродливых корявых сучьев.

Эту ночь им пришлось провести под деревьями. Оба колдуна сплели тщательную защитную сеть заклинаний. И, тем не менее, ночь была очень беспокойной. Кто-то прорывался к ним в лагерь. Деревья непрерывно шумели, хотя ветра не было, а уханье совы не прекращалось ни на секунду. Скрипы, треск, странные звуки все время держали путешественников в напряжении. Жгучий сок сочился из веток и капал на них, и вдобавок ко всему под утро пошел дождь.

— Будет ли конец этому проклятому лесу? — выругался Графгримр, который до этого был самым терпеливым из них.— Клянусь, что земля под ногами жестче, сучья горят хуже, чем где-нибудь в другом месте. И даже еда кажется совсем безвкусной.

— Я согласен,— буркнул Килгор. Он чувствовал себя так, будто его всю ночь колотили палками.

Они, наконец, собрались и шли до полудня. Дождь не прекращался, однако и не усиливался до такой степени, чтобы остановить их. Жалея самих себя, они сжевали сухой завтрак под неумолкаемое карканье птиц над головами.

— Мне всегда нравилось быть в лесу во время дождя,— сказал Килгор, рассматривая мокрые листья и поросшие мхом стволы деревьев. Остальные с удивлением смотрели на него, пока он не добавил: — В Шильброе, конечно.

Дождь продолжался. На старой дороге появились огромные лужи. Путники угрюмо шли вперед и вскоре заметили, что дорога начала подниматься. Через некоторое время они оказались на вершине холма.

Перед ними дорога вилась между лесистыми прогалинами. Картина была даже красивой, если бы не низкие безобразные холмы, видневшиеся тут и там. Графгримр не разделял всеобщей радости. Он поморщился и пробормотал:

— Страна великанов, клянусь в этом.

Держа оружие наготове, они двинулись по открытому пространству. Весь остаток дня они не теряли бдительности. Затем пришло время для ужина и отдыха.

Килгор спросил:

— А чем опасна эта территория? Почему бы не остановиться здесь?

Однако Скандерберг и Графгримр не слушали. Небо потемнело, но они торопились дальше.

— Уже слишком темно, чтобы идти,— предупредил Килгор.— Лучше организовать ночлег.

— На земле великанов? — спросил Скандерберг.— Давай остановимся, если ты хочешь попасть к ним на ужин.

— И мы собираемся идти всю ночь? Великаны чаще встречаются ночью, чем днем. Почему мы?... — он замолчал, прислушиваясь. Вдали он услышал какой-то треск и несколько криков.— Давайте поторопимся,— сказал он поспешно.— Мы можем идти намного быстрее.

Они быстро сошли с дороги и стали пробираться между деревьев. Земля гудела у них под ногами от сильных ударов. Внезапно сзади послышались странный треск и грохочущие звуки. Килгор обернулся назад и увидел, что там, где они только что прошли, стояли два ледяных великана. Деревья были им по пояс. У них были белые волосы и бороды, в которых сверкали кристаллики льда. Морозный пар вырывался у них из ртов. У них в руках были ка-

менные топоры, одеты они были в грубую кожу, а на головах носили старые шлемы. Один великан стоял и ждал, а второй в это время вырывал из земли деревья. Потом они оба наклонились и стали обшаривать землю. Они походили на охотников. Вскоре они выпрямились, положили свои дубинки на плечи и быстро пошли прочь, вырвав несколько деревьев с корнями для тренировки. Их взгляды вызывали в воздухе снег, а дыхание напоминало морозную зимнюю ночь.

Когда земля перестала дрожать под ногами, путешественники перевели дыхание. Килгор пробормотал:

— Эти великаны больше, чем я предполагал. Вы думаете, что их сотворил сам Сурт?

— Сурт и только Сурт, — сказал Графгримр. — Таких великанов не было на земле с самой первой Фимбул Винтер. Тогда их было очень много.

Килгор долго смотрел на великанов, которые медленно шли по равнине, перешагнули через низкую цепь холмов и скрылись в тумане.

— О, смотрите! — воскликнул он, увидев что-то в темнеющей дали. — Я вижу свет.

— Свет? Здесь? Невозможно! — сказал Скандерберг. — Вряд ли кто-нибудь здесь осмелится зажечь огонь, кроме дьявольских существ. Где он?

— Впереди, в чаще леса.

— Я знала, что тут остались люди! — воскликнула Асни, возбужденно сжимая руку Килгора. Мои люди ждут нас. Они хотят, чтобы мы повели их на последнюю битву с Суртом.

— Может, это просто дровосек, — осторожно предположил Графгримр. — А может, это темные альфары. Нам лучше быть осторожнее.

— Я уверена, что это добрый знак, — сказала Асни, устремляясь в темный лес по направлению к свету.

Глава 4

К тому времени, когда они подошли к свету, на землю опустилась темная ночь Гардара. На небе не было видно ни луны, ни звезд. Вдали были слышны завывания варгульфов, да треск, который, вероятно, производили ледяные гиганты, продиравшиеся по зарослям. Путники подошли к маленькой избе, из открытой двери которой лился свет. Скандерберг спросил:

— Хэлло! Есть кто-нибудь дома?

Сразу же из избы выскочили штук двадцать собак и начали остервенело облаивать пришельцев. Из двери высунулась голова со спутанной длинной бородой, она крикнула:

— Прочь, псы! Тихо! Успокойтесь! — Однако бешеный лай не утихал, и тогда человек выскочил во двор и стал во все стороны бить палкой. Собаки забились на свои места, все еще сердито рыча.

— Кто же произвел этот гам? — спросил человек, недвусмысленно вертя палку в руках.

— Всего лишь несколько путников, ищущих приют на ночь, — сказал Скандерберг.

— Ха! Вы больше похожи на колдунов, которые пришли сюда сжечь мою избу и забрать мои жалкие пожитки. В такие времена умный человек не доверяет никому. — Он встал у дверей своей избенки, и стало ясно, что он будет защищать свое добро до конца.

— Мы такие же несчастные, как и ты, дружище... — начал Скандерберг.

— Тем больше оснований не доверять вам, — последовал ответ. — Уходите, не то я спущу на вас собак.

Собаки зарычали, залаяли и стали выбираться из своих убежищ, готовые броситься на чужаков.

— Добрый человек, — сказал Графгримр, — нас не интересуют твоя изба и твоя пища. Мы сбились с дороги, пока шли на твой свет. Покажи нам, куда идти, и мы уйдем.

— Прочь с моей земли, ничего я вам не скажу. Ваши дни сочтены, разбойники, колдуны! Скоро к нам в Гардар вернется свой Король, и вам не остановить его. Вернутся и альфары, как и обещали. Чума на вас, колдуны! — С этими словами он взмахнул палкой и шагнул вперед.

— Подожди, Ньял! — крикнул кто-то в избе. — Вспомни, что сказал свинопас. Он сказал, что Королеву Гардара облают собаки. И будет она похожа на бродягу и вора до того, как примет корону. Заметь, Ньял, собаки еще никогда не поднимали такой шум, когда сюда подходили чужие люди. И они все еще рычат. А свинопас никогда не лгал.

Лесник заколебался.

— Выходите на свет, — приказал он.

Путешественники вышли вперед, и собаки бросились, рыча и пытаясь схватить их за ноги, но потом неожиданно успокоились.

— Шмейль... Шмейль... свинопас сказал, что собаки узнают Королеву, — вновь раздался голос из избы, и путники поняли, что это женщина. Она вышла во двор. — Все знают, что колдуны не могут обмануть собак, — сказала она.

— Тем не менее, может быть, они все же не те,— пробормотал Ньял.— Покажите мне что-нибудь в доказательство того, что вы те, о ком говорил свинопас.

— Да назовите имя свинопаса,— добавила женщина.

Килгор ощутил, что все смотрят на него. Это имя! Он притронулся к рогу, и тут же имя вспыхнуло в его памяти.

— Шиммельпфиннинг! — почти выкрикнул он.— И у меня есть его серебряный рог, который он дал мне, пообещав свою помощь, если она понадобится нам. Теперь пропустите нас, добрые люди!

— Нет, клянусь бородой Эльбегаста,— сказал лесник.— Вы останетесь здесь на ночь. Если, конечно, принцесса Вольфганнер не побрезгует моей жалкой хижинкой и скудной едой.

— Побрезгует?! — сказала Асни.— Любой дом моих подданных для меня лучше, чем самый красивый дворец. С тех пор, как я покинула свою мать в Гримсшлагге, уйдя на войну, я еще ни разу не спала в постели. Моей постелью служили сучья и камни. Я все время боялась, что в Гардаре не осталось преданных людей, которые смогут выступить на защиту родины, когда я вернусь.

— А, значит, ты Принцесса, которую Сурт держал под заклинанием.

— Не называй его по имени, Ньял,— сказала женщина,— а то они появятся в любую минуту.

— Кто появится? — спросил Килгор.— У нас есть оружие, которое поразит любого, кто вздумает причинить нам вред.

— Двенадцать Сурта — они тоже знают пророчество свинопаса,— угрюмо сказал Ньял.— Входите, благородные гости. Хильдегун приготовит вам мяса.

— А кто такой свинопас? — спросила Асни.

— Никто не знает. Он живет здесь очень долго, дольше, чем мы, все его знают,— задумчиво нахмурился Ньял.— И это покажется странным, но он не постарел несколько с тех пор, как я был еще мальчиком. Он много говорил о молодой Принцессе, которая уехала и не вернулась. Он говорил, что она наша надежда.

— Да,— сказала его жена.— Входите, и мы можем закрыть дверь. Если узнают, что у нас существует огонь, мы лишимся половины нашего имущества.— Она провела их в избу, где было тепло и чисто. Комната была очень маленькая, и путники заполнили ее всю от пола до потолка.

Ньял и Хильдегун встали на колени и поцеловали руку Асни. Однако она подняла их с пола.

— Я еще не коронована, друзья мои. И до тех пор мы все солдаты Килгора. У него меч, который убьет Сурта.

— Ну, тогда,— сказала Хильдегун, начав хлопотать у огня, где жарилось мясо, распространяя аппетитные запахи,— давайте поедим. Ньял, закрой дверь и садись.

— Нет.— Ньял закутался в широкий плащ.— Я пойду предупрежу остальных. Волк вернулся в свое логово, и лисы окажутся теперь бездомными.— И он выскользнул во мрак ночи.

— Значит, есть и другие? — спросила Асни со вспыхнувшим радостью лицом.

— О да, и много,— сказала Хильдегун.— От наших отцов и дедов мы унаследовали легенды, надежды и ненависть. Подождите, пока волк вернется в свое логово — говорили они. И мы ждали. Многие из тех, кто помнили старину, умерли. Другие были убиты, превращены в варгульфов, брошены в подземные подвалы. Некоторые прячутся в горах, и Сурт со своими миньонами охотится за ними, как за дикими зверями. Если бы вы могли представить, как мы надеялись и ждали, как боролись с отчаянием, которое могло убить человеческий дух! Я все еще не могу поверить, что Принцесса здесь.

Скандерберг кивнул и раскурил трубку.

— Ожидание было долгим. Вы страдали очень долго. Вы настоящие гардарцы, и ваши страдания будут вознаграждены. Я обещаю.

Глаза Хильдегун наполнились слезами, и она улыбнулась.

— Ах, если бы вы могли сделать кое-что для меня и Ньяла. Мы вырастили шестерых сыновей для Вольфганноров, но все они были схвачены Суртом и превращены в варгульфов. Теперь они бегают и завывают вместе с остальными варгульфами. И там не только наши дети. Многие семьи в округе потеряли надежду увидеть своих детей снова.

Скандерберг погладил ее ладонь и сказал мягко:

— Когда Сурт будет мертв, все его заклинания рассеются, как дым, и все будет по-прежнему, как до Сурта. Мы пришли сюда, чтобы поторопить его смерть.

— Однако он не может умереть,— сказала Хильдегун.— Он бессмертен.

— И тем не менее, мы принесли с собой его смерть.— Килгор положил руку на золотую рукоять меча.

— Значит, все древние пророчества — правда,— сказала Хильдегун, качая головой.— Я этому не верила вплоть до сегодняшней ночи. Я думала, что эти наши группы сопро-

тивления — регуляры — только средство остаться живыми. Впервые за много лет я почувствовала запах свободы. Свобода! Не бояться за свое имущество, за себя, знать, что завтра я проснусь живой и никто, ни великан, ни колдун, не придет убивать меня просто так, для развлечения! Шиммель... свинопас говорил, что Сурт предупрежден о приближении своей смерти. Это меч?...— она не закончила вопрос, однако остальные кивнули в знак того, что она все поняла правильно.— Значит, есть причина для праздника,— сказала она и достала из потайного ящика глиняную бутылку с вином и пустила ее по кругу.— За смерть Сурта!

Остаток вечера прошел в дружеской беседе над зажаренным барашиком. Путники многое узнали о событиях в Гардаре, которые произошли с момента захвата страны колдунами. Великаны бродили по стране и уничтожали тех, кто выходил из дома ночью. Сурт был убежден, что те, кто бродит ночью, замышляют заговор против него. Хильдегун сказала им, что половину того, что они собирают на полях и выращивают на фермах, Сурт забирает, как налог. Если кто-то отказывается платить, у него отбирают все имущество, а самого изгоняют из дома, а это означает конец бедняге. Огромное количество мелких магов обирает от имени Сурта и его могущественных колдунов всех бедных крестьян. После таких поборов крестьяне могут только владеть жалкое существование и чуть не погибают от голода. Колдуны думают только о том, чтобы получить то, что им хочется, а как это сказывается на народе, их не волнует. Сурта и его Двенадцать особо приближенных редко видят на людях, только на особо важных церемониях и казнях.

Хильдегун говорила о них со страхом и ненавистью. Она сказала, что они что-то подозревают и оставили пока Ньяла и ее в покое. Но это ненадолго. Хильдегун и Ньял тоже должны исчезнуть.

Самое страшное, что могут сделать колдуны,— это околдовать их поля, так что на них не вырастет ни травинки. Один вид этих двенадцати сводников в алых плащах, идущих прямо по бездонным трясинам и не оставляющих ни следов копыт лошадей, ни примятой травы, заставляет фермеров прятаться. Одно их слово или кивок — и поле будет околдовано. На нем будут расти только ядовитые колочки.

Эта тема была исчерпаема, однако вскоре Хильдегун покачала головой и сказала:

— Но теперь все должно кончиться. Когда не будет Сурта, мы огнем выжжем всю чуму, которой он заполнил нашу землю.

Она постелила чистые постели и сделала огонь в очаге поменьше. Женщина знала, как поддерживать маленький огонь, чтобы он всю ночь обогревал дом. Дым,— сказала она,— может привлечь внимание. До этой ночи она никогда не открывала дверь, чтобы был виден огонь. Однако свинопас приказал им сделать это и рассказал пророчество о Королеве и собаках.

В очаге уютно горел огонек, и путешественники наслаждались теплотой и покоем, которые давно не испытывали. Вскоре вновь раздался знаменитый храп Скандерберга. Все уснули и спали вплоть до рассвета. И вдруг раздался лай собак. Они мгновенно проснулись и услышали вдали стук лошадиных копыт, звучащий как раскаты грома. Всадники ехали к избе.

— Колдуны! — вскричала Хильдегун и бросилась к двери, чтобы задвинуть засов. Однако тут же опять открыла дверь, и в избу ввалился запыхавшийся, возбужденный Ньял.

— Прячь их, быстрее! — приказал он, хватая свой длинный лук и стрелы.— В подвал. За мной гонятся колдуны. Может быть, нам пришел конец, но нужно действовать. Скажи им о подземном ходе.

Хильдегун отодвинула стол и убрала земляной слой, который закрывал узкую крышку лаза. Стук копыт и звяканье доспехов послышались во дворе. Прозвучал голос:

— Хэлло! Ньял! Открой дверь!

Хильдегун втокнула путешественников в подвал вместе с матрацами, пожитками и кое-какими ценностями, которых не должны были видеть колдуны. Крышка закрылась за ними, земля была поправлена, стол поставлен на прежнее место. Путешественники увидели, что находятся в маленькой подземной комнате. Вдоль стен стояли длинные луки, боевые топоры, мечи, шлемы, копья, кое-какие доспехи. Все было, несомненно, выкопано из могильных курганов. После того, как путники осмотрелись, Скандерберг погасил драконью голову на своем посохе. Они ждали в темноте. Стука копыт больше не было слышно. Тут же они услышали грохочущие удары в дверь избы Ньяла.

— Открой, крестьянин, не то мы разнесем твою лачугу в щепки,— раздался хриплый голос.

— Дверь не заперта,— спокойно ответил Ньял.

— Где смертный с мечом? — спросил бесстрастный голос.— Он путешествует с двумя колдунами и девушкой. Его следы ведут сюда. Если ты скрываешь врагов Сурта, тебя ждет смерть! Встань в сторону, пока мы произведем обыск.

— Однако вы же видите, что здесь, кроме нас двоих, никого нет,— сказал Ньял.— След, который привел вас, наверное, мой. Я только что вернулся домой. Я выходил по делу.

— Это тоже смерть,— прозвучал голос колдуна, подобный звучанию сухого тростника.— Заговор против короны. Смерть ему!

— Я ничего такого не замышлял. Я всегда был предан Сурту, иначе меня давно бы убили.

— Не нужно лгать, Ньял,— заговорила Хильдегун.— Мы всегда ненавидели Сурта, и если мы до сих пор живы, то только потому, что надеялись, что наша родина будет снова свободной. Будьте прокляты, колдуны! О, если бы меч альфаров был в моем доме и я могла всех вас убить им. Когда вернется расколдованная Королева Вольфганнер, все вы будете убиты, и ваши головы будут выставлены на стенах Гримсшлага!

Наступила зловещая тишина. Затем слышались топот ног в хижине и гневные голоса. Там раздавались треск, звук борьбы, ругательства. Килгор сжал рукоять меча и хотел кинуться на помощь к Ньялу и Хильдегун, но Графгримр сжал без слов его руку. Шум прекратился, звуки шагов слышались уже на улице. Вскоре застучали копыта лошадей, зазвенели доспехи. Звуки стали удаляться, и наступила тишина.

Они сидели неподвижно. Килгор дернул за рукав Скандерберга, и в ответ получил тычок. Вспыхнувшая голова дракона выхватила из темноты узкий подземный ход, ведущий из комнаты. Килгор посмотрел назад, на крышку, ведущую в дом. Асни стояла рядом с ним.

— Идем,— прошептал Скандерберг.

— Нет, пока мы не посмотрим, что с ними,— твердо ответила Асни.

— Как хочешь,— помолчав, ответил Скандерберг.— Все-таки они твои подданные и они помогли нам...

Внезапно крышка закрипела, открываясь. Слышался радостный голос Ньяла:

— Мошенники ушли! Черт бы побрал этих демонов. Мне очень жаль, что так случилось. Однако теперь это обычное дело. Никто и ничто не может считаться в безопасности. Мы научились прятать от них все ценное и, конечно, оружие.— Он подал руку, помогая им вылезти из подвала.

— Отлично сделано, Ньял,— сказал Графгримр, глядя вниз в черную дыру.— Они даже и не подозревают о существовании этого убежища.

— Да, вы спасли наши жизни,— сказал Килгор.— И спасли весь Гардар. Эти колдуны...— Он не знал, что сделали бы колдуны, но вздрогнул при мысли о том, что они могли сделать.

— А что вы слышали об этих колдунах? — спросил Скандерберг.

— Немного, но зато из правдивых источников. Сурт готовит большое заклинание в Гримсшлага. Мы не знаем, что бы это могло быть, однако уверены, что ничего хорошего нас не ждет.

— Мы знаем, чего он хочет,— сказал Скандерберг,— и тоже из хороших источников.

— Альфары? — спокойно спросил Ньял, и Скандерберг кивнул. Хильдегун чуть не прослезилась от радости.

— Мы так давно ничего не слышали об альфарах,— сказала она,— мы боялись, что они оставили нас. Скажите нам, о чем говорили альфары?

— Это хуже всего, что вы можете предположить,— сказал Графгримр.— Сурт хочет опять вернуть Фимбул Винтер!

— Я слышал об этом,— спокойным голосом сказал Ньял.— Это означает смерть солнца и всего живого на земле. Как он может быть таким жестоким? — Он устало вздохнул и сел на единственный уцелевший в доме стул.— Но что нам делать? У нас готова армия, однако она не может сражаться копьями и мечами с темными силами и холодом. Мы хорошо понимаем, что нашим оружием нельзя победить такого врага, как Сурт.

— О, не нужно паники, иначе нас побьют еще до того, как мы начнем драться,— сказала Асни.— Сколько у тебя бойцов?

— Двадцать лучников, тридцать с копьями и пиками, восемнадцать вооружены мечами и топорами, пятьдесят с пращами и, может быть, сотня с ножами, дубинками, крюками — со всем, что попадется под руку.

— Всадников нет?

— Лошади теперь большая редкость. Все оружие было конфисковано. И лошади тоже. Мы думаем, что можем обойтись без лошадей. Наши солдаты натренированы так, что могут пройти по лесу, не хрустнув ни веточкой. Они могут укрываться на ровном месте так, что их невозможно увидеть. Вы можете пройти мимо целого отряда и ничего не заметить, пока смертельная стрела не воткнется вам в спину.— Ньял с гордостью говорил о своих людях, и мужество снова вернулось к нему.

— Дайте карту Гримсшлага и его окрестностей,— сказала Асни колдунам.

Скандерберг с ухмылкой раскатал карту, и Асни начала размышлять над ней.

— Ты должен срочно оповестить своих людей, чтобы они направлялись к Гримсшлагу. На этой стороне Гримстрема мы встретимся и расположимся цепью вокруг крепости, чтобы ни один колдун не сбежал после того, как Килгор убьет Сурта. На этой стороне находится выход из потайного хода, и возле него надо поставить самых лучших, которые будут внимательно следить за ходом...— Вскоре вся карта была покрыта щепочками и камешками, которые по много раз перекладывались с места на место.

— Ну вот.— Глаза Скандерберга устало смотрели на всех.— Я перевел надпись на старом серебряном роге. Это действительно рог Вультера. Я помню старую загадку о роге альфаров. «Что звучит трижды, чей звук вызывает альфаров и означает крушение правления льда?» Ответ был в роге Вультера, но он сам, к сожалению, был убит и похоронен прежде, чем могли произвести эксперимент. Однако прямой его потомок Килгор может сделать это.

— Это очень старая загадка,— сказал Графгримр.— Что-то такое, связанное с весенним ритуалом. Странно, что ты помнишь ее. Что же тут написано?

— Трижды его серебряное горло прозвучит, и альфары появятся. Есть еще одна строчка, но она стерлась, и ее не прочесть. Нужно протрубить три раза, и, может быть, сам Эльбегаст появится, чтобы помочь нам в самый опасный момент.

Килгор взял измятый рог и повесил его на шею.

— Мне бы хотелось поверить в это, однако трудно рассчитывать на волшебное появление альфаров, если мы ни разу не видели их с тех пор, как ушли из Шильброта. За исключением Графгримра, конечно. Да еще Эльдарна с его шайкой. Где же Эльбегаст и почему он ни разу не помог нам? — Юноша смотрел на Графгримра.

— Что думать об этом.— Графгримр пожал плечами.— Эльбегаст появится, когда наступит нужный для нас момент.

Планирование заняло почти всю ночь, и путешественники легли спать до утра. Хильдегун приготовила им сытный завтрак и набила их мешки припасами, опустошив полностью свои кладовые. Она пожелала им удачи и сказала, что, когда они освободят Гримсшлаг, они полностью расплатятся с ней за гостеприимство.

— Спасибо тебе,— сказала Асни с края поляны.— Ты будешь тысячу раз вознаграждена, когда я стану Королевой.

Этот день был более удачным, чем предыдущий. Но потом они заблудились в лесу и долго бродили между деревьями, пока вновь не вышли на дорогу. Асни шла впереди, погруженная в собственные думы. Килгор чувствовал, что между ним и Асни возник барьер. Как только Сурт будет убит, она станет Королевой, а Килгор вернется в свой Шильброд. Впервые юноша почувствовал, что путешествие близится к концу. После этого уже ничто не будет их связывать, и они разойдутся навсегда. И все, что останется ему, это рассказывать истории о своих приключениях.

Он осмотрелся вокруг и тут же заметил какие-то белые фигуры, возвышающиеся над деревьями.

— Скандерберг! Ледяные великаны! — прошептал он.

— О боги! — выдохнул колдун, мгновенно останавливаясь. — Мы чуть не наткнулись на них. Тихо, ни звука. Я думаю, что они нас не заметят, если мы сами не выдадим себя. Великаны очень ленивы и вряд ли будут искать неизвестно что. Однако, если кто-нибудь из них заметит нас, то спасения нет, особенно, если они голодны.

— Ты имеешь в виду, что они едят людей? — прошептал Килгор.

— Да, и очень быстро, — сказал Скандерберг.

— И с очень большим аппетитом, — добавил Графгримр. — Хотя два огненных колдуна могут вызвать у них несварение желудка.

Они спрятались в куче поваленных деревьев и стали ждать. Земля дрожала, и отгибаемые деревья стонали и трещали. Они увидели огромные ноги, шагающие по лесу. Голос, который был громче грома, проревел:

— Они здесь. Я чую их запах и слышу, как они где-то возятся, как мыши. Зайди с другой стороны и иди ко мне. Мы быстро найдем их!

Деревья, казалось, застыли от нестерпимого ледяного ветра. Звуки раздавались сразу с двух сторон. Скандерберг сказал, приготовившись произнести заклинание:

— Бегите! Я отвлеку их. Бегите, я догоню!

— Мы останемся или убежим вместе, — сказал Килгор.

— Пусть лучше съедят только одного, — ответил Скандерберг. — Бегите, пока я не превратил вас во что-нибудь смешное!

Килгор вскочил на ноги, когда великаны были совсем рядом. Он выхватил меч и крикнул:

— «Килдруин!» Великаны! — Он ударил огромную ногу, стоящую перед ним, как ствол дерева. Меч зазвенел и злобно вонзился в ногу. Великан завопил и поднял ногу, схватив ее обеими руками. Килгор бросился на вторую но-

гу и еле выскользнул из-под первой, которая опустилась на землю.

— Помоги! Помоги, Арр! — кричал великан, ломая деревья.— Они ударили меня огненным мечом. Я ранен, я сгораю от магии альфаров.— И великан бросился бежать, круша лес на своем пути и оставляя за собой озера черно-ледяной воды.

Килгор стоял, ошарашенный происшедшим, и к тому же он очень замерз. Никто не предупредил его, что в жилах великана нет ничего, кроме льда, и что его удары растопят лед. Они чуть не утонули в ледяной воде. Прежде, чем он успел прийти в себя, Графгримр толкнул его, и они побежали со всех ног, пока великаны не остались далеко позади.

— Разве это не удивительно? — проговорил Килгор, тяжело дыша, когда они остановились.— Лед! И вода! Представьте себе!

— И ради столь удивительного открытия ты чуть не погубил нас! — рявкнул Скандерберг, с трудом переводя дыхание.— В следующий раз позволь мне расправиться с ними простым колдовством.

— И оставить тебя одного? — спросил Килгор.

— Я привык заботиться о себе сам.— Скандерберг выжал воду из бороды.— Однако, во всяком случае, в Гардаре стало на одного великана меньше и на один камень больше. Надеюсь, что нам удастся опять выйти на дорогу.

Килгор дрожал в промокшей одежде, но он чувствовал себя хорошо, особенно, когда Асни сказала, что Килгором можно гордиться, что на его месте она сделала бы то же самое.

— Вот дорога,— спокойно сказал Графгримр.

— Ты хорошо знаешь эту страну,— сказала Асни.— Я заметила, что мы почти не блуждаем на этот раз. Думаю, что ты не раз путешествовал здесь, когда навещал своих друзей в Свартгейме.

— Нет, не друзей,— сказал Графгримр.— Я не стараюсь выведывать тайны друзей. Я действительно бывал здесь много раз. Я готовился к тому дню, когда смогу повести владельца меча в Гримсшлаг.

— Тогда веди нас,— сказал Скандерберг.— Похоже, что день не совсем удачный для перехода по территории темных альфаров, однако, так как за нами охотятся великаны, нам ничего другого не остается.

Графгримр повел отряд, немедленно свернув с дороги на еле заметную тропу, вившуюся в самой гуще леса. Он останавливался, прислушиваясь, и несколько раз смотрел

на свой компас. Один раз он быстро свернул с тропы, и они спрятались в кустах и сидели молча, пока по тропе проходили какие-то существа. Каждый из них знал, что сейчас совсем близко от них прошли темные альфары.

В полдень они остановились отдохнуть на вершине хребта, обдуваемого ветрами. Вокруг них поднимался туман. Голубые холмы поднимались из гущи леса, как острова в черно-сером море. На одном из холмов возвышалась башня из черного камня.

Путники молча смотрели на нее. Холмы, которые защищала эта башня, возвышались как могучие укрепления. По направлению к Вольфиндену тянулась дорога, на которой не было никаких укрытий. Каждый, кто шел бы по этой дороге, сразу же был бы замечен из Вольфиндена.

— Мы сделаем лагерь, как только найдем подходящее место,— сказал Графгримр.— Уже стало слишком темно, чтобы идти в Свартгейм. На этих холмах мы будем в относительной безопасности, если не будем разжигать костер.

Это был молчаливый и беспокойный лагерь. Асни вела себя так, как будто она не доверяла Графгриму. Она не выпускала из рук молот и смотрела на Графгрима так, как смотрят на птичку. Когда Скандерберг произнес защитное заклинание и завернулся в одеяло, чтобы захрапеть, она только накинула на плечи плащ и не тронулась с места, которое уже нагрела. Килгор заметил это и почувствовал себя беспокойно. Графгримр, если и заметил это, то не подавал вида и ничего не сказал. Он сидел поодаль, курил свою трубку в темноте и поглядывал на девушку. Килгор долго наблюдал за ними, а потом не выдержал и провалился в тяжелый беспокойный сон, полный кошмарных сновидений.

Утром его разбудил спор между Графгримром и Скандербергом. Они стояли над чем-то лежащим на земле, а Асни кружила вокруг лагеря, не выпуская молота из рук. Килгор спросил у девушки:

— Что там такое?

Вместо ответа она показала на сырую землю, предоставив ему самому посмотреть. И он увидел отпечатки ног, больших босых ног. Они вели за камни, и там ясно виднелись отпечатки нескольких пар ног. Видимо, кто-то следил за ними, укрываясь за камнями.

— Вои там может спрятаться целый десяток их.— Асни указала на груды камней неподалеку.— И у них есть оружие... Я нашла в кустах вот это.— Она показала перо от стрелы.

Килгор подошел к Скандербергу и заглянул ему через плечо. Колдун прокатил какой-то блестящий диск по отпечатку.

— Не больше часа назад,— сказал он.— Но, может быть, это те, о ком говорили Ньял и Хильдегун. Однако, кто бы они ни были, я не собираюсь идти к ним. Давайте сперва свернем лагерь и поспешим в Вольфинден.

Графгримр согласился и стал паковать вещи. Асни стояла и рассматривала дорогу в Вольфинден, которая вилась через пустынные поля и равнины.

— Мне совсем не нравится эта дорога темных альфаров,— сказала она.— Свинопас говорил, что нужно идти по Вольфинденской Дороге и у нас не будет никаких трудностей. Почему же мы отошли так далеко от дороги и ждем здесь, где всю ночь бродят толпы вооруженных темных альфаров?

— И я думал об этом же,— встревоженно сказал Скандерберг.— Но вы сами решили, что Графгримру можно верить. Я никогда не был в Вольфиндене. Графгримр, скажи что-нибудь, чтобы рассеять наши подозрения.

Графгримр пожал плечами.

— Я могу только сказать, что мы в очень опасной стране, опасной для тех, кто не знает темных альфаров. Вы можете доверять мне и верить, что я проведу вас самым лучшим путем, если мы пройдем Вольфинден.

— Мне все равно это не нравится.— И Асни с гримасой отвернулась.— Мы пойдем за тобой, однако молот будет у меня в руках, и я советую помнить об этом. Предлагаю всем быть настороже.

День был сумрачный, со шквалами дождя и снега. В низинах стоял туман, скрывающий дорогу. Стены Вольфиндена, деревья, все было окутано сырым непроницаемым туманом. Дважды им пришлось нырять в укрытие за камни и кусты, чтобы пропустить отряд темных альфаров. Килгор рискнул выглянуть и взглянуть на них. Но он мало что увидел. Отряд маленьких, одетых в темное, людей быстро скрылся в тумане, спеша по каким-то своим делам. У Скандерберга на лице отразилась тревога. Килгору казалось, что они идут очень медленно, но вдруг в тумане, недалеко от них, возникла черная громада. Графгримр прошептал:

— Здесь темные альфары перелезают через стену. Нам нужно торопиться, так как, когда мы будем подниматься, мы будем видны всем.

Тропа поднималась круто вверх между огромными камнями. Иногда она превращалась в еле заметные ступе-

ни, вырубленные в черной лаве; им приходилось пробираться по самому краю обрывов, и только небольшие трещины в стене помогали им удержаться и не упасть в пропасть. По мере того, как туман поднимался, перед ними открывался вид Гардара. Картина была столь удручающая, что Килгор был поражен до глубины души. Мрачные леса, как лишаи, покрывали поверхность серых безрадостных холмов. Каменные хребты были похожи на рыбы скелеты. Ветры и снега полностью оголили их. Замерзшие реки, как железные обручи, стягивали всю страну. Черная твердыня Трайдента была окутана густым туманом, который медленно распространялся к югу. Они достигли вершины к полудню, который был более сумрачным, чем рассвет. Перед ними лежали развалины. Они все заросли травой и мхом, лишь кое-где возвышались остатки стен с пустыми глазницами окон. Одна черная башня все еще стояла, и большие ворота привели их в мощный камнями двор. У них не возникло желания задерживаться здесь. Перед ними простиралась пустынная равнина, когда-то зеленая, а теперь серая и туманная. Это было огромное кладбище. Килгор с изумлением смотрел на него. Ведь здесь были захоронены люди, которые первыми высадились в Скорпсее. Они молча прошли через развалины огромного холла. Килгор был изумлен его размерами. Казалось, что его создали великаны. Он производил ошеломляющее впечатление, особенно в сравнении с жалкими сооружениями из дерева и земли, которые создавались теперешними людьми. Килгор всегда считал, что Брандсток-холл — крупнейшее сооружение в Скорпсее, однако, по сравнению с этим холлом, он казался изгой.

— Какое прекрасное сооружение.— Килгор плотнее закутался в плащ, чтобы укрыться от ледяного ветра, а Асни добавила:

— Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Возле заросшей травой стены Графгримр остановил небольшой отряд и начал вместе со Скандербергом рассматривать карту, чтобы решить, как быстрее пересечь кладбище и дойти до Гримсшлага, расположенного за ним. Килгор и Асни стояли на страже. Чтобы скоротать время, Килгор обогнул стену, желая найти следы пребывания тех, кто жил здесь. Но нашел только следы птиц и зверей. Стена полностью развалилась, и он смог подойти к ее краю и заглянуть на другую сторону, а также осмотреть окрестности. Он заметил какую-то тропу. Вероятно, среди обломков нашли себе убежище мелкие звери. Он спрыгнул вниз, чтобы осмотреть тропу повнимательнее. Когда его глаза

привыкли к полумраку, он увидел, что тропа действительно ведет вниз, под стену. И там, не веря своим глазам, он заметил стену из известняка и низкую дверь. На двери выделялась большая бронзовая ручка, и к ней вели три ступени. Он задумался и решил, что это сооружение вряд ли является частью Свартгейма. Вероятно, здесь укрываются такие, как Ньял, а может, это просто заброшенный подвал. Заброшенные дома и подвалы всегда интриговали Килгора, поэтому он, не задумываясь, спустился вниз и потянул за ручку. К его удивлению, дверь открылась не наружу, как он тянул, а внутрь. Чьи-то руки схватили его кисть, и он влетел за дверь, не успев открыть рот, чтобы предупредить. Дверь со скрипом захлопнулась за ним. Килгор вскочил на ноги и выхватил звенящий меч. Сияние меча разогнало мрак, и он увидел, что находится в небольшой комнате с земляными стенами, немногим лучше, чем логово троллей. Он также заметил выстроившиеся возле двери пять фигур. Существа смотрели на него горящими от ненависти глазами. Затем с диким криком и звоном мечей все пятеро бросились на него. Одним ударом Килгор разрубил два меча, а следующим успокоил навеки того, кто был с топором. Оставшиеся в живых отскочили назад и начали шептаться между собой. В это время сзади послышался шум. Килгор понял, что за ним в стене комнаты находится подземный ход. Повернувшись, он увидел вдали свет, приближающийся к нему, услышал топот множества ног. Темные альфары. Теперь он понял это. Приготовив меч, он ждал.

Глава 5

Человек с факелом вошел в комнату и тут же отскочил назад, увидев Килгора с мечом!

— Это же варвар! — крикнул он тем, кто шел за ним.

— Сам варвар, — огрызнулся Килгор. — Отойди в сторону, а то я проткну тебя насквозь вместе с дверью, а также любого, кто встанет у меня на пути. — Он взмахнул мечом и пошел на тех, кто стоял у двери. Они попятились, однако не разбежались.

— Это колдун, — сказал один из них.

— Нет, я не колдун, я — смертный. Но мой меч обладает могуществом. Он поет от радости, предчувствуя, что ему предстоит напиться крови темных альфаров.

— Мир, мир! — закричал чей-то голос. — Мы не желаем тебе вреда. Меня зовут Горм, и я даю слово, что мы не сде-

лаем тебе зла. Спрячь свой ужасный меч, чтобы мы могли поговорить, как интеллигентные существа.

— Нам не о чем говорить. Я уйду, даже если для этого мне придется убить вас всех. Если вы хотите жить — пропустите меня.— И он снова поднял меч.

— О, совершенно нет необходимости грозить нам,— тревожно сказал Горм, выходя на свет и поднимая руки к лысой голове. Это было безобразное маленькое существо. Все лицо и руки у него были усыпаны красными пятнами, на огромном лице поблескивали глаза. Он скорчил гримасу.— Может, мы пройдем ко мне и обсудим наши разногласия?

— Я не собираюсь идти с тобой. Я знаю, кто ты, темный альфар. Враг мой и враг Эльбегаста.

Горм вздохнул и нервно потер руки.

— Меня очень огорчает то, что ты называешь меня врагом, однако этого следовало ожидать. Думаю, что мне удастся убедить тебя в обратном. Я прошу, спрячь свой ужасный меч и пойдем со мной мирно. Клянусь тебе, я не желаю зла.

Килгор покачал головой.

— Я могу выйти отсюда в любое время, когда пожелаю. Ты не сможешь остановить меня. Или ты думаешь, что я дурак?

Темный альфар усмехнулся и вздохнул.

— Да, боюсь, что да.— Он достал из рукава небольшую палочку и поднял ее вверх.— Ты знаешь, что это такое?

Мгновенно сияние меча угасло, и он стал невыносимо тяжелым. Килгор в ужасе посмотрел на Горма.

— Что ты сделал?

Горм похлопал палочкой по ладони.

— Волшебное дерево. Ты, наверное, знаешь, что Бальдура, Бога света и красоты, убил его слепой брат Хеед стрелой из этого дерева. Ты очень удивлен: ведь это величайшая тайна Эльбегаста, однако мы вывели ее с помощью наших лучших шпионов. Ты знаешь нашего шпиона, это — Графгримр, который привел вас сюда. Эльдарн хотел предупредить тебя, благослави бог его честную душу, но ты и твои друзья не захотели поверить ему. Графгримр стал темным альфаром много лет тому назад. Теперь он уже занимает высокий пост. Даже ходят слухи, что Сурт хочет включить его в число своих Двенадцати. Если бы ты спросил кого-нибудь о нем здесь, на другой стороне Трайден-та, тебе бы сказали, что он ледяной колдун.

Килгор был ошарашен. Дрожащими руками он вложил меч в ножны. Его можно было использовать как обычный,

однако теперь он стал таким тяжелым, что Килгор не смог бы противостоять двадцати хорошо тренированным темным альфарам. Глубоко дыша, он затравленно посмотрел на Горма и сказал:

— Хорошо, чего же ты хочешь? Только не пужно болтать о том, что ты не желаешь мне зла. Я знаю, что ничего хорошего от тебя ждать не приходится, иначе бы ты не был темным альфаром.

Горм пожал плечами и развел руками.

— Давай поговорим, юноша. Мы сделаем только то, что нам предписано самой природой. Как только ты поймешь это, тебе легче будет понять все. Следуй за мной, пожалуйста. Я уверен, что Свартгейм тебе покажется очень любопытным.

Килгор молча пошел за ним по низкому подземному ходу, который скоро привел их в огромный подземный зал. Его опоясывал каменный балкон, и, когда Килгор смотрел вниз, с балкона, у него захватило дух. Бездонная темная дыра уходила вниз, к самому центру Земли. Туда вела спиральная лестница. Факелы, установленные с небольшими интервалами, освещали лестницу призрачным багровым светом. Тысячи темных альфаров поднимались по ступеням с полными корзинами. Килгор, как ни всматривался, так и не смог увидеть дна.

— Мы всегда были хорошими шахтерами,— сказал Горм с удовольствием,— ведь мы очень любим драгоценности. Это не самая богатая наша шахта. Мы добываем здесь все меньше и меньше. Если на этот раз план Сурта удастся, он обещал нам привилегии для добычи минералов на поверхности земли. Ведь внизу ужасно жарко. В одном месте мы достигли огня Муспелы. Некоторые альфары смогли приспособиться к жаре, но остальные не могут спуститься ниже двести шестидесятой спирали. И, конечно, никто из нас не может приблизиться к расплавленному камню на дне самой глубокой шахты. Я покажу тебе ее завтра.

— Хэлло, Горм! Еще варвары и колдуны! — К ним подбежал посыльный темный альфар с факелом.— И с ними в Свартгейм вернулся Графгримр. Он хочет немедленно видеть тебя.

— Пришли его сюда,— сказал Горм с широкой улыбкой.— Он хочет попрощаться со своими друзьями, и они, без сомнения, захотят увидеть его в последний раз.

Килгор не мог вымолвить ни слова. В зал ввели Асни и Скандерберга. Отряд темных альфаров сопровождал их. Скандерберг был крепко связан, а Асни была без своего не-

разлучного молота. Графгримр следовал чуть сзади, укрываясь в тени.

— Так вот куда нас привели дружба и доверие,— злобно сказал Скандерберг.— Теперь мы в руках темных альфаров. Эльдарн старался предупредить нас, Килгор, это я во всем виноват. Если бы я был менее осторожен, я мог бы все это предвидеть. Но меня обманул великий лжец.

Горм улыбнулся почти сочувственно.

— Тебе не за что ругать себя, Скандерберг. Графгримр мастер лжи и притворства. Боюсь, что он может обмануть даже меня. Тем не менее, однако, удивительно, что он одурачил тебя, Скандерберг. Я всегда восхищался тобой, даже еще когда ты не был огненным колдуном.

— Представляю себе,— фыркнул Скандерберг.

— Это правда,— настаивал Горм.— Все темные альфары помнят, что ты повернул течение реки Ранг, так что она залила наши шахты. А как ты уничтожил наше укрепление в Рангхольде? И еще тысячи других наших шахт? Если бы не ты, наше государство было бы теперь более могучим и большим. И поэтому мы очень рады принять тебя и твоих друзей в Свартгейме. Кто бы из нас мог даже мечтать о такой чести?

— Действительно, кто? — саркастически улыбнулся Скандерберг.— Я пришел бы и раньше, но вы меня не приглашали. И прежде, чем я уйду отсюда, мне бы хотелось видеть, как тебя поджарят на огне Муспела.

— Я запомню твои слова,— сказал Горм, кланяясь и улыбаясь.— Если я не ошибаюсь, то мы увидим огонь, о котором ты упомянул. И я надеюсь, что жар этого огня не очень тебя беспокоит. Меч Эльбегаста будет рад вернуться туда, где он родился.

— Значит, ты собираешься расплавить его в огне Муспела? — Килгор схватился за безмолвную сталь.

Горм потер руки извиняющимся жестом.

— Разве другой огонь может уничтожить его? Ну, хватит говорить о неприятных вещах, идем, нам нужно немного освежиться перед тем, как начнется празднество. Сегодня вы почетные гости в Свартгейме. Не каждый день мы имеем удовольствие принимать у себя самого знаменитого огненного колдуна, владельца меча Эльбегаста и самую знатную женщину Гардара.— Он кланялся каждому, о ком говорил.

— Пока еще не самая знатная,— резко сказала Асни.— Я буду Королевой только после того, как меня коронуют. Однако тогда вы все будете пищей для ворон.

— Кто знает? Может быть,— задумчиво сказал Горм.— Никто не знает, что уготовила ему судьба. Это очень интересная тема для разговора. Мы обсудим это за обедом.

Помещение, куда их привели, оказалось личными покоем Горма. Два охранника взяли меч у Килгора и положили его на стол рядом с молотом Асни и разодранной сумкой Скандерберга. Килгор посмотрел на стол, оценивая, сможет ли он быстро прыгнуть к нему и схватить меч, но потом вспомнил, что меч утратил свое могущество после магии темных альфаров. Волшебная палочка тоже легла на стол рядом с оружием, когда развязывали узлы Скандерберга.

Килгора не поразила мрачная роскошь обстановки в покоях колдуна. Горм и Скандерберг присели у огня, беседуя, как старые добрые друзья. Килгор был слишком возбужден, чтобы присоединиться к беседе. Он не мог думать ни о чем, кроме предательства Графгримра.

— Как он мог сделать такое? — спросил он у Асни, присевшей рядом с ним.

— У меня все время были подозрения,— сказала девушка.— И я ничего не сделала. Это только моя ошибка. Я сразу поняла, что здесь что-то не то, когда заметила, что он слишком хорошо знает Вольфинден. Теперь мы знаем, почему.

— Если бы я не сунулся в этот подземный ход,— сказал Килгор,— то вас бы здесь не было сейчас. Мы бы сейчас шли дальше, как и намечали,— продолжал он несчастным голосом.— Я думаю, что после того, как они схватили меня, они напали и на вас.

— Да, и они приветствовали Графгримра, как товарища, и не связали его.— Асни вздохнула и в гневе стиснула руки.— О, если бы у меня появилась возможность, в Свартейме было бы на одного предателя меньше.

Горм, услышав ее слова, сказал:

— Ты говоришь «предатель»? Разве это не слишком грубое слово для того, кто выполнял свой долг, как он его видит? Графгримр очень ценная фигура в этой игре. В наши дни трудно найти за приемлемую цену хорошего шпиона. Но он добыл мне нечто такое, что не может сравниться по ценности с тем, что я обычно плачу ему.

Скандерберг попыхивал трубкой, пуская вверх кольца дыма и наблюдая, как они расплываются в воздухе.

— Я думаю, что ты в чем-то ошибаешься, Горм. Почему ты думаешь, что это единственная палочка в Скорпсее? Ведь светлые альфары твои родичи, хоть ты никогда и не хотел признавать этого. Ты не считаешь, что лучше всего

было бы бросить палочку в огненную преисподнюю, раньше, чем она причинит вред Свартгейму?

Горм отвернулся с гримасой. Он долго рассматривал палочку.

— Я принял все меры предосторожности. Не думаешь же ты, что я не обдумал все заранее?

— Нет, конечно. Я уверен, что ты понимаешь, что о ней нельзя распространяться, иначе твои добровольные помощники решат работать для себя и будут брать все добытое для себя.

Горм, казалось, раздулся от негодования.

— Этого не будет никогда, только Графгримр, Эльбегаст и я знаем тайну палочки. И я имею некоторые намерения относительно Эльбегаста и Графгримра. Можешь быть уверен в этом.— Он со злостью швырнул на пол чашку, которая разлетелась на мелкие осколки.

— Твое могущество уже покидает тебя? — поддразнил его Скандерберг.— Ведь это волшебная палочка, да? Она на тебя очень быстро подействовала, и каждый знает, что обрести могущество снова невозможно. Вскоре ты будешь совершенно без могущества. Не слишком ли большая цена за сотрудничество с Суртом? Сурт не будет ценить тех, кто не имеет волшебного могущества.

Горм попытался улыбнуться, однако улыбка перешла в отвратительную гримасу.

— Тогда я избавлюсь от палочки. Сразу же после того, как я уничтожу вас троих и этот отвратительный меч.

Килгор подумал:

«Интересно, на чьей же стороне Графгримр? Кажется, что он плетет заговор и против Горма, и против Эльбегаста».

Горм вскочил на ноги и пошел к двери.

— Я должен кое за чем присмотреть.— Он открыл дверь и вызвал охранника.

— Его что-то очень беспокоит,— сказал Скандерберг.— Интересно, куда он пошел? Встретиться с кем-то или убить кого-то?

Они больше не говорили, пока не начался праздник. Он состоялся в огромной пещере, где были установлены столы для пирующих и возвышения для почетных гостей и музыкантов, в фосфоренцирующих трещинах стен горели факелы, распространяя призрачный свет. Пленники сидели в тяжелых резных креслах, поставленных на возвышение. Горм сидел между Скандербергом и Килгором, излучая радость и добродушие. Ради такого случая он одолжил своим гостям-пленникам роскошные черные плащи, вы-

шитые красными и золотыми узорами в соответствии с традициями темных альфаров. Сначала они посмотрели помпезный парад темных альфаров, которыми командовали капитаны. Темные альфары с большим почтением и уважением смотрели на оружие пленников, выставленное на всеобщее обозрение тут же.

После многочасового пира, в котором ни Килгор, ни Асни не принимали активного участия, начались речи, сопровождаемые аплодисментами и криками восторга. Однако Килгор не мог слушать. Он, как замороженный, смотрел на свой меч. Он даже подскочил от неожиданности, когда Горм прошептал ему на ухо:

— Жаль, что он будет уничтожен, верно? Его сделали с такими трудностями, а он никогда не будет использован по назначению. Если бы я мог знать все о нем!

Килгор отшатнулся от него.

— Ты даже и не думай, что я расшифрую тебе надписи на нем. Не теряй понапрасну времени на уговоры.

Горм с сожалением покачал головой.

— Жаль, это большая потеря. Ведь ты все равно обречен, так почему бы тебе не оставить миру меч? Тогда жизнь будет интригующей для тех, кто останется жить. Может быть, Сурту полезно будет знать, что против него есть оружие, когда он обретет власть над миром и наступит Фимбул Винтер. Может, он захочет пойти дальше, и должно остаться что-то, что будет ограничивать его. Хотя он и единственный, кто способен установить Фимбул Винтер, он, возможно, в дальнейшем будет плохим правителем, и от него надо будет избавиться.

— Это уже ваши заботы,— сказал Килгор.

Горм больше ничего не сказал ему. Он сидел в глубокой задумчивости, пока не наступила его очередь говорить. Он произнес длинную речь, которая не вызвала большого энтузиазма ни у кого, а, напротив, многих усыпила. Килгор никогда не видел безобразных существ в таком количестве. Бесформенные головы, черные, желтые, бесцветные лица. Они вовсе не были похожи на альфаров Эльдарна. Они, скорее, напоминали троллей Тронда, особенно своей алчностью к золоту.

Килгор с брезгливостью отвел от них глаза. Факелы бросали слабый свет на столы из расщелин в стене. Килгор взглянул вверх, на исчезающий во мраке потолок пещеры, и вдруг ему показалось, что он увидел что-то другое, отличающееся от всего остального серого полумрака. Отыскав глазами то, что привлекло его внимание, он увидел, что на фоне мрака выделяется светлое пятно — свет, проникаю-

щий снаружи. Отверстие, до которого он мог бы допрыгнуть. Скоро рассвет, и с ним путешествие вниз, в преисподнюю. Он подтолкнул Асни и поделился своими наблюдениями. Ее глаза расширились и потемнели от возбуждения. Однако их окружали тысячи темных альфаров, бегство было невозможно. Внезапно Килгор заметил, что пещера начала пустеть. По отдельным репликам он понял, что все заспешили вниз, чтобы присутствовать при сожжении. Горм сказал, поднимаясь с кресла:

— Теперь и нам пора. Следуйте за мной, друзья. Ведь при других обстоятельствах мы непременно бы подружись.

— Никогда,— сказала Асни.

— Друзей темных альфаров часто невозможно отличить от врагов,— сказал Скандерберг.— Я прошу, чтобы у меня в руках был мой посох, когда я буду прыгать вниз. Я не хочу, чтобы он сгорел раньше меня.

Процессия торжественно двинулась вниз. Впереди шли темные альфары с факелами, пламя которых казалось жемчужинами в непроницаемом мраке. В воздухе запахло серой, и стало трудно дышать. Тысячи темных альфаров толпились на каждом ярусе. Их перешептывания напоминали Килгору шелест сухих листьев. Темные альфары старались увидеть пленников, когда те проходили мимо. Чем ниже они спускались, тем более пятнистыми и темными становились лица темных альфаров, встречающих их.

Когда они, наконец, достигли дна, воздух был таким, что жег легкие. Жара была почти непереносимой. Из глубины шахты струился темно-красный зловещий свет, и все в его лучах казалось раскаленным докрасна. Килгор прикрыл рукой лицо, чтобы защититься от жара, но кожа его, казалось, начала дымиться. Прикоснувшись к серебряной пуговице на плаще, он обжегся и сунул палец в рот. Рядом стояла Асни, закрыв глаза. Лицо ее было огненно-красным. Волосы Скандерберга в красноватом свете образовали нимб вокруг его головы. Он смотрел на свой посох, на сумку, меч и молот, которые принесли сверху. Горм потирал руки и хихикал, не замечая ужасающей жары.

— Ну вот, все готово,— сказал он, и в пещере стало тихо. Так что было слышно шипение и бульканье огненного расплава. Горм поднял над головой волшебную палочку. Довольная улыбка играла на его лице.— Это самый радостный момент для Свартгейма,— сказал он звенящим голосом. Напряжение в пещере нарастало.— Мир не забудет этот день. Эльбегаст будет потрясен, что его самая страшная тайна стала известна мне, и я сообщу ее всем темным

альфарам, чтобы они могли, наконец, победить светлых альфаров. Тайна заключена в этой палочке...

— Король, я хочу немедленно поговорить с тобой,— слышался повелительный голос. И из бокового туннеля появилась темная фигура.

— Потом, Графгримр, уйди, обманщик, и не беспокой меня сейчас,— рявкнул Горм.— Тебе за все заплачено. Даже больше, чем ты требовал.

Графгримр горько усмехнулся.

— Так вот как обстоят дела. Тебе достанется вся слава, а обо мне забудут? Это я добыл тайну Эльбегаста, которая никогда бы не досталась тебе, если бы не я!

— Уйди прочь, предатель, иначе мои люди уведут тебя силой,— сказал Горм.— И чтобы ты никогда больше не появлялся в Свартгейме. Я не могу верить предателю, даже если он работает на меня.

— Ах так? Тогда ты умрешь вместе с тайной Эльбегаста! — Графгримр прыгнул вперед. В его руке сверкнул меч. Пронзительно вскрикнув, Горм пошатнулся и упал на колени прямо на краю шахты. Руки его скребли землю, стараясь дотянуться до «Килдруина» и столкнуть его вниз. Все, кто были рядом, стояли неподвижно, парализованные случившимся.

Первым опомнился Килгор. Он рванулся вперед и схватил меч, прежде чем тот свалился вниз.

Затем охранники Горма кинулись вперед с поднятыми топорами. Графгримр отчаянно боролся с Гормом, который прошептал что-то, чего в диком шуме никто не разобрал. Король пытался что-то вытащить из кармана, а Графгримр старался столкнуть его в огонь. Из кармана вывалилась волшебная палочка и покатилась вниз. Никто не успел схватить ее, и она упала. Горм дико вскрикнул, а Графгримр изо всех сил толкнул его, и Король исчез за краем пропасти. Графгримр обернулся к нападающей на него толпе темных альфаров. Он размахивал своим мечом и был похож на загнанную в угол крысу, оскалившую зубы.

И, когда воины темных альфаров готовы были захлестнуть Килгора и Графгримра, «Килдруин» ожил в руках юноши. Асни нырнула за своим молотом, и страшное оружие тут же начало свою кровавую работу. Молот врезался в ряды нападающих, сея смерть и прорубая огромные бреши в них. И вдруг вспыхнуло желтое пламя, раздался страшный взрыв. Темные альфары бросились бежать, спасаясь от гнева Скандерберга, страшных меча и молота. Килгор видел, как обезумевшие темные альфары бежали вверх по спиральной лестнице. Он также увидел несколько

заросших бородами смертных, которые вооружились мечами и сражались с теми темными альфарами, которые не успели убежать с остальными. Чья-то сильная рука схватила его, и он услышал голос:

— Беги за нами, если хочешь остаться живым. Они скоро вернутся! — И его потащили в боковой туннель. Несколько маленьких ламп освещали им путь, и Килгор с радостью увидел белую бороду Скандерберга и Асни, которая без устали швыряла свой молот, уничтожая темных альфаров, преграждавших им путь.

Они бежали изо всех сил по извилистому туннелю, пока их легкие не начало саднить. Они несколько раз вступали в бой с темными альфарами, выскакивающими из боковых туннелей, и наконец, добрались до спокойной прохлады огромной пещеры, где проходил пир. Остановившись, чтобы пересчитать друг друга и убедиться, что все здесь, они начали карабкаться по стене вверх. Лампы освещали путь слабым светом, однако Килгор не думал о том, что может сорваться: он отчаянно спешил за остальными. Далеко внизу уже слышались звуки погони. Эти звуки отражались от стен, и Килгор был уверен, что темные альфары везде: и впереди, и сзади, и сверху, и внизу. Впереди Килгора что-то вспыхнуло пурпурным пламенем и прозвенело мимо него вниз, где рассыпалось золотыми искрами, но огонь не угас, а превратился в огромную змею с глазами, извергающими пламя. Змея тут же бросилась на темных альфаров, жадно глотая каждый кусочек золота, который попадался ей на глаза, а потом уползла в боковой туннель в поисках еще большего количества добычи.

Следующее, что ощутил Килгор, это бег по низкому коридору, где он ударялся головой о потолок и спотыкался на каждом шагу. Кто-то схватил его и поволок, так как он уже еле передвигал ноги. И внезапно они оказались в хмурых лучах гардарского рассвета. С ними были шесть бородатых высоких людей, вооруженных мечами и луками Свартгейма. Скандерберг остановился и посмотрел назад, где жители Свартгейма выскакивали наружу, преследуемые золотой змеей. Они сразу же прятались за камнями и обломками стены. Килгор увидел, как у выхода мелькнули золотые кольца змеи, однако Скандерберг одним словом послал ее обратно в пещеру.

— Это я создал ее,— гордо сказал Скандерберг.— Она всего лишь в фут длиной. Еще дитя, но как хорошо обучена!

— Настоящая золотая змея! — восхитился Килгор.— Неужели она действительно глотает золото и с каждым кусочком становится все больше? Или это просто сказки старух?

— Старухи не всегда рассказывают просто сказки.

Внезапно один из новых товарищей, который шел впереди, бросился назад.

— Сюда! И быстро! — Они все бросились за каменный холм. Несколько стрел ударились возле них о камни или просвистело вверх. Люди натянули луки и выстрелили в ответ. Килгор ахнул от изумления, когда увидел этих людей. Они были гораздо выше, чем жители Шильброда, и одеты в звериные шкуры. Ноги их были босы, однако они легко бежали по острым камням и колючим кустам. Оружие у них было сделано из камня или ржавого железа, очевидно, выкопанного из могил.

— Скандерберг, кто это? — спросил на бегу Килгор.

Один из тех, кто был с ними, услышал и рассмеялся.

— Дикари Гардара, — крикнул он. — И не многим лучше, чем темные альфары.

Прежде, чем Килгор смог ответить, они обогнули холм и попали прямо в лагерь. Дым костров струился вверх, вокруг бегало много маленьких детей с небольшими луками. Они увидели пришельцев и тут же подбежали к ним, с любопытством тараща на них глазенки. На возвышении в центре лагеря сидели старейшины племени и ждали.

— Хорошо сделано, Инялд, — сказал старик с серебряной бородой, сидящий в центре. — Ты привел очень важных людей. Кто из них альфар?

Инялд пожал плечами, и вперед вышел Скандерберг.

— Предатель Графгримр. Он предал нас, отдав в руки своего старого друга Горма, но предал и его. Не упоминай при мне его имени, а то это приводит меня в бешенство. Если я не ошибаюсь, то мы обязаны тебе. Ведь ты послал своих людей, чтобы освободить нас. Мы от всей души благодарим тебя и готовы служить тебе, чтобы заплатить долг. — Скандерберг отвесил низкий поклон.

— Меня зовут Скулд, — сказал старик с доброй улыбкой. — Не будем говорить о благодарностях. Мы рады служить вам, ведь это вы вернули нам нашу Королеву. — Он встал на колени и поцеловал руку Асни. — Мы полностью в твоём распоряжении, леди.

Асни положила руки на его плечи.

— Скулд, ты будешь командовать моей армией. Ты провел долгую и трудную жизнь в этих горах и стал таким же хитрым, как лиса. Мне кажется, я помню тебя. Твоего деда звали Хоскулд?

— Да, так. Он погиб на войне, когда нас изгнали из наших домов. Мой отец Хростхоф увел всю семью в горы. Туда же ушли и многие другие, когда угас свет Вольфган-

перов. Я родился в вельде, как и все остальные здесь. Жизнь наша была очень суровой, леди. Там, где раньше жили тысячи свободных гардарцев, остались лишь могилы, да рассеянные кости. Мы постепенно дичали, и нас становилось все меньше. Однако зимой вымирали слабейшие, а те, что оставались и выживали, становились все крепче. И мы стали такими, какими ты нас видишь. Мой отец говорил мне, что Королева, которая вернется, той же крови, что и я, что мы родственники. И я рад приветствовать Королеву, которая вновь будет править нашей страной.

Слезы стояли в глазах старика, когда он кончил говорить. Вокруг собрались дикари и с почтением слушали своего вождя. Они опустили на колени перед Асни.

— Этой зимой вы все вернетесь в дома,— сказала Асни.— И здесь не останется ни одного варгульфа. Мы собираемся идти в Гримсшлаг и с помощью меча Эльбегаста положить конец правлению Сурта.— Ее лицо просветлело, она опустилась к своим подданным, пожимала их огрубевшие руки, запоминала их имена.

Наконец, они удалились в пещеру, где стали обдумывать ту роль, которую должны были сыграть люди Скулда в предстоящей битве. Скандерберг и они с трудом нашли себе места на полу пещеры, где их не продувал свирепый ветер. Но дикари не обращали на него внимания. Они сидели на полу и внимательно слушали своего вождя. Кутаясь в черный плащ Горма, Килгор постепенно согрелся. Он положил голову на плечо Скандерберга и уснул.

Когда он проснулся, совет уже кончился. Чувствуя себя виноватым, он сделал вид, что вовсе не спал, но как же теперь ему узнать решение совета? Во всяком случае, после сна он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим.

— Мы встретимся после победы,— сказала Асни, пожимая огромную руку Скулда и руки остальных гардарцев.

Скулд взял руку Килгора.

— Мы будем за тобой, когда ты войдешь в Гримсшлаг. Наша Королева рассказала нам о твоей храбрости. И я очень рад встрече с таким воином, как ты. Пока я дышу и мой язык способен говорить, я не позволю, чтобы твое имя было забыто. Пусть Бог войны поможет тебе, Килгор из Брандстока.

Скулд не стал терять время на то, чтобы уговорить их отдохнуть еще здесь.

— Уже и так много времени прошло и много людей погибло,— сказал он, запихивая в их мешки жалкую еду. Затем он и его люди проводили путешественников до следу-

ющего холма и долго смотрели им вслед. Оглянувшись назад, Килгор не увидел ничего, кроме каменных глыб, однако он был уверен, что дикари там, но скрылись так, что их невозможно было обнаружить среди камней и скудной растительности. Однако он знал, что они смотрят ему вслед с надеждой в сердце.

Когда Килгор оглянулся в последний раз, он увидел, что из кустов вынырнул Инялд. Он бежал за ними со скоростью и легкостью зайца.

— Мой отец Скулд послал меня, чтобы немного проводить вас,— сказал он, поравнявшись со Скандербергом.— Это спасет вас от блужданий. Ведь мы живем здесь всю жизнь и хорошо знаем местность. Мы пройдем вместе только несколько миль.

После этого они быстро пошли вперед и не останавливались, пока солнце не скрылось за угрюмой грядой гор. Инялд был потрясен простейшей магией Скандерберга, когда тот сотворил костер и защитный круг. Скандерберг был польщен и не удержался от искушения зажечь розовые искры в бороде и усах, а также выдохнуть клубы голубого дыма.

— Лучше бы ты превратил сушеное мясо во что-нибудь съедобное,— вздохнула Асни.— У меня слюнки текут, когда я вспоминаю о коровах и свиньях, которые водились в Гардаре. Может быть, в этом самом месте раньше колосилась тучная пшеница.— Она поднялась и начала расхаживать взад и вперед, ее жгло нетерпение.

К полудню следующего дня они добрались до первых курганов. Сзади в дымке тумана виднелись горы Свартгейма. Впереди между древними могильными курганами вилась дорога, как причудливый шрам на лице старого воина. Она тоже скрывалась в тумане и дожде.

— Это дорога в Гримсшлаг,— сказала Асни. Ветер трепал полы ее плаща.— Она мало изменилась с тех пор, как я в последний раз ехала по ней. Мы уже у дверей старого дракона. Инялд, спасибо, что привел нас сюда. Ты можешь передать наши благодарности Скулду!

— А можно я пойду с вами? — спросил Инялд.— Ты наша Королева, и я хочу драться рядом с тобой и умереть, защищая тебя! Мой отец поймет меня.

— Нет, ты должен вернуться к Скулду, как мы договорились,— твердо сказала Асни, хотя ее тронула преданность юноши.— Ты больше нужен ему, чем нам. Если ты пойдешь с нами, то с большой вероятностью можешь погибнуть. А мне нужна служба живого Инялда, я вовсе не хочу оплакивать его. Возвращайся, друг мой. Мы потом

встретимся. Ты будешь моей правой рукой, когда мы освободим Гримсшлаг.

Разочарованное лицо Инялда просветлело. Взяв руку Асни, он поцеловал ее и воскликнул:

— Мы встретимся после победы!

Поклонившись, он бросился бежать обратно и вскоре исчез в плотном тумане.

— Это прекрасно, чувствовать, что за тобой армия! — сказал Килгор, когда они пустились в путь по дороге дальше.

— Да, если вспомнить,— задумчиво сказала Асни,— что все началось с зеленого юноши, ворчливого старого колдуна и одной наивной девушки... Возможно, именно поэтому мы и достигли Гримсшлага. Ведь нас никто не принимал всерьез.

Скандерберг негодующе хмыкнул:

— Я-то никогда не считал себя ворчливым стариком.

— Между прочим, я замерз,— сказал Килгор, стуча зубами.— Этот дождь доканает меня. Мы будем стоять и говорить, пока не замерзнем до смерти, или же пойдем вперед, ведь еще светло?

Дождь не прекращался до самого вечера. Они устроились на ночлег на склоне кургана с плоской, как стол, вершиной. Асни сказала, что здесь похоронен Король, и она хорошо помнит, что коронация ее матери происходила на площадке кургана. Тогда Асни была совсем маленькой. Ветер свистел и завывал, продувая все насквозь. Путники никак не могли укрыться от него. Закутавшись в плащи, они приготовились провести бессонную ночь.

— Хорошо бы, если бы ты, Скандерберг, сотворил маленький уютный домик,— сказала Асни, клацая зубами.

— Я бы в один момент сотворил и замок, и три перины из гусяного пуха, и двадцать очагов, и дюжину жареных свиней,— хмыкнул Скандерберг,— но тогда все тролли и темные альфары по эту сторону Трайдента знали бы, где нас искать.

— По крайней мере, люди Скулда сейчас в своих пещерах,— пробормотала Асни. Ее мысли мгновенно перенеслись к своим подданным. Она радовалась, что им не приходится мерзнуть, как ей.— В шесть часов он должен быть здесь, и на берегу реки Гримстрем завтра...

Внезапно Скандерберг сел и посмотрел на Килгора.

— Ты слышал что-нибудь? Мне показалось, кто-то кричит.

— Это привидения,— сказал Килгор, плотнее закутываясь в плащ.— Я ничего не слышу.

— И я не слышу,— сказала Асни.— Однако я не прислушивалась.

— Наверное, показалось,— сказал Скандерберг, но вынул голову из плаща и стал слушать.

— Хэлло!

Крик прилетел с вершины кургана. Он был достаточно ясный, чтобы в нем сомневаться. Они посмотрели вверх и увидели черную фигуру на фоне кроваво-красного неба. Человек был закутан в плащ и держал в руке посох.

— Пастух? — предположил Килгор, неохотно вылезая из плаща.

— Здесь? — фыркнул Скандерберг. Поднявшись, он взял посох и стал ждать, когда эта странная фигура спустится...

Глава 6

Незнакомец шел медленно, тяжело опираясь на посох. У него не было фонаря, и путники не могли рассмотреть его лица. Остановившись поодаль, он старался рассмотреть их в темноте.

— Я негостеприимен по своему характеру,— сказал он,— однако я не хочу, чтобы вы замерзли на пороге моего дома. Мой дом мал, но там есть очаг, и он совсем рядом, на другой стороне кургана. Идите со мной. Путешественники редко беспокоят меня.— И он снова стал подниматься на курган, не оглядываясь, идут ли за ним или нет. На вершине он остановился, чтобы подождать их.— Меня зовут Ватнар.— Лицо его в полумраке казалось мертвенно-бледным.— Я построил себе дом рядом с курганом, где захоронен Король, имя которого я ношу.

— Ватнарсмаунд,— сказала Асни, пристально глядя на Ватнара.— Я помню.

— Я не спрашиваю ничего и не хочу, чтобы мне задавали вопросы,— продолжал Ватнар, поворачиваясь к своему дому. Килгор видел, что человек этот был очень маленького роста, однако очень крепкий и широкоплечий, даже устрашающий. В нем чувствовалась огромная сила. Рука, сжимающая посох, была вдвое больше руки Килгора. Килгор чувствовал, как в нем рождается благоговейный трепет.

Дом и все хозяйственные строения прилепились к краю холма. Все было крыто соломой. Жилой дом был маленький: две комнаты внизу и небольшая спальня наверху. Кухня была на первом этаже. Когда они вошли, Килгор чуть не выскочил обратно от неожиданности, когда увидел

женщину-тролля, которая свалилась с грохотом со стула при виде гостей. Килгор коснулся меча и почувствовал, что он вибрирует, как никогда раньше.

С любопытством он смотрел на существо с зелеными глазами, которое смотрело на него из коридора.

— Гилитрут, подай гостям что-нибудь поесть,— приказал Ватнар.— Вы можете повесить свои плащи у огня, пока едите.— Они сели за стол, и тролльчиха принесла им масло, сметану и густой суп с каким-то мясом.— Теперь садись на свое место и не беспокой нас.

Как будто между ними шла беседа, которой можно было помешать. Они ели в полной тишине, и Ватнар даже не смотрел на гостей. Килгор бросал любопытные взгляды на тролльчиху. У него в голове бурлили вопросы, но он сдерживал себя. Один вид Ватнара мог отбить любопытство у кого угодно. Его лицо блестело, как полированный камень, лоб перерезали две морщины, резкие, как вырубленные из камня. Его лицо с острыми пронзительными глазами обрамляли рыжая борода и такие же волосы. Когда он дышал, поздри у него раздувались, как будто в нем кипел гнев.

Посуду после еды убрали, и вновь наступила тишина. Наконец, Скандерберг заговорил, однако Ватнар даже не поднял глаз от своих стиснутых рук.

— Мы благодарим тебя за гостеприимство. Ночь слишком ужасна. Мы пришли издалека и ужасно устали.

— Тогда вам нужно лечь спать сразу. К сожалению, у меня всего одна постель, на которой вы все можете устроиться. А я предпочитаю спать в сарае.

Скандерберг поклонился.

— Благодарю за гостеприимство. Это очень щедрый хозяин, если он предлагает свою постель гостям.

— Я настаиваю, чтобы вы спали здесь,— сказал Ватнар.— Я никогда не сплю здесь.— И он положил свою тяжелую руку на три соломенных тюфяка.

Асни взяла самый короткий и пожала плечами.

— Вообще-то мне все равно, где спать, но я действительно давно не спала в настоящей постели.

— Тогда я покидаю вас,— сказал Ватнар.— Я должен предупредить, чтобы вы не открывали дверь до восхода солнца, кто бы в нее ни стучал. Здесь очень много привидений. Вы можете подумать, что во дворе проскакали всадники, однако не вздумайте выходить во двор. Если вы что-нибудь услышите, не зажигайте света и не высовывайте носа. Если вы не послушаете меня, то я не поручусь за вашу безопасность и не буду нести ответственность за то, что может случиться.

— Благодарю, мы примем твои слова к сведению,— сказал Скандерберг.

— Тогда доброй ночи. Гилитрут, следи за огнем и смотри, чтобы было тепло.— Бросив последний взгляд, Ватнар вышел и послушал, чтобы Килгор закрыл дверь на засов. Затем его шаги направились к сеновалу, и вскоре все затихло.

Килгор с облегчением вздохнул и обмснулся взглядом со Скандербергом.

— Не очень-то приятный хозяин, да? — заметил Килгор, когда они вытянули усталые ноги на тюфяках и стали наслаждаться теплом и покоем. Тролльчиха что-то хлопотала возле огня, хотя он и так горел ровным пламенем.

— Ты не беспокойся,— сказал ей Скандерберг.— Он не погаснет. А если и погаснет, я сам разожгу очаг.

Гилитрут сцепила когти и закрыла глаза.

— Я не могу оставить очаг ни на секунду,— сказала она, дрожа до самых кончиков ушей, которые были как у кошки.— Если он погаснет, то завтра я буду в супе, а это не совсем приятно. Сегодня вечером был суп из моего кузена Блигра, а на прошлой неделе он поймал в ловушку какого-то незнакомого мне тролля. Так что вы не думайте, что он пожалеет меня.

— Суп из тролля? — спросил Килгор изменившимся голосом.

— Теперь уже поздно думать об этом,— резонно заметила Асни.— И, к тому же, суп был не так уж плох.

— Ведь нужно что-то есть,— сказал Скандерберг.— И тролли ничем не хуже другой дичи.— Он завернулся в плащ и довольно вздохнул, будто спал на пуховой перине, а не на соломенном тюфяке.

Гилитрут показала спальню Асни, где стояла одна кровать у стены. Сама она легла на подстилке возле двери.

— Что ты думаешь о нашем хозяине? — прошептал Килгор.

— Очень странный тип,— зевнул Скандерберг.— Спи и забудь о нем. Тот, кто ест троллей, не может не быть эксцентричным.— Последние слова перешли в храп.

— Скандерберг,— толкнул его Килгор.

— В чем дело? — встрепенулся колдун.

— Меч! Он звенел, когда мы пришли сюда. Ты думаешь, это Гилитрут?

Скандерберг помолчал.

— Может быть. А может быть, привидения, о которых говорил Ватнар. Постой на страже, Килгор, и охраняй нас.

Килгор вздохнул. Меч гудел и вибрировал, он не давал ему уснуть. Наконец, он решил отцепить его, и тут крик из комнаты Асни полностью привел его в себя. Схватив меч, он рывком распахнул дверь, позволив свету очага осветить комнату. Асни старалась зажечь лампу.

— Что случилось?

— По балкам бродит кот.— Она подняла лампу, чтобы осветить потолок.— Ты видел, как он метнулся, когда дверь открылась?

— Кот? Нет, я не видел кота. Да и что он может сделать плохого? — Килгор был готов рассмеяться при виде Асни. Она была бледна от страха, глаза неестественно расширились.— Что за кот? Он тебе не приснился?

— Я слышала, как он ходит, а потом он прыгнул на постель и сел мне на грудь,— тихо сказала она.— Он становился все тяжелее и тяжелее, пока не стал тяжелым как лошадь. Я едва смогла вдохнуть воздух, чтобы крикнуть. Если бы я не крикнула, он задушил бы меня.

Килгор и Асни смотрели молча на Скандерберга, который быстро осмотрел комнату.

— Кто-то хочет тебе зла. Было в твоей руке что-нибудь, когда ты проснулась?

— Ключок соломы. Может, что-то превратилось в солому, когда вошел Килгор?

— Возможно,— сказал Скандерберг.— Иди на мое место у огня. Я лягу здесь и посмотрю: может, оно вернется.— Драконья голова его посоха светилась зловещим красным светом.— Что-то тут не то.

Асни свернулась у огня, но спать она не могла. Девушка смотрела в потолок широко раскрытыми глазами.

— Если это чудовище явится опять, я разнесу его в ключья молотом. Я буду слушать: если Скандерберг уснет и захрапит, я вышибу эту дверь. Зря мы пришли сюда. Я бы предпочла замерзнуть, чем воевать с привидениями.

Гилитрут заворочилась возле двери.

— Каждый, кто спит на той постели, утром умирает,— сказала она.— Так было с тех пор, как я пришла сюда. Если вы хотите остаться живыми, вам нужно положить рядом с собой баранью кость.

— Я лучше положу меч,— сказал Килгор.— Так, значит, вот оно что. Кровать для привидений. Сколько же гостей хозяин положил на нее?

— Много,— зевнула Гилитрут.— Я давно потеряла счет.

— Посмотрим, как привидениям понравится иметь дело с колдуном,— сказала Асни.

Огонь в очаге почти угас. Килгор начал клевать носом и дремать. Ему снилось ржание лошадей во дворе. Эти звуки разбудили его, и он понял, что это не сон. Перед домом слышались ржание лошадей и голоса людей.

Килгор тихо встал, перешагнул через Гилитрут и припал к щели в двери. Три всадника ехали от дома к кургану, где на вершине мерцал голубой свет. Килгор теснее прижался к щели, чтобы рассмотреть получше. Сердце его бешено колотилось. Из старых сказок он знал, что голубой свет на вершине могильного кургана говорит о том, что в кургане спрятано сокровище. Он бросился к окну, чтобы открыть его.

— Нет, нет! — в ужасе прошептала Гилитрут. — Он всех нас бросит в котел, если узнает, что ты смотрел на улицу.

— Там, в кургане, клад, — сказал Килгор. — Кто эти люди? Искатели кладов?

Она покачала головой.

— Они не люди. Они колдуны. Я могу сказать тебе только это. Что ты делаешь? Нельзя открывать дверь. Он задушит меня и бросит в котел, если узнает.

Килгор задержал руку на дверном засове.

— Почему ты не убежишь отсюда? Что тебя здесь держит?

— И попасть в грязное логово троллей? Лучше пусть меня зарежут и поджарят, — презрительно сказала Гилитрут.

— Ну, раз так, то ты сама это выбрала, — ответил Килгор, открывая дверь. — Асни, — пролепетал он, — я выйду. Впусти меня, когда я стукну четыре раза.

— Сокровище или нет, но это колдуны самого Сурта, — сказала Асни. — Лучше бы мы не останавливались здесь.

Килгор выскочил на улицу и укрылся в тени дома. Меч звенел и вибрировал очень сильно. Звук был подобно жужжанию потревоженного улья. Он пошел за колдунами, перебегая от одного темного места к другому. Ветер на кургане набросился на него и швырнул осколками льда, когда он укрылся за камнем, чтобы прислушаться. Услышав фыркание лошадей, он присмотрелся и различил три темных силуэта лошадей, привязанных к кустам. Он был уже близко от вершины, однако голубой свет исчез. Он осторожно пошел к концу кургана, туда, где был вход. Юноша прикрывал лицо от укусов ветра. Он знал, что, идя навстречу ветру, он не выдаст шумом своего приближения тем, кто находится впереди, зато любой звук, произведенный ими, достигнет его ушей.

Ветер донес до него чей-то голос, как будто говорил бесплотный дух. Слов было не разобрать. То ли было слишком далеко, то ли говорили на незнакомом языке. Килгор обошел холм, чтобы иметь некоторое преимущество, если придется вступить в бой, и укрылся за камнем.

Он увидел трех колдунов, которые шли, переговариваясь между собой и не глядя по сторонам. Они были уверены, что никто не осмелится подглядывать за ними.

У них не было ничего, кроме оружия и обычных для колдунов посохов и сумок. Это, конечно, не кладоискатели. Они пришли на встречу с кем-то, может, с духами или привидениями. Килгор беспокойно огляделся, ища путь к отступлению. Он не хотел иметь никаких дел с мертвецами.

Пока он раздумывал и колебался, в глубокой расщелине под плоским камнем вспыхнуло голубое пламя. Стиснув в руке рукоять меча, который тревожно вибрировал, он подошел к камню и постарался заглянуть в расщелину. Там, конечно, царил кромешный мрак, и он ничего не смог увидеть, тем не менее, он почувствовал влажный воздух и запах гниения. С мечом в руке, который немного освещал ему путь, он проскользнул в расщелину. Это удалось ему без большого труда. В слабом сиянии меча он увидел, что оказался в темной грязной нише, где валялись грязные тряпки, сучья и что-то, что, по-видимому, было костями. Все это выглядело достаточно безобидно, и поэтому Килгор смело забрался внутрь. В большом разочаровании он осмотрел земляные стены и камни. Сокровищ здесь не было. Скандерберг вдоволь поиздевается над ним и отругает за то, что он отправился ночью на кладбище в одиночку, да еще когда кругом враги. Мысль о врагах пронзила Килгора до мозга костей. Он торопливо полез к выходу, однако, как только высунул голову наружу, он услышал шум позади. Килгор быстро повернулся и ничего не увидел, но в слабом сиянии меча мелькали какие-то тени. Меч весь трясся, предупреждая об опасности. Что-то шипело и царапало о камни. Подняв меч, Килгор заметил что-то движущееся. Два огненных шара вспыхнули во тьме. Килгор присмотрелся и увидел, что это шипящий кот. Когда юноша позвал его и протянул руку, кот дико взвизгнул, метнулся вверх, дважды пробежался по норе и скрылся за камнем. Килгор с большой осторожностью заглянул за камень. Он вовсе не желал, чтобы кот укусил его, однако, к своему удивлению, кота он там не обнаружил.

Но зато увидел подземный ход, ведущий вглубь кургана. То, где он находился сейчас, было всего лишь передней

комнатой. Основная часть подземелья находилась дальше. Откатив в сторону несколько камней, Килгор расширил отверстие, чтобы можно было пролезть через него, и в награду за это в нос ему ударил спертый запах подземелья. Он много раз слышал, что люди, раскапывающие старые курганы, мгновенно умирают, когда вдыхают смертельные испарения, скопившиеся в подземелье за долгие годы. Он осторожно посмотрел в отверстие.

Меч в этой части подземелья вспыхнул вдвое ярче, чем обычно. Он приказывал юноше войти, тянул его, однако Килгор колебался. Он с благоговением смотрел на те сокровища, которыми была полна комната. Пол был завален золотыми безделушками разных размеров — кубками, сосудами, большими и маленькими, гладкими и украшенными орнаментом, шлемами и щитами, доспехами, украшениями и многочисленными другими вещами. Все было свалено на пол в беспорядке и образовывало бесценный ковер. Сердце Килгора почти остановилось при виде такого огромного количества золота, серебра, драгоценных камней. Все это было собрано в замках и богатых домах Гардара, здесь же были сокровища Вольфганнеров. Никогда раньше Килгор не видел такого великолепного зрелища. Он уже был готов прыгнуть сюда через сделанное им отверстие, и тут взгляд его упал на каменную гробницу, стоящую в центре усыпальницы. Там лежал мертвый Король в когда-то алой роскошной одежде. Истлевшие руки сжимали рукоять длинного сверкающего меча. Вокруг стояли резные деревянные сосуды. Там были подарки и приношения. Теперь все уже сгнило и превратилось в прах и тлен. У Килгора возникло очень жуткое ощущение, что мертвый Король смотрит на него краем своей пустой глазницы. Как будто он не хотел отдавать свои сокровища. Килгор осторожно вернулся в переднее помещение. Услышав шум позади, он снова заглянул в усыпальницу и увидел кота, который бесстрашно сидел на груди мертвого Короля и смотрел недобрыми зелеными глазами на Килгора.

Килгор быстро поставил камни на место и вылез наружу. Он еще не был уверен, что же он обнаружил. Он с удовольствием предоставил сильному ветру сдуть с себя пыль подземелья и поспешил в дом.

Там он увидел, что дверь сорвана с петель. Когда на его стук откликнулась Асни, он вошел и увидел, что дом полон серного дыма, а Гилитрут стонет и плачет. Она была в полной истерике.

— Ты чересчур долго отсутствовал,— натянутым звенящим голосом сказала Асни.— У нас произошли очень не-

приятные события. Жаль, что не было тебя и твоего меча. Вас нам очень не хватало.

— Ерунда.— Скандерберг закутался в плащ и присел поближе к огню. Было заметно, что он дрожит.

Килгор в изумлении осмотрел спальню, все стены которой были обуглены, а постель в ней дымилась.

— Привидение напало на Скандерберга, и тот ударил его огнем; он сжег все, а привидению это не повредило,— сказала Асни.— Я пыталась убить его, но молот побеспокоил его не больше, чем укус комара. Оно было неуязвимо ни для чего.

— Это вновь кот? — Килгор поглядел на дверь.

Скандерберг покачал головой. Он выглядел совсем седым и старым. Он тихо прошептал:

— Это был опять бык, Килгор! Нас спасло только то, что он искал тебя, Килгор. Я видел, как он просачивается в замочную скважину, как туман, и ударил его изо всех сил, однако магия его не тронула. Асни высадила дверь, но он проскочил мимо нее и помчался вверх по склону кургана. Я не знаю, что на него подействовало, почему он изменил свои планы. Ты не встретил его, когда возвращался?

Килгор покачал головой.

— Но зато я видел кота. Он был в подzemелье кургана, когда я влезал туда, и оставался там, когда я уходил. Я думаю, что кот и бык — это одно и то же. Бык сначала посетил вас, пока я карабкался на курган, а потом в виде кота сопровождал меня внутрь.

— Он не напал на тебя? — спросила Асни.

— Нет. Он только смотрел и шипел. Я не думал о нем. Однако он может сделать что-нибудь с мертвым Королем. Когда я уходил, кот сидел на его груди.

— Ватнар,— прошептала, нахмурившись, Асни.— Это имя мне знакомо. Я когда-то учила историю всех Королей Гардара, и среди них были сотни Ватнаров. Но один из них запал в мою память. Пророчество... проклятие...

— Теперь это неважно,— тревожно сказал Скандерберг.— Что еще ты видел там?

— Мертвый Король держал меч, который совершенно не заржавел. И у него была черная рукоятка. Мне показалось, что Король... что Король смотрит на меня. А потом кот сел на его грудь и с ненавистью смотрел на меня. После этого я ушел. Однако сокровище огромно. Там, должно быть, собрано все золото Гардара.

— Конечно,— сказала Асни,— и это наверняка меч «Тирфинг». Говорят, что он волшебный и принадлежал Тирфингам, которые правили Гардаром до Вольфганнеров.

Он хранился в сокровищнице моей матери, а не в усыпальнице Ватнара. Ватнары правили Гардаром почти шестисот лет тому назад. Этот меч не мог оказаться похороненным с Ватнаром.

— Тогда как же он попал туда, если, конечно, это он? — спросил Килгор.— Кто-то положил его туда позже?

— Я знаю, что «Тирфинг» был в нашей сокровищнице,— сказала Асни,— но, даже зная, кто украл наше сокровище, я не могу себе представить, зачем ему понадобилось вкладывать меч в руки мертвца. Хотелось бы мне все вспомнить о Ватнарах.

— Сейчас не до этого,— сказал Скандерберг.— Меня больше всего беспокоит живой Ватнар, который вернется утром. Ведь не поверит же он нам, что мы забыли погасить свечку.

— Нам ничего не нужно объяснять Ватнару,— сказал Килгор.— Уйдем сейчас. Может, мы замерзнем, зато не будем кипеть в похлебке. Солнце скоро взойдет.

— Однако это же ужасно невежливо,— сказал Скандерберг.

— Он был тоже не очень вежлив,— заметил Килгор.— Все же это он предложил нам постель, куда являются привидения. Если он просто старый чудака, то он будет только рад, что мы уйдем и не будем завтракать. Я думаю, что мой желудок не выдержит больше тролля.— И он начал собирать свой мешок, уверенный, что все остальные тут же последуют его примеру, не потребовав объяснений.

— Тогда давайте не терять времени,— сказал Скандерберг.— Все, что угодно, только не постель с привидениями и суп из тролля.

Они ушли из дома Ватнара, все время оглядываясь. Но никто их не преследовал. Только залаяла собака. Когда они прошли быстрым шагом несколько часов, оставив за собой порядочное расстояние, они перешли на более медленный шаг. Рассвет уже близился, однако небо было затянуто облаками, и все время моросил дождь. Вид кладбища в такой пасмурный день наводил на Килгора тоску и мрачные предчувствия. Он часто притрагивался к мечу, думая, как же все будет, когда ему придется встретиться с Суртом. Кто он такой? Простой смертный. И он осмелился бросить вызов самому могущественному из ледяных колдунов, настолько могущественному, что он мог погасить само солнце. Глядя на бледное зарево, разгорающееся на востоке, юноша думал, что битва уже скоро.

Не обращая внимания на дождь и сырость, Асни всла их вперед по узким извилистым тропам, внимательно про-

смаатривая предстоящий путь с каждого возвышения; вскоре она уверенно свернула в сторону длинного пологого подъема. Когда они добрались до вершины, они увидели перед собой низкую серую равнину, пересеченную черными потоками лавы. По долине протекала река, прорезавшая себе ложе в черных базальтовых глыбах. В центре долины стоял остров из черного камня, выступающий над водой, как черный гигантский пьедестал. На нем была построена крепость. Ключья тумана рвались о пики башен и зубцы стен. Это и был Гримсшлаг.

Глава 7

Килгор лежал в сухой траве, выглядывая из-за камней. Уже прошел почти час с тех пор, как он начал изучать крепость, и наступил рассвет. Рядом с ним лежала Асни и говорила все, что знала о Гримсшлагге.

— Остров создан из черного камня, который извергают вулканы. Говорят, что сам Гримсшлаг — сердце старого вулкана. Внутри остров похож на пчелиные соты — весь прорезан туннелями и лестницами. Все это сделали Короли, которые правили здесь. Немало поколений трудилось над крепостью. Здесь много тайных входов и один главный, который спрятан в камне. Он ведет в туннель под рекой и никогда не заливается, даже весной во время паводков. А другие входы... но сейчас не будем терять времени, ты и сам увидишь, когда мы проникнем внутрь. Скандерберг, еще не пора? — спросила она в четвертый раз.

Скандерберг посмотрел на свои приборы.

— Согласно этим чувствительным и точным устройствам,— сказал он и разбил один из приборов о камень,— вполне вероятно, они скоро подойдут.

— Я могла бы это сказать без твоих волшебных инструментов. Какой прок быть колдуном, если каждый...

— Вот они,— вдруг сказал Килгор и показал на долину. Длинная изломанная черная линия двигалась к Гримсшлаггу. Линия все приближалась, и вскоре уже можно было различить отдельные фигуры, все движущиеся в одном направлении.

— О боги! — воскликнул Скандерберг.— Это же миграция варгульфов. Такого я не видел ни разу в жизни. Их здесь тысячи!

— Нам нужно принять меры предосторожности, в случае...— начал Килгор. Однако тут со склона посыпались камни. Килгор резко повернулся, приготовившись к отра-

жению нападения. Его правая рука заныла, когда он вспомнил острые клыки, впившиеся в его плоть. Меч зазвенел в его руке.

Прямо на них бежали варгульфы, примерно десять, но они тут же бросились в сторону и, к удивлению Килгора, оглянулись на своих спутников, и обежали людей. Затем пробежали еще шесть варгульфов, которые только покосились на пришельцев. Они все стремились в Гримсшлаг и, очевидно, не собирались задерживаться. Мимо них бежала еще стая, однако они тоже не остановились, только тревожно принюхивались, и черная шерсть вздыбалась у них на загривках. Все они бежали в одном направлении, и ничто не могло остановить их бег. Они стремились к входу в крепость, который находился у самого основания большого черного камня. И, как только последний варгульф скрылся в черной норе, из-за облаков появился тускло-красный диск солнца. Его свет был совсем слабым и даже не давал тени.

— Бедные звери,— спокойно сказала Асни.— Но, во всяком случае, приятно сознавать, что некоторые из моих подданных живы и мы можем освободить их от заклинаний. Как насчет этого, Скандерберг? Ты попытаешься сделать это?

— Ни за какую пенсию от Гильдии Огненных Колдунов,— угрюмо сказал Скандерберг.— Это может сделать только сам Сурт.— Он взял свой посох, сумку, расправил плечи. Он был похож на жалкого, несчастного, промокшего, однако, тем не менее, гордого бродягу.— Веди нас в боковой туннель, Асни. Теперь, когда варгульфы там, куда хотим попасть мы, мы пойдем прямо за ними в самое логово старого Сурта и всех его колдунов и троллей. Я думаю, что он чувствует, что у него будет компания за обедом.

— Верно,— сказала Асни, довольная тем, что можно начинать,— с севера есть старый вход, о котором мало кто знает. Он нам подойдет.

— Нет,— сказал Килгор, садясь на замшелый камень.— Нужно все обдумать. Мы не пойдем в Гримсшлаг.

— Нет, пойдем! — воскликнула Асни.— Ты испугался?

— Нет. Я пойду один. Вы оба будете ждать меня здесь, где вы не будете мне мешать. И это мое последнее слово,— продолжил он, несмотря на протесты Асни: — Я тот, кого Эльбегаст послал для битвы с Суртом, хотя, конечно, я не добрался бы сюда без вашей помощи. Я знаю, как должно быть. Если этот меч не сможет убить Сурта, тогда для этого могущественного колдуна все равно, сколько перед ним

врагов — один или трое. Если я не вернусь к завтрашнему утру, знайте, что я проиграл. Если смогу, то протрублю в рог старого свинопаса, и тогда вы, Скулд и Ньял начнете битву без меня. Три звука рога, и вы будете знать, что со мной происходит что-то неладное. Возможно, старый Шиммельпфиннинг придет ко мне на помощь,— добавил он шутливо, но никому в голову не пришло улыбнуться.

— Но это моя страна,— разочарованно сказала Асни,— почему я не могу идти и помогать тебе?

— Это моя битва, я должен идти и освободить свою страну от Сурта,— резко сказал Килгор.

Скандерберг сел и стал греть руки о горящую головку посоха.

— Мы будем ждать тебя до завтрашнего утра, если ты не вернешься раньше. Я с самого начала знал, что ты должен встретиться с Суртом один на один, как мужчина. Желаю успеха, и пусть Бог молний поможет тебе.— Он торжественно пожал руку Килгора.— Я надеюсь, что ты не будешь чувствовать себя одиноким и покинутым, однако битва теперь в твоих руках, Килгор.

Асни резко отвернулась и пробормотала:

— Успеха, Килгор.— Когда она повернулась, Килгора уже не было. Она посмотрела через край хребта, чтобы увидеть его в последний раз, но увидела только черные, безжизненные потоки лавы, беспорядочно разбежавшиеся по равнине. Конечно, теперь он настолько опытен, что мог хорошо укрываться среди камней, и увидеть его было не просто. Она в отчаянии села рядом со Скандербергом.— Что теперь, колдун?

— Будем ждать. Может, попьем чаю и чего-нибудь поедим?

Пасмурный день стал еще серее. Повалил снег с дождем. Килгора было совершенно не видно. Даже Гримслаг превратился в темное пятно. Скандерберг расположился в старом, раскопанном грабителями кургане, предварительно убедившись, что там нет никого и ничего.

— Уже скоро зайдет солнце,— сказал он Асни, которая упрямо не покидала своего места, где она сидела целый день. Она насквозь промокла, однако все еще упорствовала.— Скоро варгульфы выйдут на охоту: если они не забыли нас и придут посмотреть, здесь ли мы, то я ни за что не поручусь. Давай лучше сделаем укрепление против них. По крайней мере, укроемся в нем от непогоды.

— Хорошо.— Асни в глубине души была рада предлогу, чтобы встать и двигаться. Единственное, что она делала

весь день, это воздевала руки к небу и восклицала: «Что там с нашим Килгором?»

Она внимательно осмотрела тот кусочек земли, где они находились, обошла вокруг и не обнаружила ничего, кроме истлевших костей и тряпок. Но, во всяком случае, здесь было сухо. Скандерберг сотворил небольшой костер в подземной поре и выжал из бороды воду. Когда он покончил с этим, он помог Асни забаррикадировать вход в пору. Она завернулась в мокрый плащ и села у входа, ожидая появления варгульфов, которые должны были скоро выйти на охоту. Скандерберг клевал носом над тлеющими углями.

Сначала это было только какое-то странное ощущение. Постепенно Асни начала убеждаться, что на холме над входом в их пещеру, а также справа и слева вдоль хребта появились люди. Она прислушалась, однако ничего, кроме ворчания Гримстрема, ворочавшегося на своем каменном ложе, не услышала. Затем она расслышала первые дальние завывания варгульфов у ворот Гримсшлага. Стиснув молот, она поднялась, чтобы выглянуть наружу и увидеть, как по равнине несутся варгульфы, завывая в ожидании крови. Как и ожидал Скандерберг, они все неслись сюда, где повстречали путников. Приготовившись к битве, она вдруг почувствовала, что ей не хочется драться, что руки ее вспотели и неприятные мысли полезли в голову. Когда-то очень давно у нее было семь братьев. И теперь они бежали вместе с варгульфами, они шестьдесят пять лет верно служили Сурту. А может, она убила их сама, когда защищала Килгора в ту жуткую ночь в Беорстаде? Или же они погибли, когда Сурт захватил власть в Гардаре?

Завывания варгульфов достигли склона. Первые черные тени устремились к ней, низко наклонив головы. Обнажив белые зловещие клыки, вожак достиг пещеры в два прыжка. В бледном свете угасающего дня Асни увидела его глаза на черной морде. Бледные и печальные на покрытой шерстью морде. Они были совсем человеческие, и Асни застыла с поднятым молотом. Она не могла ударить зверя. Он весь подобрался для следующего прыжка и зарычал.

Уже в воздухе варгульф извернулся и с воем прыгнул в сторону. Сверху на него полетел горячий факел. Асни едва смогла различить грубую одежду своего спасителя, как он взмахнул факелом над варгульфом и встал у входа в пещеру. Тут же один за другим начали появляться из-за хребта другие факелы, и вскоре они распространились по долине, перешли реку, и весь Гримсшлаг был окружен линией факелов, как черно-золотым ореолом. Сзади послышался голос Скандерберга:

— Как раз вовремя. Я знал, что на Скулда можно надеяться. А огни людей Ньяла на дальней стороне.

Асни вздохнула с облегчением и прикрепила молот к поясу.

— Теперь нам остается ждать появления Килгора на рассвете. Варгульфы и Сурт заблокированы, по крайней мере, на одну ночь. И, возможно, это последняя ночь в Гримсшлаг, последняя ночь перед смертью. Взгляни на варгульфов, Скандерберг. Они послушны как овцы. Они действительно так боятся огня?

— Видимо, да,— ответил Скандерберг, глядя во тьму, смешанную со снегом.— Хэлло! Это люди Скулда на хребте?

— Да,— послышался ответ, и тут же появился Скулд с факелами в обеих руках.— Вам очень повезло, что вы пришли сюда и мы оказались тоже здесь. Возьми факел, леди, и зажги еще несколько. Пока у нас есть огонь, варгульфы не осмелятся напасть. За все время, пока я был вождем, мы не убили ни одного варгульфа. Ведь они наши братья. Бедные братья, утром вы будете освобождены от заклятия, или же я стану одним из вас.— И он прыгнул вперед, швырнув факел в наиболее нахального варгульфа.

— Надеюсь, что этого не случится.— Скандерберг вдохнул ароматный дым трубки.— Мы не можем проиграть.

— Я думаю, что Килгор скоро вернется.— Асни не скрывала своего беспокойства.

— Может, ему не выйти, пока варгульфы не вернутся в Гримсшлаг, предположил Скулд.— А может, он прячется где-то, пережидая, чтобы варгульфы вернулись в свои камеры, и тогда он сможет пересечь равнину.

— Камеры? — спросила Асни.

— Да, ты же знаешь, что днем они становятся самими собой, и поэтому Сурт должен держать их в тюрьме, пока его заклинание не действует. Мы знаем нескольких несчастных, которым удалось бежать оттуда.— Лицо Скулда в свете факелов было суровым и угрюмым.— Но мы не могли удержать их в себе из-за этого заклинания. Никто этого не узнает и не увидит, однако, скорее всего, Гримсшлаг — лучшее место для таких несчастных, пока заклинание не будет с них снято. Заклинание ослабевает во время полнолуния или же в часы перед рассветом, когда Гримсшлаг зовет их к себе. А страшнее всего они после захода солнца, и, я думаю, нам не избежать битвы, если пламя факелов не удержит их на расстоянии.

— Однако если мы не удержим их, наш план провалится,— сказала Асни.— Ведь мы не сможем держать Гримсш-

лаг окруженным, пока не пробьет назначенный час. Мы должны перебить всех колдунов и тех, кто будет драться на стороне Сурта, а иначе убивать его нет смысла. Скулд, факелы должны удержать их. Нет ли другого способа?

Скулд успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Не бойся, леди. Я уверен, что нам удастся сдержать их. Ведь нам суждено вернуть Гардар Вольфганнерам.— И он пошел к своим людям следить, чтобы факелы были у всех в полной готовности.

Варгульфы без устали кружили вокруг. Свирепые атаки на слабые места в цепи становились все чаще, чем ближе надвигалась полночь, но крови еще не было пролито ни с той, ни с другой стороны. Там, где факелы стали гаснуть, зажглись костры. Скулд бегал вдоль цепи, подбадривая людей и снабжая их огнем. Дикари приготовили сотни факелов из твердого долгогорящего дерева для защиты от варгульфов. Это была единственная возможность спастись от них, когда они стали чумой Гардара после окончания войны и победы Сурта.

Асни заставила факел разгореться, вертя им над головой и продолжая всматриваться в сторону Гримсшлага. Все, что она могла видеть, это огонь на самой высокой башне крепости. В центре огненного круга появился Скулд. Он пришел что-то сообщить. Он был усталым и угрюмым.

— Мы не сможем сдерживать их дольше, чем до утра,— сказал он.— Килгор должен вернуться к этому времени, иначе мы утратим свое преимущество и перейдем в глухую оборону.

Асни ничего не сказала и только отвернулась. Каждому становилось ясно, что Килгор проиграл битву, ведь утро близилось. Девушка увидела, что некоторые из варгульфов улеглись на землю, и дикое завывание постепенно перешло в случайный вой. На востоке небо начало голубеть, что предвещало близкий рассвет. Однако Асни пыталась не замечать этого. Они видели, что факелы догорали, но варгульфы уже не обращали на них внимания. Они все, казалось, ждали сигнала из черного Гримсшлага.

Но вот небо посерело. Асни, Скулд и Скандерберг молча стояли рядом и смотрели, как варгульфы несутся домой.

— Теперь,— сказала Асни,— Килгор придет.

Они смотрели и ждали, пока не скрылся последний варгульф, пока не поднялось солнце, весело сияя, как в старые добрые времена, однако потом огромная черная туча поглотила солнце. И тут же поднялся сильный востер, обру-

шившийся на старый курган, где сидели Асни и Скандерберг. Вокруг черных камней Гримстрема начал завиваться вихрь. Скандерберг покачал головой и сказал:

— Я не могу представить, чтобы Килгор проиграл. Не терзай себя понапрасну, Асни, я знаю, что он вернется оттуда с победой. Не печалься раньше времени. Ведь битва требует времени. Тут очень важно не спешить, а Килгор из породы очень осмотрительных и благоразумных. Но, черт побери, где же он? Неужели он не мог придумать ничего лучше, чем трепать нервы старому колдуну? — И Скандерберг начал бить по носу дракона на своем посохе, пока с него не посыпались искры.

Асни занялась приготовлением чая и кое-какой еды. День казался бесконечным, однако, наконец, снежные облака сгустились, и наступил вечер. Асни обратилась к Скандербергу:

— Он сделает все сегодня вечером, колдун. Он только немного запоздал. На день. Он теперь ждет темноты.

— А варгульфы? — угрюмо сказал Скандерберг.

— Но он же не трубил в рог.— Асни вручила ему факел и чуть не подпалила бороду.— На стены, доблестное войско! И приготовьтесь встречать нашего героя.

Однако герой не появился. Варгульфы прорвали линию Ньяла в двух местах и молниеносными нападениями сзади привели людей в смятение. Успех сделал их наглыми и даже факелы не могли сдержать их. Они рычали, лязгали клыками и совали оскаленные морды прямо в огонь. Доведенный до отчаяния Скандерберг отбросил варгульфов назад, сотворив стену пурпурного пламени, но только на время. Оправившись от первоначального ужаса и смятения, варгульфы возобновили нападения с удвоенной яростью.

Луна в эту ночь не показывалась. Густые облака висели над самой землей, закрывая луну и звезды. Это была ночь варгульфов. Скулд бегал от огня к огню, пытаясь зажечь вдвое больше факелов, чтобы удержать варгульфов.

— Все бесполезно,— наконец сказал он Асни. Лицо его посерело и выражало отчаяние.— Они прорвались во многих местах и загрызли двоих моих людей. Факелы почти догорели. У Ньяла дела еще хуже, чем у нас. Нам нужно укрыться и защищаться, как можем, до рассвета. А потом нужно обдумать другой план.

— И обречь Килгора на смерть? — сказала Асни.— Ты можешь делать все, что сочтешь нужным, для спасения своих людей, однако мы со Скандербергом останемся здесь, пока не узнаем, что случилось с Килгором, или пока он не вернется. Я запомню все, что ты сделал для нас, Скулд, и

вознагражу тебя, когда стану Королевой,— она говорила с достоинством, хотя все лицо ее было черным от сажи.

— Мы не покинем тебя, Королева,— сказал Скулд.— Я имел в виду только то, что мы должны отлучиться, чтобы сделать факелы и другое оружие против варгульфов. Но мы все же останемся здесь и будем сражаться голыми руками. И никто не сможет сказать, что Скулд и его люди оставили Королеву. Тем не менее, если мы хотим, чтобы кто-нибудь остался живым до утра, нужно сменить позицию.

Полночь была ужасной. Дул сильный ветер со снегом, дико завывали варгульфы. Ньял и Скулд так хитро перегруппировали своих людей, что варгульфы даже не поняли, что случилось, пока не увидели, что люди собрались в компактные группы, находящиеся внутри круга больших костров и множества факелов. Бешено завывая от злости, варгульфы начали метаться вдоль линии костров, едва не засовывая оскаленные морды прямо в огонь.

Во время короткой передышки в битве Асни шепнула Скулду:

— Если они бросятся на нас все одновременно, мы погибли. Я рада, что близится утро. Я очень беспокоюсь о Килгоре. Он скоро должен вернуться.

Скулд осмотрелся, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

— Я не верю, что он вернется, леди. Опасности слишком велики, Сурт тоже достаточно умен, чтобы не приближаться к мечу. Я боюсь, что юноша погиб. Когда настанет утро, лучше нам всем рассеяться и скрыться в убежищах.

Асни повернулась и стала всматриваться во мрак, пытаясь пронзить его взглядом.

— Значит, мы отступим, Скулд? А может, бросимся на Гримсшлаг и погибнем все, как герои, чтобы не жить изгнанниками и рабами? — Она с горечью всматривалась в долину, в кольцо людей, окружающих Гримсшлаг.— Все люди Гардара собрались здесь. Неужели все это напрасно? Утром они все рассеются, как сухие листья, гонимые ветром. И их уже никогда будет не собрать вновь. Если мы останемся, то конец нам будет неизбежен. Колдуны не пощадят нас и уничтожат все. Но мы умрем в бою, а не замерзнем в темной почве Фимбул Винтер.

Скулд кивнул.

— Все это правда, леди. Никто не посмеет сказать, что Скулд ушел, когда нужно было остаться. Мы останемся с тобой, о леди, каково бы ни было твоё решение.

— Спасибо, Скулд. Мы останемся до утра. Терять уже больше нечего!

Глава 8

Килгор проник в Гримсшлаг гораздо легче, чем предполагал. Накинув капюшон черного плаща Горма на голову, он перебегал от камня к камню до тех пор, пока не оказался на расстоянии полета стрелы от главного входа, который охранял отряд троллей. Он независимо и гордо вышел из-за камней. Они с подозрением смотрели на него, пока он не протянул руку и не сделал жест, которым в Свартгейме темные альфары приветствовали друг друга.

— Темный альфар! — воскликнул один из маленьких троллей, тревожно отскакивая назад. И остальные тоже бросили свой пост и побежали впереди него по длинному черному туннелю. Туннель был настолько широк, что по нему могли проехать в ряд четыре всадника, а высоты он был такой, что даже высокий человек, сидя на лошади, мог не бояться разбить себе голову. В стены были воткнуты дымящиеся факелы, так что Килгор мог не опасаться заблудиться. А кроме того, чем дальше он шел, тем больше в туннеле появлялось различных существ, спешивших в том же направлении, что и он, и так же недоверчиво поглядывающих на него, как и он на них.

Полуслепой старый колдун с деревянной ногой упал перед ним на ступенях, бормоча и чертыхаясь. Он с трудом поднялся и двинулся дальше. Там, где туннель перешел в спиральную лестницу, старый колдун без всяких особых причин, а просто ради удовольствия послушать крики и стоны, заклинанием сбросил вниз с полдюжины троллей. Подмигнув Килгору, он схватил его за руку и громко прошептал:

— Значит, это ты? Я сразу узнал плащ Свартгейма. Приветствую тебя! Жаль старого Хуакра. Однако, тот, кто восстанет против Сурта, не должен ждать похвалы и благодарений от него. Мы не опаздываем?

И с этими словами старый грабитель курганов на одном дыхании проскочил тысячу, или около того, ступеней вперед, ведя за собой Килгора. Если кто-то или что-то оказывалось у него на пути, он просто перешагивал через это или бесцеремонно отталкивал в сторону.

Ступени лестницы перешли в длинные коридоры, освещенные лампами с горящим китовым жиром, а потом опять тысячи ступеней, и внезапно Килгор чуть не упал, оказавшись на ровном полу. Он был на самой вершине Гримсшлага.

Легкие Килгора горели. Задыхаясь, он позволил старому колдуну провести себя в холл, где уже было полно раз-

ноцветных халатов ледяных колдунов и волосатых спин троллей. Колдун стал бесцеремонно протискиваться через толпу, вызывая недовольство и смятение потревоженных, и потерял Килгора, который спрятался за каменную колонну, чтобы осмотреться. Огромный холл был полон всяким сбродом, и только пространство возле очага было свободно. Там стояли тринадцать одинаковых массивных кресел, выстроенных полукругом. Все кресла были заняты, за исключением центрального. Килгор узнал старого колдуна с деревянной ногой, который спорил с двумя другими, сидящими в соседних креслах. Один из них был одет в роскошную пурпурную мантию, а другой — в какую-то рвань грязно-оранжевого цвета. С безграничным удивлением Килгор заметил в первом ряду зрителей своих пятерых знакомых с болот Харонесса. После некоторых размышлений он решил, что ни один из них не узнает его. В зале царила праздничная атмосфера, время от времени перед зрителями пробегали вереницы троллей, корча уморительные гримасы. В зале стоял стол, заваленный предметами странной формы и закрытый черной тканью. Этот стол, по-видимому, был предметом всеобщего внимания и центром любопытства.

Несколько важных колдунов заняло места, как члены Двенадцати. Теперь присутствовали все, за исключением самого Сурта и последнего из Двенадцати колдунов. Наконец, появился и последний колдун. Он скромно прошел к своему креслу и уселся в него, не обратив на себя особого внимания зала. Килгор смотрел, едва дыша. Он понял, что старый колдун с деревянной ногой спутал его с этим, который тоже был одет в черный плащ Свартгейма. Это не мог быть никто другой, и, когда колдун откинул свой капюшон, Килгор с ужасом убедился, что был прав. Графгримр!

Неожиданно в зале появился ледяной ветер. Тотчас же колдун в пурпурной мантии поднялся и скомандовал:

— Тихо! Наш господин Сурт идет! Каждый, кто нарушит тишину и порядок, будет сброшен со стены крепости.

Килгор стиснул рукоять меча. «Килдруин» дрожал и звенел с необычной силой. Юноша поглубже спрятался в тень и стал ждать появления Сурта. Толпа заволновалась, но Килгор все еще не видел своего врага. Он сделал шаг вперед, чтобы лучше видеть, и нечаянно наступил на чью-то ногу. Ее обладатель резко повернулся, и Килгор с удивлением обнаружил, что он смотрит в знакомые желтые глаза колдуна Барта.

Барт ахнул от изумления, а затем в его глазах вспыхнула радость.

— Ого! — воскликнул он со зловещей ухмылкой. А потом прижал обе руки ко рту, как бы заставляя себя молчать.

— Тихо, или я...— Рука Килгора потянулась к мечу. Барт с испуганным хихиканьем отпрянул от него.— Придержи язык, Барт, а то я подарю тебе твою собственную голову,— рывкнул Килгор свирепым шепотом.

Барт скорчил гримасу и исчез в толпе. Килгор сразу же сменил свое место, однако у него возникло странное ощущение, что все идет не так, как ему бы хотелось.

Ледяной ветер гулял по залу, шевеля его волосы и создавая такое жуткое ощущение, какое он испытывал в подземелье. Вздвогнув, он нащупал рукоять меча и вытащил его немного из ножен. Тотчас же он успокоился, жуткие ощущения покинули его. И тут в дверях появился Сурт. Весь зал встретил его приветственными криками. Не глядя по сторонам, колдун прошел к своему креслу и сел. Это был коренастый крепкий человек. С могучих плеч свисал великолепный алый плащ. В руках у него был посох с золотой головкой, а голову Сурта украшал головной убор, сделанный из клыков зверей. Килгор снова разинул рот от изумления. Это был не кто иной, как Ватнар из Ватнарсмаунда, одетый в плащ мертвого Короля из кургана.

Ватнар, казалось, смотрел прямо на него, пронизывая взглядом каменную колонну. С легким кивком в направлении Килгора он заговорил низким гипнотизирующим голосом:

— Мы собрались здесь, чтобы объединить свои силы против сил Эльбегаста и его сторонников. Сейчас самое подходящее время для возвращения Фимбул Винтер, если только нам удастся доказать, что у нас хватит сил для этого. Я требую тишины в зале. Все те, кто присутствует здесь, должны объединить свои усилия.

И где-то сзади, у дверей, послышался через шум жиденький голос:

— Подождите, благородные господа! Я узнал, что среди нас находится предатель. И, как преданный слуга, я за ничтожную плату могу указать его.

Пестрая толпа расступилась, и все увидели Барта, который одной рукой держался за ручку двери, готовый улизнуть при малейшей опасности. Зазвучали угрожающие голоса, руки потянулись к оружию.

— Пусть никто не покидает зала,— сказал Сурт одному из своих лейтенантов,— и притащите сюда этого колдуна, который осмелился на такую дерзость.

Барта, издающего жалкие сдавленные крики, схватили за ворот и потащили к Сурту.

— Давай показывай предателя, да побыстрее, а то тебе перерезут горло!

Барт начал вертеться, верещать и, наконец, крикнул:

— Он здесь, в черном плаще Свартгейма!

Сурт посмотрел на Килгора.

— Прогоните всех отсюда! Оставьте только этого, в черном плаще.

Зал моментально был очищен от пестрого сброда. Барт обрадовался возможности скрыться и бросился к двери, не обращая ни на кого внимания.

Пара троллей забились под кресло Сурта и злобно по-смастривала на Килгора, который подошел ближе. Он откинул плащ, чтобы ничто не мешало ему обнажить меч. Двенадцать колдунов перешептывались между собой.

Ватнар-Сурт смотрел на юношу без какого бы то ни было выражения на властном лице.

— Значит, ты не удовлетворился моим гостеприимством в Ватнарсмаунде. И теперь ты пришел осмотреть мой замок. Я с самого начала знал, что вы те самые, кто пришел убить меня. Я знал это еще в Хэлфскнолле. Ради этого вы преодолели много опасностей, однако я тоже много лет готовился к встрече с мечом Андуриха. И теперь я не убежден, что он могущественнее меня. И все же он может пригодиться мне...

— Мертвецу не может пригодиться меч, даже сделанный альфарами,— сказал Килгор, сам удивляясь своему спокойствию. Он вытащил из ножен сверкающий меч и подошел ближе.— Я пришел вызвать тебя на поединок. И ты примешь мои условия, если в тебе есть хоть капля благородства Сциплингов, на земле которых ты живешь. Я вызываю тебя на бой со смертельным исходом! И, как вызывающий, я нанесу удар первым.

Сурт сидел, глядя на Килгора, и юноша чувствовал, как холодные дьявольские токи обтекают его, как река. Река зловещего мрака. Двенадцать колдунов нетерпеливо перешептывались между собой. Они были раздосадованы непредвиденной задержкой в их важном деле. Один зловещий одноглазый колдун поднялся и спросил:

— Давайте решим это дело побыстрее. Это всего лишь смертный, но обладающий могуществом. Мы можем в любой момент прикончить его, как муху. Благородный Сурт, позволь нам сделать это, и мы займемся проблемами возвращения Фимбул Винтер.

— Я запрещаю это,— повелительно сказал Килгор.— Фимбул Винтер никогда не наступит, пока я здесь, чтобы предотвратить ее. И я убью вас всех, если вы попытаетесь остановить меня!

— Отлично, мы будем свидетелями прекрасной битвы,— сказал колдун в пурпурной мантии и сел, скрестив руки на груди.

— Битва состоится,— сказал Сурт.— Я принимаю вызов!

Колдуны посмотрели на Килгора, а потом старик в белом сказал:

— Однако, это же ничего не значит, если этот смертный убьет тело Сурта. Мы знаем, что ничто не может его уничтожить и через короткое время он снова возвращается к нам еще более сильный, чем раньше. Только жаль, что вновь будет задержка.

— Задержки не будет, идиоты,— громоподобным голосом провозгласил Сурт и сжал ручки кресла так, что дерево затрещало.— Вы — идиоты, раз вы ничего не знаете об этом мече, с которым пришел этот смертный. Из прошлых трех попыток вызвать Фимбул Винтер я понял, что во всех вас могущества не хватит даже для того, чтобы погасить свечу, а не то что солнце. Значит, вы или просто шарлатаны, или же некоторые из вас работают против меня. Но с этим мечом Андуриха у меня одного будет достаточно могущества, чтобы вызвать Фимбул Винтер или даже уничтожить всю землю, по которой мы ходим. Мне не нужны трусы или предатели. Те, кто хочет, могут уходить!

Никто не шевельнулся. Все знали, что ждет отступников или мятежников. Никто из них не мог надеяться дойти живым до дверей. Ни у кого не хватило бы времени, чтобы произнести заклинание против Сурта.

— Тогда не будем больше говорить ни о смерти, ни о задержке,— продолжал Сурт с горящими глазами.— Все, что отделяет нас от Фимбул Винтер, это один жалкий беспомощный смертный. Он ничего не может сделать, чтобы остановить нас!

— Тогда начнем битву и посмотрим,— сказал Килгор. Меч зловеще гудел в его руке.

— Всеу свое время,— сказал Сурт, поднимаясь и откидывая ткань с низкого стола, на котором лежали предметы. Он раскинул руки в стороны, и Килгор опять почувствовал дьявольские волны, нахлынувшие на него. Сурт заплел какое-то зловещее заклинание, которое подхватили все Двенадцать колдунов. Килгор с удивлением смотрел, как все предметы на столе начали двигаться. Там был зелено-

ватый диск, означающий землю. Вокруг него двигались две колесницы. Одна золотая, другая, поменьше, серебряная. Килгор узнал Гримфакси, лошадь ночи, с покрытой инеем гривой, и Скинфакси, сверкающую лошадь солнца. Когда пение колдунов стало более сильным, Килгор увидел, что металлические изображения превратились в живых лошадей, летящих галопом по голубому или черному полю. Он услышал звон сбруи, цоканье копыт, громкое хлопанье хлыста. Он увидел свирепый блеск глаз Скинфакси, услышал шум ветра в ее гриве. И затем большая лошадь обошла маленькую. Килгор даже почувствовал запах конского пота. И последнее, что он услышал, это недовольное фырканье лошади.

А может, это фыркнул Ватнар-Сурт. Он недовольно сказал:

— Хватит! Теперь, когда этот смертный здесь, все получается хуже, чем раньше. Он обладает могуществом! — И он отбросил свой головной убор, сделанный из клыков, и с ненавистью посмотрел на Килгора. Опять волны черной злобы захлестнули юношу.

Килгор прочел надпись на мече:

«Ночь не застигнет врасплох сынов Аска и Эмблы».

Сурт поднялся, прошел неторопливо вдоль линии колдунов, затем повернулся к Килгору.

— Я готов к битве. У тебя в этом зале есть друзья, однако я самый могущественный. Я встречался с девятнадцатью такими, как ты, вооруженными мечами, пиками, топорами. Однажды меня убили по-предательски — стрелой в спину. Двадцать раз я позволял убить себя, чтобы вернуться снова более могущественным, чем до смерти.

Если бы твоя принцесса Вольфганнер была здесь, она бы вспомнила слова первого короля Ватнара, который сказал: «Я не умру до тех пор, пока не стану последним Королем, бессмертным и абсолютным». И эти же слова произнес и я. И я живу, чтобы эти слова стали истиной.— Сурт выхватил из ножен меч «Тирфинг» и поднял его над головой.

Холодная дрожь пробежала по спине Килгора, когда он вспомнил истлевшую мумию Короля в подземелье кургана. Ватнар-Сурт был привидением из могилы. Он мог вселяться в тела живых и заставлять их служить себе, пока в этом была необходимость. А потом он вновь переселялся в свою могилу в тело мертвого Короля, до тех пор, пока он опять не станет живым. Он делал это уже двадцать раз. И каждый раз мир думал, что избавился от Сурта, но он воз-

вращался более могущественный, чем раньше, и более искушенный в зле.

— Ты не доживешь до утра,— холодно сказал Килгор.— Иди вперед и получи первый удар смерти.

— Вспомни меня, когда будешь праздновать победу,— ответил Ватнар-Сурт.— Я доложу о себе одним стуком в дверь, так, как делают все духи. Я надеюсь, что твоя могила будет готова, когда я приду.— Ватнар-Сурт обнажил зубы в зловещей гримасе, и глаза его зажглись диким огнем.

Килгор вобрал в себя воздух, повторил письма, начертанные на мече, затем взял меч обеими руками, поднял над головой и раскрутил в воздухе, чтобы обрушить на череп Сурта. И в тот самый момент, когда он хотел нанести удар, его руку пронзила жуткая боль. Боль возникла в том месте, где его укусил варгульф, и рука отказалась повиноваться. Удар получился слабым и неверным. С торжествующим смехом Ватнар-Сурт парировал удар своим мечом и выбил «Килдруин» из рук Килгора. Меч, звеня и рассыпая искры, покатился по каменному полу.

— Твоя рука всегда будет рукой варгульфа,— сказал Сурт со зловещим смехом.— И она, конечно, никогда не поднимется на своего господина. Облад, Берсеркер, он ваш. Делайте с ним все, что хотите. Уничтожьте его! — Он ушел с «Килдруином».

Колдуны вскочили, охваченные яростью. Килгор пригнулся, когда над его головой пронесся топор. Колдун в пурпурной мантии бросился к юноше с мечом, неотвратимо приближающимся к его сердцу. И Килгор понял, что это конец, и тьма поглотила все его чувства. В его ушах раздался короткий крик и затем наступило ничто.

Глава 9

Когда он пришел в себя, он все еще был уверен, что мертв. Место, где он находился, было холодным, сырым, и в нем не было ни проблеска света. Вероятно, сюда никогда не заглядывало солнце. Разумеется, что солнцу здесь не место, если Килгор был мертв и находился в стране Богини Хель. Юноша осторожно ощупал пространство вокруг себя и не нашел ничего, кроме сырого камня, губчатого и ноздреватого, как застывшие потоки лавы, как стены в Гримсшлагге. Килгор поднялся, однако не смог выпрямиться в полный рост. Его голова уперлась в потолок. Он начал ощупывать пространство перед собой, стараясь найти выход отсюда. Так как он не знал, в каком направлении

ему идти, он решил повернуть в сторону, противоположную той, куда было направлено его лицо, и начал ощупывать стену. Почти сразу он наткнулся на другой туннель. Килгор пополз по нему на четвереньках и наткнулся на пропасть. Два камушка соскользнули вниз, и через несколько минут Килгор услышал далеко внизу всплеск. Содрогнувшись, Килгор осторожно отполз назад и нашел другой туннель. Здесь он мог даже встать. Туннель вел куда-то вниз, и Килгор остановился в нерешительности. Ему не хотелось забираться глубже, если он надеется найти выход на поверхность. Килгор тщательно проанализировал свои ощущения и решил, что он не мертв. Скорее всего, он жив и брошен в лабиринт туннелей Гримсплага.

Как он попал сюда — это было неразрешимой загадкой! Он задумчиво потер большую шишку на голове, которую получил сильно ударившись о каменный выступ на потолке. Казалось, что только несколько секунд тому назад над его головой был занесен меч, но какая-то могучая магия перенесла его сюда. Для чего это было сделано, Килгор не мог себе представить...

Может, Сурт хочет сделать его варгульфом, а может, у него припасена жестокая изощренная казнь для такого важного пленника, как он?

Килгор вздохнул в полумраке, почему-то вспомнил о Графгримре. Это была беспокойная мысль. Может, Графгримр перенес его сюда для своих собственных целей. Может, он хочет узнать, что написано на мече? И использовать его для себя. Килгор даже вздрогнул при этой мысли. Графгримр жестоко разочаруется.

А может быть, каким-то образом вмешался Скандерберг и спас его от смерти, перенес в этот темный лабиринт? Но это слишком маловероятно, — решил Килгор. Нечего тепшить себя такими надеждами. Нужно готовиться с достоинством встретить свою судьбу.

Отойдя от пропасти, Килгор начал нащупывать путь обратно. Однако, возможно, он спутал направление, потому что вскоре свалился в какую-то глубокую яму, откуда стал отчаянно выкарабкиваться. Но стены ямы были слишком гладкими. Он упал на глубину около десяти футов, и под ногами у него был влажный песок. Задумчиво пересыпая его между пальцами, Килгор решил, что отсюда должен быть выход, так как песок наверняка приносится водой. Он пополз по песку, ощущая, что становится все влажнее и влажнее. Вскоре он добрался до воды, вошел в нее, однако потолок туннеля становился все ниже, и идти дальше было невозможно.

Килгор повернул назад и сел на песок, удивляясь, как он мог надеяться так легко выбраться отсюда. С горечью он выругал себя за то, что потерял меч. Из всех его врагов, кто пытался завладеть мечом, Сурт был самым страшным. И Сурту удалось это.

Килгор положил голову на руки, не думая о том, что его костям суждено сгнить в подземелье Гримсшлага. Но он уже много раз проигрывал по пути сюда.

И каждый раз это было обусловлено его глупыми импульсивными действиями без обдумывания, без тщательного планирования. А самая его большая глупость — это то, что он пустился в эту авантюру со Скандербергом. Он вспомнил о Брандстоке, нежащемся под теплыми лучами солнца, о старом уютном холле, который ему не суждено больше увидеть. И он был взбешен, что позволил себя так одурачить.

— О боги! — воскликнул он, вскакивая и снова ударяясь головой. — Я должен выйти отсюда во что бы то ни стало и задушить этого негодяя Сурта голыми руками, пусть это будет последнее, что я сделаю в этом мире!

Время для него не имело смысла, так как он был слеп в кромешном мраке. Единственное, по чему он мог судить о времени, это голод. Он уже долго бродил по лабиринту, с трудом выбравшись из ямы. И в конце длинного туннеля, ведущего в никуда, он уткнулся в холодный камень. После того, как он отдохнул и потерял ссадины и царапины на голове, он взглянул вверх. Конечно, он ничего не увидел, он просто почувствовал над собой пустое пространство. Ему показалось, что он что-то слышит наверху, а затем увидел свет между камней на высоте футов тридцать над собой. Килгор открыл рот, чтобы крикнуть, но вовремя сдержался. Наверху мог оказаться только враг, а не тот, кто захочет помочь ему. Вскоре свет исчез.

Упираясь спиной и ногами в стены шахты, Килгор полез наверх.

Здесь он уже ощущал восторг и с радостью приветствовал его. Наконец, он увидел свет — небольшое пятнышко вдали, которое все увеличивалось по мере того, как он приближался к нему.

Добравшись до отверстия, Килгор чуть не ослеп от света, хотя это был всего лишь полумрак. Хмурое утро Гардара. Это заставило его отказаться от намерения немедленно выглянуть наружу. Он услышал топот ног и неожиданно оказался лицом к лицу с варгульфом, спешившим куда-то. Юноша не вовремя вышел из убежища. Варгульф не успел ни притормозить, ни свернуть. Они покатались по полу.

Некоторое время они отчаянно боролись, а потом варгульф вырвался и убежал. Следующая стая варгульфов пробежала прямо по лежавшему Килгору, совершенно не обращая внимания на него. Килгор вскочил на ноги, как только смог, и попытался спрятаться обратно в туннель, откуда так неосторожно выбрался. Однако он уже не мог найти его. Варгульфы бежали мимо него, и их становилось все больше и больше. Килгора сдавливали их волосатые тела. Они несли его с собой, как река несет щепку, попавшую в нее. Иногда Килгор терял пол под ногами, но все равно он был зажат варгульфами и непрерывно спешил с ними куда-то. Он думал о том, что никогда уже не сможет найти туннель, ведущий на поверхность, даже если ему удастся вырваться от варгульфов.

И внезапно стремительный бег прекратился. Килгор понял, что находится в огромной комнате со сводчатыми потолками. Где они находятся, он понятия не имел. Он слышал вокруг себя топот сотен ног, вздохи, крик. Казалось, все вокруг него укладывались спать на мягком песке. Началась переключка, каждый варгульф выкрикивал свой номер. Вокруг Килгора началась возня, и его несколько раз толкнули. Внезапно его схватили и грубо швырнули на песок. Прежде, чем клыки сомкнулись на его горле, Килгор крикнул изо всех сил:

— Смерть Сурту! Да здравствует королева Асни, последняя из Вольфганнеров! Проклятие колдунам и варгульфам!

Те, кто напал на него, замерли. Послышался изумленный шепот. Его лицо ощупали руки. И послышался человеческий голос:

— Это не наш, но и не один из тех. Он, вероятно, попал сюда снаружи!

Послышались возбужденные голоса. Килгор сел и воскликнул:

— А я думал, что вы варгульфы. Куда же они девались? Всего лишь секунды тому назад их были тысячи...

И в наступившей темноте ему ответил угрюмый голос:

— Ты прав. Их были тысячи, и они остались. Это мы варгульфы по ночам. Днем мы люди из Гардара. Кто ты и как попал в Гримсшлаг?

Они собрались вокруг него, и Килгор поведал им свою историю. Когда он кончил, воцарилась тишина. Тот, кто, вероятно, был главным, сказал:

— Мы слышали легенды о мече и о возвращении Королевы. Но убить Сурта? Ты знаешь, как он могущественен? Ты же всего лишь смертный юноша.

— Не совсем,— спокойно сказал Килгор.— Я встречался с Суртом дважды, он дважды посылал ко мне свои творения — быка и кота. И, благодаря ему, я получил укусы варгульфа в правую руку и не смог использовать меч, я знаю это, чтобы убить его. Однако, если я снова получу меч, я знаю, что делать, чтобы навсегда разделаться с колдуном. Я не знаю, почему не убили сразу, а бросили сюда. Пока я жив, Сурт знает, что я буду представлять для него величайшую опасность. Я единственный, кому суждено уничтожить Сурта — и тело его, и душу.

— Но, если ты пробудешь здесь еще несколько часов, тебя убьют варгульфы,— ровно сказал чей-то голос.— Хотя мы теперь люди, как ты, мы скоро станем зверями. И если ты немедленно не убежишь отсюда, то ни ты и никто другой никогда не увидят света солнца.

— Значит, мы должны помочь ему бежать,— сказал предводитель.

Послышались споры.

Кто-то, наконец, сказал:

— Рольф, я думаю, настало время зажечь нашу последнюю свечу. Я думаю, что она нам больше не понадобится.

Высекли искры, вспыхнула свеча. Не свеча даже, а тоненькая трубочка из воска. Килгор сидел в окружении бородатых людей, одетых в лохмотья. Они были даже более одичавшими, чем дикари Скулда. В их глазах теплилась глубокая печаль, вызванная их несчастной судьбой. Один из людей вытер слезы и пробормотал:

— Я даже не мечтал увидеть здесь человека, одетого нормально. Однако твоя одежда незнакома мне, друг. Скажи нам, откуда ты?

— Шильброд, западное побережье на юге Харонесса. Вы знаете Брандсток-холл, жилище моих отцов? За шестьдесят пять лет, прошедших с момента падения Гардара, многое изменилось.

— Шестьдесят пять лет! — с изумлением и горечью прошептали многие.

— Свеча догорает,— сказал Рольф.— Кто пойдет со мной, чтобы проводить Килгора из Шильброта наверх? Мне нужно четыре человека, чтобы смотреть вперед и назад. Глам, Хельги, Раудскеggi и Витторф. Хорошо.

— И твои братья Авангр и Скарп,— сказал кто-то.— Мы хотим сделать все, что возможно, чтобы Королева вернулась на трон.

— Тогда вы тоже пойдете,— сказал Рольф.— Если мы не вернемся, вы знаете, что делать. Вы ничего не знаете, почему мы исчезли.

— А если нас схватят,— сказал один из братьев Рольфа,— мир просто недосчитается семерых варгульфов и одного смертного.

И семь варгульфов повели Килгора через туннели так быстро, как будто они видели стены туннелей и западни, устроенные в полу. Рольф объяснил Килгору, что им нечего было делать долгими летними днями, поэтому они изучили каждый дюйм туннелей Гримсшлага и могли великолепно ориентироваться здесь даже в полной темноте. Однако даже в этом случае бегство для них было бессмысленно, хотя они знали много неохраняемых выходов Гримсшлага. Никто не может убежать от заклятия.

— И вы никогда не старитесь и не умираете? — спросил Килгор.

— Нет, мы старимся,— сказал один из братьев,— когда нас схватили, мы были всего лишь детьми. Рольфу было четырнадцать лет, а мне — младшему из братьев — всего шесть. А теперь мы уже взрослые. Я думаю, что мы старимся только днем, когда мы становимся людьми. То есть вдвое медленнее, чем обычные люди.

Килгор хотел спросить еще что-то, но Глам прошептал:

— Смотрите, свет. Идет откуда-то снизу.

— Сегодня они почему-то решили пересчитать пленников,— сказал Рольф.— Пойдем тихо. Нам нужно быстро убить его, если это колдун.

— Он идет наверх,— прошептал Авангр.— Дайте мне разделаться с ним!

Слышен был стук сапог по камню. Кто-то поднимался наверх. Затем человек остановился, и раздался отчетливый голос:

— Килгор, скажи своим друзьям, чтобы они позволили мне пройти. Я должен поговорить с тобой. Ты ведь узнаешь меня?

— Конечно, узнаю,— сказал Килгор ровным тоном, хотя в нем кипела буря ярости.— Ты Графгримр, предатель. Один из Двенадцати колдунов Сурта.

— Один из колдунов Сурта? — выдохнул Рольф.— Мы пропали!

— Нет, позвольте мне сказать,— заговорил Графгримр.— Килгор, я знаю, ты думаешь, что я предал тебя Горму. Однако все обстоит не так, как кажется тебе.

— Интересно,— сказал Килгор.— Как ты объясняешь события в Свартгейме, когда сам Горм не отрицал, что ты работал на него за деньги. И почему ты занял место в тринадцатом кресле среди колдунов Сурта? Ведь я же тебя сам видел!

Графгримр вздохнул и зажег головку посоха, чтобы видеть Килгора.

— Сейчас нет времени для объяснений, но я тебе скажу, что это я убил Горма, однако не из зависти, а во славу Эльбегаста. Это я пробрался к Скулду и уговорил его прийти к вам на помощь. И это было очень трудной задачей, так как он не хотел бессмысленно рисковать жизнями своих людей. Если бы не Асни, он бы ни за что не пошел. Понимаешь это?

— Нет, все, что я видел, это кресло в зале Сурта. Чья идея была послать меня сюда к варгульфам, чтобы меня разорвали на куски? Твоя?

Графгримр спокойно ответил:

— Это я послал тебя сюда. Это лучше, чем если бы ты неминуемо погиб под мечами колдунов. Ты это знаешь. Я сделал это мгновенно, и никто не знает, где ты. Кроме, возможно, Сурта. Если только он интересуется тобой. Теперь, когда у него есть «Килдруин», его мало что интересует. Кроме положения луны и солнца, удобного для их уничтожения. Если его не остановить сегодня, то наступление Фимбул Винтер неминуемо. Времени у нас совсем мало. Через несколько часов Сурт соберет колдунов, и тебе нужно быть там, чтобы остановить его. Никто, кроме тебя, не сможет сделать этого. Как ты собираешься поступить? Варгульфы тебе не помогут, как только ты дойдешь до двери в конце этого туннеля. Тебе не войти в нее одному.

Килгор посмотрел в непроницаемую тьму.

— Я сам подумаю над этим. Однако не буду советовать с прихвостнями Сурта. Почему ты явился сюда? Опять колдовские штучки?

Графгримр нетерпеливо фыркнул.

— Для такой чепухи нет времени, Килгор. Я знаю, что ты имеешь право сердиться после всего, что случилось в Свартгейме, но ты не можешь рисковать всем только потому, что зол! Я сказал тебе все, что мог. Теперь ты должен позволить мне проводить тебя к Сурту или же ты рискуешь потерять все только потому, что сердишься. Ты должен решить для себя, что я честен или что я лгун. Ну, так как, Килгор?

Килгор подумал минуту. Он знал, что Графгримр прав. Он вспомнил ночи на Трайдене, путь к темным альфам. Скандерберг всерил Графгримуру, значит, и он, Килгор, должен поверить!

— Ну, хорошо,— сказал он со вздохом,— идем. Я постараюсь забыть то, что произошло в Свартгейме. Я обещаю, что мои друзья не причинят тебе зла.

— Риск огромен,— с сомнением произнес Рольф.— Однако для колдуна Сурта такая игра слишком сложна. Я очень надеюсь, что ему можно верить. Хотя у него в прошлом, видимо, много предательств, но он прав: мы не можем вывести тебя из туннеля. Мы желаем тебе успеха, Килгор. Сейчас нам нужно вернуться. Может быть, мы встретимся снова, когда заклятие будет снято.— И они быстро исчезли во мраке, оставив Килгора с Графгримром.

Графгримр подошел к Килгору.

— Ты правильно поступил, Килгор. У тебя хорошие инстинкты. Теперь иди рядом со мной. Я не могу долго поддерживать свет, чтобы не возбудить подозрений Сурта. Нам нужно найти выход отсюда, до наступления вечера. На этот раз не трогай меч правой рукой, когда ты будешь нападать на Сурта, а то он вновь избежит удара.

— Но как мне приблизиться, чтобы взять меч? У меня нет даже обычного меча, чтобы вызвать его.

— Не беспокойся. Я введу тебя в холл, а там ты сам должен найти такую возможность. У меня есть короткий меч, который я могу тебе дать, однако, чтобы пользоваться им, тебе потребуется гораздо больше ума и силы, чем при использовании волшебным мечом.

Они вышли из туннеля как раз к заходу солнца и тут же увидели стаи варгульфов, которые неслись от Гримсшлага к линии костров, окружавших крепость. Килгор с беспокойством вспомнил свое обещание вернуться на рассвете. Этот рассвет прошел давно и следующий был недалеко. Вид костров и факелов успокоил его. Значит, его еще ждут, надеются на него.

Графгримр сказал ему, чтобы он надвинул капюшон на лицо и держался поближе. Приблизившись к залу Сурта, они остановились в каменном алькове.

— Ты и я примерно одного роста,— сказал Графгримр.— Натяни плащ и спрячь меч под ним. А когда придет время действовать, помни, что только «Килдруин» может убить Сурта.

Килгор взглянул на колдунов, торжественно входящих в зал.

— Где будешь ты? — спросил он.— Мне может понадобиться твоя помощь. Ты будешь рядом?

— Я буду рядом все время, но ты должен все сделать сам. Помни, что ты должен первым нанести удар, чтобы твое мужество не покинуло тебя в присутствии Сурта. Желаю тебе успеха!

Килгор вошел в зал среди последних. Никто не обратил на него особого внимания. Он спокойно сел в тринадцатое

кресло, не откидывая капюшона. Колдун с деревянной ногой пригнулся к его уху и прошептал:

— Странное происшествие произошло прошлым вечером, не правда ли? Жаль, что этот субъект ускользнул от нас в последнее мгновение. Это заклинание, и я готов поклясться, что чувствовал запах огня в зале. Среди нас — предатель! Хорошо бы найти его.— И он шутливо ткнул Килгора в бок и попытался заглянуть под капюшон.

Другой колдун сказал:

— Я вижу, что эта крыса Барт вновь здесь! Он хочет занять одно из наших кресел при помощи своей болтовни о предателях из Свартгейма.— И он твердо взглянул на Килгора. Глаза его как бы вызвали Килгора на спор.

Килгор промолчал. Он не отрывал глаз от двери, и рука его не выпускала рукоятки меча. Где-то в конце зала был слышен голос Барта, однако Килгор не обращал внимания на него. Дверь открылась, и все моментально сели на места. В зал ворвался ледяной ветер и пронесся по нему, раскачивая подвешенные амулеты и трепля бороды колдунов. Килгор замер, когда ветер коснулся его. И ветер сразу же затих, как бы почуяв врага. Килгор опять ощутил дьявольское присутствие Сурта, и на сей раз у него не было никакой защиты, кроме пояса Берлиот и простого меча.

Раздался гром, и в зал ворвалась масса ледяного воздуха. Колдуны удивленно переглядывались между собой, чувствуя запах серы и запах заклинаний. Они стиснули свои посохи, готовясь отразить нападение.

— Огненная магия во владениях Сурта! — воскликнул один из Двенадцати колдунов в наступившей тишине. Тролли заметались в страхе.

— Огненная магия? Чепуха! — фыркнул другой колдун, все же тревожно осматриваясь в поисках огненных колдунов.

Килгор боялся выдать себя движением мускула. Глаза его отыскивали Барта, который метался по залу в большом возбуждении и неотрывно смотрел на Килгора. Пронзительным голосом Барт кричал:

— Я сказал, что предатель в плаще Свартгейма, и вы видите, что в зале два таких плаща. Распахните плащ, и вы увидите, что предатель снова пришел, чтобы убить Сурта.

— Предатель? Чепуха! Он мертв! — сказал кто-то.— А может, нет?

Килгор сидел спокойно, но холодный пот выступил у него между лопаток. Его спокойствие, казалось, озадачило всех, кто начал подозревать его. Никто не пытался сорвать с него капюшон, никто не подходил к нему. Несом-

ненно, все здесь уважали Графгримра и боялись остаться в дураках.

— Труссы! — сказал голос Сурта. Он вошел в зал, неся «Килдруин» в правой руке. Тяжелая металлическая перчатка защищала его руку. Перчатка была укутана едким дымом. — Что вы боитесь этого несчастного смертного, когда он без меча? Пусть здесь окажется тысяча огненных колдунов, но они не смогут остановить меня. — Он поднял меч, и весь зал огласился криками. Он сел и продолжал: — С этим мечом я самое могущественное существо, когда-либо появлявшееся из мрака. Несмотря на всю вашу слабость, никчемность и трусость, я возьму вас на службу, когда стану господином Фимбул Винтер.

Шар ярко-зеленого пламени вспыхнул у него над головой и рассыпался тысячами искр. Сурт поднял руку, и искры моментально погасли. Колдуны вскочили на ноги и начали сыпать проклятиями, со злобой глядя на зрителей, которые в ужасе съезжились.

— Сядьте, идиоты! Не сходите с ума! — Сурт встал и подошел к столу, закрытому черной тканью. Перчатка на его руке задымилась еще сильнее. Повалил черный сдкий дым. — Мы должны заниматься своим делом! Кто осмелится противостоять мне, когда вся земля дрожит при упоминании моего имени?

Наступила жуткая тишина, и тут между ног Килгора прошмыгнула мышь. Она подмигнула Килгору блестящим глазом и пошевелила усами. Килгор сразу же успокоился. Он сам не понял, как это произошло, однако он вдруг поднялся и медленно направился к Ватнару-Сурту. Затем он услышал свой сильный чистый голос:

— Я осмелюсь противостоять тебе и я не дрожу перед тобой!

Сурт в ярости рухнул в кресло, сжав его ручки. Он не мог произнести ни слова. Другие колдуны тревожно перешептывались между собой, и затем один из них крикнул:

— Графгримр, не будь дураком! Сейчас ты расстанешься со своей жизнью и магией!

— Я не Графгримр. — Килгор скинул с себя плащ. — Хотя Графгримр со своей огненной магией уничтожит любого из вас, кто захочет помешать мне покончить с тем делом, что привело меня сюда. Я должен навсегда уничтожить этого выходца из могилы — Ватнара-Сурта. Ты принимаешь мой вызов? Или я должен назвать тебя трусом?

Ватнар-Сурт сжал меч и поднялся, наполнив зал своим могуществом.

— Я снова принимаю твой вызов,— сказал он громонадобным голосом,— и ты, как слабейший, можешь нанести первый удар. А затем я мечом Андуриха пошлю тебя в забвение. Ты знаешь, что теперь, когда меч у меня, у тебя нет ни малейшего шанса убить меня. Твоя голова украсит коллекцию голов моих врагов, которые пытались убить меня. Все головы заколдованы так, что они могут говорить, и ты сможешь вести с ними беседы. Твоя голова будет самой ценной в моей коллекции, так как я ненавижу тебя всеми фибрами своего существа. Ты готов сделать попытку? Я вижу, что ты вооружен детской игрушкой. Неужели ты такой идиот? Ты рассчитывал убить бессмертного Сурта этой жалкой железкой!

— В данном случае это не имеет значения,— сказал Килгор, доставая меч из ножен.— Час твоего уничтожения пробил, Сурт. И я тот, кому предназначено убить тебя. Человек ненавидит то, чего боится, и ты ненавидишь меня, потому что боишься, потому что знаешь, что я убью тебя!

Ватнар-Сурт сделал шаг вперед, размахивая мечом так, что тот загорелся в его руке горячим голубым пламенем.

— Я могу сделать тебя таким же могущественным, как я сам,— сказал он, сверля лицо Килгора холодным пронзительным взглядом.

Килгор невольно поднял свой жалкий меч, как бы стараясь защититься от той волны злобы, которая исходила от Сурта. Между ними с треском проскочила искра пламени.

— Я пришел сюда, чтобы убить тебя,— сказал юноша.— Можешь сражаться моим мечом, твой конец все равно неминуем!

— Тогда нанеси удар первым,— сказал Сурт.— А потом ударю я.— Он снял с головы черный шлем.— Твой меч нашел себе нового хозяина, и он уже не будет работать на тебя.

— Этого никогда не произойдет,— сказал Килгор и прочел про себя руны, начертанные на мече, голубое пламя которого моментально погасло, и на нем проступили золотые письмена. Затем меч загорелся ровным желтым пламенем.

Сурт не шевельнулся, хотя меч обжег ему руку.

— Нанеси свой удар. Или ты думаешь, где же Графгримр? Ведь ты нуждаешься в нем сейчас. Как же он завел тебя сюда и бросил одного?

— Он здесь, только ты не видишь его,— ответил Килгор, хотя чувство беспокойства и неуверенности шевельнулось в нем.

Сурт ответил презрительным фырканием.

— Тогда молись своим Богам, которым ты поклоняешься. Твоя смерть в моих руках.— С непоколебимым достоинством он опустил на одно колено, чтобы принять удар Килгора.

Килгор глубоко вздохнул и взялся обеими руками за рукоятку меча. Вдруг в его ушах прозвучал голос. Голос Графгримра.

«Рог. Вспомни загадку и пророчество.»

Килгор колебался, предполагая, что это всего лишь шуточки Сурта. Он прикоснулся к рогу на своем поясе, который висел на том же кожаном, почти истлевшем от времени ремешке, на котором висел у своего старого хозяина Вультера. Он не видел ничего такого, что указывало бы на то, что Графгримр где-то рядом.

«Рог!» — настаивал голос.

— Рог,— громко повторил Килгор.

— Что? Первый удар будет звук рога? — Колдуны переглядывались. Одни насмешливо, другие озадаченно.

Лицо Сурта потемнело, а потом побелело, когда он увидел старый рог.

— Я знаю этот рог. Он принадлежал Вультеру, которого я убил и оставил его труп на растерзание воронам. Ты тоже найдешь себе безымянную могилу, если верить в пророчество относительно рога Вультера.

— Что за пророчество? — тревожно спросил один из колдунов.— Мы не хотим иметь дело с пророчествами!

— Трижды протрубит рог альфаров, и все альфары соберутся возле него, и остров по имени Грим окутается дымом и пламенем,— сказал колдун в пурпурной мантии.

— Дурацкая сказка, которую сочинили Сциплинги,— хмыкнул Сурт.— Кто тебе дал рог? Наверное, сам Эльбегаст?

— Нет, всего лишь старый свинопас.

Сурт выругался, и тут же раздался звук рога. Килгор начал трубить, и этот звук разнесся по всему залу, пролетел через стены дворца. Когда Килгор опустил рог, можно было слышать, как эти звуки летят все дальше и дальше, через пустынные равнины и каменные утесы. Колдуны переглянулись между собой. Одни презрительно фыркали, другие тревожно сжимали свои посохи.

Ватнар-Сурт хмыкнул и для пробы взмахнул мечом, который разгорелся еще ярче. Вероятно, он жег Сурта даже сквозь металлическую перчатку. В зале запахло паленым мясом. Килгор почувствовал, что у него на голове зашевелились волосы. Ведь Сурт готовился нанести удар и к тому

же наверняка произносит заклинание, чтобы сразу же покончить с Килгором. Он про себя вновь и вновь произносил письмена на мече, и меч отвечал ему, вспыхивая каждый раз золотым пламенем.

И, когда Сурт нанес удар, меч пролетел в воздухе мимо головы Килгора, обдав его лицо горячим воздухом, и ударился о каменную колонну. Раздался звон, и посыпались обломки камня и льда. Килгор ахнул. Все произошло так быстро, что он не успел осознать опасности и теперь с радостью чувствовал, что еще жив. Он сказал:

— «Килдруин» не хочет убивать своего господина. В конце концов, ты убьешь сам себя.

Сурт уперся острием меча в пол и ненавидящими глазами пронизывал Килгора. Он не обращал ни малейшего внимания на дымящуюся перчатку и свою руку в ней.

Килгор опять дунул в рог, а Сурт напал на него раньше, чем юноша успел опустить рог. И снова меч просвистел рядом, несмотря на то, что Сурт крепко сжимал его обеими руками. Колдуны зашумели и начали распевать заклинания, чтобы уничтожить наглеца Килгора, однако Сурт презрительно махнул им рукой. Его лицо и руки почти светились. Он призвал на помощь все свое могущество, всю энергию, которая была в нем.

— Дуй в рог третий раз и помни — это мой последний удар!

— И он тоже будет безрезультатен, как и два предыдущих, — рявкнул Килгор, набирая воздух в легкие. И тут Сурт не выдержал, он злобно выругался и попытался ударить Килгора. Юноше не было дано возможности дунуть в рог. Он отскочил назад. Его протесты утонули в звоне меча, наносящего удары, и грохоте рушившихся стен и колонн, которые падали, когда меч попадал в них. Килгор пытался прятаться за колонны, но Сурт сносил их одним ударом. Град каменных осколков заставил колдунов прятаться и наблюдать за происходящим из безопасного места. Все зрители из зала — мелкие колдуны и тролли поспешно убегали.

Сурт схватил меч обеими руками, несмотря на невыносимый жар, исходивший от него, и рубил изо всех сил. Лезвие просвистело рядом с ухом Килгора, так близко, что юноша почувствовал его дыхание.

Это была битва между мечом и Суртом, и Сурт был близок к тому, чтобы выиграть ее. Килгор непрерывно отскакивал, уклонялся с такой ловкостью и быстротой, что удивлялся сам себе. Вероятно, ему помогал Графгрим в этом соревновании со смертью. Постепенно юноша заме-

тил, что Сурт умело маневрирует, стремясь загнать его в угол, где ему было бы просто прикончить Килгора. Килгор тревожно оглянулся, ища Графгримра, однако не увидел его. В отчаянии он пытался убежать, но Сурт каждый раз загораживал ему путь. И, наконец, Килгор почувствовал спиной каменную стену. Сурт с торжественным хохотом рванулся вперед. Меч ударился о стену, и на пригнувшегося Килгора посыпались камни. Килгор упал прямо в ноги Сурту, который как раз откинулся назад, занося меч для следующего удара, однако Килгор откатился в сторону. У него оказалось легко оцарапана рука. Сурт испустил рев ярости и разочарования: этим ударом он отсек себе левую ногу.

В наступившей мертвой тишине Сурт выронил дымящийся меч, и тот зазвенел по полу. Он медленно повернулся к Килгору и посмотрел ему в лицо со страшной ненавистью. Он хрипло произнес:

— Ты выиграл. На этот раз я убил себя, и Ватнар, наконец, умрет. Но настоящий Сурт еще жив! И он будет мстить. На этот раз я покидаю тебя. И ты будешь все время в страхе ждать моего появления, не зная, в каком обличье я нахожусь. Новый я более могущественный, чем раньше!

Он упал в лужу собственной крови. Одиннадцать колдунов собрались вокруг него, не обращая внимания на Килгора.

— Можем ли мы спасти тебя от смерти, великий Сурт? — спросил самый старый, становясь на колени возле неподвижного тела. Ответа не было. Колдун сказал остальным: — Я думаю, что Сурт не хотел больше жить в этом дряхлом теле. Он решил найти себе более сильное. Хотя Ватнар был ему хорошим слугой.

— Но зато последним,— сказал одноногий колдун.— И на этот раз Сурт слаб. Теперь ему для восстановления сил потребуется много времени в особом месте. Однако, хотя я и знаю, где, но не скажу никому.

— Даже если тебе придется умереть вместе с названием этого места? — Графгримр медленно материализовался в зале с посохом в руках.

Колдуны отпрянули, торопливо шепча защитные заклинания. Одноногий колдун хмыкнул:

— Ватнарсмаунд. Однако я не уверен, что вы убьете его.

— Килгор, возьми меч,— сказал Графгримр.— Нужно убить его, пока его могущество в упадке.

Килгор взял меч и вложил в ножны, чувствуя рукой холодную сталь.

— Я должен еще кое-что сделать.— Он поднес к губам рог.

— Нет.— Графгримр схватил его руку и показал на Сурта. Колдуны в трепете отступали назад, закрывая лица руками. Вокруг Ватнара-Сурта сгустилось ледяное облако. Килгор в страхе отступил, не отрывая глаз от кружащейся ледяной пыли, которая все сгущалась и начала постепенно принимать форму. Графгримр рывкнул на Килгора, призывая его поторопиться. Тролли и колдуны в панике бросились к дверям.

— Это бык! — прошептал Килгор. Он поднял меч, как щит, загораживаясь от жуткого создания, которое, наконец, обрело форму. Чудовище было огромно и страшно. Кровь запеклась у него на спине и боках, где была полосками содрана кожа. Черные безумные глаза уставились на Килгора. Колдуны, до этого момента как будто парализованные страхом, вдруг ожили и бросились к дверям. Бык с огромной скоростью бросился за ними, швыряя их в разные стороны. Килгор опустил меч, и страшный зверь вдруг резко остановился и повернулся к своему врагу. Он долго стоял, низко опустив голову и что-то обнюхивая на полу. Он весь излучал злобу.

Килгор и Графгримр стояли неподвижно. Страхнув со лба капли пота, Килгор прошептал:

— Что это за чудовище? Оно реально или это привидение? Можно ли убить его?

— Конечно,— пробормотал Графгримр,— но никто не знает, что сделает привидение. Я думаю, что он хочет напугать тебя и просто сбежать. Дай ему уйти, чтобы ты не смог сделать какой-нибудь глупости.

Килгор схватил рог Вультера, зная, что его звук прогонит Сурта в его новом жутком обличьи, и протрубил. Звук рога прокатился по коридорам и туннелям Гримсшлага и затих где-то вдаль на равнине. Бык опустил голову еще ниже, издал страшный рев и исчез. Однако звуки его рева еще долго прокатывались по Гримсшлагоу.

— Ты все-таки протрубил,— крикнул Графгримр.— Теперь нам надо побыстрее бежать, чтобы не погибнуть здесь.

И где-то в глубинах Гримсшлага раздался грохот. Во двор из всех выходов вылетали перепуганные тролли. Могучая крепость затряслась сверху донизу. Они слышали треск, грохот — это рушились подземные туннели Гримсшлага, навсегда заваливая многочисленные входы и выходы из него.

Асни и Скандерберг не спали всю длинную ночь. Они не говорили и не двигались до тех пор, пока не наступило

утро и варгульфы не бросились обратно в Гримсшлаг. Затем Асни поднялась и подозвала Ньяла и Скулда. Она сказала:

— Настало время расходиться. Но через три дня Гардар оживет вновь.

Скандерберг оторвался от своих мрачных дум.

— Это я виноват. Почему я не пошел с ним? Я просто боялся, вот почему. Старый трус.

— Тихо, колдун,— сказала Асни.— Харк, что это? Ты слышишь?

— Да,— сказал Скандерберг, когда чистый звук рога растаял вдали за курганами, и потом прозвучал новый сигнал, чистый и звенящий. После долгого молчания раздался третий звук, приносящий с собой волны холодного воздуха. Вскоре растаял и он. Скандерберг вскочил и взлетел на вершину кургана. Он стал всматриваться в сторону Гримсшлага, не обращая внимания ни на ветер, ни на остатки варгульфов. Он погрозил крепости кулаком и произнес ужасное заклинание, которое заставило содрогнуться Асни. Слезы застыли в бороде Скандерберга ледяными шариками.

Люди Скулда тревожно смотрели на колдуна.

— Что это? Чей это рог?

— Рог Вультера,— произнес старик.— Эльбегаст произнес пророчество на этом роге. Слушайте меня...— Но никто не слушал его. Всех охватила тревога.

— Это Килгор,— ровным бесстрастным голосом произнесла Асни.— Мы проиграли, старик. Слезай оттуда, пока варгульфы не стащили тебя.

— Пусть,— сказал Скандерберг, совершенно упав духом. Плечи его опустились, и посох выскользнул из пальцев.— Килгор, вероятно, погиб. Такой молодой, способный и многообещающий. Я сам привел его к гибели. Это последнее, что сделал Скандерберг-колдун. Я сломаю свой посох, откажусь от магии и никогда не забуду этот день печали и горя.

— Скандерберг,— начала Асни, однако тут раздался крик, вырвавшийся из сотен глоток. Они оба повернулись к Гримсшлаго, ожидая увидеть Сурга с сонмом его демонов, летящих к ним на туче ярости и желающих уничтожить все и вся.

Но они увидели сверкающую желтую лаву, которая в дыму изливалась из трещины в основании крепости. Гейзеры извергали пар и шипели, как змеи, когда огонь достигал их подземных жилищ. Земля стонала и дрожала. Короткие трески в ритме стаккато наполняли воздух гро-

— Он должен был быть великолепным, и мы хотели заняться им сразу же после завтрака, но помешал ты, когда так неожиданно появился. Кстати, о завтраке...

— Да. Я думаю, как же накормить столько людей,— сказал Килгор, нахмурившись.— Хорошо быть свободным, однако голод — плохая награда за свободу, когда близится зима. Что же можно сделать для этих людей?

— Многие из них вернутся со своими семьями в старые дома у подножия гор, вроде Ньяла и его друзей. Скулд организует охоту, а бездомным построят дома. Пока что Асни будет править из Ватнарсмаунда. Весной для нее выстроят новый Гримсшлаг. Однако есть проблема, которая заинтересует тебя,— сказал Скандерберг, вспомнив что-то.— Я чуть не забыл. Мы захватили пленников. Их немного. Я был вынужден жестоко расправиться с колдунами Сурта. Изгнание, заключение, изменение формы — так я поступил почти со всеми.

Скандерберг показал на пещеру, возле которой дежурили два охранника. Заглянув туда, Килгор увидел трех колдунов, находившихся в ужасном виде. Он едва узнал Морда, старого колдуна с деревянной ногой и колдуна в роскошной пурпурной мантии, который сейчас выглядел как замызганный бродяга. Все трое со злобой взглянули на Килгора, но ничего не сказали.

— А вот еще один, Килгор,— сказал Скандерберг, направляясь в темный угол и вытаскивая оттуда что-то маленькое и визжащее.

— О, пощадите меня, добрые сэры! Не убивайте меня, я никогда не хотел причинять зло своими невинными шутками. Я не хотел помогать Тронду и Сурту. Пожалуйста, пощадите меня! — И он расprostерся у ног Килгора.

Килгор ткнул его носком сапога.

— Встань, жалкая пародия на колдуна. Ты с самого начала пытался помешать нам. Ты — отвратительное маленькое существо, однако твой большой рог чуть не послужил причиной моей гибели в Гримсшлаг.

Барт скулил, плакал, дрожал. Одно из ушей у него было почти откушено, а плащ разорван так, что состоял из одних дыр, сшитых вместе.

— О, я не хотел этого! Позволь объяснить: эти колдуны такие...

— Я думаю, что в его рот пора вставить затычку.— Скандерберг угрожающе взмахнул рукой.— И у меня кое-что приготовлено для тебя, Барт. Я сожгу твой магический аппарат, если в твоем случае его можно так называть.

Барт начал стонать, умолять, все время глядя своими хитрыми глазками на Килгора. Он старался выглядеть таким жалким и несчастным, как только мог.

— Я прошу вашей милости, господа, я обещаю впредь вести себя хорошо.

— Доброта и милость только вредят тебе,— сказал Килгор.— Все, что ты сделал, простить нельзя.

Барт задрожал еще сильнее и молитвенно сложил ладони.

— Я уже решил исправиться и провести остаток жизни в добре. И я всегда считал, что такие благородные люди, как вы, всегда щедры и добры...

— Хватит! — рывкнул Скандерберг; схватив Барта за ворот, он пинком отправил его к остальным колдунам. Глаза старого колдуна были красны от гнева.— Теперь мое последнее слово.— Скандерберг поднял свой посох.— Я изгоняю вас навсегда из Скорпсея, и никогда ни один ваш волос не появится на этих берегах, а то я брошу вас в геенну огненную. Я приказываю вам явиться на суд Гильдии Огненных Колдунов, чтобы они решили, какой кары вы достойны за профанацию своего высокого искусства, за то, что вы отдали свое могущество ледяной магии. Пусть те обличья, которые я вам дам сейчас, существуют до тех пор, пока Гильдия не решит вашу судьбу. Прощайте! Пусть ваше путешествие будет приятным!

Пропев какое-то заклинание, он провел посохом над четырьмя колдунами, и они мгновенно исчезли в облаке оранжевого дыма. Когда дым рассеялся, на полу оказались четыре комочка, а затем Килгор понял, что это самые отвратительные крысы, каких он когда-либо видел. Три крысы сразу же бросились наутек, а четвертая с дикими криками оскалила зубы и кинулась на людей, пока Килгор не взял камень и не вынудил ее спастись бегством.

— Барт всегда стремится сказать последнее слово, даже если это грозит ему смертью,— засмеялся юноша.

Когда они вышли из пещеры наружу, на юге за рекой уже трубили трубы. Все смотрели, как через реку переправился большой отряд всадников и поскакал через равнину к кургану, на вершине которого горел траурный огонь.

— Это возвращаются Эльбегаст и альфары,— сказал Скандерберг.— Посмотри на них, Килгор. Всего несколько человек видело их, и, может быть, уже никто и никогда не увидит альфаров.

Килгор не мог произнести ни слова. Он стиснул рукоять меча, стараясь проглотить комок в горле. Он знал, что

нет больше нужды в «Килдруине», и Эльбегаст, вероятно, заберет его в горы альфаров, где он когда-то был выкован.

Когда альфары подскакали к кургану и спешили, Асни уже встала рядом с Килгором. Сам Эльбегаст в золотом шлеме и сверкающей кольчуге подошел, чтобы приветствовать их. Пожимая Килгору руку, он весело сказал:

— Значит, ты последовал совету старого свинопаса и трижды протрубил в рог. Да, ты здорово изменился со времени нашей первой встречи. У тебя взгляд орла, и, если я не ошибаюсь, ты точная копия своего предка Вультера. Он был мне хорошим другом и он бы гордился тобой, как горжусь я сейчас.

На лице Килгора появилась такая счастливая и такая широкая улыбка, что уголки губ чуть не достали его ушей.

— Шиммельпфиннинг,— сказал он,— я хотел выбросить этот рог, но ты бросил его мне обратно. И теперь...— Он вдруг замолчал, хлопая себя по поясу.— Он исчез!

— Рог? Да, он опять потерян,— сказал Эльбегаст. Лучи солнца играли его бородой.— Он потерян и расплавлен в огне Муспела вместе с Гримсшлагом, как я и хотел. Теперь, когда он собрал альфаров и послужил причиной разрушения Гримсшлага, в нем больше нет необходимости. Килгор, ты даже не представляешь, как долго ждали альфары, чтобы рог Вультера позвал их на последнюю битву с Суртом, чтобы трубил в него настоящий потомок великого героя. Он был бы чрезвычайно рад, если бы знал об этом дне. Теперь расскажи нам о своих приключениях и о борьбе с Суртом. Располагайтесь, альфары и гардарцы, послушаем всю историю с самого начала из уст самого героя, чтобы мы могли рассказать ее своим детям и внукам.

Килгор уселся на камень так, чтобы его могли видеть все. Альфары расселись справа от него, а гардарцы расположились слева, заняв весь склон кургана сверху донизу. Асни и семь ее братьев сели у ног Килгора. Альфары были одеты в роскошные одежды, а гардарцы, напротив, все были в лохмотьях.

Килгор заговорил чистым голосом, начав с Шильброда. Он рассказал о своем изумлении, когда обнаружил, что он единственный, кому суждено вытащить меч из дерева. И он снова пересек болота Харонесса, освободил с помощью меча Асни от заклятия Сурта. Гардарцы довольно улыбались и с гордостью поглядывали на свою Королеву, когда Килгор рассказывал о том, как она спасла их в Трондхейме. Громкий хохот встретил его рассказ о злоключениях с Бартом и никурами. Но многие из бывших вар-

гульфов вытирали слезы, слушая об ужасной ночи под Бе-орстадом, когда Килгор чуть не стал одним из них.

Эльбегаст и альфары обменялись саркастическими взглядами, услышав описание величественной крепости Эльдарна, куда не допускались волнения и трагедии внешнего мира.

Затем Килгор бесстрастно рассказал о предательстве Графгримра в Свартгейме, он рассказал о ночи в Ватнарсмаунде, о быке и коте. Рассказал о вхождении в Гримсшлаг, о том, как он лишился меча. Килгор не упоминал имени Графгримра, пока не закончил рассказ о последней битве с Суртом в подземелье кургана.

К этому времени все уже с нетерпением ждали, когда же он назовет имя нового героя. Килгор продолжал:

— Я не знаю, где он сейчас, однако он по праву больший герой, чем я. С самого начала он выбрал трудный путь, играя роль изменника, при этом рискуя быть обвиненным в предательстве своими ближайшими друзьями. Я не сомневаюсь, что он был абсолютно честен с самого начала, но мы слишком поспешно осудили и даже отвергли его. Если бы не он, мы бы проиграли, а я бы наверняка погиб под ударами колдунов Сурта. Мне бы хотелось, чтобы он был здесь, порадовался вместе с нами нашей победе и принял наши глубочайшие извинения за то, что мы сомневались в нем. У меня нет слов, чтобы вознести ему подобающую хвалу, я назову его имя, чтобы оно всегда стояло рядом с моим. Это имя — Графгримр! Колдун-альфар.— По толпе пробежал шепот, и вдруг Килгор воскликнул:

— Графгримр, ты здесь!

Все люди бросились вперед, а Графгримр спокойно стоял в задних рядах альфаров. Эльбегаст махнул ему рукой, и Графгримр вышел вперед, в самое море радостных улыбающихся лиц. Тысячи рук с обожанием касались его одежды, чтобы потом многие поколения говорили:

«Наш прапрапрадед касался плаща самого великого героя Скорпсея!»

Скандерберг подошел к нему и молча пожал ему руку.

Асни сказала:

— Я беру назад все свои слова и подозрения относительно тебя. Пожалуйста, прости меня, если сможешь.

— Ты прости меня за то, что я был вынужден обманывать тебя,— сказал Графгримр, сердечно пожимая руки друзьям.

Эльбегаст занял место на камне. Одна рука его опиралась на плечо Графгримра, другая — на Килгора. Когда все стихло, он сказал:

— Друзья альфары и гардарцы, немногие из вас знают, какие трудности преодолел наш друг Графгримр. Он не только успешно завершил свое важное дело, какое когда-либо видел Скорпсей, но и истратил всю жизнь, готовясь к нему. Он целые годы завосывал доверие наших врагов и обманул даже Сурта, величайшего из обманщиков. Благодаря своему искусству, он проник в холлы темных альфаров, выведал их тайны и привел их к концу. Свартгейма больше нет, благодаря Скандербергу и Графгримру. Король темных альфаров мертв, а сами они изгнаны из туннелей. Годы тщательной подготовки помогли успешно завершить операцию с волшебным мечом, правда, ценой кажущегося предательства друзей. Самое страшное заключалось в том, что его друзьям приходилось идти через темные и опасные места страны, не зная, могут ли они довериться Графгримру. И тяжесть этого легла на плечи одного его, и в любое мгновение его жизнь была в опасности, так как его могли разоблачить те темные силы, с которыми ему приходилось сотрудничать. Однако важность этой миссии не наполнила его спесью и чванством. До самого последнего удара мечом он был рядом с Килгором, делая все, чтобы помочь ему выполнить предназначенное — убить Сурта.

И теперь о том, что я хотел сказать. За исключительные отвагу и благородство, за преданность Килгору и Королеве Гардара даже перед лицом колдуна Сурта в гробнице мертвого Короля, за величайшие познания в колдовском искусстве я, Эльбегаст, Король светлых альфаров, награждаю тебя самым почетным знаком альфаров — Таранканпе!

Он держал плащ, который казался полным лунного света и радуги. Он сверкал и колыхался на ветру, как будто был нематериальным. Лучи солнца заиграли в его складках, и все люди были потрясены, их охватил священный трепет, ведь на их долю выпало увидеть такое, чего еще никогда не видел ни один смертный и вряд ли кто-нибудь еще увидит.

Графгримр встал на колени, принимая подарок, и Эльбегаст сам застегнул пряжки. Затем он занял место среди избранных альфаров, награжденных также знаком отличия.

— А теперь, дорогие друзья,— сказал Эльбегаст, обратившись к Килгору, Асни и Скандербергу,— прежде, чем я уйду, я хочу оставить вам что-нибудь на память об альфах.

Из кармана Эльбегаст достал золотое кольцо и надел на палец девушке. Кольцо подошло к ней, как будто было сделано специально.

— Это кольцо, прекрасная Королева, кольцо правды. С ним ты всегда сможешь отличить правду от лжи, друга от врага. И если ты попытаешься поступить нечестно, то оно будет резать тебе палец, чтобы напомнить об этом. Я надеюсь, что ты никогда не расстанешься с ним.

— Никогда,— с трепетом сказала Асни.— Я никогда не сниму его.

— А что касается тебя, Скандерберг, хотелось бы мне, чтобы все колдуны были такими, как ты, я предлагаю тебе стать моей правой рукой и советником по всем делам. Я хочу, чтобы твоя добрая магия служила мне.

Скандерберг сначала удивился, а потом нахмурился.

— Благодарю, однако я не могу принять предложение. Дело в том, что я должен вернуть юношу страдающему старику в Шильброде. Сердце старика полно печали и горя. После этого я начну ходить среди людей и помогать им разобраться с их неурядицами. Мне не нужно никакой награды, так как я только выполнял свой долг, но пообещай, что всегда поблизости будет находиться старый свинопас, на случай, если вновь появится кто-то вроде Сурта.

Эльбегаст поклонился колдуну.

— Мы всегда будем рядом, Скандерберг.— Затем он повернулся к Килгору, который все еще не мог справиться с комком в горле.— А ты, Килгор, что мне оставить тебе на память?

— Ничего. Этот день навсегда останется в моей памяти. Теперь, когда дело сделано и война выиграна, я возвращаю тебе этот меч и благодарю за честь, благодарю за то, что ты выбрал меня для этой миссии. «Килдруин» хорошо служил мне. Пусть он займет почетное место в твоём холле.— Он с трудом проговорил эти слова. Он держал меч, и тот блестел на солнце, как сверкающая лента. Килгор видел начертанные на нем письма, которые навсегда врезались в его сердце. И он повторил их в последний раз: — Ночь не застигнет врасплох сынов Аска и Эмблы.

Эльбегаст взял меч и любовно повертел его в руках.

— Эти руны стали уже исполнившимся пророчеством. С самого рождения человеческой расы и до самого отдаленного туманного будущего людей эти руны всегда будут правдивы. Этот меч ждал тебя сотни лет до твоего рождения, так как он был предназначен только для тебя. Возьми его и храни воткнутым в дерево на холме Брандстока. И пусть он всегда напоминает тебе о Сурте, об альфах и о старом свинопасе, который бродит по этим горам, по зеленым горам Гардара. Я не могу дать тебе ничего, что полно-

стью бы вознаградило тебя за твои деяния, но мне хочется оставить тебе молодого жеребца, Скачущего по Облакам, чтобы он быстро доставил тебя в Шильброд. Ты уже знаком с ним, это на нем ты скакал к гробнице Сурта. Он так же быстро отвезет тебя домой.

Прощай, мой мальчик. Я посету тебя в будущем, чтобы увидеть, сбылось ли мое предсказание относительно объединения Гардара и Шильброта. Прощайте, дорогие друзья!

И среди возгласов прощания и добрых пожеланий альфары сели на своих белых коней, поскакали через равнину, переправились через реку и скрылись в тумане на другой стороне. Килгор долго смотрел им вслед, держа меч так, как будто боялся, что он растает, как во сне. Он понимал, какое холодное и большое королевство Гардар, сколько трудностей стоит перед его жителями, которым предстоит восстанавливать его. Откуда-то издалека, из теплого и родного Шильброта доносился призыв, однако эта суровая страна прочно поселилась в его сердце, и он не мог оставить ее в разлуке, голоде и холоде. Он должен остаться здесь. Он повернулся к Асни.

Девушка быстро отвернулась и стала ковырять мох ножом.

— Значит, ты скоро нас тоже покинешь? Желаю тебе счастливого пути. Я надеюсь, что ты когда-нибудь посетишь нас?

Килгор покачал головой.

— Нет, я не уезжаю. Я не могу объяснить, но мне понравилась эта суровая страна, и я остаюсь.

Асни испустила радостный крик.

— Тогда скажи Скандербергу, что ты не потащишь его через Трайдент.

Они нашли Скандерберга, который тщательно готовился к обратному путешествию.

— Скандерберг, я решил не ехать назад,— объявил Килгор.

Скандерберг даже присел от неожиданности.

— О, неужели!? Ты, наверное, забыл о Вальсидуре! Ведь он старик, а ты его единственный сын. Хотя он и здоров, не может же он жить вечно. Ты должен помириться с ним. Тогда ты можешь вернуться сюда. Я думаю, что старый брюзга теперь будет гордиться тобой. Остайся с ним год, и потом я сам приду за тобой. Все будет как раньше.

— Однако, год — это слишком долго,— запротестовал Килгор.— Все может измениться. Что если с кем-нибудь из нас что-нибудь случится?

— Не боишься ли ты нескольких жалких троллей? — спросил Скандерберг.

— Конечно, нет, но...

— Он боится пропустить самое интересное,— сказала Асни.— Охоту на троллей, колдунов, войну с великанами и прочее. Килгор, я обещаю, что на твою долю мы оставим приключений. Я положу всю свою жизнь на то, чтобы в Гардаре стало так же приятно, мирно и безопасно, как в Шильброе.

— Я надеюсь,— пробормотал Килгор, однако он почувствовал себя лучше.— Я думаю, что в таком случае мне лучше пока поехать домой. Но на следующую весну я вернусь, обещаю.

— Я верю тебе,— сказала Асни, и они торжественно пожали друг другу руки.

Быстро пробежали шесть дней, и вот три друга опять стоят на вершине холма.

— Я надеюсь, что этот год пролетит так же быстро,— сказал Килгор, глотая комок в горле и пожимая руку Асни.

— Ну, смертные,— фыркнул Скандерберг, скидывая плащ и засовывая его в свою сумку.— Что такое год? Одно мгновение — и вы соединитесь навсегда. Прощание — самое ценное на земле.— Он вскочил на жеребца альфаров, а скачущий по Облакам в ожидании Килгора нетерпеливо бил копытом по земле.

— Да, самое ценное,— согласилась Асни, не одураченная насмешливым тоном Скандерберга.— Однако я все равно скажу: до свидания, доброго пути!

А затем она тихо сказала:

— А ты, Килгор, возвращайся ко мне.

Килгор вскочил на Скачущего по Облакам, и две лошади рванулись вперед, как на скачках, выбивая искры копытами из каменистой, но свободной земли Гардара.

СОДЕРЖАНИЕ

Джуанита Коулсон

ЦИТАДЕЛЬ БОГА СМЕРТИ

Фантастический роман..... 3

Элизабет Бойе

МЕЧ И СУМКА

Фантастический роман 301

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

ЦИТАДЕЛЬ БОГА СМЕРТИ

Фантастические романы

Ответственный редактор *Молокин М. А.*

Художник *Заплавный А. А.*

Технический редактор *Польщикова Л. А.*

Корректор *Романосова Т. Д.*

Сдано в набор 01.04.93. Подписано в печать 00.00.93. Формат 84×108/32. Бумага кн.-журнал. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл.-печ. л. 00, 00. Тираж 50000 экз. Заказ № 595

Фирма «Тимур», г. Новосибирск.

Набрано и отпечатано Новосибирской типографией 4 ВО «Наука», 630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1992—1993 году фирма «Тимур» в серии «Шедевры фантастики» выпустила следующие книги:

А. Нортон «Зеркало Мерлина», Г. Диксон «Дорсайская диалогия», А. Нортон «Опасные сны», Д. Уильямсон «Легион пространства», Р. Силверберг «Замок лорда Валентина».

В дальнейшем издательство книг этой серии будет продолжено. В ближайшее время выйдут следующие книги:

Р. Силверберг «Хроники Маджипура», А. Нортон «Вурлопер», Т. Брукс «Меч Шаннара», а также сборники: «Оружие Хаоса», «Галактика без человечества», «Цитадель бога смерти».

По вопросам оптовых поставок обращаться:

г. Новосибирск,

телефон (8-383-2) 40-66-38.

